

Великая Отечественная: Неизвестная война
Владимир Бешанов

ГОД

1943-

«ПЕРЕЛОМНЫЙ»

Владимир Бешанов

**ГОД
1943-
«переломный»**

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2008

Оформление художника *П. Волкова*

Бешанов В.В.

Б 57   Год 1943 — «переломный». — М.: Яуза, Эксмо, 2008. — 512 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-27993-7

Новая книга популярного историка рассказывает о коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны.

1943 год открыл для Красной Армии «эру победных салютов». Остались в прошлом панические отступления и танкобоязнь, перебой со связью и лобовые атаки без артподготовки. Не было больше абсолютного превосходства вражеской авиации и ежедневных выматывающих душу налетов пикирующих бомбардировщиков. Однако наша артиллерия по-прежнему была не столько по целям, сколько по площадям; взаимодействие между родами войск не было отработано, а людские потери оставались неоправданно высокими.

И все же стратегическая обстановка понемногу менялась в пользу Красной Армии, которая вместе с опытом обретала веру в победу. По свидетельству писателя-фронтовика Васяля Быкова: *«Война учила. Постепенно военные действия, особенно на низшем звене, стали обретать элемент разумности...»*

Давшийся большой кровью опыт позволил в 1943 году одержать победы в сражениях за Сталинград, под Ржевом и на Курской дуге. Впереди были «десять сталинских ударов», изгнание врага за пределы СССР, освобождение Европы, штурм Берлина и окончательный разгром фашизма...

ББК 63.3(0)62

Тысячи солдат шли на запад в эту холодную, страшную ночь. Но они были веселы, удивительно веселы и счастливы и громко говорили про Сталинград и про то, что они совершили там. На запад, на запад! Многим ли — невольнó спрашивал я себя — суждено увидеть конец пути? Но они знали, что направление это верное. Быть может, еще мало кто думал о Берлине, но многие, должно быть, о своем родном доме на Украине. В валенках и ватниках, в меховых шапках-ушанках, с автоматами в руках, со слезящимися глазами и инеем на губах они шли на запад. Насколько это было приятнее, чем идти на восток!

Александр Верт. Россия в войне

ПРЕДИСЛОВИЕ

На советской улице стоял январь и обещанный Вождем праздник. Под Сталинградом на глазах изумленного мира агонизировала сильнейшая из армий Вермахта; в заснеженных приволжских степях замерзало, доедая лошадиные мослы, отборное немецкое воинство.

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, осуществив классическую операцию на окружение, отбросили врага на 150—250 километров и вышли на линию Новая Калитва — Миллерово — Морозовск — Тормосин — Котельниковский. В обороне противника зияли бреши протяженностью в десятки километров. Германское командование напрягало силы, чтобы остановить продвижение русских и стабилизировать положение, но поздно, поздно: резервов под рукой не было, для замены «сгоревших» на Востоке немецких, румынских, итальянских дивизий требовалось время.

Стратегическая обстановка резко изменилась в пользу Красной Армии.

Эта армия во многом отличалась от РККА образца 1941 года. Она изменилась качественно и преобразилась внешне. Она обрела веру в победу и в свое командование. Она училась войне на войне, ценой невиданных потерь усваивая навыки ратной работы.

«Война, однако, учила, — писал Василь Быков, — не прежняя, довоенная наука, не военные академии, тем более

краткосрочные и ускоренные курсы военных училищ, но единственно личный боевой опыт, который клался в основу боевого мастерства командиров. Постепенно военные действия, особенно на низшем звене, стали обретать элемент разумности... В то время как в войсках жестоко пресекался всякий намек на какое-нибудь превосходство немецкой тактики или немецкого оружия, где-то в верхах, в Генштабе, это превосходство втихомолочку учитывалось и из него делались определенные негласные выводы».

Советские войска получили новый Боевой устав пехоты, соответствующий современным методам ведения войны. В практику внедрялись новые принципы организации и тактического применения артиллерии, бронетанковых сил и авиации.

С упразднением института военных комиссаров в Красной Армии установилось полное единоначалие, и, судя по дальнейшему ходу событий, ей это пошло на пользу.

Армия, в которой до войны культивировалась ненависть к «золотопогонникам», готовилась примерить погоны.

Бесперебойно и во все более возрастающем количестве фронт получал вооружение, боеприпасы, продовольствие, снаряжение. Вступили в строй и начали давать продукцию крупные предприятия, построенные на востоке страны. Советская система продемонстрировала высокую эффективность организации военного производства.

На торжественном заседании Московского совета И.В. Сталин отмечал: «Перед нами не стояли уже такие задачи, как эвакуация предприятий на восток и перевод промышленности на производство вооружения. Советское государство имеет теперь слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Стало быть, все усилия народа могли быть сосредоточены на увеличении производства и дальнейшем совершенствовании вооружения, особенно танков, самолетов, орудий, самоходной артиллерии. В этом мы достигли крупных успехов».

Началась, по выражению И. Эренбурга, «глубокая война», война на измор, заведомо проигрышная для Третьего рейха. Во втором полугодии 1942 года промышленность Германии произвела 4,8 тысячи минометов и 20 тысяч орудий.

СССР соответственно 107,1 и 73 тысячи. За этот же период Германия выпустила 3 тысячи танков и самоходных установок, 5,7 тысячи самолетов — свыше 8 тысяч и того и другого. Советский Союз обладал куда большими людскими резервами, которые расходовал с фантастической, поражающей противника щедростью. Учитывая возрастающий вклад в общее дело англо-американских союзников, в конечном разгроме немцев уже не могло быть сомнений.

Маршал А.М. Василевский вспоминает: «В те дни, оглядываясь на пройденные страной полтора военных года и ведя бои глубоко в пределах родной земли, мы твердо верили, что главные трудности позади. Победа в Сталинграде, ясная цель, все возрастающая мощь тыла — все это вдохновляло и звало вперед, к окончательной победе».

Пока войска Донского фронта ликвидировали окруженную группировку Паулюса, Красная Армия, перехватив инициативу, перешла в общее зимнее наступление по всей протяженности советско-германского фронта. Но основные события должны были развернуться на южном крыле.

Главное внимание Ставка Верховного Главнокомандования уделяла развитию успеха на донбасском и ростовском направлениях. Для чего:

Юго-Западному фронту предстояло выдвинуться к Северскому Донцу и нанести глубокий удар через Горловку на Мариуполь, с выходом к Азовскому морю;

Воронежскому фронту при содействии Брянского и Юго-Западного фронтов предстояло нанести поражение главным силам группы армий «Б» и освободить Харьков;

Южному фронту ставилась задача ударами на Ростов и Тихорецкую выйти в тыл окопавшейся на Кавказе немецкой группе армий «А» и перехватить наиболее вероятные пути ее отступления через Дон в Донбасс.

Одновременно предусматривались меры, чтобы не допустить отхода противника с Северного Кавказа на Таманский полуостров с последующей переправой в Крым. Этому должна была воспрепятствовать Черноморская группа войск Закавказского фронта ударом на Краснодар, Тихорецкую, на соединение с войсками Сталинградского фронта. Северная группа войск должна была связать немцев боями, не позво-

ляя им уйти из задуманного котла. Таким образом, в Москве готовили сразу два новых Сталинграда — окружение не менее 60 дивизий противника.

Германское командование, в свою очередь, стремилось решительным образом улучшить оперативно-стратегическое положение на южном крыле Восточного фронта. Решение по этому вопросу было изложено в оперативном приказе № 2 от 28 декабря 1942 года. В нем указывалось, что следует создать условия для освобождения 6-й армии и избегать «новых котлов, которые могут возникнуть вследствие отхода союзных войск, образования выступов фронта, обороняемых собственными слабыми частями, или создания противником на отдельных участках большого превосходства». Планировалось также нанести ряд ударов, чтобы «вырвать инициативу у русских на некоторых участках маневренными действиями».

Учитывая угрозу выхода советских войск в тыл группе армий «А», было принято решение последовательно отвести свои войска из юго-восточной части Северного Кавказа. Группе армий «Дон» предписывалось сдерживать наступление Красной Армии восточнее Ростова.

В том же приказе войска получили указание немедленно «подготовить крупный плацдарм у Ростова», создать новый сплошной фронт обороны по линии Новая Калитва — Армавир — Майкоп — Новороссийск с расчетом удержать Донбасс и значительную часть Северного Кавказа. После этого предполагалось объединить силы групп армий «Дон» и «А» под общим командованием фельдмаршала Манштейна.

Начинался 1943 год.

Год, который назовут переломным.

Год, открывший «эру победных салютов».

Самый кровавый год Великой Отечественной войны.

Часть 1

НАИБОЛЕЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ ЭТАП

На южном крыле советско-германского фронта разворачивалось грандиозное сражение, ставшее, по определению Манштейна, «наиболее захватывающим этапом» Второй мировой войны: «Германская армия в этой кампании не могла уже больше рассчитывать на завоевание победы. Ввиду ошибок, допущенных в проведении летне-осенней кампании 1942 года, в ней речь могла идти только о том, чтобы «справиться с поражением», как выразился однажды Шлиффен».

Как уже говорилось, общий замысел задуманной советской Ставкой операции состоял в том, чтобы согласованными ударами войск Сталинградского и Закавказского фронтов с северо-востока, юга и юго-запада окружить, расчленив и разгромить главные силы группы армий «А» генерала Эвальда фон Клейста, не допустить ее отхода с Северного Кавказа.

Сталинградский фронт под командованием генерал-полковника А.И. Еременко получил задачу нанести главный удар армиями правого крыла — 5-й ударной и 2-й гвардейской — вдоль нижнего течения Дона в общем направлении на Ростов и отрезать соединения группы армий «А» пути отхода на север. Войскам левого крыла — 51-я и 28-я армии — предстояло наступать через Сальск на Тихорецкую, навстречу войскам Закавказского фронта, чтобы совместно с ними окружить и уничтожить вражескую группировку в междуречье Кубани и Маныча. Наступление поддерживала 8-я воздушная армия генерал-майора Т.Т. Хрюкина.

Закавказский фронт под командованием генерала армии И.В. Тюленева, развернутый в 1000-километровой полосе от

Ачикулака до Новороссийска, должен был сосредоточить усилия на своем левом крыле. Ему предстояло основными силами Черноморской группы, которой командовал генерал-лейтенант И.Е. Петров, прорвать оборону противника и развивать наступление на Краснодар, Тихорецкую. Трем советским армиям (47, 56, 18-й) на этом направлении противостояли 12 дивизий, входивших в состав 17-й армии генерала Рихарда фон Руоффа, в том числе 5 румынских и одна дивизия словаков. На правом крыле фронта, в районах Моздока и Нальчика, находилась Северная группа войск под командованием генерал-полковника И.И. Масленникова (44, 58, 9, 37-я армии, 4-й, 5-й гвардейские кавалерийские корпуса). Войска этой группы получили задачу не допустить отхода противника, прижать его основные силы к Главному Кавказскому хребту и ликвидировать их. Против Северной группы действовала 1-я танковая армия генерала кавалерии фон Макензена в составе шести дивизий (3-я и 13-я танковые, 50, 111, 370-я пехотные, 2-я румынская горнострелковая) и боевой группы полковника Иоахима фон Юнгшульца. Последняя представляла собой кавалерийский полк численностью полторы тысячи человек, сформированный из немцев и кубанских казаков и обеспечивавший боевое охранение в калмыцких степях.

На перевалах в полосе более чем 400 километров 46-я армия генерал-лейтенанта К.Н. Леселидзе вела бои местного значения с тремя дивизиями 49-го горнострелкового корпуса генерала Рудольфа Конрада.

Черноморский флот, оказывая содействие группе войск Петрова, должен был частью сил развернуть активные действия на вражеских коммуникациях, а также подготовить высадку десанта в тыл противника.

Действия наземных войск Закавказского фронта обеспечивали 4-я и 5-я воздушные армии, которыми командовали генералы Н.Ф. Науменко и С.К. Горюнов. К началу наступления армии были усилены девятью авиаполками, имевшими на вооружении около 200 самолетов. Общее руководство ВВС фронта осуществлял генерал-майор К.А. Вершинин.

Таким образом, окружать, «прижимать» и ликвидировать 22 дивизии группы фон Клейста на Северном Кавказе гото-

вились 37 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 35 стрелковых и 8 танковых бригад, насчитывавших в своих рядах почти 686 тысяч бойцов и командиров, поддерживаемых 6000 орудиями и минометами, 545 танками и 600 боевыми самолетами. К последним надо добавить 289 самолетов Черноморского флота и бомбардировщики 50-й авиадивизии дальнего действия. Что касается немецкой авиации, то очерк боевого пути 5-й воздушной армии сообщает: «В середине декабря авиация противника насчитывала уже 170 самолетов, а к концу месяца — 130. Еще 100 экипажей было переброшено на Сталинградский и Донской фронты. По сравнению с ноябрем количество самолето-вылетов уменьшилось в 5 раз, а групповых бомбардировочных налетов вообще не было».

При подготовке операции большие трудности встретились в материально-техническом обеспечении войск. Базы снабжения Сталинградского фронта находились в 300—350 километрах от войск, а приблизить их было невозможно до ликвидации окруженной группировки противника под Сталинградом, являвшимся крупным узлом коммуникаций. Соединения и части испытывали острую нужду в боеприпасах и горючем.

Еще труднее приходилось Закавказскому фронту, которому предстояло произвести сложную перегруппировку войск в короткие сроки, снабдить их всем необходимым, значительно усилить Черноморскую группу танками и артиллерией. Каспийские коммуникации длительное время оставались почти единственными путями подвоза личного состава и материальных средств из восточных и центральных районов страны в Закавказье. Удлинение маршрутов и необходимость перевалки грузов с железнодорожного транспорта на водный и обратно намного увеличили время поставок. К примеру, транспорт №-83/0418 — 110 тысяч 82-мм и 120-мм мин, отправленный с Урала 1 сентября 1942 года, к месту назначения прибыл ровно через три месяца. Горная местность и слабо развитая дорожная сеть затрудняли переброску личного состава, техники, имущества непосредственно на передовую. На некоторых участках основным средством подвоза являлись вьючные роты со штатом в 100 ишаков и общей грузоподъемностью 4 тонны. Для обеспечения войск, действовавших на новороссийском и туапсинском направлениях, использовались суда Черноморского флота.

ДАЕШЬ РОСТОВ!

1 января 1943 года, сразу по завершении Котельниковского сражения, похоронившего надежды германского командования на деблокирование армии Паулюса, войска Сталинградского фронта, переименованного в Южный (20 дивизий, 4 механизированных, 1 танковый корпус, 16 отдельных стрелковых и танковых бригад), без паузы повели наступление на Ростов и Тихорецкую. А перед фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном встала задача невероятной сложности: предотвратить полный разгром всего южного крыла Восточного фронта.

При этом командующий группой армий «Дон» на 500 километров фронта на «линии огня» имел лишь 15 немецких дивизий. Состояние и качество этих соединений различались весьма. Если 6-ю дивизию генерала Рауса и 11-ю генерала Балка можно было с полным основанием считать танковыми, то 22-я дивизия «представляла собой груду развалин», и ее вскоре пришлось расформировать. От 57-го танкового корпуса генерала Кирхнера, пытавшегося в декабре прорваться к Сталинграду, почти ничего не осталось, «он буквально скоростижно скончался». Три авиаполевые дивизии Люфтваффе были еще вполне свежи и укомплектованы, но оценивались специалистами как «относительно боееспособные», что подтвердили первые же бои.

Союзные румыны буквально испарились с поля битвы: «7-я румынская пехотная дивизия самовольно отступила. Штаб 1-го румынского корпуса, которому был подчинен этот участок, в панике бежал со своего КП...

Как войска 7-го румынского корпуса, прикрывавшего восточный фланг армии со стороны Волги, так и войска 6-го румынского корпуса, задача которого состояла в прикрытии участка между 57-м танковым корпусом и Доном, утратили всякое стремление к дальнейшему проведению боевых действий. Отнюдь не последней причиной такой инертности было то, что командование этих корпусов не предпринимало должных мер к продолжению боя. Командующий 4-й румынской армией генерал-полковник Думитреску, на которого по-прежнему можно было положиться, был бессилен

один бороться с деморализацией своих войск. Не оставалось ничего другого, как снять их с фронта и отправить в тыл, на родину».

По заснеженной степи бродили тысячи потерявшихся румын, «отчаянно разыскивавших русские питательные пункты и горевших желанием, чтобы их официально причислили к военнопленным». Генерал И.М. Чистяков приводит случай, когда к командному пункту Юго-Западного фронта прибудилась рота румынских солдат, живо интересовавшихся вопросом «куда идти в плен?».

Севернее Миллерово, на левом фланге группы «Дон», где предполагалось наличие итальянской армии, зияла 100-километровая прореха, которую пытались залатать спешно созданное командованием группы «Б» соединение генерала Фреттер-Пико, состоявшее из двух дивизий — 304-й пехотной и 3-й горнострелковой. Против каждой из них действовало по армии Юго-Западного фронта — 6-я армия генерал-лейтенанта Ф.Х. Харитонов и 1-я гвардейская генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова.

В большой излучине Дона на рубеже рек Быстрая и Цимла пыталась удержать позиции общей протяженностью в 200 километров оперативная группа генерала Холлидта (6, 11, 22-я танковые, 336, 62, 294, 387, 306-я пехотные, 7-я и 8-я авиаполевые дивизии). В районе немецких авиабаз Тацинской и Морозовска свирепо огрызался ее 48-й танковый корпус под командованием генерала Отто фон Кнобельсдорфа.

С севера и востока группу «Холлидт» непрерывно атаковали войска 3-й гвардейской, 5-й танковой и 5-й ударной армий.

Южнее Дона, на рубеже реки Куберле, оборонялись остатки 4-й танковой армии Германа Гота (17, 23-я танковые, 15-я авиаполевая, 5-я моторизованная дивизия СС «Викинг»). Еще южнее, на линии реки Маныч, занимала отсеченную позицию переброшенная от Элисты 16-я мотодивизия генерал-майора Герхарда фон Шверина. Войскам Гота пришлось отбивать натиск 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий.

В семи армиях Юго-Западного и Южного фронтов, рвавшихся расчленить и уничтожить группу армий «Дон», насчитывалось 720 тысяч человек. Семнадцать танковых и механи-

зированных корпусов, сменяя друг друга, погибая и вновь восстанавливаясь, долбили трещавшую по швам немецкую оборону. Так, у генерала Еременко на 1 января имелось 700 танков (и он просил Ставку подкинуть еще штук 300—350); у генерала Гота — не более 70.

Возрождение танковых и механизированных войск в Красной Армии началось в марте 1942 года, когда приступили к формированию первых танковых корпусов. С одной стороны, решить эту задачу позволял значительный рост производства бронетанковой техники, с другой — этого требовал характер планируемых советским командованием операций, в ходе проведения которых предполагалось «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

По уточненному в июле штату в состав танкового корпуса входили три танковых и одна мотострелковая бригады, разведывательный и мотоциклетный батальоны, гвардейский минометный дивизион, насчитывавшие 7800 человек, 168 танков, 56 орудий (в том числе 12 противотанковых и 20 зенитных), 44 миномета, 8 реактивных установок, 871 автомобиль. В это же время был утвержден единый штат танковых бригад.

Механизированные корпуса, появившиеся в сентябре, должны были иметь по три механизированных и одну танковую бригады, истребительно-противотанковый и зенитно-артиллерийский полки, дивизион гвардейских минометов, броневедомственный и ремонтный батальоны, вспомогательные части — 15 018 человек, 175—224 танка (на деле организация отличалась), 108 орудий (в том числе 36 противотанковых и 36 зенитных), 148 минометов, 1693 автомашины. Почти одновременно создавались тяжелые танковые полки прорыва. Полк состоял из четырех рот, по пять танков типа КВ или «Черчилль» в каждой, и роты технического обеспечения — 214 человек и 21 боевая машина.

К 1942 году относится опыт создания первых танковых армий смешанного состава. В них, наряду с двумя танковы-

ми корпусами, включались отдельные танковые бригады, кавалерийские и стрелковые дивизии.

Штат немецкой танковой дивизии предусматривал наличие в строю 16 932 солдат и офицеров, 200 танков и самоходных установок, 222 орудия (в том числе 101 противотанковое и 63 зенитных) и 54 миномета, 2147 автомобилей. Таким образом, танковая дивизия Вермахта по боевым возможностям превосходила советский танковый корпус и примерно равнялась механизированному. В составе немецкой моторизованной дивизии, имеющей 14 000 человек, 129 орудий и 108 минометов, весной 1942 года появился танковый батальон — 60 танков.

К январю 1943 года в Красной Армии имелось 24 танковых и 8 механизированных корпусов. Из них в действующих войсках находились 19 (14 танковых и 5 механизированных), и все — на юге, в составе Юго-Западного, Южного и Донского фронтов. Согласно приказу Народного комиссара обороны № 325 от 16 октября 1942 года, их следовало применять в наступлении на направлении главного удара фронта после преодоления общевойсковыми соединениями главной оборонительной полосы в качестве эшелона развития успеха «с целью разобщения и окружения главной группировки войск противника и разгрома ее совместными действиями с авиацией и наземными войсками фронта». В обороне танковые соединения самостоятельных участков не получают, а используются для контрударов. Главная задача корпуса — не бои с танками противника, с ними должна бороться артиллерия, а уничтожение его пехоты. Попутно, в порядке ликбеза для своих генералов, Сталин разъяснял, что применять танки необходимо на танкодоступной местности, что перед их применением следует проводить тщательную разведку и не следует практиковать лобовые танковые атаки, что все рода войск должны на поле боя взаимодействовать между собой, и даже то, что грузовики являются не боевыми машинами, а транспортным средством, потому мотопехота в атаку должна идти в пешем порядке. Танковые командиры обязаны максимально использовать такие тактические приемы, как скрытность, внезапность, маневр, максимальную скорость, интенсивный огонь из всех видов оружия.

Золотые слова! Правда, трудновыполнимые в стране, приученной жить под лозунгами: «Даешь встречный план!», «Догнать и перегнать!», «Выполним и перевыполним!» или «Повторяйте смело подвиг Гастелло!» Наши начальники любили еще такую «мудрость»: «Войны без потерь не бывает».

Приказ № 325 «сыграл важную роль в развитии теории боевого применения танковых войск». Более того, до самого ее завершения он оставался единственным основополагающим документом по боевому использованию танковых оперативных соединений и объединений. Вот только в практике наших полководцев, всегда нацеленных на территориальный результат, он никакой роли не играл. Танковые корпуса почти всегда бросали на неподдавленную и неразведанную оборону, на минные поля и противотанковые орудия именно для того, чтобы, невзирая на потери, эту оборону поскорее прорвать. Маршал И.С. Конев, выражая свое несогласие со сталинским приказом, естественно, двадцать лет спустя, объяснял: «Я считал, что Ставка под давлением некоторых танковых начальников проявляла ненужные колебания, когда дело касалось ввода танковых армий в прорыв. Объяснялось это боязнью — добавлю, порой чрезмерной — подвергнуть танковые войска большим потерям в борьбе за передний край и за главную полосу обороны противника. Иметь такую технику и не использовать всю силу ее огня, маневра, а планировать прорывы так, как это делалось в Первую мировую войну, держа танки в бездействии, покуда пехота прогрызет оборону противника насквозь, — всегда мне представлялось ошибочным». В общем, по-другому, кроме как быть в избранном месте огромной плохо организованной массой, организовать прорыв не умели.

О менталитете советских генералов пишет Ф. Меллентин: «Они имели в своем распоряжении почти неисчерпаемые резервы живой силы. Русское командование может идти на большие жертвы и поэтому не останавливается ни перед чем». (В советском издании книги по поводу этой реплики возмущенная редакция сделала примечание: «Советские генералы и офицеры всегда проявляли разумную инициативу в бою и стремились добиться победы малой кровью».)

На обе ноги хромала скоропалительная подготовка ко-

мандного и личного состава, который не умел толком пользоваться связью, стрелять, ездить, наблюдать, ориентироваться и принимать оптимальные решения на поле боя. Вот немец, едва приехав из Северной Африки, посмотрел, сравнил и пришел к выводу: «У русских экипажи танков, особенно в механизированном корпусе, вряд ли вообще проходили какую-либо подготовку». Не так прямо, но об том же при разборе Козельской наступательной операции говорил командующий 3-й танковой армией генерал П.С. Рыбалко: *«Надо воспитывать экипажи в духе дерзости, решительности ходить только на высоких передачах, подготовку механиков-водителей построить сейчас таким образом, чтобы ниже 20 км/ч они не ходили. Нечего бояться перерасхода моторесурсов. Для страны и армии никакой выгоды нет, когда танк погибает на поле боя, имея 90% в запасе моторесурсов. Он и погибает потому, что механик-водитель не обучен. Лучше будет, если мы моторесурсы разделим пополам, половину моточасов оставим на повышение квалификации механика-водителя, второй половины моточасов будет достаточно, чтобы танк с честью выполнил свои задачи и остался целым бы... Танкистам привить такой закон, что танк на поле боя, если он не представляет из себя вкопанную огневую точку, стоять не имеет права и не стрелять не имеет права».*

Итоги совещания подвел начальник оперативного отдела полковник Зибертов: *«Первое. Мы, с точки зрения оперативно-тактического искусства, воевали вразрез важнейшим основам военного искусства. Так воевать можно только против слабого противника. Против такого противника, как немцы, надо воевать грамотно, искусно. Военная наука учит — лучшими формами боя являются охват, обход, окружение... Мы в своих операциях, ни в ротном, ни в бригадном, ни в корпусном масштабе не применили лучших форм боя. Мы выдавливали противника, гнали перед собою, когда имели возможность охватывать, окружать его боевые порядки. В результате мы несли большие потери, нанося слабые потери врагу. Мы боялись применить лучшие формы боя, чтобы самим не попасть в окружение...*

Второе. Мы в нашей операции не применили второго основного принципа в массовом применении танков. Удары наши бы-

ли «растопыренными пальцами»... Мы плохо изучаем местность, мы хуже врага знаем нашу родную землю...

Третьим нашим недочетом было — плохое взаимодействие танков с пехотой и наоборот, а также танков и пехоты с артиллерией. Обычно у нас не хватало для организации взаимодействия времени. Взаимодействие организовывалось поверхностно. Сигналы не соблюдались, ориентиры не использовались...

Четвертой очень важной причиной наших неудач является плохая разведка. Разведку не умеем организовывать, не умеем вести».

Обидно, что к «осмыслению» столь элементарных вещей пришли только на второй год войны, а не до ее начала. Неужели для того, чтобы оценить важность разведки и взаимодействия всех сил, надо было пятнадцать месяцев копить «боевой опыт»? Под Козельском 3-я танковая армия, получившая от тружеников тыла 510 танков, за три недели наступления потеряла 45% личного состава — почти 30 тысяч человек и больше половины боевых машин, выбросила в воздух 235 вагонов боеприпасов и сожгла 1000 тонн горючего, отвоевав у врага «известный участок нашей земли шириною 20 км, глубиною 7—8 км».

Положение менялось мучительно медленно либо не менялось совсем, а так и продолжали воевать «вразрез с принципами».

При проведении Сталинградской наступательной операции, пишет Манштейн, «советское командование действовало достаточно энергично. Для достижения своих целей оно бросало в бой части, не обращая внимания на возможные потери. Войска русских всегда храбро сражались и иногда приносили невероятные жертвы (вот уж чего никогда не найдешь в воспоминаниях советских генералов и маршалов — ни признания своих невероятных жертв, ни храбрости противника. — В.Б.)... Советское командование многому научилось с начала войны, особенно в отношении организации и использования крупных танковых соединений. Большое количество танков оно имело и в 1941 году, но тогда оно не могло использовать их самостоятельно и в то же время в

единых формированиях. Теперь же оно целесообразно организовало их в танковые корпуса и одновременно приняло немецкую тактику глубокого прорыва. Правда, за исключением ноября 1942 года, нам почти всегда удавалось разбивать или уничтожать эти танковые и механизированные соединения».

О чем это он? К примеру, о легендарном рейде танкового корпуса генерал-майора В.М. Баданова.

Еще в сентябре 1942 года, в период разработки плана по окружению группировки Паулюса, получившего кодовое наименование «Уран», была задумана операция «Сатурн» — прорыв через Каменск-Шахтинский на Ростов силами нового, специально создаваемого для этой цели фронта. Однако в декабре Ставка, встревоженная первоначальным успехом «спасательного отряда» Гота, решила свернуть «Большой Сатурн» до «Малого» и, вместо глубокого удара на юг, основные усилия направить на юго-восток, в сторону Нижнего Астахова с выходом к Тацинской и Морозовску, в тыл нацеленным на Сталинград деблокирующим группировкам Манштейна.

Операция, проводимая на Среднем Дону войсками Воронежского и Юго-Западного фронтов, началась 16 декабря 1942 года. На следующий день в полосе 1-й гвардейской армии, не дожидаясь окончательного прорыва вражеской обороны общевойсковыми соединениями, с Осетровского плацдарма были введены в дело 18, 17, 24-й и 25-й танковые корпуса — 533 танка, что позволило достигнуть желаемого результата, и 19 декабря корпуса, громя тылы и сея панику, устремились в оперативную глубину. Утром 24 декабря в лучших традициях блицкрига, преодолев за пять дней 240 километров и далеко опередив пехоту, 24-й танковый корпус прорвался к Тацинской, где находились база снабжения и крупный аэродром противника (из 148 танков в строю оставалась 91 машина). Почти параллельно, уступом влево, двигались к Морозовску 25-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса. Все три командира действовали независимо друг от друга, получая указания непосредственно из штаба фронта.

Для ликвидации возникшей угрозы Манштейн вынужден был прекратить «спасательную операцию», изъять из ар-

мии Гота полнокровную 6-ю танковую дивизию (150 танков и 40 штурмовых орудий) и направить ее форсированным маршем на левый фланг группы армий «Дон», чтобы закрыть брешь севернее Тацинской. Сюда же перебрасывались 11-я танковая дивизия и штаб 48-го танкового корпуса, который должен был объединить все немецкие части под своим командованием.

Советские танкисты в это время учинили на станции грандиозный фейерверк, разгромив эшелоны «с 50 немецкими самолетами и горючим», а на аэродроме «расстреляли и раздавили более 300 самолетов» Люфттваффе. И не сразу заметили, как сами оказались в ловушке. 6-я танковая дивизия, атаковав с севера, восстановила линию фронта по реке Быстрая, отрезав пути отхода советскому корпусу и уничтожив в станице Скосырской его ремонтную базу с неисправными танками. 11-я танковая окружила Тацинскую и 25 декабря приступила к штурму.

Генерал Баданов, зарыв танки в землю, занял круговую оборону и запросил помощи у штаба фронта (в строю осталось 58 боевых машин с половиной боекомплекта), со своей стороны Сталин потребовал выручить танкистов «во что бы то ни стало». Генерал Н.Ф. Ватутин обнадеживал первого и обещал второму, но преодолеть заслон, поставленный генералом Раусом, не смог. Для поддержания морального духа Баданову 26 января присвоили чин генерал-лейтенанта, корпус преобразовали во 2-й гвардейский, а на следующий день удостоили почетного наименования Тацинского. Танкисты героически отбивались вплоть до вечера 27 декабря.

Далее версии расходятся.

«Когда обстановка резко ухудшилась, — сообщают наши сказочники, — иссякли боеприпасы и горючее, Ставка решила выход из окружения. Решительным ударом танкисты корпуса прорвали кольцо вражеской обороны, вышли в район Ильинки, соединившись с 25-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусом (*интересно, почему не наоборот? — В.Б.*)... За десять дней боевых действий они уничтожили свыше 11 тысяч солдат и офицеров противника, 84 танка, 106 орудий, 431 самолет (!) и взяли около 4,8 тысячи пленных». У маршала Г.К. Жукова вообще сплошной хеппи-

энд: «Утром 29 декабря корпус, получив приказ Н.Ф. Ватутина, прорвал окружение и благодаря мужеству и умелому руководству боем командира корпуса В.М. Баданова в полном порядке отошел в Ильинку, а через несколько дней уже успешно атаковал Морозовск».

Генерал Баданов первым в стране был награжден орденом Суворова II степени, шутка ли, огнем и гусеницами уничтожить целый воздушный флот.

Правда, немецкий автор утверждает: «На поле было только 180 машин. Многие из них взлетели под огнем противника, несмотря на туман. И 124 благополучно прибыли на другие аэродромы». Начальник штаба 4-го воздушного флота говорит о наличии на взлетном поле 140 самолетов, из которых 72 были потеряны. В любом случае наши пропагандисты приврали, это ясно. Непонятно, почему продолжают привирать наши «историки», преподнося как заслуживающие полного доверия такие источники, как сводки политотделов и сообщения Совинформбюро. Впрочем, это не так важно. Главным результатом дерзкого рейда Баданова стало то обстоятельство, что аэродром в Тацинской больше не использовался немцами в качестве базы транспортной авиации, обеспечивавшей снабжение окруженной группировки Паулюса.

Ну, и концовка у истории несколько иная.

«Совершенно ровная, покрытая снегом степь представляла собой идеальную местность для действий танков, — вспоминает генерал Меллентин, — и две танковые дивизии отлично выполнили свою задачу. Гвардейский корпус русских, окруженный 11-й танковой дивизией, посылал отчаянные просьбы о помощи, причем большинство из них открытым текстом. Однако все было напрасно. Генерал Балк и его части неплохо потрудились, и все окруженные войска были либо уничтожены, либо захвачены в плен».

«В тяжелом бою морозной ночью советский 24-й танковый корпус был уничтожен, — пишет Пауль Карель. — Части Баданова сопротивлялись отчаянно. Многие сражались до последнего патрона. Горящие в Тацинской силосные башни и зернохранилища освещали ужасающую картину — развороченные танки, искореженные противотанковые орудия, разбитые транспортные колонны снабжения, раненые, об-

мороженные до смерти люди. К 28 декабря все было кончено. Отдельные советские части прорвались сквозь немецкое кольцо окружения в северной части городка и спаслись, переправившись через реку Быстрая. Корпус Баданова перестал существовать...

Совершенно очевидно, что образцом для советской операции послужил немецкий метод блицкрига крупными танковыми соединениями. На тот момент, однако, эта новая тактика не принесла русским успеха. Немецкие танковые командиры все еще превосходили их в мастерстве».

В общем, и немцы прихвастнули, и у нас все было не так благостно. Покидая Тацинскую, командир корпуса вынужден был бросить всех тяжелораненых и оставить триста смертников для прикрытия отхода. К утру 28 января в район Ильинки из окружения «в полном порядке» вышли 927 человек.

Кстати, почему все-таки не прорвался к Баданову 25-й корпус генерала П.П. Павлова? Оказывается, двигаясь без разведки и без оглядки, при переправе через речку Быстрая он попал в правильно организованную засаду и в ночном бою у Марьевки был разгромлен 6-й танковой дивизией Рауса. Немцы насчитали на поле боя 90 подбитых советских танков. У нас об этом не упоминается, но как-то вдруг выясняется, что «к концу наступления в 25-м танковом корпусе осталось 12 танков».

29 декабря корпуса Баданова и Павлова были переданы «в усиление» 3-й гвардейской армии. Как вспоминает командарм Д.Д. Лелюшенко, в них совокупно насчитывалось всего 50 танков, то есть недостача составила 230 боевых машин за двенадцать дней. По этому поводу генерал не смог удержаться от «некоторых соображений»:

«Практика показала, что уже в районе Тацинской 25 декабря, когда танки оторвались от пехоты более чем на 100 км, возникла крайняя необходимость объединить под общим управлением 24-й и 25-й танковый корпуса. Была попытка свести их в группу Баданова, но эта импровизация ни к чему не привела, так как у Баданова средства управления были рассчитаны лишь на свои 4 бригады и корпусные части, а отнюдь не на 2 корпуса. Не было у него и тыловых органов, подобных армейским. Управление отдельными танковыми и

механизированными корпусами издалека, из штаба фронта, не давало желаемого успеха, а в ряде случаев приводило к тому, что приказы из штаба фронта не соответствовали реальной обстановке, так как поступали с запозданием, когда обстановка уже изменялась. Танковые корпуса вынуждены были иногда действовать без должной согласованности между собой и общевойсковыми армиями, и это зачастую не давало ожидаемого эффекта...»

«1943 год, — делает вывод Меллентин, — был для русских бронетанковых войск все еще периодом учебы. Тяжелые поражения, понесенные немецкой армией на Восточном фронте, объяснялись не лучшим тактическим руководством русских, а серьезными стратегическими ошибками германского верховного командования и значительным превосходством противника в численности войск и технике».

Что касается количественного превосходства, то на 1 января 1943 года в Красной Армии имелось в наличии 20 600 танков, в том числе 9600 тяжелых и средних, в сухопутных силах Германии — 5650 танков и 2280 разнообразных штурмовых и противотанковых самоходных орудий. В январе—феврале РККА на всех фронтах каждые сутки теряла убитыми и ранеными более 21 тысячи бойцов и командиров, из них 16 тысяч — на Юге. Безвозвратные потери составляли 34%, и, по самым оптимистическим подсчетам, за одного убитого арийца приходилось платить — «мы за ценой не постоим» — четырьмя жизнями (это уже «достижение», летом 1942 года соотношение потерь было один к восьми).

Советские военачальники многое могли себе позволить, например, «расходовать» по две дивизии и по паре танковых бригад ежедневно. До конца войны в стремлении добиться прорыва обороны они нередко вводили танковые корпуса в бой преждевременно, командиры всех уровней продолжали бросать танки на укрепленные позиции и затыкать ими любые бреши в линии фронта. Главным всегда оставалось во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу.

А.И. Радзиевский, обобщая данные по 26 операциям с применением танковых армий, пришел к выводу, что «в годы войны танковые армии вводились в сражение чаще всего в первый день фронтовой операции и на глубине 3—10 км, т.е.

они совместно с общевойсковыми армиями прорывали или завершали прорыв главной (первой) полосы либо прорывали вторую полосу обороны... Во многих операциях 1943—1945 гг. общевойсковые армии ударных группировок фронтов имели свои подвижные группы в составе танковых корпусов, на которые возлагалась задача завершения прорыва тактической зоны обороны. **Танковые же армии имели другое предназначение. Они являлись мощным средством фронта для развития тактического успеха в оперативный путем нанесения сильного, стремительного танкового удара.** Ранний же ввод их в сражение приводил иногда к потере до 30—40% танков только за время тактического прорыва (*лишь бы у Конева душа не болела за бездействие такой силищи. — В.Б.*), что снижало их боевые возможности при его развитии в оперативный и выполнении своих основных задач в операции. Танковые армии, введенные в сражение для завершения прорыва, имели, как правило, и более низкие темпы последующего наступления в глубине, так как их ударные возможности значительно снижались».

В январе 1943 года Манштейн, по мнению Гитлера, обязан был продолжать мероприятия по спасению 6-й армии, одновременно прикрывать тыл группы армий «А» и защищать ее коммуникации, проходившие через Ростов.

Из подкреплений фельдмаршалу отдали только 7-ю танковую дивизию.

Фигурально выражаясь: «Mission impossible».

Но Манштейн сотворил стратегическое чудо. Тем более невероятное, что сражаться ему пришлось не только с Ватутиным и Еременко, но и с фюрером германской нации, не желавшим уступать ни пяди советской земли. Для Манштейна как полководца было понятно, что, имея перед собой многократно превосходящего противника, спасти положение можно только путем ведения хорошо скоординированных маневренных действий, не боясь ослаблять второстепенные участки фронта или даже оставлять ранее захваченные территории. Гитлер, впрочем, как и Сталин, в первую очередь думал о политических последствиях и личном престиже. Он не мог добровольно, хотя бы и на время, «отка-

заться от того, чем он однажды владел», и считал, что залог успеха заключается в упорном сопротивлении любой ценой:

«В связи со сказанным следует упомянуть о другом свойстве характера Гитлера, против которого вели безуспешную борьбу как начальник его Генерального штаба, генерал Цейтцлер, так и я в бытность мою командующим группой армий. Гитлер любил как можно дольше оттягивать всякое решение, которое ему было неприятно, но без которого он все же не мог обойтись... Начальник Генерального штаба вынужден был целыми днями вести борьбу с Гитлером, когда речь шла о том, чтобы высвободить силы с менее угрожаемых в данный момент участков фронта для тех районов, где создалась критическая обстановка. Обычно он давал слишком мало сил и слишком поздно, так что в последующем ему приходилось давать их в несколько раз больше, чем это потребовалось бы для восстановления положения в том случае, если бы он немедленно предоставил затребованное в начале количество сил. Но нужны были недели борьбы, чтобы добиться от него решения об оставлении позиции, которую практически невозможно было удержать. Видимо, Гитлер все время верил, что события будут развиваться все-таки по его желанию и что он может избежать принятия решений, которые были неприятны ему, ибо означали признание того факта, что ему пришлось считаться с волей противника...

Упорная оборона каждой пяди земли постепенно стала единственным принципом его руководства. Понятию военного искусства он противопоставил в конце концов понятие грубой власти, власти, наибольшая сила воздействия которой гарантируется, по мысли Гитлера, силой воли, на которую опирается эта власть».

Справедливости ради надо сказать, что Манштейн в своем сочинении часто рассуждает именно как «человек искусства», рассматривающий любую территорию исключительно как своеобразный полигон для проведения военных игр без учета политических, экономических и человеческого факторов. Ни один политический руководитель не согласится без сопротивления оставить неприятелю целые районы страны, тем более экономически развитые и густонаселенные, на основании оперативных изысканий пусть даже са-

мых талантливых генералов, логично рассуждающих о тонкостях военного искусства, но не несущих перед нацией бремени ответственности за принятые решения.

Недаром Жорж Клемансо считал, что «война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным».

Оставление территорий врагу вносит в умы «электората» смятение и сомнения в дееспособности политического лидера.

Такую стратегию — оставлять территории, отравлять колодцы, беспрерывно изнурять противника внезапными налетами — безболезненно могли себе позволить степные кочевники вроде массагетов, скифов или половцев.

Такую стратегию, владея бескрайними по масштабам начала XIX века пространствами, смог принять российский император Александр I в 1812 году. Тем не менее, несмотря на то что военный министр Барклай де Толли еще до начала войны советовал, отказавшись от генеральной битвы на границе, оставить западные провинции и даже «завлечь неприятеля в недра отечества нашего», отступление русских войск было мерой вынужденной, продиктованной трехкратным численным превосходством «Великой армии» Наполеона, а до того русские генералы собирались действовать сугубо наступательно. Решение «вести войну оборонительную» было единственно верным, но оно потрясло русское общество, внесло раскол в генералитет, породило недовольство в армии и всеобщую неприязнь к полководцу, претворявшему эту стратегию в жизнь.

«Стыдно носить мундир, ей-богу... Что за дурак... Министр Барклай бежит, а мне приказывает всю Россию защищать. Пригнали нас на границу, растыкали, как шашки, стояли, рот разинув, загадили всю границу и побежали», — возмущался командующий 2-й Западной армией князь Багратион.

«Как? В пять дней от начала войны потерять Вильно, предаться бегству, оставить столько городов и земель в добычу неприятелю и при всем том хвастать началом кампании! Да чего же недостает еще неприятелю? Разве только того, чтобы без всякой препоны приблизиться к обеим столицам нашим? Боже милостивый! Горючие слезы смывают слова мои!» — писал государственный секретарь Шишков.

Владимира Богдановича с поста главнокомандующего сняли, но и М.И. Кутузов, на словах декларируя приверженность самым решительным действиям, на деле продолжал придерживаться барклаевской стратегии: избегать генеральных сражений, сохранять армию, выигрывать время, заставить противника «ценой крови приобретать каждый шаг, каждое средство к подкреплению и даже к существованию своему и, наконец, истощив его силы, с меньшим, сколько можно, пролитием крови, нанести ему удар решительный». Будь его воля, фельдмаршал и заведомо проигрышный Бородинский бой, в котором сбрела половина русской армии, не стал бы давать. Но у ворот древней столицы Бородина было не избежать из соображений морально-политических (так же как подвиг и гибель трехсот спартанцев были в первую очередь пропагандистской, а не военной акцией). А уж отдать приказ на оставление Москвы, вопреки мнению всего своего штаба, мог только М.И. Кутузов — обладавший прочным авторитетом, пользующийся всеобщим признанием, имевший огромные полномочия и хитроумный, как египетская лягушка (смог бы, пожалуй, и Барклай, но, вероятнее всего, его бы устранили от командования). Даже самодержец российский, всерьез опасавшийся, что его вот-вот придушат шарфиком, как папу, не санкционировал бы такое решение, если бы присутствовал на историческом совещании в Филях.

Человеческий фактор стал причиной провала осенью 1914 года математически выверенного плана молниеносного разгрома Франции, составленного начальником германского Генерального штаба Альфредом фон Шлиффеном. Идея состояла в том, чтобы, сосредоточив максимум сил на севере, нанести удар через территорию нейтральных Бельгии и Люксембурга и в ходе глубокого стратегического охвата вторгнуться в самое сердце Франции. При этом в центре фронта надлежало держать прочную оборону, а на юге, где легко прогнозировалось наступление противника в Эльзасе и Лотарингии, — иметь минимум войск и с боями отступать, заманивая французов к Рейну. Все было продумано, взвешено и исчислено: через шесть недель правофланговые германские армии, не имея перед собой никаких оборонительных линий, неудержимым «паровым катком», независимо от запаздывающих

маневров противника, выкатывались к портам Ла-Манша и обходили беззащитный Париж с запада, в то время как правое крыло французов — две армии из пяти увлекались на восток и уже не успевали вернуться. Затем следовал разгром юго-восточнее столицы, и война на Западе заканчивалась еще до того, как союзник Франции, Россия, успевал завершить стратегическое развертывание. Впрочем, при неблагоприятном стечении обстоятельств ради главного выигрыша Шлиффен был готов пожертвовать и Восточной Пруссией. А вот его преемник Гельмут Мольтке-младший и другие высокопоставленные исполнители, не вникшие в суть гениального замысла, — нет.

Для начала осторожный Мольтке усилил свой левый фланг в Лотарингии, естественно, за счет ослабления ударного правого. Теперь на главном направлении у немцев имелось не семикратное, а всего лишь трехкратное превосходство. Затем в ходе Приграничного сражения высокородные командармы, плевать хотевшие на сухие стратегические выкладки, бросились за военной славой и одержали ряд тактических побед, блестящих и никому, кроме их самих, не нужных. В Лотарингии принц Руперт Баварский отступить не захотел, натурально разбил врага и двинулся вслед за ним штурмовать французские укрепленные линии. В центре кронпринц Вильгельм и герцог Альберт Вюртембергский блестяще отбили атаку противника в Арденнах и, словно медведь на рожон, поперли на запад, к фортам Вердена и реке Маас. На севере, увлекшись преследованием, немецкие генералы постепенно изменили общее направление движения главных сил и вместо обхода Парижа вышли к нему с востока. Наконец, под впечатлением «досрочного» и успешно начавшегося русского наступления была предпринята бессмысленная переброска двух корпусов и одной кавалерийской дивизии в Восточную Пруссию. Корпусов, снова изъятых из состава правифланговых армий.

Всё.

Германия везде удержала собственные территории и проиграла Первую мировую войну.

Ослабленной ударной группировке обойти Париж не удалось, французы успели перебросить войска с юга на север,

«блицкриг» закончился битвой на Марне, а Германская империя ввязалась в четырехлетнюю бойню на два фронта без шансов на победу.

Или можно вспомнить, как взбеленился товарищ Сталин, когда ему предложили сдать Киев. Потом уже Жилин и Самсонов, корифеи советской военно-исторической науки, докажут, что Иосиф Виссарионович, в соответствии с собственным «сталинским учением о контрнаступлении», специально заманил гитлеровцев к Москве и Сталинграду. А тогда нежелание поступиться территорией и промедление с принятием решения обернулось катастрофой.

Теперь самому Гитлеру предлагалось оставлять территории. Правда, чужие, но он-то уже считал их своими — воплотившейся мечтой о «жизненном пространстве» для арийской расы. Фюрер прикипел душой к угольным шахтам Донбасса, нефтяным вышкам Майкопа, к никопольским никелевым разработкам, к нивам Кубани и украинскому чернозему.

В общем, господин фельдмаршал фон Манштейн получил приказ: «Стоять насмерть!» В частности, до последнего солдата удерживать базовые аэродромы Морозовск и Тагинская, через которые пролегал воздушный мост в Сталинград.

Однако, поскольку на все просьбы штаба группы армий «Дон» передать из группы Клейста хотя бы три дивизии для усиления Гота из ставки следовал неизменный отказ, на армии Паулюса Манштейн безоговорочно поставил крест. Теперь он надеялся только на то, чтобы «Сталинградская крепость» устояла сколь можно дольше, сковывая как можно большие силы русских. Дальнейший план зимней кампании виделся следующим образом: во-первых, используя немецкое преимущество в умении маневрировать и управлять войсками, создавая ударные группы и нанося контрудары, если надо, сдавая менее важные позиции, любыми средствами удержать Ростов и обеспечить отход 1-й танковой армии; во-вторых, произвести рокировку сил со своего правого фланга на левый; в-третьих, организовать мощный контрудар, который позволит вернуть все утраченные территории до наступ-

ления весенней распутицы. И самое главное, «бороться за необходимые решения», доказывая Гитлеру, что альтернативы этому плану нет.

А пока следовало держаться. На эвакуацию 1-й танковой армии с Северного Кавказа — вывоз запасов имущества, тяжелой техники, госпиталей — группе армий «А», согласно докладу Клейста, требовалось 155 железнодорожных эшелонов и 25 дней. Но: «Если Гитлер думал, что при данном соотношении сил и большой ширине обороняемой полосы он может приказывать армии удерживать какие-то рубежи и запрещать отходить без его согласия, то он глубоко ошибался. Попытка в данной обстановке заставить армию решать свою задачу, привязав ее к определенному рубежу, была бы равноценна задержке противника препятствием из паутины».

Уже 5 января Манштейн сдал Морозовск, а штаб ОКВ поставил перед выбором: либо я на месте принимаю решения, соответствующие обстановке, либо «я не вижу никакого смысла в моем дальнейшем использовании в качестве командующего».

Манштейн просто не имел физической возможности одновременно спасать Паулюса, «прикрывать спину» Клейсту и удерживать все пункты фронта, уж тем более — «остановить атаки противника и вернуть ранее занятые нами позиции». Резервы отсутствовали. На передовую были брошены зенитные части, боевые группы, собранные из тыловиков, отпускников и команд выздоравливающих.

Поэтому группа «Холлидт» медленно пятилась к Северскому Донцу, имея задачу максимально замедлить продвижение противника, не дать ему прорваться к переправам у Белой Калитвы, Каменска-Шахтинского и Ворошиловграда, запирая, таким образом, подступы к Ростову с севера.

На этом направлении, стремясь отрезать немцев от переправ, рвалась к Северскому Донцу «суперударная» 3-я гвардейская армия ЮЗФ под командованием генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко (14, 61, 50-я гвардейские, 266, 278, 203, 197-я стрелковые, 7-я артиллерийская дивизии, 22-я мотострелковая, 90-я и 94-я стрелковые бригады, три отдельных танковых полка, 1-й гвардейский механизированный, 2-й гвардейский и 25-й танковые корпуса). Параллельно ей про-

двигалась 5-я танковая армия генерал-лейтенанта М.М. Попова (1-й и 22-й танковые корпуса, 40-я гвардейская, 346, 119-я стрелковые дивизии). Причем в освобождении Морозовска участвовали соединения обеих армий. В первой декаде января генерал Лелюшенко получил два свежих танковых корпуса — 2-й генерал-майора А.Ф. Попова и 23-й генерал-майора Е.Г. Пушкина — и бросил их в атаку на Каменск. Танковая армия Попова развивала наступление на Тацинскую. И хотя расстояние не превышало 45 километров, путь к ней занял десять суток. Что касается Каменска, который обороняла группа Фреттер-Пико, переданная в состав группы армий «Дон», то и через месяц город оставался в руках противника. Немецкая пехота держалась стойко, а генерал Холлидт гибко маневрировал тремя своими танковыми дивизиями, своевременно перебрасывая их в кризисные точки и нанося короткие, но чувствительные контрудары, — уже к концу января, сообщает генерал Г.И. Хетагуров, в четырех танковых корпусах, действовавших в составе 3-й гвардейской армии, в строю «осталось по десятку танков».

Вдоль северного берега Дона, на стыке двух немецких армейских группировок, продвигалась нацеленная на Шахты 5-я ударная армия генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева (300, 87, 315-я стрелковые дивизии).

В треугольнике рек Дон, Куберле, Маныч четыремя дивизиями отбивала советские атаки изрядно потрепанная и ослабленная 4-я танковая армия. Даже командовавший Южным фронтом генерал Еременко подтверждает, что «57-й танковый корпус понес большие потери, особенно пострадали 23-я и 17-я танковые дивизии; 16-я моторизованная дивизия также была сильно потрепана», а существовавшие скорее на бумаге, чем на деле румынские части «были настолько подавлены и физически и морально, что не могли оказать сколько-нибудь серьезного противодействия советским войскам». Полностью сохранила свои силы лишь переброшенная с Кавказа дивизия СС «Викинг».

Генералу Готу предстояло решить двоякую задачу: не допустить прорыва советских войск к Ростову вдоль нижнего течения Дона на своем левом фланге, на правом — обеспечить коммуникации 1-й танковой армии. Генерал Еременко,

имея южнее Дона 15 дивизий, 10 бригад и десятикратное превосходство в танках, был полон оптимизма и намеревался в кратчайшие сроки «подлеца Гота» окружить и изничтожить.

На первом этапе операции 2-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского (1-й и 13-й гвардейские стрелковые корпуса, 387, 88, 98-я стрелковые дивизии), развивавшая наступление с востока на запад, была нацелена на захват станиц Цимлянская и Константиновская, с последующим поворотом на юг. На остриях двух ударных группировок армии находились 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К.В. Свиридова и 3-й гвардейский танковый корпус генерала П.А. Ротмистрова.

Будущий главный маршал бронетанковых войск Ротмистров П.А. (1901—1982) до революции успел закончить начальную школу села Скворцово, или, как изящно выразились авторы официальной биографии, — «высшее начальное (?) училище в своем селе (??)». В апреле 1919 года добровольцем вступил в Красную Армию, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать», впрочем, на фронтах Гражданской войны Паша провоевал дней двадцать — однажды участвовал в ликвидации «кулацкого восстания» в Поволжье (но, видимо, сумел отличиться и восемнадцати лет был принят в партию большевиков), а в марте 1921 года давил Кронштадтский мятеж (снова проявил героизм и был награжден орденом Боевого Красного Знамени, который называл самой дорогой своей наградой). Военное образование получал на курсах красных командиров, в Объединенной школе имени ВЦИК и Академии имени М.В. Фрунзе. К 1937 году, пройдя все положенные ступени службы, Павел Алексеевич дослужился до командира стрелкового полка, вполне был доволен жизнью и перспективами роста. Однако внезапно его вызвали с Дальнего Востока в Москву и назначили на должность преподавателя тактики в Военной академии механизации и моторизации РККА, хоть он и не знал тогда, как устроен танк, но на маневрах все-таки их видел. За три последующих года полковник Ротмистров стал большим тан-

ковым теоретиком, защитил кандидатскую диссертацию, а для получения практического опыта съездил в командировку на войну с «белофиннами».

22 июня 1941 года он встретил в Литве на должности начальника штаба 3-го механизированного корпуса, который, имея на вооружении 672 танка, в три дня был полностью разгромлен 4-й танковой группой генерала Хепнера. Выбравшись из окружения, Ротмистров в сентябре получил под свое начало 8-ю танковую бригаду. За мужество и стойкость, проявленные в битве за Москву, бригада была преобразована в 3-ю гвардейскую. В апреле 1942 года Павел Алексеевич был назначен командиром 7-го танкового корпуса и вскоре получил первые генеральские звездочки, попав в обойму «мастеров вождения танковых войск». С июля его корпус участвовал в Воронежско-Ворошиловградской и Сталинградской оборонительных операциях, за два месяца боев потерял два комплекта боевых машин и, не достигнув особых боевых успехов, был выведен в тыл. Это был как раз тот период, о котором немецкий генерал писал: «Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовались неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, наталкивались на наши противотанковые орудия, а в случае прорыва наших позиций прекращали движение и останавливались, вместо того чтобы развить успех... Нам казалось, что русские создали инструмент, которым никогда не научатся владеть».

Тогда многие военачальники выпали из «обоймы», потеряв высокие должности, а главное, сталинское доверие, но Ротмистрову, успевшему приобрести покровителей в лице А.М. Василевского и Я.Н. Федоренко, дали еще один шанс, и он его не упустил. С 24 по 30 декабря 1942 года войсками Сталинградского фронта проводилась наступательная операция по ликвидации группировки Гота, уже наблюдавшей перед собой «зарез над Сталинградом». Против 57-го германского танкового корпуса, наряду со стрелковыми и кавалерийскими соединениями трех советских армий, были брошены два танковых и три механизированных корпуса. Главный удар наносился по поселку Котельниково, в освобождении которого основную роль сыграли 7-й танковый и 6-й механизированный корпуса.

29 декабря 7-й танковый корпус был удостоен гвардейского звания и стал именоваться 3-м гвардейским; ему также присвоили почетное наименование Котельниковский. Ротмистров стал генерал-лейтенантом и кавалером ордена Суворова II степени за № 2. (По советским меркам, Павел Алексеевич был грамотным, уже достаточно опытным военачальником, но, как и большинство советских генералов, весьма равнодушным к женщинам и выпивке, склонным к очковтирательству, дутой «отчетности» и саморекламе. Вот как оценивал он пройденный путь в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову: «Итак, прокомандовав бригадой несколько месяцев, мне удалось выиграть у немцев несколько хороших боев, за что бригада была переименована в гвардейскую бригаду. Затем, развернув бригаду, командуя корпусом, я опять достиг значительных успехов и, во всяком случае, ни разу не был разбит немцами, наоборот, на Брянском фронте основательно растрепал их 9-ю и 11-ю танковые дивизии. Единственно, где я имел неудачи, это на Сталинградском фронте в сентябре месяце. В последующем на том же Сталинградском фронте в декабре месяце я как командир корпуса получил полное удовлетворение всех своих желаний в смысле смелого применения танковых войск и их результатов». Или строчка из другого его сочинения: «Мои прославленные части»; уместно выглядело бы, если бы обращался к своим войскам, но это он Сталину жалобу пишет.)

После трехдневного отдыха, ремонта поврежденных боевых машин и праздничной встречи Нового 1943 года соединения корпуса — 3-я гвардейская тяжелая, 18-я, 19-я гвардейские танковые и 2-я гвардейская мотострелковая бригады — в «приподнятом настроении» выступили из Котельниково и, не встречая сопротивления, на предельной скорости двинулись к Дону.

На левом крыле Южного фронта войска 51-й армии генерал-майора Н.И. Труфанова (302, 87, 126, 91-я стрелковые дивизии, 36-я танковая бригада) во взаимодействии с 28-й армией генерал-лейтенанта Г.Ф. Герасименко (34-я гвардейская, 248-я стрелковая дивизии, 152, 98, 99, 79, 52,

156-я стрелковые, 6-я гвардейская танковая, 152-я механизированная бригады), продвигаясь по обоим берегам Маныча, должны были захлопнуть ловушку. Но довольно скоро генерал Еременко убедился, что «здесь ему не румыны», что «против такого противника, как немцы, надо воевать грамотно».

Хотя начало обнадеживало.

3 января бригады 2-го гвардейского механизированного корпуса овладели Цимлянкой, угрожая тылам группы «Холлидт». Ее командующий вынужден был начать отвод своего правого фланга к реке Кагальник. К 6 января танковый корпус Ротмистрова передовым отрядом ворвался в станицу Семикаракорскую, захватил плацдарм на северном берегу Дона, а главными силами завязал бой за станицу Константиновскую. Еще через сутки, после пятидневного кровопролитного сражения, войска 51-й армии заняли опорный пункт и железнодорожную станцию Зимовники. Выбивший «викингов» 6-й механизированный корпус генерал-майора С.И. Богданова стал именоваться 5-м гвардейским Зимовниковским. Правда, и сам корпус был выбит почти целиком. Не беда, во втором эшелоне находились 4-й и 3-й гвардейские мехкорпуса. 28-я армия подвижными соединениями вышла к Степному. Отдельные советские отряды появились в 20 километрах от Новочеркасска, где размещался штаб группы армий «Дон». Манштейну со всей канцелярией пришлось перебраться в Таганрог.

5 января войска Южного фронта получили уточненные задачи. 5-я ударная армия и группа генерала Крейзера из состава 2-й гвардейской к исходу 7 января должны были выйти на Северский Донец и приступить к его форсированию, 3-й гвардейский танковый корпус с двумя стрелковыми дивизиями — овладеть переправами у Багаевской на Дону и у хутора Веселый на Маныче. К этому же сроку 51-я армия и 3-й гвардейский механизированный корпус ударом с запада должны были овладеть Пролетарской и Буденновской.

Однако противник сопротивлялся яростно, умело и никак не желал окружиться. 9 января генерал Холлидт, перебросив на свой правый фланг «пожарную» 11-ю танковую дивизию, нанес контрудар по армии генерала Цветаева и

группе Крейзера, потеснив ее и заставив перейти к обороне. Для отражения этой атаки генералу Еременко пришлось даже просить помощи у соседей — 5-й танковой армии. Последующие пять дней правое крыло Южного фронта «вело бои на прежних рубежах». Центр и левое крыло, продвигаясь с боями по 2—3 километра в сутки, 14—15 января освободили станицы Батлаевская, Атамановская, Орловская. Наконец, к 17 января войска фронта вышли на восточный берег реки Северский Донец и северный берег реки и канала Маныч, где снова «встретили организованное сопротивление противника». 57-й танковый корпус Кирхнера продолжал удерживать плацдарм восточнее Пролетарской. Здесь принял свой первый бой 503-й тяжелый танковый батальон, имевший в своем составе 22 «тигра» и 23 танка Pz. III.

Советское наступление окончательно застопорилось. В войсках, удалившихся от своих баз, наступил острый кризис в снабжении боеприпасами и горючим.

«Начальник штаба корпуса полковник В.Н. Баскаков по моему указанию то и дело докладывал штабу 2-й гвардейской армии о нашем бедственном положении со снабжением. Но толку от этого не было, — вспоминает П.А. Ротмистров. — Наконец на мой КП приехали командующий фронтом генерал-полковник А.И. Еременко, член Военного совета фронта Н.С. Хрущев и командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский.

Я доложил им, что сопротивление противника возрастает, а корпус находится на голодном пайке по всем видам снабжения.

А.И. Еременко, крайне расстроенный, опираясь на трость (у него разболелись старые раны), взволнованно ходил по комнате и раздраженно говорил:

— У меня ничего нет, а задачу следует выполнять! Надо взять Ростов — там у немцев всего полно.

— Ну и как же мы будем...

— Слушай, — перебил меня А.И. Еременко. — Ты возглавишь механизированную группу. Я передаю в твое подчинение второй и пятый гвардейские механизированные корпуса. Объединяйте свои танки, сливайте горючее из подбитых и вышедших из строя машин. Делайте все, что хотите, но

овладейте Батайском и Ростовом. Больше того, я подброшу тебе аэросанные батальоны. Они нагонят немцам страху...

Я впервые услышал об аэросанных батальонах и в недоумении спросил:

— А что это такое?

— Фанерные ящики с пропеллером на лыжах, — иронически усмехнулся Р.Я. Малиновский.

Потом, когда мне довелось увидеть эту диковинку, я не мог не поразиться нелепости затеи ее создателей. В аэросанях был установлен пулемет и сидело несколько автоматчиков».

Итак, для решительного броска к Ростову командование Южного фронта решило сформировать две механизированные группы.

Первая — в полосе 2-й гвардейской армии — состояла из 3-го гвардейского танкового корпуса генерала Ротмистрова, 2-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов и 88-й стрелковой дивизии. 51-й армии Труфанова придавались 3-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса, нацеленные на Азов.

19 января механизированная группа Ротмистрова перешла в наступление, которое поначалу развивалось успешно. Бригады гвардейского танкового корпуса переправились через реку Маныч в районе впадения ее в Дон, освободили станцию Манычская, захватили важный плацдарм, а передовой отряд под командованием полковника А.В. Егорова в составе восьми танков Т-34, трех танков Т-70, пяти бронемашин, девяти бронетранспортеров и 200 автоматчиков к рассвету 20 января прорвался на подступы к Батайску, перерезав железную дорогу южнее города. За Егоровым должны были последовать главные силы механизированной группы. Однако закрепить успех передового отряда не удалось.

Батайск «оказался сильно укрепленным» в противотанковом и прочих отношениях, немцы, контратаковав «крупными силами», вынудили отряд Егорова, потерявший семь танков, занять круговую оборону в районе совхоза имени Ленина и поселка имени ОГПУ. Главные силы группы Ротмистрова были внезапно атакованы в левый фланг подоспевшим с юга батальоном 16-й мотодивизии и связаны боем на

рубеже Маньчская — Самодуровка. При этом немцы захватили штаб 2-й мотострелковой бригады и взяли в плен его начальника. За этот бой, давший Манштейну сутки на переброску дополнительных сил в район кризиса, командир батальона лейтенант Клапих был награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

На левом фланге войска 51-й армии штурмом взяли Пролетарскую и форсировали Маныч, а передовые части 28-й армии соединились с 30-й дивизией 5-го кавалерийского корпуса Закавказского фронта. К 22 января войсками Южного фронта был освобожден Сальск. В этот же день 11-я танковая дивизия Балка переправилась через Дон у Ростова. Вдоль южного берега Маныча поднялись к устью части 16-й мотодивизии графа Шверина со 116-м танковым батальоном и ротой «тигров».

Генерал Ротмистров, опасаясь полного уничтожения своего авангарда, приказал Егорову прорываться обратно, доложив наверх, что танкисты ввиду больших потерь не могут вести активные боевые действия в одиночку. Командующий фронтом не согласился с таким решением и велел снова занять оставленные позиции.

Да и как бы Еременко согласился, если директива Ставки именно на него возлагала особую ответственность за окружение противника на Северном Кавказе.

«Захват Батайска нашими войсками, — говорилось в директиве, — имеет большое историческое значение. С взятием Батайска мы закупорим армии противника на Северном Кавказе, не дадим выхода в район Ростова, Таганрога, Донбасса 24 немецким и румынским дивизиям.

Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожается под Сталинградом.

Войскам Южного фронта необходимо отрезать 24 дивизии противника на Северном Кавказе от Ростова, а войска Черноморской группы Закавказского фронта в свою очередь закроют выходы этим дивизиям противника на Таманский полуостров.

Главная роль принадлежит здесь Южному фронту, который должен совместно с Северной группой Закавказского фрон-

та окружить и пленить или истребить войска противника на Северном Кавказе».

В 6 утра 23 января генерал А.И. Еременко отдал приказ 2-й гвардейской армии «срочно занять группой Ротмистрова оставленные ею накануне населенные пункты имени Ленина и имени ОГПУ, перерезать южнее Батайска железную дорогу и подготовиться для занятия Батайска». В наступлении должен был принять участие 13-й гвардейский стрелковый, 55-й танковый полк и аэросанные батальоны.

23 января 11-я танковая дивизия во взаимодействии с 16-й моторизованной нанесла удар по готовившимся к наступлению советским частям и отбросила их назад на плацдарм у Маньчской. К великому разочарованию Еременко, аэросани никакого впечатления на немцев не произвели, что любому здравомыслящему человеку, тому же Малиновскому, было ясно заранее. Это экзотическое транспортное средство изначально предназначалось для несения дозорной, разведывательной, связной службы, но никак не для того, чтобы ходить в атаки. Военная энциклопедия еще в 1933 году сообщала: «К отрицательным качествам аэросаней относятся большой расход горючего, малая грузоподъемность, ограниченная проходимость и сильный шум мотора. В силу этих качеств рассчитывать на широкое применение их в военном деле не приходится».

Однако в СССР любую теорию всегда проверяли на практике, потому с началом войны построили сотни транспортно-десантных (НКЛ-16) и боевых аэросаней, вооруженных одним танковым пулеметом ДТ на турели (НКЛ-26 и РФ-8), и свели их в отдельные батальоны по 30 машин. Транспортно-десантные аэросанные батальоны привлекали для перевозки лыжно-десантных частей, для подвоза действующим войскам боеприпасов, продовольствия, горюче-смазочных материалов, а также для эвакуации раненых с поля боя, для патрульной службы и службы связи в тылу своих войск. Кроме того, они могли буксировать и перевозить на огневые позиции пулеметы, минометы и 45-мм противотанковые орудия. Боевые батальоны действовали совместно с общевойсковыми частями, главным образом с лыжниками. В круг их задач входила разведка местности и противника,

боевое охранение открытых флангов, патрульная служба по охране побережья озер и участков, не занятых советскими войсками, охрана командных пунктов и обеспечение связи. Во взаимодействии с лыжниками аэросанные отряды привлекались для преследования отступающего противника.

Естественно, использовать «снежные тачанки» можно было только зимой, на открытой малопересеченной местности, при достаточно глубоком снежном покрове, или на льду озер и рек. Летом они превращались в обузу для технических служб фронта, создавая проблемы с их хранением и транспортировкой.

«Идея создания этих батальонов, — сообщает Еременко, — была связана с представлением о большой подвижности и маневренности этих саней при наличии легкого вооружения (пулемет и автоматы). Предполагалось, что применение аэросаней для боевых действий в зимних условиях даст большой эффект, особенно в моральном отношении».

На самом деле оказалось, что «ящики с пропеллером» являются легкой добычей для вражеской авиации, чрезвычайно уязвимы для любого вида огня, постоянно ломаются, их проходимость совершенно недостаточна даже в зимних условиях, а также подтвердилось, что сильным шумом мотора «нагнать страху» можно только на самого Еременко, а на немцев — нереально. Чудо-оружие не сработало: «На поверку оказалось, что аэросани не могли удовлетворить требованиям, предъявляемым к боевым машинам. Они были уязвимы для вражеского огня и ненадежны даже как средство передвижения, так как были весьма капризными и чувствительными к переменам погоды. Аэросанные батальоны, будучи плохо управляемыми подразделениями, не имели ни надежной подвижности, ни маневренности, а значит, и боеспособности. Таким образом, создание аэросанных батальонов, к сожалению, оказалось пустой затеей, вызвавшей лишнюю затрату средств».

Отметим, что аэросани все-таки иногда себя оправдывали, будучи применены в должном месте должным образом, например, их использовали на Ладожском озере для транспортировки грузов по Дороге жизни и охраны ледовой трассы, внезапных рейдов в тыл противника. Но зачем же микроскопом гвозди забивать?

24 января немцы атаковали станицу Манычскую, но неудачно. На следующий день генерал Балк, введя советское командование в заблуждение имитацией ложной атаки, выбил русские бригады с плацдарма и отбросил их за Маныч. 26 января Ротмистров в боевом донесении на имя командующего 2-й гвардейской армией сообщил, что в 5-м гвардейском механизированном корпусе осталось 7 танков и 7 противотанковых орудий, погибли либо получили ранения все командиры бригад, число «активных штыков» сократилось до 2200 человек. 2-й гвардейский мехкорпус имел на ходу 8 танков, 3-й танковый — 14 танков. Вывод: части механизированной группы, столкнувшиеся с превосходящими силами противника и понесшие большие потери, к активным боевым действиям более неспособны.

Интересно, что немецкая 11-я танковая дивизия, почти два месяца не выходявшая из боев, нанесла поражение на реке Чир советским 1-му танковому и 3-му механизированному корпусам, разбила в Тацинской 24-й танковый корпус, изрядно потрепала на северном берегу Дона 2-й гвардейский механизированный корпус, заставила бежать с манычского плацдарма соединения 3-го гвардейского танкового корпуса и осталась вполне боеспособной и даже с «превосходящей силой».

«В течение нескольких недель дивизия каждую ночь совершала марши, — пишет генерал Балк, — перед рассветом всегда оказываясь в наиболее уязвимом для противника месте и нанося удар за час до наступления русских. Эта тактика требовала от войск невероятного напряжения, но зато у нас было мало потерь, потому что мы всегда достигали полной внезапности. В дивизии считалось аксиомой, что «ночные марши сохраняют жизнь», но справедливость требует отметить, что никто в то время не мог бы вам толком сказать, когда же спали наши солдаты... В бою командир дивизии находился в передовых подразделениях, действующих на направлении главного удара; в полках он бывал по несколько раз в день. Штаб дивизии размещался недалеко в тылу и не менял своего расположения в ходе боевых действий. Здесь собирались и обрабатывались все полученные данные, отсюда руководили снабжением частей и направлялись подкрепления.

Связь между командиром дивизии и его штабом поддерживалась по радио и только в редких случаях по телефону... Ведение боевых действий на реке Чир облегчалось тем, что командование 5-й танковой армии русских бросало в бой корпуса, не согласовав по времени их действий и не организовав взаимодействие между многочисленными стрелковыми дивизиями. Таким образом, 11-я танковая дивизия имела возможность наносить удары поочередно то по одному, то по другому корпусу. В конце концов наступательная сила 5-й танковой армии была ослаблена до такой степени, что 11-я дивизия смогла совершить отход и начать подобные же действия против другой русской танковой армии».

Несомненно, немецкие танковые командиры действовали более эффективно, чем советские, а конкретно генерала Балка западный историк величает «полководцем калибра Роммеля».

Все дальнейшие усилия Южного фронта по овладению Ростовом и Батайском и перехвату путей отхода северокавказской группировки немцев на восток к желаемому результату не привели.

Манштейн, маневрируя и нанося ответные удары, все-таки устоял. Армии Еременко в январе продвинулись на 150—200 километров, но так и не смогли закупорить ростовскую «горловину».

Так же как Северной группе Закавказского фронта не удалось «сковать» и «прижать» 1-ю танковую армию Макензена.

НА КАВКАЗЕ

Здесь, согласно штабной задумке, Северная группа генерала Масленникова наносила главный удар на своем правом фланге силами 44-й армии генерал-майора В.А. Хоменко (271, 347, 51, 416, 414, 320, 409, 223-я дивизии, 43, 356, 157-я стрелковые бригады) и 58-й армии генерал-лейтенанта К.С. Мельника (417, 337, 89, 317-я стрелковые дивизии, 155, 60, 9-я стрелковые бригады) в направлении на Моздок. Одновременно 4-й Кубанский и 5-й Донской гвардейские кавалерийские корпуса, наступая еще правее на Прохладный и

Воронцово-Александровское, должны были выйти на неприятельские тылы и захватить переправы через реку Кума. 9-й армии генерал-майора К.А. Коротеева (11-й стрелковый корпус, 276, 389-я дивизии, 8, 9, 10-я гвардейские стрелковые бригады) и 37-й армии генерал-майора П.М. Козлова (2-я гвардейская, 295, 351-я стрелковые дивизии) ставилась задача освободить Нальчик. После уничтожения моздокской группировки должно было последовать всеобщее наступление с целью недопущения отхода врага на новый оборонительный рубеж и окончательного разгрома 1-й танковой армии, в которой, напомним, насчитывалось две танковые и четыре пехотные дивизии.

Немцы не стали ждать, когда кавказская мышеловка хлопнется, и в новогоднюю ночь, прикрывшись арьергардами, начали поэтапный отвод своих войск от Терека в общем направлении на Ворошиловск. Результатом этого маневра должно было стать смыкание флангов 1-й и 4-й танковых армий в Манычской долине и создание сплошной линии фронта.

1 января боевая группа «Юнгшульц» оставила Элисту и присоединилась к отходящим частям 3-й танковой дивизии генерал-майора Вестхофена. На первый промежуточный рубеж, проходивший по линии реки Кумы, армия отступила в полном порядке и совершенно беспрепятственно. За дивизионными колоннами тянулись обозы беженцев-калмыков, казаков и «лиц кавказской национальности». Егеря генерала Конрада оставили Приэльбрусье.

Только на третий день генерал Масленников обнаружил, что основные силы противника покинули занимаемые позиции, и попытался организовать победоносное преследование. Однако, едва сдвинувшись с места, «преследователи» превратились в неорганизованную и неуправляемую вооруженную толпу.

«Преследование отходящего противника началось недостаточно организованно и с опозданием, — сообщает генерал армии С.М. Штеменко, в то время исполнявший обязанности заместителя начальника Оперативного управления Генштаба. — Средства связи оказались не подготовленными к наступательным действиям. В итоге уже в первый день преследования части перемешались. Штабы не знали точного

положения и состояния своих войск (*естественно, что эти штабы могли знать о положении противника? — В.Б.*). 58-я армия отстала от соседей и оказалась как бы во втором эшелоне. 5-й гвардейский Донской корпус и танки не смогли опередить пехоту (!). Командование фронта пыталось навести порядок, но без особого успеха».

Благо немцы и румыны сами торопились смазать салом пятки.

И.И. Масленникова (1900—1954) в полководцы выдвинул Л.П. Берия. Ничем крупнее кавалерийской бригады, да и то в годы Гражданской войны, Иван Иванович не командовал. После разгрома белых гадов получил должность командира эскадрона. Всеобщее и военное образование приобрел сразу за один год учебы в Военной академии имени Фрунзе. В 1928 году перешел на службу в ОГПУ — НКВД, где достиг немалых высот. В июне 1941 года генерал-лейтенант Масленников уже был заместителем наркома по пограничным и внутренним войскам. С началом войны получил под свое командование 29-ю, а затем 39-ю армию в составе Калининского фронта. В июле 1942 года в районе города Белый армия была окружена и почти полностью уничтожена немцами. Командарм-39 спасся и буквально через две недели возглавил Северную группу войск Закавказского фронта — оборону Кавказа курировал Лаврентий Павлович. Оперативными талантами генерал Масленников не блистал, неоднократно снимался с должности с понижением, но, имея столь высокого покровителя, вновь всплывал и дослужился до генерала армии. После войны из Вооруженных сил вернулся в родную систему МВД.

В отличие от чекиста Масленникова, И.В. Тюленев (1892—1978) был чистокровным рубакой буденновской породы и даже биографию имел схожую: два класса сельской школы, царский вахмистр, четыре Георгиевских креста в Первую мировую, лихие дела в рядах 1-й Конной армии. После Гражданской войны Иван Владимирович командовал различными кавалерийскими соединениями, был заместителем инспектора кавалерии РККА и, будучи на этом посту,

издал сочинение под названием «Первая конная в боях за социалистическую родину», а после победы клана первоконников над «бандой тухачевских и гамарников» получил назначение на должность командующего войсками Закавказского военного округа. В 1940 году Тюленев стал генералом армии и командующим войсками Московского округа. Летом 1941 года он довольно неудачно командовал Южным фронтом, впрочем, кто в тот период мог похвастать успехами, затем почти полгода возглавлял резервную 28-ю армию, в мае 1942 года вступил в командование войсками Закавказского фронта. Немецкое наступление через перевалы Главного Кавказского хребта Тюленев, положившись на природную неприступность горных перевалов, по его собственному признанию, бездарно «проспал», хотя в конце концов врагу удалось остановить. Воспрянув духом, командующий предложил Ставке сформировать на Кавказе конную армию, объединив в ее составе семь кавалерийских дивизий. Идея заинтересовала самого Сталина, но Генеральный штаб, исходя из опыта боевых действий, дал отрицательное заключение, полагая, что такая громоздкая организация «будет чрезвычайно уязвима с земли и с воздуха и не оправдывает возлагаемых на нее надежд. При использовании конницы без средств усиления она несла слишком большие потери, достигая весьма ограниченных результатов своими поистине героическими рейдами. В некоторых случаях ее приходилось просто выручать, вплоть до подачи овса на самолетах в тыл противника, откуда кавалерийские соединения не могли выйти самостоятельно».

3 января Тюленев примчался к Масленникову, «чтобы лично руководить действиями войск». Однако и чекист и кавалерист, оба оказались непригодны к руководству маневренными операциями в современных условиях.

За трое суток «стремительного преследования» войска Северной группы продвинулись на некоторых отдельных участках от 25 до 60 километров, заняли Нальчик, Моздок, Прохладный, но основные силы фон Макензена не настигли. Это несмотря на то, что перед правым флангом группы

Масленникова простиралась степь, и там действовали два кавалерийских корпуса и танковая группа генерал-майора Г.П. Лобанова, имевшая в своем составе три танковые бригады, танковый полк, отдельный танковый батальон, два истребительно-противотанковых полка — 106 танков и 24 бронемашин. На левом фланге, в полосе 9-й армии, оперировала танковая группа подполковника В.И. Филиппова — три танковые и одна стрелковая бригады, два танковых батальона и два истребительно-противотанковых полка — 123 танка.

«Штаб группы и штабы армий потеряли с войсками связь и не знали, где они находятся, — пишет маршал А.А. Гречко. — Так, 5 января штаб группы потерял связь с 58-й армией... Привела к путанице в управлении и потеря связи с 44-й армией. Двое суток не было связи штаба группы с 5-м кавалерийским корпусом и с танковой группой генерала Лобанова».

Прямой связи с Москвой тоже не было.

В итоге «танки и кавалерия не смогли опередить пехоту», а 58-я армия в ходе преследования очутилась в собственном тылу. В общем, врага не настигли. Оно, наверное, и к лучшему.

«Командование же Закавказского фронта, — пишет Штеменко, — не вполне точно оценивало обстановку. Главное внимание оно по-прежнему уделяло действиям Северной группы войск, хотя стало уже очевидным, что ее фронтальным преследованием противник только выталкивается. Значительно большие перспективы рисовались в полосе Черноморской группы войск. Но как раз здесь командование фронта ничего существенного не предпринимало». То есть Тюленев не понимал, что главная его задача состоит не в том, чтобы догонять уходящего, сохранив свои силы и боевую технику противника, гордо рапортуя об освобождении населенных пунктов, а в том, чтобы отрезать ему все пути отступления и превратить предгорья Кавказа в могилу для оккупантов.

4 января в штаб Закавказского фронта позвонил Сталин и лично продиктовал директиву для командующего:

«Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного

Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров... Первая задача Черноморской группы — выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывезти свою технику на запад.... Вторая и главная задача ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять его в плен или уничтожить...»

В заключение Верховный потребовал, чтобы командующий фронтом немедленно выехал в полосу Черноморской группы, которая должна перейти в наступление не позднее 12 января, «не откладывая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода всех резервов».

Что касается Северной группы войск, то Ставка рекомендовала не вытеснять противника, а подвижными соединениями охватывать его фланги и выходить на тыловые коммуникации с целью нанесения поражения врагу и захвата его техники. Штаб Тюленева ответил: «Есть!» — и тут же настроил стопку бесплодных приказов в лучших традициях довоенных маневров. Что нисколько не помешало немцам продолжать организованный отход.

7 января Генеральный штаб провел анализ действий Северной группы и представленного ею плана «дальнейшего преследования противника». В документе отмечалось, что практика распыления сил кавалерийских корпусов и танковых групп продолжается, а войскам ставятся нереальные задачи: так, Кубанскому кавалерийскому корпусу предлагалось к 9 января овладеть Ворошиловском, удаленным на 200 километров от расположения корпуса; самой отстающей 58-й армии ставилась задача преодолеть за два дня свыше 100 километров. В то же время 9-я армия, имевшая наибольшее продвижение, задерживалась на месте на три дня и выводилась в резерв.

Генштаб со своей стороны предложил: продолжать наступление 9-й армии на Георгиевск, Минеральные Воды; ос-

новые силы подвижных войск использовать на правом фланге на путях отхода противника в районе Невинномыска, «а возможно, и глубже». На левом фланге иметь минимальные силы, чтобы они только сковывали, а не выталкивали противника из предгорий Главного Кавказского хребта. В тот же день два кавалерийских корпуса, обе танковые группы и 62-я стрелковая бригада были объединены в конно-механизированную группу под командованием генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко. Правда, неизвестно, когда эту новость получил сам генерал, поскольку командование Северной группы в очередной раз утратило связь со своим правым флангом. Впрочем, и Кириченко вряд ли знал, где находятся его дивизии, поскольку сей генерал-сказитель никогда не приближался к линии фронта ближе чем на 40 километров и радиосвязи с подчиненными штабами не имел.

Бывший унтер-офицер царской армии Н.Я. Кириченко в Гражданскую войну командовал карательным полком ВЧК. В 1924 году был назначен командиром бригады, в 1937-м — командиром кавалерийской дивизии, в марте 1941 года — командиром 26-го механизированного корпуса в Северо-Кавказском военном округе. В июле, в боях под Витебском, корпус прекратил свое существование. 17 мая 1942 года генерал-майор Кириченко принял под свое командование остатки разбитой в Крыму и эвакуированной на Тамань 51-й армии. В начале июня армию перегруппировали на Дон, но уже с новым командующим. Николай Яковлевич, побыв командармом 24 дня, стал командиром 17-го казачьего кавалерийского корпуса. Первоначально корпус создавался как добровольческое формирование, основной его контингент составляли казаки непризывного возраста. Задачей корпуса, в состав которого вошли 12-я и 13-я Кубанские, 15-я и 116-я Донские кавалерийские дивизии «легкого типа», являлось стеречь восточное побережье Азовского моря и Таганрогского залива. Пока противник отсутствовал, генерал Кириченко с этой задачей легко справлялся.

Однако 25 июля немцы приступили к реализации плана «Эдельвейс» по завоеванию Кавказа. Мощными ударами с

плацдармов в нижнем течении Дона они взломали оборону Южного фронта и повели наступление на Ворошиловск и Краснодар. 28 июля корпус Кириченко вошел в состав Приморской группы Северо-Кавказского фронта, прикрывавшей Краснодарское направление и Таманский полуостров. В этот же день командовавший фронтом маршал С.М. Буденный приказал всем подведомственным войскам немедленно перейти в контрнаступление, повсеместно разгромить врага и восстановить положение, в частности 17-й кавалерийский корпус вместе с войсками 18-й армии должен был отбить у противника Батайск. Затея провалилась, но на рубеже реки Ея состоялось боевое крещение казаков, атаковавших станицу Кушевская.

Об этом бое писал в ЦК ВКП(б) заместитель командира корпуса полковник Бардадин: «Атака в 8 часов утра 29 июля не состоялась, так как опоздали два полка 13-й кавдивизии, и с выходом их в исходное положение атака началась в 11 часов 30 минут. С началом атаки противник обрушился артиллерийским, минометным и пулеметным огнем на атакующие группы конницы, вследствие чего полки понесли большие потери в людском и конском составе, атака захлебнулась и конница повернула назад. Пешие части 15-й кавдивизии подошли к южной окраине Кушевки и дальше продвинуться не смогли. 24-й полк участия в рубке не принимал, неся потери от огня противника, вернулся обратно. 33-й полк 13-й кавдивизии участия в рубке не принимал, понес большие потери, чем 24-й полк. Полк, действующий на вспомогательном направлении, участия в атаке не принимал, так как с ним не было связи, и только в 15 часов командир полка по личной инициативе решил выполнить поставленную задачу, напоролся на огонь противника, понес потери и отошел в исходное положение.

В результате атаки наши части станицу Кушевку не заняли, противник остался на занятых им позициях. Потери с нашей стороны — 400 человек убитых и раненых, около 200 лошадей. Со стороны противника — максимум 100—150 зарубленных и покалеченных, 3 человека пленных. Трофеи — 6 мулов, 5 автоматов».

В этих труднейших условиях в полной мере начал прояв-

латься истинный талант генерала Кириченко — литературный. Штабу фронта он доложил, что казаками изрублено 5000 человек (!), 300 человек взято в плен, уничтожено 50 танков (!!), захвачены богатые трофеи. Откуда в 198-й пехотной дивизии оказалось столько танков — тайна сия велика есть. Наши военно-патриотические историки не задумываясь перепевают баллады, то есть боевые донесения, Кириченко: «Под станицей Кушевская конники на галопе подлетали к танкам, прыгивали на броню и бутылками с горючей смесью поджигали машины (!)». Поскольку сразу после свершения этих героических дел корпус, потерявший свыше 40% личного состава, резво отступил за реку Кубань, повторно пересчитать «зарубленных» немцев и «сгоревшие» танки не удалось. 10 августа 17-й кавалерийский корпус и 18-я армия получили новую задачу: закрыть дорогу на Туапсе. Но уже через два дня догнавший-таки конников противник форсировал реку на участке кубанцев и прорвался в район Хадзыженской. Военный совет фронта отмечал:

«1. Прорыв противника в районе Хадзыженская произошел исключительно по вине командования 17-го кавалерийского корпуса генерал-майора Кириченко и полкового комиссара Очкина...»

2. В течение 12—16.8.42 г. командование 17-го кавалерийского корпуса не выполнило ряд задач: а) допустило прорыв противника на участке Ханское — Великое; б) не уничтожило противника в районе Гурийское — Кабардинская, несмотря на полученные указания дважды; в) на протяжении двух дней 17-й кавалерийский корпус топтался на месте и не вел решительных действий по уничтожению противника в районе Тверская — Хадзыженская; в) командование корпуса неоднократно меняло место расположения своего штаба без разрешения штаба фронта, отрываясь от войск до 50 километров, что приводило к потере управления и связи со штабом фронта...»

12-я и 13-я кавалерийские дивизии начали отход на станицу Апшеронскую, но «так как противник, упредив их, автоматчиками занял Апшеронскую и распространился на Хадзыженскую, командование обеих дивизий сделало вывод, что они якобы попали в окружение, не приняв решительных мер с малочисленными группами противника, начали в беспорядке, не имея

связи с корпусом, выходить из «окружения». 12-я кавдивизия горными тропами «выходила» в направлении Сочи, не имея боев с противником, и была остановлена от дальнейшего «выхода» штабом фронта в районе Красно-Александровский. 13-я кавдивизия «выходила» в район Черниговская — Рожет и была остановлена командующим 18-й армией, который временно подчинил ее себе».

В результате дивизии потеряли (не в бою, а «закопали» и «испортили», то есть попросту бросили) 15 орудий, 2 минометные батареи, 2700 винтовок, радиостанцию, 11 автомобилей, 14 пулеметных тачанок, выкинули «людские и конские противогазы» и все «трофеи». Части корпуса оказались в составе 18-й и 12-й армий. Где находился в это время Кириченко и чем он руководил, установить не удалось, зато известно, чем он занимался — описывал свои подвиги и сочинял наградные представления. Победные репортажи, регулярно отправляемые в Москву, сделали свое дело. 27 августа 1942 года «за стойкость и дисциплину, героизм и организованность» корпус приказом НКО СССР был преобразован в 4-й гвардейский, Николая Яковлевича наградили орденом Ленина и присвоили воинское звание генерал-лейтенанта.

Заодно орден Ленина вручили 19-летней фельдшернице Ольге Бражник. Если верить представлению штабкора, она, числясь в полевом госпитале, на хрупких девичьих плечах вынесла с поля боя 131 раненого с оружием. Правда, согласно материалам расследования, проведенного инспекцией кавалерии три месяца спустя, в госпиталь Оленька являлась только за жалованьем, а прописалась «в одной комнате с генерал-лейтенантом Кириченко и занимается его обслуживанием». Начальник штаба корпуса генерал-майор Дуткин свою пассивность тоже не забыл и выбил ей медаль «За боевые заслуги»: скромная машинистка оперативного отдела лично убила трех немцев, «напавших на штаб корпуса».

Мне глубоко безразличны подробности интимной жизни Кириченко, но, по определению, орден Ленина — высшая награда Советского Союза «за особые заслуги в социалистическом строительстве и обороне страны». Невозможно себе представить Клейста или Эйзенхауэра, проводящих вечера в компании связисточек или медсестричек, награждающих

их Железными крестами и медалями Конгресса. А Кириченко, Хозина или Жукова — запросто — рядовое в Красной Армии явление. На груди жуковской Лидочки уместились орден Боевого Красного Знамени, Красной Звезды и еще семь «боевых» наград. Высоко ценили советские генералы беззаветную храбрость на постельном фронте. Ну, так не из своего же кармана платили «за обслуживание».

Можно вспомнить известную докладную записку на имя члена ГКО Маленкова «О морально-бытовом разложении комполсостава частей и соединений 59-й армии» Волховского фронта, герои которой — старшие командиры и комиссары — чуть ли не поголовно «пьянствуют и в половом отношении развратничают», не забывая, однако, скармливать дезинформацию своему командованию: *«Характерно отметить, что командование 59-й армии, зная о том, что 377, 372, 374 и 378-я стрелковые дивизии активных действий не ведут и фактически занимают оборону, в оперативных сводках штаба действия этих дивизий отмечаются «активным сковыванием противника» и «ведением боевой разведки». Бездеятельность этих дивизий в оперсводках также называется «отражением контратак противника», не стыдясь сообщать, что дивизии отбивают контратаку одного взвода противника».*

На этом фоне почти невинной шуткой смотрится история, рассказанная генералом армии П.И. Батовым, командовавшим армией в составе Донского фронта. Генерал К.К. Рокоссовский приказал Павлу Ивановичу провести частную операцию и очистить от противника высоту с названием Пять курганов. Командарм поручил это дело лихому командиру 173-й стрелковой дивизии, знатному мордобойцу полковнику В.С. Аскалепову, и стал ждать результата: «Под вечер Аскалепов донес: «Взят один курган». Иван Семенович с чувством удовлетворения направил об этом донесение в штаб фронта. На второй день Аскалепов доложил: «Взят второй курган». Очень хорошо!.. На третий день меня вызвал к телефону Рокоссовский и с ледяной вежливостью, слегка вибрирующим голосом спросил:

— Павел Иванович! Прошу вас сообщить мне, сколько курганов вы собираетесь еще взять на отметке сто тридцать пять ноль?

Начальник штаба глядел на меня сочувственно:

— Кажется, попали в историю!

Одним словом, никаких курганов обнаружено не было. Они существовали только в названии высоты. К счастью, началось наступление и охотничьи рассказы комдива 173-й закончились благополучно, без взыскания».

Очковтирательство в Красной Армии существовало всегда, как в мирное, так и в военное время, ибо ничто так не радует взор начальника, как со вкусом выполненная залепуха.

«Без туфты не обойдешься — тогда у тебя харч будет весомее».

С 13 сентября 1942 года генерал Кириченко ровно одну неделю командовал 12-й армией. Потому ничего выдающегося совершить не успел. Армию расформировали, а кавалерийский корпус (без донских дивизий, на их базе чуть позже сформируют 5-й гвардейский кавкорпус) через Грузию и Азербайджан перебросили с туапсинского направления в район Гудермес — Шелковская, на правый фланг Северной группы войск Закавказского фронта. Предполагалось, что там кавалеристам будет где развернуться. Они должны были вести набеговые операции по тылам 1-й танковой армии в обход ее открытого фланга. 2 октября 4-й гвардейский корпус, в состав которого влились 30-я и 63-я кавдивизии, оригинально пополненный выпуском авиационной школы, двинулся по Прикумской степи в направлении на Ачикулак. С самого начала «дерзкий рейд» в тыл врага превратился в конвоирование каравана с продовольствием и фуражом, от которого кавалерия старалась не удаляться. Темп продвижения диктовали груженные верблюды. Не встречая противника, не особо торопясь, казаки за двенадцать дней преодолели 150 километров (то есть со средней скоростью чуть больше 10 верст в сутки), пока неожиданно для себя не были остановлены моторизованными батальонами особого корпуса «Ф» и крепко побиты: лобовые конные атаки на опорные пункты — не самая лучшая тактика. 7 ноября Кириченко решил свернуть операцию и без разрешения командования начал отводить дивизии в направлении Черного Рынка, к Каспийскому морю. Вслед неслись телеграммы генерала Тюленева: «Поставленная вам задача набеговых операций во

фланг и тыл противника наилучшим образом обеспечивает прикрытие железной дороги Кизляр — Астрахань и совершенно несовместима с вашим отходом на восток. Немедленно примите меры к установлению соприкосновения с противником своими передовыми частями и обеспечению за собой ранее захваченной полосы...»

Бесполезно. Николай Яковлевич давно ответил себе на чапаевский вопрос: «Где должен быть командир?» — будь то наступление или ретирада: *«Произведенным расследованием установлено, что в боевой обстановке управление дивизиями со стороны штаба корпуса было недостаточным. Штаб корпуса во время боевых действий находился от дивизий, ведущих бой, на удалении от 40 до 60 километров, а в донесениях штабу фронта имели место преувеличенные данные о противнике и его потерях»*. Выяснилось также, что за все время командир корпуса всего лишь один раз побывал в одной из четырех своих дивизий, и то не по своей воле, а сопровождая нагрывшее начальство.

Меллентин следующим образом описывал летнее наступление 4-й танковой армии: «Все старшие офицеры, в том числе и командиры корпусов, находились в боевых порядках передовых частей. Даже генерал Гот чаще бывал в передовых танковых частях, чем в своем штабе, хотя штаб армии всегда находился близко к фронту. Командиры дивизий двигались с передовыми отрядами в сопровождении бронированных подвижных средств связи, с помощью которых они управляли сложными передвижениями своих войск. Они видели, как разворачивается бой, и могли быстро использовать всякий благоприятный момент. Многие офицеры 4-й танковой армии служили раньше в кавалерии и сохранили смелость и порыв, присущие кавалеристам».

Что мог противопоставить такому противнику генерал Кириченко, сочетавший характерную для многих советских первоконников безграмотность и в целом несвойственную кавалеристам осторожность?

Потому и в штабе Северной группы не имели понятия о местонахождении танковых и кавалерийских частей.

В ночь на 8 января 1942 года Сталин продиктовал очеред-

ную телеграмму для Масленникова и Тюленева: *«Третий день проходит, как не даете данных о судьбе ваших танковых и кавалерийских групп. Вы оторвались от своих войск и потеряли связь с ними. Не исключено, что при таком отсутствии порядка и связи в составе Северной группы ваши подвижные части попадут в окружение у немцев. Такое положение нетерпимо. Обязываю вас восстановить связь с подвижными частями Северной группы и регулярно, два раза в день, сообщать в Генштаб о положении дел на вашем фронте»*. Днем Верховный еще раз напомнил: *«Обратите внимание на Масленникова, который оторвался от своих частей и не руководит ими, а плавает в беспорядке»*.

В последующие дни Масленников несколько разобрался в вопросе местонахождения своих войск, что было несложно, поскольку 8 января они вышли к рубежу реки Кума, где четверо суток удерживались немецкими арьергардами (главные силы оставили этот рубеж сутками раньше), оказавшими «сильное сопротивление». Ни охватить фланги противника, ни выйти в тыл, ни прорвать фронт, ни предотвратить отход, несмотря на полное превосходство на земле и в воздухе, так и не удалось. На правом фланге Северной группы гвардейская кавалерия по-прежнему отставала от пехоты: «Конский состав везде был истощен настолько, что не выдерживал переходов более 20—25 километров в сутки... Были случаи, когда во время преследования противника на отдельных участках даже пехота обгоняла конницу».

Обеим противоборствующим сторонам в осуществлении проводимых маневров очень мешала проблема материальных запасов. Их у немцев, прекративших наступательные операции на Кавказе в ноябре 1942 года, накопилось слишком много. Манштейн считал это естественным явлением в период позиционной борьбы: «Из-за неизбежного накопления оружия, техники и всевозможного имущества создаются большие запасы всего того, без чего, как полагают, нельзя обойтись в дальнейших боевых действиях. Когда же командование вынуждено провести крупный маневр с целью отойти на новые позиции, то требуется много време-

ни для подготовки к этому. А иногда, не желая расставаться со всем этим якобы необходимым имуществом, командование даже отказывается от идеи такого крупного маневра, хотя он, возможно, представляет собой единственный путь к успеху в дальнейшем». В сложившейся ситуации отказаться от маневра было равносильно самоубийству, но необходимость обеспечить вывоз накопленных на складах оружия, боеприпасов, топлива, фуража и продовольствия замедляла темпы отхода 1-й танковой армии. Немцы, соблюдая установленный график, нередко взрывали, а если не успевали, то бросали склады с имуществом. Надо отметить, что эвакуации активно препятствовала 4-я воздушная армия (5 авиационных дивизий), имевшая главной задачей бомбовыми и штурмовыми ударами разрушать железнодорожные узлы, станции и мосты основной магистрали Минеральные Воды — Армавир — Тихорецк — Ростов.

На складах Северной группы перед началом наступления, наоборот, «почти не имелось запасов снабжения, материальная обеспеченность войск была низкой», что наши генералы тоже считают естественным — трудности у них были большие. Положение тем более усугубилось, едва войска стронулись с места и прошли первые сто километров: «К этому времени стал ощущаться серьезный недостаток в боеприпасах и продовольствии. Особенно плохо обстояло дело с обеспечением войск, в первую очередь танковых частей, горючим. Так, 221-й танковый полк в составе 5-го гвардейского кавалерийского корпуса из-за отсутствия горючего в течение трех дней вынужден был бездействовать. Это отрицательно влияло на темп преследования». Ну еще бы: танки стоят без горючего, истощенные кони неспособны нести седоков, артиллерия представлена 6—8 орудиями, в основном «сорокапятками», на кавдивизию. Немцы при отступлении «сплошь разрушали железные дороги», хотя отыскать рельсы в калмыцких степях и Притерекской долине было нелегко даже им, при всей зловредности. А еще «автомобилей не хватало», и они были не в состоянии «обеспечить бесперебойную доставку грузов». Действительно, автомобилей в Северной группе войск было не очень много — всего 10 тысяч, но это — штат семидесяти полнокровных стрелковых дивизий.

Иначе говоря, если одной советской дивизии полагалось иметь 154 автомобиля, то у генерала Масленникова их было минимум 400 на каждую расчетную дивизию (к примеру, для передислокации 383-й стрелковой дивизии было подано 300 грузовиков). Почему же они были «не в состоянии»? Утверждать, что им нечего было возить, значит возводить поклеп на бесспорный организаторский гений товарища Сталина. Конечно, сказывалась отдаленность театра от центра. Но, с другой стороны, именно сюда через Иран приходили ленд-лизские поставки, в частности, снаряды, топливо, танки, сигареты «Camel» и, само собой, автомобили. Что подтверждает генерал К.И. Провалов: «У большинства водителей — очень малый опыт шоферской работы. А тут еще и машины иностранной марки». В Тегеране наши летчики, тот же А.И. Покрышкин, принимали новенькие истребители «Аэрокобра» и перегоняли их в Баку. Да, вот еще генерал Тюленев подсказывает: «За короткий срок закавказские республики превратились в могучий арсенал Красной Армии. Многие предприятия Тбилиси, Баку, Еревана, Махачкалы переключились на производство военной продукции: автоматов, минометов, снарядов, мин, гранат, патронов, огнеметов, различного снаряжения и обмундирования. Был налажен ремонт танков, орудий, автомобилей и другой боевой техники». За полугодие в цехах 30 механических заводов и мастерских было изготовлено 1,5 миллиона артиллерийских и 1,7 миллиона минометных выстрелов, 1,3 миллиона ручных гранат, 5 тысяч минометов и 46,5 тысячи автоматов.

Отсутствие всего необходимого на передовой и армейских складах скорее свидетельствует о беспомощности и безответственности штабов в вопросах тылового обеспечения.

Можно понять отсутствие у донцов и кубанцев энтузиазма в деле преследования 40-го танкового корпуса генерала Зигфрида Хенрици. 11 января Военный совет Северной группы уже не в первый раз отметил, что «кавалерийские корпуса вместо решительных действий топчутся на месте; командиры кавалерийских корпусов продолжают руководить на большом удалении штабов от своих войск». Оставшиеся без фугасок авиаторы Закавказского фронта, проявляя смекалку, спешно переоборудовали свои самолеты под трофейные

авиабомбы. Чтобы как-то улучшить снабжение, командованием было принято решение подвозить только боеприпасы и горючее, а бойцов, вслед за 20 тысячами скакунов, перевести на подножный корм.

11 января советские войска освободили города Кисловодск, Ессентуки, Пятигорск, Георгиевск, Минеральные Воды, Буденновск. Все — в один день; в связи с этим несколько странно выглядят утверждения советских историков, что «гитлеровцы в панике бежали», хотя, с другой стороны, оказывали при этом «ожесточенное сопротивление». Больше всего картина напоминает иллюстрацию к стратегическим заветам Мао Цзэдуна: «Враг отступает, мы — наступаем».

Генерал Масленников распорядился продолжать преследование и овладеть Невинномысском, Черкесском и Ворошиловском.

Последний, кстати, вдруг оказался вовсе и не Ворошиловском, а, как встарь, Ставрополем. 12 января Президиум Верховного Совета СССР принял указ «О переименовании города Ворошиловска Орджоникидзевского края в город Ставрополь и Орджоникидзевского края — в Ставропольский край». В 30-е годы товарищ Сталин щедрой рукой делал подарки повязанным кровью ближайшим соратникам в борьбе за абсолютную власть, в том числе переименовывал города и веши к юбилеям и пролетарским праздникам. Так, в честь «первого офицера» Красной Армии с 1931 по 1935 год появились на карте Советского Союза Ворошиловград, Ворошилов, Ворошиловский и два Ворошиловска. Теперь Вождь решил, что достаточно будет и одного. Неизвестно, обиделся ли Климент Ефремович такому подарку накануне собственных именин или, погруженный в заботы по проведению операции «Искра», отнесся к данному факту философски.

14 января 1-я танковая армия Макензена завершила отход на новый оборонительный рубеж, проходивший по линии река Калаус — Петровское — Черкесск. Соединения Северной группы вышли к нему два дня спустя. И вновь Ставка

ВГК была вынуждена указать командующим Закавказским фронтом и Северной группой, что действия их войск не обеспечивают выполнения поставленной задачи по окружению и уничтожению противника. Ставка требовала решительных действий, для чего предлагала Масленникову основными силами трех общевойсковых армий нанести удар в общем направлении на Тихорецк. Конно-механизированную группу использовать для энергичного преследования и перехвата путей отхода противника на север и северо-запад, тем более что от Петровского до Пролетарской никакого фронта не было вообще.

И вновь не получалось. Как резюмирует А. Кларк: «Настоящей проблемой для Красной Армии была необходимость перестроиться: перейти от оборонительного состояния, когда она одерживала победу только за счет стойкости, мужества и храбрости солдат, к более сложным структурам наступательных действий, где инициатива и подготовленность даже самых мелких частей могла иметь решающее значение».

Тем временем в Молодежном, под Туапсе, генералы И.В. Тюленев и И.Е. Петров, устроив мозговой штурм, «крепко призадумались» над тем, как выполнить «невероятно трудную, если не сказать невыполнимую, задачу», поставленную перед Черноморской группой войск.

Во-первых, январь месяц — не самое лучшее время для наступления в горах, когда мороз доходит до минус 15—25 градусов, а отроги Кавказского хребта покрыты глубоким снегом.

Во-вторых, не имелось тотального численного превосходства над противником — всего четыре армии на три немецкие и один румынский корпус.

В-третьих, о таком размахе операций ранее не мечтали даже в Москве, не говоря о Тбилиси. С середины ноября 1942 года командование Закавказского фронта готовило операцию на майкопском направлении. Соответственно здесь развивали дорожную сеть, накапливали запасы, сосредотачивали войска. Но 29 декабря, пребывая в головокращении

от сталинградских успехов, Ставка устами Г.К. Жукова потребовала организовать удары на Новороссийск и Краснодар с генеральной задачей перерезать в районе Тихорецкой железнодорожную линию Армавир — Ростов, а 4 января 1943 года последовал приказ занять Батайск, Азов и Ростов. В Черноморскую группу следовало перебросить из Северной группы 10-й гвардейский и 3-й стрелковый корпуса и две дивизии из состава 58-й армии; группа усиливалась тремя танковыми бригадами, пятью отдельными танковыми батальонами и одним танковым полком — 316 танков. Попутно Верховный рекомендовал как следует растолковать командующему Черноморской группой войск, что он должен перестроиться на наступательный лад. Дело в том, что генерала И.Е. Петрова, руководившего обороной Одессы и Севастополя, Сталин считал «генералом обороны».

Результатом «вариантной лихорадки» стали разработанные к 8 января замыслы двух операций под условными наименованиями «Горы» и «Море».

В плане «Горы» главная роль отводилась 56-й армии, командование которой поручалось хорошо себя зарекомендовавшему при обороне Туапсе командарму-18 генерал-майору А.А. Гречко. Соответственно командарм-56 генерал-майор А.И. Рыжов принимал 18-ю армию.

Вообще, так на Закавказском фронте было принято: командармы прыгали как блохи. Можно понять смысл кадровых перестановок, когда человек не справляется с высоким уровнем ответственности и его понижают в должности, давая возможность добрать опыта и попробовать еще раз. Но в хозяйстве Тюленева одну и ту же обойму генералов просто механически перемещали с места на место. В первом полугодии 1943 года здесь происходила самая настоящая чехарда со сменой командармов. Маловразумительная по своей логике.

Так, 56-й армией до января руководил генерал А.И. Рыжов, потом генерал А.А. Гречко.

37-й армией до мая месяца командовал генерал П.М. Козлов, затем генерал А.И. Рыжов.

18-й армией до 5 января командовал А.А. Гречко, затем на один месяц его сменил А.И. Рыжов, в феврале в должность вступил К.А. Коротеев, а в марте — К.Н. Леселидзе.

9-й армией командовал К.А. Коротеев, в феврале он сдал пост В.В. Глаголеву, в марте К.А. Коротеев вновь вступил в командование армией, чтобы в мае передать эстафету П.М. Козлову, а тот в июне — генералу А.А. Гречко.

46-й армией до января командовал К.Н. Леселидзе, затем месяц — И.П. Рослый, еще месяц — А.И. Рыжов, с марта — В.В. Глаголев.

Больше всех «повезло» 47-й армии: ею за тот же период успели порулить Ф.В. Камков, К.Н. Леселидзе, А.И. Рыжов, П.М. Козлов. А всего за четыре года войны в этой армии сменилось 15 командармов, только в 1943 году — семеро.

Таким образом, генерал Рыжов Александр Иванович (1885—1950) в битве за Кавказ последовательно откомандовал войсками 56, 18, 46, 47-й и 37-й армий. В августе 1943 года он был понижен в должности, затем три месяца командовал 4-й гвардейской и два месяца 70-й армией. После чего окончательно выяснилось, что он «прекрасный боевой командир корпуса».

Генерал К.А. Коротеев командовал 9, 18, 37-й армиями.

Генерал П.М. Козлов — 9, 37, 47-й.

Генерал К.Н. Леселидзе — 46, 47, 18-й.

Генерал В.В. Глаголев — 9, 46-й.

Генерал А.А. Гречко — 47, 18, 56-й.

Вместе с командармом нередко перемещался и его штаб. Так, А.А. Гречко, убывая из 18-й армии к новому месту службы, прихватил с собой начальника штаба армии генерала А.А. Харитонову и члена Военного совета бригадного комиссара Я.В. Гольденштейна. Те, естественно, взяли привычных помощников. Генерал А.И. Рыжов при первой возможности перетягивал к себе полюбившихся начальника штаба полковника Н.С. Кристального и комиссара Г.А. Комарова. Сомнительно, что такая практика была полезной с военной точки зрения.

В состав 56-й армии включили шесть стрелковых дивизий (55-я и 32-я гвардейские, 20-я и 83-я горнострелковые, просто 61-я и 394-я), семь стрелковых (16-я и 111-я, 4, 5, 6, 7, 9-я гвардейские), две танковые бригады, один танковый

полк, два танковых батальона, четыре артиллерийских, три минометных полка и группа гвардейских минометов. В полосе армии сконцентрировалось 1168 орудий и минометов, что означало четырехкратное превосходство над противником в артиллерии, и 195 танков. Предстоящая операция делилась на два этапа. На первом предполагалось двумя ударными группами в четырехдневный срок прорвать вражескую оборону в районе Горячего Ключа и Крепостной, разгромить супротивника — 9-ю румынскую кавалерийскую и 1-ю мотодивизию словаков, — овладеть Краснодаром и захватить переправы через Кубань. Ввиду ограниченности дорожной сети часть сил армии сосредоточивалась на левом фланге для вспомогательного удара на Холмскую, Марьянскую.

Справа от А.А. Гречко на краснодарском направлении должна была наступать 18-я армия (236, 353, 395-я стрелковые дивизии, 40-я мотострелковая, 10, 107, 68, 119-я и 68-я морская стрелковые бригады — 270 орудий и 680 минометов) с задачей разбить 44-й армейский корпус генерала де Ангелеса и выйти к реке Кубань восточнее Краснодара. Тем временем 46-й армии под командованием генерал-лейтенанта К.Н. Леселидзе (9-я и 242-я горнострелковые, 31, 394-я стрелковые дивизии, 51, 40-я стрелковые бригады) предстояло нанести поражение 49-му горнострелковому корпусу, освободить Майкоп, а главными силами выйти к Кубани в районе Усть-Лабинская.

На втором этапе планировалось развернуть наступление на Тихорецкую и овладеть ею к концу января. О том, чтобы «занять Батайск и влезть в Ростов», в разработке, представленной Ставке, не упоминалось, поскольку и Тюленев, и Петров сомневались, смогут ли их войска даже «мощной колонной» дойти хотя бы до Тихорецкой.

Операция «Море», проводившаяся во взаимодействии с Черноморским флотом, распадалась на три этапа. На первом 47-я армия генерал-лейтенанта Ф.В. Камкова (216, 337, 176-я и 383-я стрелковые, 242-я горнострелковая дивизии, 8-я гвардейская, 103-я и 165-я стрелковые, 81-я морская бригады, 225-я бригада морской пехоты) частью сил должна была прорвать оборону противника в районе Абинской и захватить станицу Крымскую, создав тем самым выгодные усло-

вия для овладения Новороссийском и развития наступления в глубину Таманского полуострова. В полосе армии имелось 877 орудий и минометов. На втором этапе предстояло освободить Новороссийск ударом 47-й армии с суши и морского десанта из района Южная Озерейка. Третий этап предусматривал полное освобождение Таманского полуострова к концу января.

С воздуха наземные войска должны были прикрывать 270 самолетов 5-й воздушной армии (4 авиационные дивизии и 6 отдельных полков) и авиация Черноморского флота.

Ознакомившись с планом, Сталин не мог не заметить «забывчивости» командования Закавказского фронта и потребовал дополнить операцию «Горы» третьим этапом — маршем на Батайск. Что и было на бумаге исполнено.

Однако, несмотря на чрезвычайную спешку, наступление Черноморской группы все оттягивалось, в силу как объективных, так и субъективных причин. И Сталин вошел-таки в положение и разрешил отложить начало операции на четыре дня.

Перегруппировка войск была начата с запозданием, процесс затруднялся малым количеством дорог и отвратительным их состоянием, зачастую не позволявшим использовать автотранспорт или вовсе представлявшим собой козьи тропы. «А отсутствие дорог для подвоза боепитания и продовольствия? — сетует генерал И. В. Тюленев. — Строительство их требовало большого количества дорожных и инженерных батальонов, которых на нашем фронте были считанные единицы. Трудность вторая — переброска войск из района Владикавказа (Орджоникидзе)». Однако другой источник сообщает, что в инженерных войсках Закавказского фронта имелось 8 горноминных и инженерных бригад специального назначения, 41 инженерный батальон, 57 саперных и специальных рот, в которых несли службу более 60 тысяч солдат и офицеров. Как видим, кое-что все же было (потому во втором издании своего мемуара Тюленев слегка поправился: инженерных батальонов «было очень немного»). Вот только это «кое-что», даже когда наступление уже началось, понятия не имело о планах высоколобых стратегов и не знало, что

и где ему надо делать. Инженеров просто не сочли нужным поставить в известность.

«В ряде случаев (особенно в Черноморской группе войск), — сообщает А.А. Гречко, — начальники инженерных войск армий не привлекались к разработке планов наступательных операций, они не были информированы о предстоящих действиях войск, и поэтому части опаздывали с мероприятиями по инженерному обеспечению. Так, в 47-й армии, уже начавшей наступление, штаб инженерных войск не имел плана инженерного обеспечения этого наступления.

План наступления штабом Черноморской группы войск был разработан без учета дорожной обстановки. Это привело к тому, что инженерные части группы по обеспечению войск маршрутами физически уже не могли выполнить большого объема работ. В результате в первый период наступательных действий войска Черноморской группы оказались почти полностью без дорог и не могли получать в достаточной мере боеприпасы и продовольствие. Только с выходом наших войск в район Хадзыженская — Апшеронская — Армавир войска группы стали иметь лучшие пути подвоза и эвакуации». В то время как враг «обладал хорошей сетью дорог и мог в любой момент маневрировать силами, усиливать свои войска на нужном направлении». Фон Клейст почему-то дорогами «обладал», а Тюленев — нет. У немцев — чуть ли не автобаны, а у нас — «в связи изменением погоды многие дороги, проходимые в сухое время года, пришли в полную негодность, стали абсолютно непроходимыми для автомашин и ограниченно проходимыми для гужевого транспорта». А тут еще новая напасть: в середине января морозы сменились оттепелью с проливными дождями и бурным таянием снегов, практически полностью парализовав движение, опять же только с «нашей» стороны хребта. (Правда, Манштейн с доводами советских полководцев не согласен: «Вся группа армий «А», а также 4-я танковая армия, 6-я армия, румынские 3-я и 4-я армии и итальянская армия опирались на один-единственный путь через Днепр — на железнодорожный мост в Днепропетровске... Не хватало коммуникаций также в тылу вдоль фронта (в направлении с севера на юг). Поэтому немецкое Главное командование в отношении ско-

рости подвоза войск или переброски сил всегда находилось в невыгодном положении по сравнению с противником, который располагал коммуникациями, обладавшими лучшей пропускной способностью во всех направлениях».)

В результате к началу наступления советскому командованию так и не удалось создать достаточно мощные ударные группировки, не были накоплены необходимые для успешного прорыва запасы снарядов и мин. Половина войск Черноморской группы находилась в пути к местам сосредоточения или застряла в многокилометровых пробках.

Первой 11 января из района северо-восточнее Туапсе в наступление перешла 46-я армия, наносившая двумя левофланговыми дивизиями вспомогательный удар на Нефтегорск с целью отвлечь внимание противника от главного направления. Боеприпасами армия была обеспечена лучше других, поскольку накапливала их заблаговременно еще в рамках первоначального, «майкопского плана». Правда, половина артиллерии не смогла занять огневые позиции по причине пролившихся дождей на фоне «истощения конского состава». После слабой артподготовки пехота 31-й стрелковой дивизии перешла в атаку на Самурайскую, но была с легкостью отбита. Вслед за этим два немецких батальона «мощной контратакой» выбили нашу дивизию с исходных позиций. Однако на следующий день генерал Руофф, согласовывая маневр с отступлением армии Макензена, начал отвод левого фланга 17-й армии на рубеж Хадыженский — Апшеронский. 12 января противник оставил перевалы Марухский, Клухорский, Санчаро, Белореченский. Войска генерала Леселидзе, «сломив сопротивление», медленно двинулись вдогонку; к преследованию немедленно присоединилась 18-я армия.

12 января, не дожидаясь полного сосредоточения сил, 47-я армия начала операцию «Море». В это время переданный в ее состав 3-й стрелковый корпус застрял в Кабардинке, а 383-я стрелковая дивизия находилась в Туапсе, за 220 километров от места событий — они появятся на передовой лишь

через две недели. Генерал Ф.В. Камков, пытаясь пробить брешь через Абинскую в направлении Крымской, бросал подходившие бригады и дивизии в бой по мере их поступления. При этом никаких данных о силах противника, оборудовании его переднего края, глубине обороны штаб армии не имел, поскольку заниматься разведкой было некогда. В результате 47-я армия понесла большие потери, продвинувшись на 200 метров.

В 9 часов утра 16 января на главном направлении перешла в наступление 56-я армия. Тоже далеко не в полном составе: новый штаб армии прибыл на место только 10 января, на размытых дождями Шабановском и Хребтовом перевалах застряли корпусные артполки, гаубичные дивизионы и батареи стрелковых дивизий; в наличии была лишь треть назначенной артиллерии. Грузовики, перевозившие бригады 10-го гвардейского стрелкового корпуса, на участке дороги Сторожевая — Шабановское внезапно встали (бензин кончился!), образовав пробку и на полтора суток парализовав всякое движение. Поэтому и здесь соединения второго эшелона вводились в сражение с марша. В семидневных тяжелых боях войска генерала Гречко продавили оборону 5-го корпуса генерала Ветцеля западнее Горячего Ключа, продвинулись до 20 километров, понесли потери и были остановлены. Стал ощущаться дефицит боеприпасов, окончательно отстала артиллерия.

На этом, не достигнув поставленных целей, собственно, и закончился первый этап наступательных операций Черноморской группы войск.

Гораздо веселее шли дела в группе генерала Масленникова.

18 января войска 37-й армии освободили Черкесск, а соединения 9-й армии спустя сутки — важный железнодорожный узел Невинномысск. Войска 44-й армии вышли на подступы к Ставрополю, который взяли штурмом 21 января. Конно-механизированная группа генерала Кириченко 23 января вышла в район 20 километров южнее Сальска, где соединилась с частями 28-й армии Южного фронта. На сле-

дующий день войска левого крыла овладели Армавиром и станцией Лабинская.

Тем не менее маршал Гречко отмечает: «Отсутствовала непрерывность преследования, что давало возможность противнику отрываться от наших войск и в ряде случаев создавать устойчивую оборону. Танки во время преследования использовались без должной разведки средств противотанковой обороны противника. Атаки часто проводились без артиллерийской подготовки и артиллерийского сопровождения. Не всегда было организовано взаимодействие пехоты и танков. Если в ходе преследования и были успехи, то в этом большая заслуга в первую очередь командиров соединений и частей, их штабов, умелые инициативные действия солдат и офицеров, которые проявляли отвагу и героизм».

«В ходе преследования, — рапортовал штаб фронта, — наши войска не смогли добиться окружения, полного уничтожения или пленения его основных группировок, однако нанесли противнику настолько большие потери и настолько его деморализовали (10% солдат и офицеров от боевого состава попали в плен), что фактически 1-я танковая армия немцев прекратила свое существование», и одновременно, тремя абзацами ниже, отмечал: *«Бои велись с арьергардами противника. Навязать бои главным силам противника и использовать свое превосходство в силах и средствах, использовать моральный надлом противника войска Северной группы Закавказского фронта не смогли».* Вот так: главных сил Макензена в глаза не видели, но «фактически» их уничтожили.

К 24 января Северная группа Закавказского фронта вышла на дальние подступы к Тихорецкой. Соединения «морально надломленной» 1-й танковой армии остановились на рубеже Красный Маныч, Белая Глина, Армавир.

Гитлер все еще не хотел окончательно отказываться от Кавказа. Он думал, что удастся как-нибудь создать фронт южнее Дона, который позволит сохранить за собой Донбасс, Краснодарский край и Майкопский нефтяной район. В крайнем случае фюрер намеревался удерживать большой

плацдарм на Кубани, с которого надеялся когда-нибудь вновь начать наступление для захвата кавказской нефти.

Решающее значение для спасения южного крыла германского Восточного фронта сыграла стойкость солдат 6-й немецкой армии.

Вот и маршал А. М. Василевский подтверждает: «Задержка с ликвидацией войск Паулюса и явилась основной причиной, изменившей оперативную обстановку на сталинградском и среднедонском направлениях и повлияла на дальнейшее развитие операции «Сатурн».

СТАЛИНГРАДСКОЕ КОЛЬЦО

Ситуация вокруг армии Фридриха Паулюса напоминала русскую сказку «Как мужик медведя поймал».

Когда 23 ноября 1942 года 45-я танковая бригада 4-го танкового корпуса Юго-Западного фронта и 36-я механизированная бригада 4-го механизированного корпуса Сталинградского фронта встретились в районе Калача, в образовавшемся котле оказались 22 вражеские дивизии, многочисленные части усиления и РГК, входившие в состав 6-й и 4-й танковой армий — штабы 4, 8, 11, 51-го армейских и 14-го танкового корпусов, 44, 71, 76, 113, 295, 297, 305, 371, 376, 384, 389, 394-я пехотные, 100-я горнострелковая, 14, 16-я и 24-я танковые, 3, 29, 60-я моторизованные и 9-я зенитная дивизии Вермахта, многочисленные части армейского подчинения и РГК. Кроме того, румынские 1-я кавалерийская и 4-я пехотная дивизии, 100-й хорватский пехотный полк.

Оценив обстановку, генерал Паулюс предложил командующему группой армий «Б» Максимилиану фон Вейхсу немедленно, не теряя ни одного дня, отвести немецкие войска на линию рек Чир и Дон и восстановить сплошной фронт: «Дальнейшее сопротивление, как приказано, в окружении невозможно. Слишком мало сил. Более чем половина фронта не имеет заготовленных позиций. Прежде всего, нет леса для блиндажей. И все это перед началом русской зимы... Снабжение, пока имелась сухопутная связь, уже было недостаточным. Снабжение с воздуха еще более недостаточно. Поэтому из-за зимних условий борьбы, которые люди вы-

держат не могут, и из-за недостаточного снабжения с воздуха, зависящего зимой от метеорологических условий, дальше в котле удержаться невозможно. Я еще раз убедительно прошу дать немедленное разрешение на прорыв».

Генерал Вейхс был такого же мнения. Его поддержал и начальник генерального штаба сухопутных войск Курт Цейтцлер. В котле заканчивались боеприпасы, топливо, продовольствие, отсутствовало зимнее обмундирование. По самым скромным подсчетам, для обеспечения армии требовалось поставлять не менее 500 тонн грузов ежедневно. Однако Гитлер, руководствуясь, главным образом, соображениями престижа, считал, что отступление невозможно, просто невысказано. Всего две недели назад он объявил на партийном съезде: «Я хотел достичь Волги у одного определенного пункта. Случайно этот город носит имя самого Сталина... Именно я хотел его взять, и — вы знаете, нам много не надо — мы его взяли!» Поэтому фюрер велел сталинградский котел именовать «крепостью», а окруженные войска — гарнизоном, обязанным держать осаду. Рейхсмаршал Геринг авторитетно обещал, что доблестные Люфтваффе обеспечат «гарнизон» всем необходимым (ранее он столь же уверенно клялся, что ни одна вражеская бомба не упадет на территорию Третьего рейха). Генерал Паулюс, не решившийся на самостоятельный прорыв, когда такая возможность еще имелась, получил 23 ноября приказ главнокомандующего: «6-й армии при всех обстоятельствах удерживать Сталинград и фронт на Волге... Армия может поверить мне — я сделаю все от меня зависящее, чтобы обеспечить ее снабжение и своевременно деблокировать». Одновременно началось формирование группы армий «Дон», получившей задачу не просто осуществить деблокаду Паулюса, а «остановить наступление противника и вернуть утерянные с начала наступления противника позиции».

Впрочем, попытка прорыва после того, как кольцо сомкнулось, тоже было рискованным предприятием с сомнительным исходом, в этом сходились военачальники обеих сторон.

«Позволительно задать вопрос, — интересовался маршал В.И. Чуйков, командовавший 62-й армией, — как они мыслили себе отрыв войск в условиях Сталинграда, в условиях

городских боев? Для этого войскам Паулюса пришлось бы бросить всю подвижную технику и все тяжелое оружие, всю артиллерию. Мы его пропустили бы сквозь такое сито огня, что немногие вылезли бы из развалин города. Однако не вся армия Паулюса была стиснута в городе. Он имел много войск в районе города. Он мог их сосредоточить на узком участке фронта и нанести удар, скажем, 23 или 24 ноября на прорыв. Допустим, что брешь он пробил бы и, бросив всю технику и всю артиллерию, вышел бы... в открытое поле. Горючее, как признает сам Паулюс, было на исходе. Снег, метель, ледяная корка, удары наших войск. Что случилось бы при таких условиях с 6-й армией? Наполеон, бежавший из Москвы, терял армию до Березины. Паулюс ее потерял бы в степях значительно быстрее».

«Даже если бы армии удалось прорвать вражеский фронт окружения в юго-западном направлении, — прикидывал Манштейн. — за ней по пятам следовали бы армии противника, которые стояли в данное время перед ее Восточным, Северным и Западным фронтами у Сталинграда. Западнее реки Дон противник мог бы перейти к параллельному преследованию в южном направлении, чтобы воспретить армии переправу через Дон. Было ясно, что рано или поздно армия, не поддержанная другими немецкими войсками, была бы вновь остановлена противником в степи, не имея достаточного количества боеприпасов, горючего и продовольствия! Возможно, отдельным частям, особенно танковым, удалось бы спастись. Но уничтожение 6-й армии было бы предрешено! Освободились бы скованные ею до сих пор силы противника. Это могло бы привести к уничтожению всего южного крыла восточного фронта (включая находившуюся еще на Кавказе группу армий «А»).

Таким образом, независимо от того, получится спасти 6-ю армию или нет, главным для Манштейна было, чтобы она продолжала оставалась «боеспособной единицей», отвлекая на себя силы русских. С оперативной точки зрения, раз удобный момент для отхода был упущен, лучше всего ей оставаться в Сталинграде по крайней мере до тех пор, пока не подоспеет помощь извне (*«От этой картины очень большая польза, она дырку в стене закрывает...»*).

Советскому командованию под Сталинградом предстояло решить две проблемы. Во-первых, создать устойчивый внешний фронт и максимально отодвинуть его на запад. Во-вторых, в кратчайшие сроки ликвидировать окруженную группировку. Обе задачи без антракта начали решать с утра 24 ноября.

Замысел «ликвидации» сводился к тому, чтобы ударами по сходящимся направлениям на Гумрак силами 21, 65, 24, 66, 62, 64, 57-й армий, усиленных 26, 4-м и 16-м танковыми корпусами и поддержанных авиацией 17, 16, 8-й воздушных армий — 1414 самолетов, расчленив вражескую армию и уничтожить ее по частям. В течение недели войска трех фронтов непрерывно атаковали противника со всех направлений, советская авиация совершила 6 тысяч боевых вылетов. Боевой подъем был велик. «Сознавая важность задачи, — вспоминает командовавший Донским фронтом маршал К.К. Рокоссовский, — мы предпринимали все меры, чтобы быстрее ее выполнить. Члены Военного совета, все старшие командиры и политработники находились непосредственно в боевых порядках. При этом многие даже принимали личное участие в атаках... Несколько дней, прошедших в напряженных боях, показали, что одним ударом не ликвидировать окруженного противника. Одного желания здесь мало. Потребуется тщательная подготовка новой операции с детальной разработкой взаимодействия между фронтами... Время шло, а результаты наступления были явно неутешительными».

Многочратно возросли потери, нередко бессмысленные, уж очень хотелось нашим генералам завершить операцию «на одном дыхании». Да и Ставка ежедневно требовала «подтолкнуть как следует» то одного, то другого командарма. Какое услышать лично от товарища Сталина: «Вы, видимо, недооцениваете, как нам важно быстрее ликвидировать окруженную группировку врага. Вы серьезно подумайте над этим...» Потом, на пенсионном досуге, генералы будут рассказывать, как заботились о сбережении людей. А тогда стоило Ставке отметить, что командующий 24-й армией генерал-майор И.В. Галанин, имевший задачу захватить хутор Вертячий и переправы через Дон, «действует вяло», и Гала-

нин «дал волю нервам» (немудрено, Ивана Васильевича уже дважды снимали с должности как не справившегося с обязанностями командарма):

«Галанин сделал непростительный шаг: на непрорванную оборону противника через боевые порядки 214-й дивизии утром 24 ноября был поспешно введен в бой 16-й танковый корпус. Стиль руководства остался тот же: каждый род войск и оружия действовал сам по себе. Командир танкового корпуса генерал А. Г. Маслов и сам командарм ограничились приказом — сделать проходы для танков в минных полях. Ни один из офицеров корпуса не был на местности, только утром 24-го генерал Н. И. Бирюков (*командир 214-й стрелковой дивизии, которая по приказу Галанина третий день штурмует в лоб высоту 56,8. — В. Б.*) увидел танкиста-лейтенанта, подъехавшего на мотоцикле. Комдив сказал: «Давайте задачу решать вместе». Офицер нетерпеливо ответил: «Не знаю, как с вашей пехотой пройти... Мы будем сами рвать на Вертячий». И вот корпус пошел «рвать». Машины двинулись прямо на минные поля. Бирюков бросился навстречу: «Куда? Стой! Куда прете — минное поле!» Комиссар 776-го полка Омеров сделал единственно возможное. «Коммунисты в проходах! — крикнул он. — Поднять каски!» И коммунисты встали под огнем, чтобы обозначить проходы. Редкий из них уцелел. Этот акт героического самопожертвования не мог спасти дело. Несколько танков подорвалось, другие прошли вперед и погибли под огнем противотанковых пушек врага. Корпус был выведен из боя. Переправы по-прежнему находились в руках противника».

(Судя по боевой биографии, генерал Галанин, не умея толком организовать боевые действия вверенных ему войск, и раньше «давал волю нервам», особенно после употребления графина водки. К примеру, на Волховском фронте, командуя 59-й армией и посылая голодных, обмороженных бойцов с винтовками на амбразуры, он сумел за два месяца потерять 41 тысячу человек, не выполнив ни одной из поставленных задач.)

В 57-й армии Сталинградского фронта аналогично вводился в сражение 13-й механизированный корпус. О чем особысты незамедлительно сигнализировали комиссару гос-

безопасности 2-го ранга В.С. Абакумову: «Второй день наступления показал крупные недочеты в управлении войсками и организации взаимодействия... Сегодня в 13-м мехкорпусе вышло из строя 34 танка (Т-34 и Т-70), из них 27 подорвалось на минах противника».

Для кого Верховный писал свои приказы? Например:

«Практика войны с немецкими фашистами показала, что в деле применения танковых частей мы до сих пор имеем крупные недостатки...

Танки бросаются на оборону противника без должной артиллерийской поддержки. Артиллерия до начала танковой атаки не подавляет противотанковые средства на переднем крае обороны противника, орудия танковой поддержки применяются не всегда. При подходе к переднему краю противника танки встречаются огнем противотанковой артиллерии противника и несут большие потери...

Танки вводятся в бой поспешно без разведки местности, прилегающей к переднему краю обороны противника, без изучения местности в глубине расположения противника, без тщательного изучения танкистами системы огня противника.

Танковые командиры, не имея времени на организацию танковой атаки, не доводят задачу до танковых экипажей, в результате незнания противника и местности танки атакуют неуверенно на малых скоростях...

Как правило, танки на поле боя не маневрируют, не используют местность для скрытого подхода и внезапного удара во фланг и тыл и чаще всего атакуют противника в лоб.

Общевойсковые командиры не отводят необходимого времени для технической подготовки танков к бою, не подготавливают местность в инженерном отношении на направлении действия танков. Минные поля разведываются плохо и не очищаются. В противотанковых препятствиях не проделываются проходы и не оказывается должной помощи в преодолении труднопроходимых участков местности. Саперы для сопровождения танков выделяются не всегда. Это приводит к тому, что танки подрываются на минах, застревают в болотах, на противотанковых препятствиях и в бою не участвуют...»

На самом деле директивы Верховного наши генералы изучали внимательно, да в общем и тактику ведения боя зна-

ли не хуже товарища Сталина. Но реальная «практика ведения войны с немецкими фашистами» показала, что для собственного здоровья лучше угробить полк или танковый корпус, чем попытаться оспорить или промедлить с выполнением самого дурацкого приказа вышестоящего штаба, требующего, как правило, разгромить врага немедленно и выполнить боевую задачу любой ценой. Отсюда во многом проистекали «крупные недостатки» в деле применения танковых частей.

Рассмотрим ввод в сражение только что прибывшей с Урала 121-й танковой бригады, приданной для усиления 21-й армии генерал-майора И.М. Чистякова. Вся техническая, инженерная и прочая подготовка к бою состояла в том, что «общевойсковой командир» вызвал к себе командира танкового и отдал боевой приказ: полный вперед, курс на Мамаев курган, отличившихся представим к награде.

«Вместо ожидаемого ответа: «Задача ясна и будет выполнена», — вспоминает Чистяков, — я услышал такое:

— Товарищ генерал, ведь там, наверное, есть мины на дорогах, закопаны танки, пушки стоят. Надо все разминировать, разузнать, пусть пехота сначала пойдет, а мы за ней.

Я знал, что командир бригады только что пришел из резерва. Он был преподавателем. В его ответе была какая-то правда (?), он мыслил строго по-уставному. Но не ко всем случаям жизни можно применить уставные требования. Я решил, что такого командира бригады не следует сразу посылать в бой, а в этот бой послать более опытного командира».

Последовали замена комбрига (заметьте — не командарма), короткий митинг, и уже через час «бригада рванулась».

К 30 ноября «колечко» удалось сжать вдвое, но не расколоть. Генерал Паулюс вывел свои соединения из малой излучины Дона и укрепил ими позиции западнее реки Россошка. Сократив линию фронта, сформировав боевые подразделения из обозов, штабов, связистов, прочих тыловых частей, уплотнив боевые порядки, он активно маневрировал резервами внутри своего «овального фронта» протяженностью 30—40 километров с севера на юг и 70—80 километров с запада на восток. В центре, в районах Питомника и

Гумрака, имелись недостижимые для советской артиллерии аэродромы, к которым Люфтваффе начали «строить» воздушный мост. Немцы умело использовали систему советских укреплений, построенных еще летом, превратили в узлы сопротивления населенные пункты, заняли высоты, приспособили железнодорожные насыпи, выбывшие из строя танки, вагоны, паровозы и сумели удивительно быстро организовать прочную оборону по всему периметру. Оставалось дожидаться обещанной фюрером помощи.

Солдаты Вермахта, несмотря на холод и сокращение продовольственных пайков, сражались стойко, умело, активно, побежденными себя не считали и не теряли надежды на благополучный исход — ведь имелся пример Демянского котла, когда 100-тысячная группировка в течение ряда месяцев снабжалась с воздуха и сражалась в окружении до тех пор, пока не был пробит румушевский коридор, — и сдаваться в плен не собирались. Не привыкли еще арийцы быть битыми.

Да и многим нашим бойцам не верилось, что в войне наступает перелом, что в конце концов они сумеют сокрушить прекрасно организованную германскую военную машину. Бдительные органы фиксировали высказывания «антисоветского элемента» в красноармейской шинели:

«Красноармеец 680 СП, 189 СД Пономаренко... из крестьян, украинец, беспартийный, 30.12.42 года группе бойцов говорил: «Сейчас зима и мороз, а вот подождите, летом немцы всех нас потопят в Волге. Сейчас не поймешь, кто в окружении, не то немцы не то мы...»

Красноармеец 273 СД Яковлев... русский, беспартийный, 10.12.1942 года среди красноармейцев высказывался: «Хоть наши и окружили немцев, но нам их все равно не взять, т.к. наши воевать не могут и не умеют. Поставили командиров из детей, не обученных военному делу. А у немцев уж если кому дадут чин офицера, то он знает свое дело...»

Красноармеец 29 СД Звягин... из крестьян, беспартийный, будучи а/с настроен, среди бойцов и мл. командиров подразделения проводит а/с и пораженческую агитацию: «Газетам не верьте, что Красная Армия стойкая и храбрая. В газетах пишут в основном неправду, а вот в отношении немецкой так прямо скажу, что это армия образцовая и нам ее

вряд ли победить. Хотя мы сейчас и имеем успех, но это ненадолго. Получится опять как прошлой зимой. Немцы перезимуют здесь под Сталинградом, а весной они нам покажут, как нынешним летом...»

Более того, почти не уменьшилось количество дезертиров и перебежчиков с советской стороны. Они не верили, что 6-я армия действительно окружена, и бежали к немцам в котел! По неполным данным, в ноябре — декабре особыми отделами Донского фронта было арестовано 94 труса и паникера (из них 22 приговорены к высшей мере наказания), еще 103 человека были расстреляны перед строем без суда. По-прежнему, согласно докладной записке майора госбезопасности В.М. Казакевича, «исключительно большую роль» играли находившиеся позади стрелковых цепей армейские заградотряды и дивизионные заградительные батальоны, придававшие войскам «устойчивость», неоднократно «предупреждавшие неорганизованный отход», неустанно помогавшие бойцам «выполнить свой долг перед Родиной».

В котле находилось более 20 тысяч «русских», кто-то — в качестве военнопленных, кто-то, и их было немало, надели форму солдат Вермахта, служили во вспомогательных частях и даже сражались на передовой с оружием в руках. Так вот, что касается советских пленных, то, судя по всему, основная их масса была, что называется, самые «свежие». Иначе, как бы командарм-21 генерал Чистяков в конце января, после освобождения лагеря в Гумраке, смог набрать из них около восьми тысяч бойцов, сформировать восемь батальонов и направить на передовую — ведь немцы пленных почти не кормили и уже в декабре смертность среди них достигла двадцати человек в день и были зафиксированы случаи людоедства.

В первой декаде декабря по требованию Ставки и под присмотром начальника Генерального штаба Василевского была предпринята новая попытка уничтожить окруженную группировку, и снова безрезультатно. Рокоссовский приводит разговор с командующим 65-й армией генерал-лейтенантом П.И. Батовым:

«Я спросил, как развивается наступление.

— Войска продвигаются, — был ответ.

— Как продвигаются?

— Ползут.

— Далеко ли доползли?

— До второй горизонтали Казачьего кургана.

Я сказал ему: раз уж его войска вынуждены ползти и им удалось добраться только до какой-то воображаемой горизонтали, приказываю прекратить наступление, отвести войска в исходное положение и перейти к обороне, ведя силовую разведку, с тем чтобы держать противника в напряжении».

В неудаче сыграли роль два фактора. Во-первых, бестолковость организации и отсутствие единого руководства, поскольку все рассчитывали на быструю победу. Если генералу Ватутину поставили задачу отодвигать внешний фронт окружения, то Сталинград освобождали сразу два командующих — Еременко и Рокоссовский, независимо друг от друга. 4 декабря Сталин прислал Василевскому вразумляющую телеграмму:

«Ваша задача состоит в том, чтобы объединять действия Иванова и Донцова. До сего времени у вас, однако, получается разъединение, а не объединение. Вопреки вашему приказу, 2-го и 3-го числа наступал Иванов, а Донцов не был в состоянии наступать. Противник получил возможность маневра. 4-го будет наступать Донцов, а Иванов окажется не в состоянии наступать. Противник опять получает возможность маневрировать. Прошу вас впредь не допускать таких ошибок. Раньше чем издать приказ о совместном наступлении Иванова и Донцова, нужно проверить, в состоянии ли они наступать».

Во-вторых, сильно недооценили противника. По данным разведки, численность группировки Паулюса составляла 80—85 тысяч человек. Фактически в котле находились не менее 220 тысяч солдат и офицеров, 3200 орудий и минометов, 200 танков. В составе Сталинградского и Донского фронтов на 1 декабря насчитывалось 480 тысяч человек, 8490 орудий и минометов, 465 танков. Правда, по нашим войскам цифры даются «без зенитной артиллерии и 50-мм минометов», а по

немецким — с учетом всего, что имело калибр 20 миллиметров и выше. В общем, все равно «сил явно не хватало».

В связи с этим было принято решение о выделении из резерва Ставки для Донского фронта 2-й гвардейской армии, укомплектованной отборными соединениями, — 1-й и 13-й гвардейские стрелковые и 2-й гвардейский механизированный корпуса, и разработан новый план разгрома Паулюса. Начало операции назначили на 18 декабря, с тем чтобы закончить не позднее 23-го. Кстати, получался прекрасный подарок к дню рождения товарища Сталина.

Однако противник «не замедлил внести свои коррективы». 12 декабря от Котельниково к Сталинграду выступил 57-й танковый корпус группы «Гот» и за пять дней сумел продвинуться на 75 километров. Три танковые дивизии, в которых насчитывалось около 500 танков и штурмовых орудий, стальным клином пробивали коридор, по которому должны были проследовать колонны грузовиков и тягачей с 3000 тонн запасов для гарнизона «крепости на Волге». Выводить армию из города в намерения Гитлера не входило.

Как сообщает Василевский, такой вариант развития событий он предвидел и еще в ноябре предупреждал, что «гитлеровцы примут все меры, чтобы при максимальной помощи извне выручить свои войска», и даже имел факты, свидетельствующие о том, что в ближайшие дни немецкое командование «попытается осуществить наступление на котельниковском направлении». Но получилось — не ждали. Во всяком случае, Готу удалось достигнуть тактической внезапности. Запаниковавший Еременко затребовал подкреплений. Чтобы спасти положение, Василевский вырвал согласие Сталина прибывающие соединения 2-й ударной армии направить на разгром котельниковской группировки врага. Возражения Рокоссовского не были приняты во внимание.

Попытка Манштейна пробиться к Паулюсу в конце концов провалилась, группа Гота, потеряв 230 танков, начала отход, но операцию по ликвидации сталинградской группировки, получившей кодовое наименование «Кольцо», пришлось отложить на месяц. Вместе с тем Ставка требовала «продолжать систематическое истребление окруженных войск противника с воздуха и наземными силами, не давать

противнику передышки ни днем, ни ночью, все более сжимать кольцо окружения, в корне пресекать попытки окруженных прорваться из кольца». Дивизии продолжали ходить в атаки, изматывая врага, заставляя его расходовать драгоценные боеприпасы, улучшая свои позиции и отгрызая от вражеского «плацдарма» по кусочку. Так, войска генерала Батова к 28 декабря «доползли» до гребня Казачьего кургана. Немцы в долгу не оставались и непрерывно контратаковали, пытаясь вернуть утраченное. Советская артиллерия изнуряла врага систематическими обстрелами и внезапными налетами. Среднемесячный расход боеприпасов в Сталинградской наступательной операции не имел аналогов в военной истории и составил 3 миллиона снарядов и мин, более 90 миллионов патронов к стрелковому оружию — 64 вагона в день. Соединения авиации дальнего действия и трех воздушных армий наносили удары по аэродромам в самом кольце и за внешним фронтом окружения, 102-я авиационная дивизия ПВО и 395 зенитных орудий подстерегали транспортные самолеты, доставлявшие осажденным необходимые припасы и осуществлявшие эвакуацию раненых. Когда огонь на передовой стихал, на передовой включались громкоговорящие установки и начинали вещать на немецком языке, обрисовывая безвыходность положения германской армии и призывая сложить оружие. Над котлом было разбросано полтора миллиона листовок с предложением сдаться.

Для оказания помощи при подготовке и проведении наступательной операции в штаб Рокоссовского 21 декабря прибыл представитель Ставки — главный артиллерист страны генерал-полковник Н.Н. Воронов. Он должен был координировать действия Донского и Сталинградского фронтов. Однако через неделю Сталин решил упростить систему управления и возложить ответственность на одного из командующих. С подачи Г.К. Жукова дело окончательной ликвидации группировки Паулюса поручили генералу Рокоссовскому. Чем смертельно, на всю жизнь, был обижен генерал Еременко. Андрей Иванович участвовал в Сталинградской битве с самого начала и вполне обоснованно считал, что раз его фронт выдержал самые тяжелые испытания, отстоял город, перешел в контрнаступление, то именно ему, по справедливости,

вности, должны были доверять поставить в сталинградской эпопее победную точку. Но Иосиф Виссарионович решил иначе. Директивой от 30 декабря Донскому фронту были переданы 62, 64-я и 57-я армии Сталинградского фронта.

Оскорбленный в лучших чувствах Еременко писал в дневнике: «Первостепенное значение имеют не заслуги, а взаимоотношения с начальством...»

План операции, утвержденный 4 января 1943 года, предусматривал нанесение рассекающего удара с запада на восток силами 65-й армии (27, 40-я гвардейские, 23, 24, 304, 321, 252, 258, 173, 214-я стрелковые, 1, 4, 11-я артиллерийские дивизии, 91-я танковая бригада). На первом этапе операции на нее возлагалась задача наступать в юго-восточном направлении на Новый Рогачик и во взаимодействии с 21-й армией (52-я и 51-я гвардейские, 278, 293, 277, 96, 120-я стрелковые, 19-я тяжелая артиллерийская дивизия, 121-я танковая бригада) и ударными группировками 64-й и 57-й армий уничтожить противника, оборонявшегося к западу от реки Россошка. В составе 65-й армии сосредоточивалось более четверти сил и средств всего фронта: 36 артполков, в том числе два большой мощности с 203-мм орудиями, пять зенитных полков и пять полков реактивных минометов (как утверждает маршал К.П. Казаков, «на каждом из трех пехотинцев приходилось по два артиллериста»). В ее интересах должна была действовать основная масса авиации 16-й воздушной армии. Левый фланг Батова обеспечивала 24-я армия Галанина (120, 49, 84, 233, 298, 260-я стрелковые дивизии).

На втором этапе главный удар планировалось перенести в полосу 21-й армии, которая, взаимодействуя с 65, 57-й и 64-й армиями, должна была развивать наступление на Воропоново. Затем предусматривался общий окончательный штурм.

Из резерва Ставки ВГК в состав фронта передавались еще одна артиллерийская дивизия, два полка и один дивизион артиллерии большой мощности, пять истребительно-противотанковых артполков, две дивизии реактивной ар-

тиллерии, один зенитный артиллерийский полк, семь гвардейских танковых полков прорыва, 20 тысяч человек маршевого пополнения.

Всего к началу проведения операции в составе Донского фронта насчитывалось 39 стрелковых дивизий, 10 стрелковых, мотострелковых и морских бригад, 7 авиационных дивизий, 45 минометных и артиллерийских полков РКГ, 10 полков реактивной артиллерии, 5 танковых бригад, 14 танковых полков, 17 артиллерийских полков ПВО. Плотность артиллерии на главном направлении составила 220 орудий и минометов на километр фронта, а в полосе 24-й Самаро-Ульяновской Железной стрелковой дивизии — 338 стволов. Как вспоминает генерал А.Д. Попович: «Под Сталинградом мы приобрели массовый опыт применения орудий прямой наводки. Это было именно в полосе 65-й армии. Орудия стояли не только рядом, но и почти в затылок». Генерал Батов сообщает, что по количеству артиллерии его армия превосходила противника в 15 раз.

65-й армии Батова и 21-й армии Чистякова противостояли 384-я и 44-я пехотные, 29-я и 3-я моторизованные дивизии. Последняя, к примеру, имела 36 орудий, 25 танков и по 80 активных штыков в каждом из шести батальонов. Большинство танков, из-за нехватки горючего, располагались сразу позади пехоты в качестве неподвижных огневых точек. Резерв дивизии состоял из 150 человек саперного батальона.

8 января советское командование предъявило Паулюсу ультиматум с предложением во избежание напрасного кровопролития прекратить бессмысленное сопротивление и «организованно передать в наше распоряжение весь личный состав, вооружение, всю боевую технику и военное имущество в исправном состоянии». Документ подписали генерал-полковник Н.Н. Воронов и генерал-лейтенант К.К. Рокоссовский. Текст ультиматума передавался по радио и сбрасывался с воздуха в листовках. Немцы не стали отвечать, а советских парламентариев завернули обратно.

И дело не в том, что фюрер запретил им сдаваться (можно подумать, Сталин кому-то разрешал), а в том, что любая армия «не имеет права капитулировать, пока она еще хотя в какой-то степени способна вести бой». По твердому убежде-

нию Манштейна: «Для генерала Паулюса отклонение предложения о капитуляции было его солдатским долгом. Единственным оправданием для капитуляции было бы отсутствие у армии боевой задачи, то есть полная бессмысленность дальнейшего сопротивления». Стойкость 6-й армии имела для германского командования огромное значение: «6-я армия — как бы бесперспективно ни было ее сопротивление в будущем — еще должна была в течение возможно большего времени играть решающую роль в развитии общей оперативной обстановки». А чтобы поднять руки в гору, приказ не нужен. Этот вопрос каждый решает для себя сам, в индивидуальном, так сказать, порядке. Кроме того, обещаниям «большевиков» почти никто не верил, а обещаниям фюрера верило большинство.

Буквально накануне прямиком из ставки Гитлера вернулся в котел командир 14-го танкового корпуса генерал Ханс Хубе, сообщивший Паулюсу последние новости: «Относительно Сталинграда фюрер полон уверенности. Теперь перед 6-й армией стоит историческая задача держать Сталинград до последнего, даже если к концу фронт окажется в черте города. 6-я армия должна **сковывать крупные силы русских, чтобы дать возможность перестроить южный участок восточного фронта, занятый прежде союзниками**». (Когда на первом допросе Воронов и Рокоссовский спросили у Паулюса, почему он не сложил оружия сразу после того, как безысходность положения его армии стала очевидной, и продолжал бесцельно проливать кровь своих солдат, фельдмаршал ответил, что этого требовали стратегические расчеты Германии.) Кроме того, Гитлер обещал, что до середины февраля все будет подготовлено к нанесению «мощного контрудара значительными свежими силами», который изменит всю обстановку «в сторону победы». Для этого предполагалось использовать часть соединений, отходивших с Кавказа, и начавший передислокацию из Франции в район Харькова танковый корпус СС.

В 8 часов утра 10 января «разверзлась преисподняя» — армии Донского фронта после мощнейшей 55-минутной артиллерийской подготовки со знаменами в боевых порядках перешли в наступление. Артиллерия поддерживала атаку пе-

хоты и танков огневым валом на глубину до 1,5 километра, затем двинулась их сопровождать. К концу первого дня, преодолевая ожесточенное сопротивление, советские войска на отдельных участках продвинулись на 6—8 километров, а 12 января, срезав западный выступ немецкой обороны, вышли на реку Россошка. Соединения смежных флангов 64-й и 57-й армий, наступая в направлении станции Басаргино, прорвали оборону противника на реке Червленная.

Задача первого этапа была выполнена. Полному разгрому подверглись 29-я моторизованная и 376-я пехотные дивизии. Ввиду отсутствия топлива противник вынужден был при отступлении бросать технику и тяжелую артиллерию. Долбить мерзлую землю на новых рубежах у немецких солдат уже не было сил, и они, обмороженные, голодные, завшивленные, в голой степи на тридцатиградусном морозе возводили укрытия из снега, льда и трупов. «Во всей армии не найдется ни одного здорового человека. Самый здоровый по меньшей мере обморожен, — записывал Паулюс. — Командир 76-й пехотной дивизии доложил вчера, что множество его солдат замерзли насмерть».

«Сверхчеловеки» оказались в тех же условиях, что и красноармейцы, которые точно так же находились под открытым небом, насмерть замерзали в снегу и страдали от педикулеза.

«Все дни перехода мы не ели хлеба, так как наши интенданты заблудились и не могли нас найти, — вспоминает бывший минометчик 1034-го стрелкового полка 293-й дивизии М.Г. Абдуллин. — Мы были до того истощены, что я уже уверился в скорой своей гибели не от фашистской пули, а от голодной смерти. Ослабли мы и физически и морально. Сил не было даже говорить. Было бы лето, съел бы хоть травки какой или корешков, уж я бы нашел... Про баню боязно и думать, такая мечта кажется совершенно сказочной. В продолжение целого месяца мы ни разу не уснули в помещении. В зимних условиях степной местности это трудно выдержать даже такому здоровому и молодому организму, как мой. Изнуряли лши. Я пробовал дустом травить — бесполезно. Куда ты денешься зимой от них? Никуда... Нерегулярное питание, хронический недосып, холод, постоянные физические нагрузки... Пьем грязную воду из грязных котелков, оттаянную из

грязного снега...» И далее рассказывает, как всей ротой варили в котелках брикеты комбикорма «и с голодухи съели вместе с мякиной».

Чтобы как-то согреться, бойцы забирались в ямы, воронки, укрывались плащ-палатками и что-нибудь жгли, например тол, извлеченный из противотанковых мин. И угорали целыми подразделениями. Так что всей разницы, что наши одеты были добротнее и огнеприпасов могли не жалеть, их доставляли в первую очередь.

Боевые действия продолжались без передышки днем и ночью. К исходу 17 января советские войска вышли на рубеж Большая Россошка — хутор Гончара — Воропоново, где вновь встретили упорное сопротивление на внутреннем обводе городских укреплений. Протяженность линии фронта сократилась со 170 до 110 км. Особенно ощутимой для 6-й армии стала потеря основного аэродрома в районе Питомника, там же находился и более-менее оборудованный полевой госпиталь. Только теперь из опроса пленных наши генералы «вдруг узнали, что после стольких боев наш противник насчитывает около 200 тысяч человек!» и в очередной раз подивились беспомощности своей разведки.

На этой стадии надежды окруженцев на внешнюю помощь полностью развеялись, в плен начали сдаваться батальоны, вернее то, что от них осталось, но большинство подразделений, даже осознав безнадежность положения, продолжало отчаянно сражаться, приводя в смущение советское командование (за время двухмесячной осады в 6-й армии было вынесено 360 смертных приговоров за попытку дезертирства и неподчинение приказу, что не так много, учитывая отчаянность положения).

«Прошло пять суток нашего наступления, — недоумевал Н.Н. Воронов и ежедневно по два-три часа допрашивал пленных немецких офицеров. — Откуда же у него брались силы и средства? Неужели не сказываются трудности с продовольствием? Как же немцы дерутся, получая голодный паек? Разведка доносила, что суточный рацион немцев состоит из 150 граммов хлеба, 60—75 граммов мяса, супа из конины и изредка 25—30 граммов масла».

«Мы тогда не раз удивлялись, — вспоминает генерал И.М. Чистяков, — кажется, уж не на что было рассчитывать

гитлеровцам, но они продолжали ожесточенно сражаться... дрались, как смертники».

Сказать просто, что немецкие солдаты проявляли героизм, сохраняли верность долгу и присяге, что они имели понятия о воинской чести, у советских мемуаристов язык не поворачивался. Ничего подобного у «гитлеровской солдатни» за душой быть не могло. Ведь каждый советский человек знает: только «в боях за коммунизм рождается героизм» и лишь под ленинским знаменем «сердце горит пламенем».

Хотя вот весточка домдой, отправленная бойцом 9-й зенитной дивизии ПВО: «Я горжусь тем, что могу с чистой совестью назвать себя защитником Сталинграда! Будь что будет! Когда придет мой последний час, я умру с радостной мыслью о том, что исполнил свой долг перед фатерляндом и отдал жизнь за нашего фюрера и свободу германского народа». Если последнюю строчку слегка изменить, вставив: «За Родину! За Сталина!», то получится письмо героя-комсомольца, хоть на первую полосу «Правды» помещай, а так — всего лишь свидетельство «ложно направленного чувства немецкого патриотизма и фанатизма оболваненного пропагандой захватчика-расиста».

Ложные послышки приводят к ложным выводам. Поломав голову над тайной немецкого упрямства, Воронов сообразил, что «разведка не учитывала тех тайных запасов продовольствия, которые имели немецкие соединения и части (?)» и которые, видимо, поедали втайне от разведки.

Советское командование решило сделать паузу и еще раз предложило окруженной группировке капитулировать. Но и на этот раз предложение было отвергнуто. Войска Донского фронта приступили к подготовке завершающего штурма. Паулюс для продолжения обороны потребовал у Манштейна срочно перебросить по воздуху несколько пехотных батальонов, но командование группы армий «Дон» «уже не считало себя вправе перебрасывать войска или пополнение» в обреченный котел.

Каждый день, на который удавалось задержать под Сталинградом советские дивизии и тем самым оттянуть их пере-

броску на другие направления, имел решающее влияние на общую обстановку на Восточном фронте. Потому фюрер настаивал на том, чтобы продолжать бой до последней возможности. И 6-я армия, выигрывая для германского командования драгоценное время, по-прежнему приковывала к себе семь советских армий.

Свою задачу она выполнила настолько хорошо, что, планируя в 1944 году операцию «Багратион», в советском Генеральном штабе старались в документах вообще не употреблять слово «окружение». Как вспоминает Штеменко: «Опыт, добытый в битве под Сталинградом и других крупных сражениях, свидетельствовал, что окружение и ликвидация окруженного противника связаны с расходом большого количества войск и боевой техники, с потерей длительного времени. А любое промедление на таком широком фронте, как в Белоруссии, давало врагу возможность подвезти резервы и парировать наши удары».

Гитлер все больше убеждался, что его приказ Паулюсу не сдавать позиций был абсолютно верным. Казалось, немцам удалось добиться стабилизации обстановки на южном крыле Восточного фронта. Но во второй половине января Красная Армия нанесла серию сокрушительных ударов на Верхнем Дону.

НА ВЕРХНЕМ ДОНУ

Главной целью Воронежского фронта, которым командовал генерал-лейтенант Ф.И. Голиков, был Харьков.

К середине декабря 1942 года войска фронта (38, 60, 40-я армии, 18-й отдельный стрелковый корпус) после ряда неудачных попыток освободить Воронеж занимали оборону на рубеже, протянувшемся в полосе от железной дороги Елец — Касторное, далее по левому берегу Дона до Новой Калитвы и на юго-запад до Кантемировка, имея плацдармы на правом берегу реки в районах Первое Сторожевое и Щучье.

В связи с успешными действиями советских войск на

Среднем Дону и на котельниковском направлении Верховный Главнокомандующий еще 21 декабря поставил Воронежскому фронту задачу подготовить и провести операцию с целью окружить и разгромить противника в районе Острогжска, Каменки, Россоши, освободить железную дорогу Лиски — Кантемировка и создать условия для последующего наступления на харьковском и донбасском направлениях. В качестве ударного кулака генералу Голикову из резерва Ставки передавалась 3-я танковая армия под командованием генерал-майора П.С. Рыбалко в составе 12-го и 15-го танковых корпусов, 48-й гвардейской, 184, 180, 111-й стрелковых дивизий, 37-й стрелковой, 179-й и 173-й отдельных танковых бригад, 8-й артиллерийской и 9-й зенитно-артиллерийской дивизий. Кроме того, дополнительно должны были прибыть 4-й танковый и 7-й кавалерийский корпуса, 183, 270 и 322-я стрелковые дивизии со средствами усиления, три лыжные бригады, 10-я артиллерийская, 5-я зенитная и 4-я гвардейская минометная дивизии.

К созданию одиннадцати артиллерийских дивизий РВГК в Красной Армии приступили в октябре 1942 года; в состав каждой входило по восемь полков. В декабре, в связи с введением бригадного звена, была проведена реорганизация. Теперь в состав дивизии входили 4 бригады: легкая — сорок восемь 76-мм пушек, гаубичная — пятьдесят шесть 122-мм гаубиц, пушечная — тридцать шесть 122-мм орудий и минометная — сто восемь 120-мм минометов. Таким образом, в артиллерийской дивизии насчитывалось 248 стволов весьма приличных калибров.

Формирование гвардейских минометных дивизий началось в начале декабря 1942 года. В их состав входили две бригады М-30 и четыре полка М-13. Залп дивизии состоял из почти четырех тысяч 132-мм и 320-мм реактивных снарядов и весил 230 тонн.

Всего к середине января в составе Воронежского фронта имелось 23 дивизии, 2 танковых корпуса, 10 стрелковых и 10 отдельных танковых бригад — 347 200 человек, около 4000 орудий и минометов калибра 76 мм и выше, не считая реактивной артиллерии, 909 танков. Их поддерживали 208 боевых самолетов 2-й воздушной армии генерал-майора

К.Н. Смирнова — 2 истребительные, 2 штурмовые и 1 бомбардировочная дивизии.

К операции также привлекались фланговые армии соседей: 13-я армия Брянского фронта — 8 дивизий, 2 отдельные танковые бригады — 95 000 человек; на юге — 6-я армия Юго-Западного фронта, имевшая в своем составе 5 стрелковых дивизий, 1 стрелковую и 2 танковые бригады — 60 200 человек.

Таким образом, в наступлении должны были участвовать — 34 стрелковые дивизии, 3 танковых и 1 кавалерийский корпуса, 12 стрелковых и 13 отдельных танковых бригад — более полумиллиона человек и свыше 1000 танков.

Им противостояли войска группы армий «Б», прикрывавшие курское и харьковское направления: 7 пехотных дивизий из 2-й немецкой армии генерала фон Зальмута, 10 пехотных и 1 танковая дивизия 2-й венгерской армии генерал-полковника Яни, итальянский альпийский и 24-й германский танковый корпуса из состава 8-й итальянской армии — 6 пехотных и 1 танковая дивизия. Танковый корпус, которым командовал генерал-лейтенант Вандель, представлял собой сборную команду из остатков немецких и итальянских пехотных соединений и отдельных частей 27-й танковой дивизии Вермахта.

С учетом того, что средний некомплект личного состава в немецких дивизиях составлял на тот период свыше 4000 человек, а венгерские пехотные дивизии считались легкими и имели по шесть батальонов, численность вражеской группировки можно оценить приблизительно в 300 000 солдат и офицеров (половина — венгры), 2600 орудий и минометов, около 300 танков и штурмовых орудий. Оборона в инженерном отношении была развита лишь в тактической зоне, в глубине подготовленных рубежей не имелось.

Боеспособность венгерских дивизий наши штабы, основываясь на опыте Первой мировой войны, оценивали достаточно высоко, «даже выше, чем немецких».

Наиболее слабым считался южный участок позиций противника, где находились итальянские части.

На войну с Советским Союзом итальянцы отрядили в 1941 году сравнительно небольшие силы — 60-тысячный экспедиционный армейский корпус под командованием генерала Мессе. Но уже осенью Муссолини, наслушавшись берлинского радио и уверовавший в неизбежность немецкой победы, стал мучиться вопросом: не слишком ли маленьким окажется кусок послевоенного пирога, если вклад итальянских вооруженных сил в дело разгрома большевиков будет недостаточно весом? На грядущих мирных конгрессах дуче хотелось равноправного партнерства с нацистами. Поэтому он буквально уговаривал Гитлера позволить увеличить численность итальянского контингента в России. Фюрер отнесся к просьбе с пониманием, но особого интереса в тот период не проявил, заявив министру иностранных дел Италии, что операции Вермахта и без того близки к победному завершению. Возможно, в перспективе итальянцы пригодятся где-нибудь в Закавказье, «так как на этой местности итальянский солдат будет более пригоден, чем немецкий, из-за характера местности и климата». Однако после Московской битвы Гитлеру пришлось кардинально изменить свое мнение. В январе 1942 года он не только согласился с предложением Муссолини, но просил поелику возможно ускорить посылку дополнительных войск.

К середине лета экспедиционный корпус развернули в 8-ю армию (35-й, 2-й армейские и Альпийский корпуса) численностью 256 тысяч человек, командовать которой поручили престарелому флегматику генералу Гарибольди, не блиставшему военными талантами, но зато готовому беспрекословно следовать предначертаниям политического руководства. В отличие от строптивного спорщика Мессе, открыто протестовавшего против новой авантюры и называвшего немцев «толстокожими и бессовестными товарищами по оружию».

В состав армии входили 5 пехотных, 3 горные, 1 мотопехотная, 1 охранная дивизии, 2 пехотные и 1 кавалерийская бригада. На вооружении имелось 55 легких танков, 19 самоходных установок, 1295 орудий, 1297 минометов, 2850 ручных и 1400 станковых пулеметов. По своему оснащению итальянские дивизии значительно уступали немецким: почти не имели тяжелых артсистем, противотанковых и зенит-

ных пушек, недоставало средств связи. Итальянские «пушечные машины» типа L6/40 с 20-мм стрелялками (аналог наших Т-60, только с клепаными корпусами), по сравнению с КВ и Т-34, были, что называется, обнять и плакать. Подразделения пехотных бригад хоть и назывались «манипулами» и «центуриями», а их командиры «проконсулами» и «центурионами», на деле представляли собой милицейские формирования чернорубашечников, слабость вооружения восполнявших «высоким боевым духом» и клятвами верности фашистской идее. Альпийские дивизии, набранные преимущественно из горцев Северной Италии, выносливых и спаянных землячеством, считались наиболее надежными войсками. Однако на равнине их горные пушки были малопригодны для борьбы с русскими танками, а основной тягловой силой в частях были мулы. Правда, согласно воспоминаниям, весьмагодились альпенштоки — сшибать головы пернатой живности в украинских деревнях.

Остро ощущалась нехватка грамотных офицеров. Рядовые солдаты не испытывали особых симпатий к Третьему рейху, отличались недостаточной военной подготовкой в целом и на территории России в частности, просто не желали воевать черт знает где и бог весть за что. Мироощущение пополнения, прибывавшего на Восточный фронт с «улыбкой туриста» и уверенностью, что кампания закончится через месяц, а участие в ней сведется к необременительной гарнизонной службе, менялось радикально, как только выяснялся неприятный факт: «Да здесь убивают!»

С самого начала и на всех уровнях не ладилось отношения с союзниками. Немецкие генералы, не считаясь с субординацией и не обращая внимания на «гордые протесты», распоряжались итальянскими дивизиями по своему усмотрению, что вызывало крайне негативную реакцию итальянских полководцев. Так, граф Чиано после беседы с генералом Мессе отметил: «Как и все, кто имел дело с немцами, он их ненавидит и считает, что единственный способ разговаривать с ними — это пинок в живот». Немецкие солдаты относились к «макаронникам» с нескрываемым пренебрежением, итальянцы отвечали «колбасникам» взаимностью, стычки между «товарищами по оружию» нередко заканчива-

лись жестоким мордобоем. «Немцы ценят у итальянцев только макароны и рагу, — писал в дневнике лейтенант Францини. — Они смотрят на нас свысока и всячески унижают. Альпийским стрелкам это не нравится. Время от времени вспыхивают кулачные бои. Мы видим, что с нами обращаются, как со слугами».

В штабе группы армий «Б» не без оснований полагали, что итальянским войскам можно доверить лишь пассивную оборону спокойного участка, да и то при условии, что русские ничего серьезного на этом участке не будут предпринимать. Жизнь подтвердила диагноз. После первых же серьезных столкновений с противником наиболее боеспособная бронекавалерийская «Челере» выбыла из строя, потеряв около трети личного состава и почти всю артиллерию, а дивизия «Сфорцеска» заработала себе новое украинское имя — дивизия «Тикай».

Давая характеристику дивизии «Коссерия», советская разведсводка резюмировала: «В ходе активных боевых действий дивизия показала слабое упорство в обороне. Многие солдаты бросали оружие и спасались бегством. Политикоморальное состояние дивизии низкое. Пленные объясняют это трудностями войны и нежеланием воевать за Гитлера. В целом подготовка дивизии слабая. Она боеспособна, но упорства в боях не проявляет».

В августе 8-я армия заняла выделенный ей сектор — 270 километров между венграми и румынами, передний край пролегал по линии реки Дон. Штаб генерала Гарибольди разместился в Миллерово. В качестве своеобразного каркаса между итальянскими дивизиями располагались отдельные немецкие полки и тактические группы.

Пока на востоке гремело сражение за Сталинград, итальянцы, или, как окрестили их наши бойцы, «италы», прикрывшись обширными минными полями и проволочными заграждениями, спокойно сидели в окопах и бункерах на правом берегу, на второстепенном участке фронта, особой активности не проявляли и на рожон не лезли. Жара и пыль постепенно сменились холодом и снегом. Суровость климата еще более усугубляла моральное состояние теплолюбивого воинства.

«Жизнь была точно регламентирована, — вспоминает бывший командир инженерно-минной роты А.Б. Немчинский. — По утрам италы вели получасовой вялый обстрел. Его называли доппайком. Затем наступала пауза. К полудню они посылали в нашу сторону обеденную порцию металла, к ужину — вечернюю. Иногда появлялись итальянские узкокрылые самолеты, сбрасывавшие маленькие прыгающие бомбы типа осколочной гранаты, метко прозванные крыльчатками.

Наша артиллерия и минометы также приурочивали огневые налеты к периодам раздачи пищи у итальянцев. В это время противник покидал насиженные блиндажи и был наиболее уязвим. Такие артналеты назывались у нас пожеланием приятного аппетита. Длинными зимними ночами итальянцы беспокойно пускали осветительные ракеты... непрерывно пускали автоматные и пулеметные очереди в темноту ночи, словно предупреждая нас, что они не спят. Наши стрелковые подразделения, занимавшие траншеи по восточному берегу Дона, в ночное время тоже повышали бдительность, внимательно всматриваясь в темноту, опускающуюся на донской лед. Изредка и с нашей стороны запускали ракеты, строчили короткими очередями из пулеметов...

Благодаря разведке удалось выяснить, что итальянцы не переставили мины по-зимнему. Часть из них вмерзла в грунт, остальные под слоем снега оказались схвачены ледяной коркой. И хотя возможность взрыва отдельных экземпляров не исключалась, в целом минное поле серьезной опасности не представляло. И в этом тоже итальянцы не приспособились к русской зиме».

Когда в середине декабря 1942 года четыре советских танковых корпуса взломали линейную, без оперативных резервов, оборону 8-й армии на Среднем Дону, итальянцы, так и не сумев «акклиматизироваться», побежали, бросая склады с имуществом и все, что могло снизить скорость, распространяя в тыл панику, «для которой все было уже готово» (правда, мины, хоть и установленные «по-летнему», нормально сработали, когда прямо по ним традиционно двинули танки. Но такие «глупости» наших генералов никогда не смущали. Представитель Ставки Н.Н. Воронов приказал «уси-

лить нажим» на врага, заявив: «Назад для нас хода нет! Пусть мы потеряем еще столько же танков, но зато наши подвижные соединения завтра вырвутся на оперативный простор». Мне нравится вороновское «для нас», сам-то он не в танке сидел).

Лейтенант Эудженио Корти из дивизии «Пасубио» вспоминал: «Русские танки вызвали бегство всех тылов. Мы были еще на передовой, а далеко позади нас уже бежали охваченные невообразимой паникой. Люди висли на бортах грузовиков и, потеряв силы, падали под колеса. Солдаты старались остановить автомашины, преградив дорогу, но машины сбивали их, не сбрасывая газ, потому что лишний груз мог лишить их возможности спастись. Один двадцатилетний шофер из Кома рассказывал мне, что, сбив подряд несколько человек, стоявших на пути, он обнаружил у себя в кабине чью-то оторванную руку... Штабов больше не существовало. Наш командир корпуса бежал вместе со штабом до начала окружения, затем вернулся к своим войскам и, наконец, когда кольцо стало замыкаться, вновь пытался бежать. Среди нас был офицер, который клялся, что видел, как генерал бросился вперед с автоматом в руках и пал от пуль русских. Однако через несколько недель, выйдя из окружения, мы увидели, что он не только жив, но и прекрасно себя чувствует. Ясно, что беспорядок в этих условиях достиг апогея». На этом фоне разительным контрастом выделялись отходившие немецкие части: «Разница сразу же бросалась в глаза. Немцы были в белых маскхалатах, на ногах у них — валенки. Их машины имели горючее. Кроме того, у них было много саней, запряженных одной или двумя лошадьми, на которых по очереди ехало по 8—10 солдат. Там же лежали оружие и ранцы. Немцы отступали в порядке... Печальное явление: итальянцы несли потери главным образом из-за беспорядка, потери уверенности в себе».

Когда граф Чиано, находившийся в это время с визитом в ставке Гитлера, поинтересовался сведениями о потерях итальянских частей, ему ответили: «Никаких потерь нет: они просто бегут». Правда, удалось это не всем. В ходе операции «Малый Сатурн» были разгромлены 6 дивизий и 3 бригады,

то есть две трети армии «италов». Из 120 тысяч солдат наиболее пострадавших 35-го и 2-го корпусов спаслось 40 тысяч.

Волна советского наступления не задела лишь левофланговый Альпийский корпус (горные дивизии «Тридентина», «Кунееenze», «Джулия» и охранная дивизия «Виченца»), которым командовал генерал Габриэле Наски.

Но именно в его зоне ответственности и примкнувшего справа 24-го танкового корпуса, подчинившего себе все сохранившие боеспособность немецкие части, планировалось теперь ввести в сражение 530 танков генерала П.С. Рыбалко.

Удары войск Воронежского фронта должны были развигаться по трем сходящимся направлениям. Северная группировка с плацдарма в районе Первое Сторожевое главными силами 40-й армии генерал-лейтенанта К.С. Москаленко, поворачивая по дуге на юг, прорывалась на Алексеевку, чтобы соединиться с южной группировкой фронта, а частью сил наступала на Острогожск. Успех главных сил должен был обеспечить 4-й танковый корпус генерал-майора А.Г. Кравченко.

Южная группа — 3-я танковая армия и 7-й кавалерийский корпус генерал-майора С.В. Соколова — наносила глубокий охватывающий удар от Кантемировка в северо-западном направлении навстречу 40-й армии.

В центре 18-й отдельный стрелковый корпус генерал-майора П.М. Зыкова, действуя со Щучьенского плацдарма в расходящихся направлениях, должен был рассечь оборону венгров и соединиться с «северными» и «южными» у Острогожска и Карпенково.

В результате предполагалось окружить не менее 15 вражеских дивизий.

От 60-й армии генерал-майора И.Д. Черняховского требовалось активными действиями связать силы противника в районе Воронежа и прикрыть армию Москаленко от возможного контрудара в правый фланг.

6-я армия Юго-Западного фронта, содействуя войскам Ф.И. Голикова, ударяла на Белолуцк, Покровское.

Конкретная подготовка к операции, начало которой на-

значили на 12 января 1943 года, развернулась с 25 декабря, по возвращении командующего фронтом из Москвы. В первую очередь — в 40-й армии, поскольку 18-й стрелковый корпус только формировался из правофланговых дивизий 6-й армии, а 3-я танковая армия едва начала грузиться в эшелоны где-то в районе Калуги. Причем этот процесс занял 15 дней, ввиду несвоевременной подачи эшелонов на одни станции, опоздания частей на другие и «отсутствия достаточного опыта в погрузке у ряда командиров».

Для генерала Москаленко проблема состояла в том, что всю первую половину декабря его войска, обеспечивая интересы Юго-Западного фронта, в целях дезинформации противника изображали подготовку крупного наступления именно со сторожевского плацдарма: проделывали проходы в минных полях, тянули ходы сообщения к своему переднему краю и апроши к окопам противника, проводили рекогносцировки, сооружали укрытия, командные пункты и позиции для артиллерии, прокладывали дороги и дополнительные ледовые переправы через Дон.

Теперь задача командарма изменилась диаметрально противоположным образом — чтобы добиться внезапности, следовало убедить неприятеля в том, что данное направление является ложным, а в действительности 40-я армия будет наступать в сторону Воронежа.

Поэтому, не прекращая работ на плацдарме, в армии развернули бурную деятельность на своем правом фланге. Здесь к передовой двигались пешие колонны, дымили полевые кухни, саперы «скрытно» проводили разминирование, артиллеристы пристреливали ориентиры, по ночам мелькали фары автомобилей и ревели двигатели танков. Одновременно велось интенсивное обучение войск, заготавливались сани и деревянные лопаты — наступать предстояло по глубокому снегу. Пока запасные и резервные полки, имитируя сосредоточение войск на воронежском направлении, днем маршировали «туда», а ночью «обратно», Москаленко удалось скрытно сосредоточить на участке прорыва почти всю свою армию и всю артиллерию.

Остальные 75 километров фронта прикрывали учебные батальоны, полковые группы и армейские курсы младших

лейтенантов, имевшие в общей сложности 57 орудий и минометов.

3 января с целью оказания методической и организационной помощи в штаб Ф.И. Голикова в качестве представителей Ставки прибыли два самых крупнокалиберных стратега Красной Армии — товарищи Константинов и Михайлов — заместитель Сталина генерал армии Жуков и начальник Генерального штаба генерал-полковник Василевский. Куратором отдельного стрелкового корпуса назначили начальника Оперативного управления Генштаба генерал-лейтенанта А.И. Антонова. Проверяющие установили, что «лучше других и наиболее грамотно оказались отработанными решения и план действий у товарища Москаленко», а товарищ Рыбалко, едва прибывший малой скоростью вместе со своим штабом, — «человек подготовленный и в обстановке разбирается неплохо». (Начальник штаба фронта генерал М.И. Казаков немало пенял: «Штаб Рыбалко занимался отправкой войск по железной дороге, а затем сам вместе с командармом погрузился в эшелон и двинулся в район Кантемировки. Он потратил на дорогу пять драгоценных суток, хотя мог бы прибыть на место за сутки на автомашинах и за несколько часов — на самолетах».)

Зато сосредоточение войск шло безобразно: пятнадцать эшелонов 3-й танковой армии и десять эшелонов кавалерийского корпуса 7 января еще находились на пути к станциям выгрузки — Таловал, Бутурлиновка, Калач. На преодоление расстояния от мест погрузки — в среднем 750 километров — составам понадобилось от семи до пятнадцати суток. После чего соединения преодолевали еще 200 километров до Кантемировки своим ходом. В связи с этим представители Ставки попросили «товарища Васильева» Иосифа Виссарионовича лично пропесочить начальника тыла Красной Армии товарища А.В. Хрулева за исключительно плохую работу. Все участники событий дружно отмечают, что сия жалоба возымела должное действие, железнодорожные перевозки «резко улучшились», но дату начала операции все равно пришлось отодвинуть на двое суток.

После чего «товарищ Константинов» убыл на северо-за-

ладное направление — контролировать штурм Великих Лук и операцию «Искра».

Тем временем на Воронежский фронт потоком прибывали эшелоны с пополнением, боевой техникой, горючим, боеприпасами.

На главных направлениях были созданы мощные ударные группировки, плотность артиллерии на участках прорыва, имевших ширину 10—13 км, довели до 120—170 стволов, а танков сопровождения пехоты — 10—12 машин на километр фронта. Кроме того, каждая группировка поддерживалась значительным количеством «катюш». Так, в распоряжении командующего 40-й армией, наряду с 10-й артиллерийской дивизией, имелись четыре отдельных полка реактивной артиллерии, один отдельный дивизион и 4-я гвардейская минометная дивизия — это 250 боевых машин БМ-13 и 576 пусковых станков М-30. В полосе 3-й танковой армии к артподготовке привлекались 682 орудия, 911 минометов и 287 реактивных установок.

Как вспоминает К.С. Москаленко, профессиональный артиллерист: «Те наступательные операции, в которых мне раньше пришлось участвовать, никогда не имели такого мощного артиллерийского обеспечения». А участвовал Кирилл Семенович в самых жарких делах, начиная с 23 июня 1941 года, когда его 1-я моторизованная противотанковая бригада встала на пути танкового клина фон Клейста.

Не знаю, исходя из какой арифметики, А.М. Василевский, а вслед за ним М.И. Казаков утверждали, что «мы превосходили врага лишь в танках и артиллерии, но в личном составе и авиации соотношение сил было не в нашу пользу». Дескать, не числом воевали, а умением. Но даже на карте видно, что на каждый корпус противника у наших полководцев наличествовала полнокровная армия. (Традицию заложили древние греки, которые и придумали Историю. «Отец» всех историков Геродот, сообщая доверчивым читателям о невероятном численном преимуществе персов и тем самым еще более превознося воинское искусство и героизм греков, насчитал в армии царя Ксеркса более 4 миллионов человек. На самом деле, учитывая качественное превосходство в бою профессионального воина-кочевника над крестьянином-

ополченцем, дело должно обстоять с точностью до наоборот. Но историю пишут победители.) Правда, к установленному сроку не успели прибыть 4-й танковый корпус, 111-я стрелковая, одна зенитная дивизия, лыжные и две танковые бригады 15-го корпуса, а армия Рыбалко по ходу марша в район сосредоточения потеряла из-за поломок 120 танков (всего на первом этапе наступления в 3-й гвардейской танковой армии насчитывалось 70 тысяч человек личного состава и 306 танков, перед ее фронтом оборонялись восемь немецких пехотных батальонов).

10 января в войска поступил приказ штаба фронта за двое суток до начала операции провести разведку боем. Согласно учебникам, разведка боем обычно проводится в случаях с целью уточнения переднего края обороны противника и выявления его системы огня, когда другими способами получить необходимые сведения не удастся. И делается это за сутки или за несколько часов до начала наступления. И обязательно — на нескольких направлениях, чтобы не дать противнику возможности разгадать ваши намерения и времени — на принятие мер к отражению удара. Такая задача могла быть поставлена прибывающим на театр соединениям Рыбалко. Но Москаленко сидел в обороне с сентября 1942 года, в его штабе «знали организационную структуру каждой пехотной дивизии, ее вооружение, боевой и численный состав, места расположения командных и наблюдательных пунктов дивизий полков и батальонов, расположение огневых позиций артиллерии и минометов, даже фамилии командиров частей и соединений». Кроме того, 40-я армия к 10 января уже закончила сосредоточение в районе Сторожевского плацдарма и не имела возможности организовать разведку боем на других участках, где плотность советских войск составляла 50 бойцов, 2 пулемета и «полстола» на километр.

Таким образом, генералу Москаленко совершенно не нужна была разведка боем, за двое суток до операции раскрывающая все его хитроумные планы: «Но сколько я ни доказывал это командующему фронтом Ф.И. Голикову и его штабу, ничего не помогло. Разговор был короткий: «Выполняйте распоряжение». Пришлось, разумеется, выполнять».

Петр Первый как-то сказал: «Не придерживайся Устава,

яко слепой стены». Но в данном случае дело было не в уставе, а в указаниях «самого великого полководца», который неустанно учил генералов военному делу. Штабы Юго-Западного и Воронежского фронтов получили очередное откровение Верховного Главнокомандующего о том, как следует готовить наступление:

«Так как немцы знают о наших М-30, взрывающих весь передний край обороны, они усвоили поэтому тактику следующую: оставляют на переднем крае только охранение, а сам передний край обороны относят в глубину на 4—5 км. Этой тактике немцев мы должны противопоставлять свою контртактику, а она заключается в том, что нам нужно раньше, чем перейти в наступление, делать боевую разведку с целью вскрытия переднего края обороны, и надо во что бы то ни стало добраться до переднего края обороны противника. Провести ряд активных разведок, взять пленных и через них все узнать, с тем чтобы напрасно не израсходовать боеприпасы. Разведку провести боем, отдельными батальонами за два дня до начала операции».

Потому Голиков, в натуре которого всегда преобладала комиссарская жилка, принял руководящее указание к неукоснительному исполнению. За это не наказывают. Но и грамотнейший Василевский промолчал, прекрасно понимая бессмысленность сталинской «контртактики» в данной конкретной ситуации.

12 сентября в полосах наступления 18-го стрелкового корпуса и 3-й танковой армии была проведена стандартная разведка боем: батальоны сходили в атаку, положили энное количество бойцов и отошли на исходные позиции. Наблюдатели кое-что засекли и нанесли на карты.

Командарм-40 вместо разведки решил предпринять натуральное наступление с задачей не просто выяснить начертание вражеского переднего края, но захватить опорные пункты противника и создать условия для дальнейшего продвижения вперед. Не посвящая в подробности штаб фронта, генерал Москаленко приказал четырем дивизиям первого эшелона занять исходные районы и в полдень, после часовой артподготовки, нанести сильный удар передовыми батальонами, поддержанными двумя танковыми бригадами и штурмо-

вой авиационной дивизией. Венгерская 7-я пехотная дивизия дрогнула и, оставив занимаемые рубежи, в беспорядке отступила более чем на три километра.

На следующий день после еще более мощной артиллерийской подготовки (после ее окончания бойцы шли в атаку в полный рост) в двухэшелонном построении двинулись на запад главные силы 40-й армии — 25-гвардейская, 141, 107, 340-я и 305-я стрелковые дивизии, 253-я стрелковая бригада, укомплектованная курсантами военных училищ, 86, 116, 150-я танковые бригады — 133 танка). В третьем эшелоне находились еще две дивизии, составлявшие резерв фронта. Им противостояли три пехотные дивизии венгров (6, 20, 7-я), которые стали отступать чуть ли не с первых минут боя. К исходу 14 января их оборона была прорвана на 50 км по фронту и на 17 км в глубину. Еще через сутки в полосе 2-й венгерской армии зияла 100-километровая брешь, в которую хлынули советские войска.

С утра 14 января перешли в наступление южная и центральная группировки, а также 6-я армия генерал-майора Ф.М. Харитонов.

18-й отдельный стрелковый корпус (309, 161, 219-я стрелковые дивизии, 129-я стрелковая и две танковые бригады) к исходу 15 января также преодолел тактическую зону обороны 7-го венгерского корпуса (12, 19, 23-я пехотные дивизии) и начал «сворачивать» ее в обе стороны и одновременно развивать прорыв в глубину.

Атака стрелковых дивизий, следовавших в первом эшелоне 3-й танковой армии, была отбита немцами, но ввод в бой трехсот танков 12-го и 15-го корпусов резко изменил обстановку. К вечеру танкисты продвинулись на 12—23 км, разгромив в районе Жилина штабы 24-го танкового корпуса, 385-й и 387-й пехотных дивизий, и с утра 15 января развернули наступление в северном и северо-западном направлениях. 106-я танковая бригада ворвалась в Россошь, к крайнему удивлению обосновавшегося в городе и ни о чем не подозревавшего штаба Альпийского корпуса.

7-й кавалерийский корпус взял курс на Ровеньки, Валуйки.

16 января 12-й танковый корпус почти беспрепятственно продвигался в глубокий тыл итальянских войск и частей

24-го танкового корпуса, отступавших за реку Черная Калитва. 15-й танковый корпус стремительным броском овладел Ольховаткой и выходил к Алексеевке с юга.

17 января левофланговые дивизии армии Москаленко достигли района Острогожска, где встретились с частями 18-го стрелкового корпуса, а к исходу 18 января 305-я стрелковая дивизия 40-й армии и 15-й танковый корпус соединились в районе Иловайское — Алексеевка. «Котел» замкнулся. К этому времени 12-й танковый корпус вышел в район Карпенково и установил связь с пехотой генерала Зыкова, расчленив окруженную группировку противника на две части.

Одновременно создавался внешний фронт окружения. На севере он был образован правофланговыми соединениями 40-й армии, на юге — 7-м кавалерийским корпусом, соединения которого 19 января овладели важным железнодорожным узлом Валуйки, захватив в неприкосновенности богатые продовольственные склады. К этому времени 6-я армия, отбрасывая арьергарды противника, вышла на реку Айдар.

Войска гитлеровских сателлитов, менее мобильные и хуже подготовленные, оказались не способны ничего противопоставить этому натиску: «Дивизии союзников были оснащены слабее немецких, особенно им не доставало противотанкового оружия. Их артиллерия не имела современных тяжелых систем, как немецкая или русская, а недостаточное количество средств связи и плохая подготовка не позволяли им осуществлять внезапное массирование огня... Румыны, итальянцы и венгры вели бой главным образом живой силой, и в борьбе против русских их ресурсы быстро таяли». Между тем советские генералы, целенаправленно нанося удары по «слабым звеньям», постарались сполна использовать весь оплаченный большой кровью опыт. Танковые соединения устремлялись в прорыв и, обходя опорные пункты, преодолевали по 50—70 километров в день. За ними следовали стрелковые дивизии, закреплявшие успех. На флангах немедленно выставлялись истребительные и противотанковые бригады. Артиллерия, по воспоминаниям Москаленко, работала выше всяких похвал, действуя синхронно с пехотой и танками: «Примерно треть артиллерии, находясь в боевых

порядках позади пехотных цепей, сопровождала атаку пехоты и танков. Она уничтожала противотанковые средства противника и огневые точки, мешавшие продвижению пехоты. Другая треть огнем с закрытых позиций расчищала дальнейший путь пехоте и танкам, а последняя, меняя огневые позиции, приближалась к атакующим. Управление артиллерией мы централизовали, сосредоточив его в руках командующего артиллерией. В его распоряжении была хорошо налаженная связь — проволочная и радио. Благодаря этому имелась возможность в нужный момент организовать массированный огонь по местам сосредоточения противника как на переднем крае, так и в глубине обороны. Создавая таким образом перевес мощных огневых средств, мы могли влиять на исход боя, обеспечивать войскам армии непрерывное продвижение вперед». Москаленко был из тех генералов, кто не стеснялся признавать ошибки и учиться, и к этому времени, по оценке Василевского, он «заметно вырос как полководец».

Результаты можно смело назвать блестящими. Всего за пять дней удалось окружить 13 немецких, венгерских и итальянских дивизий. Из Москвы пролился настоящий «звездный дождь». Командующий 3-й танковой армией получил звание генерал-лейтенанта, Ф.И. Голиков стал генерал-полковником, начальник штаба фронта М.И. Казаков — генерал-лейтенантом, А.М. Василевский — генералом армии. Кавалерийский корпус Соколова был переименован в 6-й гвардейский. Наконец, Г.К. Жуков стал первым маршалом Великой Отечественной войны. Днем раньше, в соответствии с Указом «Об установлении дополнительных воинских званий для высшего командного состава авиации, артиллерии и бронетанковых войск», генералу Н.Н. Воронову присвоили звание маршала артиллерии.

Альпийский корпус получил от штаба армии «добро» на отход слишком поздно, когда все основные пути были перехвачены советскими механизированными частями. 17 января генерал Наски отдал приказ итальянским дивизиям собираться в Подгорном и прорываться в направлении на

Валуйки. Однако вскоре Гарибольди велел отходить через Николаевку. Последнее указание дошло только до дивизии «Тридентина», к которой присоединились уцелевшие части 24-го танкового корпуса, а большая часть альпийцев, потеряв связь с высшим командованием и не ведая об изменении маршрута, сбив советский заслон, огромной беспорядочной толпой, с каждым километром все более утрачивая подобие хоть какой-то организации и дисциплины, мародерствуя в деревнях в поисках пищи и теплых вещей, убивая местных жителей и устилая путь собственными трупами, двинулась к Валуикам.

«Пожары. Грабежи. Беспорядочное и лихорадочное движение автомашин... — рассказывает командир полка дивизии «Виченца». — Отсутствие продуктов, невероятная усталость вызывают тревожные вопросы: «Куда мы идем? Сколько нам еще осталось шагать? Выдержим ли мы?»

Понемногу ручейки частей, отходящих с фронта, сливаются в одну реку, образуя огромную колонну: это увеличивает опасность и затрудняет марш. Колонны саней, которые стали врагом пехотинца, месящего рыхлый снег, вызывают проклятья. Перегруженные людьми и материалами, они сшибают с ног тех, кто не уступает им дороги. Сколько стычек, сколько яростных схваток, чтобы заставить слабого уступить! Все лихорадочно спешат, стараются уйти от опасности».

Представившие их глазам фрагменты «работы» ушедшего к Алексеевке 15-го танкового корпуса лишь добавляли лихорадочности: «Вновь ужасное зрелище: по бокам дороги видны трупы, изуродованные самым страшным и невероятным образом, который я когда-либо видел. Венгерские, немецкие и итальянские солдаты без голов, без ног, сломанные пополам, с половиной лица, превращенные в кровавые лепешки, из которых торчали кости, неопишуемые кучи тряпья. Зрелище, которое невозможно описать. Бог мой! Как это страшно! Здесь прошла танковая колонна. Особенно сильное впечатление производят туловища без голов. Мы идем по дороге, проделанной среди трупов, и постепенно привыкаем к этому зрелищу».

Наконец, утром 20 января колонна, которой номинально руководил командир дивизии «Куэнеензе» генерал Баттисти,

приблизилась к Валуикам, но здесь была встречена кавалеристами Соколова. 11-я гвардейская дивизия, после залпа «катюш», атаковала итальянцев в конном строю: «Случилось это в яркий солнечный день. Кавалеристы мчались по снежному полю в своих черных бурках с развевающимися башлыками. Блеск клинков, крики «ура», скачущие лошади — все это окончательно деморализовало итальянцев». Порубав от души почти полторы тысячи человек, конники приступили к сбору пленных.

Колонна дивизии «Тридентина», с которой следовал штаб Альпийского и 24-го танкового корпусов, во время отступления сохранила наибольшую боеспособность, если можно так выразиться.

«За пять дней марша, — пишет Д. Фуско, — к колонне «Тридентины» присоединились пять или шесть тысяч безоружных и отчаявшихся людей, которые не шевельнули бы пальцем, чтобы помочь головному отряду пробиться через заградительные отряды русских, но были готовы убить друг друга ножом, палкой или зубами из-за полбуханки твердого, как камень, хлеба, куска одеяла или нескольких сантиметров пола в углу избы. Это были итальянцы, венгры, пруссаки, австрийцы, баварцы, бежавшие в одиночку или группами из русских «котлов», был даже отряд «донских казаков» и сотня румын, очутившихся за 350 км от расположения своих войск... Колонна генерала Наши разбухла на глазах, как река в половодье. Марш людей утяжеляли санки, телеги, самодельные волокуши, которые тащили за веревки, как это делали в доисторические времена кочевников. В снеговых вихрях среди людей мелькали силуэты лошадей, превратившихся в скелеты мулов и медлительных волов, украденных у крестьян. Они шли вперед, опустив голову, обессиленные от голода и усталости. Время от времени они падают в снег. Последняя дрожь сотрясала их иссохшую кожу. На них сразу же набрасывались люди, громко споря на всех языках и вступая в драку из-за наиболее съедобных кусков...

Каждый день, особенно с наступлением темноты, многие солдаты сходили с ума. Больше всего их было в колонне «отбившихся». Одни превращались в животных, и с ними обращались как с животными. Другие, не говоря ни слова, по-

кидали колонну, пристально глядя в снег. Они останавливались на мгновение, оглядывали бесконечную процессию, затем валялись на обочину. Казалось, их покидала душа. Изпод красных тяжелых век их последний взгляд был уже тусклым и невидящим, как у мертвеца».

26 января батальоны дивизии «Тридентина» вместе с немецкими частями прорвали кольцо окружения у Николаевки. Через проход «вышло 40 тысяч оборванцев, которые еще две или три недели назад были солдатами, унтер-офицерами и офицерами союзных армий».

Бои по разгрому войск, окруженных в районе Острогжска, проходили с 19 по 24 января. Ликвидация росошанской группировки продолжалась до 27 января.

В итоге операции советские войска продвинулись на 140 километров. Пятнадцать дивизий противника были разгромлены, в том числе полностью уничтожены немецкие 385-я пехотная и 27-я танковая, шести дивизиям нанесено поражение. Количество убитых оценивается нашими источниками в 52 тысячи человек. В качестве трофеев были захвачены 92 танка, 1400 орудий, 1270 минометов, 2650 пулеметов, 30 000 винтовок, 2,2 миллиона снарядов, 21,5 миллиона патронов, огромные запасы продовольствия, фуража и технического имущества. Войска Воронежского фронта взяли более 80 тысяч пленных, в том числе трех итальянских генералов. Пленных было так много, что их некому было конвоировать, им просто указывали направление на ближайший сборный пункт или давали в сопровождение колхозников. Среди погибших нашли тело командира 24-го танкового корпуса генерала Ванделя. При выводе войск из окружения был убит и его преемник генерал-лейтенант Айбль. Из 57 тысяч солдат и офицеров Альпийского корпуса удалось вырваться едва 27 тысячам. С учетом раненых и обмороженных его потери составили 42,5 тысячи человек, или 80% состава. Из дивизии «Тридентина» уцелело 6500, из дивизии «Джулия» — 3300, из дивизии «Кунсензе» — 1600, из «Виченцы» — 1300 человек. На Восточном фронте не осталось ни одного боеспособного итальянского соединения.

Потери советских вооруженных сил нам неизвестны. 3-я танковая армия потеряла убитыми и ранеными около 10 ты-

сяч человек и безвозвратно 58 танков, еще около 200 боевых машин выбыло из строя по причине боевых повреждений и поломок. Дивизии 40-й армии, как сообщает генерал Москаленко, «понесли весьма незначительные потери, сохранили боевую мощь и наступательный порыв».

После Острогожско-Россошанской операции в обороне противника образовалась 250-километровая брешь, были созданы благоприятные условия для нанесения удара по флангу и в тыл 2-й немецкой армии, оборонявшейся в районе Воронежа. Эта армия оказалась в выступе, глубоко вдавшемся на восток в расположение советских войск. С севера над ним нависали две армии Брянского фронта, которым командовал генерал-лейтенант М.А. Рейтер, с юга охватывала 40-я армия Воронежского фронта. В почти готовом «мешке» находились 10 немецких и 2 венгерские дивизии — 125 000 человек, 2100 орудий и минометов, 65 танков. Решение напрашивалось само собой. Сил тоже должно было хватить: неиспользованными оставались припоздавшие 4-й танковый корпус, три стрелковые дивизии и три лыжные бригады.

Уже вечером 18 января «товарищ Михайлов», он же Василевский, и «товарищ Филиппов», он же Голиков, направили Верховному Главнокомандующему план новой наступательной операции, предусматривавшей ударами с севера и юга по флангам 2-й немецкой армии окружить и уничтожить ее основные силы, освободить район Воронеж — Касторное и создать благоприятные условия для дальнейшего продвижения на курском и харьковском направлениях. Сталину план понравился, он обещал подбросить дополнительно танки и артиллерию.

Главные удары должны были нанести 40-я армия Москаленко и 13-я армия Брянского фронта, которой командовал один из лучших командармов той войны генерал-майор Н.П. Пухов. Одновременно силами 38-й армии генерал-лейтенанта Н.Е. Чибисова с северо-востока и 60-й армии генерал-майора И.Д. Черняховского с востока планировалось расчленив группировку противника на отдельные части.

Действия сухопутных войск поддерживали 527 самолетов 15-й и 2-й воздушных армий. По завершении операции предусматривалось к 30 января развернуть на реках Оскол и Тим основные силы Воронежского фронта и без паузы нанести ими три удара по сходящимся направлениям на Харьков и удар правым крылом на Курск.

В ходе перегруппировки сил генерал Москаленко передал Черняховскому правофланговый участок 40-й армии вместе с 141-й стрелковой дивизией, 253-й стрелковой, 86-й и 150-й танковыми бригадами. Взамен получил под свою руку 183, 309-ю стрелковые дивизии, 129-й стрелковую, 4, 6, 8-ю лыжные бригады и 4-й танковый корпус генерал-майора А.Г. Кравченко.

Первой в полдень 24 января перешла в наступление 40-я армия, нацеленная на Горшечное — Касторное. Учитывая слабость неприятельской обороны, танковый корпус действовал совместно со стрелковыми соединениями первого эшелона. Несмотря на упорное сопротивление 68-й пехотной дивизии противника, сильный мороз, глубокий снег и разыгравшуюся метель, исключившую участие авиации, армия к исходу второго дня продвинулась на 20—25 километров, а танкисты овладели районным центром Горшечное. Правда, здесь они и застряли, израсходовав все топливо в баках. Автоцистерны с горючим, затерявшиеся в снежных заносах, остались где-то позади.

Угроза окружения вынудила немецкое командование начать отвод своих войск из района Воронежа. Передовые части армии Черняховского, преследуя противника, освободили город 25 января. В этот же день в сражение включились войска ударных группировок 60-й и 38-й армий — 10 дивизий и 6 бригад. 26 января в наступление перешла 13-я армия (6 стрелковых дивизий и 2 танковые бригады), которая за день продвинулась на 6—7 километров.

4-й танковый корпус получил горючее по воздуху и с рассветом 27 января снова двинулся вперед. Кстати, в этот день он был удостоен почетного наименования Сталинградского. 28 января танковые части 40-й и 13-й армий ворвались на окраины Касторного. Вскоре их догнали стрелковые соедине-

ния и взяли город, перехватив пути отхода 2-й немецкой армии.

В районе юго-восточнее Касторного оказались в окружении семь немецких дивизий (57, 68, 75, 88, 323, 340, 377-я) и основные силы 3-го венгерского корпуса (6-я и 9-я дивизии). Для их «уничтожения и пленения» были выделены 38-я армия и часть сил 40-й армии. Главные силы фронтов, используя достигнутый успех, начали общее наступление к рекам Тим и Оскол, выйдя на указанный рубеж к 2 февраля.

Оказавшуюся в котле 2-ю армию уже списали со счетов. Однако немцы, в отличие от своих союзников, сдаваться не собирались и продолжали упорно драться. 29 января, сосредоточив на одном направлении всю артиллерию, командир 7-го армейского корпуса генерал Штраубе повел войска на прорыв. Немцы легко преодолели хлипкий фронт внутреннего окружения — 50-километровый промежуток от Касторного до Старого Оскола прикрывала одна только 25-я гвардейская стрелковая дивизия, с остальными соединениями генерал Москаленко спешил брать Белгород — и начали отход в западном направлении. Их преследовала 38-я армия, но большей части группировки противника, правда, лишившейся почти всего тяжелого вооружения, удалось избежать окончательного разгрома и к середине февраля присоединиться к своим войскам в районе Обояни.

Тем не менее в короткие сроки Красная Армия на Среднем Дону добилась весьма впечатляющих результатов. Опустив длинный перечень захваченных трофеев, выделим главное: в обороне противника, который понес большие потери в живой силе и особенно в технике, в полосе от Ливен до Купянска зияла прореха в 400 километров, которая прикрывалась лишь разрозненными заслонами немецких частей. Была освобождена значительная территория Воронежской и Курской областей с городами Воронеж, Касторное, Старый Оскол, Новый Оскол, Волоконовка.

«Поистине ужасные» для немцев итоги января 1943 года подвел в своей работе генерал фон Бутлар: «За 14 дней русского наступления группа армий «Б» была почти полностью разгромлена. 2-я армия оказалась очень потрепанной. К тому же она потеряла во время прорыва основную массу своей

боевой техники (примечательно, что 30 января Гитлер при-
своил фон Вейхсу звание генерал-фельдмаршала. — В.Б.). 2-я
венгерская армия была почти полностью уничтожена, из 8-й
армии спастись удалось лишь отдельным частям корпуса
альпийских стрелков. От остальной части и соединений уце-
лели только жалкие остатки. Из числа немецких войск, дей-
ствовавших в полосе 8-й итальянской армии, остались лишь
потрепанные остатки нескольких немецких дивизий, кото-
рым удалось спастись за рекой Оскол. Связь с группой армий
«Центр» и с группой армий «Дон» была потеряна, стыки на-
ходились под угрозой».

Итальянская армия, потерявшая на советско-герман-
ском фронте в общей сложности 169 тысяч личного состава,
из которых около 90 тысяч безвозвратно, прекратила свое су-
ществование.

«На следующий день, — пишет комментатор дневников
маршала Уго Кавальеро, — на фронте уже не было итальян-
ских войск, и уцелевшие части двигались в район сбора, се-
веро-восточнее Киева для возвращения на родину, сохраняя
очень неприятное воспоминание о «товариществе» герман-
ского союзника».

Что и говорить, отношения между «товарищами» сильно
подпортились.

Берлин обвинял союзников в том, что они своим «слиш-
ком быстрым отступлением» поставили под угрозу доблест-
ные немецкие войска. В Риме полагали, что ответственность
за поражение лежит всецело на германском командовании,
провалившем битву за Сталинград и не обеспечившем резер-
вами и современным оружием «яростно сражавшихся»
итальянцев. И вообще Гитлер, как выяснилось, ни черта не
смыслил в стратегии, он не понимал, что «судьба войны реша-
ется не на востоке, а на юге, на Средиземноморском театре».
Фюрер, в свою очередь, окончательно убедился: «С итальян-
цами мы никогда не добьемся успеха».

Однако «успехи» в России уже мало интересовали италь-
янцев, когда война оказалась возле их собственного порога.
Поражение в Ливии, высадка англосаксов в Алжире, Марок-
ко и Тунисе, бомбардировки городов, страх перед непосред-
ственным вторжением в Италию заметно подорвали мораль-

ных дух и способствовали распространению в стране пораженческих настроений. Именно этого добивались западные политики. «Каждый воздушный налет, — требовал Черчилль, — должен быть таким, чтобы Италия могла почувствовать всю тяжесть войны, промышленные центры следует подвергать самым ожесточенным ударам с воздуха, прилагая все усилия к тому, чтобы превратить эти центры в необитаемые районы, терроризировать население и парализовать его волю». Министр иностранных дел Иден предупреждал итальянцев, «что если они позволят фашистскому режиму связать судьбу их страны с Гитлером, то несомненно обрекут себя на все горести и наказания, которые выпадают на долю побежденных».

Муссолини теперь склонялся к мнению, что дальнейшая война с Россией «бесцельна», и пытался убедить Гитлера заключить с ней сепаратный мир наподобие Брест-Литовского, на худой конец, отказаться на Востоке от активных операций и отвести наиболее боеспособные войска на Запад. Дуче понимал: «Разгром на Средиземном море неизбежен, если не убедить немцев сосредоточить здесь достаточные силы, чтобы предотвратить это... Итальянцев возмущала неспособность немцев оказать им большую помощь в трудный для них период, а получаемая помощь вызывала новые сложные проблемы связи и управления, что еще больше усиливало трения. Жалобы итальянцев на безразличие немцев чередовались с другими, не менее едкими заявлениями о вмешательстве немцев в их дела. В основе всего этого лежало растущее недовольство и разочарование у всех классов итальянского народа союзником, который втянул Италию в столь угрожающую ситуацию. Все большее число мыслящих и влиятельных людей сходилось на том, что выход из этого положения один — положить конец войне».

4 февраля Муссолини сместил с поста начальника генерального штаба маршала Кавальеро, имевшего репутацию немецкой креатуры, и заменил его генералом Амброзио. Последний бомбардировал дуче меморандумами следующего содержания:

«Наступил такой момент, когда каждый из союзников должен прекратить вести свою собственную войну и понять,

что для его спасения одинаково необходимо выстоять как на Днепре, так и в Сицилии и на Пелопоннесе. Немцы обязаны изменить свои оперативные цели и прийти к нам на помощь. **В противном случае мы не будем чувствовать себя обязанными следовать их ошибочному курсу ведения войны...**

Немцы не очень обеспокоены возможным ударом англо-американских сил, поскольку он прежде всего будет нанесен далеко от их собственной территории. Мы же находимся в противоположной позиции. Одной из наиболее вероятных целей в Средиземноморье является Италия, и нам придется взять всю тяжесть борьбы только на себя, а эта борьба принесет в страну только огонь и меч и сделает ее ареной тяжелых разрушений. Может, именно эта мысль составляет часть немецкого плана, то есть они хотят заставить нас самостоятельно вынести натиск первоначального наступления англо-американской войска, нисколько не заботясь о судьбе нашего населения и наших городов».

Короче говоря, Амброзио считал, что у итальянских войск есть более неотложные задачи и намного ближе к дому.

На этом закончилось участие Италии в «крестовом походе» на Восток, но не закончились «приключения итальянцев в России». Путь на родину был долгим и трудным.

Остатки разбитых дивизий направили на реорганизацию в район Нежина, а затем — Гомеля. Немецкое командование отказалось предоставить союзникам транспорт и снабжать их продовольствием. Итальянские солдаты, оборванные и голодные, отмерили 800 километров пешком, обменивая на хлеб амуницию, боеприпасы и заржавевшие автоматы и массово дезертируя в теплые края. «Видя нас в таком виде, — вспоминает Нуто Ревелли, — похожих на нищих, без оружия, русские крестьяне говорили: «Итальянцы капут!»

Муссолини готов был оставить на Восточном фронте один корпус при условии, что немцы снабдят его «эффективным оружием». Однако Гитлер для себя уже все решил. «Давать им оружие, — заявил он в узком кругу, — значит обманывать самих себя... Нет никакого смысла давать итальянцам вооружение для организации армии, которая побросает оружие перед лицом врага при первом случае. Ни к чему вооружать армию, если нет уверенности в ее внутренней проч-

ности. Я не дам себя обмануть еще раз». И предложил использовать итальянцев для отлова белорусских партизан, освободив тем самым от несения охранной службы немецкие части, которые и направляются на фронт.

Для Муссолини, пославшего на войну с большевиками «цвет итальянской армии», такая постановка вопроса была оскорбительной. Но, честно говоря, даже для борьбы с партизанами забытое богом и командованием воинство уже не годилось. В начале апреля дуче передали письмо от «лица приближенного», назначенного командовать остатками дивизии «Торино»:

«Солдаты оборваны, изнурены и полны неверия. Месяцами они переходят из деревни в деревню, а это люди, которые в своем большинстве прошли пешком от 400 до 800 км по снегу... Они до сих пор спят на полу, в тесных помещениях, как стадо, без соломы, и нет возможности вывести у них вшей. Сыпной тиф уже начал гулять по подразделениям... Четвертая часть солдат не в состоянии нести службу. В результате холода и перенесенных лишений они страдают воспалением легких, хроническим бронхитом, истощением и т.д. Моральное состояние войск невероятно низкое, и то же самое следует сказать об офицерах... боевой дух отсутствует... Гостеприимное и милосердное отношение местных жителей во время отступления часто оттеняло нетоварищеское поведение союзников... Зреет, распространяется опасный дух антифашизма».

Солдаты все меньше слушались офицеров, все явственнее выражали симпатии населению, не проявляя никакого желания связываться с партизанами, и все более проникались подозрением, что главные враги Италии — вовсе не русские: «Немчура проклятая, выродки, подлые ублюдки! Мы вас хорошо узнали в те январские дни, толстые свиньи! Вы плевали в лицо тем, кто пробивал для вас дорогу, вы бросали в снег раненых, чтобы вам удобнее было разместиться в избах, вы лупили до смерти итальянцев, которые не умели кричать громче вас. В далеком октябре на станции Ясиноватая я впервые понял, что ненавижу вас, не могу за вас сражаться и всегда готов сражаться против вас! Тогда я устыдился этих

мыслей. Теперь это мое твердое убеждение, которое навсегда вошло в мое сердце».

«Когда стояли в Добруше итальянцы, — вспоминает местный житель И.И. Коротченко, — мы немцев и не видели. Они боялись ходить. Итальянцы их били, не убивали, а били. Офицеры не давали убивать, потому что могли за этого немца пострадать все».

В марте остатки экспедиционной армии начали грузиться в эшелоны для отправки в Италию.

ПОД ЖЕСТКИМИ ЗВЕЗДАМИ

В сражении между реками Оскол и Дон в плен попало около 46 тысяч итальянских солдат и офицеров.

Несмотря на спешно проводимые мероприятия по созданию дополнительных армейских приемных пунктов, фронтовых и тыловых лагерей, Красная Армия оказалась не готова к содержанию такого количества пленных, ведь за предыдущие полтора года войны их общее число не превышало 10 тысяч. Теперь, кроме итальянцев, пошел поток из 70 тысяч военнослужащих венгерской армии, почти 90 тысяч румын и свыше 100 тысяч немцев.

Если 11 ноября 1942 года в системе Управления по делам военнопленных и интернированных НКВД СССР числилось 10 635 человек, то на 25 февраля 1943 года эта цифра составила 256 918 военнопленных.

Размещать их было негде, кормить (хотя нормы снабжения были установлены на второй день войны: 600 г хлеба, 40 г мяса, 120 рыбы, 90 г крупы в сутки и 5 пачек махорки в месяц) и лечить нечем. Да не очень-то и хотелось.

Во-первых, сами жили не лучше, поскольку человеческая жизнь в СССР стоила дешево, дешевле «трех колосков» или катушки телефонного кабеля, о чем, в частности, свидетельствуют письма красноармейцев:

«Мы, бойцы Красной Армии, лежим в госпитале 1538 на нарах, на гнилой соломе. Там, где производят лечение, холодно и вши, нет одеял, лежим под шинелью в одном нательном белье. С питанием тоже ненормально. Хлеб дают не пол-

ностью, что положено, вместо 200 гр. 150—180 не более. Обращались к начальнику госпиталя, но он не хочет разговаривать, отношение его нечеловеческое к бойцам».

«Кормят раненых отвратительно. Дают 600 г хлеба и два раза варят свиную баланду. Я называю свиной потому, что жиров никаких нет. Ранен я 19-го числа в правую руку. Рана моя сейчас болит и гноится. Перевязку делают очень редко».

«Госпиталь здесь такой: мы находимся сейчас на квартирах у колхозников. Лечения никакого с 19 декабря по сей день. Мою рану даже и вазелином не помазали. Питание очень плохое, два раза в день суп из пшеничной муки. Хлеба дают когда 600 г, когда 400 или 200, и больше ничего. Сильно отошдали».

Или докладная записка о положении жителей Сталинграда:

«В результате ограбления их немцами, систематического недоедания, употребления в пищу мяса павших животных, кошек, собак жители доведены до истощения. Многие из них опухли и подверглись различным заболеваниям. Отмечены факты цинготных заболеваний и смертные случаи на почве истощения и болезней.

Помещений для жилья жители не имеют, продолжают ютиться в подвалах и блиндажах в антисанитарных условиях...

Снабжение не участвующего в восстановительных работах населения хлебом, оказание помощи раненым и больным, приют и общественное питание для оставшихся без родителей малолетних детей в требуемых масштабах областными и городскими партийно-советскими органами пока еще не налажено». Документ датирован 1 апреля 1943 года.

Поэтому (но лишь отчасти) «реальная практика лагерей не всегда соответствовала нормам гуманности... В силу военных и послевоенных трудностей, а также сосредоточения больших масс военнопленных, халатного отношения персонала к своим обязанностям в некоторых лагерях имели место факты плохой организации санитарно-медицинского обслуживания и бытового обеспечения, недостатка питания».

Подполковник госбезопасности Ф. Челноков в докладной записке «О работе фронтового аппарата по делам воен-

нопленных Воронежского фронта с 15 января по 1 апреля 1943 года» описывал состояние дел в лагере, расположенном в местечке с характерным названием Хреновое: «Я прибыл на фронт в момент невероятного хаоса, царившего как в лагере, так и на приемных пунктах... Этапирование военнопленных воинскими частями до лагеря № 81 сопровождалось грубейшими нарушениями самых элементарных требований этапирования: военнопленные конвоировались пешим порядком на 200—300 км при 35 градусах мороза, не получая питания по 7—8 дней, в лагерь приходили резко истощенными и обмороженными...

На приемные пункты и в лагерь приходило до 50 проц. дистрофиков, которые, предвидя конец дорожным мытарствам, также в предчувствии тепла и пищи при опросах подтягивались, заявляли, что они вполне здоровы, а наши медработники (на приемных пунктах это малограмотные фельдшера узкой специализации) не учитывали этого. В результате все поступавшие военнопленные получали сразу 600 граммов хлеба, литр горячей пищи, моментально поглощали на ссохшийся желудок и умирали».

В общем, тоже «пока еще не налажено».

Колонны пленных без воды и пищи преодолевали десятки и сотни километров «по русской пустыне» пешком, порой у них даже не отбирали оружия, ночуя в снегу, прижавшись друг к другу. Многие замерзали к утру, отставали в пути, обессилевших конвой пристреливал, что воспринималось скорее как акт милосердия, или просто бросал на обочине.

4 февраля столбик термометра упал до минус 44 градусов. Корреспондент газеты «Санди таймс» и радиокompании Биби-си Александр Верг в этот день преодолел 80 километров до Сталинграда на автомашине: «Чтобы понять, что такое 44-градусный мороз, надо его испытать. Дыхание перехватывает. Если вы подышите на перчатку, на ней сейчас же появляется тоненькая корочка льда. Есть нам было нечего, потому что все продукты — хлеб, колбаса, яйца — превратились в камень. Даже имея на ногах валенки и две пары шерстяных носков, надо было все время шевелить пальцами ног, чтобы поддерживать кровообращение. Сидя скорчившись в фургоне и чувствуя себя относительно хорошо, вы не можете заставить себя шевелиться — разве что двигаете пальцами рук и

ног да время от времени потираете нос; вас охватывает какая-то душевная и физическая инертность, вы чувствуете себя словно одурманенным наркотиком. А между тем надо все время быть начеку... Помимо одежды, ваш единственный надежный союзник в подобных случаях — это бутылка водки».

Пленным водка, конечно, не полагалась. Добавим, что и «предчувствие тепла», как правило, обманывало: в большинстве случаев людей размещали под стылým небом. Как раз 4 февраля управление лагеря № 108 в Бекетовке, объединившее все лагеря в районе Сталинграда, приняло от воинских частей 76 тысяч военнопленных.

Бог весть, сколько их недоэтапировали, этого уже никогда не выяснить. К примеру, командование Воронежского фронта докладывало, что в ходе наступательных операций на Верхнем Дону, то есть буквально за две недели боев, советские войска взяли в плен 113 тысяч солдат и офицеров противника. Только 3-я танковая армия отпартовала о пленении 73 176 человек. Причем генерал М.И Казаков специально подчеркивает: «Предупрежденные еще раньше Александром Михайловичем Василевским в отношении точности докладов о количестве пленных и трофеев, мы придирчиво сверяли донесения из войск с фактической наличностью. Что касается пленных, то здесь все сходилось — точность была абсолютной».

А по данным учетных подразделений УПВИ НКВД от Воронежского фронта, за все время его существования — 15 месяцев — принято на довольствие 48 266 «военнослужащих врага». Что бы это значило? Ну, вот немец из 305-й пехотной дивизии, переживший пятидневный марш в лагерь, вспоминает: «Когда мы выходили, нас было полторы тысячи человек, до Бекетовки добрались лишь сто двадцать».

Даже весной 1945 года, когда пленных со сборных пунктов в тыловые лагеря доставляли эшелонами, смертность «в пути следования и при разгрузке» доходила до 20 процентов: «Только, согласно акту приемки, лагерем № 183 контингента пленных численностью 1394 человека, прибывших 8 марта 1945 г. эшелонem № 47680 из лагеря № 242 ст. Енакиево, живыми было принято 1108 человек».

Кроме обычного бюрократизма, неорганизованности, безразличия и пренебрежения, имелось еще весомое «во-вторых». С самого начала, а особенно в период страшных военных поражений, в сознании советского народа раскручивали маховик ненависти ко всему немецкому. «Клич «Убей немца!» — вспоминает Верт, — стал в России выражением всех десяти заповедей, слитых в одну».

«Можно все стерпеть — чуму, голод, смерть, — писал Илья Эренбург. — Нельзя стерпеть немцев... Не жить нам, пока живы эти серо-зеленые гады. Нет сейчас ни книг, ни любви, ни звезд, ничего, кроме одной мысли: убить немцев. Перебить их всех. Закопать... Мы поняли: немцы не люди. Отныне слово «немец» для нас самое страшное проклятие. Не будем говорить. Не будем возмущаться. Будем убивать».

«Сколько раз увидишь, столько раз и убей», — призывал Константин Симонов.

«Фашиста умертвить — доброе дело сотворить», — сочиняли безвестные пропагандисты.

Тон задавал сам Верховный Главнокомандующий, неоднократно заявлявший: «Немецкие захватчики хотят иметь истребительную войну с народами СССР. Что же, если немцы хотят иметь истребительную войну, они ее получат... Мы хотим освободить нашу советскую землю от немецко-фашистских мерзавцев... Для осуществления этой цели мы должны разбить немецко-фашистскую армию и истребить немецких оккупантов до последнего человека».

Ненависть получила новую подпитку после освобождения Красной Армией первых городов и весей.

Так, 24 января 1943 года особый отдел НКВД Южного фронта сообщал:

«Освободив х. Ново-Максимовский Сталинградской области, наши бойцы обнаружили в двух кирпичных зданиях с замурованными окнами и забитыми дверями 76 советских военнопленных, 60 из них умерли от голода, часть трупов разложилась. Остальные военнопленные — полуживые, в большинстве не могущие от большого истощения подняться на ноги. Как оказалось, пленные находились в замурованном здании около двух месяцев, — немцы постепенно морили их голодом, лишь изредка бросая куски гнилой конины и давая пить соленую воду».

В середине января войска Донского фронта захватили находившийся у села Алексеевка под Сталинградом лагерь военнопленных «Дулаг-205»:

«На территории лагеря и близ него были обнаружены тысячи трупов военнопленных красноармейцев и командиров, умерших от истощения и холода, а также освобождено несколько сот истерзанных, истощенных от голода и до крайности измученных быв. военнослужащих Красной Армии...»

Бывший офицер контрразведки при лагере капитан Лянгхельд на допросе показал:

«Немецкое командование рассматривало русских военнопленных как рабочий скот, необходимый для выполнения различных работ. Русских военнопленных, содержавшихся в Алексеевском лагере «Дулаг-205», как и в других немецких лагерях военнопленных, кормили впроголодь лишь для того, чтобы они могли на нас работать. Зверства, которые мы чинили над военнопленными, были направлены на истребление их, как лишних людей.

Кроме того, я должен сказать, что в своем поведении с русскими военнопленными мы исходили из особого отношения ко всем русским людям, существовавшего в немецкой армии. В германской армии по отношению к русским существовало убеждение, являющееся для нас законом: «Русские — неполноценный народ, варвары, у которых нет никакой культуры. Немцы призваны установить новый порядок в России». Это убеждение было привито нам германским правительством. Мы знали также, что русских людей много и их необходимо уничтожить как можно больше, чтобы тем предотвратить возможность проявления какого-либо сопротивления немцам после установления нового порядка в России».

Из показаний лейтенанта итальянской армии Ричарди: «В Ровенках мои ребята взяли в плен около 100 русских: у нас их отобрали немцы, сказав, что они поведут их с собой. Однако через некоторое время мы наткнулись на трупы этих русских: они были расстреляны. В то время как я допрашивал одного пленного, сзади подошел немецкий офицер и выстрелил ему в затылок. У нас был приказ применять такие же жестокости к русским. В приказе буквально говорилось, что следует убивать все мужское население, считая их партиза-

нами, и при малейшем подозрении поступать так же с женщинами».

Совет Германа Геринга по умиротворению оккупированных территорий: «Наилучшее решение — пристреливать всякого, кто отводит взгляд».

Тупой расистской политикой, своими невиданными преступлениями (от прочтения некоторых документов нормального человека начинает мутить) руководители рейха сами порождали эту всеобщую ненависть к «серо-зеленым гадам».

Даже благополучный американец в «желтых трупах умерших от голода немцев» видел лишь «знамение божественной справедливости».

«Возмездие под жесткими звездами русской ночи», — определил Василий Гроссман.

В лагере № 108, куда согнали остатки армии Паулюса, до лета 1943 года не дожили 27 тысяч «сталинградских немцев» — треть, «среднесуточная» смертность — 213 человек. Еще 35 тысяч доходяг были госпитализированы, но в спецгоспиталях, ввиду отсутствия медикаментов и квалифицированной медицинской помощи, смертность была еще выше, чем в лагере: «Русские доктора не вели историй болезни и не записывали имен пациентов. К людям, которых они призваны были лечить, врачи относились хуже, чем к скоту. Показателен такой случай: когда капеллан из 297-й дивизии наклонился над умиравшим солдатом, советский майор убил его выстрелом в затылок». Что можно ожидать от «малограмотных фельдшеров узкой специализации», если посетившая в конце марта Хреновое специальная санитарная комиссия, имевшая в своем составе кандидатов и докторов медицинских наук, физическое состояние военнопленных определяла «по внешнему виду» и тех, кто мог самостоятельно передвигаться, относили к «группе здоровых».

Конечно, в качестве самооправдания можно утверждать: «Наиболее высокий процент смертности наблюдался среди военнопленных, захваченных после ликвидации окруженных группировок в районе Сталинграда, Воронежа и др. Эти военнопленные поступали сильно истощенные физически и психически, с разными формами дистрофии, а также раз-

личного рода заболеваниями типа сыпной тиф, холера, воспаление легких, дистрофия, что фактически не позволило спасти их от неминуемой смерти». Но в том же 1943 году от полученных ран, холода, голода, инфекций умерли 30 тысяч венгров и 23 тысячи итальянцев — у них-то, не грызших лошадиные копыта в Сталинграде, и у «др.» откуда взялась дистрофия?

Или: «С трупов срезали куски мяса, которые потом варили в самодельных котлах. Тех, кто питался человеческим мясом, сразу можно было отличить по их внешнему виду. Людоеды прекрасно выглядели, а их румяные щеки лоснились от жира. Во всех сталинградских лагерях каннибализм был обычным делом», — это что, рецидив воспаления легких или последствия психического истощения?

С началом весны лагерь № 108 начали разгружать, однако «прихотливый» немец мёр и в дороге: «В каждый вагон набивались по сотне человек; отхожим местом служила дыра, вырезанная в полу. Весна выдалась затяжная, и по ночам часто случались заморозки, пленные дрожали от холода, не имея возможности даже подвигаться, чтобы согреться. В пути их кормили хлебом и исключительно соленой рыбой, при этом воды почти не давали. Пытаясь утолить жажду, заключенные слизывали капельки влаги, конденсирующиеся на металлических деталях внутри вагонов. На остановках пленные жадно набивали рты талым снегом, но это было небезопасно, и многие умерли по дороге. Трупы складывали у дверей вагонов, чтобы потом вынести. На каждой остановке русские, открывая задвижку, спрашивали: «Сколько капут?» Некоторые «путешествия» длились по двадцать-тридцать дней. В одном вагоне из ста человек в живых осталось только восемь».

К началу 1944 года в системе УПВИ НКВД СССР находилось чуть более 100 тысяч военнопленных. Учитывая, что после Сталинградской битвы за период с 3 февраля по 31 декабря 1943 года в «систему» поступило 65,5 тысячи, то вырисовывается убыль примерно 220 тысяч человек в течение одного года (если верить другим исследователям из того же министерства, признанным официально, то с 1 января по 31 декабря 1943 года военнопленных противника захвачено — не забу-

дем про разницу между понятиями «захвачено» и «принято на учет органами НКВД» — 442 623 человека, а до того захвачено еще 189 428 человек; в итоге на 1 января 1944 года — 636 051 военнопленный. А числилось в «системе» чуть более 100 тысяч. Страшненькая разница в цифрах получается).

Война была жестокой, беспощадной, буквально «аннигиляционной» с обеих сторон. Просто историю писали победители. Гитлер, «вероломно» напав на Советский Союз, оказал Сталину большую услугу морального плана: «Они первыми начали!» А если бы мы? Сколько народа, зачисленного во «враги народа», получило гулю в затылок в результате «освобождения» Западной Белоруссии и Западной Украины в 1939 году?

До самой Победы и после нее в лагерях военнопленных продолжали «иметь место факты недостатка питания» и «отмечались перебои в снабжении», попросту говоря, голод.

Так, в Белоруссии, как отмечалось в приказе наркома внутренних дел С.С. Бельченко, в Бобруйском лагере № 56: «За период с 4 сентября по 31 октября 1944 года умерло 52 человека, из них от воспаления легких — 34, дистрофии — 18. Только за третью декаду октября умерло 27 военнопленных. Лазарет лагеря, где на 27 октября 1944 года содержалось 473 человека, располагался в непригодном помещении, прием больных был неупорядочен, в палатах царил грязь, спертый воздух, зловоние. Содержащиеся в оздоровительной команде 604 военнопленных, в том числе 288 больных дистрофией, не были обеспечены нарами, питание не соответствовало необходимым нормам по банальной причине — продукты разворовывались персоналом. Аналогичное положение отмечалось в Витебском лагере № 271, где за сентябрь 1944 года смертность составила 143 случая, причем за последнюю декаду октября умерло 99 человек. Имевшаяся возможность направить тяжелобольных в госпиталь Наркомздрава, расположенный в 15 км от лагеря, не использовалась».

Мало чем положение отличалось в других лагерях. Заболеваемость и смертность оставались высокими и на протя-

жении всего 1945 года. А также зимой 1946-го, когда пленным выдавали 100—200 граммов хлеба — «из-за засухи и вызванного ею неурожая» и «по причине неорганизованности и нераспорядительности администрации». В Минском лагере № 168 за зиму умерли 469 человек, в Полоцком № 243 — 268, по Белоруссии в целом за три месяца — 1210.

Всего, по официальным данным, в СССР умерло более 580 тысяч военнопленных.

Выжившие на рудниках и шахтах, стройках и лесоповалах, заводах и конструкторских бюро ударным трудом возмещали победителям материальный ущерб. Говорят, что В.М. Молотов заявил, что ни один пленный немец не увидит родины, пока не будет полностью восстановлен Сталинград. Вклад военнопленных в восстановление экономики Советского Союза оценивается в 50 миллиардов рублей. На их долю пришлось до 8% валового производства страны в период первой послевоенной пятилетки.

Нашел товарищ Сталин и адекватный ответ на угон советских граждан на работу в Германию. В начале февраля 1945 года Государственный комитет обороны предписал мобилизовать в советской зоне оккупации всех годных к физическому труду немецких мужчин в возрасте от 17 до 50 лет. Причем тех лиц, в отношении которых устанавливали, что они служили в Вермахте или были записаны в фольксштурм, «брали в плен» и направляли в лагеря НКВД. Из остальных германских граждан формировались отдельные рабочие батальоны численностью по 740—1200 человек. Надо понимать, контингент батальонов военнопленными не считались (их классифицировали по графе «мобилизованные»), при этом «как правило, условия жизни и труда ОРБ были хуже, чем в лагерях НКВД — МВД».

В январе — апреле 1945 года в СССР для использования на работе, в первую очередь в Белоруссии и Украине, было завезено 208 тысяч гражданских интернированных лиц (по другим данным, 303 тысячи), в том числе 51 138 женщин, которых свели в 221 рабочий батальон. Вымирали они в этих батальонах как мухи, смертность составляла от 19,2 до 38,9%. Только по Минской области только в 1945 году в отдельном рабочем батальоне № 2031 умерли 233 человека, № 2032—

104, № 2033 — 160, № 2034 — 241, № 2035 — 410 (кроме того, часть рабочих батальонов относилась к «системе» Наркомата обороны, в Белоруссии в них содержалось более 14 тысяч человек).

Всего в СССР умерло 66,5 тысячи мобилизованных «вест-арбайтеров».

Показатели смертности снижали за счет того, что с января 1947 года военнопленных и мобилизованных, потерявших трудоспособность, но взамен приобретших инвалидность, стали отправлять на родину, три месяца спустя начался процесс репатриации. В начале мая 1950 года в советских средствах массовой информации появилось сообщение об окончании репатриации из Советского Союза немецких военнопленных. Но не всех. Более 13 тысяч граждан Германии продолжало оставаться в качестве осужденных и подследственных за тяжкие военные преступления. Самых «заядлых» уже повесили в 1945—1947 годах. Но в 1949 году, вместе с новой волной репрессий в СССР все началось по новой и в лагерях. Генералу фон Зейдлицу, давно завербованному НКВД и предлагавшему сформировать для штурма Берлина корпус из лояльных пленных под своим командованием, вlepили двадцать пять лет. Генерала Штрекера признали виновным в разрушении Сталинградского тракторного завода. Летчика-аса Эриха Хартмана, сбившего 252 самолета, обвинили в повреждении авиационной техники, являвшейся собственностью советского правительства. В лагеря снова зачастили оперативно-следственные группы в поисках фигурантов для новых дел.

«В большинстве следственных дел, — сообщает профессор Академии МВД Республики Беларусь А.В. Шарков, — которые вели оперативные аппараты лагерей, обвинения в отношении военнослужащих строились на их собственных показаниях. Достаточно было обвиняемому по какой-либо причине отказаться от своих прежних показаний, как других избличающих его материалов в деле не оставалось... Данная практика наводит на мысль о том, что основная цель следствия заключалась не столько в сборе и документировании неопровержимых фактов, избличающих вину преступников, сколько в получении их признания. Это во многих случаях ве-

ло к злоупотреблениям, порой имевшим тяжкие последствия. В частности, в июне 1946 года во время допроса военнопленного лагеря № 168 Ковальцига начальник следственного отделения лейтенант Марьин применил к нему меры физического воздействия, в результате чего военнопленный получил перелом остистого отростка поясничного позвонка. После допроса Ковальциг, помещенный в одиночную камеру предварительного заключения, в ночь на 15 июня повесился. Вот почему, на наш взгляд, к цифрам, характеризующим количество привлеченных к ответственности, надо относиться осторожно: в их число, по всей видимости, попали и невинные».

В их число только в БССР попали 239 женщин и 44 ребенка в возрасте до 14 лет. Большинство из них освободили после визита канцлера Аденауэра в Москву в сентябре 1955 года, согласно Указу Президиума Верховного Совета «О досрочном освобождении германских граждан, осужденных судебными органами СССР за совершенные ими преступления против народов Советского Союза в период войны». Но вот что интересно: в статусе военных преступников в распоряжение правительств ГДР и ФРГ было передано лишь 749 человек.

Из 108 тысяч «сталинградских немцев» домой вернулись 6 тысяч. Что касается итальянцев, то их выпустили чуть больше 21 тысячи — все, что осталось. Последнего «итала» случайно обнаружили в киевском дурдоме в 1956 году.

ВРЕМЯ РЕШЕНИЙ

Манштейн ясно видел, что после крушения фронта, обороняемого итальянской и венгерской армиями, и ввиду недостатка резервов, единственным способом предотвратить окружение групп армий «А» и «Дон» является экстренная переброска крупных сил, конкретно 4-й танковой армии, из района южнее Дона на среднее течение Донца. Однако германское Главное командование этого мнения не разделяло, Гитлер никак не желал отказываться от Кавказа. Решение о переброске сил с востока на запад затягивалось, а Ман-

штейн с тревогой представлял себе дальнейшее развитие событий, рассматривая карту, — красные стрелы ударных советских группировок, подкреплённых высвободившимися войсками Донского фронта, нацеленные на днепровские переправы и побережье Азовского моря.

Наконец, Гитлер понял, хочешь не хочешь, а с майкопской нефтью придется расстаться. Манштейн предлагал не мелочиться и, если не будет найден способ закрыть брешь, возникшую между Воронежем и Ворошиловградом, заодно оставить и Донбасс. Но это было бы уже слишком, Гитлер «стоял на точке зрения, что он ни в коем случае не может обойтись без Донбасса в военно-экономическом отношении».

24 января 1943 года фюрер принял окончательное решение о выводе 1-й танковой армии с Северного Кавказа через Ростов для усиления группы армий «Дон». 17-й армии надлежало отступить на Таманский полуостров, закрепиться и в ожидании лучших времен отвлекать на себя как можно больше советских сил. Было также принято решение о сокращении всей линии Восточного фронта и выводе сил с Ржевско-Вяземского и Демянского плацдармов. 27 января 1-я танковая армия была подчинена командованию группы армий «Дон», которое немедленно принялось готовиться к переброске уходивших через Ростов дивизий на Средний Донец (но и здесь следствием колебаний Гитлера стало решение оставить на Кубани в составе группы «А» 13-ю танковую и 50-ю пехотную дивизии). Задача прикрытия ростовской переправы по-прежнему возлагалась на генерала Гота. 29 января штаб Манштейна из Таганрога переместился в Сталино (так до 1961 года назывался город Донецк — центр Сталинской области). Еще через два дня фельдмаршал направил телеграмму в ОКХ, в которой еще раз изложил свою точку зрения по вопросу о возможности удержания Донбасса: «Основной предпосылкой этого я считал своевременный удар со стороны Харькова и нанесение противнику поражения северовосточнее Харькова еще до начала распутицы. Если это окажется невозможным, то Донецкий бассейн придется оставить... Дни с конца января, если не считать мероприятий, которые предпринимала группа армий в своей полосе и кото-

рые имели целью быструю переброску 1-й танковой армии на Средний Донец, были заполнены спором между группой армий и ОКХ о дальнейшем ведении операций в целом».

Между тем мрачные прогнозы сбывались, советский натиск не ослабевал.

Завершение операции «Кольцо»

22 января начался завершающий этап операции «Кольцо». На этот раз главный удар наносила армия Чистякова, войска которой за четверо суток, с ожесточенными боями продвинувшись на 10—15 километров, заняли Гумрак и ликвидировали последний немецкий аэродром. Воздушный мост рухнул. Снабжение 6-й армии стало целиком и полностью осуществляться посредством вслепую сбрасываемых на парашютах контейнеров. Их содержимое — колбаса, тушенка, шерстяные носки, теплая обувь — весьма ценилось советскими бойцами, палившими по такому случаю из трофейных ракетниц.

Фронт вплотную приблизился к черте города, где скопилось более 100 тысяч солдат Вермахта. 24 января впавший в депрессию Паулюс доложил по команде, что силы армии иссякли: «Основания для выполнения боевой задачи и удержания Сталинграда больше нет. Русские уже теперь осуществляют прорывы в разных пунктах фронта, так как целые участки оголены ввиду гибели людей. Героизм командиров и солдат не сломлен, несмотря ни на что». Командующий просил предоставить ему теперь свободу действий как в отношении попытки пробиться на юго-запад оставшимися силами, так и «в смысле прекращения борьбы». Ответная телеграмма за подписью Гитлера гласила: «Капитуляция исключена. 6-я армия выполняет свою историческую задачу тем, что благодаря ее упорному сопротивлению до последнего становится возможным образование нового фронта и оттягивание армейской группировки с Кавказа».

С 25 января штаб 6-й армии находился в Сталинграде в подвале здания универмага. Своим генералам, задававшим вопрос «какой смысл бороться дольше и не следует ли поло-

жить этому конец», Паулюс продолжал твердить: «Важен каждый день, выдержанный нами, чтобы выиграть время для создания нового фронта... Поэтому весь ход войны решающим образом зависит от нашего поведения под Сталинградом».

Утром 26 января соединения 21-й армии, расколов котел надвое, встретились в районе поселка Красный Октябрь и Мамаева кургана с частями 13-й стрелковой дивизии 62-й армии. Немецкие войска были расчленены на южную группу — в центральной части города (остатки девяти дивизий под номинальным командованием Паулюса) и северную — в районе заводов «Баррикады» и тракторный (остатки двенадцати дивизий во главе с командиром 11-го армейского корпуса генералом Штрекером). С 27 января начались бои по ликвидации противника, который «даже и в таких условиях продолжал упорно сопротивляться». Завязались уличные бои, советская артиллерия, за исключением полковой, получила приказание прекратить огонь по южной части Сталинграда, поскольку стрельба стала опасной для своих же войск. В ночь на 29 января соединения 64-й армии генерала М.С. Шумилова преодолели реку Царица и вышли в центр города.

30 января в Третьем рейхе отмечали десятую годовщину со дня назначения Гитлера канцлером Германии. По этому случаю четверем генералам, в их числе Фридриху Паулюсу, было присвоено звание фельдмаршала. Командующий 6-й армией узнал эту новость утром следующего дня. Жест фюрера Паулюс абсолютно верно расценил как приглашение в «клуб самоубийц», но стреляться не стал: «Он думает, что я пушу себе пулю в лоб, но я не собираюсь оказывать ему эту любезность». Буквально через три часа в двери штаба 6-й армии «постучались» бойцы 38-й мотострелковой бригады полковника Бурмакова. Воскресным днем 31 января 1943 года в советский плен сдался первый немецкий фельдмаршал, один из главных авторов плана «Барбаросса». Южная группировка прекратила сопротивление и выбросила белые флаги.

Советское правительство немедленно опубликовало специальное коммюнике, в котором сообщалось о капитуляции и приводились фамилии всех старших офицеров.

Между тем северная группа не сложила оружия, и ее пришлось добивать. «Всю ночь работали артиллеристы, — пишет генерал Батов. — Местами они ставили орудия почти вплотную. Пушки стояли в две линии. Вторая линия — в виде яруса. 1 февраля на НП было необычное оживление. Наблюдательный пункт армии оборудован в основании насыпи окружной железной дороги. Стереотрубы выведены между шпал. Прибыли Рокоссовский, Воронов, Телегин, Казаков. Все хотели видеть могучую работу артиллерии: только в 214-й восемь артполков усиления, свыше сотни орудий стояли на прямой наводке. И вот вся эта мощь загрохотала. После трех-пяти минут из блиндажей, из подвалов, из-под танков начали выскакивать, выползать немцы. Одни бежали, другие становились на колени, обезумев, вздымали к небу руки. Некоторые бросались обратно в укрытия, скрывались среди столбов дыма и взвихренного камня и снова выскакивали... Всего 15 минут продолжалась эта неистовая артподготовка. Началась атака. Но в Спартановке уже никто не оказывал организованного сопротивления».

Почти сразу после артиллерийского удара стали появляться белые флаги, но в отдельных местах бой продолжался еще сутки. Наконец, утром 2 февраля выстрелы стихли, остатки северной немецкой группировки сдались в плен. Те, кто предпочитал смерть плену, стрелялись, как командир 371-й пехотной дивизии генерал Штемпель, иные подрывали себя. Кто-то мелкими группами пытался из руин города уйти через заснеженную степь на юго-запад. Но из кольца не вышел ни один человек. Среди немецких солдат ходили слухи, что неизвестному унтер-офицеру все-таки удалось пересечь линию фронта и добрести в расположение 11-й танковой дивизии, чтобы через сутки погибнуть на перевязочном пункте от разрыва шальной советской мины.

Битва на Волге закончилась. На весь мир было объявлено, что за время ликвидации котла войска Донского фронта взяли богатые трофеи: 5762 орудия, свыше 3 тысяч минометов, свыше 12 тысяч пулеметов, 156 987 винтовок, 744 самолета, 1666 танков, 261 бронемашину, 80 438 автомашин и прочее, прочее, прочее. Непонятно только, откуда в котле взялось столько танков и самолетов?

«Цифра неверная, — заметил Паулос, когда ему перевели сводку Совинформбюро, — у нас танков было не больше 150».

«Возможно, они считают и русские», — пожал плечами полковник Адам.

В ходе операций «Уран» и «Кольцо» в плен попали почти 108 тысяч человек, в том числе около 2500 офицеров и 24 генерала. Свыше 70 тысяч вражеских солдат и офицеров погибли в окружении, 42 тысячи раненых немцев удалось эвакуировать. С 19 ноября 1942 года по 2 февраля 1943 года Красной Армией было захвачено и уничтожено около 400 тысяч немецких, румынских, итальянских и прочих «крестоносцев», до 2 тысяч танков и штурмовых орудий, более 10 тысяч орудий и минометов, около 3 тысяч самолетов. Наши потери в Сталинградской наступательной операции составили 486 тысяч человек (155 тысяч — безвозвратно), 2915 танков, 3590 орудий и минометов, 706 самолетов.

Разъяренный Гитлер поклялся, что до конца войны никому больше не присвоит звания фельдмаршала. Соврал, конечно.

Три дня потрясенная Германия, закрыв все увеселительные заведения, слушала музыку Вагнера — что-то из «Гибели богов» и размышляла о будущем: «Немецкий народ, который, находясь под влиянием нацистской пропаганды, не осмысливал до конца серьезности военного положения, вдруг осознал всю тяжесть кризиса и был поражен ошеломляющим известием».

Рокоссовский впервые принял капитуляцию целой немецкой армии во главе с фельдмаршалом и сам стал генерал-полковником. Во всех советских штабах лихорадочно строчили наградные представления и вертели дырки для орденов, а командиры люто ревновали друг друга к обрушившейся на их головы славе.

«В ряде случаев на Донфронте имело место зазнайство, — сообщал в Москву майор госбезопасности В.М. Ильин. — Источник провел несколько дней в штабе 62-й армии, исключительно стойко дравшейся в Сталинграде. Однако у руководи-

телей армии были настроения зазнайства. Генерал-лейтенант Гуров, член ВС, во всех разговорах подчеркивал, что только армии, бывшие в Сталинграде (62-я и 64-я), могут себя считать защитниками Сталинграда. Эти настроения проявились на митинге в Сталинграде 4 февраля, где о Рокоссовском просто не упомянули.

Члены Военного совета 62-й армии занимались восхвалением друг друга и нашли даже своего певца — писателя Николая Вирта, выступившего в «Правде» со статьями, которые в Москве писатели в шутку называют «Ум и мудрость Чуйкова»...

В этом свете некрасиво выглядит поведение ВС 62-й по отношению к Герою Советского Союза генералу Родимцеву, командиру 13-й гвардейской дивизии. В свое время (осень 1942 г.) цензура разрешила писать о Родимцеве, т. к. он широко известен за границей. Материалы о Сталинграде шли, главным образом, из дивизии Родимцева, сыгравшей большую роль в спасении Сталинграда. Генерал-лейтенанты Чуйков и Гуров обиделись на это, Гуров прямо говорил источнику — «всю славу Сталинграда отдали Родимцеву». Вокруг Родимцева создали нездоровую атмосферу, пошли даже разговоры недостойные — «Родимцев — генерал для газет, он ничего не сделал». ВС 62-й представил Родимцева к ордену Суворова, а потом прислал в штаб ДФ телеграмму с отменой представления.

Родимцев — почти единственный командир, не награжденный за Сталинград...»

Писатель К. Симонов, бывший недавно у командующего 64-й армией генерал-лейтенанта Шумилова, рассказывает: «Шумилов просто не может слышать имени Родимцева. Дело объясняется просто — генерал-лейтенант Чуйков, друг Шумилова, всеми силами старается зажать Родимцева, ревнуя к его славе».

Генеральские батальоны за сталинградские лавры продолжали еще четверть века, пока не выяснилось, что решающим пунктом советско-германского фронта был не Сталинград, а Малая земля.

К примеру, генерал Чистяков, человек вполне адекватный, жизнерадостный, со здоровым чувством юмора, не удержался и тридцать лет спустя, сдабривая свои мемуары красочными байками, тоже взял в плен «фельдмаршала», в которые он произвел генерала артиллерии Гейтца: «В эти

дни мне много пришлось разговаривать с военнопленными, в том числе и с командиром 8-го армейского корпуса генерал-полковником артиллерии Гейтцем, тем самым, которому, после того как генерал-фельдмаршал Паулюс сдался в плен, Гитлер присвоил звание фельдмаршала и назначил командующим окруженной группировкой. Во время разговора фельдмаршал Гейтц попросил позволения задать мне первый и главный вопрос. Я разрешил, а пока он говорил переводчику по-немецки, я думал: «Что ж это его интересует? Какой такой первый и главный вопрос?» Переводчик обращается ко мне:

— Фельдмаршал... спрашивает, сколько вам лет?

Вот тебе и вопрос! Военной тайны тут нет, поэтому ответил:

— Мне сорок один год.

Он понурил голову.

— Да, господин генерал, победа за вами, а мы войну проиграли.

Больше он ничего не сказал. На вид ему было лет семьдесят, и я казался ему молодым».

Большинство командующих и командармов было удостоено правительственных наград и очередных воинских званий. Только Еременко хоть и был награжден орденом Суворова, но остался генерал-полковником. Вконец расстроенный несправедливым к себе отношением и неудачами под Ростовом генерал занедужил и попросил Сталина освободить его от должности командующего фронтом, дабы подлечить открывшиеся раны. 29 января в командование войсками Южного фронта вступил генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский.

Завершение операции «Дон»

24 января Северная группа Закавказского фронта была преобразована в самостоятельный Северо-Кавказский фронт, в состав которого вошли 9, 37, 44-я и 58-я армии, Кубанский и Донской гвардейские кавалерийские корпуса. Командующим остался генерал И.И. Масленников. Новой директивой Ставки ему предписывалось: конно-механизированной

группу генерала Кириченко направить на Батайск для удара в тыл противника и овладения, во взаимодействии с левым крылом Южного фронта, Батайском, Азовом, Ростовом; 44-й и 58-й армиям, наступая в направлении Тихорецкая — Кушевская, разгромить отступающие части 1-й танковой армии, выйти на рубеж Батайск — Азов — Ейск и быть готовыми к форсированию Таганрогского залива; 9-й армии нанести удар на Тимашевскую, 37-й армии — на Краснодар с задачей во взаимодействии с Черноморской группой «окружить, разгромить или пленить».

Войскам Черноморской группы генерала Петрова уже не было никакого смысла прорываться на Тихорецкую. Поэтому им было приказано всего лишь освободить Новороссийск и Таманский полуостров, с тем чтобы не допустить бегства противника в Крым. Дальнейшей задачей иметь захват Керченского полуострова, что было подтверждено директивой Военного совета Закавказского фронта от 24 января.

Однако что-то не получалось у Петрова ни на «Море», ни в «Горах». Наверное, потому, что здесь противник оказал настоящее сопротивление, а «прорыв не был должным образом организован».

Наступление 47-й армии, наносившей главный, отсекающий удар через станицы Абинская и Крымская в общем направлении на Темрюк, захлебнулось, не помогло и снятие с должности командарма Камкова (Федора Васильевича отправили подучиться на ускоренные курсы Военной академии Генштаба, но армию ему больше никогда не давали) и назначение на его место 25 января генерала Леселидзе. Целую неделю, начиная с 26 января, армия безуспешно пыталась проломить оборону 5-го армейского корпуса. На отдельных участках удалось продвинуться на 400—500 метров.

Несколько лучше дело у соседей справа. 46-я армия, которую принял генерал-майор И. П. Рослый, до этого командовавший 11-м гвардейским стрелковым корпусом, продолжая преследовать противника, освободила Нефтегорск, Апшеронск, Майкоп и 2 февраля форсировала Кубань, овладев Усть-Лабинской. А еще через два дня соединилась с войсками 37-й армии Северо-Кавказского фронта.

18-я армия 25 января выбила арьергардные части 46-й

пехотной дивизии из Нефтяной и Хадыженского, выйдя к концу месяца на левый берег Кубани. Все попытки преодолеть реку были отбиты противником. Как отмечает А.А. Гречко, успешному продвижению армии мешало слабое руководство войсками: «Уже 23 января управление войсками армии было нарушено, а с 27 января по 1 февраля и вовсе потеряно». К тому же в ходе наступления в горах застряла почти вся артиллерия усиления. Войсковая артиллерия и минометы поспевали за пехотой, но зато отстали снаряды и мины к ним. Почти анекдотом в данной ситуации, когда и отступающая и наступающая стороны действуют вдоль одних и тех же коммуникаций, выглядят сетования советских генералов на то, что артиллерия и тылы отстали «из-за недостаточно развитой сети дорог и крайне плохого их состояния», а немцы в то же время пользовались «широко развитой сетью дорог, которые были в хорошем состоянии»(?). Складывается впечатление, что по мере продвижения Красной Армии «автобаны» автоматически превращаются в непролазные грунтовки или даже растворяются в окружающей среде.

56-я армия силами 10-го гвардейского стрелкового корпуса и 76-й морской стрелковой бригады при содействии партизанских отрядов, преобразованных в истребительные батальоны, до конца января билась за Горячий Ключ, пытаясь прорваться к Краснодару, но и здесь противник отступать не планировал. Краснодар был для немцев чрезвычайно важен как железнодорожный узел и главная база снабжения всей 17-й армии в условиях, когда Керченский пролив был еще забит льдом. На этом направлении держал оборону 44-й армейский корпус генерала де Ангелиса, бойцы которого оставили описание жесточайших боев:

«Они подходили. Как вчера и позавчера. Лишь на одном из четырех была форма, и лишь один из трех, в лучшем случае, имел винтовку. Тяжелого оружия не было вовсе. Они кричали «Ура!» и поднимались в атаку. Впереди молодые офицеры, некоторые прямо с учебной скамьи. За ними мальчики тринадцати-четырнадцати лет, старики, инвалиды. Собирали всех. Немецкие пулеметы скосили первую волну. Идущие за ними поднимали ружья раненых и убитых и про-

должали атаку. Судя по лицам, здесь были все кавказские национальности. Скоро горы убитых и раненых лежали уже в сорока метрах от позиций 3-го батальона... Этот ад продолжался четыре дня. Они шли снова и снова, используя горы своих собственных мертвых в качестве прикрытия. За этими страшными брустверами они перегруппировывались и с леденящим кровь криком «Ура!» снова бросались в атаку...

Серьезно раненный русский лейтенант был обнаружен еще живым. Когда капитан Винзен попросил его объяснить причины резни, русский пожал плечами и сказал: «Вы, немцы, знаете, как воевать; мы только учимся».

Учились они хорошо. Но иногда все еще допускали серьезные ошибки, которые обходились им недешево. Так, командиры этих отрядов «красной самообороны» и партизан руководили своими людьми необычным образом. Они отдавали подчиненным офицерам боевые приказы по радио, в прямом эфире, вместе с устрашающими угрозами: «Если не выполните задачу, я вас расстреляю!» или: «Начнете отступать, я прикажу открыть огонь по вашей части!» Передовая служба радиоперехвата 125-й пехотной дивизии слушала все это, и Рейнгардт со своим штабом всегда заранее знал, где ожидать противника. Его тактические резервы постоянно оказывались в нужное время в нужном месте».

2 февраля последовал приказ Ставки дополнить безуспешные фронтальные атаки 47-й армии фланговым ударом 56-й армии в направлении Крымской, а Краснодар брать ударом с севера силами 18-й армии. Но все было тщетно. Немцы прочно встали в оборону. За следующие три дня лишь части 18-й и 46-й армий сумели продвинуться на 8—10 километров.

Наибольшего успеха к началу февраля добились войска Северо-Кавказского фронта, поскольку противник «наступал» здесь в том же направлении — на Ростов. В результате армии левого крыла оттеснили части 17-й немецкой армии в район северо-восточнее Краснодара. 24 января был освобожден Армавир, 30 января — Тихорецкая. 58-я армия генерала К.С. Мельника преодолела 160 километров и достигла побережья Таганрогского залива у Ейска. Правофланговые 44-я

армия и КМГ вышли на подступы к Ростову с юга. Однако танковая армия Макензена уже ушла.

Ни Ростов, ни Батайск взять не удалось. Здесь, по выражению Штеменко, стоял «своеобразный броневой щит». Противнику удалось избежать разгрома и эвакуировать тяжелую технику. «Фактически имеется мало доказательств, — итожит А. Верт, — что в ходе преследования отступавших немцев не удалось захватить много пленных или нанести немцам значительные потери». Больше всего пострадала оставшаяся на Кубани и прикрывавшая отход 17-я армия, ее потери составили 11 300 человек.

За образцово организованный драп с Кавказа Гитлер 31 января присвоил фон Клейсту чин фельдмаршала. Ничего, мы его все равно достанем. В 1946 году Сталин вытребует Клейста у американцев и сгноит в лагере (причем сначала его будут судить югославы и пропишут 15 лет каторжных работ, а в 1952 году четвертак ему добавит Военная коллегия Верховного Суда СССР).

На этом завершилась наступательная операция «Дон» по освобождению Северного Кавказа, длившаяся 35 дней. За это время потери двух советских фронтов составили 220 танков, 236 боевых самолетов и около 155 тысяч человек убитыми и ранеными. Последняя цифра, взятая из статистического исследования «Россия и СССР в войнах XX века», вызывает сомнения. Так, численность войск Южного фронта на 1 января 1943 года оценивается в 393 800 солдат и офицеров. В ходе операции в состав фронта была передана 5-я ударная армия — еще минимум 40 тысяч. Людские потери к 4 февраля составили 101 717 человек, в остатке имеем примерно 332 тысячи. Однако по состоянию на 5 февраля численность войск Южного фронта указана 259 440 человек (?) — разницы в 72,5 тысячи хватило бы на укомплектование полнокровной армии.

В рядах Закавказского фронта 1 января мы видим 685 600 человек, к 4 февраля потери составили 52 384, а пять дней спустя численность войск Северо-Кавказского фронта — 390 000 тысяч. Правда, 5 февраля, в связи с тем, что войска Северо-Кавказского фронта действовали на большом пространстве и по расходящимся направлениям, Ставка

ВГК передала в состав Южного фронта 44-ю армию и конно-механизированную группу, но неужели в них насчитывалось 240 тысяч человек?

Одновременно Черноморская группа была включена в состав Северо-Кавказского фронта, основной задачей которого стал разгром краснодарско-новороссийской группировки противника. Закавказский фронт должен был охранять Черноморское побережье, прикрывать советско-турецкую границу, руководить войсками 45-й армии, находившейся в Иране. До августа 1945 года этим недействующим фронтом продолжал командовать генерал армии И. В. Тюленев. Он так и не стал маршалом.

13 и 17 февраля 1943 года по заданию командования две группы советских альпинистов под общим руководством военинженера 3-го ранга А. М. Гусева, начальника альпинистского отделения штаба оперативной группы по обороне Главного Кавказского хребта, совершили восхождение на западную и восточную вершины Эльбруса, сорвали нацистские вымпелы со свастикой и под стрекот кинокамеры водрузили флаги СССР.

Малая земля

Морской десант в районе Новороссийска советское командование замышляло с ноября 1942 года. Затем его проведение стало составной частью операции «Море». Как уже говорилось, на первом этапе войска 47-й армии должны были захватить станицу Крымская, но сделать этого им не удалось. Тогда генерал Петров решил перейти сразу ко второму и третьему этапам.

И. Е. Петров (1896—1958) был грамотный, вдумчивый, упорный и не очень везучий генерал. Родился он в уездном городе Трубчевске в семье сапожника, при царе окончил учительскую семинарию и Московское Алексеевское юнкерское училище аккуратно в январе 1917 года, при Советской

власти — курсы, курсы. С германцем повоювать не успел, весной 1918 года записался в Красную Армию и вступил в большевистскую партию. Давил мятежи чехословаков и белоказаков на Урале, в составе 11-й кавалерийской дивизии участвовал в походе на Варшаву. В 1922 году дивизию перебросили на Туркестанский фронт, и следующие восемнадцать лет Иван Ефимович нес ленинскую правду народам Востока: громил Старую Бухару, рубился с басмачами, командовал кавалерийским полком, горнострелковой дивизией и снова сражался с басмачами, в 1933 году был назначен начальником Среднеазиатской военной школы, переименованной затем в Ташкентское военное училище имени В.И. Ленина, и опять проводил операции против басмачей. «Фамилию «Петров», — утверждает биограф, — знали в самых далеких горных и степных кишлаках Туркестана».

С июня 1940 года — командир стрелковой дивизии, с октября — инспектор пехоты Среднеазиатского военного округа, перед началом войны был переведен в Одесский военный округ. Организаторские и волевые качества Петрова, как военачальника, проявились при обороне Одессы, где он командовал 25-й стрелковой дивизией, а затем, приняв Приморскую армию, осуществил в октябре 1941 года блестящую операцию по эвакуации войск в Крым. Вместе с адмиралом Ф.С. Октябрьским (в девичестве Ивановым) генерал Петров руководил восьмимесячной обороной Севастополя.

Из наблюдений Константина Симонова: «Петров был человеком решительным, а в критические минуты умел быть жестоким. Однако при всей своей абсолютной военности он понимал, что в строгой военной субординации присутствует известная вынужденность для человеческого достоинства, и не жаловал тех, кого приводила в раж именно эта субординированная сторона военной службы. Он любил умных и дисциплинированных и не любил вытаращенных от рвения и давал тем и другим чувствовать это... О его личном мужестве не уставали повторять все, кто с ним служил, особенно в Одессе, Севастополе и на Кавказе, где для проявления этого мужества было особенно много поводов. Храбрость его была какая-то мешковатая, неторопливая, такая, которую осо-

бенно ценил Лев Толстой. Да и вообще в повадке Петрова было что-то от старого боевого кавказского офицера, каким мы его представляем себе по русской литературе XIX века».

Но он был именно советским офицером, дисциплинированным «солдатом партии» и винтиком системы. Когда возможности обороны Севастополя были исчерпаны, по приказу Москвы весь командный и политический состав Приморской армии, вплоть до командиров полков, во главе с Петровым — более 1200 генералов, адмиралов и старших командиров — 1 июля 1942 года, забыв про честь и «личное мужество», погрузился в самолеты и подводные лодки и, бросив на произвол судьбы десятки тысяч подчиненных, убыл в Новороссийск получать награды и новые дивизии — случай в военной истории уникальный.

Для сравнения, Паулюс, когда осознал безнадежность своего положения, отправил в ОКХ телеграмму следующего содержания: «Предлагаю вывезти из котла отдельных специалистов — солдат и офицеров, которые могут быть использованы в дальнейших боевых действиях. Приказ об этом должен быть отдан возможно скорее, так как вскоре посадка самолетов станет невозможной. Офицеров прошу указать по имени. Обо мне, конечно, речи быть не может».

Гитлер в просьбе отказал. Манштейн считал это нормальным, единственно верным решением: «С чисто деловой точки зрения, естественно, было бы желательно спасти возможно большее число ценных специалистов, конечно, независимо от их звания... Но эту эвакуацию необходимо было рассматривать и с точки зрения солдатской этики. Нормы солдатской этики требуют, чтобы в первую очередь были эвакуированы раненые... Кроме того, неизбежно большинство эвакуируемых специалистов составили бы офицеры, так как они благодаря их подготовке и опыту представляют большую ценность в войне, чем рядовые солдаты. Но по понятиям немецкой солдатской этики, когда речь шла о спасении жизни, офицеры должны были уступить первую очередь солдатам, за которых они несли ответственность». Немецкие самолеты до последней возможности вывозили из Сталинграда раненых и больных.

Фюрер полагал, что немецкий фельдмаршал, дабы избе-

жать позора плена, просто обязан застрелиться, но ему и в голову не пришло вывезти Паулюса и его генералов самолетами. Так же как Паулюс не догадался оставить своих солдат и погрузиться в припрятанный в потайном ангаре «Юнкерс» (между прочим, эта мысль не давала спать представителю Ставки Воронову и командующему 16-й воздушной армией Руденко, даже когда были захвачены все немецкие аэродромы: а что, если Паулюс вылетит из котла со льда Волги? Или со Сталинградского стадиона? И самолеты отправлялись на штурмовку неоднократно перепаханного снарядами и бомбами футбольного поля, а артиллерия брала на прицел русло реки).

Сталин дал своей «военной номенклатуре» команду спастись, что она и сделала без чистоплюйских рассуждений о нормах «солдатской этики». Сбежавшие командиры стали севастопольскими героями, очутившиеся в плену бойцы — предателями.

В августе 1942 года Петров был назначен командующим войсками 44-й армии Закавказского фронта, в октябре — Черноморской группы.

Еще 24 января 1943 года генерал-лейтенант И.Е. Петров своей директивой поставил войскам 47-й армии задачу, продолжая атаки на Крымскую, группе генерал-майора А.А. Гречкина в составе 3-го стрелкового корпуса и 318-й стрелковой дивизии — прорвать оборону 73-й пехотной дивизии генерала фон Бунау, захватить перевалы Маркотх и Неберджаевский и во взаимодействии с морским десантом к 1 февраля окружить и уничтожить новороссийскую группировку противника и овладеть городом Новороссийском. Десантную операцию планировалось начать после прорыва обороны на сухопутном фронте, одновременно с выходом ударной группировки на перевалы. Однако в реальной жизни удалось «прорваться» всего лишь на 200—300 метров, и то на отдельных участках. И тогда 30 января командующий Черноморской группой, вопреки первоначальному плану, велел в ночь с 1 на 2 февраля высадить давно задуманный десант. Затем срок был отодвинут на двое суток.

В полном соответствии с военно-морской наукой десантов должно было быть несколько.

Основной предполагалось двумя эшелонами высадить в районе Южной Озерейки. В его состав вошли 83-я морская, 165-я стрелковая бригады, 255-я бригада морской пехоты, отдельный авиадесантный полк, отдельный пулеметный батальон, 563-й танковый батальон на американских машинах и 29-й истребительно-противотанковый полк. Задачей десанта являлось выйти на рубеж Станичка — Глебовка и во взаимодействии с частями 47-й и 56-й армий окружить и освободить Новороссийск. Командиром основного десанта назначили полковника Д.В. Гордеева. Для обеспечения высадки из состава Черноморского флота были сформированы: отряд транспортов основного десанта — транспорт «Тракторист» и два тральщика; отряд охранения транспортов — два базовых тральщика и шесть сторожевых катеров; отряд высадочных средств — три базовых тральщика, шесть сторожевых катеров, три болиндера, три буксира, пять сейнеров и шесть корабельных баркасов. Отряд корабельной поддержки под командованием контр-адмирала Н.Е. Басистого — эсминцы «Незаможник» и «Железняков», канонерские лодки «Красная Грузия», «Красная Абхазия» и «Красный Аджаристан», четыре сторожевых катера и один тральщик — должен был высадить первый эшелон десанта и прикрыть огнем его действия на берегу. Артиллерийская обработка участков высадки десанта в районе Южной Озерейки возлагалась на отряд огневого содействия — крейсера «Красный Крым» и «Красный Кавказ», лидер «Харьков», эскадренные миноносцы «Сообразительный» и «Беспощадный» и пять самолетов-корректировщиков — под водительством вице-адмирала Л.А. Владимирского. Для поддержки операции с воздуха выделялось 167 самолетов ВВС флота и 5-й воздушной армии.

Эсминцу «Бойкий» и четырем сторожевым катерам предписывалось обстрелять побережье между Анапой и станцией Благовещенской и произвести демонстрацию высадки в районе Варваровки.

Еще одна группа из четырех сторожевых катеров должна была «демонстрировать» в районе Железного Рога.

В районе Станички при поддержке береговой артилле-

рии Новороссийской ВМБ, расположенной на восточном берегу Цемесской бухты, планировалось высадить отвлекающий десант. В него вошли 250 отборных бойцов морской пехоты под командованием майора Ц.Л. Куникова. Корабельная группировка, которой командовал старший лейтенант Н.И. Сипягин, состояла из 11 катеров и бывшего рыбака, а ныне боевого тральщика «Скумбрия», в преддверии операции вооруженного батареями реактивных установок.

Наконец, специальный воздушно-десантный отряд готовился к выброске в район Васильевка — Глебовка.

Общее руководство десантной операцией было возложено на адмирала Октябрьского, который и представил подробный план операции. В нем все было расписано как по нотам:

00.45 — Четыре транспортных самолета сбрасывают воздушный десант. Одновременно бомбардировщики наносят удар в районе главной высадки, поджигают Южную Озерейку и создают тем самым световой ориентир для артиллерии кораблей.

01.00 — Крейсера и эсминцы по данным самолетов-корректировщиков начинают 30-минутную артиллерийскую обработку побережья, уничтожая противодесантную оборону противника и подавляя его огневые средства. В это же время начинаются демонстративные действия в районе Анапы, Благовещенская и в долине реки Сукко.

01.30 — Начало высадки основного и вспомогательного морских десантов в Южной Озерейке и Станичке.

03.00 — Высаживаются вторые эшелоны.

Подготовка операции длилась почти весь январь. В этот период корабли, назначенные для высадки десанта, сосредоточивались в Геленджике (первый эшелон) и Туапсе (второй эшелон). Личный состав проходил подготовку по высадке на необорудованное побережье, обучался быстрой погрузке и выгрузке, отрабатывал организацию взаимодействия между высадочными средствами и кораблями обеспечения. Сторожевые и торпедные катера, разведывательные группы вели усиленную разведку побережья на широком фронте от Новороссийска до Таманского полуострова, изучая силы и средства береговой обороны противника. Выяснить наша развед-

ка смогла немного. Как сообщается в одном из очерков, посвященных истории флота, данные о противодесантной обороне в районе Южная Озерейка и возможностях огневого противодействия были «неполными», так как неприятель, кто бы мог подумать, «тщательно скрывал места своих огневых точек и позиции артиллерийских батарей».

Такая активность, конечно, не осталась немцами незамеченной и наводила на размышления. К тому же воздушная их разведка доносила о заметном увеличении активности в портах Геленджик и Туапсе. Однако штаб генерала Руоффа, разместившийся в Славянске, допуская возможность русского морского десанта, наиболее вероятным считал удар в Крыму или Тамани в районе Керченского пролива. За береговую оборону в дельте реки Озерейка отвечали 789-й немецкий артиллерийский дивизион, вооруженный 105-мм гаубицами, и 38-й пехотный полк 10-й румынской дивизии с легкими полевыми орудиями.

Развертывание сил высадки началось с утра 3 февраля. Первым в назначенный район около 23 часов вышел отряд огневого содействия адмирала Владимирского и приступил к подготовке к стрельбе. Далее, как обычно, начались неизбежные на море случайности, столь часто мешавшие нашим флотоводцам.

Отряд кораблей первого эшелона десанта «из-за плохо организованной погрузки», несмотря на все предыдущие тренировки, опоздал с выходом из Геленджика почти на полтора часа. К тому же погода ухудшилась, усилился ветер, а разношерстной флотилии приходилось держать скорость, ориентируясь на самые тихходные и маломерные суда. В 00 часов 12 минут 4 февраля, поняв, что не успевает, командир высадки адмирал Басистый связался с крейсером «Красный Кавказ» и попросил адмирала Владимирского отложить артиллерийскую подготовку на полтора часа, одновременно была отправлена телеграмма адмиралу Октябрьскому, находившемуся в Геленджике на командном пункте Новороссийской базы. Адмирал Владимирский согласился сдвинуть время открытия огня и сообщил о переносе сроков

на свои корабли. Адмирал Басистый изменил время подхода к месту высадки второго эшелона на 4 часа 40 минут. А вот адмирал Октябрьский, опасаясь, что высадка затянется до рассвета и боевые корабли попадут под удары немецкой авиации, приказал проводить операцию по ранее утвержденному плану. Никто так и не объяснил того факта, что ответ командующего Черноморским флотом на запрос адмирала Басистого пришел только через два часа.

С этого момента все пошло враздрай, каждый участник операции действовал в соответствии с последним полученным указанием.

В 00 часов 45 минут авиация нанесла бомбо-штурмовые удары по Анапе, Станичке, Васильевке, Глебовке и подошла Южную Озерейку, а три «дугласа» высадили воздушный десант численностью 57 человек (интересно, что первоначально планировалось сбросить 80 парашютистов, и с аэродрома поднялись четыре транспортника). Затем «соколы» улетели отдыхать, поскольку авиационная поддержка непосредственно в ходе высадки десанта не была запланирована. Около часа ночи, точно по графику, появились корректировщики и установили связь с боевыми кораблями. В это время крейсера и эсминцы маневрировали перед участком высадки в ожидании отряда Басистого.

Одновременно демонстрационные группы устроили немцам побудку по всему побережью.

Через час корректировщики, израсходовав горючее, взяли курс на базу. Как раз к этому времени появился первый отряд основного десанта.

В половине третьего крейсера и эсминцы открыли огонь и в течение тридцати минут выпустили в сторону берега более 2000 снарядов калибром от 180 до 100 мм. Стрельба велась после двухчасового маневрирования, на ходу, без корректировки, по площадям, в общем, в «белый свет», точнее, в темную ночь, подсвеченную пожарами в Озерейке и осветительными снарядами с эсминца «Беспощадный». Такая артподготовка не могла быть эффективной, к тому же немецкие гаубицы и минометы располагались на обратных скатах прибрежных высот, что делало их неуязвимыми для настильного огня корабельной артиллерии. Тяжелые снаряды перепахали

прибрежный пляж, уничтожив заминированное проволочное ограждение, накрыли позицию ложной батареи и несколько пулеметных точек, но в целом вражеская огневая система осталась неподавленной. Немецкие артиллеристы не подавали признаков жизни, имея приказ открывать огонь, только когда десант окажется примерно в двухстах метрах от берега.

Примерно в три часа отряд огневого содействия прекратил стрельбу и начал отход на Батуми.

Черноморский флот встретил войну, имея в своем составе линейный корабль «Парижская коммуна», 5 крейсеров, 18 лидеров и эскадренных миноносцев, 44 подводные лодки и более 150 кораблей других классов. За два года, не имея перед собой даже приблизительно равного противника, флот потерял крейсер «Червона Украина», лидеры «Москва» и «Ташкент», 9 эсминцев, 20 подлодок и то ли крейсер, то ли минный заградитель под названием «Коминтерн», а также корабли и суда других классов. Причем множество их погибло на советских минах. «Нашими подлодками, — указывал в марте 1942 года нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, — утоплено транспортов противника столько же, сколько погибло на своих же минах». В свою очередь, на каждый потопленный транспорт врага приходилось по одной погибшей подлодке (всего же ЧФ потерял 24 субмарины, подводники записали на свой счет 81 достоверно утопленное плавсредство врага, правда, на сегодняшний день засчитано 50). Уже ни на что не был пригоден одряхлевший линкор, с оторванной кормой стоял в потийском доке крейсер «Молотов», чинил повреждения, полученные в бессмысленном набеге на Румынию, крейсер «Ворошилов», уже год в капитальном ремонте находился эскадренный миноносец «Бодрый». Так что адмирал Владимирский уводил на безопасное расстояние последние, находившиеся в боевом составе флота крупные боевые корабли.

Когда в 3 часа 45 минут началась высадка первого эшелона, молчавшие до этого немцы осветили прибрежную полосу прожекторами и встретили десант сосредоточенным артиллерийским, минометным и пулеметным огнем практически в упор, и огневых средств у них оказалось «гораздо больше,

чем предполагалось». Промаяхнуться было невозможно. От прямых попаданий загорелись болиндеры с танками и артиллерией и три буксира. Некоторые десантные суда повернули обратно. Но штурмовой отряд морских пехотинцев сумел зацепиться за берег. Канонерские лодки, загруженные людьми и техникой из состава 255-й бригады, из-за сильного противодействия так и не смогли подойти к берегу. Их командир капитан 1-го ранга Г.А. Бутаков уклонился влево и высадил две роты десантников возле горы Абрау.

Тем временем командиру высадки стали поступать сведения о больших потерях. Не имея связи с высаженным десантом, оставшись без отряда огневой поддержки, а также в связи с наступлением рассвета адмирал Басистый приказал прекратить операцию и дал сигнал об отходе. Это решение одобрил адмирал Октябрьский. В 18 часов 4 февраля корабли первого и второго десантных отрядов возвратились в Геленджик. При высадке десанта погибли все три болиндера, четыре баркаса, два сейнера, один буксир и один катер, получили повреждения все канонерские лодки, два буксира и два катера.

В районе Южной Озерейки удалось высадить 1427 человек и выгрузить 16 танков. В первые же сутки противник отрезал десант от берега. Командование флота связи с ним не имело и в обстановке не ориентировалось. Адмирал Октябрьский решил прекратить дальнейшие попытки. Трое суток 142-й батальон морской пехоты и 563-й танковый батальон под командованием капитана 3-го ранга О.И. Кузьмина вели неравный бой в окружении. Небольшой группе бойцов во главе со старшим политруком Н.А. Каленовым удалось пробиться в район Станички, более 594 человек попали в плен, 630 десантников погибли при высадке и в бою.

Более успешно события развивались в районе Станички, где действовал вспомогательный десант под командованием Ц.Л. Куникова. Судя по воспоминаниям, Цезарь Львович действительно был необычным человеком и настоящим воином, несмотря на то, что имел диплом инженера и работал перед войной редактором газеты «Машиностроение». Каждого кандидата он отбирал лично и зачислял в от-

ряд с характеристикой: «Подходит физически и морально. Смерти не убоится». Отбирая лучших, оттачивая их бойцовские качества беспощадными круглосуточными тренировками и учениями, майор сформировал по-настоящему элитное штурмовое подразделение общим числом 273 человека, организационно состоявшее из пяти боевых групп. И в каждой группе была девушка — санинструктор или радист.

Высадка вспомогательного десанта проходила строго по графику. Поздним вечером 3 февраля катера старшего лейтенанта Сипягина приняли на борт отряд особого назначения. В полночь торпедные катера, приблизившись в месту высадки, под прикрытием дымовой завесы высадили пулеметную группу на мол порта и открыли огонь по берегу.

В районе коса Суджукская — рыбозавод тральщик-«ракетоносец» «Скумбрия» нанес массированный удар 82-мм реактивными снарядами. Группа береговой артиллерии с противоположного берега бухты непрерывно подавляла огневые точки противника. Затем корабли отряда высадки подошли к берегу и произвели высадку десанта. Штурмовые группы опрокинули части 10-й румынской дивизии, ошарашенные совершенно неожиданным, чуть ли не в городской черте, нападением, и обеспечили переход командира и штаба отряда на берег. «Никто не знал, что произошло, — пишет немецкий историк. — Владевшие необходимой информацией румынские части отступили в горы. Бойцы Куникова окопались поодиночке или маленькими группами и так бешено отовсюду стреляли, что у непосвященных складывалось впечатление, будто высадилась целая дивизия. Абсолютное незнание ситуации лишило немецкое командование твердости».

Уже в 2 часа 40 минут майор Куников, в целях отвлечения на себя как можно больших сил противника, передал в эфир открытым текстом: «Полк высадился успешно. Продвигаемся вперед. Жду подкреплений». Через сорок минут в район Станички начали прибывать второй и третий эшелоны, всего за ночь было высажено 870 бойцов и командиров. Подразделения сразу переходили в решительное наступление, непрерывно расширяя плацдарм. В ночном бою десантники заня-

ли несколько кварталов в южной части Станички. К утру 4 февраля отряд овладел плацдармом в 4 километра по фронту и 2,5 километра в глубину. Позднее его назвали Малой землей. С рассветом катера ушли из Цемесской бухты в Геленджик. Днем куниковцы отразили десяток атак подоспевших частей 73-й пехотной дивизии. Ряды бойцов значительно поредели, заканчивались боеприпасы. Положение десантной группы осложнялось, но она продержалась еще одни сутки. Неоценимую помощь оказали батареи береговой артиллерии Новороссийской ВМБ и флотский штурмовой авиаполк.

Наконец адмирал Октябрьский, выйдя из сумеречного состояния, принял несколько запоздалое решение: главные силы основного десанта, которые не смогли высадиться в районе Южной Озерейки, высадить на вспомогательном направлении.

В ночь на 6 февраля канонерские лодки «Красный Аджаристан» и «Красная Грузия», сторожевые катера и тральщики начали переброску войск — около 4000 человек — на плацдарм в районе Мысхако — Станичка. За три ночи были высажены 255-я бригада морской пехоты под командованием полковника А.С. Потапова и 83-я морская стрелковая бригада подполковника Д.В. Красникова, 165-я стрелковая бригада полковника П.Ф. Горпищенко и 31-й отдельный авиадесантный полк майора Ф.Я. Смеяновича, отряд морской пехоты и 29-й истребительно-противотанковый артиллерийский полк. В район Станички были доставлены более 17 тысяч бойцов, 21 орудие и 145 минометов, более 200 пулеметов, 449 тонн боеприпасов и продовольствия. Вспомогательный десант превратился в основной. Управление действиями всех войск на Малой земле перешло к штабу 255-й бригады. В дальнейшем, с 9 по 12 февраля, на плацдарм были доставлены еще две стрелковые бригады — 107-я и 51-я, два инженерных батальона и пять партизанских отрядов; черноморцы отвоевали плацдарм площадью 28 кв. километров.

С целью обеспечения твердого управления морские бригады и парашютно-десантный полк были объединены в 20-й стрелковый корпус под командованием генерал-майора

А.А. Гречкина, а стрелковые бригады образовали 16-й корпус во главе с полковником Г.Н. Перекрестовым.

Штурмовой отряд вывели с переднего края, на его командира и бойцов возложили функции обеспечения разгрузки и приемки прибывающих войск. В ночь на 12 февраля Цезарь Куников был смертельно ранен осколком мины. В апреле 1943 года Президиум Верховного Совета присвоил ему звание Героя Советского Союза. Однако слова «посмертно» в указе не было, в статьях и очерках о майоре писали как о живом человеке. Даже в издании 1988 года утверждалось, что «семь месяцев героически сражались воины морской пехоты под командованием майора Ц.Л. Куникова на Малой земле», хотя вся его жизнь на плацдарме уместилась в девять дней и ночей.

Противник подтягивал подкрепления — полки 125, 198, 73-й пехотных и 4-й горнострелковой дивизий; бои приняли затяжной и упорный характер с большими, даже по признанию немцев, что редкость, «страшными потерями» с обеих сторон. 15 февраля десантники были вынуждены отказаться от наступательных действий и начали основательно закапываться в землю на рубеже Станичка — юго-западная окраина Новороссийска — восточная окраина Федотовки — гора Мысхако. В кратчайшие сроки им удалось создать столь мощный укрепленный район, с десятками огневых точек, подземных штолен, складов и даже собственной электростанцией, с невиданной дотоле в советской практике плотностью минирования, что немцы временно отказались от попыток ликвидировать плацдарм.

Но и 47-й армии не удалось прорваться к Новороссийску. План «Море» провалился.

Плацдарм в районе Станички, окруженный горами, которые контролировали немцы, простреливаемый насквозь всеми видами огня, никакой роли в дальнейшем не сыграл; войска с него постепенно снимались.

Вообще, морской десант — сложнейший вид операции — редко удавался советским флотоводцам. Причины разные: недостаток профессионализма и времени, нереальные задачи, плохая подготовка, игнорирование сухопутными начальниками мнения моряков.

Трудно вообразить, чтобы в советских штабах, готовясь к высадке морского десанта, рассчитывали фазы луны. Но именно так союзники планировали операцию «Хаски». Намеченная предварительно на конец июня, она была отложена ввиду того, что «луна в этот период будет находиться в последней четверти и на рассвете будет освещать подходы к берегу», а вот начало июля — подходяще, «луна будет во второй четверти».

«СКАЧОК» И «ЗВЕЗДА»

В январе 1943 года Вермахт потерпел еще одно крупное поражение на Восточном фронте: были разбиты основные силы группы армий «Б», а группа армий «Дон» понесла значительные потери. Действовавшая на Северном Кавказе группа армий «А» вынуждена были отступить к Ростову и на Таманский полуостров. Ее 17-я армия — 17 дивизий, около 400 тысяч человек — оказалась изолированной от главных сил. Завершилась операция по ликвидации 6-й немецкой армии. Красная Армия вернула сталинградский железнодорожный узел, важные в экономическом отношении районы страны и освободила миллионы советских граждан.

В директиве Ставки ВГК от 26 января командующему Южным фронтом отмечалось:

«Спротивление противника в результате успешных действий наших войск на Воронежском, правом крыле Юго-Западного, Донском, Северо-Кавказском фронтах сломлено. Оборона противника прорвана на широком фронте. Отсутствие глубоких резервов вынуждает врага вводить подходящие соединения разрозненно и с ходу. Образовалось много пустых мест и участков, которые прикрываются отдельными небольшими отрядами. Правое крыло Юго-Западного фронта нависло над Донбассом, а захват Батайска приведет к изоляции закавказской группировки противника. Наступила благоприятная обстановка для окружения и уничтожения по частям донбасской, закавказской и черноморской группировок противника».

«Благоприятная обстановка» требовала решительного продолжения наступательных операций, и фронты получили новые задачи.

В рамках операции, получившей 23 января кодовое наименование «Звезда», 13-я армия Брянского и 60-я армия Воронежского фронтов должны были наступать на курском направлении, а главным силам Воронежского фронта во взаимодействии с 6-й армией ЮЗФ предписывалось концентрическими ударами овладеть Харьковом. Далее — через Льгов, Ромны, Полтаву — гнать супостатов за Днепр. Остальным войскам Юго-Западного фронта приказывалось через Донбасс прорваться к Мариуполю и окружить группу армий «Дон», а затем совместно с армиями Южного фронта уничтожить ее. Операция по освобождению главного угольного и металлургического района страны получила наименование «Скачок». Северо-Кавказский фронт должен был ликвидировать таманскую группировку противника.

Таким образом, во всеобщем наступлении на южном крыле советско-германского фронта должны были принять участие 20 общевойсковых и 2 танковые армии пяти фронтов — более 1,5 миллиона человек.

В Москве были уверены, что после Сталинграда стратегическая инициатива удерживается прочно, неприятель, по приблизительным подсчетам потерявший на Восточном фронте 102 дивизии, к решительным контрмерам уже не способен.

На основании оптимистических докладов командующих фронтами Ставка ВГК, поразмыслив за противника, пришла к выводу, что на юге у немцев нет другого стремления, кроме как побыстрее удрать за Днепр и попытаться закрепиться, прикрывшись серьезной водной преградой. Значит, следовало и далее бить и гнать их без остановки, не давая передышки и возможности закрепиться. В эйфории от достигнутых побед снова повторялись ошибки «огульного наступления» прошлого года.

Главную роль в освобождении Донбасса должны были сыграть войска Юго-Западного фронта — 6-я, 1-я гвардейская, 3-я гвардейская, 5-я танковая, 17-я воздушная армии — примерно 320 тысяч человек. Для решения поставленной задачи генерал-полковник Н.Ф. Ватутин создал

ударную группировку в составе 6-й армии генерал-лейтенанта Ф.М. Харитонова, подвижной группы генерал-лейтенанта М.М. Попова и 1-й гвардейской армии генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова.

6-я армия наступлением на Купянск, Балаклею, Красноград обеспечивала действия фронта с севера от возможных ударов противника со стороны Харькова и Полтавы. Подвижная группа наносила удар через Славянск на Мариуполь с целью отрезать войскам группы армий «Дон» отход за Днепр; в район Мариуполя планировалось выйти на седьмой день операции. 1-я гвардейская армия должна была использовать успех подвижной группы и нанести главный удар своим правым флангом с задачей охватить с запада вражеские войска, стремившиеся удержать Донбасс. 3-я гвардейская армия генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко и 5-я танковая армия генерал-майора И.Т. Шлемина, действовавшие на левом крыле фронта, наносили удары с востока на ворошиловградском направлении, чтобы не допустить отход группировки врага на запад.

Командование ЮЗФ исходило из того, что противник уже разбит, деморализован и стремится уйти за Днепр. Поэтому никаких перегруппировок войск не затевалось, все армии продолжали действовать в прежних полосах, в том же оперативном построении, без вторых эшелонов. В резерве фронта находились два танковых корпуса — 1-й гвардейский и 25-й, сосредоточенных за его правым крылом. Главная ударная сила — подвижная группа под руководством заместителя командующего фронтом Маркиана Попова, на которую возлагалась основная задача операции, была сформирована за два дня до начала операции, наспех укомплектована средствами связи и тылового обеспечения, в ее танковых корпусах — 3-й и 4-й гвардейские, 10-й и 18-й — имелось 180 исправных танков, обеспеченных одной заправкой горючего и одним-двумя боекомплектами. В состав группы вошли также 57-я гвардейская, 38-я и 52-я стрелковые дивизии, в которых обеспеченность горючим и боеприпасами была еще хуже. 17-я воздушная армия имела 274 исправных самолета. В ходе операции, в середине февраля, она была усилена и насчитывала 330 боевых самолетов. Однако боль-

шая удаленность аэродромов базирования от линии фронта крайне усложняла выполнение задач воздушной армии генерал-лейтенанта С.А. Красовского и снижала ее возможности по поддержке войск.

Правда, и Манштейн в конце января мог противопоставить войскам Ватутина лишь 9 немецких дивизий, в том числе три танковые.

29 января без паузы 6-я армия повела наступление на Балаклею. На следующий день в операцию включились 1-я гвардейская армия, наносившая удар на Красный Лиман, и 3-я гвардейская — с плацдарма севернее Краснодона на Дебальцево, в обход Ворошиловграда с юга. Почти сразу в стыке между 6-й и 1-й гвардейской армиями, поддерживаемыми 3-м смешанным авиакорпусом, была введена подвижная группа фронта, которая стала быстро развивать наступление на юг.

В первые дни противник не смог оказать реального противодействия натиску правофланговых советских армий, ввиду того что от Лисичанска до Купянска у него, кроме измотанных боями остатков 298-й, 320-й пехотных и 19-й танковой дивизий, практически ничего не было. И потому наступление развивалось в довольно высоких темпах. 5 февраля армия генерала Харитоновна освободила города Балаклея и Изюм, перерезав железную дорогу Харьков — Ворошиловград, а подвижная группа Попова отбила Краматорск. В результате едва прибывшая из Европы и уже крепко битая немецкая 320-я пехотная дивизия оказалась в глубоком советском тылу, ее командир генерал Постель, бросив грузовики, ввиду отсутствия горючего, и тяжелую артиллерию, ввиду потери всего конского состава, решил пробиваться на запад: «Прежде всего солдаты раздобыли сотни мелких крестьянских лошадей для легких машин. Быки тащили среднюю артиллерию, быки и коровы волокли радиостанции и связное оборудование. Даже сам генерал Постель решил использовать подобную запряжку для своего автомобиля. Потеря множества пулеметов, противотанковых пушек и артиллерии компенсировалась оружием, захваченным у слабых под-

разделений Красной Армии во время случайных налетов. Боеприпасы для этого оружия также приходилось отбивать у противника. Аналогичные методы использовались и для добычания провизии».

3-я гвардейская армия (14-й и 18-й стрелковые, 1-й гвардейский механизированный, 2-й, 23-й и 2-й гвардейский танковые, 8-й гвардейский кавалерийский корпуса, 13 артиллерийских и минометных полков и «сверху» 1-й смешанный авиакорпус и 282-я истребительная авиадивизия) 4 февраля приблизилась к Ворошиловграду, превращенному немцами в мощный узел сопротивления с тремя оборонительными рубежами, насыщенными огневыми точками, минными полями и инженерными заграждениями, и здесь была остановлена упорным сопротивлением 6-й танковой, 336-й пехотной дивизий и батальона моторизованного полка СС «Дас Фюрер». Вместо запланированного обхода города с юга генерал Лелюшенко, как водится, затеял штурм, увлекся и завяз на десять дней. «Близость Ворошиловграда, — объясняет начальник штаба армии генерал Хетагуров, — на многих наших очень влиятельных командиров действовала неотразимо. Они настаивали на продолжении атак». И атаки продолжались. Брать не столь соблазнительное Дебальцево отправили кавалерийский корпус генерал-майора М.Д. Борисова (21, 55, 112-я дивизии).

Перед Манштейном, едва успевшим разобраться с одной проблемой — обеспечение отхода 1-й танковой армии, — незамедлительно встала новая. Теперь судьба южного крыла Восточного фронта решалась не на Дону, а на Северском Донце. Сил удерживать все «проглоченное» и одновременно предотвратить советский прорыв к днепровским переправам не хватало. Резервов тоже не было. Выход виделся один: вытащить 4-ю танковую армию с нижнего течения Дона и Донца, отвести группу «Холлидт» на старые позиции на реке Миус, оставить Ростов и, по меньшей мере, восточную часть Донецкого угольного района, за счет значительного сокращения линии фронта уплотнить боевые порядки и высвободить подвижные соединения. Пред-

ложения Манштейна поддержал генерал Цейтцлер, заявивший Гитлеру, что на сегодняшний день вопрос стоит только так: либо отдать Донбасс, либо потерять его вместе с группой армий «Дон». Однако фюреру такие идеи били ножом по сердцу, и, как он утверждал, даже не столько потому, что Донбасс по военно-экономическим соображениям нужен ему самому, сколько по причине нежелания возвращать Сталину запасы коксующегося угля, необходимые для производства стали. Но...

2 февраля 1943 года приступил к реализации плана «Звезда» Воронежский фронт. К этому времени его войска уже два с половиной месяца вели наступательные бои в тяжелых зимних условиях, понесли ощутимые потери, устали. Виктор Астафьев в одной из своих статей писал, что «десять дней на передовой — все, больше нервная система не выдерживает, нельзя человека держать здесь столько, это уже не боец, нужно отпускать его, чтобы очухался». В американской армии «переутомление войск» относилось к разряду боевых потерь, но это — буржуазные штучки. Советских бойцов держали на передовой вплоть до гибели или очередного ранения. Смену частей, как правило, производили лишь после того, как они теряли боеспособность и в строю оставались одни штабы и тылы. Никаких нормативных установок, регламентирующих отдых людей в боевых условиях, в РККА не существовало, поскольку «советский народ крепче каменных пород».

К тому же значительно отстали тылы, все сильнее ощущалась нехватка боеприпасов и горючего, за общевойсковыми армиями, «вращавшими землю на запад», не поспевала перебазироваться авиация.

Генералов Голикова, Василевского и Антонова это не особенно беспокоило. Ведь в 400-километровой полосе от Курска до Харькова шести советским армиям — 13, 60, 38, 40, 69-й общевойсковым и 3-й танковой, имевшим в своем составе 3 танковых, 1 кавалерийский корпуса, 30 стрелковых и 2 истребительные дивизии, 5 стрелковых, 3 лыжные, 7 отдельных танковых бригад — 440 тысяч человек и минимум

800 танков (к тому же 30 января командующий бронетанковыми войсками известил штаб Голикова, что в его распоряжение направлены эшелоны с 357 танками), — противостояли 11 избитых дивизий противника из состава 55-го и 13-го армейских и 24-го танкового корпусов. На исходном рубеже наступления, проходившем по линии рек Тим и Оскол, незначительными силами, закрепившимися в опорных пунктах, были прикрыты лишь отдельные участки. Части девяти дивизий противника находились в окружении в районе Горшечное — Старый Оскол, стремясь прорваться на юго-запад в направлении Обояни. Оборона Харьковского промышленного района была поручена созданной 1 февраля оперативной группе генерала Губерта Ланца, первоначально включавшей в себя только охранные и полицейские подразделения, остатки немецких и венгерских частей. Реальную силу могли представлять лишь прибывающие из Франции дивизии 1-го танкового корпуса СС и позаимствованная у группы армий «Центр» мотодивизия «Великая Германия».

Посему наступление войск Воронежского фронта предусматривалось «единым порывом», в одном оперативном эшелоне и без резервов, «все надежды связывались с успешным и решительным продвижением войск». При взгляде на общую «диспозицию» обращает на себя внимание, что 60-я и 38-я армии поменялись местами в строю. Согласно воспоминаниям генерала армии М.И. Казакова, эту бессмысленную рокировку затеял Ф.И. Голиков в воспитательных целях: «Смысл такого переименования полос двух армий объяснить трудно, но рассказать, как это получилось, следует. Еще в начале Воронежско-Касторненской операции командующий фронтом сказал командармам Н.Е. Чибисову и И.Д. Черняховскому:

— План дальнейших действий ваших армий будет зависеть от результатов этого наступления. На Харьков пойдет та армия, войска которой освободят Касторное.

Городом Касторное овладели войска 38-й армии, и теперь, в порядке поощрения за успех, она включалась в главную группировку для наступления на Харьков. Честь быть освободителями второго города Украины представляла большой соблазн не только для командармов, но и для всего лич-

ного состава... Чуда не произошло, но своеобразный способ поощрения командарма-38 остался в силе. И это прибавило очень много дополнительной работы как штабу фронта, так и штабам двух армий (не говоря уже о материальных издержках). Нужно было в сжатые сроки перегруппировать войска и тылы, перебазировать армии на новые станции снабжения, отрегулировать движение на маршрутах боевых частей, и особенно на узлах дорог. Зимние условия еще больше усложняли это».

В общем, видно, что у генерала-комиссара Голикова тоже «шапка была набекрень».

Войска Воронежского фронта оперировали сразу на двух направлениях. Первыми перешли в наступление армия Рыбалко и 69-я армия. Последняя была развернута на базе 18-го отдельного стрелкового корпуса. В ее состав вошли 161, 219, 180, 270-я стрелковые, 1-я истребительная дивизии, 173-я танковая бригада. Командующим назначили генерал-майора М.И. Казакова, а генерал-майор П.М. Зыков стал его заместителем. Новая армия через Волчанск продвигалась прямо на Харьков.

Подвижные войска через Печенеги, Чугуев, Мерепу должны были глубоким охватом обойти город с юго-запада и овладеть им с ходу на пятый-шестой день. Темп продвижения предусматривался до 50 километров в сутки. В состав 3-й танковой армии входили 12-й и 15-й танковый, 6-й гвардейский кавалерийский корпуса, 48-я, 62-я гвардейские, 111, 160, 184-я стрелковые дивизии, 37-я стрелковая, 179-я и 201-я танковые бригады — всего 57,5 тысячи бойцов и командиров, 588 орудий и 1223 миномета. Что касается танков, то здесь было сложнее. По «описи», у генерала Рыбалко имелось в наличии 393 танка различных типов, плюс на станцию Икорец специально для него прибыли еще 97 «тридцатьчетверок». Однако на исходный рубеж к началу наступления смогли выйти только 165 машин. Остальные ввиду неисправностей, отсутствия горючего, «застревания в снегу» были разбросаны вдоль всего 270-километрового пути следования армии до самой Бутурлиновки, которая оставалась основной станцией снабжения. Неизвестно также было, сколько машин из присланной товарищем Сталиным неполной сотни

танков Т-34 доберется своим ходом до передовой, поскольку *«водители поступающих на пополнение армии новых танков неквалифицированы. Большинство водителей разгружаемых танков имеют стаж вождения 2—3 часа. В результате: вывод фрикционов из строя, поломки шестерен коробок перемены передач, стартеров и т.п.»*. Кроме того, вследствие невысокого качества сборки и недоработанности дизеля двигатель новенькой «тридцатьчетверки» в среднем тянул до капитального ремонта не более 200 километров, его ресурс редко превышал 60 часов.

Перед фронтом армии, по данным разведки, оборонялись отдельные части 298-й пехотной дивизии общей численностью до пяти тысяч штыков, до 50 танков и до четырех дивизионов артиллерии.

В 9 часов утра 3 февраля к операции подключились 38, 40, 60-я и 13-я армии. Армия Чибисова действовала в направлении на Обоянь, одновременно ведя борьбу с окруженной, но упорно не желавшей уничтожиться группировкой противника в своем тылу. 40-я армия (100, 183, 305, 309, 340, 107, 303, 25-я гвардейская стрелковые дивизии, 129-я стрелковая бригада), усиленная 4-м Сталинградским танковым корпусом генерала Кравченко, через Корочу, Белгород, Золочев охватывала Харьков с севера и северо-запада. Согласно общему замыслу, клещи должны были соединиться западнее города и образовать для немцев новый котел.

На первом этапе операция «Звезда» развивалась чрезвычайно успешно. Сбив немногочисленные заслоны неприятеля, советские войска неудержимо устремились вперед. 60-я армия Черняховского за два дня прошла 30 километров, освободив города Щигры и Тим. Главные силы 13-й армии в это время вышли к железной дороге Орел — Курск, а 7 февраля взяли Фатеж.

40-я армия Москаленко продвигалась вперед «даже быстрее, чем намечалось по плану операции» и 6 февраля правифланговыми соединениями форсировала Северский Донец, овладев крупной станцией Гостищево в 20 километрах севернее Белгорода, а левым флангом достигла города Короча и завязала бои с частями отходившей 168-й пехотной дивизии. Наступление 69-й армии Казакова в первые дни так-

же «проходило без серьезных осложнений». 5 февраля вышла на восточный берег Донца 3-я танковая армия. В ее первом эшелоне находились стрелковые соединения, так как генерал Рыбалко принял решение до выхода на западный берег танки в действие не вводить, чтобы использовать подвижные соединения для «ошеломляющего удара» на непосредственных подступах к Харькову. Тем не менее, практически не имея столкновений с противником, 12-й и 15-й танковые корпуса «потеряли» по дороге 69 машин.

Итак, на направлении главного удара советские войска, не встречая серьезного сопротивления, все глубже охватывали левый фланг группы армий «Дон». Спешившие на помощь генералу Холлидту соединения 1-й танковой армии Макензена преодолевали внезапно раскисшие дороги и в течение ближайших дней принять участие в боях не могли. В то же время пять армий Южного фронта генерала Малиновского — 5-я ударная, 2-я гвардейская, 51, 28, 44-я — навалились на правый фланг Манштейна и вплотную приблизились к Батайску. Чтобы показать Гитлеру, упорно не желавшему дать санкцию на сокращение линии фронта, всю отчаянность своего положения, командующий группой армий «Дон» засыпал штаб ОКХ требованиями принять хоть какие-нибудь адекватные меры: разрешить использовать на передовой 7-ю дивизию ПВО, срочно перебросить с Кубани на нижний Днепр 13-ю танковую и две пехотные дивизии из состава 17-й армии, заставить штаб группы армий «Б» организовать удар от Харькова на Изюм силами прибывающих частей СС, резко увеличить военные поставки. Наконец, провести организационные мероприятия по подготовке снабжения группы армий «Дон» по воздуху в случае, если противник перережет тыловые коммуникации.

Последнее, видимо, произвело впечатление. 6 февраля в Сталино приземлился личный «Кондор» фюрера, доставивший фельдмаршала в «Вольфшанце». В течение четырех часов Манштейн доказывал Гитлеру, что на южном фланге Восточного фронта назревает катастрофа, поскольку, если войска группы армий «Дон» будут продолжать обороняться

на дуге Дон — Северский Донец, их разгром станет неизбежен, особенно когда советское командование перебросит на фронт освободившиеся сталинградские армии Рокоссовского. Гитлера, уверенного, что волна советского наступления с каждым десятком километров теряет силу, — надо только еще немного продержаться, а там, глядишь, вскроются реки и не нужно будет оставлять никаких территорий, — Манштейн до конца так и не убедил, но в конце концов добился утверждения своего оперативного плана. Он получил разрешение отвести оперативную группу «Холлидт» на рубеж реки Миус и перебросить танковую армию Гота с нижнего течения Дона на левый фланг группы «Дон». Сразу по возвращении в свой штаб, 7 февраля, фельдмаршал узнал, что русские уже взяли Батайск, и начал отдавать необходимые распоряжения: 4-й танковой армии предписывалось уходить за Дон и приступить к задуманной передислокации, дивизиям генерала Холлидта — начать отступление за реку Миус. Отвод правого крыла группы армий «Дон» позволял немцам высвободить довольно крупные силы для укрепления фронта на наиболее угрожаемых направлениях, улучшить оперативное положение войск и создать резервы для последующего перехода в контрнаступление.

«Необходимые решения» были наконец приняты, но кризис был еще далек от разрешения. В районе Харькова фронта фактически не было, «в связи с почти полным выводом из строя группы армий «Б» (кстати, ее командующего барона фон Вейхса, оставшегося без войск, 31 января тоже сделали фельдмаршалом), возможности 1-й танковой армии восстановить фронт на среднем Донце внушали сомнения, а переброска 4-й танковой армии должна была занять около двух недель.

В ночь с 7 на 8 февраля соединения Гота начали отходить с Батайского плацдарма за Дон, а группа «Холлидт» — на промежуточную линию Каменск — Новочеркасск. Маневр противника войска Южного фронта заметили не сразу, а когда заметили, естественно, приступили к неотступному преследованию. Части 28-й армии по льду форсировали Дон и приступили к штурму Ростова, обороняемого 126-м пехотным полком фон Виннинга, боевой группой 23-й танковой

дивизии и приданным ей 503-м тяжелым танковым батальоном. «Тигры» в боевых условиях подтвердили свою непригодность к уличным боям, эффективность вооружения, подверженность «детским болезням» и непревзойденную «толстокожесть». Судя по впечатлениям лейтенанта Цабеля, наши деды не сдрейфили и встретили их достойно:

«Движение танка сопровождалось грохотом от многочисленных попаданий, за танком тянулся шлейф дыма. На броне постоянно рвались снаряды. Нервы у экипажа были напряжены до предела... После того, как еще один 76-мм снаряд попал в маску пушки, цилиндры противооткатного механизма начали протекать. После выстрела орудие осталось в положении полного отката. От тряски вышло из строя радио и заклинило рычаг переключения передач. В моторном отделении начался пожар, однако огонь удалось быстро погасить. Разрывы фугасных снарядов на броне «тигра» ощущались внутри танка как удары, сопровождавшиеся дымом и разогревом брони. Мы насчитали 227 попаданий из противотанковых ружей, 14 попаданий 45-мм снарядов и 11 попаданий 76-мм снарядов. Правая гусеница, подвеска на правом борту и направляющее колесо получили тяжелые повреждения... Попадания снарядов заставили разойтись некоторые сварные швы на корпусе танка, возникли протечки в топливной системе».

Дюжина тяжелых танков, как и ранее не столь уж многочисленные КВ, не могли решить исход сражения. Во всем Вермахте машин типа Pz. VI «тигр» насчитывалось 85 штук.

На Воронежском фронте части 60-й армии 8 февраля овладели Курском, на следующий день 40-я армия заняла Белгород. Сутки спустя дивизии генерала Москаленко находились в 55 километрах от Харькова. Сформированная командармом ударная группа в составе четырех стрелковых дивизий и 4-го танкового корпуса (буквально накануне он был преобразован в 5-й гвардейский) повернула на юг, прямо к городу, в то время как правофланговые соединения устремились в обход, на Грайворон и Богодухов. Несколько

отставали, не выдерживая общего темпа, войска 38-й армии.

По мере продвижения к Харькову сопротивление немцев ощутимо возрастало: противник вводил в сражение поступающие резервы, разрушал коммуникации, упорно дрался за каждый населенный пункт.

На поле боя появился танковый корпус СС.

В его состав вошли самые элитные и самые стойкие «эсэсовские» дивизии, прекрасно вооруженные, укомплектованные отборными, великолепно обученными представителями «нордической расы»: 1-я дивизия «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», 2-я дивизия «Дас Рейх», 3-я дивизия «Мертвая голова». В 1941 году моторизованные дивизии СС продемонстрировали свои высокие боевые качества в боях под Ростовом, Минском, Смоленском, Москвой и Демьянском. О действиях дивизии «Мертвая голова» Манштейн, отмечая, впрочем, недостатки в тактической подготовке офицерского состава, писал: «...в атаке она всегда демонстрировала стремительный рывок, а в обороне стояла как вкопанная. И была, вероятно, одной из самых лучших дивизий СС, которые мне доводилось видеть». Эсэсовцы не покидали позиций без приказа и в плен не сдавались, собственно говоря, мы их в плен и не брали.

В 1942 году эти дивизии были выведены на Запад и трансформированы в танкгренадерские, по сути дела, в танковые. Полный штат каждой дивизии — 21 тысяча человек. В их состав вошли два мотопехотных (панцергренадерских) полка, танковый полк — около 150 боевых машин, в том числе тяжелая танковая рота, имевшая на вооружении 9 «тигров» и 10 танков Pz. III, дивизион штурмовых орудий StuG III — 31 машина, полностью моторизованный артполк, самоходный противотанковый дивизион — 30 САУ «Мардер» и дивизион зенитной артиллерии, дивизион 150-мм реактивных минометов, саперный, разведывательный батальоны, батальон связи. 1-й батальон каждого мотопехотного полка был полностью «бронированным» — оснащенным полугусеничными бронетранспортерами SdKfz 251. Одними из первых войска СС получили новые пулеметы MG 42 с сумасшедшей скорострельностью, лучшие пулеметы Второй ми-

ровой войны, которые и сегодня продолжают службу во многих армиях. Наличие большого парка автомобилей и тягачей делало весьма эффективной работу тыловых и ремонтных служб. Объединенные под командованием обергруппенфюрера Пауля Хауссера в 1-й танковый корпус СС, добротные экипированные для действий в зимних условиях, они представляли собой внушительную боевую силу. Гитлер, неизменно уповавший на величие германского духа, сокрушающего все преграды, не сомневался, что, если понадобится, сплошь «арийский» корпус от Харькова пройдет до Сталинграда, как раскаленный нож сквозь масло.

Первыми в конце января 1943 года в район Харькова начали прибывать подразделения дивизии «Дас Рейх». Прямо с вокзала они отправлялись на передовую. Следом в Чугуеве высаживался «Лейбштандарт», выросший из отряда охраны фюрера в самую элитную дивизию СС. Ее бессменный с момента создания командир, обергруппенфюрер Йозеф Дитрих, на заре нацистской партии был телохранителем и личным другом Адольфа Гитлера. При недостатке образования и военной подготовки он «обладал врожденной смекалкой баварского крестьянина и глубоким здравым смыслом» и возглавлял «Лейбштандарт» во всех кампаниях Вермахта, начиная с захвата Саара в 1935 году.

По мере «поступления» подразделения СС занимали позиции на западном берегу Донца от Волчанска до Лимана, их передовые отряды участвовали в отдельных стычках со 2 февраля. Всего в двух прибывших дивизиях насчитывалось 223 готовых в бою танка, в том числе 18 командирских и 22 легких Pz. II.

5 февраля 3-я танковая армия, словно в стену, уткнулась в протянувшийся почти на 100 километров рубеж обороны дивизии СС «Адольф Гитлер». Немцы разрушили мосты, заминировали лед, на господствующих высотах оборудовали долговременные огневые точки. Город Чугуев был превращен в сильный, насыщенный противотанковыми средствами и 88-мм зенитными орудиями, опорный пункт. Четыре дня танкисты генерала Рыбалко безуспешно пытались форсировать реку. Одновременно они вели бои с прорывавшимися от Купянска остатками 298-й пехотной дивизии. К то-

му же усиленный танками полк «Дойчланд» дивизии «Дас Рейх» внезапно контратаковал из района Белый Колодезь в стык 69-й и 3-й гвардейской армий, нанеся потери 180-й стрелковой и 48-й гвардейской дивизиям. Это был ожидаемый Манштейном контрудар на Изюм, призванный облегчить положение, но силенок не достало, а «недочеловеки», вопреки ожиданиям фюрера, не разбежались, а встретили парней из СС жестко.

Курт Майер, командир немецкого разведывательного батальона, о событиях тех дней, правда происходивших неделей позже, вспоминал: «В сражении уже нет ничего человеческого. Оно ведется жестоко и безумными методами. Советские войска совершают чудовищные акты варварства в отношении пленных товарищей, собранных на авиаполе Рогани. У десяти человек выколоты глаза, а у одного из них отрезаны половые органы. С небольшими исключениями все они сильно обожжены. Десять человек почти обуглены». «Камрадов», так в дивизиях СС называли друг друга все, от верхнего командира до последнего рядового, наши бойцы особенно не любили. Вообще, с немецкими пленными не церемонились, в лучшем случае действовали по схеме «допросили — расстреляли».

«Я шлю привет из освобожденного города Красноармейское, — писал примерно в это же время домой советский лейтенант, — где осталось уничтожить последние разрозненные группы фашистов. Рядовой Бутузов сегодня поймал трех фашистов, которые заползли на наш командный пункт. Их доставили в штаб и расстреляли... Вечером расстреляли группу из одиннадцати фашистских солдат, значит — всего за сегодня мы уничтожили пятнадцать немецких солдат, в том числе одного офицера».

Генералу Рыбалко пришлось ввести в дело танковые соединения: 12-й корпус генерал-майора Зиньковича при поддержке частей 62-й стрелковой дивизии приступил к штурму Чугуева, 15-й корпус генерал-майора Копцова во взаимодействии со 160-й стрелковой дивизией вел бои за Печенеги.

Прорыв армии Москаленко со стороны Белгорода и ее обходное движение на юго-запад создали реальную угрозу окружения немецкой группировки. Поэтому 9 февраля части

дивизии «Дас Рейх» прекратили атаки и отступили на западный берег; армия генерала Казакова заняла Волчанск. На следующий день немецкое командование начало отвод танкового корпуса СС с рубежа Северского Донца к Харькову. 3-я танковая армия освободила Чугуев и Печенеги. 6-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора С. В. Соколова с 201-й танковой бригадой (в строю 37 танков), обходя Харьков с юга, выдвигался в район Мерефы.

За первые восемь дней операции войска Воронежского фронта продвинулись на 80—120 километров.

В полдень 10 февраля генерал Рыбалко разослал войскам частные приказы, содержащие план штурма Харькова. Первоначальный замысел предусматривал передачу генералу Соколову 12-го танкового корпуса для атаки к западу от города, но к вечеру командарм передумал и перенацелил танковый корпус непосредственно на Харьков.

Немцы оборонялись активно и беспрерывно контратаковали. 12 февраля ударом мобильной танково-мотоциклетной группы от Мерефы, где разместился штаб Хауссера, 6-й кавалерийский корпус был отрезан от своих коммуникаций и, понеся потери, отступил к Мелиховке, его снабжение производилось при помощи самолетов У-2. На следующий день боевая группа штурмбаннфюрера Пайпера пробила 25-километровый коридор от Змиева к Лиману и обеспечила выход из окружения остатков дивизии Постеля. «Внешний вид 320-й пехотной, — вспоминает генерал Раус, — ничуть не напоминал германскую войсковую часть: странная смесь вооружения, техники, машин, носилок, маленьких и больших лохматых лошадей, быки и коровы. Все это сопровождали солдаты в такой странной зимней одежде, что больше всего они напоминали клоунов из бродячего цирка. Однако то, что генерал Постель привел в Харьков, было закаленным боевым соединением, имевшим великолепный боевой дух. Иначе дивизии не удалось бы с боями пройти по вражеской территории и вернуться к своим. Командование сочло ее серьезным пополнением армейской группы». В результате этого удара оказалась в окружении советская 111-я стрелковая дивизия.

На протяжении четырех дней части 40-й, 69-й и 3-й тан-

ковой армий с переменным успехом вели бои на подступах к городу, занимая исходные позиции для решающего штурма. Уж очень силен оказался соблазн стать освободителями Харькова.

«Очевидным просчетом, — пишет генерал М.И. Казаков, — являлось и то, что усилия трех армий, составлявших ударную группировку, направлялись к одному объекту — городу Харькову... Харьков, словно магнит, притягивал к себе наступающие войска. Конечно, заранее трудно было предугадать, что 40-я и 3-я танковая армии вместо глубокого обхода Харькова поведут наступление главными силами прямо на город. Но исключать такую возможность, конечно, не следовало. И уж во всяком случае нельзя было полагаться на самоотек и самодеятельность командармов. Штабу фронта надлежало осуществлять более жесткий контроль за безусловным соблюдением разграничений между армиями и добросовестным выполнением каждой из них всего объема своей задачи. Глубокие, охватывающие удары войск 40-й армии на Богодухов, а 3-й танковой на Мерефу — Люботин неизбежно привели бы к гораздо большим оперативным результатам... В течение восьми дней — с 6 по 14 февраля — главные силы танковой армии были, по существу, скованы в этой малоэффективной, хотя и нелегкой для них борьбе... Мы не использовали открывшихся перед нами возможностей».

Как показали дальнейшие события, в случае глубокого охвата Харькова и штурмовать ничего бы не пришлось. Но из восьми дивизий генерала Москаленко на Богодухов наступала только 309-я стрелковая генерал-майора М.И. Меньшикова, а из всей танковой армии в обход города с юга выделили кавкорпус Соколова. Основные силы трех советских армий — 17 стрелковых дивизий, 3 танковых корпуса, 3 отдельные танковые бригады — все больше смещали направления своих ударов в сторону города и вместо задуманного охвата втягивались во фронтальные бои: «Боевые действия на подступах к Харькову основательно измотали нас. Заметно поредела пехота. Резко сократилось количество боевых машин в танковых корпусах и бригадах. Многие части не имели реальных средств для подавления опорных пунктов противни-

ка, и потому бои за такие опорные пункты принимали все более затяжной характер».

Любопытен и стиль работы командующего фронтом: ни один командарм за все время проведения операции не видел Ф.И. Голикова в своем штабе или на командном пункте.

В полосе Юго-Западного фронта 3-я гвардейская армия продолжала лобовые атаки на Ворошиловград. Успеха не было, и штаб армии погрузился в тяжелые думы, «анализ» и изыскания «эффективных методов и приемов боя». Пока на расширенном заседании командиры корпусов не предложили оригинальную идею: прекратить лобовые атаки и овладеть городом, охватив его с флангов. «Это отвечало здравому смыслу, — гордится результатом мозгового штурма генерал Лелюшенко. — Военный совет армии взвесил все «за» и «против», и было принято решение главные силы сосредоточить для удара по флангам неприятельских войск». К этому времени 8-й кавкорпус ушел далеко вперед. 13 февраля конники доскакали до Дебальцево и, не поддержанные главными силами, втянулись в бои за город и дальше уже не пошли.

1-й танковой армии Макензена (3-й и 40-й танковые, 17-й армейский корпуса), примкнувшей к оперативной группе «Холлидт», совместно с 5-й моторизованной дивизией СС «Викинг» удалось предотвратить прорыв на стыке групп армий. Однако потери «викингов» были настолько велики, что у них «не хватало офицеров с соответствующим знанием языка... боеспособность этого хорошего соединения была невысокой». И слева все равно оставался разрыв, в который вливались советские войска. Соединения генерала Харитонova, продвинувшись на 140—180 километров, выходили к Краснограду. 1-я гвардейская армия, обойдя сильно укрепленный Славянск, который удерживала 7-я танковая дивизия генерала фон Фанка, 11 февраля овладела станцией Лозовая и нацелилась на Синельниково. 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус и 9-я гвардейская танковая бригада подвижной группы Попова вышли в район Красноармейское и захватили этот важный узел железных и шоссей-

ных дорог, правда, немцы незамедлительно отрезали танкистов от коммуникаций. Дивизии генерала Холлидта под натиском шести советских армий продолжали отступать к Миусу.

12 февраля 5-я танковая армия генерала Шлемина отбила наконец Каменск-Шахтинский, 5-я ударная генерала Цветаева — Шахты, сутки спустя 2-я гвардейская армия, командование которой принял генерал-лейтенант Я.Г. Крейзер, — Новочеркасск.

В связи с достигнутыми успехами командующему Юго-Западным фронтом Ватутину было присвоено воинское звание генерал армии, командующему Южным фронтом Малиновскому — генерал-полковник.

Семь общевойсковых и две воздушные армии Северо-Кавказского фронта (30 стрелковых дивизий, 33 стрелковые, 3 танковые бригады — 390 тысяч человек, 275 танков, 462 самолета) ударами с трех сторон света приступили к ликвидации 17-й немецкой армии и 12 февраля освободили Краснодар. Противник начал отвод войск на Таманский полуостров.

Кризис, по мнению Манштейна, «достиг наивысшего напряжения». Армия Гота, перебрасываемая на запад, все еще оставалась на марше, преодолевая сопротивление «дорожной сети» Украины, специально задуманной на случай прихода оккупантов. В Полтаву прибыли первые эшелоны с подразделениями дивизии СС «Мертвая голова», но для полного ее сосредоточения требовалось не меньше недели.

С 13 февраля командование немецкими силами на южном крыле Восточного фронта было сосредоточено в одних руках. На базе группы армий «Дон» создавалась группа армий «Юг», объединившая все германские войска в полосе от Таганрога до Грайворона. В ее состав вошли 4-я и 1-я танковые армии, оперативные группы «Ланц» и «Холлидт» — всего 30 дивизий, в том числе 12 танковых и моторизованных. 2-я немецкая армия в связи с расформированием группы армий «Б» передавалась в группу «Центр». Фельдмаршал фон Вейхс убыл в резерв фюрера, фельдмаршал фон Манштейн стал командующим группой армий «Юг». Одновременно последовал категорический приказ Гитлера: группе «Ланц» удерживать Харьков любой ценой.

14 февраля 3-я гвардейская армия освободила Ворошиловград. Хоть штаб армии и решил «искусным маневром» сосредоточить войска «на флангах», два танковых корпуса были брошены на город. «Танкисты смяли вражескую пехоту, — пишет генерал Хетагуров, — и ворвались в город, однако на улицах были встречены огнем фаустников. С этим оружием мы столкнулись там впервые и потеряли многих...» Среди «многих» оказались начальник штаба 2-го танкового корпуса полковник С.П. Мальцев, командир 169-й танковой бригады полковник А.П. Коденец, командир 99-й танковой бригады подполковник М.И. Городецкий и, надо полагать, весь остальной корпус, поскольку через пару дней его вывели в резерв фронта. Один нюанс: не знаю, с чем столкнулись танкисты, но, если верить справочникам, «панцершреки» и «панцерфаусты» появятся на вооружении Вермахта лишь год спустя, толчком к разработке реактивных гранатометов послужат трофейные американские «базуки». Главное, понятно, что танков у генерала Лелюшенко не осталось. Одновременно 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса при поддержке 266-й и 203-й стрелковых дивизий штурмом взяли Краснодон, догадываюсь, и там «фаустников» оказалось не меньше, так как это был последний успех армии Лелюшенко и вскоре все танковые корпуса у него изъяли.

Пока в освобожденных городах отмечали победу и проводили митинги с местным населением, немцы прочно закрыли прорыв и окружили в районе Дебальцево кавалерийский корпус Борисова. Далее история повторилась: корпус объявили 7-м гвардейским, но никакой реальной помощи оказать ему не смогли. Попытки организовать снабжение по воздуху оказались малоэффективными. Десять суток кавалеристы дрались в окружении, сковыывая части 17-й танковой дивизии.

В этот же день войска 28-й армии овладели Ростовом.

Утром 14 февраля советские войска приступили к штурму Харькова. Трём армиям генералов Москаленко, Казакова и Рыбалко, наносившим удары одновременно с трех на-

правлений, арифметически противостояли шесть немецких дивизий, фактически — три. Оборона северного и восточного секторов города поручалась командиру танковой дивизии СС «Дас Рейх» группенфюреру Георгу Кепплеру, ему подчинялись все части, в том числе мотодивизия «Великая Германия», действовавшие на этом участке. Командование силами в южном секторе возлагалось на командира дивизии «Адольф Гитлер». Одновременно в пожарном порядке был создан штаб особого корпуса под руководством генерала Эриха Рауса, который должен был принять командование над остатками 168, 198-й и 320-й пехотных дивизий. Всех вместе — 55 тысяч человек.

В пригородах развернулись упорные бои, Харьковский район превратился в мощный узел обороны, перемалывающий атакующие советские войска. Но вскоре немецкие части были практически окружены, свободным остался лишь небольшой коридор южнее Харькова, который они стремились удержать любой ценой.

В сложившейся ситуации обергруппенфюрер Хауссер, наперекор приказу фюрера, принял самостоятельное решение эвакуироваться, чтобы избежать окружения и уничтожения танкового корпуса СС, о чем поставил в известность штаб генерала Ланца. В ответ Ланц подтвердил категорическое требование Гитлера: «Нужно удерживать Харьков до последнего человека!» Тогда Хауссер по телефону обрисовал обстановку Манштейну, но осторожный фельдмаршал не пожелал брать на себя ответственность и посоветовал апеллировать в ОКВ. Советские части к этому времени уже ворвались в город. В ночь на 15 февраля Хауссер получил из Растенбурга высочайше подписанную телеграмму, подтверждавшую задачу: «Харьков не отдавать», и... приказал всем немецким дивизиям прорываться на юго-запад, к Краснограду.

Генералы СС отнюдь не были тупыми фанатиками, беспрекословно исполняющими любые приказы. Как правило, имея недостаточную военную подготовку, они обладали несомненным мужеством и организаторскими способностями. Пауль Хауссер — профессиональный военный и убежденный нацист, опытный, хорошо подготовленный боевой офицер, дослужившийся в Рейхсвере до чина генерал-лейтенан-

та, после отставки вступивший в ряды Черного Ордена, — выделялся, кроме того, рациональностью мышления и талантом полководца. В 1936 году он стал начальником инспектората войск СС, отвечающим за обучение и боевую подготовку, и многого добился на этом посту. Почти все эсэсовские дивизии первой волны прошли через его руки. Затем он командовал первой полнокровной дивизией особого назначения войск СС, впоследствии — дивизией «Рейх», принимавшей участие в захвате Югославии, и потерял правый глаз в России. Теперь, понимая гибельность стоп-приказа фюрера, Хауссер его просто проигнорировал, спасая подчиненные войска и наплевав на соображения престижа. Если бы на его месте был армейский генерал, ехидно отмечает Манштейн, то зашагал бы он под трибунал. А видного члена «ордена СС» обергруппенфюрера Хауссера, обладателя золотого партийного значка, простили с замечательной формулировкой: «Потому что он был прав». Затем Гитлер немного подумал и снял с должности горнострелкового генерала Ланца, заменив его танковым генералом Вернером Кемпфом.

К полудню 16 февраля Харьков заняли советские войска, при этом «город не подвергся сильным разрушениям, а некоторые заводы, частично использовавшиеся немцами для ремонта боевой техники, достались прямо на ходу». Мощностью этих заводов не терпелось воспользоваться техникам 3-й танковой армии. Штаб армии следующим образом оценивал состояние танкового парка на 18 февраля:

«432 машины, из коих 122 продолжали стоять и ремонтироваться на дорогах Бутурлиновка — Кантемировка, и 214 машин, будучи подбитыми на поле боя и технически неисправными, находились на дорогах (и на поле боя) Кантемировка — Россошь — Карпенково — Алексеевка — Валуйки — Харьков — Валки — Мерефа, из них 163 танка в движении от станции Икорец.

Всего, таким образом, находилось в ремонте, стояло на дорогах и двигалось в части армии 336 машин (в т. ч. и 163 танка новых)».

Город наводнили войска всех родов войск. Генералы выясняли, кому же принадлежит «честь освобождения Харько-

ва», Голиков подводил итоги «социалистического соревнования».

Генерал Казаков так описывает свою встречу с Рыбалко на одной из городских улиц: «Я упрекнул его, почему в Харьков непрерывным потоком продолжают вливаться все новые и новые колонны 3-й танковой армии, тогда как по приказу ей надлежит наступать южнее Харькова на Люботин. П.С. Рыбалко пытался объяснить, что в Харьков вошли лишь тылы танковых корпусов и бригад, чтобы использовать здешнюю индустриальную базу для восстановления техники. Это звучало как будто убедительно, но мы уже начали ощущать результаты переполнения города войсками. В Харькове обосновались тогда три армейских штаба со всеми своими частями обслуживания. Кроме того, 40-я армия ввела в город три стрелковые дивизии, 69-я армия вступила сюда четырьмя стрелковыми дивизиями и одной стрелковой бригадой, 3-я танковая — двумя танковыми корпусами и двумя стрелковыми дивизиями. Ничего хорошего это не сулило... Надо было уходить из города, и как можно быстрее».

По случаю освобождения четвертого по величине города Советского Союза генералу А.М. Василевскому 16 февраля 1943 года было присвоено звание маршала — впечатляющая военная карьера, если вспомнить, что всего полтора года назад он был генерал-майором. Через пару дней Александра Михайловича отозвали в Москву, а оттуда направили координировать «разгром» группы армий «Центр».

Таким образом, в первой половине февраля войска Воронежского, Юго-Западного и Южного фронтов, наступая более чем в 800-километровой полосе, продвинулись еще на 150—300 километров и освободили Курск, Харьков, Белгород, Ворошиловград, Ростов и сотни других населенных пунктов. Вражеские войска понесли большие потери.

Советские газеты писали о новых Каннах: «Взятие Харькова — новая замечательная победа советского оружия, торжество сталинской стратегии, уже принесшей богатые плоды нынешней зимой... Теперь уже мы, а не немцы, планируем дальнейший ход войны... Все блистательные успехи нашей военной мысли объясняются прежде всего тем, что в основе военной доктрины Красной Армии лежат испытан-

ные принципы самого мудрого учения в мире — учения Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина».

Вместе с тем силы фронтов значительно ослабли, коммуникации растянулись, аэродромное базирование отстало. Для выполнения новых наступательных задач соединения и части нуждались в пополнении личным составом, боевой техникой и материальными средствами.

Харьков, по выражению Штеменко, был взят войсками Воронежского фронта «на последнем дыхании». Командование 3-й танковой армии доносило Военному совету Воронежского фронта: *«Войска требуют хотя бы суточного—трехсуточного отдыха и приведения себя в порядок, приема пополнения. За эти дни части понесли очень большие потери в людском составе и матчасти, особенно большие потери в командном составе»*. Армия потеряла 22,5 тысячи человек — треть первоначального состава, 108 орудий, 179 минометов, в безвозвратные потери записано всего 45 танков, но на ходу в шести танковых бригадах имелось 110 боевых машин. В дивизиях 40-й армии насчитывалось по 3,5—4 тысячи человек.

Постепенно стало затухать и наступление Юго-Западного фронта, а резервов для наращивания силы удара не было. Войска были не в состоянии выполнять поставленные задачи. На их боеспособности отрицательно сказывались серьезные перебои в материальном обеспечении: разрыв между войсками и тыловыми базами уже превышал 300 километров, железнодорожные коммуникации еще не были восстановлены, подвоз грузов осуществлялся только автотранспортом, сильно изношенным и малочисленным. К 17 февраля 6-я армия, занявшая Павлоград, и 1-я гвардейская вышли на подступы к Днепропетровску и Запорожью. Но все попытки подвижной группы фронта развить удар в южном направлении успеха не имели.

Армии Южного фронта, преследуя соединения группы Холлидта, 17 февраля достигли реки Миус, где и были остановлены. Все попытки прорвать этот заранее подготовленный и укрепленный рубеж с ходу оказались безуспешными. Немцам удалось остановить советские войска и стабилизировать фронт севернее Таганрога.

Потери Воронежского фронта убитыми и ранеными за

полтора месяца безудержного наступления составили с начала года 96 тысяч человек, 13-й армии Брянского фронта — 37 тысяч, Юго-Западного фронта — 122 тысячи, Южного фронта — 130 тысяч бойцов и командиров.

В танковых корпусах оставалось очень мало исправных машин. Только в ходе Воронежско-Харьковской стратегической операции безвозвратно сгнуло более тысячи танков. Обеспеченность войск горючим составляла 0,5—0,75 заправки, а боеприпасов к орудиям и минометам — 0,3—0,5 боевого комплекта. Войска практически лишились воздушной поддержки: авиация «летала мало и с очень удаленных аэродромов». К середине февраля в результате длительных и ожесточенных сражений наступательные возможности фронтов, по существу, были исчерпаны.

Но военачальникам всех степеней кружил голову запах побед и сопровождающий его «звездопад». Генерал Голиков ежедневно отправлял в Ставку победные реляции и докладывал, что противник крупными силами отходит на запад. Ретирада танкового корпуса СС из Харькова как будто подтверждала эти сведения. Сталину и его полководцам в голову не могло прийти, что гвардия фюрера, «отборные эсэсовские части», оставила Харьков, вопреки приказу. Аналогичные известия поступали с Юго-Западного фронта. Генерал Ватутин, преисполненный оптимизма, тоже расценивал действия Манштейна как бегство за Днепр.

Н.Ф. Ватутин (1901—1944), имея общее образование в объеме четырех классов коммерческого училища, был мобилизован в Красную Армию в 1920 году. Окончил Полтавскую пехотную школу, Киевскую высшую объединенную школу, Военную академию имени Фрунзе, Академию Генерального штаба. Начиная с 1929 года находился исключительно на штабной работе, счастливо миновав все чистки, к началу войны дослужился до звания генерал-лейтенанта и занимал пост первого заместителя начальника Генерального штаба. 30 июля 1941 года Сталин, устав от беспорядочности, снял с должностей «случайного» начальника Генштаба Г.К. Жукова и его заместителя и отправил обоих на фронт.

До мая 1942 года Ватутин был начальником штаба Северо-Западного фронта, затем вернулся в Москву на прежнюю должность в прежнем воинском звании. Однако уже в июле, «испытывая непреодолимое желание испробовать себя на командном посту», попросил Ставку доверить ему командование Воронежским фронтом и при поддержке Василевского был утвержден, хотя ранее ничем выше роты не командовал. В октябре того же года Ватутин возглавил войска Юго-Западного фронта, стал одним из «авторов» Сталинградской наступательной операции.

Николай Федорович, имея прекрасную теоретическую подготовку, проявил себя и как талантливый полководец. Правда, одному из самых молодых командующих фронтом, склонному к смелым замыслам и глубоким маневрам, зачастую не хватало решительности и самостоятельности при их исполнении и выдержки в критических ситуациях. Это отмечал, к примеру, маршал К.К. Рокоссовский: «Для увязки некоторых вопросов взаимодействия мне еще раз пришлось побывать на командном пункте командующего Юго-Западным фронтом генерала Ватутина, где находился и начальник Генерального штаба Василевский. Мне показалось странным поведение обоих. Создавалось впечатление, что в роли командующего фронтом находился Василевский, который решал ряд серьезных вопросов, связанных с предстоящими действиями войск этого фронта, часто не советуясь с командующим. Ватутин же фактически выполнял роль даже не начальника штаба: ходил на телеграф, вел переговоры по телеграфу и телефону, собирал сводки, докладывал о них Василевскому. Все те вопросы, которые я намеревался обсудить с Ватутиным, пришлось обговаривать с Василевским».

Штабное дело Ватутин любил и знал до тонкостей, а длительная служба в штабах наложила отпечаток на методы его работы. Он лично редактировал приказы, вел собственную, отдельно от штаба, карту обстановки и делал соответствующие расчеты, прорабатывал варианты, «сам продумывал буквально сколько-нибудь принципиальный вопрос будущего плана». Генерал обладал еще двумя редкими достоинствами: не хамил подчиненным и не пил.

Мнение Ватутина в Генштабе котирировалось высоко

(«Все ведь мы хорошо знали Николая Федоровича и не без оснований считали его одаренным в военном отношении, своеобразным оператором-романтиком»), а главное, оно совпадало с мнением руководства, которое, подтверждает А.М. Василевский, «не только согласилось с предложениями командующих по развитию дальнейшего наступления, но в своих директивах даже расширило планы фронтов. При этом Ставка никаких мероприятий по усилению их войск не принимала».

«Переход группы армий «Дон» к обороне, — пишет генерал Штеменко, — тоже не был вскрыт своевременно, движение колонн противника при перегруппировках по-прежнему оценивалось как отход, стремление уклониться от борьбы в Донбассе и поскорее оттянуть войска на территорию Правобережной Украины. Командование Юго-Западного фронта твердо держалось этой ошибочной точки зрения, хотя уже выявлялись факты, обязывающие его насторожиться». Как обычно, «нас очень подвела разведка, и мы жестоко ошибались, определяя намерения противника». Общий вывод: «Очевидно, было бы благоразумнее еще в январе приостановить наступление Воронежского и Юго-Западного фронтов, перейти временно к обороне, подтянуть тылы, пополнить дивизии людьми и создать необходимые запасы материальных средств». Ну, задним-то умом все мы крепки, Штеменко был не последним человеком в Генеральном штабе, начальником Оперативного управления, но о своих возражения по поводу «огульности нашего наступления» не упоминает.

Советское командование нисколько не сомневалось, что немцы в панике отходят за Днепр. Поэтому, несмотря на тяжелое состояние войск, оно решило продолжать наступление. В связи с этим фронтам ставились новые, глубокие задачи. Воронежский фронт должен был, имея главную группировку на левом крыле, развивать наступление и овладеть городами Рыльск, Сумы, Лебедин, Ахтырка, Полтава. Генерал Голиков получил от Верховного Главнокомандующего указание возможно дальше отогнать противника от Харько-

ва, чтобы обеспечить нормальную работу правительства Украинской ССР. В последующем фронту предстояло продвигаться в общем направлении на Киев и выйти к нему до начала ледохода на Днепре. Юго-Западному и Южному фронтам надлежало завершить разгром донбасской группировки врага и не позднее 22 февраля выйти к Днепру в полосе от Кременчуга до Днепропетровска. Пополнение войск предлагалось проводить самостоятельно за счет призыва местной молодежи. Директивы Ставки требовали: «не допустить отхода противника на Днепропетровск, Запорожье, загнать его донецкую группировку в Крым».

Перспективы вырисовывались самые соблазнительные. Между тем у немцев имелись свои планы, о которых советские «штирлицы» — ни сном ни духом.

ПАДЕНИЕ «ЗВЕЗДЫ» И ОБРАТНЫЙ «СКАЧОК»

17 февраля 1943 года в Запорожье, в штаб группы армий «Юг», прилетел верховный главнокомандующий и по совместительству командующий сухопутными силами Адольф Гитлер. Манштейн обрисовал ему сложившуюся обстановку и предложил свой план действий: сосредоточить танковый корпус СС в районе Краснограда, развернуть его на юго-восток и во взаимодействии с 4-й танковой армией, наносящей встречный удар от Красноармейского, разгромить глубоко вклинившиеся в немецкую оборону войска правого крыла Юго-Западного фронта и отбросить их за Северский Донец. После чего, если позволит погода, провести наступательную операцию в районе Харькова. Как обычно, не обошлось без споров. Фюрер в первую очередь, пока танки не застряли в грязи, хотел вернуть себе Харьков, а все остальное — потом. Манштейн твердил, что в случае потери днепровских переправ Харьков никому и даром не нужен. Первый раунд дискуссии закончился принятием решения направить танковый корпус Хауссера в район Краснограда, откуда он по желанию мог быть двинут либо на север, к Харькову, либо на юг. К этому времени полностью высадилась 3-я танковая диви-

зия СС «Мертвая голова» под командованием обергруппенфюрера Теодора Эйке.

А пока, без остановки продолжив наступление, дивизии 38-й и 40-й армий Воронежского фронта, тесня противника, продвигались к реке Псел. Вполне успешно шли дела у 69-й армии: «Противник оказывал лишь слабое сопротивление... мы не встречали ни малейших признаков присутствия своих «старых знакомых» — частей танкового корпуса СС». В общем, пропал куда-то немецкий танковый корпус, и бог с ним, никого особо не волнует — ура, мы ломим, гнутя шведы! Танковая армия Рыбалко совершала перегруппировку для броска на Полтаву.

Генерал Ватутин направил к переправам через Днепр 6-ю армию и свой последний резерв — 25-й и 1-й гвардейский танковые корпуса. 19 февраля их передовые части от Павлограда прорвались к Новомосковску, обороняемому штабными подразделениями и группой отпускников, и Синельниково, перехватив одну из двух основных линий снабжения группы армий «Юг». До Запорожья, где в это время находился Гитлер, оставалось пройти километров шестьдесят, до Днепропетровска — и того меньше. Противника впереди не было. Правда, случилась незадача: в 20 километрах от цели у наших танкистов кончилось горючее. Очень своевременно для немцев в Днепропетровск из Франции начали прибывать эшелоны с частями 15-й пехотной дивизии, которые сразу выдвинулись к Синельниково.

Теперь фюрер «более ясно понял опасность обстановки на Южном фронте». Он разрешил Манштейну использовать корпус СС по своему усмотрению и пообещал перебросить дополнительные войска с Кубанского плацдарма. Вечером Гитлер улетел, а штаб группы немедленно отдал приказ о переходе в контрнаступление. Фактически оно уже началось.

Всего в группе армий «Юг» на 700-километровом фронте имелось 30 дивизий, в том числе 11 танковых и моторизованных. К контрнаступлению привлекались 7 танковых, одна моторизованная и 3 пехотные дивизии, около 800 танков и штурмовых орудий, которые обеспечивались сильной авиационной поддержкой.

Были созданы три ударные группировки. Танковый кор-

пус СС двумя дивизиями наносил удар из района Краснограда по правому флангу армии Харитонова. 48-й корпус 4-й танковой армии (6-я и 17-я танковые, 336-я пехотная дивизии) должен был включиться в операцию через несколько дней и наступать с юга на Павлоград. 1-я танковая армия наносила удар силами 40-го танкового корпуса (7-я и 11-я танковые, 333-я пехотная дивизии, мотодивизия «Викинг») из района Красноармейское на Барвенково с целью разгрома подвижной группы генерала Попова.

Манштейн не стал ожидать полного завершения перегруппировки.

19 февраля от Краснограда на юг, по правому флангу армии Харитонова при массированной поддержке пикирующих бомбардировщиков нанесла внезапный удар танковая дивизия СС «Дас Рейх». За ней в прорыв последовала дивизия СС «Мертвая голова». На следующий день подразделения полка «Дер Фюрер», преодолев 90 километров, вышли к Новомосковску, отрезав от тылов передовые советские части. В ночь на 21 февраля немецкие штурмовые группы захватили мосты на реке Самаре, по которым колонны бронетехники устремились на восток — к Павлограду. К вечеру город был захвачен стремительной атакой дивизии «Дас Рейх». Немцев здесь, что называется, вовсе не ждали. В районе Синельникова полк «Дойчланд» установил контакт с частями 15-й пехотной дивизии. Одновременно дивизия «Мертвая голова» атаковала с запада на восток, севернее реки Самара в направлении на Орелька — Вербки.

В районе Красноармейское с утра 20 февраля соединения 40-го танкового корпуса генерала Хейнрици начали охватывать с востока и запада подвижную группу ЮЗФ. Генерал Попов, оценивая положение как весьма опасное, в ночь на 21 февраля обратился к командующему фронтом с просьбой отвести войска группы на 40—50 км к северу от Красноармейского. Однако Ватутин, имея перед глазами сведения о крупной перегруппировке войск группы армий «Юг», любую поступившую информацию по-прежнему втискивал в рамки любимейшей ему версии: противник создает бронетанко-

вый заслон, наподобие ростовского, чтобы обеспечить отход своих главных сил за Днепр. Поэтому задачи 6-й армии и подвижной группы не менялись, они должны были продолжать наступление: дивизии генерала Харитонов — форсировать Днепр и овладеть Днепропетровском и Днепродзержинском, танковые корпуса Попова — городами Сталино, Запорожье, Мелитополь. В указаниях, переданных штабом фронта, утверждалось: «Создавшаяся обстановка, когда противник всемерно спешит отвести свои войска из Донбасса за Днепр, требует решительных действий».

«До сих пор остается загадкой, — удивляется генерал Штеменко, — как это Ватутин — человек, безусловно, осмотрительный и всегда уделявший должное внимание разведке противника, на сей раз так долго не мог оценить размеры опасности, возникшей перед фронтом. Объяснить такое можно лишь чрезвычайной убежденностью в том, что враг уже не в состоянии собрать силы для решительных действий. В действительности же до этого было еще далеко. Гитлеровские генералы не собирались уступать нам победы». Товарищ Сталин как-то назвал такое состояние «головокружением от успехов».

Не один Ватутин обманулся. А генерал Голиков? Ведь он, кроме всего прочего, — еще и «герой невидимого фронта», перед войной два года возглавлял Главное разведывательное управление, мог бы чему-нибудь и научиться. А маршал Василевский и весь его Генеральный штаб? Вообще-то, разведка у нас вроде бы была и на страницах романов из серии «Военные приключения» свершила немалое количество подвигов. Но почему-то буквально всю войну мы ничего не знали о замыслах противника, его силах, экономическом потенциале, а если и добывали что-то сугубо секретное, то оно оказывалось «дезой» (которую немцы, в частности, щедро скармливали Шандору Радо и всей «Красной капелле»). То ли наша разведка не умела добывать достоверные сведения, то ли не принимала их на веру, то ли «Юстасы» докладывали так, чтобы нравилось начальству, то ли начальство трактовало информацию так, как ему нравилось (когда, к примеру, по глупой случайности на столе у Сталина оказался план операции «Блау»).

«Какие имелись данные или признаки, которыми можно было бы объяснить убежденность командования Воронежского фронта в том, что противник «бежит за Днепр»? Пожалуй, никаких... — вторит маршал Москаленко. — Остается лишь считать, что у штаба Воронежского фронта в середине февраля не было ясного представления о противнике».

Манштейн 21 февраля впервые «испытал облегчение». В зоне проводимой им операции противник сам совал голову в намыленную петлю: «Мы, наконец, находились на пути к овладению инициативой. В сравнении с этим было бы не так уже важно, если бы за это время противник несколько продвинулся в направлении на Киев и севернее его». Стабилизировалась обстановка на правом фланге: «Вклинение советского 4-го гвардейского механизированного корпуса в центре Миусского фронта смято стремительной контратакой 16-й мотопехотной дивизии и частей 23-й пехотной дивизии. Советский корпус был окружен южнее Матвеева кургана и почти полностью уничтожен; весь личный состав взят в плен». В районе Дебальцево закончилась ликвидация 7-го гвардейского кавалерийского корпуса, его остатки «вынуждены были наконец сдаться». На восточном фланге группы армий немецкие дивизии прочно удерживали рубеж на реке Миус.

(По поводу кавалерийского корпуса генералы Лелюшенко и Хетагуров измышления немецкого фельдмаршала с негодованием опровергают и утверждают, что корпус они спасли. Командарм, по его словам, ночами не спал, все думал, как помочь конникам генерала Борисова, советовался с подчиненными и в конце концов понял, что корпус надо выводить из окружения. Однако командование фронта на просьбу разрешить вывести корпус на соединение с главными силами ответило, что если положение корпуса ухудшается, то пусть он переходит к партизанским действиям. Лелюшенко снова подумал, представил себе голую зимнюю степь, партизанствующую среди терриконов без боеприпасов и фуража кавалерию и пришел к выводу, что «такие действия были невозможны». Надо все-таки выводить. На этот раз начальство решение утвердило. И вот, то, что не получилось сделать всей 3-й гвардейской армии с тремя танковыми корпусами, легко удалось одному стрелковому корпусу: «На узкий участок

фронта мы стянули все, что могли, из наших артиллерийских средств. Одновременно подготовили атаку 14-го стрелкового корпуса. С кавалеристами были согласованы по радио соответствующие сигналы, опознавательные знаки. И все удалось, как было задумано... В результате встречных ударов внешний и внутренний фронт окружения 7-го гвардейского кавалерийского корпуса был прорван, неприятель разгромлен (!) и корпус соединился с главными силами армии».)

22 февраля обстановка в полосе действий правого крыла Юго-Западного фронта еще более осложнилась. В контрнаступление включился 48-й танковый корпус генерала фон Кнобельсдорфа, наносивший удар из района восточнее Синельникова в общем направлении на Павлоград, навстречу танковому корпусу СС. Войска 6-й советской армии попали в крайне тяжелое положение. Ее правофланговые соединения, отражая яростные атаки вражеских танков и пехоты, вынуждены были отходить на восток. Некоторые из них — 267-я стрелковая дивизия и 106-я стрелковая бригада — оказались в окружении. 25-й танковый корпус, продолжая выполнять наступательную задачу, выдвинулся к Запорожью; его части оторвались от основных сил почти на 100 км, лишились возможности получать горючее, боеприпасы и продовольствие.

К исходу 23 февраля части 48-го танкового корпуса и 1-го танкового корпуса СС соединились в районе Павлограда и перехватили пути отхода на восток. Одновременно головные подразделения дивизии «Дас Рейх» и «Мертвая голова» встретились в Вербках и, захлестывая петлю, двинулись на Лозовую, 40-й танковый корпус, подавив последние очаги сопротивления в районе Красноармейского, обходя с двух сторон Барвенково, — к Изюму, 48-й танковый корпус — на Тарановку. Таким образом, немецкие танковые соединения восстановили единый фронт и повели наступление на север и северо-восток.

Командование Юго-Западного фронта доложило в Москву о том, что противник, задействовав значительные силы, прорвался в полосе 6-й армии и подвижной группы. Однако

решения на отход войск фронта ни в этот день, ни в следующий не последовало. Не замеченная вовремя угроза переросла в катастрофу.

Войска 40-й армии Воронежского фронта продолжали «работать по плану» и 23 февраля освободили Лебедин и Ахтырку. Танковый корпус Кравченко достиг района Опошня. Штаб Голикова, «несколько опережая события», отапортовал заодно об освобождении города Сумы, который якобы взяла 38-я армия. Об этом было объявлено в сводке Совинформбюро. 69-я армия форсировала реку Ворскла в 40 километрах севернее Полтавы. Ее 180-я стрелковая дивизия захватила плацдарм на западном берегу.

Тем не менее, все еще не желая отказываться от наступательных планов, Ставка приказала Воронежскому фронту оказать помощь генералу Ватутину. С этой целью главные силы 69-й и 3-й танковой армий получили приказ произвести перегруппировку и нанести удар на юг во фланг танковой группировке противника. Генерал Голиков уточнил задачи: армии Казаква повернуть на Карловку, армия Рыбалко — на Красноград. Однако удар не достиг поставленных целей, поскольку здесь неожиданно «нашлась» дивизия «Лейбштандарт», прочно стоявшая в оборону севернее Краснограда.

«Враг легко отражал все трудные попытки продвинуться вперед, — вспоминает М.И. Казков. — Мы только еще больше ослабляли себя, растрачивая и без того скудные силы... 25 февраля наступление 69-й и 3-й танковой армий выдохлось и замерло на рубеже Рублевка — Чугово — Староверка. Но штаб фронта не хотел мириться с этим. Через несколько дней 69-я армия получила приказ о возобновлении наступления в юго-западном направлении с целью овладения Полтавой... На какой успех могла рассчитывать 69-я армия при наступлении на Полтаву? Рискованно было предпринимать такое наступление, имея на фланге в районе Карловка и Красноград крупную танковую группировку противника». Задачу на овладение Полтавой получил и генерал Москаленко. В переданном ему боевом распоряжении утверждалось, что для этого сложилась самая благоприятная обстановка, а «значительные силы противника» уже начали отход. 40-я армия все больше «проваливалась вперед» с необеспеченными

флангами, полоса ее наступления перевалила уже за 200 километров, а разрывы фронта слева и справа достигли 50 километров: «Это было только началом целой серии трудновополнимых приказов... Нет слов, замыслы командования фронта были хорошие, но, к сожалению, нереальные. Они не могли быть осуществлены имеющимися в наличии силами и средствами... К сожалению, даже в условиях резко усилившегося давления противника с юга и юго-запада командование фронта продолжало верить в то, что к западу и северо-западу от Харькова он отводил свои войска за Днепр. Это видно хотя бы из того же боевого распоряжения от 26 февраля, требовавшего от 40-й армии максимального продвижения на запад, овладения г. Сумы и затем г. Полтава». Правифланговая 60-я армия упорно двигалась к Рыльску.

Пока в советских штабах предавались иллюзиям, эсэсовские дивизии 27 февраля, после ожесточенного трехдневного сражения, отбили Лозовую, сутки спустя — Отрадово и Алексеевку. (В этих боях нашел свою гибель один из самых одиночных и жестоких эсэсовских командиров, инспектор концентрационных лагерей, командир сформированной из отрядов лагерной охраны дивизии СС «Мертвая голова» обергруппенфюрер Эйке. Самолет, на котором вождь нацистских вертухаев облетал поле боя, был сбит зенитным огнем у деревни Артемыно. Новым командиром был назначен Макс Зимон.) 333-я пехотная дивизия захватила Красноармейское. В руках немцев вновь оказались Славянск и Краматорск. 7-я танковая дивизия фон Франка вышла к Северскому Донцу южнее Изюма. Слева к реке выкатывался 57-й танковый корпус Кирхнера.

Войска правого крыла Юго-Западного фронта под непрерывными ударами с земли и с воздуха беспорядочно отходили на левый берег Донца. Это был разгром. От подвижной группы Попова осталось 20 танков, значительный урон понесла 1-я гвардейская армия. Но в нашей военной истории операция «Скачок» трансформировалась в Ворошиловградскую наступательную операцию, поскольку вышло так, что не выполнявшая поставленную задачу армия Лелюшенко добилась наибольшего территориального успеха. И датой окончания операции считается 18 февраля 1943 года. На эту

же дату подсчитаны потери. Все, что имело место быть после этого, никакого названия не удостоилось, и потери никто не считал.

Поэтому обратимся к докладу командования 4-й танковой армии от 28 февраля: *«По истечении недели тяжелых наступательных боев против мощного и очень решительного врага части 4-й танковой армии не только способствовали уничтожению угрозы, существующей в тылу группы армий, но и захватили сектор в 120 километров глубиной и 100 километров по фронту. 25-й русский танковый корпус с тремя танковыми и одной моторизованной бригадами, 35-я гвардейская дивизия, 41-я гвардейская дивизия, 244-я и 267-я стрелковые дивизии и 106-я стрелковая бригада были жестоко потрепаны, некоторые из их подразделений уничтожены... Среди прочего, с 21 по 28 февраля были захвачены или уничтожены: 156 танков, 24 разведывательные бронемашины, 178 артиллерийских орудий, 284 противотанковые пушки, 40 орудий противовоздушной обороны. Захвачено 4643 пленных и насчитано около 11 000 трупов врага».*

Всего, по оценкам немцев, в битве между Донцом и Днепром Красная Армия потеряла 23 тысячи убитыми, было захвачено 615 танков, 423 орудия и 9000 пленных. Поскольку Северский Донец был еще скован льдом, немецкие танковые дивизии не имели возможности создать сплошной фронт, поэтому многие советские подразделения и отдельные группы, минуя населенные пункты, смогли перебраться на восточный берег, где перешли к обороне. Отход Юго-Западного фронта ухудшил оперативное положение Воронежского фронта, войска которого действовали в 100—150 километрах западнее Харькова.

У Манштейна был соблазн, преодолев Северский Донец, продолжить преследование противника. Но наступала весна, приближалось таяние снегов, скоро должен был начаться ледоход, препятствующий наведению понтонных переправ, а еще предстояло разбить советскую группировку под Харьковом. Поэтому 28 февраля командование группы армий «Юг» поставило своим войскам задачу перейти ко

второму этапу операции — развитию удара непосредственно на Харьков. В нем должны были принять участие 4-я танковая армия Гота, усиленная тремя дивизиями, и оперативная группа «Кемпф». Всего против левого крыла Воронежского фронта были задействованы 10 пехотных, 6 танковых и одна моторизованная дивизия.

Замысел заключался в том, чтобы ударами танкового корпуса СС и 48-го танкового корпуса, обходя Харьков с севера и, если получится, с востока, окружить и разгромить войска Воронежского фронта. Армейский корпус «Раус», обеспечивая действия танковых корпусов, должен был развивать наступление на Богодухов — Белгород. После овладения районом Харькова германское командование намеревалось, опять же если позволят обстановка и погодные условия, нанести удар на Курск с юга силами группы армий «Юг», а с севера из района Орла — группы армий «Центр».

Соединения Воронежского фронта в ходе непрерывных, почти двухмесячных наступательных боев понесли крупные потери в личном составе — до 100 тысяч человек убитыми и ранеными, причем 34% составили безвозвратные потери — и в материальной части. К примеру, танковый парк армии Рыбалко насчитывал 590 боевых машин, но исправных — лишь 88. Противник выбил в боях 302 танка, из них 135 были потеряны безвозвратно, остальные либо ремонтировались, либо «требовали ремонта»; еще 200 танков вышли из строя по техническим причинам (кстати, о технических причинах: согласно статистике до 35% машин выходили из строя по вине личного состава, еще 25% давал заводской брак, остальные проценты приходились на естественный износ).

Количество дивизий и корпусов в составе фронта практически не изменилось, численность личного состава в них даже увеличилась. Так, в 6-й армии Харитонова в начале января вместе с приданным ей кавалерийским корпусом имелось более 60 тысяч бойцов и командиров. К началу марта потери составили более 20 тысяч человек, однако численность войск, даже без кавкорпуса, превысила 64 тысячи. В войсках Воронежского фронта в середине января насчитывалось 347 тысяч человек, а в начале марта — 376 тысяч.

3-я танковая армия в феврале потеряла около 19 тысяч

человек, но с момента ввода в бой получила 22,5 тысячи пополнения. Но вот качество!

В соответствии с постановлением ГКО советские воинские части, едва ступив на освобожденную территорию, приступали к мобилизации всего мужского населения. Этих призывников, запятнавших себя жизнью под немецкой оккупацией, подвергшихся нацистской пропаганде, ничему не учили, а использовали в качестве «пушечного мяса», давая шанс «искупить вину» перед Советской властью. Форму им, как правило, не выдавали, как и личного стрелкового оружия. К примеру, в 13-й мотострелковой бригаде числилось 300 мотострелков, «из них не менее 90% были вновь призванные, не одетые, необутые», а всего в армии Рыбалко числилось почти 10 тысяч таких «бойцов».

Немцы еще в начале февраля, в боях на подступах к Харькову, отмечали «шокирующую» особенность русских атак: «После того как первые волны солдат, располагавших винтовками, были сметены пулеметами, солдаты следующих волн подбирали оружие погибших, чтобы продолжать бой». Вряд ли жизни этих одноразовых ополченцев учтены в каких-либо статистических исследованиях.

(После повторного взятия Харькова оккупационная администрация обнаружила, что за один месяц численность населения города уменьшилась на 100 тысяч человек, в том числе:

« — 15 000 жителей, или 15% населения, от 15 до 45 лет были немедленно отправлены на фронт в гражданской одежде. У них была одна винтовка на 5—10 человек. На замечание о том, что у них нет опыта, им отвечали: «Потяните затвор налево, затем направо, затем стреляйте в направлении врага и, может быть, во что-нибудь попадете...»

При немцах 700-тысячное население города за полтора года сократилось вдвое, но сейчас речь не об этом, а о радостях освобождения.)

Кроме того, тылы фронта растянулись на 250—300 километров. В войсках не хватало боеприпасов и горючего, особенно автобензина, из-за чего простаивало свыше трети машин. На армейских складах полностью отсутствовали 37-мм зенитные выстрелы и патроны к противотанковым ружьям.

Наконец, у генерала Голикова не было никаких оперативных резервов, наличие которых позволило бы парировать контрмеры противника, которых, впрочем, «быть не могло». В целом при взгляде на карту позиция Воронежского фронта похожа на чрезмерно раздувшийся мыльный пузырь. Достаточно ткнуть иголкой!

28 февраля директивой Ставки 3-я танковая армия была передана Юго-Западному фронту с прежней, по сути дела, задачей: нанести фланговый удар по наступающему противнику. Генерал Рыбалко принял решение тремя дивизиями занять оборону на достигнутых рубежах, а для нанесения удара создать оперативную группу из танковых и стрелковых соединений под общим руководством командира 12-го танкового корпуса генерал-майора М.И. Зиньковича. В состав группы включались оба танковых корпуса (без 195-й танковой бригады), 111, 184, 219-я стрелковые дивизии, шесть артиллерийских полков и один полк гвардейских минометов. Группа, сосредоточившись на левом фланге армии в районе Чапаево — Шляховая — Кегичевка, должна была во взаимодействии с 6-м гвардейским кавкорпусом с утра 2 марта перейти в наступление на Петровское, Краснопавловку, Грушеваху, фактически в восточном направлении, в свою очередь подрезая острие немецкого танкового клина. К назначенному сроку сосредоточить всю ударную группировку не получилось. Так, кавалерийский корпус при выходе в назначенный район столкнулся с возвращавшимися из «рейда» к Павлограду частями дивизии «Дас Рейх» и перешел к обороне южнее Охочего. Задерживались средства усиления. Кроме того, оперативная группа Зиньковича не могла перейти к решительным действиям по причине отсутствия горючего и боеприпасов: и танкисты, и артиллерия, и пехота имели от одного до 0,2 боекомплекта и от одной до 0,1 заправки.

В результате нашими войсками, действовавшими безотнositельно к замыслам противника, был исполнен очень удачный для немцев «маневр»: два советских танковых корпуса с полусотней исправных танков и три стрелковые дивизи-

зии по собственной инициативе оказались на дне готового «мешка», образованного тремя дивизиями танкового корпуса СС. Оставалось только накинуть петлю, что Хауссер и сделал 2 марта, отрезав оперативную группу от коммуникаций. Дивизии «Лейбштандарт» и «Дас Рейх», отбросив на север части 350-й стрелковой дивизии (ее командир генерал-майор Гриценко за самовольное оставление позиций пошел под трибунал), продвинулись вперед и сомкнули фланги, а дивизия «Мертвая голова» приступила к зачистке местности.

Вечером 2 марта генерал Зинькович сообщал в штаб армии:

«Еще раз докладываю, ГСМ совершенно нет. Вся артиллерия и малые танки стоят. Доставить колесным транспортом невозможно. Дорога Медведовка — Шляховая противником отрезана. Без обеспечения горючим перейти в наступление нельзя. Противник ведет с утра наступление из Павловска — Краснополя. Обеспечение горючим во всех соединениях тяжелое... Считаю наиболее целесообразным идти на присоединение к своим войскам».

Около 22 часов от Рыбалко поступила шифровка с приказом: под прикрытием темноты пробиваться через Лозовую на север, в район Охочее — Тарановка, машины и артиллерию буксировать танками, все, что нельзя забрать с собой, — уничтожить. В ночь на 3 марта соединения группы сквозь разгулявшуюся метель тремя эшелонами двинулись на Медведовку и Лозовую, занятую батальонами дивизии «Дас Рейх». Однако попытка прорваться через населенные пункты сорвалась, их пришлось обходить восточнее по грудь в снегу:

«Противнику удалось сильным артиллерийским огнем вывести из строя большое количество автомашин и орудий частей группы. Большое количество автомашин, орудий и несколько танков было уничтожено в пути движения из-за отсутствия горючего. Попытка буксировать орудия и автомашины за танками не увенчалась успехом, так как глубокий снежный покров и целый ряд глубоких балок с крутыми подъемами не давал возможности двигаться ввиду перегрева моторов. Радиостанции соединений прекратили работу после первого боя с противником, так как часть из них была выведена из строя полным

уничтожением, а часть имела повреждения. Попытки установить связь с соединениями группы через офицеров связи на танках также успеха не имели...»

Да, картина мало напоминает «организованный отход».

Оценив обстановку, которая «приняла зловещий характер», командование Воронежского фронта наконец решилось прекратить наступательные действия. Немец «драпал» как-то непонятно, совсем не в ту сторону, куда ему определили советские стратеги. Поэтому 2 марта войска левого крыла получили запоздалый приказ о переходе к обороне. В частности, 3-я танковая армия, которая вновь вернулась в состав фронта, должна была в оборонительных боях обескровить наступавшие войска и не допустить их выхода к Харькову с южного направления, с запада — 69-я и 40-я армии. Правое крыло продолжало наступать: 3 марта 60-я армия освободила Льгов, 38-я армия — Суджу.

Армия Рыбалко, полностью утратившая наступательные возможности, занимала рубеж от Змиева до Новой Водолаги. Остатки группы генерала Зиньковича выбрались к своим в районе Охочее — Рябухино к утру 5 марта: *«Части потеряли в основном материальную часть транспортных машин и тяжелое вооружение. Соединения и части, вышедшие из боя, были небоеспособны и нуждались в доукомплектовании, для чего решением командарма были выведены в войсковой тыл, где и занялись приведением себя в порядок»*. Из состава 12-го танкового корпуса вышло 13 машин (1 КВ, 10 Т-34 и два легких танка), из состава 15-го корпуса — ни одной. От трех стрелковых дивизий остались лишь «номера». По данным противника, советские потери в «Красноградском котле» составили 12 тысяч человек убитыми, 61 танк и 225 орудий. На поле боя немцы нашли тело командира 15-го танкового корпуса генерал-майора Копцова. После полного израсходования двух корпусов танковые войска 3-й армии были представлены 32 отремонтированными «тридцатьчетверками», переданными в 195-ю танковую бригаду, и 22 машинами 179-й отдельной бригады. Кроме них, в состав армии вошли 48, 62-я и 25-я

гвардейские, 350-я стрелковая дивизии, 253-я и 104-я стрелковые бригады, 6-й гвардейский кавкорпус.

Одновременно в Харькове был создан штаб обороны, которому подчинялись войска Харьковского гарнизона и прибывавшие сюда части и соединения. Начальником обороны города был назначен заместитель командующего фронтом генерал-лейтенант Д. Т. Козлов, годом раньше весьма и весьма, не меньше Манштейна, поспособствовавший разгрому Крымского фронта. В его непосредственное подчинение вошли 62-я гвардейская и 19-я стрелковые дивизии, 17-я бригада войск НКВД, 86-я танковая бригада, три истребительно-противотанковых полка, дивизион РС. (Вот еще вопрос: откуда и для какой надобности появилась в Харькове бригада НКВД? Немецкий источник утверждает, что занимались наследники Дзержинского чисто профессиональными вопросами:

« — 4000 жителей были казнены советскими войсками, в том числе молодые девушки, контактировавшие с немецкими солдатами, и особенно те, которые имели с ними интимную жизнь (достаточно было трех свидетелей, чтобы они были ликвидированы людьми НКВД). «Регулярное» НКВД еще не водворилось вновь в Харькове. Речь шла о пограничных частях НКВД. Эти люди угрожали «фундаментальной чисткой» после прибытия регулярного НКВД».

Ох, задрожат поджилки у фашистской милки!)

Фронтная 42-я бригада особого назначения, которой командовал полковник В. П. Краснов, получила задачу срочно подготовить Харьков к обороне в инженерном отношении. С 3 по 8 марта на улицах города с активным привлечением местного населения было построено несколько сот баррикад, на окраинах открыто более 12 километров рвов и эскарпов. В каменных зданиях оборудовались огневые точки, на танкоопасных направлениях закладывались минные поля, готовились к подрыву здания и мосты. Широко использовались трофейные немецкие мины, большие запасы которых были найдены в Харькове.

По приказу Верховного Главнокомандующего в Белгород, где размещался штаб Воронежского фронта, на помощь генералу Голикову примчался маршал Василевский.

В непрерывных маршах и жесточенных боях на фоне тяжелых погодных условий противник тоже нес потери. К утру 5 марта самая потрепанная дивизия «Дас Рейх» располагала 11 исправными танками Pz. III и 9 штурмовыми орудиями. В дивизии «Лейбштандарт» имелось 72 танка (в том числе 28 легких) и 16 штурмовых орудий, в дивизии «Мертвая голова» — 62 и 17 соответственно.

Всего в трех дивизиях корпуса СС в строю насчитывалось 14 «тигров», 41 танк Pz. IV, 58 танков Pz. III, 34 легких и командирских танка, 42 штурмовых орудия и 198 бронетранспортеров.

6 марта корпус Хауссера направил основные усилия двух ударных групп вдоль шоссе на Валки и Мерепу. Правее, от Тарановки до Змиева, силами 11-й и 6-й танковых дивизий наступал 48-й танковый корпус. Последний на целых пять дней будет задержан героическим сопротивлением 25-й гвардейской дивизии генерала П.М. Шафаренко, отдельно Чехословацкого батальона и 179-й танковой бригады. Зато дивизии «Лейбштандарт» и «Дас Рейх», наносившие удар в стык 69-й и 3-й танковой армий, почти сразу добились успеха. К вечеру они вышли к реке Мжа, сутки спустя заняли Новую Водолагу и Валки. Соединения Рыбалко отошли на северный берег. Причем два полка 48-й гвардейской стрелковой дивизии были окружены противником в районе Знаменки, гвардейцы «гибли под огнем и гусеницами танков, но занимаемых рубежей не оставили». Буквально до последнего снаряда сражалась в районе Старой Водолаги 104-я стрелковая бригада и вынуждена была отступить, «не имея 45-мм артвыстрелов, мин и других боеприпасов».

А вот в полосе ответственности 69-й армии, как сообщает ее бывший командующий, враг «без особого труда преодолевал наше сопротивление». Лично наблюдая бой за Валки, генерал Казаков окончательно убедил себя в том, что «противник явно превосходит нас в силах». Он опять-таки лично насчитал на поле боя «до полутора ста танков противника», хотя в атаковавшем позиции 160-й стрелковой дивизии, подкрепленной десятком танков, истребительно-противотанковой бригадой и «несколькими батальонами ПТР», танковым полку «Адольф Гитлер» их было ровно в три раза мень-

ше. В результате немецкого прорыва западнее Валков в советской обороне появилась 15-километровая дыра, через которую в северном направлении, в обход Харькова, устремляется эсэсовский корпус.

Утром 8 марта в сражение включился армейский корпус «Раус» (167, 168, 320-я пехотные и мотодивизия «Великая Германия»), являвшийся ударной группировкой оперативной группы «Кемпф». В связи с обострением обстановки севернее Харькова распоряжением командующего Воронежским фронтом 6-й кавкорпус был выведен из состава 3-й танковой армии и направлен в район Дергачи. В тот же день Ставка приказала Юго-Западному фронту подготовить контрудар силами 2-го гвардейского танкового корпуса и трех стрелковых дивизий из района Змиева через Тарановку на Новую Водолагу во фланг и тыл танкового корпуса Кнобельсдорфа. Одновременно то ли Москаленко, то ли Казаков должен был нанести удар в направлении на Богодухов — Ольшаны с целью сомкнуть фланги 40, 69-й и 3-й танковой армий. Моя неуверенность проистекает оттого, что оба командарма показывают пальцами друг на друга. Москаленко утверждает, что по приказу фронта он вывел в резерв и передал в оперативное подчинение генерала Казакова 107, 183, 340-ю стрелковые дивизии для их участия в задуманном контрударе. Казаков уверяет, что такой задачи не получал и даже наоборот, он сумел убедить командующего фронтом освободить 69-ю армию «от ответственности за район Богодухова», где, кстати, размещался ее штаб, и все «возложить» на Москаленко. В общем, никаких контрударов не получилось.

9 марта корпус СС продолжал успешно продвигаться на север, захватив Люботин, Ольшаны, Солоницевку. Слева мотодивизия «Великая Германия» и 320-я пехотная дивизия нацелились на Богодухов. Брешь между 69-й и 3-й танковой армиями достигла 45 километров. Генералу Рыбалко, удерживающему южные подступы, все время приходится пятиться и заворачивать свой правый фланг фронтом на запад. Учитывая тяжелое положение Воронежского фронта, Верховное Главнокомандование передало ему 2-й и 3-й гвардейские и 18-й танковые корпуса. Реальную боевую силу представлял

лишь 2-й гвардейский, два других — остатки подвижной группы Попова. К примеру, 18-й танковый корпус имел на момент передачи лишь 6 (шесть) боеготовых легких танков. На усиление 3-й танковой армии прибыли 86-я танковая бригада и 303-я стрелковая дивизия.

Вечером обергруппенфюрер Хауссер получил приказ, подписанный командующим 4-й танковой армией, на взятие Харькова: дивизия СС «Дас Рейх» атакует город с запада, «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» — с севера и северо-востока, дивизия «Мертвая голова» прикрывает их действия от советских ударов с северного направления. 48-й корпус силами 11-й танковой дивизии обеспечивает южный сектор: «Следует использовать возможности взятия города одним ударом».

10 марта немецкие войска продолжали наступление. Их поддерживали крупные силы авиации, которые наносили удары по советским войскам на поле боя, по Харькову и всем ведущим к нему дорогам. Дивизии «Лейбштандарт» и «Мертвая голова» прорвали оборону 6-го гвардейского кавкорпуса в районе Дергачей, повернули на восток и прочно заперли город с севера. 3-я танковая армия заняла оборону на западной и северо-западной окраинах Харькова. В ее состав вошла 19-я стрелковая дивизия, которая приняла участок в районе Солоницевки, как раз напротив позиций изготовившегося к штурму полка «Дойчланд».

Что касается 69-й и 40-й армий, то они успешно отступали на северо-восток «под натиском превосходящих сил противника». В ночь на 11 марта штаб генерала Казакова покинул Богодухов и убыл в Казачью Лопань, получив задачу организовать прикрытие шоссе Харьков — Белгород на линии Салтов — Липцы — Прудянка — Золочев. Причем «второй эшелон штаба», не задерживаясь, предусмотрительно отправили на противоположный берег Северского Донца. Штаб Москаленко из Тростянца переместился в Грайворон, через который проходила еще одна дорога на Белгород, новый рубеж армии пролегал по линии Золочев — Краснополье.

В Ставке ВГК сообразили, что противник, наверное, все-таки не собирается уходить за Днепр, а, наоборот, вынашивает самые гнусные намерения. В директиве, направленной маршалу Василевскому, командующим Центральным и

Воронежским фронтами указывалось, что противник на самом-то деле стремится от Харькова через Белгород прорваться к Курску и соединиться со своей орловской группировкой для «разрушения тылов всего Центрального фронта». В связи с этим было принято решение выдвинуть в район севернее Белгорода, «навстречу поднимающемуся на север противнику», 1-ю танковую и 21-ю общевойсковую армии с задачей разгромить подступающего врага и ликвидировать создавшуюся угрозу. Одновременно принимались меры для срочной переброски в распоряжение командующего Воронежским фронтом 64-й армии, находившейся под Сталинградом. Но все эти силы прибывали слишком поздно и не могли оказать влияния на исход боев за Харьков.

С утра 11 марта корпус Рауса занял Тростянец, Ахтырку и Богодухов. Танки дивизии «Лейбштандарт» ворвались в Харьков со стороны Белгородского шоссе; с запада, отбивая непрерывные советские контратаки, наступала дивизия «Дас Рейх». Штурмовые немецкие отряды дошли до центра города и заняли дом Госпрома. Узнав об этом, начальник обороны города генерал Козлов, оставшийся без войск — все, кроме чекистов и саперов, уже находились в подчинении командующего 3-й танковой армией, — не имевший связи и ничем не управлявший, окончательно доверил «хозяйство» генералу Рыбалко и выехал в неизвестном направлении. Итоги чудной организации, своеобразного разделения труда и мгновенной «передачи дел»:

«Построенная оборона принесла мало пользы, хотя сил и средств на нее потрачено было много. Построенные огневые точки и баррикады были не использованы из-за отсутствия достаточного количества огневых средств у начальника обороны. Частям, обороняющим город Харьков, схемы оборонительных сооружений штаб обороны не дал, в силу чего и не все укрепления были частями использованы. Заблаговременно эти укрепления никем не занимались, а отходящие части в лучшем случае случайно на них натыкались и использовали. В большинстве же случаев не использовались вовсе. Передача обороны Харькова 3-й танковой армии начальником обороны была произведена по причинам отсутствия у него надлежащих средств управления обороняющимися частями и в момент, когда уже штабу 3-й тан-

ковой армии было поздно изучать участки обороны, рубежи и части, обороняющие город. Поздно было заниматься и перегруппировкой сил, хотя это диктовалось обстановкой».

Тем не менее, по признанию противника, «русские дрались превосходно». Установленные в подвалах 76-мм пушки и контролирующие перекрестки «тридцатьчетверки» вели огонь вдоль улиц, разместившиеся на крышах снайперы выводили из строя командный состав, минеры, притаившиеся в подъездах домов, использовали связки мин на тросах, которые они вытягивали прямо под гусеницы вражеской бронетехники.

К исходу дня 12 марта защитники вынуждены были отойти за реку Лопань, оставив северную и северо-восточную части города. Но и в «Лейбштандарте» осталось всего 17 исправных танков Pz. IV и 6 Pz. III. Все «тигры» находились в ремонте, а два были потеряны безвозвратно. В этот момент генерал Гот вспомнил об опыте Сталинграда и, придя к выводу, что уличные бои могут затянуться и привести к большим потерям, отдал приказ вывести из боя дивизию «Дас Рейх», в ней числилось в строю 8 танков Pz. III и 6 штурмовых орудий, и совместно с частями дивизии «Мертвая голова» направить ее в обход Харькова с тем, чтобы полностью замкнуть кольцо окружения. Хауссер с этим решением был несогласен, но вынужден был подчиниться. Основные силы дивизии «Дас Рейх» вышли из города, а «Лейбштандарт» продолжил штурм.

Тем временем 13 марта немецкие войска, обходя Харьков по часовой стрелке, заняли Рогань, а 14 марта захватили Терновую, Лизогубку и Водяное, 15 марта — Чугуев, соединившись с дивизиями 48-го танкового корпуса и перерезав последние коммуникации 3-й танковой армии.

Командующий Воронежским фронтом разрешил оставить Харьков; главное командование Вермахта объявило о великой победе «после дней тяжелой борьбы».

В городе еще кипели бои, продолжали сражаться части 19-й стрелковой дивизии, 17-й бригады НКВД, 179-й и 86-й танковых бригад. В районе Жихар — Безлюдовка оборонялись 62-я гвардейская, остатки 303-й и 350-й стрелковых дивизий, 104-я стрелковая бригада удерживала район Лялюки,

253-я бригада — Куличи. 15 марта генерал Рыбалко отдал войскам приказ о выходе из окружения в направлении Машиновки с последующим выходом по восточному берегу реки Северский Донец на рубеж Старый Салтов — Волчанск.

Ночью соединения 3-й танковой армии пошли на прорыв. Отрезанные от основной группировки, остатки 253-й стрелковой бригады, 179-й отдельной танковой бригады и один батальон НКВД пробивались в северо-восточном направлении, и южнее Волчанска 3500 человек вышли к своим. Остальные соединения прорывались на юго-восток. При этом погибли в бою командир 62-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор Зайцев и командир 17-й бригады войск НКВД полковник Тонкопий.

К исходу 17 марта восточного берега Донца достигли около 5000 командиров и бойцов: *«62-я гвардейская стрелковая дивизия вышла, имея без тылов около 2500 чел. ... 350-я стрелковая дивизия, кроме тылов, ранее выведенных из боя, вышла единицами. 17-я бригада войск НКВД вышла в составе свыше 1000 активных штыков... 303-я и 19-я стрелковые дивизии имеют свыше 1000 активных штыков».*

В 48-й гвардейской дивизии осталось 200 бойцов. В «родных» 12-м и 15-м танковых корпусах — 3000 и 1000 человек соответственно, *«из них 85% призванных в освобожденных районах, без оружия, необученных и необмундированных».* За семнадцать мартовских дней армия потеряла около 40 тысяч человек (а всего с середины января около 70 тысяч — 100% первоначального состава), 547 орудий, 840 минометов. В ней не осталось ни одного боеспособного танка. Собственно говоря, 3-я танковая армия перестала существовать, остался Рыбалко со своим штабом и накопленным боевым опытом:

«В ходе напряженных боевых действий, особенно если операции следуют одна за другой, не должно увлекаться «войной до последнего солдата». Необходимо после одной-двух наступательных операций делать на выгодных рубежах и в соответствующей обстановке оперативные паузы для приведения частей в порядок, для их перегруппировки, для отдыха уставших войск, для принятия и освоения вливающегося пополнения, для подтягивания и налаживания службы тыла. Такие паузы с закреплением на достигнутых рубежах необходимы и для организации

активной обороны против новых и свежих контратакующих сил противника...»

Не верится, что элементарные правила вождения войск наши командармы узнали только на войне. Бумаги-то писали правильные, но все равно «увлекались».

Остатки армии, вышедшие из окружения, сосредоточились на левом берегу Северского Донца, где были включены в состав Юго-Западного фронта. В подчинение генерала Рыбалко передали 1-й гвардейский кавалерийский корпус с отрядом 58-й гвардейской стрелковой дивизии и 113-ю стрелковую дивизию.

Танковый корпус СС, основной противник 3-й танковой армии в битве за Харьков, за полтора месяца боев, начиная с 30 января, также понес «весьма тяжелые потери убитыми и ранеными», по немецким, конечно же, меркам, — 11,5 тысячи солдат и офицеров.

В то время как разворачивались бои за Харьков, соединения 40-й и 69-й армий отходили на новый рубеж обороны юго-западнее Белгорода. Против 40-й армии по-прежнему действовал армейский корпус «Раус», главный удар наносивший силами мотодивизии «Великая Германия» от Грайворона вдоль дороги на Борисовку и Томаровку. Генерал Москаленко сосредоточил на этом направлении все что смог — 100-ю и 309-ю стрелковые дивизии, 4-й гвардейский истребительно-противотанковый полк, 5-й гвардейский и вновь прибывший 3-й гвардейский танковые корпуса, вывел на прямую наводку зенитную артиллерию, — которые, по его словам, нанесли тяжелейший урон «эсэсовским» танковым частям, несмотря на то что противник был оснащен новейшим вооружением.

«Именно там, — с достоверностью очевидца сочиняет Москаленко, — мы впервые встретились с танками «тигр» и «пантера», самоходными орудиями «фердинанд»... В бинокли мы увидели, что снаряды наших танковых пушек высекают снопы искр на лобовых частях немецких танков и рикошетируют в сторону. Эту «загадку», однако, разгадали вскоре наши артиллеристы. Они учли, что лобовая броня у новых

немецких танков была действительно мощной, и решили, что раз так, то нужно бить их не в лоб, а в борт или в корму. Это, конечно, совсем не одно и то же, так как требовало не только иной расстановки орудий, но и величайшей силы духа. Но, как известно, и силы духа, и отваги у советских воинов достаточно. Поэтому «тигры» горели не хуже, чем все остальные фашистские танки. В ожесточенных боях воины 40-й армии уничтожили основную массу танков наступавшего противника. В течение нескольких дней враг понес такие потери, что ему уже нечем было атаковать на нашем направлении».

Как только у маршала уши не горели? Не будем удивляться «пантерам», «фердинандам» и «эсэсовцам», которые могли существовать только в его бинокле, это из области охотничьих рассказов. Главное, полки дивизии «Великая Германия», уничтожив советский противотанковый узел в Головчино, 14 марта овладели Борисовкой, а еще день спустя, хоть уже и «нечем было атаковать», — Томаровкой и повернули на Белгород. В составе мотодивизии действительно имелась 13-я рота тяжелых танков с 9 «тиграми», которые очень неплохо себя проявили. Посмотрим в бинокль генерала Рауса:

«В этой операции новые танки PzKw VI «Тигр» впервые встретились с русскими Т-34, и результаты оказались более чем удовлетворительными для нас. Например, два «тигра», действуя в авангарде, уничтожили целую группу Т-34. Обычно русские танки стояли в засаде и ждали, пока наши танки не приблизятся на расстояние 1200 метров, выйдя из деревни. После этого они открывали огонь, а наши танки еще не могли отвечать. До сих пор эта тактика действовала безотказно, но на сей раз русские просчитались. Вместо того, чтобы выходить из деревни, наши «тигры» заняли хорошо замаскированные позиции и использовали превосходство в дальности своих 88-мм пушек. За короткое время они уничтожили 16 Т-34, стоящих на открытой местности, после чего остальные повернули назад. «Тигры» начали преследовать отступающих русских и уничтожили еще 18 танков. Немецкие солдаты, следившие за этим, сразу придумали фразу: «Т-34 снимает шляпу, когда встречает «тигра». Характеристики

наших новых танков значительно подняли моральный дух солдат».

Невосполнимые потери танкового полка дивизии «Великая Германия» за период с 7 по 20 марта составили 14 боевых машин, в том числе один «тигр». На свой счет дивизия записала 269 уничтоженных танков противника.

18 марта к атаке на Белгород присоединилась 4-я танковая армия Гота. Главный удар от Харькова на север наносили «Лейбштандарт» и «Дас Рейх». Дивизия «Мертвая голова» должна была страховать их от советских контратак в правый фланг со стороны Волчанска. Еще правее 11-я танковая дивизия наступала на Старый Салтов.

Защитить Белгород готовился генерал Казаков и его 69-я армия, получившая на усиление 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. По одним данным, он имел 120 танков, по другим — 175. Появление танкового корпуса «очень подбодрило» командарма: «Впервые со времен Россошанской операции услышали мы у себя за спиной гул моторов большой массы отечественных танков. Нас теперь уже не страшила неотвратимость решающего сражения за Белгород. Это сражение началось 18 марта...»

Можно сказать, что 18 марта оно и закончилось. Противник не убоился бесстрашного Казакова и «гула моторов отечественных танков», а больше командарм ничего не придумал. Немцы «действовали в плотных построениях вдоль дорог и сумели на нескольких узких участках выйти нам в тыл». Интересно, а откуда Казаков их ждал? Со стороны моря? (Спешивший на помощь генерал Чистяков утверждает, что «здесь была только одна дорога, а наступать по целине было нельзя».) И вот: «Наши слабые дивизии не смогли отразить этот напор, но, к чести своей, не поддались панике даже при прорыве немецких танков к самому Белгороду».

В общем, из рассказа полководца трудно что-либо понять. А дело было так: откушав кофию, «эсэсы» в 5 часов утра забрались в танки и броневики, дали газу и, проехав около 50 километров по единственному приличному шоссе — Белгородскому, «в плотном построении» и именно «на узком

участке», поскольку ударила оттепель и в свои права вступал «генерал Грязь», — в 11.30 достигли юго-западных окраин Белгорода. Затем по целехоньким мостам они преодолели Донец и заняли плацдарм на восточном берегу. Командир 1-го батальона полка «Дойчланд» штурмбаннфюрер СС Эрат стал новым военным комендантом города.

Советские войска, «не поддаваясь панике», правда, и не оказывая особого сопротивления, преследуемые «панцерами», отходили на север и на восток, за Северский Донец. Впереди всех «без следов растерянности и сумятицы» бежал из Белгорода в Обоянь штаб Воронежского фронта, причем, как уверяет маршал Василевский, ни порядок, ни руководство войсками при этом не нарушались. По приказу Верховного к месту событий без всякого волнения срочно вылетел маршал Г.К. Жуков, «как только сел в самолет, сейчас же крепко заснул».

Судя по всему, переживал только товарищ Сталин и не скрывал этого. Если немцам удастся развить успех, захватить Курск и выйти на тылы Центрального фронта, то последствия будут непредсказуемы. Верховный отправил на передовую последние стратегические резервы. Севернее Белгорода на 35-километровом фронте начали разворачиваться усиленные самоходными артполками шесть стрелковых дивизий 21-й армии генерала Чистякова — почти сплошь гвардейские, сталинградские дивизии. Позади нее, в районе Обояни, сосредоточивалась 1-я танковая армия генерала Каткова — 3-й механизированный, 6-й танковый корпуса, 100-я отдельная танковая бригада, четыре отдельных танковых полка — 631 танк.

18 и 19 марта попытки передовых немецких подразделений продвинуться в сторону Обояни были отбиты у деревни Яковлево подоспевшими полками 52-й гвардейской стрелковой дивизии генерала Н.Д. Козина (20 марта Жуков лично вручал боевые награды командирам полков). Пока противник прочно обосновывался в Белгороде и зачищал местность вдоль западного берега Донца, 21-я армия организовала оборону на линии Гостищево — Быковка, закрыв брешь на обояньском направлении. К 23 марта на восточный берег вышла 64-я армия Шумилова. 25 марта линия фронта стабилизиро-

валась на рубеже Краснополье — Белгород и далее по Северскому Донцу до Чугуева.

Маршал Василевский получил разрешение вернуться в Москву, маршал Жуков остался готовить контрудар с целью «разгромить южную группу противника и произвести «разбор полетов». 28 марта, дабы «укрепить руководство Воронежским фронтом», командующим был назначен генерал-полковник Н.Ф. Ватутин. Юго-Западный фронт принял генерал-полковник Р.Я. Малиновский. На должность командующего Южным фронтом был выдвинут генерал-лейтенант Ф.И. Толбухин. Для генерал-полковника Ф.И. Голикова до конца войны не нашлось ни фронта, ни даже армии, его назначили начальником управления кадров Красной Армии. Был отстранен от должности командарм-69 генерал-лейтенант М.И. Казаков. Для командарма-40 генерал-лейтенанта К.С. Москаленко все обошлось «отеческим внушением»:

«Несколькими днями позднее, в конце марта, когда командный пункт армии находился уже в населенном пункте Бутово, к нам прибыл заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Ознакомившись с событиями предшествующих недель, он высказал порицание решению выйти на р. Днепр, принятому при наличии таких ограниченных возможностей, какими располагал Воронежский фронт во второй половине февраля. Представитель Ставки придерживался мнения, что после взятия Харькова надо было занять оборону, закрепиться. В этом случае, по мнению Г.К. Жукова, противник, перейдя в контрнаступление, был бы не в состоянии овладеть Харьковом. Досталось от него и мне за то, что исполнял недостаточно обоснованные решения, вырвался со своей армией далеко вперед. Вежливых слов он не подбирал. Но я не обиделся: сказанное им было правдой».

И правильно, как можно обидеться на такого большого начальника. Ведь немисливо ему сказать: «Сам дурак, а я лишь старательно выполнял подписанные тобою директивы» (*все директивы Ставки заканчивались двумя подписями — И. Сталин, Г. Жуков либо И. Сталин, А. Василевский*). Нарушать субординацию нельзя никоим образом, особенно если сам мечтаешь стать маршалом и иметь возможность дрючить

любого, не подбирая вежливых слов и не опасаясь в ответ схлопотать по лицу (*а вот, кстати, жуковский порученец И.М. Афонин, выбившись в генералы и заразившись от шефа привычкой к рукоприкладству, получил-таки в глаз от одного майора из дивизионной разведки, но не растерялся и строптивого офицера собственноручно расстрелял*). Военный человек в подобной ситуации принимает стойку «Смирно», ест глазами начальство и на каждый «загиб» реагирует однообразно-уставным: «Виноват! Исправлюсь!»

Очень многим мемуаристам запомнилась эта «неотразимая» жуковская манера общения — тому же Рокоссовскому: «Не могу умолчать о том, что по отношению к подчиненным у Жукова преобладала манера в большей степени повелевать, чем руководить. В тяжелые минуты подчиненный не мог рассчитывать на поддержку с его стороны — поддержку товарища, начальника, теплым словом, дружеским советом».

У группы армий «Юг» оставалась еще одна цель — совместно с группой армий «Центр» встречными ударами срезать курский выступ и значительно сократить линию фронта. Однако не сбылось: фельдмаршал Клюге заявил, что группа «Центр» не может принять участие в операции, да и время ушло. Как вспоминает генерал Раус, между Томаровкой и Белгородом «немецкие дивизии были вынуждены вступить в утомительную борьбу с грязью, когда пытались добраться до западного берега реки. Когда мы начали контрнаступление, земля еще была покрыта снегом, но еще до того, как армейская группа «Кемпф» вышла к верхнему течению Донца, внезапный подъем температуры привел к превращению снега в слой грязи. Все машины, кроме тех, кому посчастливилось оказаться на единственной твердой дороге из Харькова в Курск, сразу стали беспомощны. Наша пехота еще могла тащиться вперед, однако тяжелое оружие и артиллерия отставали. Даже Т-34 русских арьергардов увязли так глубоко, что мы не могли их вытащить, пока не потеплело еще больше... Хотя наши дивизии еще могли продолжать наступление, общее положение и усиливающаяся распутица сделали это нежелательным».

С нашей стороны наблюдалась такая же картина: «Необычно рано началась оттепель в районе Курска весной 1943 года. Дороги были в плохом состоянии. Размякли суглинки и чернозем. Наступила жесточайшая весенняя распутица. Лишь по шоссе Орел — Курск можно было добраться на машине до линии фронта, а вправо и влево от него с трудом пробиралась даже лошадь. Десятки тысяч людей, лошадей, множество орудий и минометов оказались отрезанными от баз снабжения. На фронте возникли осложнения с продовольственным обеспечением войск. Разумеется, о продолжении наступления и речи быть не могло».

К аналогичному выводу пришел маршал Жуков, доложивший 8 апреля свое мнение «товарищу Васильеву»: «Переход наших войск в наступление в ближайшее время считаю нецелесообразным». Ставка согласилась и дала указание о переходе к обороне.

Битва за Курскую дугу была отложена. Фронт на юге замер примерно на той линии, с которой летом 1942 года немцы начали операцию «Блау». Манштейн сумел превратить поражение в победу. Немецкие командиры продемонстрировали неоспоримое тактическое превосходство. Красная Армия была отброшена назад на 100—150 километров, ее потери за 22 дня Харьковской оборонительной операции составили 86 тысяч человек, причем 45 тысяч — более половины — безвозвратно, 322 танка, 3185 орудий и минометов, 110 самолетов. Группа армий «Юг» восстановила связь с группой «Центр», в немецких руках остался уголь Донбасса.

Гитлер был «исключительно счастлив» (кажется, предпоследний раз в жизни, последнюю радость ему доставит президент Рузвельт своими похоронами). Нацистская пресса трубила о «реванше за Сталинград». 26 офицеров и солдат танкового корпуса СС были награждены Рыцарскими крестами, Мечами и Дубовыми листьями (обошли наградами лишь «провинившегося» Хауссера). Площадь имени Дзержинского в Харькове переименовали в площадь имени дивизии «Лейбштандарт «Адольф Гитлер»».

Но это была последняя победа Вермахта на Восточном фронте. Немцы не сумели (не успели?) вернуть стратегическую инициативу и перейти к третьему этапу контрнаступления.

ния — окружить и уничтожить советские войска под Курском и, по мнению Кареля, упустили тем самым свой последний шанс в войне против СССР:

«Стремительное победоносное продвижение Манштейна с Днепра к Донцу не было использовано до конца. Немецкое Верховное главнокомандование верило, будто может отложить на завтра то, что реально сегодня — и только сегодня. Таким образом, большая возможность была упущена. Немцы посадили зерно, из которого выросла катастрофа, решившая исход войны, — оставили курский выступ. Советское командование тогда освободилось от самой серьезной, со времен 1942 года, угрозы. Центральный фронт Сталина спасло чудо, сравнимое с чудом на Марне. И время в Курске начало работать на Сталина и против Гитлера... Операция «Цитадель» против Курского выступа началась спустя сто одиннадцать дней. Из-за этих ста одиннадцати дней немцы проиграли войну».

Однако и Сталин, имея реальную возможность разгромить все южное крыло противника, выйти к Днепру и Крыму, упустил шанс закончить войну годом раньше и ворваться в Европу с «освободительной миссией» до высадки западных союзников в Нормандии.

«ИЗЛИШНИЕ» ОПЕРАЦИИ

Имелись ли у Красной Армии возможности и силы для реализации плана окружения группы армий «А»? Однозначно — имелись. В январе 1943 года, в то время как 25 дивизий Южного фронта лобовыми атаками пытались прорваться к Ростову, 29 расчетных дивизий и более 500 танков «разбивали осаду города Ленинграда», а 44 дивизии Донского фронта при поддержке огромного количества артиллерии штурмовали «Сталинградскую крепость».

Снова «Кольцо»

Споры о необходимости операции «Кольцо» начались еще в стадии ее разработки и продолжаются до сих пор. Маршал Василевский сообщает, что в начале декабря 1942 года

мнения по этому поводу имелись разные, «согласно одному из них, мы должны были прекратить действия по ликвидации осажденной армии Паулюса, оставив вокруг нее охранные войска, поскольку она якобы не представляла угрозы, являлась вроде «зайца на привязи», а все наши основные войска немедленно двинуть на Ростов-на-Дону, чтобы отрезать пути отхода фашистским войскам на Северном Кавказе. Это, по мнению авторов предложения, принесло бы нам большие выгоды, образовав на Северном Кавказе второй крупный «котел» для находившихся там неприятельских войска». Сталин отверг это предложение. Как объясняет Василевский, на том основании, что немецкая группировка под Сталинградом хоть и была ослаблена, но «располагала мощной боевой техникой» и была далеко еще «не лишена боеспособности. Недооценивать ее, особенно в начале декабря, было ни в коем случае нельзя».

Так то ж в декабре, когда еще существовала вероятность помощи извне. Однако после неудачной попытки Гота прорваться к Сталинграду, по признанию Паулюса, «рухнула всякая возможность освобождения из котла».

«Если когда-либо с конца ноября имелась возможность спасти 6-ю армию, то это было 19 декабря, — подтверждает Манштейн. — То, что происходило в котле под Сталинградом после того, как застопорилось наступление 4-й танковой армии с целью деблокирования, фактически было агонией 6-й армии... Через несколько недель после начала советского наступления уже стало ясно, что 6-я армия будет окончательно потеряна и что в общем плане операций ее единственной задачей может стать сковывание возможно более крупных сил противника в течение возможно более долгого времени. Эту задачу храбрая 6-я армия выполнила до конца, ради ее выполнения она пожертвовала собой». А советское командование действовало в духе пожеланий немецкого командования, бросив на добывание Паулюса почти полмиллиона солдат и массу боевой техники, вместо того чтобы использовать эти силы в большой излучине Дона.

Американский военный атташе полковник Парк считал, что «немцы поступили чертовски ловко, дав себя окружить в

Сталинграде и сковав таким образом огромные силы русских, что причинит русским массу осложнений».

По мнению маршалов Еременко, Малиновского, Чуйкова, немецких генералов, возиться с 6-й армией в январе 1943 года не имело никакого оперативного смысла. Сталинградскую группировку немцев уже невозможно было освободить ни ударом извне, ни путем самостоятельного прорыва на запад. На что мог рассчитывать Паулюс? На пресловутый воздушный мост? Ответственные за его «строительство» генералы Рихтгофен и Фибинг с самого начала сознавали утопичность проекта, но тогда представлялось, что спасение еще возможно; Паулюс, имея 15-суточный запас продовольствия, должен был продержаться всего лишь две-три недели до подхода деблокирующей группировки.

Для снабжения 6-й армии по воздуху немцы наскребли 320 транспортников Ju-52, способных перевозить до двух тонн грузов, 40 учебных Ju-86 и 190 самолетов He-111. Самолеты Ju-52 могли быть использованы только с аэродромов, расположенных не дальше 300 километров от цели. He-111 имел достаточный радиус полета, но его практическая грузоподъемность едва превышала одну тонну. Имевшиеся в небольшом количестве крупные транспортные самолеты вроде четырехмоторных «фокке-вульфов» вскоре выбыли из строя по техническим причинам.

Минимальные потребности 6-й армии составляли 500 тонн грузов в день. Для их доставки необходимо было иметь не менее сотни «юнкерсов», которые совершали бы по два рейса ежедневно. Теоретически. На практике в первую неделю работы воздушного моста, начиная с 23 ноября, грузопоток составлял лишь 32 самолета в день. В среднем на аэродром в Питомнике приземлялось каждый день 44 машины. Наибольшего успеха удалось добиться 19 декабря, когда в «котле» приземлились 154 самолета.

Авиационным экипажам пришлось столкнуться с рядом трудностей: длительные полеты туда и обратно над расположением противника, зенитный обстрел и нападения истребителей при взлете и посадке, артиллерийско-минометный огонь по аэродромам, обледенение самолетов в воздухе и сильные снежные бураны. Все это привело к тому, что «авиация поте-

ряля под Сталинградом 488 самолетов и около 1000 человек из состава их экипажей! Несмотря на это, все же не удалось доставить 6-й армии хотя бы приблизительно то, в чем она особенно остро нуждалась».

Чем дальше уходил на запад фронт, тем труднее становилось снабжать «сидельцев». Сильнейший удар системе воздушного снабжения был нанесен с потерей аэродромов в Тацинской и Морозовске. С этого момента немецкие транспортники летали от Сальска и Зверева, на пределе своей дальности, представляя великолепную цель для сил советской ПВО. Если в декабре среднесуточная доставка грузов по воздуху равнялась 105 тоннам, то в середине января она упала до 60—80 тонн. Судьба 6-й армии была решена.

Полковник Динглер из штаба 3-й мотодивизии вспоминал: «Нам не хватало всего: не хватало хлеба, снарядов, а главное — горючего. Пока было горючее, мы не могли замерзнуть, а наше снабжение, пусть даже в таких ограниченных масштабах, было обеспечено... До Рождества 1942 года войскам выдавалось по 100 граммов хлеба в день на человека, а после Рождества этот паек был сокращен до 50 граммов. Позднее по 50 граммов хлеба получали лишь те части, которые непосредственно вели боевые действия... Остальные питались только жидким супом, который старались сделать более крепким, вываривая лошадиные кости. На Рождество командование армии разрешило зарезать 4 тысячи лошадей. Моя дивизия, будучи моторизованной, не имела лошадей и поэтому оказалась в очень невыгодном положении — мы получали конину строго по норме. Пехотным частям было легче: ведь они всегда могли «незаконно» зарезать несколько лошадей».

Резко возросло число обморожений, и уже с середины декабря стали наблюдаться случаи смерти от истощения. Постоянное недоедание, переохлаждение, переутомление, нервное напряжение снижали сопротивляемость организма к инфекциям. Вслед за голодом последовали вспышки дизентерии, гепатита, сыпного тифа.

Немецкие дивизии на глазах теряли боеспособность. Возможно, Василевский об этом не знал, но товарищ Берия

был в курсе, регулярно получая донесения управления особых отделов:

«По утверждению военнопленных, 376-я дивизия располагала по 15 снарядов на каждое 105-мм орудие, 600 патронами на пулемет, по 100—120 патронов на солдата. В течение последних дней перед пленением Людвиг и Вильникер поступление боеприпасов не наблюдали. Горючего дивизия почти не имеет... Из-за острой нехватки продовольствия солдаты окруженной немецкой группировки испытывают голод... 4.12 хлеба было выдано лишь по 75 г. С 5.12 стали выдавать только по одному котелку похлебки на 3-х человек. Солдаты указанной дивизии крайне истощены, настроение у всех подавленное и тяжелое. Многие болеют, имеются обмороженные».

6 января Паулюс докладывал в ОКХ: «Армия голодает и мерзнет. Солдаты раздеты, разуты, а танки превратились в груды бесполезного металла». Еще через десять дней он писал: «Во всей армии не найдется ни одного здорового человека. Самый здоровый по меньшей мере обморожен». Несколько заметок о состоянии немецкой армии перед операцией «Кольцо»: «В свободное от несения службы время солдаты неподвижно лежали в землянках, дабы сберечь энергию, и выходили наружу с мучительной неохотой, да и то лишь для того, чтобы справить нужду. Ослабевшие от недоедания люди часто впадали в беспамятство. Холод замедлял как общую жизнедеятельность организма, так и активность мозга... Недоедание приводило не только к апатии. Многие впадали в бредовое состояние, слышали потусторонние голоса и вели себя соответственно, что было опасно для окружающих. Сейчас невозможно подсчитать случаи самоубийств, причиной которых стало перенапряжение физических и духовных сил. Одни метались на своих кроватях, мучимые бредовыми видениями, другие дико выли и сотрясались в рыданиях. Некоторых приходилось успокаивать силой. Солдаты боялись сумасшествия, как заразной болезни, но еще большая тревога овладевала ими, если у кого-то начинали чернеть губы».

Генерал Р.Я. Малиновский 11 января, давая интервью иностранным корреспондентам, уверенно заявил: «Сталинград — это лагерь вооруженных военнопленных. Положение его безнадежно». В сложившейся ситуации с военной точки зрения гораздо перспективнее была задача «закупоривания» ростовской горловины. «После разгрома группы Манштейна, — писал в дневнике генерал Еременко, — следовало, как и предлагал штаб Сталинградского фронта, не атаковать окруженных, а задушить блокадой, они бы продержались не больше одного месяца, а Донской фронт направить по правому берегу Дона на Шахты, Ростов. В итоге получился бы удар трех фронтов: Воронежского, Юго-Западного и Донского. Он был бы исключительно сильным, закрыл бы, как в ловушке, всю группировку противника на Северном Кавказе... Решение о наступлении Южного фронта на Ростов неверно еще и потому, что оно было фронтальным, мы вытесняли противника». Именно этого больше всего опасался Манштейн.

А армию Паулюса «надо было всемерно беречь (вплоть до того, чтобы иногда смотреть сквозь пальцы на Ю-52, совершающие посадку на аэродромах Гумрак и Питомник). Деться войскам Паулюса было некуда...».

«Почему русские решили перейти в наступление, не дожидаясь, пока котел развалится сам по себе, — удивлялся генерал Цейтцлер, — известно только русским генералам».

У Сталина были свои соображения, которые он изложил в беседе с В.И. Чуйковым летом 1952 года: «Рисковать нельзя было. Народ очень ждал победы!» Таким образом, в январе 1943 года бои в Сталинграде носили не столько военный, сколько символический характер. Что ж, возможно, Верховный, рассуждая как политический лидер, был прав, а еще ему самому нужна была победа — убедительная, «чистая» Победа с большой буквы.

Это была личная победа Сталина, реставрировавшая поблекший образ «великого вождя, учителя и друга всех трудящихся». После Сталинграда вновь в полный голос зазвучали старые песни на новый лад: о «сталинской стратегии», о «сталинском военном гении», о новой «сталинской тактике маневрирования» и «Каннах XX века».

«Мудрый полководец, с именем которого на устах шли в бой советские воины, предвидел развитие хода событий и подчинил своей стальной воле ход гигантского сражения... Это была самая выдающаяся победа в истории великих войн. Битва за Сталинград — венец военного искусства; она явила новый пример совершенства передовой советской военной науки. Одержанная здесь историческая победа — яркое торжество сталинской стратегии и тактики, торжество гениального плана и мудрого предвидения гениального полководца, проницательно раскрывшего замыслы врага и использовавшего слабости его авантюристической стратегии...

Мировая история еще не знала такой военной катастрофы, какую потерпели немцы под Сталинградом. Все известные ранее случаи окружения и разгрома окруженного противника не могут идти ни в какое сравнение со Сталинградской победой советских войск, осуществивших под гениальным руководством И.В. Сталина гигантские стратегические «Канны».

Все поражения 1941 и 1942 годов оказались частью хитроумного плана, разработанного лично Сталиным в рамках сталинского же «учения о контрнаступлении».

Даже Гитлер снял шляпу, заявив в разговоре с Риббентропом: «Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941—1942 годах, вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердостью этого человека, негибаемым героизм и воля которого и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это мой самый крупный противник как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если он когда-нибудь окажется в моих руках, я окажу ему подобающее уважение и предоставлю самый лучший замок в Германии... Создание Красной Армии — грандиозное дело, а сам Сталин, несомненно, — историческая личность огромного масштаба».

Все верно. Сталин создал советскую систему, и никто лучше не знал, как она работает. Ушел творец — рухнула система. В тоталитарном государстве вечные проблемы с преемственностью.

6 марта 1943 года великий и проницательный полководец, «мудро» заманивший немцев к Москве, Волге и Баку, позволил Президиуму Верховного Совета присвоить себе звание Маршала Советского Союза и сменил вышедший из моды френч на военный китель.

Это была победа Красной Армии, продемонстрировавшей всему миру свою боеспособность, умение проводить стратегические наступательные операции, в ходе которых удалось окружить и уничтожить сильнейшую армию Вермахта, разгромить и надолго вывести из борьбы союзников Германии, освободить от немецкой оккупации обширные территории страны. Западный историк пишет: «Трудно себе представить английскую или американскую армию, выигравшую в 1942 году битву под Сталинградом... Красная Армия стала грозным противником».

(Неоспоримый факт. Заваливать немцев трупами своих солдат союзники не могли себе позволить, да и не было у них четырехсот дивизий, бить качеством — еще не умели. Для примера можно вспомнить анекдотический случай из истории операции «Хаско». К высадке на Сицилию готовились 8-я английская и 7-я американская армии — почти полмиллиона человек при поддержке 4328 боевых самолетов. На острове находилась 9-я итальянская армия, имевшая 9 дивизий, в том числе 6 считавшихся мало боеспособными соединений береговой обороны, никогда не нюхавших порошу. В ходе подготовки операции англо-американская группа планирования пришла к заключению, что в случае заблаговременной переброски на Сицилию немецких войск успех высадки будет вероятен нулю, о чем главнокомандующий генерал Дуайт Эйзенхауэр в начале апреля 1943 года поставил в известность политическое руководство, заявив, что операция «будет иметь мало шансов на успех, если в районе вторжения окажется значительное количество вооруженных и полностью боеспособных немецких сухопутных войск... Под «значительным количеством» следует подразумевать наличие **более двух немецких дивизий**». Черчилль буквально осатанел от такой сверхосторожности стратегов и в ответ разразился издательским меморандумом:

«Если присутствие двух немецких дивизий считается решающим фактором для отказа от любых операций наступательного характера для миллиона человек, находящихся ныне в Северной Африке, то трудно себе представить, каким образом можно продолжать эту войну. Затрачены месяцы подготовки, в избытке имеются военно-морские и военно-воздушные силы, и все-таки каких-то двух немецких дивизий оказывается достаточно, чтобы все пошло прахом... Я полагаю, что начальники штабов не станут руководствоваться подобными пораженческими идеями малодушных людей, от кого бы они ни исходили...

Мы заявили русским, что в связи с подготовкой к операции «Хаско» не сможем посылать им военные материалы с северными конвоями, а теперь отказываемся от «Хаски» только потому, что по соседству, видите ли, оказываются две немецкие дивизии. Я просто не могу себе представить, что подумает об этом Сталин, который имеет перед собой на фронте 185 немецких дивизий».

В июне союзники решились на высадку, и, к счастью, на Сицилии оказалось только две немецкие дивизии.)

Это была победа народа, пережившего неимоверные лишения и разочарования, пока «мудрый полководец» развивал «передовую советскую науку», народа, обреченного свихнувшейся на почве нацизма «расой господ» на рабство и уничтожение и потому сделавшего в 1942 году окончательный выбор в пользу «своего дракона».

«В России не было бурного ликования, но она была счастлива, — вспоминает Александр Верт, — впервые с начала войны по-настоящему счастлива. Теперь все были уверены в победе. Люди были переполнены чувством глубокой, хотя и сдержанной национальной гордости. Теперь наконец стало ясно, что все страдания, все невзгоды и потери были не напрасны. И все испытывали глубокое удовлетворение, что немцы объявили трехдневный траур — это было унижение, которое немецкое правительство и немецкий народ вполне заслужили».

Это была победа антигитлеровской коалиции, тем более «изумительная», по оценке западных союзников, что еще совсем недавно Советский Союз стоял, казалось, у самого края

пропасти. Поражение Вермахта стало потрясением для всего рейха и ударом по престижу. Нейтралы и сателлиты Германии все больше теряли доверие к гитлеровской стратегии. Италия была на грани выхода из войны.

Как отметил генерал фон Бутлар: «Германия не просто проиграла битву и потеряла испытанную в боях армию, она потеряла ту славу, которую она приобрела в начале войны и которая уже начала меркнуть в боях под Москвой зимой 1941 года. Это была потеря, которая в самом скором времени должна была исключительно отрицательно повлиять на весь ход войны и в первую очередь поколебать внешнеполитические позиции Германии».

Сталинград стал символом перелома в войне. После поражения немцев под Сталинградом для всех стало понятно, что окончательная победа над Третьим рейхом — лишь вопрос времени.

Тем не менее в январе 1943 года 1-я танковая армия противника смогла в полном порядке оставить Северный Кавказ, что аукнулось нам в марте под Харьковом. Донской фронт в боях по ликвидации сталинградского котла потерял 40 тысяч убитыми и 123 тысячи ранеными. После такого кровопускания 24-я и 57-я армии были расформированы, полевые управления 62, 66-й и 64-й армий, сдав остатки своих войск более боеспособным объединениям, были выведены в резерв Ставки и включены в состав Сталинградской группы войск генерал-лейтенанта К.П. Трубникова. 21-я и 65-я армии отправились воевать на новом направлении, но Манштейн их перед своим фронтом так и не увидел.

Решая «проблему Паулюса», Сталин предпочел перестраховаться, и это вполне понятно, учитывая и тот факт, что полное уничтожение немецкой армии само по себе являлось мировой сенсацией. Однако в дальнейшем, после убедительных побед на Верхнем Дону и территориальных успехов на Северном Кавказе, Верховный, убедив себя, что враг надломлен и помышляет только о бегстве, кинулся в другую крайность. Он решил разгромить всю группу армий «Юг».

Цель хоть и ставилась с большим размахом, но была вполне достижима, учитывая тогдашнее состояние немецких войск и отсутствие у Вермахта резервов, а также возможность использования на юге высвобождавшихся армий Донского фронта. Но Сталину и его полководцам этого показалось мало. Поэтому, как сообщает маршал Василевский, в начале февраля «созрело еще одно решение: помимо операции на юге, провести ряд крупных наступательных операций, связанных единым стратегическим замыслом и планом», и разгромить группу армий «Центр», а заодно и одновременно — группу армий «Север».

Генерал-фельдмаршал Шлиффен треть жизни потратил на разработку своего знаменитого плана, но не дожил до его реализации. В предсмертном бреду, пытаясь вдолбить своим преемникам главную мысль, он не переставал повторять: «Нельзя быть достаточно сильным в решающем пункте». Сталин предпочел быть сильным везде. Если в январе он кавказскому «журавлю» предпочел сталинградскую «синицу», то в феврале погнался сразу за тремя «зайцами».

«Полярная звезда»

В духе «созревших решений» к разгрому 43 дивизий группы армий «Север», которой командовал генерал-фельдмаршал Георг фон Кюхлер, намечалось привлечь войска Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов. Согласно плану, главный удар наносили войска левого крыла Северо-Западного фронта. Первым делом намечалось концентрическими ударами изолировать и уничтожить демянскую группировку противника. Одновременно войска Ленинградского и Волховского фронтов должны были ликвидировать Мгинский выступ. На втором этапе, после прорыва немецкой обороны южнее озера Ильмень, специально созданной Особой группе войск предстояло нанести мощный удар в северо-западном направлении, выйти в район Дно — Порхов — Луга, освободить Псков и перерезать коммуникации группы армий «Север». Войскам правого крыла Северо-Западного фронта после овладения Старой Руссой предстоя-

ло во взаимодействии с 52-й армией Волховского фронта взять Новгород. Особой группе в это время предписывалось стремительно овладеть районом Кингисепп — Нарва и отсечь немцам пути отхода в Эстонию. После чего оставалось «уничтожить волховскую и ленинградскую группировки», собрать трофеи и создать предпосылки для выхода в Прибалтику.

«Оперативный замысел был интересен и обещал успех», — оценивает план маршал Н.Н. Воронов.

«Замысел был великолепен... — вспоминает маршал М.Е. Катуков. — Замысел этот по-настоящему увлек всех нас...»

Это оперативное великолепие получило кодовое наименование «Полярная звезда». Согласно директивам Ставки фронтам от 1 февраля операцию следовало начать 8 февраля, но «гладко было на бумаге». Так совпало, что именно 1 февраля командующий 16-й немецкой армией получил «добро» на оставление демянского «мешка», приступить к ретираде предполагалось в середине месяца.

Операция на окружение мгинско-синявинской группировки началась 10 февраля. Войскам Ленинградского и Волховского фронтов, атаковавших позиции 18-й немецкой армии, удалось добиться некоторых территориальных успехов — продвижение составило 3—4 километра, — но на этом дело и закончилось. Командовавший Волховским фронтом генерал М.А. Мерецков по устоявшейся привычке превращать собственные неудачи в победы доложил, что ему удалось «отвлечь на себя фашистские войска, предназначенные для прорыва к Шлиссельбургу». Командование группы армий «Север» в тот момент меньше всего думало о Шлиссельбурге, поскольку в районе Демянска перешли в наступление войска Северо-Западного фронта.

Демянский выступ возник в 1941 году, когда эту важную позицию на Валдайской возвышенности занял 2-й армейский корпус 16-й немецкой армии. В начале февраля 1942

года в ходе зимнего наступления Красной Армии войска Северо-Западного фронта — тогда им командовал генерал-лейтенант П.А. Курочкин — сумели окружить в районе Демянска шесть дивизий, впервые организовав для немцев натуральный «котел». Однако, в отличие от советских войск, державшихся в подобных ситуациях считанные дни, противник и не подумал взрывать технику и разбиваться на мелкие группы с целью просочиться к своим, а намертво встал в оборону. Силами транспортных эскадрилий Люфтваффе, совершивших за два с половиной месяца 14 500 вылетов, было организовано надежное снабжение, а в апреле встречными ударами в районе Рамушева был пробит коридор шириной 6—8 километров, через который была восстановлена связь окруженцев с основным немецким рубежом на реке Ловать. Все попытки войск Северо-Западного фронта восстановить положение и ликвидировать вражескую группировку закончились неудачей, и в мае месяце, потеряв убитыми и ранеными 245 тысяч человек, генерал Курочкин вынужден был прекратить операцию.

В начале февраля 1943 года войскам Северо-Западного фронта (1-я ударная, 27, 11, 34, 53-я общевойсковые армии — 28 стрелковых и воздушно-десантных дивизий, 17 стрелковых и 3 танковые бригады, всего 327 тысяч человек) на этом направлении по-прежнему противостояла 16-я армия под командованием генерала Эрнста Буша (15 дивизий, в том числе одна охранная, одна моторизованная и ни одной танковой, впрочем, их не было во всей группе армий «Север»). Непосредственно в «мешке» находились 12 дивизий — около 100 тысяч солдат и офицеров. Обороной в районе Демянска руководил командир 2-го армейского корпуса генерал Лаукс.

Следуя великолепному плану, 27-я армия генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко с севера и 1-я ударная армия генерал-майора Г.П. Короткова с юга должны были сходящимися ударами перерезать рамушевский коридор, а затем во взаимодействии с 11, 34-й и 53-й армиями уничтожить демянскую группировку. Сосредоточившуюся южнее Залучья Особую группу численностью более 100 тысяч человек предполагалось ввести в прорыв в полосе 1-й ударной армии,

с тем чтобы развивать наступление на Сольцы и далее на Лугу. В состав группы вошли 68-я армия генерал-лейтенанта Ф.И. Толбухина (37-я стрелковая, 1, 5, 7, 8, 10-я гвардейские воздушно-десантные дивизии, 32, 33, 137-я стрелковые, 26-я лыжная бригады) и 1-я танковая армии генерал-лейтенанта М.Е. Катукова (6-й танковый, 3-й механизированный корпуса, 100-я отдельная танковая бригада и четыре отдельных танковых полка). В танковой армии имелся 631 танк — силаща!

Надежды внушала также достигнутая на решающем направлении плотность полководцев на километр фронта.

Координация действий советских войск на северо-западном направлении возлагалась на маршала Г.К. Жукова.

Северо-Западным фронтом командовал ветеран 1-й Конной армии, знаменитый «прорыватель» линии Маннергейма, бывший нарком обороны маршал С.К. Тимошенко.

В качестве представителей Ставки к нему прислали артиллерийского маршала Н.Н. Воронова и без пяти минут маршала авиации А.А. Новикова.

При штабе фронта в непонятном качестве обретался бывший заместитель наркома обороны и бывший маршал, разжалованный в генерал-майоры, Г.И. Кулик.

Особую группу возглавлял бывший командующий войсками Ленинградского фронта генерал-полковник М.С. Хозин.

11-й армией командовал бывший (и будущий) командующий Северо-Западным фронтом генерал-лейтенант П.А. Курочкин.

Маршал Тимошенко (1895—1970) был твердо уверен в успехе. Семен Константинович вообще был очень уверенным человеком. «Чего греха таить, — пишет генерал армии С.П. Иванов, — были у него моменты, когда память о боевой молодости брала верх над здравым расчетом умудренного опытом военачальника... Ведь после того как он добился успеха наших войск в войне с Финляндией, сменил Ворошилова на посту наркома обороны и по совету компетентных военачальников вернулся в ряде случаев к линии Тухачевского, Тимошенко подвергся испытанию лестью со стороны подхалимов. В результате у него сложилось преувеличенное представление о собственных способностях, которое не умень-

шилось и после многочисленных неудач в начальном периоде войны. Он питал надежды стяжать лавры победителя и вернуться в Москву на должность если не наркома обороны, то хотя бы первого заместителя Верховного, потому что при всей своей преданности Сталину считал его «штафиркой», то есть сугубо штатским деятелем». Правда, поражение под Харьковом в мае 1942 года сильно подмочило репутацию маршала. «Полярная звезда» была для Тимошенко последним шансом вернуться на Олимп.

Но чем дальше Н.Н. Воронов ознакомлялся с положением дел, тем меньше в нем оставалось энтузиазма (впрочем, гораздо вероятнее, что здравые мысли посетили маршала несколько позже).

Во-первых, для противника наступательные действия советских войск на северо-западном направлении не представляли никакой неожиданности, мы здесь наступали всегда и практически непрерывно, неустанно кого-то «сковывая». На большинстве участков немцы имели хорошо развитую, отлично организованную оборону, которая совершенствовалась ими на протяжении полутора лет. В начале февраля прифронтовые дороги были забиты нашими войсками, не соблюдавшими второпях элементарных мер маскировки, автомобильные пробки не рассасывались круглые сутки, а «противник между тем беспрепятственно вел воздушную разведку и, очевидно, точно знал о сосредоточении войск в этом районе» и нередко наносил этим войскам большие потери внезапными и точными авиационными налетами. Вышеизложенное — полбеда, вторая ее половина — наша разведка не имела никаких сведений о немецкой обороне и даже о начертании переднего края: «Уже полтора года наша авиация вела здесь фотосъемки, но ясной картины обороны противника все-таки не было... К тому же противник искусно маскировал свои огневые средства». Наземные части «занимали оборону в двух и более (!) километрах от противника, не имея с ним постоянного соприкосновения. Этот участок и был намечен для прорыва».

Во-вторых, местность, избранная для наступления и сосредоточения огромного количества войск и техники, оказалась какая-то по-особенному дикая, лесистая и болотистая.

Вполне серьезно: «Трудно было выбрать более неудачное направление для использования артиллерии, танков и другой боевой техники, чем то, что намечалось в плане. В районе предстоящих действий множество болот, а там, где их нет, проступали грунтовые воды... Вина командования Северо-Западного фронта в том, что оно не знало района предстоящих действий». В этих занесенных снегом лесных дебрях почти не было дорог: «По-моему, это имеет место потому, что у нас во всех звеньях длительное время хранятся в секрете готовящиеся операции, проводятся сначала оперативные перевозки, а потом снабженческие, поздно подвозятся материальные средства, а также горючее, боеприпасы и продовольствие. Вот почему часто район будущих действий остается без дорог, без организованной службы тыла. Вот почему сталкиваемся мы с недостаточностью тех или иных средств к началу действий». Секретность — вещь понятная и необходимая, но что в течение полутора лет мешало Курочкину и Тимошенко озаботиться созданием линий снабжения? (Почему-то там, где появлялись немцы, споро возникала «развитая дорожная сеть». Начав еще в середине января подготовку к эвакуации, они проложили через коридор узкоколейку, вывели к ней от передовой систему радиальных бревенчатых дорог и приступили к вывозу тыловых складов и тяжелого вооружения. Одновременно, в целях дезинформации советской разведки, имитировалась подготовка к наступлению из района Демянска.)

Ко всему прочему начало февраля ознаменовалось снежными бурями и резким понижением температуры, а некоторые армии еще только предстояло создать. Так, 1-я танковая армия формировалась на основании Постановления ГКО от 4 января 1943 года в сжатые сроки, в глухих лесах в тылу Северо-Западного фронта, на базе полевого управления 29-й общевойсковой армии, имея ближайшую базу снабжения в 250 километрах и установленный срок готовности 17 февраля. Кроме 3-го механизированного корпуса из состава Калининского фронта и 6-го танкового корпуса из состава Западного фронта, в нее должны были войти две воздушно-десантные дивизии, шесть лыжных бригад, артилле-

рийская противотанковая бригада, зенитная артиллерийская дивизия, артиллерийские и минометные полки.

«Формирование и сосредоточение армии, — вспоминает маршал А.Х. Бабаджян, командовавший 3-й механизированной бригадой, — осуществлялось в исключительно тяжелых условиях, в том числе и метеорологических, лесисто-болотистой местности, бедной даже грунтовыми дорогами. Высота снежного покрова достигала человеческого роста. Лютый сорокаградусный мороз внезапно чередовался со снегопадами и метелями... Красноармейцы были измучены до предела, но героическими усилиями всего личного состава 1-я танковая армия постепенно сосредоточивалась в районах назначения». 68-я армия официально возникла 3 февраля. Для ее создания было использовано прибывшее из-под Сталинграда управление 57-й армии, а половину боевого контингента должны были составить воздушные десантники.

В недрах Наркомата с довоенных времен существовало Управление воздушно-десантных войск, а в его подчинении и в непосредственном подчинении Ставки всегда имелся десяток воздушно-десантных корпусов и отдельных бригад. Бойцы туда набирались отборные, и подготовку они получали специфическую. «Подготовка корпусов проводилась применительно к боевым задачам, решаемым в тылу противника, — сообщается в кратком очерке истории ВДВ. — Главное внимание уделялось одиночной подготовке, сколачиванию подразделений, частей и соединений и вопросам взаимодействия с войсками, наступающими с фронта... Каждый десантник, от бойца до генерала включительно, совершил от трех до десяти прыжков с парашютом с самолета». После этого, как правило, парашюты сдавали на склад, а десантников использовали как простую пехоту, бросая их под танки в Сталинграде или на защиту перевалов Кавказа.

В декабре 1942 года в Московской области на базе восьми воздушно-десантных корпусов и трех отдельных маневренных бригад было создано десять гвардейских воздушно-десантных дивизий, новое пополнение вновь учили тому, как с неба — и в бой. «Еженедельно проводились сложные комбинированные прыжки с парашютами и тактические учения, — вспоминает полковник М.А. Гончаров. — Все мы с нескры-

ваемым волнением ожидали дня, когда десантные корабли поднимут нас в воздух и высадут где-то в глубоком тылу для выполнения сложного и ответственного задания».

Но и на этот раз крылатой пехоте «оборвали крылья» ради реализации «интересного оперативного плана». В начале февраля все десять воздушно-десантных дивизий были направлены на Северо-Западный фронт и включены в состав 1-й ударной, 1-й танковой и 68-й общевойсковой армий в качестве стрелковых соединений. Большинство из них все еще находилось в пути (к примеру, 4-ю воздушно-десантную дивизию подняли по тревоге 5 февраля, а в район Осташкова она прибыла 21 февраля).

Проверка Особой группы представителями Ставки показала, что, «хотя на картах все изображалось красиво и правильно», группа Хозина «не подготовлена к боевым действиям. Она еще не закончила даже свое формирование, сколачивание и обучение».

Поэтому наступление начали не те армии и не там, где планировалось. Первыми 15 февраля перешли к вяло-активным действиям и поиску противника соединения 11-й армии генерал-лейтенанта П.А. Курочкина и 53-й армии генерал-майора Е.П. Журавлева. 16 февраля генерал Хозин получил директиву Ставки «на разгром Ленинградско-Волховской группировки противника», которая требовала завершить сосредоточение Особой группы в исходном районе с тем, чтобы к утру 19 февраля быть в полной готовности к вводу в прорыв с ближайшей целью «захватить и удерживать город Псков». Однако основные ударные группировки Северо-Западного фронта, которые должны были перерезать ромушевский коридор и этот самый прорыв совершить, продолжали бездействовать.

Активность советских войск послужила для немцев сигналом к началу эвакуации. В ночь на 17 февраля дивизии 2-го корпуса, занимавшие оборону в восточной и северной части «мешка», начали организованный отход на первую из пяти промежуточных позиций. Высвобождавшиеся части укрепляли «стенки» коридора.

Лишь утром 19 января наше командование осознало, что в восточном секторе плацдарма немцев уже нет. В неторопливое преследование пустилась 34-я армия генерал-лейтенанта А.И. Лопатина. «Пехотой занимается то, что начисто очищено от противника нашей артиллерией, минометами и реактивными установками, — доносил в Ставку маршал Воронов. — Противник от этого огня несет, безусловно, большие потери, но и мы теряем людей и огромные материальные средства. Пехота несет значительные потери от огня противника потому, что лежит в исходном положении, очень неохотно подходит к разрывам своей артиллерии, чтобы сразу после переноса огня в ближайшую глубину вражеской обороны немедленно и стремительно атаковать позиции противника. Расход снарядов и мин непомерный, продвижение же за день боя исчисляется сотнями метров. Пехотное оружие используется очень плохо, даже при отражении контратак противника... Войска Северо-Западного фронта почти полтора года пробыли в обороне, к наступлению никогда по-настоящему не готовились. Прибывшие сюда формирования, недостаточно обученные и сколоченные, попали сразу в очень трудные условия, многие командиры, естественно, растерялись, не сумели во всех звеньях организовывать и проводить бой». Ну, ясное дело, для немцев валдайские леса — дом родной.

Особая группа Хозина развернулась в исходном положении и застыла в ожидании.

А генерал Лаукс, прикрываясь арьергардами, беспрепятственно уводил свои войска на запад. В ночь на 20 февраля Сталин направил в адрес Жукова телеграмму: «Есть опасность, что ему удастся отвести свои соединения за реку Ловать и намеченная нами операция «Полярная звезда» может быть поставлена под угрозу срыва». Развернувшаяся в исходном положении Особая группа Хозина продолжала томиться в ожидании. 23 февраля перешла в наступление 27-я армия Трофименко. К этому времени демянского «мешка» уже не существовало, оставалось лишь «горлышко» рамушевского коридора, значительно укрепленное за счет отступивших войск. Наконец, 26 февраля, когда немцы уже завершали эвакуацию, двинулись в атаку десантники из 1-й ударной ар-

мии. К исходу последнего дня февраля войска Тимошенко вышли на реку Ловать, потеряв убитыми и ранеными почти 34 тысячи человек, но так никого и не разгромив. Казалось, пора было вводить в дело Особую группу, но прорыв так и не состоялся, а внезапно наступившая оттепель окончательно перечеркнула планы освобождения Пскова и Нарвы. Сосредоточившиеся на исходном рубеже, танкисты обнаружили себя в болоте, по выражению Катукова, «по самую башню». Из Ставки последовал приказ: 1-й танковой армии грузиться в эшелоны и следовать на Центральный фронт. Группу Хозина окончательно расформировали 9 марта, передав 68-ю армию в состав Северо-Западного фронта.

Пришло время делать выводы: «Ясно было, что не следовало затевать здесь крупной операции. Нашей могучей технике нужны просторы, здесь же она увязала в болотах. Снова в душе накапливалось раздражение против тех, кто составлял красивые планы, не потрудившись изучить условия местности, пути сообщения, особенности климата... Мне думается, что нужно искать больших решений там, где мы сможем наиболее продуктивно использовать свою громадную и богатейшую боевую технику всех видов. Тогда обойденные нами леса и болота будут взяты одной только угрозой окружения в крупных оперативных масштабах... Крайнее беспокорство вызывает отсутствие нужных нам к весенне-летней кампании запасов самых ходовых снарядов и мин. Их расстреливают фронты, где по условиям лесисто-болотистой местности каждый убитый немец стоит тысячи снарядов и мин».

Тимошенко порекомендовали «для маскировки оперативного маневра» продолжать наступление и, как минимум, выйти на реку Полисть и овладеть Старой Руссой. У маршала еще оставалось чуть больше 400 тысяч бойцов и командиров. Вспомнив боевую молодость, он пытался таранным ударом пехотных масс пробиться от речки к речке. Однако двенадцать высвободившихся дивизий стали серьезным резервом для фельдмаршала Кюхлера, а десантникам 68-й и 1-й ударных армий пришлось без подготовки рвать позиционную оборону: «Перед фронтом (4-й воздушно-десантной) дивизи-

зии была организована сильно укрепленная линия обороны с несколькими опорными пунктами. Каждая высота представляла собой крепость с множеством дотов и дзотов. Местность на подступах к ним была покрыта минными полями, колючей проволокой и приспособлена для ведения круговой обороны. Многие опорные пункты связывались ходами сообщения. На участке прорыва дивизии противник имел 45 дзотов, около 150 стволов артиллерии, 70 шестиствольных минометов, около 40 малокалиберных зенитных пушек, из которых он бил по пехоте».

За две недели Тимошенко потерял 103 тысячи человек, затем 14 марта «сдал пост» генерал-полковнику И. С. Коневу. Больше Семену Константиновичу командовать фронтами не поручали, а перевели до конца войны в «координаторы» Ставки.

К 17 марта войска Северо-Западного фронта, уничтожая на страницах донесений «гитлеровских головорезов с эмблемой СС «Мертвая голова», преодолели 10—15 километров, вышли на реку Редья и дальше продвинуться не смогли.

Обе стороны зачислили себе в актив по победе. Немецкие авторы называют отход 2-го армейского корпуса из дьянского «мешка» перед лицом многократно превосходящего противника «фантастическим достижением» и соответственно «провалом Тимошенко». Наши историки указывают на то, что в результате наступления был ликвидирован вражеский плацдарм, освобождена территория, а командование Вермахта было «лишено возможности усиливать свои группировки на южном крыле советско-германского фронта за счет группы армий «Север». Короче, 50 советских дивизий «сковали» 12 немецких. Или все-таки наоборот?

1-ю танковую армию Катукова 10 марта, еще в пути, передали в состав Воронежского фронта. В конце концов она осела в районе Обояни, так и не приняв участия ни в одном из сражений зимней кампании.

«Сколько раз мне вспоминались заманчивые, но неиспользованные оперативно-стратегические возможности на среднем Дону! — вздыхает маршал Воронов. — Вот бы туда...

послать такие силы, как под Демянск, — туто пришлось бы Гитлеру и его компании!»

«Сейчас представляется, насколько эффективнее для общего положения дел оказались бы действия 1-й танковой, оказалась она еще в самом начале 1943 года на южном крыле фронта, — сожалеет маршал Бабаджанян. — Кто знает, может, и не возникло бы немецкого контрнаступления и не переходить бы Харьков и Белгороду из рук в руки».

Маршал Жуков по поводу этой поучительной операции ничего не наразмышлял, он не любил делать «работу над ошибками». Да и не было у него никогда ошибок, их всегда совершал кто-то другой.

«Желания превалировали над возможностями...»

Достижение стратегической цели на западном направлении предполагалось осуществить проведением ряда последовательных операций. Вначале концентрическими ударами войск Брянского и левого крыла Западного фронтов разгромить 2-ю немецкую танковую армию, освободить города Орел и Брянск. Затем развить наступление в общем направлении на Смоленск, выйдя в тыл ржевско-вяземской группировке противника, и армиями четырех фронтов (22 общевойсковых и 1 танковая армия) окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр» (2-я и 3-я танковые, 4-я и 9-я общевойсковые армии). В составе группы, которой командовал фельдмаршал Ганс Гюнтер фон Клюге, насчитывалось 77 дивизий и одна бригада, более трети из них находились в Ржевско-Вяземском выступе.

6 февраля 1943 года командующие фронтами получили директивы с конкретными задачами по предстоящим наступательным операциям.

Командующий Западным фронтом генерал-полковник И.С. Конев обязан был к 12 февраля во взаимодействии с правым крылом Брянского фронта организовать удар 16-й армии, усиленной 9-м танковым корпусом, в общем направлении через Жиздру на Брянск. Кроме того, от Конева требовалось к

25 февраля подготовить наступление 50-й и 10-й армий, усиленных двумя танковыми корпусами, в общем направлении на Рославль, а частью сил — на Ельню. Командующему Брянским фронтом генерал-полковнику М.А. Рейтеру (одному из немногих сохранившихся в высшем эшелоне полковников царской армии) с целью скорейшего разгрома орловско-брянской группировки противника следовало наступать дивизиями 48-й армии на Орел, охватывая его с юго-запада. С выходом 48-й армии к Змиевке с востока на Орел ударяла 3-я армия. С севера, через Болхов, на Орел должна была наступать правофланговая 61-я армия. Окружение и разгром 2-й танковой армии планировалось завершить к 17 февраля. 13-й армии во взаимодействии с 16-й армией Западного фронта предстояло к 23 февраля захватить Брянск.

Особая роль отводилась войскам Центрального фронта, существовавшего пока только на бумаге. Еще ночью 3 февраля, фактически немедленно после ликвидации армии Паулюса, генерал-полковник К.К. Рокоссовский получил приказ Ставки о передислокации управления Донского фронта в район Ельца. Через двое суток последовала директива об образовании Центрального фронта, который разворачивался северо-западнее Курска между Брянским и Воронежским фронтами. В его состав должны были войти 21-я, 65-я, 70-я общевойсковые, 16-я воздушная, 2-я танковая армии, 2-й гвардейский кавалерийский корпус, ряд соединений из резерва Ставки. За десять дней Рокоссовский должен был сосредоточить свои войска в указанном районе, организовать и провести задуманную кремлевскими мечтателями «красивую по замыслу операцию», конечным итогом которой должен был стать выход к Днепру в районе Гомеля и Орши, глубокий охват левого крыла группы армий «Центр» и разгром основных ее сил в грандиозном котле в районе Смоленска совместно с войсками Калининского и Брянского фронтов.

«Мои доводы о нереальности этого срока, — пишет Рокоссовский, — не убедили Ставку. Конечно, хотелось бы начать операцию как можно скорее, пока противник не успел подтянуть силы с других участков и из глубины. Но в сложившейся обстановке перегруппировка войск была чрезвычайно затруднена».

Фронты западного направления переходили в наступление разновременно, по мере готовности. Первым включились в операцию войска Брянского фронта. Собственно говоря, они и без того, начиная с февраля, непрерывно атаковали немецкие позиции, а если и была у них какая передышка, то лишь для того, чтобы принять новые пополнения и снять с должности за невзятие Орла командарма-48 генерал-майора Г.А. Халюзина.

12 февраля 13-я армия генерал-майора Н.П. Пухова и 48-я армия генерал-лейтенанта П.Л. Романенко — 240 тысяч человек, стремясь обойти Орел с юго-востока и юга, возобновили наступление против правого фланга 2-й танковой армии. За месяц кровопролитных боев советским войскам удалось вклиниться в оборону противника на 10—30 километров и выйти на рубеж Новосиль — Малоархангельск — Рождественское, где линия фронта стабилизировалась. Наши потери составили 54 тысячи человек, а провалившаяся Орловская операция, по установленной послевоенными историками традиции — выдавать достигнутое за желаемое, стала именоваться Малоархангельской. 12 марта Брянский фронт был ликвидирован, генерал Рейтер был назначен командующим войсками Резервного фронта.

Другие участники задуманного Ставкой «разгрома» армий фон Клюге подготовиться к своей миссии должным образом в установленные, заведомо нереальные, сроки не успевали. .

Так, задачу на подготовку наступательной операции по овладению Брянском командующий 16-й армией генерал-лейтенант И.Х. Баграмян получил 9 февраля. В составе армии имелись 11, 18, 31-я гвардейские, 97-я стрелковая дивизии и 4-я стрелковая бригада — маловато, конечно, и армию значительно усиливали. В ее состав дополнительно включались 64-я и 326-я стрелковые дивизии, 9-й танковый корпус, 94, 187, 2-я и 6-я гвардейские танковые бригады, 3-я и 6-я артиллерийские дивизии РГК. В ходе операции 16-й армии передали 19, 108, 217, 247, 323-ю стрелковые дивизии, управле-

ние 8-го гвардейского стрелкового корпуса, 256-ю танковую, 125-ю и 128-ю стрелковые бригады.

«Казалось бы, усиление армии войсками было довольно щедрым, — соглашается маршал Баграмян. — Однако основная масса резервов, выделяемых фронтом, поступала в армию в ходе уже начавшейся операции и со значительным опозданием, что не позволяло в нужный момент вводить их в сражение. Кроме того, эти резервы направлялись к нам недостаточно организованно. Многие части и соединения появлялись в полосе действия армии неожиданно, без предварительного уведомления. При этом они подчас нарушали маршевую дисциплину, создавали пробку и путаницу на дорогах, совершали движение в дневное время и этим раскрывали перед противником нашу подготовку к наступлению. Обращение к командованию фронта с просьбой навести порядок с поступлением резервов в полосу действия армии практически результатов не дало».

Словом, собрать все эти войска на исходном рубеже, поставить им задачи, организовать взаимодействие и тыловое обеспечение, просто установить с ними надежную связь — за пять дней — было физически нереально. Наступление пришлось отложить на неделю.

Что касается войск бывшего Донского фронта, то они к 15 февраля даже не успевали переехать из Сталинграда к новому месту дислокации. Единственная восстановленная однокорейная железная дорога не могла справиться с переброской огромного количества войск. «Планы перевозок трещали по всем швам, — вспоминает маршал Рокоссовский. — График движения нарушался. Заявки на эшелоны не удовлетворялись, а если и подавались составы, то оказывалось, что вагоны не приспособлены для перевозки личного состава и лошадей. Наш доклад обо всех этих ненормальностях только ухудшил положение. Принять меры для ускорения перевозок было поручено НКВД. Сотрудники этого наркомата, рьяно приступившие к выполнению задания, перестарались и произвели на местах такой нажим на администрацию, что та вообще растерялась. И если до этого существовал какой-то график, то теперь от него и следа не осталось. В район сосредоточения стали прибывать смешанные соединения. Ма-

териальная часть артиллерии выгружалась по назначению, а лошади и машины оставались еще на месте. Были и такие случаи, когда техника выгружалась на одной станции, а войска — на другой. Эшелоны по несколько дней застревали на станциях и разъездах. Из-за несвоевременной подачи вагонов 169 тыловых учреждений и частей так и оставались под Сталинградом... Район сосредоточения, только что освобожденный от противника, не был подготовлен и оборудован для приема большой массы войск, боевой техники и материальных средств. Работы по созданию баз, путей подвоза и организации тылов пришлось вести параллельно с подготовкой к наступлению... Непрерывная пурга усугубляла бездорожье».

Выполнить директивные указания «образовать Центральный фронт» к 15 февраля и одновременно «перейти в наступление в общем направлении на Севск» никак не получалось. Управление 65-й армии прибыло в Елец только 18 февраля, основные силы армии — через неделю, 21-я армия закончила «переезд» лишь в начале марта. Кроме сталинградцев, в состав фронта из резерва Ставки передавалась набранная из личного состава пограничных и внутренних войск НКВД 70-я армия под командованием генерал-майора Г.Ф. Тарасова, только что сформированная 2-я танковая армия генерал-лейтенанта А.Г. Родина и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора В.В. Крюкова. Но и они не успевали вовремя. Из 408 танков 2-й танковой армии после 270-километрового марша на исходный рубеж в район Фатежа к назначенному сроку дошли только 108 машин, отстала артиллерия и части снабжения, войска практически не имели горючего и продовольствия. Без пушек, обозов, фуража и боеприпасов прибыла с Западного фронта кавалерия. Пограничная армия еще находилась «в походе», совершая беспрецедентный 300-километровый пеший переход сквозь бураны и сугробы, на горбу транспортируя артиллерию, выбиваясь из сил и умирая от голода.

Начало операции переносили трижды, и все равно войска пришлось вводить в бой по частям. После блестящей сталинградской победы в головах советских стратегов воцарилась легкость необыкновенная, переходящая в легкомыслие

и пренебрежение к соблюдению элементарных правил ведения войны. Сталин и его «единственный заместитель» Жуков прямо приказывали Рокоссовскому атаковать силами 65-й и 2-й танковой армий, а остальные части «по мере их прибытия направлять вслед за наступающими войсками первого эшелона».

Маршал И.Х. Баграмян по этому поводу отмечает: «Почти все наступательные действия на западном направлении весной 1943 года носили отпечаток торопливости, спешки... В той обстановке многим казалось, что моральный дух врага надломлен, и если не дать ему опомниться, непрерывно наносить удары на все новых и новых направлениях, то он вскоре будет окончательно сокрушен. К сожалению, даже у некоторых командующих войсками фронтов появилось такое ошибочное убеждение и настойчивое желание поскорее добиться успехов, подобных сталинградскому триумфу».

16-я армия Западного фронта перешла в наступление из района юго-западнее Сухиничей 22 февраля после двухчасовой артиллерийской подготовки. Ударная группировка из шести дивизий и четырех танковых бригад, действовавшая в полосе шириной 18 километров, должна была к исходу первого дня овладеть Жиздрой и Людиново. С этого рубежа подвижной группе в составе 9-го танкового корпуса, одной стрелковой дивизии и полка лыжников предстояло стремительным броском захватить Брянск.

Однако все обернулось медленным и кровопролитным прогрызанием обороны 208-й и 211-й пехотных дивизий. Оборона представляла собой разветвленную систему опорных пунктов, фланкирующих позиций и траншей, связанных ходами сообщения, с множеством пулеметных площадок, прикрытую сплошными минными полями, глубокоэшелонированными проволочными заграждениями и противотанковыми препятствиями. К тому же немецкая разведка «доложила точно», и немецкое командование знало о предстоящем наступлении раньше, чем Баграмян собрал свои войска на исходном рубеже, и успело подбросить подкрепления в место намечавшегося прорыва. Подвела наших генералов и погода:

на третий день операции она «стала лучше (!), и предпринимаемые гитлеровцами контратаки всюду поддерживались не только танками, но и ударами авиации, прицельным огнем артиллерии... При этом свирепствовали танки, отборные пехотные, как видно, эсэсовские батальоны устремлялись в психические атаки. Почти непрерывно группы в 20—30 пикирующих бомбардировщиков с диким завыванием сбрасывали на наших наступающих воинов свой смертоносный груз». Непонятно только, где в это время «завывали» семь бомбардировочных и штурмовых авиадивизий 1-й воздушной армии генерала Худякова, в каких местах «свирепствовали» 350 советских танков и что мешало нашей артиллерии стрелять «прицельно» (впрочем, с артиллерией понятно: она при любой погоде лупила по площадям, поскольку не обладала данными об обороне противника, но зато имела представленную тружениками тыла возможность расходовать снаряды вагонами: сталинские указания насчет «артиллерийской музыки» иные начальники «были склонны понимать как благословение на безумное расшвыривание снарядов»).

Командование фронта малыми порциями подбрасывало в мясорубку свежие части, немцы тоже наращивали силы. В итоге к началу марта войска 16-й армии преодолели 10—13 километров, «истощили силы» и перешли к обороне на достигнутом рубеже.

В качестве оргвыводов последовал приказ Ставки № 0045 от 27 февраля «Об отстранении от должности командующего войсками Западного фронта генерал-полковника И.С. Конева, как не справившегося с задачами руководства фронтом». С аналогичной формулировкой был снят и командующий 5-й армией генерал-полковник Я.Т. Черевиченко.

19 марта противник, подтянув дополнительные дивизии, нанес ответный удар и отбросил войска Баграмяна практически на исходные позиции.

«Не принимались во внимание ни построение, ни глубина обороны противника, ни расположение его резервов (о которых, кстати сказать, точных сведений не было), ни необходимость захвата выгодных рубежей в глубине, то есть такие задачи, решение которых нарушило бы всю систему вражеской обороны... Забегая вперед, должен сказать, что тогда

времени практически не хватило никому и все делалось наспех, без соблюдения элементарных мер скрытности и маскировки, что привело к потере внезапности: враг узнал о наступлении и хорошо подготовился к отпору.

В плане и замысле операции имелись также и другие просчеты, но организаторам операции, да и всем нам они не были тогда заметны: видеть их стали главным образом после того, как наступление закончилось, и то заметили далеко не все. Потребовалось время и большой опыт, прежде чем пришла зрелость командного состава оперативного звена по вопросу подготовки и ведения наступательных операций», — в данном случае представитель Генштаба генерал Н.Д. Салтыков описывает неудачную попытку отбить у немцев Таганрог в мае 1942 года, но разницы нет никакой. Год спустя (который засчитывался за три) «командный состав оперативного звена», видимо, еще не созрел.

Для войск Центрального фронта окончательной датой перехода в наступление было установлено 25 февраля. Главный удар с рубежа Курск — Фатеж в общем направлении на Севск — Унеча с задачей перерезать к 10 марта железнодорожную линию Брянск — Гомель должны были нанести 65-я армия (37-я гвардейская, 69, 149, 354, 193, 246, 112-я стрелковые, 1-я артиллерийская дивизия, 42-я стрелковая бригада, 84, 255, 240, 40, 30-й отдельные танковые полки) и 2-я танковая армия (11-й и 16-й танковые корпуса, 11-я гвардейская танковая бригада, 29-й гвардейский танковый полк, 60-я и 194-я стрелковые дивизии, 115-я стрелковая бригада, 10-я зенитно-артиллерийская дивизия). На правом крыле 70-я армия (102, 106, 140, 162, 175, 181-я стрелковые дивизии) нацеливалась на Дмитровск-Орловский, на левом — конно-стрелковая группа (3-я и 4-я гвардейские кавдивизии, 28, 29, 30-я лыжные бригады, 251-й и 259-й отдельные танковые полки) — на Новгород-Северский. В составе фронта числилось 257 тысяч человек (без учета 21-й армии) и около 600 танков.

Однако к назначенному сроку танковые соединения и большая часть артиллерии 2-й танковой армии из-за отсут-

ствия топлива и плохого состояния дорог еще находились в пути. Основные силы 65-й армии генерала Батова совершали 60-километровый пеший марш от мест выгрузки на исходный рубеж и могли вступить в бой не ранее 27 февраля. Преодолевали снежные заносы части 70-й армии. 21-я армия только начала выгружаться в районе Ельца. Конно-стрелковая группа была представлена только 2-м гвардейским кавалерийским корпусом, ее лыжные бригады находились на марше, а танковые полки простаивали в Ливнах в ожидании горючего. Из 20 артиллерийских и минометных полков РВГК, приданных фронту, не прибыл ни один.

«Не могу умолчать о нашем упущении в этой операции, — признает К.К. Рокоссовский. — Поспешность переброски войск в новый район размещения помешала нам предварительно ознакомиться с местностью и одновременно с общевойсковыми соединениями передислоцировать дорожные части с их техникой, а также транспортные подразделения. Забыли об этом и высшие органы, планировавшие операцию вновь созданного фронта. Все стремились к одному — как можно быстрее собрать войска. В результате прибывавшие соединения оказались в тяжелом положении — без дорог, без транспорта... В войсках ощущался острый недостаток всего — продовольствия, фуража, горючего, боеприпасов».

И что же делать? «Но делать нечего, пришлось начать наступление», как выразился генерал Родин, «полуобеспеченное» — с ходу, без подготовки, без разведки, без знания обстановки, без тылов, без средств усиления, при ограниченном количестве топлива и боеприпасов. Очень уж триумфов хотелось.

Первым в наступление перешел 11-й танковый корпус генерал-майора И.Г. Лазарева. Еще вечером 24 февраля его мотострелки, усиленные танковым батальоном, пересекли замерзшую реку Свапа и начали атаку на село Фатеевка. Бой длился почти двое суток и закончился разгромом противника. В то же время севернее, из района Карманова нанес удар 16-й танковый корпус. Опасаясь окружения, немцы оставили Дмитриев-Льговский. Южнее 2-й танковой армии успешно продвигались кавалеристы генерала Крюкова. А вот вой-

ска генерала Батова сразу наткнулись на ожесточенное сопротивление, каждую высоту приходилось брать с тяжелыми боями, в день дивизии 65-й армии продвигались на 2—4 километра.

Вечером 1 марта 11-й танковый корпус очистил от противника город Севск. Сутки спустя, не встречая серьезного сопротивления, части корпуса продвинулись еще на 30 километров и заняли станцию Суземка, а 3 марта — станцию Середина-Буда, перехватив железнодорожную линию Брянск — Конотоп. Наступление 16-го танкового корпуса развивалось медленнее. Заняв Дмитриев-Льговский, к 4 марта корпус смог продвинуться только на 10—15 километров до села Дерюгино. 7 марта армия генерала Родина вышла на левый берег реки Усожа. Кавалеристы вырвались еще дальше: преодолев почти беспрепятственно 120 километров, они вышли к Десне севернее Новгород-Северского.

Рокоссовский утверждает, что генерал Крюков действовал вопреки приказу командующего фронтом закрепиться в районе Севска и произвести разведку в северном и южном направлениях, где было обнаружено скопление крупных сил противника: «Но неугомонного рубаку не так-то просто было унять в его порыве». Он летел вперед, «мало заботясь о разведке на флангах».

В это время коренным образом изменилась обстановка в полосе Воронежского и Юго-Западного фронтов. Рокоссовский доложил в Ставку о том, что в сложившихся условиях о выполнении Центральным фронтом задачи выхода к Днепру «не может быть и речи». Планы пришлось скорректировать: было решено прекратить наступление в западном направлении и силами 2-й танковой, 70-й и 21-й армий нанести удар на север и северо-восток в сторону Карачева и Орла. Командующий фронтом в своем приказе от 8 марта требовал от войск «решительных действий и стремительного наступления». Группа Крюкова и две стрелковые дивизии должны были, заняв в районе Севска оборону фронтом на запад, прикрывать левый фланг ударной группировки.

Однако оставшаяся без горючего и боеприпасов, потерявшая 60% танков (246 машин) и 40% личного состава пехотных и мотострелковых частей 2-я танковая армия не

смогла даже сдвинуться с места. Часть артиллерии и два танковых полка так и не прибыли в район боевых действий, отстав «в среднем на 90 километров». «Сталинских соколов» в воздухе не наблюдалось, зато «гитлеровские стервятники» беспрерывно бомбили боевые порядки советских войск и «возымели на них свое воздействие». Бездействие 16-й воздушной армии маршал авиации С.И. Руденко объясняет отвратительными погодно-климатическими условиями в районе Ельца, где размещались наши аэродромы: в феврале «бушевала метель». Все самолеты были занесены снегом, их и не откапывали еще — бесполезно; в марте «наступила распутица». При этом бывший командарм на одной и той же странице своих мемуаров сообщает, что, с одной стороны, при всем желании, не имелось ни малейшей возможности «поймать хоть полчаса» летной погоды, с другой — на орловском направлении «были случаи, когда гитлеровцы бросали против советских войск сотни самолетов».

Не оправдала надежд 70-я армия. По мнению командующего фронтом: «Действия пограничников были неудачны. Объяснялось это неопытностью старших командиров, впервые оказавшихся в столь сложной обстановке. Соединения вводились в бой с ходу, неорганизованно, по частям, без необходимого обеспечения артиллерией и боеприпасами к ней... Мы убедились, что необходимо заменить командарма и усилить штаб армии более опытными офицерами. Приложили все усилия к тому, чтобы это было сделано поскорее». Не смогла принять участия в операции 21-я армия: 10 марта, в связи «с беспорядком в районе Харькова», она была направлена на юг.

Таким образом, Центральный фронт воевал неорганизованно и «частями». По частям и бил его противник, обладавший куда меньшими силами (а виноват в этом бардаке оказался «неопытный» генерал Тарасов).

12 марта генерал Родин докладывал Рокоссовскому:

«На сегодняшний день положение с горючим не улучшилось, с боеприпасами также, пехота и часть танков продолжают вести бой, а целые части и соединения стоят в тылу без горючего — 10-я зенитно-артиллерийская дивизия, 1188-й иптап, 37-й гв. мп, до 50% артиллерии и танков... Войска армии на р.

Усожа встретили сильное сопротивление противника, ежедневно поддерживаемое бомбардировочной авиацией по 75—100 самолето-вылетов в день, группами от 3 до 15 самолетов...

Удаление станции снабжения, плохое состояние дорог, недостаточная обеспеченность армейским автотранспортом и отсутствие ГМС на фронтовых и армейских базах, а также боеприпасов на фронтовой базе Фатеж не дают возможности подвезти необходимые материальные средства для обеспечения операции...

Вывод:

...2. Армия, понесшая большие потери в пехоте и мотопехоте, а также вследствие недостатка горючего, боеприпасов и растяжки артиллерии и танков в глубоком тылу, встретив новые дивизии противника на втором оборонительном рубеже, имеющимися силами и боевой материальной частью не в состоянии будет выполнить поставленную задачу до подтягивания всех годных танков, артиллерии и пополнения мотострелковых и стрелковых соединений людским составом...

Исходя из изложенного Военный совет армии просит:

а) Не начинать операцию до обеспечения армии горючим и боеприпасами(!)...

г) Прикрыть авиацией основную группировку армии в подготовительном периоде и поддержать наступление армии бомбардировочной и истребительной авиацией...»

В это время «в интересах централизации управления войсками, действовавшими против орловской группировки врага», последовала директива о расформировании Брянского фронта. Его 61-я армия вошла в состав Западного фронта, 3, 13-я и 48-я армии переданы Рокоссовскому. Однако эта реорганизация ничего не изменила в сути.

Немцы упорно сопротивлялись и «подозрительно накапливали силы» против левого крыла фронта, в том числе дивизии, выведенные с Ржевского плацдарма, а 13 марта встречными ударами отрезали вырвавшуюся к Десне конно-стрелковую группу. С большим трудом и тяжелыми потерями она пробилась из окружения и начала поспешно отходить к Севску. В этих условиях Рокоссовский принял решение подчинить группу Крюкова командующему 65-й армией, который должен был организовать оборону по восточному берегу ре-

ки Сев. В район Севска перебрасывались три стрелковые дивизии и 11-я гвардейская танковая бригада (46 танков). Одновременно, несмотря на отчаянные просьбы генерала Родина, 2-я танковая армия получила приказ продолжать наступление на Карачев. Армия начала атаку в северном направлении 17 марта. В этот же день противник с запада атаковал Севск.

Танковые корпуса рванули вперед, преодолели пару километров, потерпели поражение и через два дня откатились на исходные рубежи по реке Усожа. Причем частям 16-го корпуса пришлось выходить из окружения.

27 марта после десятидневных боев советские войска оставили Севск. Командующий Центральным фронтом отдал директиву о переходе к жесткой обороне. В ходе «полуподготовленной операции советские войска продвинулись до 30 километров, потеряв более 70 тысяч человек «людского состава». Потери в танках и артиллерии были относительно невелики (2-я танковая армия, например, безвозвратно утратила 128 машин), поскольку значительная часть боевой техники прибыла к месту событий с большим опозданием либо не прибыла совсем.

После падения Харькова и Белгорода, возникшей угрозы Курску в Ставке возникло понимание того обстоятельства, что пора подумать не о взятии Орла, а о надежном прикрытии Тулы. 28 марта на этом направлении был воссоздан самостоятельный фронт в составе 61-й, 3-й общевойсковых и 15-й воздушной армий. Новый фронт первоначально назвали Курским, потом переименовали в Орловский, затем решили, что Брянский все-таки лучше и звучит привычней. На пост командующего вернулся генерал-полковник М.А. Рейтер.

Войска Центрального фронта закапывались в землю, образовав северный фас Курской дуги.

Рокоссовский извлекал уроки:

«Изучая обстановку, противника и предугадывая характер предстоящих сражений, я невольно задумывался над причинами многих поражений советских войск за прошедший

период, в частности в операции, связанной с потерей Харькова и Белгорода. На мой взгляд, происходило это потому, что нашим Верховным Главнокомандованием при проведении наступательной или оборонительной операции не уделялось должного внимания созданию необходимых резервов, при наступлении расходовались все силы до предела, фронт вытягивался в нитку, отрываясь от своих баз. **Не учитывались возможности противника и состояние своих войск. Желание превалировало над возможностями. Совершенно неудовлетворительной** оказалась наша глубокая оперативная да и стратегическая разведка. Противник при отходе имел возможность создавать крупные группировки и наносить нам неожиданно контрудары, парировать которые было нечем. Отсутствие в глубине нашей обороны оперативных резервов позволяло противнику после прорыва фронта на узких участках **безнаказанно** идти на глубокое окружение советских войск, **а окружив, беспрепятственно уничтожить их. Возникали еще и такие острые вопросы: «распределенческое» управление войсками, место начальника Генерального штаба, роль представителей Ставки...»**

Жирным шрифтом выделено то, что цензура из «невольных мыслей» сочла необходимым вымарать. Так в СССР было принято: партийные «штафирки» указывали боевым маршалам, как надо правильно, с марксистско-ленинских позиций, освещать историю Великой Отечественной войны.

И уж совершенно вразрез с «последними указаниями ВЦСПС» выглядели размышления Рокоссовского по поводу «некоторых вопросов» руководства боевыми действиями: «Обращалось внимание и на несколько непонятное положение в управлении войсками, когда начальник Генерального штаба вместо того, чтобы находиться в центре, где сосредоточено все управление вооруженными силами, убывает на длительное время на один из участков фронта, тем самым выключаясь из управления. Первый заместитель Верховного Главнокомандующего тоже выбывал на какой-то участок, и часто получалось так, что в самые напряженные моменты на фронте в Москве оставался один Верховный Главнокомандующий. В данном случае получалось «распределенческое» управление фронтами, а не централизованное. Я считал, что

управление фронтами должно осуществляться из центра — Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом. Они же координируют действия фронтов, для чего и существует Генеральный штаб».

Весьма невысокого мнения был Константин Константинович и об институте представителей Ставки, исполнявших, по сути, роль сталинских надзирателей в ущерб прямым своим обязанностям: «Исходя из этого, для меня вообще непонятной представлялась роль заместителя Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова и А.М. Василевского, а тем более Г.М. Маленкова под Сталинградом в той конкретной обстановке. Жуков с Маленковым сделали доброе дело: не задерживаясь долго, улетели туда, где именно им и следовало тогда находиться. **Присутствовали они на фронте или нет — от этого здесь ничего не менялось.** А вот пребывание начальника Генерального штаба под Сталинградом и его роль в мероприятиях, связанных с происходящими там событиями, вызывают недоумение...

Уже первые месяцы войны показали нежизненность созданных импровизированных оперативных командных органов «направлений», объединявших управление несколькими фронтами. Зачем же Ставка опять начала применять то же самое, но под другим названием — представитель Ставки по координированию действий двух фронтов? Такой представитель, находясь при командующем одним из фронтов, чаще всего, вмешиваясь в действия комфронта, подменял его. Вместе с тем за положение дел он не нес никакой ответственности, полностью возлагавшейся на командующего фронтом, часто получавшего разноречивые распоряжения по одному и тому же вопросу: из Ставки — одно, а от ее представителя — другое. Последний же, находясь в качестве координатора при одном из фронтов, проявлял, естественно, большую заинтересованность в том, чтобы как можно больше сил и средств стянуть туда, где находился сам. Это чаще всего делалось в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадало проведение не менее сложных операций.

Помимо этого, уже одно присутствие представителя Ставки, тем более заместителя Верховного Главнокомандующего, при командующем фронтом ограничивало ини-

циативу, связывало комфронта по рукам и ногам. Вместе с тем появлялся повод думать о некотором недоверии к командующему фронтом со стороны Ставки».

Впрочем, начальник Генерального штаба маршал Василевский, из 34 месяцев войны 22 месяца проведенный на фронтах (в 1943 году — 10 месяцев), утверждает, что «такая практика являлась не только правильной, но и необходимой», так как при планировании и проведении важных операций только такие большие, обладающие широкими полномочиями и сведениями об общем замысле начальники, как он, или, к примеру, Жуков, изучив обстановку на месте, могли «производить на этой основе более обоснованные расчеты». Более того, «широко применявшаяся Ставкой в период войны практика посылки начальника Генерального штаба на главные фронтовые направления... не только не мешала выполнению им этих основных обязанностей, но, как показал опыт и как я убедился в этом лично, при соответствующей организации его работы на фронте помогала ему в этом, способствовала его более конкретному руководству Генштабом».

В чем, собственно, заключалась работа представителя Ставки на фронте?

Каждый такой представитель и сопровождавшая его свита первым делом «изучали обстановку» и строчили доклады, то есть действовали как еще одна проверяющая инстанция. Затем командующего фронтом знакомили с замыслом предстоящей операции и давали ему обязательные к исполнению рекомендации для принятия «наиболее правильных решений». Хотя, во-первых, проще было вызвать командующего в Москву, что на самом деле и делалось. А во-вторых, какие советы Коневу, Ватутину или Рокоссовскому могли давать такие дилетанты, как проваливавший любое порученное дело маршал или «красный профессор», нарком Госконтроля? Кроме того, представитель Ставки должен был обеспечивать решение вопросов стратегического взаимодействия курируемых фронтов и выбивания для них максимально возможных материальных и людских ресурсов, хорошо бы с избытком. При этом, координируя действия двух-трех фронтов, ни Жуков, ни Василевский, ни тем более кто-то другой не

имели права без санкции Верховного Главнокомандующего перебросить с одного фронта на другой ни одной дивизии или изменить в интересах дела установленные Ставкой разграничительные линии.

Спрашивается, что такого особенного вершил представитель Ставки, чего нельзя было доверить командующему фронтом? Только две вещи — контроль «за неуклонным выполнением» и ежедневный личный, «точный и объективный», доклад Верховному. Так что, скорее всего, речь и вправду идет о «некотором недоверии», для которого имелись причины, и всеохватывающем контроле. Иначе система и не могла работать — аксиома ленинизма.

«Распределенческое» управление тоже имело место быть, что вполне естественно. Невозможно болеть за всю державу, если тебя назначают ответственным за конкретную операцию на конкретном фронте, на других фронтах есть свои представители — пусть у них голова и болит.

«Не хочется приводить многочисленные конкретные факты о необоснованных или, прямо скажем, безграмотных заявках, — сообщает по этому поводу бывший начальник ГАУ маршал артиллерии Н.Д. Яковлев, — разве что упомяну о поведении уполномоченного Ставки Л.З. Мехлиса, который в марте 1942 года прислал в ГАУ с десяток возмутительно грубых телеграмм, добиваясь новых поставок боеприпасов для войск на Керченском полуострове. Хотя он по своей скверной привычке грозил репрессиями, мы в ГАУ знали, что обеспеченность войск на Керченском полуострове была сверхдостаточной... Итог этого прискорбного дела был таков: при отходе с Керченского полуострова наши войска оставили свыше 4000 вагонов боеприпасов...

Трудно не вспомнить А.М. Василевского, который одно время хлопотал об обеспечении фронтов артвооружением и боеприпасами как представитель Ставки... Считая потребности своих войск особыми, он проявлял необычайную настойчивость перед центром».

Фронтов было много, безграмотных и бездарных генералов, выдвинутых в командующие «из батраков», — еще больше. Талантливых военачальников можно было пересчитать по пальцам. Война потребовала «гинденбургов», а в наличии

оказались К.Е. Ворошилов, Я.Т. Черевиченко, Ф.И. Кузнецов и прочие «лихие рубаки». Вот и мотались по всем направлениям «товарищ Константинов» и «товарищ Михайлов», выясняя для Верховного реальную обстановку, помогая организовывать и проводить операции, выбивая под них необходимые средства. Одних командующих, рассчитывавших, в случае неудачи, разделить ответственность и прикрыться чужим авторитетом, такое положение устраивало, другим — активно не нравилось. Поэтому и отношение к представителям Ставки было разным, и мнения о приносимой ими пользе высказывались противоречивые.

«Но в целом, — утверждает С.М. Штеменко, — деятельность представителей Ставки себя оправдала. Обстановка требовала присутствия на фронтах лиц, которые обладали бы опытом и властью, позволяющими быстро решать важнейшие вопросы, нередко выходящие за рамки компетенции командующего фронтом. Продолжительная работа непосредственно в действующей армии, на главных направлениях Г.К. Жукова предопределялась прежде всего его положением заместителя Верховного Главнокомандующего.

Что же касается А.М. Василевского, то он, конечно, должен был больше находиться в Генеральном штабе. Но Верховный Главнокомандующий по этому поводу ни с кем не советовался».

Товарищ Сталин был сам себе Генштаб, а организацию, официально существовавшую под этой вывеской, долгое время считал подобием некой военной канцелярии, которая нужные бумаги готовит и карты раскрашивает. Как сформулировал один из семи начальников Оперативного управления В.М. Злобин: «Мы, по существу, превратились в простых технических передатчиков не только принимаемых, но и уже оформленных там решений». Зато любое успешное сражение можно будет представить как очередное достижение «сталинского полководческого гения».

Но вот разгромить группу армий «Центр» в очередной раз не получилось. Не имевшее оперативных резервов командование группы сумело осуществить маневр силами и

отразить натиск трех советских фронтов благодаря, кроме вышеназванных причин, блестяще проведенной эвакуации ржевско-вяземского выступа.

На этом выдвинутом в сторону Москвы плацдарме, имевшем глубину 160 и ширину у основания 200 километров, занимали оборону 29 немецких дивизий из состава 9-й полевой и 4-й танковой армий.

Наличие крупной вражеской группировки численностью 250 тысяч человек всего в 150 километрах от столицы изрядно нервировало советское руководство. На протяжении всего 1942 года Красная Армия, пытаясь ликвидировать потенциальную угрозу, неустанно и безуспешно «пилила» ржевский выступ, щедро оплачивая своей кровью каждый отвоеванный метр. Только в трех битвах, длившихся в общей сложности 154 дня, было потеряно почти 1,2 миллиона человек, в том числе 400 тысяч безвозвратно. Если в 1942 году Красная Армия на всех фронтах среднесуточно теряла убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести примерно 9000 человек (Вермахт — 1500), то под Ржевом, Вязьмой и Сычевкой каждый день ложились в землю свыше 2500 бойцов и командиров.

Гитлер до последней возможности старался сохранить в своих руках «пистолет, направленный в грудь Москвы», и немецкая пехота прочно удерживала 530-километровую линию Пречистое — Белый — Ржев — Карманово — западнее Юхнова — Милятино. В этих сражениях взойшла полководческая звезда командующего 9-й армией Вальтера Моделя, признанного «мастером обороны». Давая характеристику этому генералу, в будущем тоже ставшему фельдмаршалом, Манштейн писал: «По своему характеру он был оптимистом, не признававшим трудностей. Его кипучая энергия, его стремление добиться хороших личных отношений с главными деятелями режима импонировали Гитлеру... Эти качества сочетались у него с уверенностью и способностью твердо выражать свое мнение. Во всяком случае, Модель был храбрым солдатом, не щадившим своей жизни и требовавшим этого от подчиненных, хотя и нередко в грубой форме. Его часто можно было видеть на критических участках его фронта... Моделю не удалось пожать лавры победы в качестве руково-

дителя какой-нибудь смелой операции. Он все в большей степени стал играть роль человека, которого Гитлер ставил на угрожаемом или на пошатнувшемся участке фронта, чтобы восстановить положение, и Модель добивался многого при выполнении этих задач».

В конце концов судьба Ржевского плацдарма решилась на юге. После поражения под Сталинградом, положившего конец мечтам о новом походе на Москву, Цейтлер и Клюге вырвали у Гитлера согласие убрать немецкие дивизии из ржевско-вяземского выступа и за счет сокращения фронта перебросить их в район Орла, где назревал новый кризис. Помешать этому маневру теоретически должны были занимавшие охватывающее положение по отношению к немецкой группировке одиннадцать армий (43, 41, 22, 39, 30, 31, 20, 5, 33, 49, 50-я — 876 тысяч человек) Калининского и Западного фронтов, которыми командовали генералы М.А. Пуркаев и В.Д. Соколовский. На практике ничего не вышло.

На подготовку «великого отступления» под кодовым наименованием «Движение буйвола» генерал Модель получил четыре недели февраля 1943 года. За это время необходимо было создать промежуточные рубежи обороны, проложить дополнительно 850 километров дорожной сети, подготовить к вывозу склады с имуществом, промышленное и сельскохозяйственное оборудование, запасы зерна и крупный рогатый скот, отработать тактику и график отхода четвертьмиллионного воинского контингента и эвакуации около 60 тысяч гражданских лиц, запятнавших себя сотрудничеством с оккупантами и имевших серьезные основания избегать встреч с бдящими органами Советской власти.

Вечером 1 марта немецкие дивизии, оставив пулеметные заслоны, снялись с позиций на берегу Волги и отступили на 30 километров. Этот маневр не остался незамеченным. Ставка ВГК приказала Калининскому и Западному фронтам начать энергичное преследование, широко применяя обходные движения, подвижными отрядами выйти на тылы врага, отрезать ему пути отхода и разгромить ржевско-вяземскую группировку. Наступление началось 2 марта при поддержке 3-й и 1-й воздушных армий. Однако ни выйти на тылы супостата, ни разгромить его, ни задержать, ни даже догнать Пур-

каеву с Соколовским не удалось. Противник под прикрытием сильных арьергардов строго по графику осуществлял планомерный отход от рубежа к рубежу, взрывая попутно мосты, разрушая дороги, демонтируя рельсы и сматывая сотни километров телефонных проводов. Как обычно, вместе с немцами исчезала «развитая дорожная сеть», а раскисшая с наступлением весны лесисто-болотистая местность в значительной степени «сковывала» маневр наших подвижных групп. Была и другая причина, заставившая советские армии резко притормозить свой разбег, в советских источниках упоминаемая вскользь, — «широкое применение противником различных заграждений». Имеется в виду примененное Моделем тотальное минирование всего и вся.

Вот как это выглядело в описании Пауля Кареля: «Этимидьявольскими яйцами были буквально вымощены эвакуированные немецкие позиции, окопы и блиндажи, переправы через реки и ручьи, размокшие дороги и перекрестки. Соединенные заряды коварно располагались в фальшивых камнях на дорогах. Но в этом виде традиционного минирования для русских не было ничего нового. При отступлениях в первые два года войны они приобрели в этой области богатый опыт и стали непревзойденными мастерами в искусстве минной войны. В результате они знали, где ожидать минирования и как обезвредить эти подарки. Обычное минирование, таким образом, не могло надолго остановить их на открытых пространствах. Требовалось придумать что-либо более эффективное...

Опытные саперы 9-й армии придумали совершенно новый способ прятать свои мины. Они крепили взрывные устройства к входным дверям в жилые дома. Когда дверь открывали, смерть била с порога огнем и осколками. Детонаторы скрытых противотанковых мин цепляли тонкой проволокой к окнам. Открывали окно — смерть. Смерть могла таиться за безобидными лестницами, ручными тележками, лопатами и заступами. Коварные адские машины скрывались в печках, скрепленные проволокой с печной заслонкой. Они присоединялись к крышкам соблазнительно приоткрытых коробок с «документами» — всегда предмет особого интереса русских...

Эффект такой минной войны был ошеломляющим. Чего не могли добиться самые крупные силы прикрытия, мины выполняли самым впечатляющим образом. За первые двадцать четыре часа своего яростного преследования русские понесли такие тяжелые потери в «адских садах» Ржева, что возникла своего рода паника. Воздух гудел от русских радиogramм с предупреждениями, наводящими ужас донесениями и настойчивыми инструкциями быть предельно осторожными. Боязнь скрытых немецких мин преследовала русские войска, как привидение, эффектно замедляя их наступление».

В итоге темп нашего продвижения составлял не более 6—7 километров в сутки. По мере ухода немцев советские войска 3 марта освободили Ржев, 8 марта — Сычевку, 10 марта — Белый, а 12 марта — Вязьму. 22 марта они вышли к заранее подготовленному оборонительному рубежу противника северо-восточнее Ярцево — Спас-Деменск — позиция «Буйвол», где встретили яростное сопротивление и вынуждены были остановиться. Попытки прорвать здесь немецкую оборону предпринимались до конца месяца. Общие потери двух советских фронтов составили в марте 138 тысяч человек.

Возможно, догнать уходящих «фрицев» красноармейцы не смогли еще и потому, что, мягко говоря, недостаточно хорошо питались, недополучали калории. А местами — на Калининском, к примеру, фронте — попросту пухли от голода и умирали от дистрофии под чутким командованием генерал-полковника М.А. Пуркаева. Если верить жуковской характеристике, Максим Алексеевич Пуркаев (1894—1950), куда успешнее истреблявший собственных солдат, чем вражеских, «был опытный и всесторонне знающий свое дело генерал, человек высокой культуры, штабист большого масштаба». Организация кормления собственных бойцов не требовала ни большого опыта, ни особой культуры, но, видимо, масштаб вопроса был для генерала мелковат. Соответственно и вполне сытые командармы мало интересовались состоянием дел на передовой.

Комиссия ГКО во главе со Щербаковым установила, что на Калининском фронте продовольствие на позиции просто

не доставляли, в результате чего в первом квартале 1943 года умерли от голода 76 бойцов.

Пуркаева, вместо того чтобы содрать с него лампы и повесить перед строем, как гитлеровского агента, «наказали» перемещением на должность командующего войсками Дальневосточного фронта. Вместо него в действующую армию вернулся из санатория генерал Еременко, с возмущением писавший в дневнике: «К сожалению, некоторые командиры, одни по халатности, другие по нерадивости, уделяли мало внимания вопросам питания... Что я обнаружил в 43-й армии (*именно эта армия, занимавшая позицию у северного основания ржевско-вяземского выступа, должна была отсекать пути отхода и выходить на тылы противника, но даже не сдвинулась с места.* — В.Б.)? Командующий армией генерал-лейтенант Голубев вместо заботы о войсках занялся обеспечением своей персоны. Он держал для личного довольствия одну, а иногда и две коровы (для производства свежего молока и масла), три-пять овец (для шашлыков), пару свиней (для колбас и окороков) и несколько кур. Это делалось у всех на виду, и фронт об этом знал... Может ли быть хороший воин из такого генерала? Никогда! Ведь он думает не о Родине, не о подчиненных, а о своем брюхе. Ведь подумать только — он весит 160 кг. КП Голубева, как трусливого человека, размещен в 25—30 км от переднего края и представляет собой укрепленный узел площадью 1—2 гектара, обнесенный в два ряда колючей проволокой. Посередине — новенький рубленый, с русской резьбой пятистенки, прямо-таки боярский теремок. В доме четыре комнаты, отделанные по последней моде, и подземелье из двух комнат... Подземелье и ход отделаны лучше, чем московское метро. Построен маленький копильный завод. Голубев держит человека, хорошо знающего ремесло копчения. На это строительство затрачено много сил и средств, два инженерных батальона почти месяц трудились... Это делалось в то время, когда чувствовалась острая нехватка саперных частей для производства инженерных работ на переднем крае». Генерал-лейтенант К.Д. Голубев еще больше года, под водочку и шашлыки, продолжал командовать 43-й армией, когда в мае 1944 года все-таки был снят с должности по представлению Баграмяна. Вот инте-

ресно, чего это Константин Дмитриевич мог после войны преподавать «в высших военных учебных заведениях»? (В связи с этим вспоминается рассказ Альберта Шпеера о том, как начальник штаба сухопутных сил генерал Цейтлер в знак солидарности с голодающими в Сталинграде войсками урезал свой рацион до размера их пайка. За две недели он похудел на двенадцать килограммов и лишь по личному приказу Гитлера прекратил свою «диету». У нас же в вымирающем, заваленном трупами Ленинграде специальный цех делал пирожные для товарища А.А. Жданова, потреблявшего их с невозмутимостью истинного ленинца.)

В заключение темы откровение от рядового 311-й стрелковой дивизии Н.Н. Никулина: «Поразительная разница существует между передовой, где льется кровь, где страдание, где смерть, непосильная работа, жара летом, мороз зимой, где и жить-то невозможно, — и тылами. Здесь, в тылу, другой мир. Здесь находится начальство, здесь штабы, стоят тяжелые орудия, расположены склады, медсанбаты. Изредка сюда долетают снаряды или сбросит бомбу самолет. Убитые и раненые тут редкость. Не война, а курорт!

Те, кто на передовой, — не жильцы. Они обречены. Спасение им — лишь ранение. Но многие из тех, кто в тылу, останутся живы, если их не переведут вперед, когда иссякнут ряды наступающих. Они останутся живы, вернутся домой и со временем составят основу организаций ветеранов. Отрасят животы, обзаведутся лысынами, украсят грудь памятными медалями, орденами и будут рассказывать, как геройски они воевали, как разгромили Гитлера. И сами в это уверуют! Они-то и похоронят светлую память о тех, кто погиб и кто действительно воевал! Они представят войну, о которой мало что знают, в романтическом ореоле. Как все было хорошо, как прекрасно! Какие мы герои! И то, что война — ужас, смерть, голод, подлость, подлость и подлость, отойдет на второй план. Настоящие же фронтовики, которых осталось полтора человека, да и те чокнутые, порченые, будут молчать в тряпочку. А начальство, которое тоже в значительной мере останется в живых, погрязнет в склоках: кто воевал хорошо, кто плохо, а вот если бы меня послушали!»

Генералу Моделю удалось в течение трех недель отвести немецкие войска с Ржевского плацдарма, практически не вступая в контакт с частями РККА. Сокращение фронта на 330 километров позволило командованию группы армий «Центр» высвободить 12 дивизий, включая три танковые, и перебросить их в районы Орла и Брянска. Потому и не оправдались надежды Рокоссовского и Батова на то, что прорыв кавалеристов Крюкова и танкистов Родина к Десне вынудит противника для парирования удара снимать силы с орловского плацдарма, облегчая тем самым задачу Западного и Брянского фронтов: «Противник в районе Орла ни одной части не вывел из боя и в то же время бросил против войск Родина и Крюкова девять дивизий, в том числе танковые и моторизованные, которые немецкое командование подводило на Орловский плацдарм».

В результате ликвидации ржевско-вяземского выступа часть советских войск вроде бы тоже «высвободилась», однако их группировка на западном направлении осталась без изменений, две армии — 41-я и 20-я — были выведены в резерв, а затем расформированы.

Генерал Модель за эту операцию получил Мечи к Рыцарскому кресту.

Кубанский плацдарм

В начале апреля 1943 года на всем советско-германском фронте от Баренцева до Азовского моря наступило беспрецедентное трехмесячное затишье. Лишь на Кубани пушки загромыхали с удвоенной силой. Это маршал Жуков «громил» 17-ю немецко-румынскую армию.

Еще в феврале Гитлер приказал Клейсту передать все, что возможно, группе армий «Юг». Тем самым фюрер положил под сукно иллюзорный план оперативного использования кубанского плацдарма. До середины марта морем и по воздуху с него вывезли более 100 тысяч солдат и 10 тысяч советских военнопленных. На Кубани осталось 10 пехотных, 2 кавалерийские и 9-я зенитная артиллерийская дивизии, имея задачей «сковывание большого количества русских

войск, ограничение возможностей к активным действиям русского флота, облегчение обороны Крыма».

В составе Северо-Кавказского фронта тоже произошли некоторые изменения. 16 марта Ставка ликвидировала управление Черноморской группы, а генерала И.Е. Петрова утвердила первым заместителем командующего войсками и начальником штаба фронта. Управления 46-й и 47-й армий были выведены в резерв. Всего в войсках насчитывалось 330 тысяч человек, 1459 орудий и 3144 миномета. В 4-й и 5-й воздушных армиях и группе АДД имелось 510 самолетов, не считая авиации Черноморского флота.

Линия противостояния проходила по восточному берегу Новороссийской бухты, через станицы Неберджаевская, Крымская, Славянская, Петровская до Азовского моря восточнее устья Кубани.

4 апреля войска Северо-Кавказского фронта начали новое наступление с целью расчленить и уничтожить вражескую группировку, но у противника «оказалось большое количество пулеметов», и атаки захлебнулись кровью. 14 апреля начали наступать снова, и через два дня прекратили с тем же результатом. 17 апреля 5-й армейский корпус генерала Ветцеля приступил к операции «Нептун» — попытался ликвидировать советский плацдарм на Малой земле и «выровнять линию фронта». Однако «фанатично сражающиеся русские солдаты и матросы» буквально вросли в землю, каждая позиция стоила немцам больших потерь и доставалась им только после гибели последнего защитника.

Между тем возвратившийся из Белгорода в Москву маршал Жуков, предполагая, что немецкое командование намерено активно использовать 17-ю армию в летней кампании, предложил, не откладывая в долгий ящик, поскорее ликвидировать таманский плацдарм. Да кто ж против? Войска Северо-Кавказского фронта только этим и занимались, но что-то не ладилось у генерала Масленникова, хоть и присылали ему на помощь видного члена ГКО Л.П. Берия.

На этот раз Сталин ответственным за «ликвидацию» назначил Жукова.

18 апреля в Краснодар прилетела весьма представительная группа товарищей в составе: заместитель Верховного

Главкомандующего маршал Г.К. Жуков, командующий ВВС маршал авиации А.А. Новиков, нарком ВМФ адмирал Н.Г. Кузнецов, заместитель начальника Оперативного управления Генштаба генерал С.М. Штеменко. Группа не просто «вмешивалась в действия комфронта» Масленникова, а натурально «подменила его». Вместе с представителями Ставки на Северо-Кавказский фронт прибыли «мощные резервы» — артиллерия РВГК, гвардейские минометы, эшелоны с горючим и боеприпасами. Вслед за маршалом Новиковым на аэродромах Кубани приземлились 300 самолетов из состава 3-го истребительного авиакорпуса генерала Е.Я. Савицкого, 2-го бомбардировочного генерала В.А. Ушакова, 2-го смешанного авиакорпуса генерала Е.Т. Еременко и 287-й истребительной авиадивизии полковника С.П. Данилова. Общая численность ВВС фронта достигла 900 самолетов, 800 из них составляла фронтовая авиация: 270 истребителей, 170 штурмовиков и прочее. Еще 200 машин были «на подлете». Чуть позже прибыла 62-я дальнебомбардировочная дивизия генерала Г.Н. Тупикова.

Ознакомившись с обстановкой, Жуков решил «искать решения задачи южнее Кубани» и велел устроить себе штаб в расположении 56-й армии генерала А.А. Гречко. Командующему фронтом Георгий Константинович «предложил» разместить свой КП неподалеку. Здесь же был развернут вспомогательный пункт управления ВВС фронта. Пока шла подготовка к операции, маршал Новиков организовал «авиационное наступление». С 19 по 23 апреля четыре воздушные армии, ВВС Черноморского флота и авиация дальнего действия наносили массированные удары по аэродромам Крыма и Таманского полуострова, по боевым порядкам вражеских дивизий в районе Новороссийска. По нашим данным, было уничтожено и повреждено до 250 самолетов противника. Генерал Ветцель, во избежание дальнейших потерь, вынужден был 21 апреля свернуть операцию «Нептун». Над Кубанью разгорелось грандиозное воздушное сражение, в котором обе стороны задействовали всю свободную авиацию. «Небо буквально кишело самолетами», — утверждает очевидец.

Согласно плану, разработанному лучшими оперативными умами Красной Армии, главный удар на Крымскую наносила 56-я армия (2-я гвардейская, 339, 61, 55, 383, 394, 353-я стрелковые, 83-я горнострелковая дивизии, 11-я дивизия НКВД, 7-я гвардейская и 76-я морская стрелковые бригады). Из средств усиления генералу А.А. Гречко передавались два гаубичных, три пушечных, два истребительно-противотанковых, четыре гвардейских минометных полка, три артполка ПВО, два зенитно-артиллерийских дивизиона, пять дивизионов гвардейских минометов, три танковых и один самоходно-артиллерийский полк, два отдельных танковых батальона. Перед войсками армии оборонялся 44-й армейский корпус, имевший в своем составе 97-ю и 101-ю немецкие егерские, 3-ю и 19-ю румынские пехотные дивизии. После овладения узлом сопротивления в Крымской предполагался прорыв на Верхне-Баканский и к исходу четвертого дня выход в тыл новороссийской группировке противника навстречу 18-й армии генерала Леселидзе.

На правом фланге фронта 9-я армия генерала Глаголева должна была форсировать Кубань и развивать успех в глубь Таманского полуострова. 37-й армии генерала Козлова предстояло наступать прямо на запад, на станицу Варениковскую. Остатки сильно потрепанной 58-й армии — в начале марта немцы окружили и практически полностью уничтожили в плавнях ее ударную группу из трех дивизий — отводились на оборону побережья Азовского моря.

29 апреля в 7 часов 40 минут началась артиллерийская подготовка: «100 минут вся артиллерия и авиация фронта долбила оборону противника». Долбила, да не выдолбила.

«383-я стрелковая дивизия с 257-м танковым полком наступала непосредственно на Крымскую, — вспоминает генерал К.И. Провалов. — Почти сразу же стало ясно, что огневые средства противника полностью подавить не удалось. Укрытые в железобетонных сооружениях, они встретили нас сильным артиллерийским и минометным огнем... В ходе первой атаки мы потеряли 13 танков и в последующем были вынуждены вгрызаться в оборону противника одними стрелковыми подразделениями при поддержке авиацией и артиллерией. Бои эти отличались огромным упорством с обеих

сторон, а значит, и необыкновенной жесточенностью. Фашисты часто и мощно контратаковали... Потери были большими. Три батальона 694-го стрелкового полка, например, пришлось даже объединить в один — настолько полк обескровел. Точно такое же положение было и у наших соседей: справа — у 2-й гвардейской, слева — у 61-й стрелковых дивизий».

Кстати, генерал сам же и разъясняет причины неэффективной работы советской артиллерии: «До войны, будучи слушателем Военной академии имени М.В. Фрунзе, я потратил, как и все мои товарищи, немало сил и времени на то, чтобы получше изучить артиллерийское дело, по крайней мере — его тактико-боевую сторону. Особое удовлетворение мы испытывали оттого, что научились уверенно делать так называемые «погектарные» расчеты, то есть мы умели вычислить, сколько снарядов и какого калибра нужно положить на один гектар, чтобы на этой площади уничтожить всю живую силу противника. Или, скажем, частично уничтожить. Но в наступлении «погектарные» расчеты частенько оказывались просто несостоятельными. Боевая практика убедительно доказывала, что даже при полном расходе боеприпасов наша артиллерия, ведя огонь по площадям, не может подавить те огневые средства врага, которые находятся в мощных дерево-земляных и особенно железобетонных укрытиях...

Для того чтобы артиллеристы могли, как в период артподготовки, так и в ходе наступления, эффективно расчищать путь пехоте и танкам, **каждое орудие, каждая батарея, каждый дивизион должны стрелять по конкретным целям, чаще всего, что называется, точечным.** Эти цели нужно, разумеется, всеми видами разведки **выявить до наступления...** В боевых порядках стрелковых подразделений и частей **необходимо иметь артиллерийского специалиста, офицера-наводчика со средствами связи, способного быстро и решительно корректировать артогонь».**

Одним словом, «погектарное долбление» и есть то самое «безумное расшвыривание снарядов», о котором писал Н.Д. Яковлев, и в дальнейшем наша пехота ходила в атаки без всякой огневой поддержки.

Непрерывный штурм станицы Крымской длился шесть дней и 4 мая завершился успехом, первым и последним в этой операции. Продвинувшись вперед до 8 километров, 56-я армия окончательно уперлась в «Голубую линию» — мощный оборонительный рубеж, протянувшийся на 113 километров от Черного до Азовского моря.

До конца мая войска Северо-Кавказского фронта каждый день ходили в решительные атаки — безрезультатно. Маршал Жуков тосковал и, доставая из футляра баян, вечерами задумчиво «выводил грустную, всем тогда знакомую мелодию».

Подводя общие итоги Краснодарской наступательной операции, капитальный труд «Битва за Кавказ» сообщает: «За время февраля по июнь 1943 года советские войска уничтожили около 40 тысяч и взяли в плен 5 тысяч солдат и офицеров противника, захватили 339 орудий, 180 минометов и много другого вооружения и военного имущества».

О чем сей труд не сообщает: потери Северо-Кавказского фронта «с февраля по июнь» составили 255 тысяч человек — 65% первоначального состава, в том числе 72 тысячи убитыми и умершими от ран.

Задача очистить Таманский полуостров осталась невыполненной: «Представителю Ставки делать здесь было нечего. Г.К. Жуков, а с ним все мы отбыли в Москву». Координаторы и представители улетели 15 мая — готовиться к новым ответственным задачам. Хотя операцией руководил Жуков со товарищи, с должности командующего Северо-Кавказским фронтом слетел генерал Масленников.

Официально активные боевые действия закончились 24 мая, а утром 26 мая, сообщает А.А. Гречко, «после мощной артиллерийской и авиационной подготовки войска 56-й и 37-й армий» снова перешли в наступление. И переходили в него до конца июля, потеряв в боях местного значения еще 200 тысяч человек.

Часть 2

ХРЕБЕТ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ

ПЛАН «ЦИТАДЕЛЬ»

К весне 1943 года Вермахт на Восточном фронте был отброшен на 600, местами на 700 километров, потеряв в «битве с большевизмом» 26 дивизий, уничтоженных почти поголовно, и большую часть территориальных приобретений 1942 года. Однако последовавшее вслед за этим поражение Красной Армии под Харьковом напомнило Кремлю, что германские вооруженные силы, проиграв Сталинградскую битву, еще не проиграли войну. Под занавес зимней кампании немцам удалось стабилизировать фронт на южном крыле, вернуть себе инициативу и чувство морального превосходства.

Тем не менее, приступая к перспективному планированию военных действий, германское верховное командование сознавало, что, ввиду сложившейся стратегической обстановки, нехватки сил и средств, проведение крупных наступательных операций с далеко идущими целями летом 1943 года уже невозможно. Несгибаемый фюрер и тот, признав публично в узком кругу свою личную ответственность за Сталинград, на некоторое время притих: «В первый раз за двадцать лет Гитлер молчал. У него не было идей... Даже в своем тесном кругу Гитлер мало говорил о большой стратегии, но подолгу распространялся о новом оружии, которое восстановит военное превосходство рейха. Он не мыслил никаких грандиозных задач для армии, кроме сохранения того, что было завоевано...»

Общие потери вооруженных сил Германии с января до конца апреля составили 860 тысяч человек, в том числе почти 300 тысяч убитыми и пропавшими без вести, 2900 танков и

967 самоходных установок (общая численность танкового парка снизилась до 2504 единиц), более 9000 самолетов. Убыль личного состава на Восточном фронте в первом квартале достигла 689 тысяч человек, из которых восполнить удалось только 371 тысячу. Восстановить штатную численность соединений было нечем и некем, остро встала проблема нехватки опытных командиров и технических специалистов. Войска союзников, и ранее не отличавшиеся выдающейся боеспособностью, теперь лишились ее начисто. Стабильно ухудшалась обстановка на Западе, где была проиграна подводная война (американская индустрия клепала транспорты и авианосцы конвейерным способом, восстанавливая брутто-тоннаж вчетверо быстрее, чем «волчи стаи» адмирала Деница успевали его топить, в то время как потери немецкого подводного флота резко возросли) и война в воздухе («Крупные массированные авиационные налеты американской и английской авиации достигли Берлина и с этого момента распространились на самые отдаленные районы Германии и превратились в обыденное явление» — к уничтожению экономического потенциала присоединился 8-й воздушный флот США). На Африканском континенте пришлось расстаться с большей частью Ливии, во второй половине марта началось англо-американское наступление в Тунисе, требовавшее наращивания немецких сил в Средиземноморье — на деморализованных итальянцев, впавших «в состояние брожения» и взывавших о помощи, не было никакой надежды. Неотвратимо приближался день «Д» — высадка союзников в Европе.

Поэтому штаб ОКВ рекомендовал на Востоке перейти к стратегической обороне и войне на истощение. Сократить, если понадобится, линию фронта. На отдельных участках провести ограниченные наступательные операции с единственной целью: перемолоть силы противника, обескровить его и сорвать тем самым прогнозируемое генеральное наступление Красной Армии. Иными словами: «Если Советы намерены изгнать нас из своей страны, то пусть они сами несут тяжесть и потери в наступлении, в котором они, может быть, истекут кровью... Должны же в конце концов иссякнуть на-

ступательные силы русских!» После чего следовало перебросить «сэкономленные» дивизии для отражения вторжения с Запада.

Германские стратеги уже не рассчитывали разгромить Советский Союз, но, предполагая нанести ему людские потери, несовместимые с продолжением активных боевых действий, лелеяли надежду достичь в войне «ничейного результата» и, будет на то воля фюрера, заключить со Сталиным почетный сепаратный мир. В крайнем случае, можно обойтись и без фюрера.

Штаб ОКХ не слишком промахнулся в своих подсчетах, когда утверждал, что с начала войны СССР потерял убитыми, пленными и «не способными нести строевую службу» 11 миллионов человек. Согласно нынешним официальным данным, потери Красной Армии убитыми и пропавшими без вести к 31 марта 1943 года достигли 6,8 миллиона человек. Ранеными, контужеными, обмороженными — 6,9 миллиона. Из числа последних умерли в госпиталях 387 тысяч, и бог весть сколько потеряли «способность нести строевую службу». (В германской армии из госпиталей не возвращались в строй 12—15%. Даже этот процент в применении к нашим цифрам, если принять на веру, что советская военная медицина ни в чем не уступала немецкой, дает более миллиона инвалидов.) Миллионы потенциальных призывников находились под немецкой оккупацией.

Итого, советские безвозвратные потери с 22 июня 1941 года по 31 марта 1943-го составили, как минимум, 7,1 миллиона бойцов и командиров. Немцы за этот же период оценивали свои потери на Восточном фронте убитыми и ранеными примерно в один миллион человек — в семь раз меньше.

Вообще безвозвратные потери Вермахта на всех фронтах (без войск союзников, но с учетом граждан других государств, в том числе и советских граждан, надевших немецкую форму), во всех сражениях Второй мировой войны — с 1 сентября 1939 года до момента капитуляции в мае 1945-го — составили 7,8 миллиона человек (из них 3,3 миллиона пленными).

В рамках принятой концепции штаб группы армий «Юг» одним из первых представил ОКХ план «ответного удара». Манштейн, развернув «шахматную доску» и двигая фигуры за «красных», видел у них, за явным количественным преимуществом, сразу несколько возможностей: осуществить прорыв на южном фланге группы армий «Север» и прижать ее к Балтийскому морю, взять в клещи Орловский выступ и уничтожить значительные силы группы «Центр», нанести мощный удар в районе Харькова. Но наиболее вероятной с точки зрения достижения оперативных и военно-экономических целей фельдмаршалу представлялась повторная попытка Красной Армии ударами с севера и востока отвоевать Донбасс. Исходя из этого и будучи уверенным в качественном превосходстве «коричневых» по части мобильности и тактического умения, Манштейн предлагал сосредоточить крупные силы в тылу северного фланга группы армий «Юг», дожидаться атаки противника на южном крыле, измотать его упорной обороной, затем запланированным «паническим» отходом уступить Донецкий бассейн, пропустить «красных» к побережью Азовского моря и уничтожить их внезапным ударом с северо-запада: «Целью операции должны быть не территориальные цели (как в 1942 г. Сталинград или Кавказ), а уничтожение войск противника на важном фланге путем окружения его у побережья Азовского моря».

Как и следовало ожидать, Гитлеру рискованный план, предусматривавший оставление Донбасса, категорически не понравился.

«В этом отношении, — сокрушается Манштейн, — ему недоставало смелости или веры в свое искусство вождения войск, а также в искусство своих генералов». Это точно! Фюрера просто тошнило от своих генералов, смевших вслух рассуждать о «дилетантском военном руководстве» и гробивших своим идиотизмом великолепные планы «генератора немецкой нации». (За такие разговорчики в январе 1942 года слетел с должности прямиком в бессрочную отставку командующий 4-й танковой армией и активнейший заговорщик генерал-полковник Эрих Хепнер. Диктатор в ярости лишил его...

Нет, не головы, — орденов, пенсии, права на ношение мундира и служебной квартиры. Но: «Хепнер отказался признать этот противозаконный приказ (!), а у юристов из главного командования сухопутных войск хватило мужества доложить Гитлеру, что он не имеет права (!!)) выносить подобные решения». Сразу приходит на ум послевоенное дело генералов Кулика, Гордова, Рыбальченко: то ли на кухне, то ли в сортире пошептались они об ошибках генералиссимуса в кадровых вопросах, и привет → «измена Родине», к стенке.)

«Его мнение о генералитете как о таковом уничижительное. Порой оно столь язвительное, что кажется несправедливым... — заносил в дневник имперский министр пропаганды Йозеф Геббельс. — Он говорит, что все генералы лгут. Да он их просто терпеть не может, ведь они его так часто разочаровывали».

С некоторых пор даже «лучший оперативный ум», желавший проводить «только гениальные операции», не упускавший случая напомнить о своих заслугах, высказывавший особое мнение по всем вопросам и к тому же любивший изъясняться высокопарно, стал Гитлера раздражать.

Однако внимание фюрера привлекла не реализованная до начала весенней распутицы идея Манштейна ликвидировать занятый советским войсками, выдававшийся далеко на запад Курский выступ: «Эта врезающаяся в наш фронт дуга была для нас не просто неудобным обстоятельством. Она удлиняла наш фронт почти на 500 км и требовала для ее удержания на севере, западе и юге значительных сил. Она прорезала железные дороги, которые вели из района группы «Центр» в Харьков и были для нас важными коммуникациями за линией фронта. Наконец, эта дуга могла служить противнику исходным пунктом для наступления как на северном фланге ГА «Юг», так и на южном фланге ГА «Центр». Особую опасность она представляла на случай, если было бы решено нанести контрудар из района Харькова против советских сил, наступающих на участке ГА «Юг»... При одновременном наступлении с юга и с севера можно было отрезать в ней сравнительно большие силы противника и высвободить потом значительные немецкие силы».

Так рождался план упреждающего удара, получивший позднее кодовое наименование «Цитадель». 13 марта фюрер подписал оперативный приказ № 5, содержавший общие указания по ведению боевых действий на Востоке:

«Следует ожидать, что русские после окончания зимы и весенней распутицы, создав запасы материальных средств и пополнив частично свои соединения людьми, возобновят наступление. Поэтому наша задача состоит в том, чтобы по возможности упредить их наступление в отдельных местах с целью навязать им, хотя бы на одном из участков фронта, свою волю, как это в настоящее время уже имеет место на фронте группы армий «Юг». На остальных участках фронта задача сводится к обескровливанию наступающего противника».

Группа армий «Север» должна была подготовить операцию против Ленинграда, группы «Центр» и «Юг» — уничтожить советские войска в Курском выступе. Группе армий «А» предстояло удерживать Кубанский плацдарм и «высвободить силы для других фронтов».

Предварительно Гитлер хотел провести ряд частных операций перед фронтом группы армий «Юг». 22 марта ее командование получило приказ приступить к разработке плана «Ястреб». Его предполагалось осуществить силами 1-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф», которые должны были форсировать Северский Донец и сходящимися ударами на Купянск от Чугуева и вдоль западного берега реки Оскол окружить и уничтожить войска Юго-Западного фронта. Срок готовности — 13 апреля. Через два дня фюрер дал Манштейну указание продумать более масштабный вариант под кодовым названием «Пантера», предусматривавший разгром советских войск юго-восточнее Харькова силами 1-й и 4-й танковых армий и сокрушение советского фронта на линии реки Северский Донец.

Между тем среди высшего руководства не прекращались споры о целесообразности наступления на Востоке в принципе. Начальник штаба ОКХ генерал Цейцтлер, разработавший план Курской операции, был всецело «за» и утверждал, что успех гарантирован — для этого нужно всего лишь 10—12 танковых дивизий. Командование группы армий «Юг» также поддерживало план активных действий в районе

Курска. Штаб ОКВ в лице начальника оперативного отдела генерал-полковника Альфреда Йодля опасался, что большое наступление без особой пользы поглотит с трудом создаваемые резервы, и в результате у Вермахта не останется сил для укрепления побережья Франции и позиций в Средиземноморском бассейне.

Однако Гитлеру, рассматривавшему проблему с политической точки зрения, позарез нужна была громкая победа германского оружия, дабы укрепить пошатнувшийся авторитет рейха, приободрить союзников, предостеречь недругов, укрепить веру армии и народа в бессмертные идеи национал-социализма и гениальность фюрера.

15 апреля ставка приняла «окончательное решение», отдав оперативный приказ № 6. В нем указывалось, что к 28 апреля войска групп армий «Центр» и «Юг» должны быть приведены в шестидневную готовность к осуществлению операции «Цитадель». Таким образом, первоначальным сроком начала наступления было установлено 3 мая 1943 года. Для немцев, учитывая то обстоятельство, что фактор времени играл против них, принципиально важно было нанести упреждающий удар как можно раньше, до того, как потрепанные советские войска подтянут тылы, полностью восстановят боеспособность, укрепят оборонительные позиции. Изюминка состояла в том, чтобы «застигнуть противника в стадии слабости», загнать его в цейтнот, вынудить бросать в бой не закончившие пополнение танковые корпуса.

В приказе отмечалось: «Этому наступлению придается решающее значение. Оно должно завершиться быстрым и решающим успехом... В связи с этим все подготовительные мероприятия необходимо провести с величайшей тщательностью и энергией. На направлениях главных ударов должны быть использованы лучшие соединения, наилучшее оружие, лучшие командиры и большое количество боеприпасов. Каждый командир, каждый рядовой солдат обязан проникнуться сознанием решающего значения этого наступления. Победа под Курском должна явиться факелом для всего мира».

Суть операции состояла в том, чтобы встречными ударами двух мощных танковых группировок из районов Орла и

Белгорода окружить и уничтожить в Курском выступе основные силы Центрального и Воронежского фронтов. Для проведения «Цитадели» предполагалось привлечь три армии и одну оперативную группу. С целью быстрого взлома советской обороны — «одним ударом» — предписывалось «обеспечить максимальное массирование ударных сил на узком участке» и «создать подавляющее превосходство во всех средствах наступления». Уже к исходу четвертого дня ударные группировки Вермахта должны были встретиться восточнее Курска. В случае успеха планировалось незамедлительно начать операцию «Пантера» — удар от Курска на юго-восток с целью разгрома Юго-Западного фронта, а следом и наступление на Ленинград — «Охота на медведя».

На бумаге все выглядело гладко, бумага, она все стерпит. Но предстояло решить один немаловажный вопрос: откуда все это взять — наилучшее оружие, большое количество боеприпасов, солдатиков — и в короткие сроки? Особенно трудно восполнялись людские потери.

13 января 1943 года Гитлер — деваться некуда — вынужден был подписать приказ о тотальной мобилизации. Все мужчины в возрасте от 16 до 60 лет и женщины от 17 до 45 лет должны были зарегистрироваться для работ военного назначения. Данное мероприятие преследовало цель заменить гражданами и гражданками, занятыми полезными, но сугубо мирными делами — производством дамских зонтиков, газонокосилок, дачных домиков, учебой в университетах или свиноводством, — граждан, работающих на военных заводах и пригодных к использованию в вооруженных силах. Путем перераспределения людских ресурсов, значительного увеличения занятости женщин, позволяющей высвободить мужчин для фронта, намечалось восполнить потери Вермахта и расширить военное производство. В результате тотальной мобилизации до конца марта было взято на учет 3,1 миллиона человек (84% составили женщины). Кроме того, места немецких «пролетариев» у станков, на шахтах и в поле занимали иностранные рабочие, военнопленные и массово вывозимые с оккупированных территорий «остарбайтеры».

Начался усиленный призыв на оккупированных территориях, на фронт направлялись поляки, чехи, словаки, в лагерях вербовались бывшие военнослужащие Красной Армии.

Пришлось ради такого случая пересмотреть некоторые аспекты расовой политики. Из употребления изъяли термин «недочеловек», а почти все народы «семьи единой» были признаны арийскими и принимались на службу в Вермахт и СС. Геббельс выпустил предписание, в котором запретил «прямо или косвенно» унижать представителей восточных народов и оскорблять их чувство собственного достоинства: «Нельзя изображать этих людей, которые надеются на свое освобождение с нашей помощью, животными, варварами и тому подобным и после этого ожидать, что они будут заинтересованы в победе Германии». Не случайно именно в январе 1943 года было распечатано три миллиона листовок со «Смоленским воззванием Русского комитета», подписанным генералом-предателем А.А. Власовым, призывавшим к сотрудничеству с Германией в деле свержения «клики Сталина» и борьбы с большевизмом «за построение Новой Европы». В этом обращении до сведения русского народа доводились удивительные вещи: «Германия не посягает на жизненное пространство Русского народа и его национально-политическую свободу»; Германия озабочена созданием рая в Европе, а Вермахт, «уничтожив режим террора и насилия», обеспечит русским «справедливость и защиту трудящихся от всякой эксплуатации».

До конца весны планировалось призвать в вооруженные силы 800 тысяч человек, правда, получилось — только 600 тысяч. Численность формирований «восточных войск» и «добровольцев вспомогательной службы» — все «бывший наш народ» — достигла 450 тысяч человек.

Одновременно в Германии осуществлялись меры по мобилизации военно-экономических ресурсов, перераспределению промышленных мощностей, запасов сырья, топлива, энергии в интересах военной промышленности. Свертывались многие гражданские отрасли экономики. Гитлер наконец решился частично перевести экономику на военные рельсы (многие заводы продолжали выпускать ширпотреб и

работать на экспорт, который практически не сократился). Трудно поверить, но в 1942 году доля оборонной продукции составляла 26% всего промышленного производства и только в 1943-м усилиями министра вооружений Альберта Шпеера поднялась до 38%, то есть степень милитаризации экономики Германии в разгар Второй мировой войны сравнялась с военными расходами Советского Союза в годы «социалистического строительства»: в 1940 году общая доля расходов СССР на военные нужды составила 52% бюджета, на укрепление обороны уходило 26% промышленной продукции.

Мобилизация сопровождалась шумной пропагандистской кампанией под девизом: «Вставай, народ, да грянет буря!» Закрывались модные магазины, ночные клубы, ювелирные лавки, культурные учреждения. Перестали выходить гламурные журналы. Были запрещены спортивные зрелища и всяческая «роскошная жизнь». С Бранденбургских ворот торжественно демонтировали и отправили на переплавку медные барельефы.

«Мы обязуемся делать в наших жизнях и труде все, что нужно для победы, — вещал доктор Геббельс. — Фюрер ждет от нас таких свершений, которые затмят все, что было до сих пор. Мы хотим быть на высоте его требований. Мы гордимся им, а он должен иметь возможность гордиться нами. Только в период больших кризисов и потрясений национальной жизни показывают себя в деле истинные мужчины, а также и истинные женщины... Нация готова ко всему. Фюрер приказал, мы следуем за ним. В этот час национального осмысления и внутреннего подъема мы еще вернее и нерушимее будем верить в победу». Но в целом тяготы «тотальной войны» по-немецки не слишком впечатляют советского человека. Что для немца «тотальная война», для советского человека — мирные будни и ударный труд.

В идеологической борьбе на руку Геббельсу играли заявления, прозвучавшие в Касабланке.

14 января 1943 года в Марокко открылась англо-американская конференция, на которой обсуждались вопросы будущей совместной стратегии, конкретно: «Как победить в

войне?» Делегации возглавляли президент США Франклин Делано Рузвельт и британский премьер-министр Уинстон Черчилль. Сталин, сославшись на сильную занятость, приехать отказался, но в своем письменном послании выразил уверенность, что объединенные силы Великобритании и Соединенных Штатов не позднее весны откроют второй фронт в Европе.

Надежды не оправдались. Главным театром военных действий на 1943 год, по рекомендации английского комитета начальников штабов, союзники признали Средиземное море. Главными задачами — высадку десанта на Сицилию не позднее июля, вывод из войны Италии, создание условий для вовлечения в войну на стороне коалиции нейтральной Турции. Вторжение в Европу через Ла-Манш было признано невозможным, разве только не случится вдруг «общего краха Германии». Москву об этом решении извещать не спешили — знали, что Дядюшке Джо не понравится. Была также принята директива о начале крупномасштабного воздушного наступления против Третьего рейха, имевшего целью «последовательное разрушение и расстройство военной, промышленной и экономической системы Германии и подрыв морального духа немецкого народа до такой степени, когда неизбежно ослабнет его способность к вооруженному сопротивлению». Советскому Союзу планировалось обеспечить максимально возможный объем поставок по ленд-лизу (при условии, что это не окажется «недопустимо дорогим»).

На заключительной пресс-конференции, состоявшейся 24 января, Рузвельт озвучил беспрецедентное в межгосударственных отношениях требование о безоговорочной капитуляции: «Мир может наступить только после полного уничтожения германской и японской мощи... Уничтожение германской, японской и итальянской военной мощи означает безоговорочную капитуляцию Германии, Японии и Италии. Это означает разумную гарантию будущего международного мира. Вместе с тем речь идет об уничтожении не населения Германии, Японии или Италии, а господствующей в этих странах идеологии, проповедующей агрессию и порабощение народов».

Английский историк М. Говард утверждает, что Черчилль с радостью согласился с этой идеей, чтобы морально поддержать русских, поскольку «вследствие неспособности западных союзников предпринять наступление на Западе, которого требовал Сталин, премьер-министр считал особенно важным, чтобы у русских не было оснований опасаться, что их покинут в беде, заключив компромиссный мир между Германией и Западом».

А вот немецкий автор полагает, что у англосаксов имелись все основания опасаться, как бы Сталин не заключил сепаратный мир с Гитлером: «Они не только опасались, что из-за затяжки с открытием второго фронта Сталин может пойти на мир, чтобы вырваться из войны, но и предполагали, что Гитлер, особенно после Сталинграда, наверняка ухватится двумя руками за такую возможность спасения... Они серьезно думали о том, как предупредить преждевременный распад большой военной коалиции». Рузвельт и Черчилль опасались, что «у Сталина окончательно лопнет терпение в отношении союзников и он может предложить Германии мир на основе статус-кво». Либо Гитлер, оказавшийся в безнадежном положении, сам начнет искать мира на разумных условиях, к чему его подвигали и Муссолини, и Риббентроп.

Еще одна опасность состояла в том, что СССР «освободит» Европу в одиночку, до того, как союзники «пришьют последнюю пуговицу» и соберутся с силами для высадки на континенте. И что тогда делать? Спасать Германию от коммунизма?

Говард мимоходом замечает, что «вопрос о том, ослабит такое решение волю противника к сопротивлению или усилит ее, как видно, серьезно не обсуждался», мол, не было на конференции экспертов, способных осветить вопрос с этой точки зрения. Однако это совсем не похоже на Рузвельта — делать непродуманные заявления.

Требование о безоговорочной капитуляции означало, что никаких переговоров о мире не будет ни с Гитлером, ни без Гитлера, ни с нацистами, ни с любым другим германским правительством. Оно означало, что война будет вестись до полной оккупации Германии и ее дальнейшую судьбу решат победители. Требование лишало опоры германскую оппози-

цию, надеявшуюся вывести страну из войны путем устранения фюрера и смены режима.

Реакцию немцев можно предугадать без всяких экспертов. Немцы все поняли правильно.

«Это наглое требование было встречено германским народом и особенно армией с сильным возмущением, — задыхается от гнева Гудериан. — Отныне каждому солдату стало совершенно ясно, что наши противники преисполнены страстью уничтожить германский народ, что их борьба направлена не только против Гитлера и *так называемого нацизма, как они утверждали с пропагандистской целью, но и против деловых, а потому и неприятных промышленных конкурентов». И Манштейн возмущается: «Заявление союзников в Касабланке не оставляло никакого сомнения в их стремлении к уничтожению не только Гитлера и его режима, но и Германии вообще» *(Ау, ребята! Как насчет истребления славян и «германизации пространства вплоть до Урала»? А вот под этим приказом не ваша ли подпись, Эрих Эдуардович: «Еврейско-большевистская система должна быть искоренена раз и навсегда. Перед немецким солдатом стоит задача не только разгромить военную мощь этой системы. Он выступает еще и как носитель народной идеи и мститель за все те зверства, которые были причинены ему и немецкому народу»)*.

Требование безоговорочной капитуляции привело к ожесточению сопротивления, вынудило немцев сражаться до конца и в конечном итоге затянуло войну. Сталин, отделяя «гитлеров» от «германского государства», так вопрос не ставил и некоторое время пытался вести свою игру, через обращения комитета «Свободная Германия» выражая готовность заключить мир с «подлинно национальным немецким правительством», которое, избавившись от Гитлера, «тотчас же прекратит военные действия, отзовет германские войска на имперские границы и вступит в переговоры, отказавшись от всяких завоеваний». Желаемого эффекта эти заявления не произвели, военного переворота в Берлине не случилось, и в октябре 1943 года советское правительство официально присоединилось к требованию о безоговорочной капитуляции.

Принятые меры по мобилизации людских и промышленных ресурсов позволили Германии восстановить мощь вооруженных сил.

В первом полугодии 1943 года сухопутным и военно-воздушным силам Германии удалось сформировать 50 дивизий. В том числе по приказу Гитлера была восстановлена 6-я армия и 20 дивизий со «сталинградскими» номерами. В войсках СС появились новые панцергренадерские дивизии «Хонштауфен» и «Фрундсберг» (чистокровные арийцы) и горнострелковая, антипартизанская, мусульманская дивизия «Хандшар».

За этот же период промышленность выпустила 12 263 самолета (в том числе 10 449 боевых), 4463 единицы бронетехники, 32 тысячи орудий и 13 тысяч минометов, 139 подводных лодок. По сравнению с 1942 годом производство танков возросло почти в два раза, самолетов — в 2,2, орудий и минометов — в 2,3 раза; до 19 миллионов штук в месяц удалось поднять производство снарядов и мин. Увеличился выпуск зенитных и противотанковых орудий, авиационных пушек и пулеметов. Противотанковые дивизионы начали в большом количестве получать 75-мм противотанковые пушки PaK 40, с 1000 метров дырявившие 120-мм броню. Были запущены в серию новые конструкторские разработки в области вооружений, в первую очередь второе поколение танков. Авиационные части получали самолеты новых типов: многоцелевой «Фокке-Вульф-190А-3», вооруженный четырьмя пушками и двумя пулеметами модифицированный истребитель «Мессершмитт-109G-6», превосходивший по скорости все советские машины усовершенствованные бомбардировщики «Юнкерс-88», штурмовик «Хеншель-126В». К летнему наступлению подготовили модернизированные пикировщики «Юнкерс-87D-5» с крылом увеличенного размаха и крыльями 20-мм пушками, а также истребитель танков Ju-87G, под крылом которого подвешивались две 37-мм пушки; по инициативе знаменитого аса Ганса-Ульриха Руделя в июне из этих машин была сформирована первая «танковая эскадрилья».

29 мая министр Шпеер, посетивший исследовательский центр в Пенемюнде, где ему продемонстрировали эффект-

ные пуски боевых ракет Фау-1 и Фау-2, публично объявил о создании в Германии «оружия возмездия», которое вскоре обрушится на Англию. С этого времени и до падения Берлина немецкая пропаганда непрерывно трубила о «секретном оружии» фюрера, чудо-оружии, которое изменит ход войны.

Однако к моменту установленной даты начала операции «Цитадель» переформирование и пополнение отведенных в тыл танковых дивизий людьми и техникой еще шло полным ходом. Чтобы восстановить боеспособность армии, требовались большие затраты и время. «Сталинградские» дивизии, вследствие нехватки техники, имущества, транспорта, и в июле считались небоеспособными. Поэтому 26 апреля Гитлер отдал приказ о более тщательной проработке плана, а через три дня перенес дату начала наступления на 5 мая, а затем — на 9 мая.

Но чем дальше, тем сомнительнее выглядели шансы на успех. Данные воздушной и наземной разведки свидетельствовали о том, что русские времени даром не теряют и основательно готовятся к встрече именно там, где немцы собирали «кулаки» ударных группировок. Следовательно, Вермахту предстояло «действовать таким методом, которого до сих пор постоянно избегали», — прорывать мощную, глубокоэшелонированную оборону изготавившегося к отпору противника в духе сражений Первой мировой войны. От мыслей об этом фюрер маялся животом и в задумчивом уединении сам себе ставил клизмы.

3 и 4 мая в Мюнхене прошло совещание, на котором снова обсуждались перспективы летнего наступления. Присутствовали: верховное командование вооруженных сил, начальник генерального штаба ОКХ, министр вооружений, командующие группами «Центр» и «Юг», главный инспектор танковых войск, начальник штаба ВВС и другие заинтересованные лица. По-прежнему полон был энтузиазма «ослабить наступающий порыв русской армии» генерал Цейтшлер. Верил в победу и мечтал о славе фельдмаршал фон Клюге. Фельдмаршал фон Манштейн серьезно засомневался — время ушло, сил недостаточно. Генерал-полковник Модель

прямо предложил не делать того, чего ждет от тебя противник, и либо придумать что-то новое, либо вообще отказаться от наступления. Категорически возражал против бесцельного, по его мнению, разбазаривания ресурсов генерал Гудериан — потеряем всё и останемся голыми.

Гитлер продолжал колебаться и предложил отложить операцию на месяц, а за это время удвоить численность танков, но никакого решения так и не принял, ограничившись совершенно правильным замечанием: «Неудачи быть не должно!» Через неделю он перенес начало наступления на 12 июня.

Пока фюрер думу думал, в Тунисе 13 мая капитулировала лишенная снабжения итало-немецкая группа армий «Африка», которой командовал генерал Ханс фон Арним. Вермахт одним махом лишился шести дивизий (в том числе 10, 15, 21-й танковых) и 94 тысяч немецких солдат. В плен сдались также 140 тысяч итальянцев во главе со свежеспеченным фельдмаршалом Мессе.

«Мы — хозяева берегов Северной Африки», — телеграфировал британскому премьеру генерал Александер. Средиземное море стало вновь открыто для союзного судоходства, союзники приступили к подготовке операции «Хаско».

Италия, оказавшаяся на «переднем рубеже фронта», настаивала на том, чтобы прекратить действия на Востоке и спасти положение на Юге. На этот раз Муссолини был поддержан правительствами Венгрии и Румынии.

Для Гитлера мир со Сталиным был невозможен физиологически. Фюрер пришел к другому выводу: операции «Цитадель» — быть. Англо-американским войскам для подготовки десанта на Сицилию, Сардинию или Балканы — наиболее очевидные цели — потребуется не менее 6—8 недель (так оно и оказалось). За это время Вермахт должен разгромить русских у Курска, повернуться лицом к Западу и сбросить союзников в море. На случай «измены» Италии фельдмаршалу Роммелю поручалось разработать план ее оккупации.

«Мы должны наступать из политических соображений», — подвел черту на одном из совещаний начальник ОКВ фельдмаршал Кейтель, нерассуждающий исполнитель воли фюрера.

Операция «Цитадель» из короткого упреждающего удара «в рамках стратегической обороны» превращалась в главную цель летней кампании, в генеральное сражение, в котором Германия собиралась поставить на карту всё. Под Курском теперь «решалась судьба самой войны».

Главную роль в достижении быстрого успеха должны были сыграть бронетанковые войска. Фюрер решил их радикально преобразовать, перевооружить, поднять уровень производства до 1500 танков месяц. Для решения этой задачи он вернул из резерва «отца Панцерваффе» генерала Гудериана, пребывавшего в забвении после провала операции «Тайфун» и от безделья уже присматривавшего себе поместье где-нибудь в Восточной Пруссии. В феврале 1943 года Гитлер вызвал Гудериана в Винницу и назначил его инспектором бронетанковых войск, наделив самыми широкими полномочиями и подчинив лично себе. «Быстроходный Гейнц» с энтузиазмом взялся на порученное дело, ведь «Гитлер сказал, что я должен отныне претворять свои идеи на практике».

Начиная с февраля—марта с конвейеров начали сходить 88-мм противотанковые самоходки «наسخорн», довольно удачные 105-мм и 150-мм самоходные гаубицы «веспе» и «хуммель», экзотичные штурмовые танки «брумббер». Но главная надежда возлагалась на массированное применение новых танков типа «тигр» и «пантера» и истребителей «фердинанд».

Сумрачный германский гений выдал-таки самые грозные боевые машины Второй мировой войны.

Тяжелый танк Pz. VI «тигр», запущенный в серию в августе 1942 года, не имел достойных противников на поле боя, он был сильнейшим танком в мире. Корпус танка с довольно простыми очертаниями выполнялся из катаной стали. Отсутствие углов рационального наклона брони компенсировалось ее толщиной (в принципе, с ростом калибра противотанковых орудий наклон брони терял значение): лобовая плита — 100 мм, бортовая — 80 мм, верх корпуса — 26 мм. В башне «тигра» была установлена легендарная 88-мм зенит-

ная пушка, снабженная дульным тормозом и электроспуском. Выпущенный из нее с начальной скоростью 810 м/с бронебойный снаряд поражал любые танки противника на дистанциях 2000—1500 метров, пробивая 85—100 мм брони (советский KB-1С нес броню толщиной 60—75 мм, Т-34 — 47 мм). Убийственно точное орудие и отличная оптика обеспечивали 100-процентное попадание в неподвижную цель с первого выстрела на расстоянии 1000 метров. Скорострельность достигала 6—8 выстрелов в минуту.

Прогрессивная трансмиссия с гидравлическими сервоприводами и торсионная подвеска делали «тигр» легкоуправляемой машиной с плавным, совершенно бесшумным ходом. Ее водитель не затрачивал больших физических усилий, освоить управление танком было несложно. Передачи переключались буквально двумя пальцами, маневр осуществлялся легким поворотом штурвала. От водителя не требовалось большой квалификации, и его мог заменить любой член экипажа. «Механик-водитель «тигра», — вспоминает Отто Карнус, — сидел у рычагов управления и мог управлять 60-тонной машиной столь же легко, как и автомобилем. В других танках для управления приходилось прилагать много усилий (водитель Т-34 для переключения рычагов держал под рукой кувалду)».

Специально «под «тигр» была создана новая тактическая единица — тяжелый танковый батальон, представлявший собой отдельную воинскую часть, которая могла действовать как самостоятельно, так и придаваться другим соединениям. Машина прошла проверку боем в России и Северной Африке, была обкатана, отработаны приемы ее тактического применения и организация материально-технического обеспечения. 5 марта 1943 года «пятисотые» тяжелые батальоны переехали на новый штат, предусматривавший наличие в них трех танковых рот общей численностью 45 «тигров». Гитлер свято верил в мощь своих тяжелых танков, «один батальон которых стоит целой нормальной танковой дивизии».

Первый серийный средний танк Pz. V «пантера» покинул заводской цех 11 января 1943 года. Корпус машины был сварен из катаных бронеплит, установленных под рациональными углами наклона. Толщина лобовой брони составляла

85 мм, бортовой и кормовой — 40 мм. Главным оружием, не считая двух пулеметов, была 75-мм пушка с коническим каналом ствола длиной 70 калибров. Ее бронебойный снаряд пробивал установленный вертикально броневой лист толщиной 140 мм с расстояния 1000 метров. Практическая скорострельность — 6—8 выстрелов в минуту. Прицелы и смотровые приборы были очень высокого качества. Танк обладал хорошей маневренностью и проходимостью. По своим характеристикам «пантера» превосходила все союзнические танки. Убедившись в ее выдающихся боевых возможностях, Гитлер потребовал производить по 600 машин в месяц, для чего предполагалось снять с конвейера танк Pz. IV. Первыми воинскими частями, укомплектованными «пантерами», стали 51-й и 52-й танковые батальоны.

В перспективе «пантеры» должны были полностью заменить в боевых частях машины типа Pz. III и Pz. IV. Однако в дело вмешался Гудериан, посчитавший, что, пока производство новых, вдвое более трудоемких боевых машин достигнет необходимого уровня, Вермахт рискует вообще остаться без танков. В итоге было решено перевооружить «пантерами» только по одному батальону в каждом танковом полку и продолжить производство Pz. IV.

Тем более что «четверка» была совсем не та, что в начале войны. Последние модификации, вместо прежнего короткоствольного «окурка», вооружались 75-мм пушкой с длиной ствола 48 калибров. Толщина лобовой брони была увеличена до 80 мм, на корпусе и башне устанавливались 5-мм экраны, предохранявшие от кумулятивных снарядов. После модернизации надежный, удобный в эксплуатации 25-тонный Pz. IV по всем параметрам, кроме разве проходимости, превосходил советскую «тридцатьчетверку».

Истребитель танков «фердинанд» представлял собой не принятый на вооружение «тигр» конструкции Фердинанда Порше, на котором вместо башни установили бронированную коробку с 88-мм орудием. Толщина лобовой брони составляла 200 мм, борта — 80 мм. Машина имела экипаж из 6 человек и весила 65 тонн. Несмотря на большую массу, малую скорость и низкую проходимость, она была грозным оружием, неуязвимым для лобовых атак. Гитлера, склонного

к гигантомании, показ этих монстров, состоявшийся 19 марта, привел в восторг, но на Гудериана они особого впечатления не произвели: «...я должен был найти им применение, хотя и не разделял с тактической точки зрения восхищения Гитлера этим «сооружением» его любимца Порше». За два месяца было произведено 90 машин, которыми укомплектовали 653-й и 654-й «танкоистребительные» дивизионы, сведенные в 656-й противотанковый полк.

В 1943 году Панцерваффе имели над противниками неоспоримое качественное превосходство. Беда состояла в том, что наращивание производства и поставка боевой техники в войска происходили гораздо медленнее, чем хотелось.

Танков «тигр» за год, прошедший с момента постановки на конвейер, построили 377 единиц (в первом полугодии 1943 года — 260), причем 54 уже были потеряны безвозвратно. Затраты на производство одного «тигра» доходили до 300 тысяч рейхсмарок и были сравнимы с затратами на производство трех «четверок». Накануне операции «Цитадель» Вермахт на Восточном фронте располагал тремя тяжелыми танковыми батальонами и четырьмя ротами «тигров».

«Пантера» только ставилась на поток и была недовершенной машиной, она нередко выходила из строя из-за технических поломок, к примеру, пожара двигателя. Несмотря на то что Гудериан откровенно называл ее «сырой конструкцией» со всеми сопутствующими такому определению недостатками, Гитлер твердо решил использовать «пантеры» в предстоящем наступлении. Однако промышленность оказалась не в состоянии поставить в войска необходимое число боевых машин. На состоявшемся 10 мая совещании Шпеер пообещал, что к 31 мая будет выпущено 324 танка Pz. V, но к концу мая Вермахт получил только 190 машин. Отсутствие техники, в свою очередь, затягивало обучение экипажей и обслуживающего персонала. Лишь к 15 июня закончилось формирование единственного 39-го «пантерного» полка, в состав которого вошли два танковых батальона — 200 «пантер» и 4 ремонтно-эвакуационные машины.

Вермахт был уже не в состоянии в полной мере возродить былую мощь. К лету в штат немецкой танковой дивизии входил танковый полк двухбатальонного состава. В первом батальоне две роты вооружались танками Pz. IV, одна — Pz. III. Во втором батальоне машины Pz. IV имела только одна рота. В целом дивизия располагала 51 единицей Pz. IV и 66 машинами Pz. III. В реальности число боевых машин отличалось от штатного и редко превышало 100 танков. Штат пехотных дивизий пришлось сократить на 4000 человек, он составлял теперь 12 708 солдат и офицеров, но и этой численности в большинстве соединений не было. В тыловых частях и даже в боевых подразделениях широко использовались «добровольные помощники» из числа граждан оккупированных стран, число которых в Вермахте превысило полмиллиона человек.

«Возможности поддержки наступающих войск авиацией, тяжелой артиллерией резерва ОКХ, специальными инженерно-саперными частями и т.д. никогда еще с момента начала войны не доходили до столь низкого уровня», — сообщает Б. Мюллер-Гиллебранд.

Тем не менее вооруженные силы Германской империи представляли собой мощную военную машину, способную осуществлять крупные наступательные операции.

На 1 июля 1943 года вооруженные силы насчитывали 9,4 миллиона человек. Из них в сухопутных силах, с учетом армии резерва, числилось 6,8 миллиона, в военно-воздушных силах — более 2 миллионов; личного состава военно-морского флота насчитывалось 650 тысяч человек, войск СС — 433 тысячи «сверхчеловеков».

В действующей армии было почти 7,6 миллиона человек. Наземные войска (вместе с Люфтваффе и СС) состояли из 276 дивизий (в том числе 21 моторизованная и 23 танковых) и 2 бригад. Общее количество танков и штурмовых орудий составляло 5305 единиц или 6127, если учесть французскую и советскую трофейную бронетехнику.

На советско-германском фронте действовали 194 расчетные дивизии (в том числе 16 танковых, 12 моторизованных и 12 авиаполевых). На вооружении у них состояло 3968 танков и штурмовых орудий (в том числе 126 трофей-

ных). Кроме того, на передовой находились 9 румынских дивизий, с крепко «пострадавшим боевым духом», а 5 дивизий венгров использовались для охраны тылов, «однако и там они не проявляли должной надежности». Общая численность — примерно 5 миллионов супостатов.

К операции «Цитадель» привлекались 50 дивизий, в том числе 12 танковых и 7 моторизованных — до 70% танковых дивизий Вермахта, — свыше 900 тысяч человек, около 10 тысяч орудий и минометов, 2758 танков и самоходных установок. Эти дивизии пополнялись в первую очередь и к началу операции были в значительной степени укомплектованы личным составом и боевой техникой. В танковых дивизиях абсолютное большинство составляли машины марки Pz. III и Pz.IV; «тигров» имелось 148 единиц, «пантер» — 200. Их действия поддерживали свыше 1800 самолетов 4-го и 6-го воздушных флотов.

К созданию ударных группировок немцы приступили еще в марте. Во второй половине апреля на северном и южном фасах Курского выступа сосредоточивались две новые армии. К 18 апреля к северу от Курска развернулась 9-я армия под командованием генерала Моделя. К 25 апреля к югу от Курска заняла участок фронта 4-я танковая армия генерала Гота.

Во всех звеньях велась напряженная работа по комплектованию частей и обучению войск. «После того как части были реорганизованы и перевооружены, — вспоминает командовавший корпусом генерал Раус, — армейская группа занялась интенсивной подготовкой войск к атаке (практически и теоретически). Особый упор делался на те виды действий, которые предстояли солдатам. Полевые учения велись с использованием боевых патронов и снарядов, Люфтваффе во время учений использовали настоящие бомбы. Все это позволило довести боевую готовность войск до высочайшего уровня. Штабные учения, ориентирование на местности, проводились постоянно. Мы устраивали специальные тренировки по наведению мостов и снятию минных заграждений... Дивизии, размещенные в полосе атаки, отправили до двух третей состава в тыл, где шли круглосуточные трениров-

ки. Солдаты проходили обкатку танками и пересекали русские минные заграждения». Все нюансы предстоящего наступления тщательно продумывались и проигрывались на картах и макетах вплоть до уровня взводных командиров.

Для введения противника в заблуждение был проведен целый ряд маскировочных мероприятий: передвижение частей исключительно ночью, имитация подготовки ударов на ложных направлениях, где выставлялись макеты боевой техники, распространение слухов, ведение оборонительных работ в местах предстоящих прорывов. Но на фоне неоднократных отсрочек это были «бессмысленные телодвижения», поскольку факт наличия ударных группировок, «завершивших сосредоточение в исходном положении и ожидавших в течение двух месяцев приказа о начале наступления, говорил сам за себя».

21 июня Гитлер вновь перенес заветную дату и назначил операцию на 3 июля, а 25 июня установил самый окончательный из всех сроков — 5 июля. Подготовка вступила в завершающую фазу.

К этому времени у многих фронтовых генералов пропало всякое желание наступать, что называется — перегорело.

«С каждой неделей становилось все яснее, что выиграть в этой операции мы можем мало, но зато, возможно, очень многое потеряем... — пишет генерал Меллентин. — Германское верховное командование совершало точно такую же ошибку, что и за год до этого. Тогда мы штурмовали Сталинград, теперь мы должны были брать превращенный в крепость Курский выступ. В обоих случаях немецкая армия лишалась всех своих преимуществ, связанных с ведением маневренных действий, и должна была вести бои с русскими на выбранных ими позициях... Вместо того чтобы попытаться создать условия для маневра посредством внезапных ударов на спокойных участках фронта, германское командование не придумало ничего лучшего, как бросить наши замечательные танковые дивизии на Курский выступ, ставший к этому времени сильнейшей крепостью в мире. К середине июня фельдмаршал фон Манштейн и все без исключения его ко-

мандиры соединений пришли к выводу, что осуществление операции «Цитадель» является безумием».

На самом деле Манштейн, хоть и выражал слабые протесты в связи с бесконечными отсрочками, по собственному признанию, был убежден, что «наступление будет хотя и трудным, но успешным». Русские не устоят. В конце концов, Вермахт всегда прорывал советскую оборону в любом выбранном месте. Никогда, ни до, ни после «Цитадели», Вермахт не сосредоточивал такого количества техники для одной, сравнительно небольшой операции. Манштейн невысоко ставил советское командование и верил в высокий уровень подготовки своих войск. Единственное, что беспокоило фельдмаршала, — высокая вероятность сильного русского удара в Донбассе, где держала оборону заново сформированная и неукомплектованная 6-я армия.

Гитлер же, пообщавшись с высшими нацистскими «сущностями», вернулся из астрала преисполненный уверенности в торжестве германского духа и полной победе над врагами. Потери СССР в людях, годных к военной службе, по его мнению, составляли от 11 до 14 миллионов человек: «Ввиду таких потерь и трудностей с продовольствием противник должен дрогнуть или, как Китай, впасть в агонию».

Наконец, войскам зачитали приказ фюрера: .
«Солдаты!

В этот день вам предстоит участвовать в наступлении такого значения, что все будущее войны может зависеть от его исхода. Более чем что-либо ваша победа покажет всему миру, что сопротивление мощи германской армии безнадежно... Могучий удар, который постигнет сегодняшним утром советские армии, должен потрясти их до основания. И вы должны знать, что от исхода этой битвы может зависеть все...»

«...НАСТУПЛЕНИЕ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО»

Советское командование, так же как и немецкое, к разработке плана ведения войны на лето и осень 1943 года приступило сразу же по завершении зимней кампании. Перво-

начально намеревались «банально» перейти в общее наступление на всем советско-германском фронте, нанести врагу «два-три новых удара, равных по своим результатам Сталинграду», разгромить группы армий «Север», «Центр» и «Юг», освободить Левобережную Украину с Донецким бассейном и восточные районы Белоруссии, изгнав врага за линию рек Сож и Днепр. Но было время подумать. Начать операции сразу в любом случае не представлялось возможным. Даже не столько из-за наступившей распутицы — в 1944 году она не помешала «сталинским ударам», но путь к Северскому Донцу и попытка прорыва к Днепру обошлись недешево.

Общие потери Красной Армии в первом квартале составили более 2,1 миллиона человек, около 5000 танков и столько же самолетов. Необходимо было заново сформировать стратегические резервы, протянуть коммуникации, пополнить войска личным составом, техникой и материальными средствами, накопить запасы.

В начале апреля Генеральный штаб дал фронтам указание использовать весеннее время для закрепления на занятых рубежах и создания резервов, а также боевой подготовки войск, «в основу которой положить отработку наступательного боя и наступательной операции». 6 апреля Ставка приказала до конца месяца создать Резервный фронт, почти сразу переименованный в Степной военный округ. В состав округа вошли шесть общевойсковых и одна танковая армии, восемь механизированных и танковых корпусов, которые дислоцировались в районах Касторного, Воронежа, Боброва, Миллерова, Россоши и Острогожска. Вопрос о том, где наносить главный удар, трудностей не представлял.

«Ответ на него мог быть только один, — утверждает генерал Штеменко, — на Курской дуге. Ведь именно в этом районе находились главные ударные силы противника, таившие две опасные для нас возможности: глубокий обход Москвы или поворот на юг. С другой стороны, и сами мы именно здесь, то есть против основной группировки врага, могли применить с наибольшим эффектом наши силы и средства, в первую очередь крупные танковые объединения. Все прочие направления даже при условии успешных наших действий

не сулили Советским Вооруженным Силам таких перспектив, как Курская дуга».

А что, собственно, можно планировать, кроме наступления, если Красная Армия обладала стратегической инициативой и уже к 10 апреля советские войска в районе Курска превосходили противника в людях в 2,2 раза, по артиллерии — в 4,2 раза, по танкам — в 1,9, по боевым самолетам — в 1,3 раза. В дальнейшем это преимущество только прирастало стараниями труженников тыла, которые буквально жили «дни и ночи у мартеновских печей», и поставками союзников.

Однако уроки, полученные под Харьковом и Орлом, наводили на размышления. Верховный Главнокомандующий, «гениально» продувший две летние кампании, колебался. Вместе с ним колебалось и мнение Генштаба, исходившего в своих прогнозах из «сталинского указания о том, что противник еще достаточно силен». Вскоре в планы были внесены существенные изменения.

Как сообщает маршал А.М. Василевский: «Анализируя разведывательные данные о подготовке врага к наступлению, фронты, Генеральный штаб и Ставка постепенно склонялись к идее перехода к преднамеренной обороне. Этот вопрос в конце марта — начале апреля многократно обсуждался в ГКО и Ставке». Толчком к новым дебатам послужил доклад находившегося на Воронежском фронте маршала Г.К. Жукова от 8 апреля, в котором заместитель Верховного изложил свое мнение о возможных действиях противника весной и летом 1943 года и «соображения на ближайший период».

Ошибиться в намерениях противника было сложно. Наступление на любом участке советско-германского фронта, за исключением Курского выступа, с оперативной точки зрения не сулило Вермахту никаких выгод. Разведка подтверждала, что немцы продолжают сохранять ярко выраженные ударные группировки в районе Орла, Белгорода и Харькова. Исходя из этого, Жуков пришел к выводу, что противник, «собрав максимум своих сил, в том числе до 13—15 танковых дивизий», нанесет встречные удары в обход Курска (*операция «Цитадель»*), затем попытается выйти на тылы Юго-Западного фронта (*операция «Пантера»*), после чего «может орга-

низовать удар в обход Москвы с юго-востока», захват которой и станет основной целью кампании. Что касается «соображений», то Жуков, согласовав предварительно позиции с находившимся в Москве начальником Генштаба Василевским, предложил:

«Лучше будет, если мы измотаем противника на нашей обороне, выведем его танки, а затем, введя свежие резервы, переходом в общее наступление окончательно добьем основную группировку противника».

Старинные друзья, к тому же породнившиеся, занимавшие ключевые посты в военной иерархии, работали в тандеме:

«Георгий Константинович — категоричный, властный, идущий к цели всегда прямым, кратчайшим путем. Александр Михайлович — внешне мягкий, умеющий, как и его учитель Б.М. Шапошников, облечь свое решение в форму вежливой просьбы и иной раз исподволь подвести подчиненного к нужному выводу, так что у того складывалось впечатление, будто он самостоятельно пришел к нему. Казалось бы, на почве этой несхожести между ними обязательно должны были возникать трения, но в действительности ничего подобного не замечалось. И прежде всего, на мой взгляд, потому, что не было между ними соперничества. Александр Михайлович довольно определенно отдавал пальму первенства Г.К. Жукову, а Георгий Константинович всегда вел себя с начальником Генерального штаба как равный с равным, чего не допускал во взаимоотношениях ни с кем из известных мне военных руководителей... Отношения между ними строились на самом глубоком взаимном уважении. Внешне это проявлялось и в том, что они всегда называли друг друга на «вы» и только по имени-отчеству».

Всем нижестоящим Великий Жуков тыкал.

Естественно, Александр Михайлович поддержал точку зрения Георгия Константиновича.

Сталин с выводами не спешил и приказал запросить мнения командующих фронтами. В ответных донесениях все командующие выдали одинаковый прогноз относительно намерений противника — немец будет «пилить» Курский выступ, а «на других направлениях наступление вряд ли возможно». Однако выводы из этого следовали прямо противо-

положные. Генерал Малиновский и генерал Ватутин предложили нанести упреждающий удар в Донбассе. Штаб Рокоссовского считал наиболее целесообразным общими усилиями Западного, Брянского и Центрального фронтов уничтожить орловскую группировку врага.

Вечером 12 апреля в Ставке состоялось совещание, на котором присутствовали Сталин, Жуков, Василевский и Антонов. Маршал Рокоссовский по этому поводу отметил:

«Считаю, что такие вопросы, как разработка крупной стратегической операции с участием нескольких фронтов или отработка взаимодействия между ними, целесообразно рассматривать в Ставке путем вызова туда командующих соответствующими фронтами. Кстати, впоследствии так и делалось, что приносило существенную пользу».

А так, поскольку собрались единомышленники, то и дискуссии никакой не последовало. Все согласилось с собственным мнением: на первом этапе отказаться от «новых Сталинградов» и предоставить противнику право первого выстрела. В итоге было принято оригинальное решение «сосредоточить основные усилия в районе Курска», измотать ударные группировки противника путем преднамеренного перехода к стратегической обороне и одновременно накапливать резервы для последующего перехода в общее наступление.

Решение о преднамеренной обороне, отнюдь не бесспорное, скорее свидетельствует о неуверенности Ставки в способности Красной Армии «вести войну летом» на равных с Вермахтом. Особое беспокойство Сталина, по утверждению генерала Штеменко, вызывало «намерение немцев обойти Москву». Определенную роль сыграло то обстоятельство, что на вооружение частей Вермахта в возрастающем количестве поступали новые образцы боевой техники — тяжелые танки и самоходные установки.

Появление на поле боя танка «тигр» вызвало тихую панику в советских штабах. На экстренном совещании военных и оборонных специалистов, собранном в феврале 1943 года, начальник артиллерии маршал Н.Н. Воронов констатировал: «У нас нет пушек, способных бороться с этими танками».

Полигонные испытания трофейных экземпляров Pz. VI показали:

«Бортовая, кормовая и башенная броня толщиной 82 мм пробивается (при встрече снаряда с броней под прямым углом):

— подкалиберным снарядом 45-мм противотанковой пушки образца 1942 г. с дистанции 350 метров;

— подкалиберным снарядом 45-мм танковой пушки образца 1937 г. с дистанции 200 метров...

Обстрел 82-мм бортовой брони танка T-VI из 76-мм танковой пушки Ф-34 с дистанции 200 метров показал, что бронебойные снаряды этой пушки являются слабыми и при встрече с броней танка разрушаются, не пробивая брони.

Подкалиберные 76-мм снаряды также не пробивают 100-мм лобовой брони танка T-VI с дистанции 500 м.

Находящиеся на вооружении Красной Армии противотанковые ружья не пробивают брони танка T-VI...

Установленная на танке T-VI 88-мм танковая пушка пробивает бронебойным снарядом броню наших танков с дистанции:

наиболее прочную часть корпуса танка T-34 — носовую балку (литая, толщина 140 мм), а также лобовую и башенную броню с 1500 метров;

наиболее прочную лобовую часть корпуса танка KB-1 толщиной 105 мм с 1500 метров».

Таким образом, на удалении свыше 500 метров «тигр» был неуязвим для всех пушек, состоявших на вооружении РККА (самой массовой противотанковой системой была «сорокапятка», танковой пушкой — Ф-34); в лоб с 1000 метров его могла «взять» только 85-мм зенитка.

Буквально «голыми» почувствовали себя танкисты:

«Советские танкисты буквально плакали от досады, когда наш танковый батальон, едва начав атаку (особенно на равнинной местности), попадал под огонь замаскированных где-нибудь в садках и сельских строениях «тигров». Сразу загорались несколько машин, подбитых танковыми болванками из «тигров», в то время как сами «тигры» оставались неуязвимы из-за дальности расстояния до них. Нередко происходили случаи, когда атакующие, поняв, что сблизиться на расстояние прямого выстрела не успеют, покидали машины

и под огнем возвращались на исходный рубеж. Пока они его достигали, их машины уже горели. В конце концов, разгадав крамольную уловку танкистов, командование отдало приказ привлекать к суду военных трибуналов экипажи, вышедшие из огня в полном составе. Тогда танкисты пошли на хитрость: стали подъезжать к противнику ближе и покидать машины уже под пулеметным огнем из танков. Кто-то из них погибал или был ранен в открытом поле, но кое-кому удавалось пробраться к своим. Из подбитой же, подожженной машины шансов выбраться было несравненно меньше».

Потому совсем не праздным был вопрос: выдержат ли советские войска массированный удар тяжелых и средних танков, поддержанный сосредоточенными ударами штурмовой авиации, на что немцы были известные мастаки. Как показывал опыт двух лет войны, в таких ситуациях наша полевая оборона не отличалась устойчивостью, необученных бойцов и командиров нередко охватывала паника, а немецкие ударные группировки останавливались, только когда портились погодные условия или кончался бензин.

Однако на этот раз у советского командования имелся крупный козырь. В отличие от 1941-го и 1942 года, на вопрос: где Вермахт предпримет наступление? — с высокой степенью достоверности можно было ответить — в полосе Центрального и Воронежского фронтов.

После решения задач обороны, когда противник истощит свои силы в наступательных боях и «по уши увязнет в глубокоэшелонированной обороне», планировался переход Красной Армии в контрнаступление, прежде всего, на орловском и белгородско-харьковском направлениях. Операция на орловском направлении, которую должны были провести войска левого крыла Западного, Брянского и правого крыла Центрального фронтов, получила кодовое наименование «Кутузов». Разгром белгородско-харьковской группировки врага предстояло осуществить силами Воронежского фронта и Степного округа во взаимодействии с войсками Юго-Западного фронта. Этот план называли «Полководец Румянцев».

Важная роль отводилась развернутому в тылу Центрального и Воронежского фронтов Степному военному округу.

На него возлагалась задача не допустить дальнейшего продвижения противника в случае прорыва им обороны как со стороны Орла, так и со стороны Белгорода; при переходе в контрнаступление его войска должны были наращивать силу удара из глубины. Участие резервов в боевых действиях на оборонительном этапе сражения считалось нежелательным. Командованию округа предписывалось: «Войска, штабы и командиров соединений готовить главным образом к наступательному бою и операции, к прорыву оборонительной полосы противника, а также к производству мощных контратак нашими войсками, к противодействию массированным ударам танков и авиации».

Для Западного и Калининского фронтов разрабатывалась операция «Суворов», для Волховского и Ленинградского — «Брусилов».

Перед Центральным штабом партизанского движения была поставлена задача организовать во вражеском тылу массовые диверсии на всех важнейших коммуникациях Орловской, Харьковской и других областей, а также сбор разведывательной информации.

На третьем этапе кампании планировалось генеральное наступление всех фронтов на запад с мощными ударами на Харьков, Полтаву, Киев, Смоленск, «с последующим овладением Белоруссией, а затем вторжением в Восточную Пруссию и Восточную Польшу». В целом план советского командования на лето и осень 1943 года предусматривал самые решительные цели: разгром наиболее мощных группировок Вермахта на фронте от Ленинграда до Черного моря, освобождение важнейших экономических районов страны, чьи ресурсы были крайне необходимы для дальнейшего ведения войны, и, возможно, выход на государственную границу.

Если же Гитлер не решится напасть, следовало перейти к плану «Б» — самим начать активные действия. Готовность Центрального и Брянского фронтов к переходу в наступление назначалась на 20 мая, Воронежского и Юго-Западного — не позднее 1 июня.

Таким образом, весной 1943 года на фронте сложилось, как формулирует Штеменко, «своеобразное положение»: «Обе стороны старательно совершенствовали свои оборони-

тельные сооружения и в то же время готовились к наступлению. Приоритет в отношении последнего мы добровольно отдавали противнику», — чем-то напоминает борьбу айкидо, в которой проигрывает тот, кто ударит первым.

В тылу старики, женщины и дети, выкладываясь у станков и в поле по четырнадцать часов в день (для несовершеннолетних была установлена десятичасовая смена), получая скудный паек или килограмм зерна на трудодень, продолжали давать больше оружия, чем германская военная промышленность, и все более лучшего качества. За первое полугодие было выпущено 11 189 танков и самоходных установок, в том числе 8326 тяжелых и средних, 16 545 самолетов, почти 62 тысячи орудий и свыше 56 тысяч минометов. К июлю 1943 года, по сравнению с апрелем, количество автоматического оружия в армии увеличилось почти в 2 раза, противотанковой артиллерии — в 1,5 раза, зенитной — в 1,2 раза, самолетов — в 1,7 и танков в 2 раза.

Конструкторский коллектив С.А. Лавочкина запустил в серию пушечный истребитель Ла-5ФН, сравнявшийся по скоростным характеристикам с немцами. А.С. Яковлев в мае передал в производство Як-9, вооруженный 37-мм пушкой. Появились первые образцы пикирующего бомбардировщика Ту-2, освоили производство двухместного Ил-2. В бронетанковых войсках основной боевой машиной в 1943 году оставался танк Т-34, но с перевооружением его более мощной пушкой опоздали почти на год. Время для разработки новых противотанковых артиллерийских систем также было упущено.

Вообще-то, у нас была замечательная 57-мм пушка ЗИС-2 с начальной скоростью снаряда более 1000 м/с, созданная В.Г. Грабиным и принятая на вооружение РККА в начале 1941 года. С дистанции 1000 метров она пробивала 90 мм вертикальной брони. Однако, выпустив 370 штук, в декабре того же года ее сняли с конвейера ввиду отсутствия боеприпасов и достойных целей на поле боя. Возобновить производство, при всем желании, оказалось непросто, массовый выпуск необходимых фронту орудий удалось наладить лишь к октяб-

рю. Из новинок в войска стала поступать лишь усовершенствованная артиллерийской «шарагой» 45-мм пушка М-42 с удлиненным стволом, но ее эффективность была явно недостаточной, и первые самоходно-артиллерийские установки.

Надо сказать, что самоходная артиллерия довольно долго оставалась вне сферы интересов красных полководцев.

На вооружение Вермахта штурмовые орудия, созданные на базе ходовой части танка Pz. III, стали поступать в начале 1940 года. Суть идеи, выдвинутой, как утверждает, Манштейном, была проста: придать наступающей пехоте мобильную бронированную артиллерию, не уступающую танкам в проходимости, действующую непосредственно в боевых порядках, которая с ближней дистанции будет подавлять огневые точки противника. Отсутствие в таких машинах вращающейся башни позволяло упростить и значительно удешевить конструкцию, а также устанавливать в боевой рубке более мощную пушку. Штурмовое орудие StuG III имело боевую массу 20,2 тонны, толщину лобовой брони 50 мм, бортовой — 30 мм. Вооружение состояло из 75-мм короткоствольной пушки. Все четыре члена экипажа размещались в рубке. «Артштурм» состоял на вооружении батальонов штурмовых орудий моторизованных дивизий и рот штурмовых орудий пехотных дивизий.

С весны 1940 года танковым дивизиям придавались отдельные роты 150-мм самоходных гаубиц, а моторизованным корпусам — батальоны 47-мм противотанковых САУ (и те и другие были созданы на базе танка Т-1). Для прикрытия подвижных соединений от атак с воздуха во время марша им придавались зенитные самоходные установки, вооруженные 20-мм автоматическими пушками.

Вообще, немцы на базе каждого гусеничного шасси создавали целый спектр «полезных в хозяйстве» специализированных машин. Кроме многообразных образцов самоходной артиллерии, это транспортеры боеприпасов, мостоукладчики, ремонтно-эвакуационные и саперные машины.

В Советской стране между тем из гусеничной бронетехники массово клепали исключительно танки. Тысячами. Нет,

попытки сконструировать что-то еще предпринимались непрерывно. Но в результате все равно получался танк.

Еще в 20-е годы было проработано несколько вариантов придания подвижности артиллерийским системам — от батальонной самоходной гаубицы «на поводке» конструкции Н.В. Каратаева, передвигавшейся со скоростью пешехода, до использования автомобильных и тракторных шасси. На заводе «Красный арсенал» даже было создано специальное «самоходное КБ», впрочем, так ничего пригодного для боевого применения и не создавшее. С развитием отечественного танкостроения работы в области самоходной артиллерии приобрели истинно советский размах.

Едва был принят на вооружение первый серийный танк МС-1, как на его базе начали проектировать: 76-мм пушечную установку, самоход со спаренной 37-мм зениткой и ЗСУ, вооруженную счетверенной пулеметной установкой. Но МС-1 устарел почти мгновенно, поэтому конструкторов переориентировали на использование шасси ударного танка Т-19. Однако и его на вооружение не приняли, запустив в массовое производство англо-американские образцы. В октябре 1930 года Реввоенсовет СССР принял «Постановление об опытной системе бронетанкового вооружения в части самоходных артиллерийских установок», согласно которому для мотомеханизированных соединений требовалось разработать около двадцати типов самоходов, в том числе: 122-мм гаубицу на шасси среднего танка, 76-мм пушку сопровождения, 45-мм противотанковую установку и 37-мм зенитную установку — на базе Т-26, 76-мм динамореактивную пушку на базе Т-27. Поскольку воевать предстояло со всем миром, то, по мысли М.Н. Тухачевского, вслед за 40 тысячами танков во втором и третьем эшелоне на врага должна была двинуться вся продукция тракторостроительных заводов — «суррогативные» танки конструктора-самородка Дыренкова. Для их сопровождения и поддержки пехоты была заказана «самоходная установка вторых эшелонов» — 76-мм пушка на базе трактора. Кроме того, в 1931 году Спецмаштрест получил задание разработать средства механизации артиллерии большой и особой мощности.

«Скоротечность современного боя, — указывала Советская военная энциклопедия, — требует быстрого реагирования артиллерии на требования других родов войск, что должно отразиться на организации современной артиллерии в виде увеличения удельного веса артиллерии сопровождения, особенно самоходной, в усилении зенитной моторизованной артиллерии...»

Работы по созданию самоходных артиллерийских установок были сосредоточены в основном в ОКМО завода имени Ворошилова и на заводе «Большевик». Первой попыткой установить 76-мм орудие на Т-26, воплощенной в металл, явилась СУ-1 закрытого типа, разработанная в 1932 под руководством П.Н. Сячинтова и Л.С. Троянова. Но при ударных планах по выпуску танков для САУ лишних шасси не нашлось.

Почти одновременно завод «Большевик» совместно с военным складом № 60 (профильным занятием работников этого «склада» было строительство бронепоездов) представил два варианта самохода «второго эшелона» — трактор «Коммунар» (в немецком отечестве — «Ганомар»), вооруженный полевой трехдюймовкой обр. 1902 года (СУ-2) и 76-мм зениткой обр. 1915 года (СУ-5). Комиссия УММ признала их вполне боееспособными. Была начата постройка опытной серии в двенадцать единиц, но вскоре прекращена.

Неудачей окончилась четырехлетняя эпопея по превращению Т-27 в «малый артсамоход». Сначала на танкетку пытались установить 37-мм пушку Гочкиса, но тогда в ней не помещался боекомплект; для его транспортировки предназначался специальный прицеп. В 1933 году была создана СУ-3, вооруженная 76-мм динамореактивной пушкой, но войсковых испытаний одолеть не смогла. Еще через два года появилась артсистема КТ-27. Она состояла из двух переделанных танкеток: на первой размещались водитель и 76-мм полковая пушка, на второй — орудийная прислуга и боеприпасы. Военным такое решение не понравилось.

Одним из пунктов программы танкостроения на вторую пятилетку стояло принятие на вооружение самоходной артиллерийской установки «на агрегатах общевойскового танка». В 1934 году КБ завода № 185 разработало единый «малый

триплекс» СУ-5, включавший универсальный лафет с откидными упорами, выполненный на базе Т-26, и устанавливаемые на нем взаимозаменяемые орудия: 76-мм дивизионную пушку (СУ-5-1), 122-мм гаубицу (СУ-5-2) и 152-мм мортиру (СУ-5-3). Ввиду ограничения возимого боезапаса комплекс дополнялся бронированным патронозовом на том же шасси. Полигонные испытания дали положительные результаты, но изготовлено было только 34 машины (с мортирой — одна). В 1935 году завод представил АТ-1 — «артиллерийский танк», вооруженный 76-мм пушкой ПС-3 и двумя пулеметами. Он предназначался для сопровождения танков дальней поддержки пехоты и танковых групп дальнего действия и, по идее, даже внешне представлял собой аналог немецкого «Артштурма», правда, с противопульным бронированием. Машина имела боевую рубку с верхним поясом в виде откидных щитов, что улучшало обзор поля боя и условия работы экипажа. АТ-1 выпустили 10 штук и отказались от них в пользу танка БТ-7А.

В качестве средства ПВО механизированных и кавалерийских соединений проектировались самоходки под 76-мм зенитную пушку на удлиненном шасси Т-26 (СУ-6) и 45-мм зенитку на базе Т-28 (СУ-8). Дальше опытных экземпляров дело не пошло. Точно так же сложилась судьба проектов противотанковых СУ-37 и СУ-45 на базе разведывательных танков Т-37 и Т-38.

Наконец, летом 1934 года, в рамках создания самоходной артиллерии РКГ по программе «Большой дуплекс» на основе узлов Т-28 и Т-35 был создан 48-тонный экспериментальный самоход, получивший индекс СУ-14. Корпус машины изготавливался из клепаной брони толщиной 10—20 мм, вооружение состояло из 203-мм гаубицы или 152-мм пушки, установленной на открытой платформе, и трех возимых в боевом отделении пулеметов. Двигатель М-17 позволял машине разгоняться до 27 км/ч. Экипаж — 7 человек. Переделка, доводка, испытания затянулись на два с половиной года. Планом на 1937 год предусматривалось изготовление установочной партии из пяти машин СУ-14-2 со 152-мм орудием Бр-2 в бронированной рубке. За успехи и достижения П. Н. Сячинтова наградили орденом Ленина, а через несколько месяцев за вредительство и шпионаж —

арестовали и расстреляли. Все работы по подготовке серийного производства СУ-14 свернули. Два имевшихся образца сдали на склад.

На этом работы по созданию самоходной артиллерии в СССР прекратились. Результатом десяти лет бурной деятельности на ниве моторизации артиллерии оказались накопленный опыт, небольшая партия машин СУ-5 да разработанный И. Магдасиевым гусеничный лафет для 203-мм гаубицы Б-4, позволявший ей самостоятельно передвигаться с максимальной скоростью около 10 км/ч. Кстати, Магдасиева тоже пришлось расстрелять. Как и главного редактора и соредакторов Советской военной энциклопедии и весь ее вредительский редакционный совет, за исключением председателя — К.Е. Ворошилова.

Новая генерация военачальников решила, что самоходные артиллерийские установки не очень-то и нужны. В их понимании САУ представляла собой всего-навсего «плохой танк».

Именно в 1937 году из цехов фирмы «Даймлер-Бенц» выкатился опытный образец самоходки «Артштурм», ставшей самой массовой бронированной машиной Вермахта, а после ее вооружения в 1942 году длинноствольным 75-мм орудием — и основным противотанковым средством. Их выпустили более 10 500 единиц как в штурмовом, так и в противотанковом вариантах.

Буквально через месяц после германского нападения советское руководство было вынуждено предпринимать лихорадочные действия в целях компенсировать огромные потери в танках и наладить выпуск простых, дешевых, обладающих хорошей проходимостью и пушечным вооружением бронированных машин. Так, Харьковскому и Сталинградскому заводам 20 июля 1941 года поручили срочно разработать и в течение августа—сентября изготовить 750 тракторов с 25-мм броней, вооруженных 45-мм пушкой. Еще одной импровизацией была установка вращающейся части 57-мм противотанковой пушки на тягаче «Комсомолец». Когда немцы дошли до Москвы, вспомнили и о СУ-14. Обе машины использовались для стрельбы с закрытых позиций в составе Отдельного тяжелого дивизиона особого назначения.

Лишь с февраля 1943 года на фронт стали поступать серийные самоходные установки СУ-76 (дивизионная пушка ЗИС-3 на

базе легкого танка Т-60) и СУ-122 (с гаубицей М-30 на базе Т-34), из которых немедленно сформировали первые самоходно-артиллерийские полки — 1433-й и 1434-й. Самоходы были сыры, ненадежны, с множеством конструктивных недостатков (неудивительно — от постановления ГКО, предписывавшего начать их проектирование, до принятия на вооружение прошло 48 дней!), но уже после первых боев начальник артиллерии РККА докладывал Государственному комитету обороны: «...самоходные орудия нужны, так как ни один другой вид артиллерии не дал такого эффекта в сопровождении атак пехоты и танков и взаимодействия с ними в ближнем бою. Материальный ущерб, нанесенный противнику самоходными орудиями, и результаты боя окупают потери».

Но все это случилось через шесть лет после разгрома в 1937 году конструкторского бюро завода № 185.

К 1 июля 1943 года в действующей армии насчитывалось 368 самоходных установок, примерно столько в Германии их делали ежемесячно. Всего в Вермахте к этому времени имелось 1727 самоходов, причем неуклонно рос удельный вес истребителей танков. Генерал-инспектор Гудериан в докладе фюреру указывал: «Противотанковая оборона все больше и больше становится главной задачей самоходных орудий, так как другие противотанковые средства недостаточно эффективны в борьбе с новыми танками противника».

Наши «сушки» для борьбы с танками не годились: СУ-122 была гаубицей с раздельно-гильзовым заряжанием, а СУ-76 имела броню толщиной 35 мм, но не имела прицельных приспособлений для стрельбы прямой наводкой. Первым настоящим «зверобоем» обещала стать испытанная в феврале СУ-152 с пушкой МЛ-20 на шасси танка КВ. Ее 49-килограммовый бронбойный снаряд с 1000 метров прошибал 125-мм броню и срывал танковые башни, надо было только попасть, но к июлю успели сформировать только два тяжелых самоходных артполка по 12 машин в каждом.

Поэтому накануне Курской битвы задача повышения бронепробиваемости отечественной артиллерии свелась в основном к модернизации боеприпасов. В апреле были приняты на вооружение 76-мм подкалиберные снаряды с сердечником из карбидовольфрамового сплава, пробивавшие броню толщиной

до 90 м с дистанции 500 метров. На их изготовление пришлось потратить почти весь стратегический запас вольфрама и молибдена, но все равно накопленных запасов было недостаточно. Снаряды выдавались командирам орудий и танков под счет, по три-пять штук, причем этот «срисованный» у немцев боеприпас считался «секретным оружием». Тогда же были освоены в массовом производстве кумулятивные 76-, 122- и 152-мм снаряды, имевшие, правда, один недостаток: они подходили только к гаубицам, а в длинных противотанковых стволах преждевременно разрывались.

Для пехоты было начато производство ручных противотанковых кумулятивных гранат РПГ-43, для противотанковых ручей введены новые боеприпасы с твердым сердечником. Промышленности был выдан дополнительный заказ на фугасные огнеметы и незаменимые бутылки с зажигательной смесью КС.

«Асимметричным ответом» на немецкую танковую угрозу стали кумулятивные авиационные бомбы ПТАБ-2,5—1,5 конструкции инженера И.А. Ларионова, испытания которых закончились во второй половине апреля. Малогабаритные, простые и дешевые в производстве, они «прожигали» броню толщиной 70 мм. Штурмовик Ил-2 брал на борт 312 таких бомб в четырех кассетах и вываливал их на вражескую бронетехнику с малой высоты, чем достигалась высокая вероятность поражения. Приемная комиссия не успела составить акт о результатах испытаний, а ПТАБы уже были приняты на вооружение. Наркому Б.Л. Ванникову поручили к 15 мая изготовить 800 тысяч штук. Боевое применение новых бомб Сталин категорически запретил до получения специального на то разрешения. А вот 37-мм пушки на советских штурмовиках не прижились ввиду низкой летной и стрелковой подготовки пилотов.

К середине 1943 года общая численность вооруженных сил СССР достигла 12 миллионов человек, почти 300 тысяч орудий и минометов, 26 тысяч танков, 22 тысяч боевых самолетов — 70 общевойсковых, 4 танковых, 17 воздушных армий и 2 армии ПВО, флоты и округа. В сухопутных войсках имелось 680 расчетных дивизий.

В действующей армии находилось 6,6 миллиона солдат и офицеров, 105 тысяч орудий и минометов, 2356 установок реактивной артиллерии и 5695 рам М-31, 10 200 танков и са-

моходно-артиллерийских установок, 10 300 боевых самолетов.

Одним словом, техники хватало. Ушли в прошлое и уже странными казались времена, когда Сталин «сам поштучно распределял противотанковые ружья, минометы, танки».

Одновременно совершенствовалась организационная структура РККА. Продолжалось восстановление корпусного звена; к июлю имелось 64 стрелковых корпуса. Повышалась огневая мощь дивизий. 16 апреля пять «сталинградских» армий — 24, 21, 66, 64-я и 62-я — были преобразованы соответственно в 4, 5, 6, 7, 8-ю гвардейские.

В апреле начали формировать шестибригадные артиллерийские дивизии прорыва РВГК, насчитывавшие в своем составе 356 орудий и минометов, и артиллерийские корпуса прорыва в составе двух дивизий прорыва и одной гвардейской минометной дивизии. Всего в корпусе имелось 496 орудий, 216 минометов и 864 пусковых установки М-31. Окончательно утрясли штаты истребительно-противотанковых полков, которые теперь состояли из пяти четырехорудийных батарей, и истребительно-противотанковых артиллерийских бригад, имевших по три полка.

К маю было завершён перевод на новые штаты гвардейских минометных дивизий. Они состояли теперь из трех однородных бригад по четыре огневых дивизиона в каждой. Одним залпом дивизия могла выпустить 3456 снарядов общим весом 320 тонн. На 1 июня в составе полевой реактивной артиллерии имелось 7 дивизий, 8 отдельных бригад, 114 полков и 31 отдельный дивизион. Всего в действующей армии и резерве Ставки находились 65 артиллерийских, зенитных и гвардейских минометных дивизий и 51 бригада. Кроме того, было сформировано 4 артиллерийских корпуса прорыва. Большое количество артиллерии было переведено на моторизованную тягу.

Значительные перемены происходили в бронетанковых войсках.

Еще в январе 1943 года было принято решение изъять из танковых армий немоторизованные стрелковые и кавале-

рийские соединения и сделать их однородными в том смысле, что танковое ядро, части усиления и подразделения обслуживания должны были обладать примерно одинаковой скоростью передвижения и проходимостью. Это повышало боевые возможности танковых войск, облегчало управление соединениями и их материальное обеспечение. По новому штату армия имела в своем составе, как правило, два танковых и один механизированный корпус, зенитно-артиллерийскую дивизию, гвардейский минометный, гаубичный артиллерийский, истребительно-противотанковый и мотоциклетный полки. В качестве частей обеспечения предусматривался полк связи, авиационный полк, автомобильный полк, инженерный и два ремонтно-восстановительных батальона.

В целях усиления огневой мощи в состав танковых и механизированных корпусов были включены минометный полк РКК — 36 стволов калибра 120 мм, смешанный самоходно-артиллерийский полк РКК — 25 самоходов, истребительно-противотанковый полк — 20 «сорокапятков», истребительно-противотанковый дивизион — дюжина 85-мм зениток (одна из «суррогатных» мер борьбы с тяжелыми танками), зенитно-артиллерийский полк — 16 37-мм пушек и 16 пулеметов ДШК. Инженерно-минную роту заменили на саперный батальон, а роту управления переформировали в батальон связи. Мотострелковый батальон танковой бригады получили роту противотанковых ружей и зенитно-пулеметную роту. Постепенно сходили со сцены легкие танки. К лету были созданы четыре танковые армии однородного состава, а в июле сформирована пятая. Из общего количества состоявших на вооружении РККА танков и самоходных установок к началу июля тяжелые и средние машины составляли свыше 64%.

В апреле, после горячих дебатов артиллеристов с танкистами, ГКО передал в подчинение командующего бронетанковыми войсками самоходно-артиллерийские полки, что, по мнению маршала Воронова, не пошло на пользу делу: «Не было никаких оснований для передачи самоходной артиллерии бронетанковому управлению. Наоборот, имелись серьезные опасения, что танкисты используют ее только для себя, за-

быв про интересы других войск... Наше опасение полностью подтвердилось, дальнейший путь развития советской самоходной артиллерии принял единственное направление — сопровождать танки. Отношение к самоходным установкам танкисты не изменили, по-прежнему называли их «плохими танками». А наша пехота осталась без весьма нужных ей самоходных орудий сопровождения». С точки зрения подготовки кадров, материального обеспечения, обслуживания и наличия ремонтной базы решение все-таки было принято правильное (у немцев, кстати, были аналогичные ведомственные дразги, но там спор выиграли артиллеристы, а в печали по этому поводу пребывал генерал-инспектор бронетанковых войск: «...ибо самоходная артиллерия осталась сама по себе; противотанковые дивизионы сохранили на вооружении несовершенные орудия на тракторной тяге, пехотные дивизии были лишены эффективной противотанковой обороны»).

В мае были созданы штурмовые инженерно-саперные бригады РВГК. В их задачу входило обеспечение прорыва сильно укрепленных оборонительных позиций и укрепленных районов. В предвидении форсирования крупных водных преград начали формирование отдельных моторизованных понтонно-мостовых полков РВГК.

В три раза увеличилось количество радиостанций в войсках, что позволило в большинстве дивизий довести радиосвязь до батальона и до батареи включительно, что обеспечило бесперебойное управление и значительно улучшало взаимодействие. Появились отдельные корпусные батальоны радиосвязи.

Существенные преобразования произошли в военно-воздушных силах, где интенсивно формировались 19 авиационных корпусов резерва РВГК. В их состав вошло более 40% боевой авиации. 30 апреля было принято решение об организации 8 авиационных корпусов — 950 бомбардировщиков — на базе дивизий авиации дальнего действия. Каждый фронт имел свою воздушную армию численностью 700—800 самолетов. Почти вся авиация была перевооружена но-

вой материальной частью. К началу июля количество машин новых типов составило 87,3%.

Можно сказать, что весной 1943 года в Советских Вооруженных Силах, с учетом накопленного опыта и достигнутых материальных возможностей, происходила настоящая организационная революция.

Наконец, в феврале—марте Ставка произвела первую за войну передислокацию центральных складов. Они были перемещены к западу от Москвы и западнее рубежа Волги — на вяземское, курское, донбасское и таманское направления.

Район Курска стал крупнейшим за время войны местом сосредоточения материальных средств и войск. В полосах Центрального и Воронежского фронтов было собрано около трети людей и боевых самолетов, до половины танков, более четверти орудий и минометов действующей армии. Сам выступ был превращен в гигантскую крепость.

Директивы Центральному и Воронежскому фронтам на создание прочной, многослойной, «особо мощной», непробиваемой обороны были отданы в последней декаде марта. В сравнительно короткий срок на Курской дуге было оборудовано восемь оборонительных полос и рубежей общей глубиной до 300 километров. В течение трех месяцев сотни тысяч военнослужащих и мобилизованных на работы гражданских лиц рыли землю и возводили укрепления. Трудно поверить, но только 27 апреля 1943 года, ради именно такого случая, РККА получила «Инструкцию по рекогносцировке и строительству полевых оборонительных рубежей».

Каждая армия первого эшелона построила три полосы обороны: главную, вторую и тыловую. На отдельных участках эти полосы дополнялись отсечными и промежуточными рубежами и усиливались узлами сопротивления, создаваемыми вокруг населенных пунктов. На вероятных направлениях ударов противника строилось до шести оборонительных рубежей, последовательно эшелонированных на глубину до 110 километров на Центральном фронте и до 85 километров на Воронежском. Местность благоприятствовала организа-

ции обороны: рельеф на большинстве участков понижался в сторону противника, имелись многочисленные водные преграды.

Основой всей полевой фортификации являлась густая сеть траншей полного профиля, блиндажей и ходов сообщения, в первый и последний раз применявшаяся в таких масштабах: было отрыто до 10 тысяч километров траншей. Пятисоткилометровая дуга главной полосы обороны состояла из 350 батальонных районов (каждый до 2,5 километра по фронту и до 1 километра в глубину), противотанковых опорных пунктов и системы инженерных заграждений. В среднем на стрелковый батальон приходилось до 25 деревоземляных огневых точек. Первая линия траншей обычно занималась автоматчиками и истребителями танков, во второй — находилось тяжелое оружие пехоты.

Противотанковый опорный пункт состоял из нескольких орудий противотанковой артиллерии с двумя-тремя запасными позициями, расчетов противотанковых ружей, минометчиков, групп автоматчиков, истребителей танков, саперов, иногда танков. Многочисленные ПТОПы (в 13-й армии их было 149 в трех эшелонах) располагались в шахматном порядке, образуя огневые мешки, и были приспособлены к круговой обороне. Расстояние между ними по фронту и в глубину колебалось от 300 до 800 метров. Все рубежи были заранее пристреляны, подобраны или выставлены ориентиры, составлены схемы огня, отработаны звуковые и световые сигналы. Огонь ПТОПов усиливали гаубичные полки и дивизионы, расположенные на закрытых позициях. Само собой, в узлы сопротивления были превращены все населенные пункты. «Артиллерии было много, — вспоминает маршал К.П. Казаков, — что позволяло насытить ею боевые порядки пехоты, создать мощные противотанковые щиты, иметь сильные артиллерийские резервы буквально во всех командных звеньях — от фронтового и до полкового. Легкую и противотанковую артиллерию дополняли тяжелые и сверхтяжелые калибры, объединяемые в корпусные и армейские группы для выполнения различных «дальнобойных» задач».

В систему заграждений входили противотанковые рвы, эскарпы и надолбы, танковые ловушки и лесные завалы,

провокола колючая и провокола электролизованная. Вокруг противотанковых районов, опорных пунктов, на танкодоступных направлениях и впереди главной полосы закладывались — в иной день, а точнее, ночь по 6—8 тысяч штук — противотанковые (ТМД-Б, ЯМ-6, трофейные Тми) и противопехотные мины (ПОМЗ, ОЗМ-152). Готовились к взрыву мосты, плотины, дороги, взлетные полосы аэродромов, здания. Всего было выставлено около миллиона мин (на особо важных участках их плотность доходила до 3000 штук на километр) и 300 тысяч бутылок с зажигательной смесью. Генерал Раус отмечает, что русские минные позиции «имели неслыханную глубину». Реализовывались самые буйные фантазии минеров и химиков. Чем только не начинали курскую землю: мины-сюрпризы и мины замедленного действия, фугасы обычные, радиофугасы и огнефугасы, огнебутылочные поля, огневые валы и фугасные огнеметы в укромных местах. «Для минеров, например, — вспоминает полковник А.Б. Немчинский, — Курская битва явилась настоящей академией. Здесь мы познакомились со всеми видами минновзрывных средств, начиная с различных противотанковых мин нажимного действия и кончая минами, управляемыми по радио и переносимыми в ранцах собаками. Здесь до конца раскрылись основные сферы деятельности минеров...»

Вторая полоса обороны, мало отличавшаяся от главной, но значительно уступавшая ей в плотности инженерных заграждений, находилась на удалении 10 — 15 километров, тыловая армейская полоса — 20—40 километров от переднего края. Между второй и тыловой полосами в центре боевых порядков размещались командные пункты армий.

Для отражения ударов авиации была создана сильная противовоздушная оборона. Группировка сил ПВО фронтов включала 9 зенитных артиллерийских дивизий РВГК, 26 отдельных полков малокалиберной артиллерии, 7 отдельных дивизионов зенитной артиллерии среднего калибра. В их составе насчитывалось 1026 орудий. Предполагалось использовать также зенитную артиллерию войск ПВО страны.

Помимо армейских, в 50—100 километрах от переднего края, были также возведены три фронтовых оборонительных

рубежа, которые образовывали полосу шириной 40—75 километров и протяженностью около 300 километров.

Позади Центрального и Воронежского фронтов Степной военной округ оборудовал 250-километровый оборонительный рубеж по линии Россошное — Белый Колодезь.

На самый крайний случай по левому берегу Дона от Лебеяни, через Задонск, Лиски, Павловск, Богучар силами местного населения готовился так называемый государственный рубеж обороны, который в случае необходимости должны были занять войска Степного округа. Севернее и южнее ГРО, в тылу Юго-Западного, Брянского и левого крыла Западного фронтов располагались стратегические резервы.

Параллельно «без отрыва от производства» решались задачи укомплектования соединений личным составом и техникой, сколачивания штабов и подразделений, боевой подготовки войск.

Численность большинства стрелковых дивизий удалось довести до 8500 человек. Правда, прибывающее маршевое пополнение, как бойцы, так и командиры, в подавляющей массе были необстрелянными и необученными. Примерно четверть составляли призывники с освобожденных территорий (на Воронежском фронте — 27%). Три месяца передышки стали временем напряженной боевой учебы.

Все пехотинцы обучалась владеть противотанковым ружьем, гранатами, бутылками КС, отсекал пехоту противника от танков, отходить на промежуточные рубежи, следовать за огненным валом, контратаковать и драться в окружении. На специально оборудованных учебных полях «тридцатьчетверки» утюжили окопы, излечивая бойцов от «танкобоязни». Агитаторы сочиняли противотанковые речевки-инструкции: «Бей по танку и в лоб и в затылок — бросай связку бутылок», «Из окопа метко и стойко бей по танку бронебойкой».

Вся артиллерия, в том числе зенитная, привлекалась к борьбе с танками. Учились отражать танковые атаки тяжелые пушечно-гаубичные батареи и подразделения реактивных минометов — залповым огнем по рубежам и прямой наводкой. Для реактивной артиллерии были разработаны рекомендации по стрельбе прямой наводкой: «В первую очередь это

относилось к минометам, смонтированным на автомашинах. Бывалые командиры всегда заранее готовили на огневой позиции так называемые «аппарели», а проще сказать, этикие земляные ровики, куда автомашина с реактивной установкой съезжала только передними колесами, создавая соответствующий наклон. Теперь мины как бы глядели не вверх, а прямо в поле и при выстреле летели горизонтально. Конечно, попасть одной-двумя минами в движущийся танк было невозможно. Но при залпе, особенно когда били батареей или дивизионом, десятки и сотни мин, выстреленных одновременно и летящих, как говорится, тесным строем, способны были остановить и массивную танковую атаку. Прямое попадание мины даже и в тяжелый танк разрушало машину, срывало башню, сжигало. Близкое, в 10—15 метрах, падение мины разбивало гусеничный ход, а легкие танки переворачивало».

С 1 июля 1943 года приказом НКО № 038 были введены денежные премии за каждый уничтоженный танк: 500 рублей командиру и наводчику орудия или танка, 1000 рублей каждому бойцу или командиру, уничтожившему танк при помощи индивидуальных средств борьбы.

Расчеты орудий тренировались быстро менять позиции и мгновенно открывать огонь. Наводчики упражнялись в стрельбе по движущимся и внезапно появляющимся целям, достигая в этом деле высочайшего мастерства. Особое внимание уделялось изучению характеристик и уязвимых мест «тигров». Создавались моторизованные артиллерийско-противотанковые резервы. Готовились к единоборству с «панцерами» танковые полки и бригады, подвижные отряды заграждения и группы саперов-охотников, натаскивались собаки — истребители танков. Принимались меры на случай применения противником отравляющих газов.

Где-то в начале мая оформилась идея спланировать артиллерийскую и авиационную контрподготовку по изготовившемуся к наступлению противнику с целью ошарашить его, нанести потери, дезорганизовать управление и ослабить тем самым силу первого удара.

Была проведена тщательная рекогносцировка местности, проложены маршруты передвижения на различные ру-

бежи, созданы рельефные макеты, на которых проводились командно-штабные учения, отрабатывались варианты действий, увязывалось взаимодействие всех родов войск. Для лучшего руководства войсками было сформировано 21 корпусное управление. Разветвленная система проводной связи теоретически позволяла держать контакт с каждым соединением по двум-трем каналам.

С 15 мая для руководства Красной Армии были введены новые псевдонимы: Сталин стал именоваться Ивановым, Жуков — Юрьевым, Василевский — Александровым, Рокоссовский — Костиным, Конев — Степиным.

До начала летней кампании была проделана огромная работа по восстановлению и повышению боеспособности частей, насыщению их техникой и огневыми средствами, возведена мощнейшая оборонительная система, подготовлена тыловая инфраструктура. Были созданы гигантские запасы военного имущества, к примеру, один боекомплект только ствольной артиллерии Центрального фронта составлял 1,2 миллиона снарядов и мин. Самолетами доставлялись «свежевыпеченные» сверхдефицитные подкалиберные и кумулятивные боеприпасы.

«Одиннадцатого июня я записал разговор с одним советским корреспондентом, только что вернувшимся из района Курска, — вспоминает А. Верт. — Он сказал, что там сосредоточено поистине колоссальное количество военной техники; ничего подобного он еще не видел. А что еще делает нынешнее лето не похожим на другие, так это огромное количество американских грузовиков. Подвижность советских войск вырастет неимоверно. Русские солдаты убеждаются, что американские грузовики — отличные машины».

Продолжалась «работа над собой». Армия менялась качественно.

Изменился Верховный Главнокомандующий, «непосредственный вдохновитель и организатор важнейших побед», снова позволивший именовать себя Великим Полководцем, который «разгадывал и разбивал вдребезги искусные и коварные стратегические планы врагов, опрокидывал

их военную «науку», военное «искусство» и выучку». Впрочем, он действительно, как никто, умел учиться.

«Завершился процесс роста Сталина как военачальника, — пишет маршал А.М. Василевский. — Я уже писал, что в первые месяцы войны у него порой проскальзывало стремление к фронтальным прямолинейным действиям советских войск. После Сталинградской и особенно Курской битвы он поднялся до вершин стратегического руководства. Теперь Сталин мыслит категориями современной войны, хорошо разбирается во всех вопросах подготовки и проведения операций. Он уже требует, чтобы военные действия велись творчески, с полным учетом военной науки, чтобы они были и решительными и маневренными, предполагали расчленение и окружение противника. В его военном мышлении заметно проявляется склонность к массированию сил и средств, разнообразному применению всех возможных вариантов начала операции и ее ведения. И.В. Сталин стал хорошо разбираться не только в военной стратегии, что давалось ему легко, ибо превосходно владел искусством политической стратегии, но и в оперативном искусстве».

Сложилась в основном команда «сталинских маршалов» — Жуков, Василевский, Рокоссовский, Конев, Ватутин, Толбухин, Мерецков, Воронов — и когорта командармов, продолжавших учиться «войне на войне». Они уже умели проводить крупные наступательные операции, правда, в типично советской манере — с массированием большого количества войск и техники, с мощной артподготовкой, но, как правило, без разведки, безотносительно к действиям противника, не обращая внимания на потери, неуклонно следуя намеченным планам. Эта русская бесчувственность к потерям пугала еще Фридриха и Наполеона. Меллентин специально акцентирует внимание на последней из особенностей советского военного искусства:

«В подготовке к операции следует обязательно учитывать реакцию или, вернее, отсутствие реакции русских войск и их командования. От этого фактора зависит взаимодействие по времени, оценка возможного успеха и количество потребной боевой техники».

Поднабрались опыта комдивы-практики с ограниченным оперативным кругозором, слабым умением наладить взаимодействие родов войск или принимать адекватные решения в быстро меняющейся боевой обстановке, но с железной волей и большевистским упорством и безжалостностью в деле выполнении поставленных свыше задач.

Медленно, но все же росло число подготовленных командиров, обстрелянных, закаленных бойцов, научившихся выживать и грамотно воевать. И еще: эта фактически новая армия, не испытавшая разочарований катастрофических поражений (от той, предыдущей, стараниями «полководцев сталинской школы» ничего не осталось, кроме самих полководцев), верила в Победу и собиралась драться всерьез.

Немецкие генералы этого еще не поняли, они думали, что Сталинград — случайность, следствие досадных ошибок в планировании и некомпетентного вмешательства Гитлера.

Конечно, уровень организованности, исполнительности и профессиональной подготовки Вермахта для нас был недостижим. Например, нисколько не удивляет факт нехватки в частях, создававших «преднамеренную оборону», лопат, пил и топоров. С военных заводов нередко приходили танки с неисправной ходовой частью, самолеты, на которых отслаивалась и отваливалась в полете обшивка, пулеметы, отказывавшие после первой очереди. Конечно, и начальники; и подчиненные в Красной Армии по-прежнему халтурили, втирали очки, докладывали об исполнении, а затем устранении. О чем свидетельствуют акты проверок, выявившие многочисленные недочеты в организации обороны и подготовке войск. Так, по дивизиям первого эшелона 6-й гвардейской армии 22 июня было установлено:

«52-я гв. стрелковая дивизия

ДЗОТов оборудовано в достаточном количестве, но большинство их представляет из себя противоосколочные гнезда, приспособленные преимущественно для ведения фронтального огня... Во многих ДЗОТах сектора обстрела заросли рожью... На каждый станковый пулемет имеется только по одной запасной площадке. Ручные пулеметы имеют только легкое перекрытие в один накат толщиной 10—15 см. Запасных позиций нет. ПТО имеют только одну позицию... Траншеи узкие, от

60—80 см, лисьи норы отсутствуют, ячеек для стрельбы мало... Маскировка противотанкового рва отсутствует.

375-я стрелковая дивизия.

Первая траншея открыта неполного профиля, местами глубина достигает до 0,7 м, ячеек мало, ниши обвалились, ходы сообщения в глубину обороны не открыты, имеющиеся — имеют глубину — 50—70 см. Сектора обзора и обстрела совершенно отсутствуют, в особенности мешает обстрелу и обзору земля, выброшенная из противотанкового рва, которая не разровнена и не замаскирована, кроме того, препятствует нескошенная рожь, и, таким образом, в некоторых местах местность просматривается только на 40—70 м. ДЗОТов мало, перекрытие слабое — один накат и присыпка землей на 20—30 см... Землянок нет, а имеется пародия подбрустверных блиндажей со слабым перекрытием, нар для бойцов нет, и спят на полу, комсостав отдельных землянок не имеет... В некоторых местах проволочные заграждения не простреливаются огнем...»

И еще ряд дивизий: «Планы маневра огнем в ротах, батальонах и полках не разработаны, простейшие способы сигнализации по вызову пехотного огня в большинстве частей отсутствуют, а если где и разработаны, то не доведены до исполнителей».

Или приказ командования БТ и МВ Воронежского фронта от 26 июня по результатам командно-штабного учения танковых корпусов:

«...2. Оценка обстановки. Оценка обстановки штабными командирами докладывается бессистемно, путано, выводы, как правило, не делаются, некоторые командиры штабов совсем не могут доложить обстановку (5-й гв. Стк — начальник разведотдела майор Еремов, 6-й тк — начальник оперативного отдела Рабинович, начальник разведотдела капитан Кузьм).

3. Отработка штабной документации. Штабные документы обрабатываются страшно медленно и с большими погрешностями. Основной боевой документ — боевой приказ 2-го гв. Ттк — начальник оперативного отдела подполковник Лаврентьев изобразил так, что трудно было понять решение командира корпуса и задачу, которую корпус должен был выполнить. Действия корпуса по приказу не ограничивались ни временем, ни пространством...

4. Контроль за выполнением приказов и распоряжений организован недостаточно. В большинстве своем штаб не знает, где находятся и что делают его части...

5. Разведка в частях и соединениях не на должном уровне. Начальник разведотдела 5-го гв. Стк майор Еремов не знал, как использовать имеющиеся у его корпуса средства разведки.

Начальник разведотдела штаба 6-го тк капитан Кузьмичев не знал обстановку и боевую задачу корпуса и вместо активной разведки ограничился сбором сведений о противнике от соседей. Данные от частей не обрабатывались, а зачастую не доходили до разведотдела штаба корпуса.

6. Связь с частями установлена с корпусом только на схеме. Практическая связь с разведкой отсутствует... Имеющееся авиазвено используется неправильно, в частности, для розыска штабов бригад во 2-м гв. Ттк и 3-м мк...»

По-прежнему пополнение поступало наспех обученным и вовсе не обученным, а военачальники продолжали безжалостно гробить солдат. Процветал мордобой и практиковались бессудные расстрелы, непреодолимая пропасть лежала между «военачальниками» и красными армейцами. Все это — неустранимый дефект системы, из разряда «особенностей национальной охоты».

В целом же три месяца относительно мирного времени пошли Красной Армии на пользу. А то, что бойцы за это время, к примеру у генерала Москаленко, ни разу не видели бани и чистого белья и «питались неудовлетворительно», так их и в мирное время не баловали. А зато маскироваться легче. И вообще, часто моется тот, кому лень чесаться.

Всего к битве за Курскую дугу, с учетом войск Степного округа, было подготовлено 1,9 миллиона бойцов и командиров Красной Армии, 33 267 артиллерийских и минометных стволов (без 50-мм), 518 «катюш», почти 5300 танков и САУ, около 3700 самолетов.

В стратегическом резерве Ставки находилось девять общевойсковых, две танковые и одна воздушная армии, дислоцированные на орловском, курском, харьковском и донбасском направлениях. Германское командование на Восточ-

ном фронте имело в резерве «слезы» — одну пехотную и одну охранную дивизии и две пехотные бригады. Неспроста Гитлера тошнило при одной мысли об операции «Цитадель».

«У Гитлера-бандита будет морда разбита...»

Впрочем, Сталин тоже нервничал.

Во-первых, мучили сомнения: правильно ли угаданы намерения противника, какие он сумеет собрать силы, выдержит ли Красная Армия удар Вермахта? Тут еще «порадовали» господа союзники. Едва войскам зачитали первомайский приказ, в котором говорилось о «победоносных войсках наших союзников», «доблестной англо-американской авиации» и что «близится время, когда Красная Армия совместно с армиями наших союзников сломает хребет фашистскому зверю», как поступило известие, что второго фронта в Европе в 1943 году не предвидится.

Ответ Верховного, укрепившегося в мнении, что западные державы сознательно желают истощения Советского Союза, адресованный президенту Рузвельту, был жестким: «Теперь, в мае 1943 года, Вами вместе с господином Черчиллем принимается решение, откладывающее англо-американское вторжение в Западную Европу на весну 1944 года. То есть открытие второго фронта в Западной Европе, уже отложенное с 1942 года на 1943 год, вновь откладывается на весну 1944 года. Это Ваше решение создает исключительные трудности для Советского Союза, уже два года ведущего войну с главными силами Германии и ее сателлитов с крайним напряжением всех сил, и предоставляет Советскую Армию, сражающуюся не только за свою страну, но и за своих союзников, своим собственным силам, почти в единоборстве с еще очень сильным и опасным врагом». И откровенно негодующее послание Черчиллю: «Ваше ответственное решение об отмене предыдущих Ваших решений насчет вторжения в Западную Европу принято без участия Советского правительства. Дело идет... о сохранении его доверия к союзникам, подвергаемого тяжелым испытаниям».

Во-вторых, весна заканчивалась, и все острее вставал вопрос, а не свалили мы дурака со своей «преднамеренной обороной», не пора ли действовать?

В течение мая фронты дважды предупреждались о возможном наступлении врага в ближайшие дни. Сначала, что «противник может перейти в наступление 10—12 мая», затем немецкий удар ожидался «не позднее 26 мая». Каждый раз войска приводились в состояние полной боевой готовности. Однако каждый раз ничего не происходило. Маршал Жуков докладывал 22 мая с Центрального фронта о том, что «непосредственной готовности к наступлению на переднем крае у противника нет», считаю, «что противник до конца мая перейти в наступление не сможет».

Генерал Ватутин, расценивая бездействие противника как отказ от проведения крупных операций на Восточном фронте — «Предполагаю, что противник, в настоящее время выжидает и сам боится нашего наступления», — обратился в Ставку с предложением разрешить Воронежскому фронту нанести упреждающий удар и разгромить немцев западнее реки Ворсклы. Затем предполагалось развивать наступление в направлении Днепра на глубину до 300 километров. Сталин заинтересовался этим предложением и передал его на рассмотрение Генштаба. Последний отговаривал Верховного и материл Ватутина. Однако факт оставался фактом, с одной стороны, «нам уже точно было известно, что фашисты полностью изготовились к наступлению», с другой — наступления почему-то не начинали.

«Вот это «почему-то», — пишет Василевский, — немало беспокоило нас, а некоторых даже выводило из равновесия. Особую нетерпеливость начал проявлять командующий Воронежским фронтом Н.Ф. Ватутин. Николай Федорович неоднократно ставил передо мной вопрос о необходимости начать самим наступление, чтобы не упустить летнее время. Мои доводы, что переход врага в наступление против нас является вопросом ближайших дней и что наше наступление будет безусловно выгодно лишь противнику, его не убеждали.

— Александр Михайлович! Проспим мы, упустим момент, — взволнованно убеждал он меня. — Противник не наступает, скоро осень, и все наши планы сорвутся. Давайте бросим окапываться, начнем первыми. Сил у нас для этого достаточно.

Из ежедневных разговоров с Верховным Главнокомандующим я видел, что неспокоен и он. Один раз он сообщил мне, что ему позвонил Ватутин и настаивает, чтобы не позднее первых чисел июля начать наше наступление; далее Сталин сказал, что считает это предложение заслуживающим самого серьезного внимания; что он приказал Ватутину подготовить и доложить свои соображения по Воронежскому фронту в Ставку... Я ответил, что указания будут выполнены, и заметил, что для нас было бы гораздо выгоднее, если бы враг предупредил нас своим наступлением, которого, по всем данным, следует ожидать в ближайшее время... Обе воюющие стороны замерли в ожидании надвигавшихся больших событий».

На маршала Василевского была возложена координация действий Воронежского и Юго-Западного фронтов, на отозванного с Кубани маршала Жукова — Центрального, Брянского и Западного фронтов.

В ночь на 2 июля «товарищ Сталин предупредил командование войск на Орловско-Курском направлении о возможном наступлении немцев с 3 по 6 июля». 4 июля в районе Белгорода сдался в плен немецкий сапер, сообщивший, что войскам выдан сухой паек, а наступление начнется 5 июля.

«ИДЕМ НА ПРИСТУП — ЗА КУРСКИЙ ВЫСТУП!»

Против Центрального фронта генерала К.К. Рокоссовского находилось 26 дивизий 9-й и части 2-й армий группы «Центр» фельдмаршала фон Клюге — 460 тысяч человек, около 6000 орудий и минометов, 1014 танков и самоходных установок (в том числе 45 танков Pz. VI в составе 505-го тяжелого танкового батальона, все наличные «фердинанды», 298 танков Pz. IV) и 730 самолетов. В состав северной ударной группировки вошли 46, 47-й и 41-й танковые, 23-й армейский корпуса 9-й армии — 15 дивизий, в том числе 6 танковых (2, 4, 9, 12, 18, 20-я) и 10-я моторизованная.

Брешь в советской обороне генерал Модель собрался пробивать на участке шириной в 40 километров пехотными

частями, усиленными саперными подразделениями при сильной поддержке артиллерии. Танковые соединения должны были вводиться в сражение после преодоления тактической полосы для развития успеха. А там, по меркам «блицкрига», до Курска было рукой подать — всего 75 километров. Фланговые корпуса прикрывали танковый клин.

Центральный фронт оборонял северную часть Курской дуги протяженностью 306 километров. Однако было ясно, что немцы будут наносить удар под основание выступа. Поэтому основные силы и средства фронта генерал Рокоссовский развернул на правом крыле. Здесь на 95-километровом участке было сосредоточено 58% стрелковых дивизий, 87% танков и самоходных установок и 70% артиллерии. В мемуарах маршал отмечал: «Наступление немецко-фашистской ударной группировки на любом другом направлении не создавало особой угрозы, так как войска и средства усиления фронта, располагавшиеся против основания Орловского выступа, могли быть в любое время направлены для усиления опасного участка. В худшем случае это наступление могло привести только к вытеснению наших войск, оборонявшихся на Курской дуге, а не к их окружению и разгрому».

К началу июля в составе Центрального фронта имелось 41 стрелковая, 1 истребительная дивизии, 4 стрелковые и 3 отдельные танковые бригады, 4 танковых и 1 артиллерийский корпуса, 3 укрепрайона, 15 отдельных танковых и 6 самоходных артиллерийских полков. В войсках насчитывалось 711 тысяч солдат и офицеров, 5792 орудия и 5792 миномета (у нас в большинстве случаев свои 50-мм минометы не учитывают, а немецкие, как я понимаю, считают; в общем, минометов всех калибров имелось 8606 штук), 246 реактивных установок, 1131 зенитка, 1785 танков и САУ.

В первом эшелоне находились 48, 13, 70, 65-я и 60-я армии. Их стрелковые дивизии занимали первые две оборонительные полосы; позади второй, как правило, находились приданные армиям танковые бригады и отдельные танковые полки. В резерве фронта севернее Курска стояли 2-я танковая армия, 9-й и 19-й танковые корпуса, 4-я истребительная бригада, 100-я и 104-я артиллерийские бригады большой мощности. Противотанковые средства были сгруппированы

в двух районах с учетом возможности нанесения фланговых ударов по наступающей группировке врага.

Воздушное прикрытие обеспечивала 16-я воздушная армия (4 авиационных корпуса) генерал-лейтенанта С.И. Руденко, имевшая 1218 исправных самолетов.

Рокоссовский знал, откуда противник нанесет удар, неясно было, какими силами и в каком направлении. Штаб Центрального фронта проработал три возможных варианта. Модель может двинуть свои дивизии прямо на восток, к Ливнам, через позиции 48-й армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко; тогда Романенко должен вцепиться зубами в землю и продержаться два-три дня, пока 13-я армия, усиленная танковым корпусом, подготовит фланговый контрудар. «Зеркальный» вариант: немцы наносят главный удар на Фатеж в полосе 70-й армии, а затем поворачивают на Курск. В этом случае «прочно удерживает позиции» генерал-лейтенант И.В. Галанин, а 13-я армия снова готовит контрудар, но уже в западном направлении. И, наконец, наиболее вероятный сценарий (вариант № 2): Модель поперет на Курск по кратчайшему направлению, вдоль железной дороги, через Поныри, через позиции 13-й армии.

Выходило, что при любом раскладе главная роль выпадала армии генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, прикрывавшей наиболее ответственный участок шириной 32 километра.

Вот почему в состав 13-й армии вошли 12 стрелковых дивизий — более 133 тысяч человек, занявших четыре оборонительных рубежа вплоть до первого фронтового — почти на 30 километров в глубину. Генералу Пухову были переданы 40% фронтовых средств усиления, в том числе основные силы 4-го артиллерийского корпуса генерал-майора Н.В. Игнатова (5-я и 12-я артиллерийские дивизии прорыва, 5-я гвардейская минометная дивизия реактивной артиллерии). Всего в армии насчитывалось одна танковая, 2 тяжелые артиллерийские, 3 гвардейские минометные бригады, 5 танковых, 18 артиллерийских, 3 самоходных, 8 минометных полков и 5 гвардейских полков М-13—4558 орудий и минометов, а также 1-я и 25-я зенитные дивизии.

Отразив удар, штаб Центрального фронта предполагал «с утра второго-третьего дня» перейти в решительное наступле-

ние силами 48, 13, 70-й и 2-й танковой армий. По свидетельству начальника тыла фронта генерал-лейтенанта Н.А. Антипенко: «Командование Центрального фронта исходило из предположения, что оборонительные бои будут непродолжительными и противник скоро исчерпает свои силы. В соответствии с таким пониманием обстановки решили организовать тыл не по оборонительному, а по наступательному варианту... в первую очередь полевые подвижные госпитали, боеприпасы, горючее, продовольствие и другие материальные средства сосредоточивались возможно ближе к войскам и главным образом в районе Курска».

Кажется, Константин Константинович слегка недооценил противника.

Против Воронежского фронта было развернуто пять пехотных дивизий 2-й армии группы «Центр» и 19 дивизий группы армий «Юг». Их общая численность составляла 440 тысяч человек, они имели до 4000 орудий и минометов, 1685 танков и самоходок (в том числе 103 «тигра», 200 «пантер», 377 танков Pz. IV) и 1100 самолетов 8-го авиакорпуса. 2-я армия, по сути, участия в битве не принимала, ее задачей было сковать противостоящие советские войска и не допустить их переброски в районы прорыва.

В состав южной, наиболее сильной ударной группировки вошли 18 дивизий 4-й танковой армии генерала Гота и оперативной группы «Кемпф», в том числе 5 танковых и 4 моторизованные — почти 330 тысяч человек. Причем, как уже говорилось, панцергренадерские дивизии СС, а также образцово-показательную мотодивизию «Великая Германия» по всем показателям можно с полным основанием считать танковыми.

Независимо от того, получится окружить два советских фронта или нет, командование группы армий «Юг» важнейшей целью операции считало не территориальные приобретения, а разгром оперативных резервов РККА: «Необходимо уничтожить как можно больше наступательных средств противника». Исходя из этого, ставились задачи командирам соединений.

Главный удар через Обоянь на Курск с рубежа Томаровка — Стрелецкое вдоль Белгородского шоссе двумя лучшими в Вермахте танковыми корпусами наносила 4-я танковая армия (52-й армейский, 48-й танковый корпуса, 2-й танковый корпус СС). «Первой скрипкой в оркестре» был прославившийся в Харьковской битве 2-й танковый корпус Пауля Хауссера. Прорвав два армейских рубежа обороны и достигнув Яковлево, корпус должен был резко повернуть на северо-восток и на третий день операции разгромить перед станцией Прохоровка танковые силы русских, которые немцы «надеялись обнаружить именно там».

Зная, что «мы знаем», обладая информацией о районах сосредоточения советских резервов и исходя из топографии, Манштейн и Гот прогнозировали, что советское командование бросит к фронту танковые корпуса, зафиксированные немецкой разведкой в районе Острогожска, а наиболее вероятным маршрутом их выдвижения являлся проход между реками Псёл и Донец в районе Прохоровки. 48-й танковый корпус фон Кнобельсдорфа должен был, наступая «параллельным курсом», разбить 1-ю танковую армию Катукова и выделить часть сил под Прохоровку в помощь эсэсовским дивизиям. Левый фланг танкового клина прикрывал 52-й армейский корпус, которым командовал генерал Ойген Отт.

Оперативная группа «Кемпф» (3-й танковый корпус и корпус «Раус», 42-й армейский корпус) переходила в наступление двумя корпусами с рубежа Волчанск — Белгород на северо-восток. 3-й танковый корпус должен был выйти к Скороднему, а частью сил все к той же Прохоровке. Корпусу генерала Рауса ставилась задача создать новый фронт вдоль реки Короча и обеспечить правый фланг, «но при этом действовать агрессивно». В случае успеха и только с личного разрешения фюрера предполагалось передать Вернеру Кемпфу из резерва 24-й танковый корпус и с его участием разбить подходящие с востока «танковые соединения противника». Три дивизии 42-го армейского корпуса были обязаны удерживать оборону по линии Северского Донца от Чугуева до Волчанска, причем «одна дивизия, состоявшая всего из двух пехотных полков, должна была удерживать полосу шириною 145 километров».

Таким образом «грандиозное танковое сражение под Прохоровкой» было задумано командованием группы армий «Юг» еще 11 мая, за два месяца до реальных событий. Лишь после этого должен был последовать бросок к Курску на соединение с Моделем.

Манштейн, у которого не доставало пехоты, предполагал взломать оборонительные полосы противника таранным танковым ударом, с «тиграми» и «пантерами» на острие клиньев, при поддержке самоходной артиллерии и авиации.

(Маршал Катукوف занимательно рассказывает, как его штаб, проявив изобретательность и «добрую сметку», замаскировал сотни «коробочек» под крестьянские сараи, хаты и баньки. Туповатые ребята из Абвера неоднократно забрасывали в район Обояни агентов, но за три с половиной месяца никакой полезной информации добыть не сумели: «Надо сказать, что для разведки Канариса был характерен некоторый шаблон. Шпионы почему-то непременно переодевались в советскую летную форму. Как правило, при них были радиопередатчики в походных сумках, но гитлеровцам так и не удалось засечь место дислокации нашей армии».

Ох, кто бы говорил. Невольно вспоминается, как наши разведывательные отделы забрасывали на оккупированные территории диверсантов, одетых в фуфайки с лейблами «Москошвея» и датой выпуска «июнь 1943 года».

По наблюдениям противника, «некоторым шаблоном» нашей разведки было использование несовершеннолетних агентов:

«Излюбленной их практикой было привлечение мальчиков в возрасте до 14 лет, которых специально готовили для этого и перебрасывали через фронт в нашем секторе. Непосредственно перед началом наступления только в районе Белгорода они использовали более десятка мальчишек. Они все рассказали о методах подготовки и способах передачи данных. Обучали мальчишек русские офицеры, подготовка длилась 4 недели, всего курсы закончило около 60 парней. Мальчишек брали из деревень непосредственно вдоль линии фронта, поэтому они хорошо знали местность. Многие оставались у родных и знакомых на занятой немцами территории, поэтому их было нелегко обнаружить и обезвредить. Их

талант наблюдателей и шпионские умения были непревзойденными. Поэтому жители населенных пунктов прифронтовой зоны были эвакуированы... в качестве предосторожности против шпионажа».

Советская сторона выселение гражданского населения из 25-километровой тактической зоны начала в конце апреля, что позволяло войскам «использовать преимущества населенных пунктов» (ну, там заминировать дом, устроить огневую точку или раскидать церковь на дзоты) и являлось «действенным средством борьбы с неприятельским шпионажем».

Нет, Катуков все делал правильно, но скрытность ему соблюсти не удалось. Немцы вели непрерывную авиаразведку, регулярно брали «языков» и точно так же использовали русских пацанов для добывания информации. В частности, в докладе генерала Гота от 20 июня сообщалось:

«За последнее время противник еще более укрепил свои позиции, значительно усилил средства обороны и, кроме того, по весьма достоверным сведениям, выдвинул 1-ю танковую армию с 3-м моторизованным и 16-м танковым корпусами в район Обоянь — Курск... Можно полагать, что после прорыва обеих оборонительных полос противника задача 4-й ТА будет состоять в разгроме 1-й танковой русской армии, ибо без ее уничтожения дальнейшее проведение операции невыполнимо».

Именно на армии Катукова немцы собирались испытать боевую эффективность «пантер».)

Воронежский фронт защищал южную часть Курского выступа протяженностью 244 километра. Генерал Ватутин предполагал, что противник нанесет удар из района Белгорода на Обоянь либо на Корочу, не исключался вариант — Волчанск — Новый Оскол. Соответственно выстраивалась диспозиция. В составе Воронежского фронта было 35 стрелковых дивизий, 4 танковых и 1 механизированный корпус, 6 отдельных танковых бригад, 10 отдельных танковых и 4 самоходных полка, 3 дивизиона бронепоездов. Войска фронта насчитывали 626 тысяч человек, 4122 орудия и 4596 минометов (плюс 1487 минометов калибра 50 мм), 272 реактивные установки, 761 зенитное орудие, 1861 танк (из них 1161 «три-

дцатьчетверка») и 65 самоходных установок (в том числе 11 трофейных).

Первый эшелон состоял из 38, 40, 6 и 7-й гвардейских армий. Вторые эшелоны и резервы располагались в центре и на левом крыле фронта.

Во 2-й воздушной армии (5 авиакорпусов, 2 авиадивизии и 2 отдельных полка) генерал-лейтенанта С.А. Красовского имелось 1153 самолета. Кроме того, в интересах Воронежского фронта работала 17-я воздушная армия Юго-Западного фронта.

Вот и первая, во всяком случае по мнению Г.К. Жукова, ошибка советского Генштаба: «Ставка и Генштаб считали, что наиболее сильную группировку противник создает в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка Воронежского фронта, где действовало 8 танковых, одна моторизованная дивизии, 2 отдельных батальона тяжелых танков и дивизион штурмовых орудий... Этим в значительной степени и объясняется то, что Центральный фронт легче справился с отражением наступления противника, чем Воронежский фронт».

Ничего подобного, возражает Рокоссовский: «Более удачные действия войск Центрального фронта объясняются не количеством войск противника, а более правильным построением обороны... Правильное определение наиболее опасного для войск фронта направления наступления противника, соответствующая этому группировка войск, маневр силами и средствами в процессе сражения явились основными факторами более успешных действий войск Центрального фронта, чем войск Воронежского — главные силы которого были растянуты на 164-километровом фронте, располагаясь равномерно на этом участке».

Короче говоря, воевать надо уметь, ребята! Ведь войска Воронежского фронта все равно имели количественное превосходство над противником и к тому же сидели в обороне.

С точки зрения генерала Ватутина, наиболее перспективной для вражеской атаки была 114-километровая полоса, занимаемая войсками 6-й и 7-й гвардейских армий. Однако силы и средства усиления первого эшелона были распреде-

лены равномерно по всему фронту — в составе каждой из четырех армий имелось по 7 стрелковых дивизий, одна-две танковые, одна-две истребительно-противотанковые бригады, два-три танковых, 8—10 артиллерийских полков. Гвардейские армии отличались лишь наличием самоходно-артиллерийских полков. Стрелковые дивизии занимали первые две оборонительные полосы. Оборону третьего и четвертого рубежа на угрожаемых направлениях должны были обеспечить 69-я армия и 35-й стрелковый корпус. В глубине на этих же направлениях были сосредоточены подвижные соединения — 1-я танковая армия, 5-й и 2-й гвардейские танковые корпуса, предназначенные для контратаки в случае прорыва главной полосы обороны.

Планируя на перспективу и желая сократить время для перехода в контрнаступление, Ватутин держал крупные силы на флангах белгородской группировки противника. По численности личного состава, количеству орудий и танков 40-я армия Москаленко, где наступление врага вовсе не ожидалось, ничуть не уступала принявшей на себя главный удар 6-й гвардейской армии и при этом имела меньшую протяженность фронта — 50 километров против 64 километров у Чистякова. Стрелковые дивизии в первом эшелоне выставили по два стрелковых полка и во втором эшелоне один полк, что тоже годится скорее для наступления, чем для обороны. Ярko выраженный наступательный характер носила тематика полевых занятий с войсками.

Да и в угадывании намерений Манштейна, «правильном определении наиболее опасного для войск фронта направления наступления противника», Николай Федорович, мягко говоря, промахнулся, утверждая в «соображениях» от 12 апреля, что главный удар противник будет наносить в направлении на Старый Оскол, а вспомогательный, «частью сил», — на Обоянь и Курск. Маршал Жуков план оборонительной операции Воронежского фронта, построенный без четко выраженной идеи сосредоточения сил на наиболее важных направлениях, подкрепил своим авторитетом, доложив Сталину, что «оперативно-тактическое расположение частей фронта, группировка сил и средств по армиям и направлени-

ям у меня не вызывает никаких сомнений. Я считаю, что оперативные решения Военного совета фронта отвечают обстановке и возможностям противника».

В состав Степного военного округа входили 27, 53, 47-я, 5-я гвардейская, 5-я гвардейская танковая и 5-я воздушная армии, 10, 18-й и 4-й гвардейский танковые, 3-й гвардейский механизированный, 3, 5, 7-й гвардейские кавалерийские корпуса — 573 тысячи человек, 3397 орудий, 4004 миномета (калибра 82 и 120 мм), 1639 танков и САУ, 548 самолетов.

23 июня командующим войсками округа был назначен генерал-полковник И.С. Конев.

Мы знали о намерениях противника.

Немцы знали, что мы знаем.

Теперь в лобовом столкновении, в «единоборстве с открытым забралом» предстояло выяснить, чья сила сломит.

По настоянию генерала Гота в воскресенье, 4 июля 1943 года, части 4-й танковой армии предприняли атаку в полосе 6-й гвардейской армии Воронежского фронта с целью создания плацдарма для наступления и овладения «наблюдательными пунктами, необходимыми для руководства наступлением». Дело в том, что здесь между линиями противников имелся разрыв, нейтральная полоса шириной 6—7 километров, кое-где занятая передовыми отрядами (усиленный стрелковый батальон) и постами боевого охранения советских дивизий первого эшелона. С немецкой стороны не просматривались позиции нашего переднего края, не было наблюдательных и корректировочных пунктов, артиллерия не имела удобных огневых позиций и не видела целей, а заниматься «погектарным долблением» считалось экономически нецелесообразным.

Поэтому в 16 часов — нехарактерное для немцев время — пикировщики подвергли сильной бомбардировке позиции

боевого охранения в районе Бутово, Герцовки, Драгунского, Яхонтово, а затем при поддержке огня полевой артиллерии, штурмовых орудий и саперных подразделений бросились в атаку передовые батальоны танковых и пехотных дивизий. В 23 часа Гот доложил Манштейну, что поставленные цели достигнуты и командные высоты захвачены. Застигнутые врасплох нападением посреди «мирного июльского дня» малочисленные советские отряды не смогли оказать противнику серьезного противодействия, а командование дивизий непозволительно долго не могло разобраться в обстановке и не сумело своевременно оказать поддержку. Лишь в отдельных пунктах, в частности в южной части хорошо укрепленного села Бутово, атакованного 11-й танковой дивизией, и у Герцовки, ожесточенный бой закончился лишь ночью. В дневнике 48-го танкового корпуса были зафиксированы первые впечатления: *«Противник полностью ошарашен наступлением корпуса, но, несмотря на все ожидания, хорошо защищается своей пехотой...»*

Донесения разведки, показания пленных и перебежчиков, бой за позиции передового охранения — все убеждало, что через несколько часов немцы перейдут в наступление. В этот напряженный момент советское командование решилось использовать «домашнюю заготовку» — на наиболее вероятных направлениях вражеских атак нанести упреждающие артиллерийские и авиационные удары по местам скопления живой силы и танков, его огневым позициям и наблюдательным пунктам. В 3 часа ночи (на Центральном фронте в 2.20) 2460 артиллерийских и минометных стволов, около 200 реактивных установок двух фронтов «разорвали предрассветную тишину курских полей». Чтобы не раскрывать систему огня на переднем крае, артполки противотанковых опорных пунктов и резерва не были задействованы:

Выпустив за полчаса в темную ночь до половины боекомплекта, наши полководцы почти сразу задумались: «Ё-мое, что ж мы сделали?» После войны генерал Чистяков писал: «Когда отгремели орудия, у меня, да и у офицеров штаба возникло сомнение: принесет ли эта контрподготовка ожидаемый эффект? Правда, вслух этого не говорили, но каждый так думал... И вторая думка: а не ударили ли мы по пустому

месту? Они же могли увести войска... Уже 5 часов 50 минут, а противник не наступает. Волнуемся. Звонит ВЧ. Слышу знакомый спокойный голос командующего:

— Иван Михайлович, почему противник не наступает на вашем участке? Скоро шесть, а, по данным вашей разведки, он должен в пять... Не всыпали ли мы по пустому месту несколько вагонов боеприпасов? Тогда попадем мы с вами в историю военного искусства в качестве примера, как не надо проводить контрподготовку.

Убил он меня!»

Мнения об эффективности данного мероприятия высказывались порой диаметрально противоположные. Маршал Василевский, подавлявший Ватутина авторитетом и заправлявший всеми делами в штабе Воронежского фронта, по вполне понятным причинам заверяет, что контрподготовка «дала исключительный эффект»:

«Противник, находившийся в исходном для наступления положении, понес большие потери в живой силе и технике. Дезорганизована была подготовленная им система артиллерийского огня, нарушено управление войсками. Понесла потери и вражеская авиация на аэродромах, а связь с нею у общевойскового командования также нарушилась... Даже не зная деталей результатов контрподготовки, мы испытывали чувство большого удовлетворения ее общими итогами. Гитлеровцы с трудом смогли начать наступление вместо 3 часов утра 5 июля тремя часами позже».

Командующий артиллерией 6-й гвардейской армии генерал-майор Д.И. Турбин без всяких «деталей» подмахнул донесение, в котором одним махом «уничтожил» до 4000 солдат и офицеров противника, 24 танка, в том числе 3 «тигра», и 12 артиллерийских батарей. Дали бы Турбину еще часок пострелять, он бы Курскую битву выиграл в тот же день. Артиллеристы Центрального фронта, отдавшие предпочтение стационарным целям, «по самым неполным данным, уничтожили и подавили до 100 батарей противника, 60 наблюдательных пунктов, 10 складов с боеприпасами и горючим».

Непонятно, с какой стати Александр Михайлович удумал, что Манштейн двинет танковую армаду через сплошные минные поля, противотанковые рвы и речные преграды

в абсолютной темноте, за полтора часа до рассвета? До такого мог дойти только маршал Жуков со своей знаменитой «прожекторной атакой».

Кстати, Жуков, находившийся в штабе Центрального фронта, честь и ответственность за принятие решения на открытие огня предоставил Рокоссовскому и потому задним числом позволил себе поразмышлять:

«Однако следует сказать, что к началу действий противника план контрподготовки у нас в деталях полностью еще не был завершен. Не были точно выявлены места сосредоточения в исходном положении и конкретное размещение целей в ночь с 4 на 5 июля... В результате нам пришлось вести огонь в ряде случаев не по конкретным целям, а по площадям. Это дало возможность противнику избежать массовых жертв... Конечно, артиллерийская контрподготовка нанесла врагу большие потери и дезорганизовала управление наступлением войск, но мы все же ждали от нее больших результатов. Наблюдая ход сражения и опрашивая пленных, я пришел к выводу, что как Центральный, так и Воронежский фронты начали ее слишком рано: немецкие солдаты еще спали в окопах, блиндажах, оврагах, а танковые части были открыты в выжидательных районах».

Удары авиаторов 2-й и 17-й воздушных армий по немецким аэродромам откровенно провалились. Изначально в них предполагалось задействовать 417 штурмовиков и истребителей (бомбардировщиков-ночников по непонятной причине к операции не привлекли). Однако «сталинские соколы» не имели боевого опыта, не могли держать строй, выдерживать курс и никогда не летали в ночных условиях, «подавляющее большинство из них умело только с горем пополам взлетать и совершать полеты по кругу над собственным аэродромом». К примеру, из выпущенных в мае 1943 года 1-й запасной авиабригадой 137 летчиков-штурмовиков 48 человек успели только прослушать теоретический курс боевого применения штурмовика. В результате самолеты, назначенные внезапными массированными ударами «ослабить воздушную группировку врага», управляемые летчиками-недоучками, гробились на взлете, таранили друг друга в воздухе и терялись по дороге. На подходе к линии фронта их уже ждали

вражеские истребители, наводимые радиолокационными станциями, а в районе аэродромов — мощные силы ПВО в полной готовности.

Так, из 24 боевых машин 266-й штурмовой авиадивизии 2-й воздушной армии вылететь на задание смогли 18, на цель вышли 14 самолетов, домой вернулись только три. Из сорока «ильюшиных», выделенных 17-й воздушной армией для штурмовки аэродрома в Барвенково, ввиду «сложных погодных условий» в полет отправились только восемь машин, но до цели они не добрались. В 237-м авиаполку 305-й штурмовой дивизии из двух восьмерок «горбатых», направившихся к Основе и Рогани — для двенадцати пилотов это был первый боевой вылет, — вернулся лишь один экипаж. Неграмотно действовали истребители сопровождения, зачастую просто бросавшие своих подопечных.

Всего в налетах приняли участие 250 самолетов, из них, по немецким данным, было сбито и повреждено 120, по советским — безвозвратно потеряно 50 машин, в том числе 35 штурмовиков. Командование 2-й и 17-й воздушных армий доложило о 60 самолетах противника, уничтоженных на земле и в воздухе.

На Центральном фронте, поразмыслив здраво, поднимать самолеты затемно признали нецелесообразным.

Не подлежит сомнению, что в ходе контрподготовки противник понес какие-то людские потери и определенный урон в технике, в основном в группе «Кемпф», готовившейся к форсированию Северского Донца в районе Михайловского плацдарма, что позволяло нашим артиллеристам с большой долей вероятности вычислить места «вероятного сосредоточения». Была также нарушена система проводной связи, что, правда, нисколько не задержало начало операции «Цитадель». По-настоящему огорчил немцев лишь сам факт потери оперативной внезапности. Какое-то время они ожидали, что русские покинут свои оборудованные позиции и перейдут в атаку, но такой радости им не досталось.

В целом соразмерность достигнутых результатов с произведенными затратами внушает сомнения. Во всяком случае, нанести существенный урон соединениям противника

на исходных рубежах и серьезно ослабить силу его удара у наших стратегов не получилось.

В 5 часов утра, точно по плану, заговорила немецкая артиллерия.

На Центральном фронте

Артподготовка еще продолжалась, когда девять дивизий первого эшелона 9-й немецкой армии двинулись «в решительный бой».

Главный удар генерал Модель наносил силами 47-го танкового корпуса Иохима Лемельзена (6, 20, 9-я танковые, 6-я пехотная дивизии, 245-й и 904-й дивизионы штурмовых орудий — 60 тысяч человек, 283 танка и 94 САУ) и 41-го танкового корпуса Йозефа Харпе (18-я танковая, 292-я и 86-я пехотные дивизии, 656-й противотанковый полк, 21-я танковая бригада, 216-й тяжелый танковый дивизион, 177-й и 244-й дивизионы штурмовых орудий — 55 тысяч человек, 123 танка и 258 САУ). 23-й армейский корпус генерала Фрейснера, чьей задачей было обеспечение левого фланга танкового клина, двумя дивизиями (78-я штурмовая, 216-я пехотная) нацелился на Малоархангельск. Прикрывавший правый фланг ударной группировки 46-й танковый корпус генерала Зорма, танковых дивизий в своем составе не имевший, тремя дивизиями (258, 7, 31-я пехотные) наступал на Гнилец.

Из состава четырех корпусов Модель, кроме восьми пехотных дивизий, поддержанных дивизионами штурмовых орудий, 5 июля задействовал только одну танковую — 20-ю дивизию генерала фон Кесселя (82 танка) и моторизованный полк 18-й танковой дивизии. В полосе 6-й пехотной дивизии генерала Гроссмана действовал 505-й тяжелый танковый батальон под командованием майора Сована. Пресловутых «тигров» в нем имелось 31 единица — две роты (экипажи третьей роты убыли получать новые машины и вовремя вернуться не успели). 292-ю и 78-ю дивизии поддерживали два дивизиона «фердинандов» (89 машин) из состава 656-го противотанкового полка Эрнста фон Юнгфельда.

Дивизии первой волны должны были пробить брешь в обороне 13-й советской армии (17, 18-й гвардейские, 15-й и

29-й стрелковые корпуса) в промежутке между шоссе и железной дорогой на Курск и проложить дорогу «панце-рам». С первой минуты подтвердились опасения, что русские позиции придется «прогрызть».

Ни в одной из армий Центрального и Воронежского фронтов не было столько огневых средств и не имелось такой глубокой обороны, как в армии генерала Пухова.

«Эшелонированием боевых порядков вообще и полков и батальонов в частности выделялась 13-я армия, — отмечалось в оперативном очерке Генерального штаба. — В этой армии эшелонирование боевых порядков зачастую начиналось в роте. Взводы вторых эшелонов рот располагались в отдельных траншеях сзади и были связаны ходами сообщения с первой линией траншей. Роты вторых эшелонов батальонов занимали вторую линию траншей, а батальоны вторых эшелонов полков — третью линию траншей».

На главном рубеже оборонялись батальоны 15, 81, 148, 8-й стрелковых дивизий с сильным артиллерийским усилением. Здесь было создано 15 противотанковых районов, состоявших из 45 противотанковых опорных пунктов. Вторую оборонительную полосу занимали 6-я гвардейская, 307, 74-я стрелковые дивизии и три танковых полка, тыловую — 2, 3, 4-я воздушно-десантные дивизии 18-го гвардейского стрелкового корпуса, 129-я танковая бригада и два танковых полка. Еще две стрелковые дивизии — 70-я и 75-я гвардейские — находились на первом фронтовом рубеже.

В полосе 13-й армии было выставлено 80 тысяч мин, в том числе большое количество радиоуправляемых фугасов, сосредоточено 2718 орудий, средних и тяжелых минометов, что на 1 километр фронта давало до 85 стволов калибром от 45 до 203 мм; непосредственно для борьбы с танками выделялось 979 орудий противотанковой и дивизионной артиллерии.

Всю тяжесть первого удара на ольховатском направлении приняли на себя бойцы и командиры 15-й и 81-й дивизий 29-го стрелкового корпуса и правофланговые соединения 70-й армии — 280-я и 132-я стрелковые дивизии.

Завязка сражения являла собой классическую прелюдию к «блицкригу». Волнами по 50—100 машин, сменяя друг дру-

га, непрерывно подходили немецкие самолеты, щедро вываливавшие 250- и 500-килограммовые фугасные и противопехотные кассетные бомбы на советские войска, засевшие в главной и второй полосе обороны.

Группы тяжелых танков и штурмовых орудий выкатили к переднему краю и открыли огонь с дистанции 1300—1500 метров, прикрывая развертывавшиеся для атаки средние и легкие машины и пехоту. Советская сторона в ответ яростно гвоздила из всех стволов и систем. Затем подоспели краснозвездные истребители и штурмовики. Под шквальным огнем поползли в колосающейся ржи к переднему краю немецкие саперы, расчищая проходы в минных полях.

Для ускорения процесса и снижения потерь немцами была использована специальная техника. Каждому дивизиону «фердинандов» и батальону «тигров» придали по роте дистанционно управляемых танкеток В-IV «Боргвард», предназначенных для нейтрализации мин, разрушения долговременных огневых точек и иных препятствий. Танкетка весила 3,6 тонны, развивала скорость до 38 км/час и несла 500-килограммовый заряд взрывчатого вещества. Водитель скрытно подводил мини-танк к цели, блокировал ручное, включал дистанционное управление и покидал машину. Затем оператор, находившийся в укрытии или на борту штурмового орудия, радиокомандами посылал «робота» вперед. У цели с лобового наклонного листа скатывался контейнер с зарядом, и слегка бронированная машина, если оставалась цела, отъезжала на исходную позицию. После чего происходил подрыв заряда, уничтожавшего мины в радиусе 40—50 метров. Так, 312-я «дистанционная» рота, действуя в составе 653-го дивизиона истребителей танков, проложила три прохода в минном поле, использовав 12 «боргвардов». Были применены также карликовые «беспилотные» танкетки В-III «Гольяф» с зарядом 60 килограммов, управляемые по проводам. На некоторых участках для разминирования использовались пикирующие бомбардировщики.

И все равно германские «бронечуды» подрывались одно за другим. Машины, следовавшие сзади, оттаскивали поврежденные танки назад и по их следам продолжали преодолевать заминированные участки.

Наконец, в девятом часу противник добрался до переднего края главной полосы обороны.

«Однако, — отмечает немецкий автор, — советская пехота не запаниковала от рева «тигров» и «фердинандов». На самом правом фланге немецкого построения 258-я пехотная дивизия, атаковавшая вдоль дороги Тросна — Фатеж, уткнулась носом в землю перед первой линией траншей, не в силах преодолеть «неистовое сопротивление русских». Держались 280-я и 132-я стрелковые дивизии, отражавшие натиск 7-й и 31-й пехотных. Стойко сражались 15-я и 81-я стрелковые дивизии, отбившие четыре атаки — на них навалились пять дивизий, поддержанные тяжелыми танками, «фердинандами» и пикировщиками. Стрелки и пулеметчики отсекали пехоту, орудия противотанковой артиллерии прямой наводкой расстреливали танки, бронбойщики били по приборам наблюдения, саперы подсовывали мины прямо под гусеницы, бойцы бросались на вражеские машины с гранатами и бутылками КС.

По приказу командующего фронтом в воздух поднялись более 200 истребителей и около 150 бомбардировщиков 16-й воздушной армии. Они наносили удары по танкам и резервам противника, штурмовики впервые применили «секретные» кумулятивные авиабомбы, «их удары замедлили темп наступления гитлеровцев на этом участке». Маршал авиации Руденко уверяет, что «летчики нашей армии уничтожили за этот день 106 фашистских бомбардировщиков и истребителей, сожгли 65 танков», умалчивая о том, что эксперты Люфтваффе сразу и прочно захватили господство в воздухе. Современный исследователь А. Смирнов о боях на северном фазе Курской дуги пишет:

«5 июля 1943 года здесь сложилась парадоксальная ситуация, когда всего 88 исправных немецких истребителей (*а всего их было 140.* — В.Б.) оказалось достаточно для того, чтобы создать, по оценке советской стороны, «в воздухе мощную завесу» перед своими бомбардировщиками и терроризировать советские штурмовики, а 386 боеготовых летчиков-истребителей и 511 исправных «ястребков» — Як-1, Як-7, Як-9, ЛаГГ-3 и «аэрокобра» — 16-й воздушной армии Центрального фронта не хватило ни для того, чтобы нейтрализовать не-

мецкие бомбовозы, ни для того, чтобы обеспечить сопровождение своих штурмовиков. И это при том, что в воздух были подняты все резервные звенья и экипажи. Советское командование распылило свои силы, заставив значительную часть истребителей барражировать над районами, которым с воздуха никто не угрожал. Немцы же все имевшиеся в наличии немногочисленные «фоккеры» бросили в район главного удара своих войск, — по которому должны были работать их бомбардировщики, — чтобы целенаправленно искать советские истребители и уничтожить их еще на подлете к полю боя. В результате, по свидетельству офицера Генерального штаба при Центральном фронте полковника В.Т. Фомина, «бомбардировочная и штурмовая авиация противника производила бомбардировку наших боевых порядков на всю тактическую глубину».

После двух часов ожесточенного сражения противник сломил сопротивление 15-й и 81-й стрелковых дивизий и начал теснить их на юг. 20-я танковая дивизия с полками 31-й пехотной прорвалась на стыке с армией Галанина, захватила Бобрин и, расширяя «дыру», повернула на запад, на Гнилец. Здесь с большими трудностями она была остановлена вынужденной отступить и завернувшей правый фланг 132-й стрелковой дивизией генерал-майора Т.К. Шкрылева.

К 10.30 немцам удалось овладеть высотой 254, Озерками и Ясной Поляной. Боевые порядки 15-й и 81-й стрелковых дивизий были расчленены, отдельные их части дрались в окружении. Танковые группы противника устремились на юг. В полдень «тигры» 505-го батальона, следовавшие впереди 6-й пехотной дивизии, вошли в деревню Бутырки и повели наступление на Снову. 292-я пехотная дивизия генерала фон Клюге, усиленная моторизованным полком и 653-м противотанковым дивизионом, прорвалась к Александровке, проникнув на 5 километров в глубь советской обороны. 86-я пехотная дивизия Гельмута Вейдлинга достигла северной окраины станции Поньри. Экипажи «фердинандов», убедившись в своей неуязвимости, крошили доты, громили позиции советской пехоты и артиллерии. «Расчеты полевых и противотанковых орудий бросали позиции после нескольких безуспешных выстрелов в наши машины», — докладывал коман-

дир взвода Бозм. На левом фланге 78-й штурмовой дивизии генерала Траута удалось потеснить 148-ю стрелковую дивизию и захватить станцию Малоархангельск.

На острие немецкого тарана главная полоса была вскрыта. Однако, как уже говорилось, система обороны 13-й армии имела свои особенности. Вторая полоса по наличию огневых средств не уступала главной, а тыловая значительно превосходила ее. Для уничтожения прорвавшихся танков генерал Пухов задействовал подвижные отряды заграждения (они состояли из одной-двух саперных рот или инженерного батальона, усиленного автоматчиками. Такому отряду заранее указывалась полоса действий. В 13-й армии подвижный отряд № 1 оборонял направление на Ольховатку, № 2 — на Поныри, № 3 — на Малоархангельск), танковый полк и несколько саперных подразделений. С открытых позиций в борьбу с вражескими машинами вступила дивизионная и зенитная артиллерия.

Генерал Рокоссовский, сочтя, что оперативные прогнозы штаба Центрального фронта полностью подтвердились, уже в первой половине дня передал командармам приказ: «6 июня с рассветом приступить к действиям по варианту № 2».

План предусматривал нанесение силами 2-й танковой армии (3-й и 16-й танковые корпуса, 11-я гвардейская танковая бригада — 447 танков), 17-го и 18-го гвардейских стрелковых корпусов встречного удара по главной группировке противника. Одновременно левый фланг 48-й армии должен был наступать на Змиев, а правый фланг 70-й армии — на Кромы. В оперативное подчинение командующего танковой армией генерал-лейтенанта А.Г. Родина дополнительно передавался 19-й танковый корпус (19, 101, 202-я танковые бригады — 187 танков). Командир 9-го танкового корпуса (23, 95, 108-я танковые, 8-я мотострелковая бригады — 193 танка) получил указание переместиться к северу, в район Арсеньевский, сосредоточиться за центром армии Пухова и к утру быть в готовности действовать «направо» либо «налево» — по обстановке. Таким образом, предполагалось пустить в дело почти 800 танков и самоходов, клин вышибая клином.

Части 17-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А.Л. Бондарева немедленно начали выдвижение в исходные

районы, но были задержаны на марше неоднократно ударами немецкой авиации, которую генерал Руденко еще не всю успел уничтожить. Рубежа Снова — Кашара корпус достиг только к вечеру: «Это не могло не отразиться на организации взаимодействия с танковыми соединениями и подготовке корпуса к наступлению».

В оперативное подчинение 13-й армии из резерва были переданы 1-я и 13-я истребительно-противотанковые и 21-я отдельная минометная бригады, спешно переброшенные в район Поныри и Снова.

Тем временем наша пехота, цепляясь за каждый подготовленный рубеж, продолжала оказывать упорное сопротивление. Используя сильную артиллерийскую поддержку, она медленно пятилась на юг и юго-восток. Остатки фактически раздавленной 15-й стрелковой дивизии полковника В.Н. Джанджгавы к исходу дня закрепились на втором оборонительном рубеже в полосе 6-й гвардейской дивизии. 81-я дивизия генерал-майора А.Б. Барина вела напряженные бои на рубеже Семёновка — Бузулук — Поныри.

«Русские пехотинцы, — пишет Карель, — пропускали танки через свои хорошо замаскированные окопы, а затем вступали в бой с немецкой пехотой. Таким образом, сражение продолжало бушевать на тех участках, которые командиры передовых танков считали уже завоеванными.

Штурмовым орудиям и танкам приходилось возвращаться, чтобы помочь своим. Затем они снова шли вперед и снова возвращались. К вечеру пехота осталась без сил, а танки и штурмовые орудия — без топлива. Тем не менее наступающие глубоко вклинились в оборону противника.

Батальоны и полки докладывали: «Мы продвигаемся! С трудом, дорогой ценой. Но мы продвигаемся!»

И еще один факт постоянно повторяли в своих донесениях все командиры: «Нигде противник не был застигнут врасплох. Нигде он не был неподготовленным. Совершенно очевидно, что нашей атаки ждали...»

К вечеру 5 июля немецкие артиллеристы и танкисты, водители штурмовых орудий и саперы — все знали, что, несмотря на сосредоточение всех наличных средств, несмотря на успешный штурм отчаянно защищаемых и хорошо укреп-

ленных высот, несмотря на изрядное количество военнопленных, которые теперь тащатся позади, — несмотря на все это, вместе взятое, не может быть и речи о сколько-нибудь существенном прорыве в невообразимо мощную и глубокую советскую полосу обороны».

Продвинувшись в первый день на главном направлении на 6—8 километров, немецкие соединения достигли второго армейского рубежа.

В штабах подводили итоги. Прояснилось, что противник основные усилия направляет не вдоль железной дороги, а слегка западнее, в общем направлении на Ольховатку. В связи с этим Рокоссовский вынужден был внести поправки в вариант № 2.

Генерал Родин получил указание 3-м танковым корпусом (51, 101, 50-я танковые, 15-я мотострелковая бригады — 192 танка) перейти к обороне на рубеже Горяиново — Городище, а 16-м (107, 164, 109-я танковые бригады — 201 танк) и 19-м танковыми корпусами во взаимодействии с частями 17-го гвардейского стрелкового корпуса с рассветом 6 июля, упредив противника, перейти в наступление на Бутырки — Подольня с ближайшей задачей восстановить положение на левом фланге 13-й армии. 18-й гвардейский стрелковый корпус, оставаясь во втором эшелоне, должен был прочно прикрывать малоархангельское направление.

Ночью, докладывая Сталину обстановку и свое решение, Рокоссовский узнал приятную новость: в состав Центрального фронта передается из резерва 27-я армия под командованием генерал-лейтенанта С.Т. Трофименко (155, 147, 241, 163, 166, 71-я стрелковые дивизии, 93-я танковая бригада). Но к утру обстановка в мире изменилась.

Во-первых, 27-ю армию Ставка решила направить в помощь Ватутину, а на Рокоссовского возложила дополнительную задачу — подготовить оборону Курска с юга на случай прорыва противника через позиции Воронежского фронта. «Имейте в виду, — сказал Сталин, — положение нашего левого соседа тяжелое, противник оттуда может нанести удар в тыл наших войск». Пришлось придержать 9-й танковый корпус генерала С.И. Богданова и изыскивать средства, чтобы прикрыть себе «спину», в частности, снимать войска с вер-

шины Курского выступа, ослабляя армии Батова и Черняховского.

Во-вторых, 19-й танковый корпус генерал-майора И.Д. Васильева, в связи с изменениями в плане № 2 вынужденный для выхода на исходный рубеж проделывать проходы в собственных минных полях и прочих препятствиях, к контрудару подготовиться не успевал. Реально с рассветом в наступление могли перейти только 17-й гвардейский стрелковый (70, 75, 6-я гвардейские дивизии) и 16-й танковый корпуса генерал-майора В.Е. Григорьева.

6 июля в 3.50 советская артиллерия открыла сильный огонь. С рассветом начала активничать советская авиация. Генерал Руденко, получивший от Верховного, очень недовольного действиями «соколов» и их командира, строгое указание завоевать господство в воздухе, организовал подъем одновременно 600 самолетов. Две штурмовые авиадивизии и полк пикировщиков нанесли удар по переднему краю противника.

«По существу, — признает С.И. Руденко, — в нашей воздушной армии это был первый случай, когда шестьсот самолетов действовали по небольшому участку фронта... На Курской дуге я впервые по-настоящему узнал цену взаимодействию всех родов войск».

Профессиональный рост генерала, конечно, радует. Однако, судя по итоговому донесению штаба Центрального фронта, фокус удалось проделать один раз — благодаря отсутствию в небе авиации противника: «По предварительным данным, в течение дня произведено 900 самолето-вылетов, из них бомбардировку и штурмовку — 306, на сопровождение и прикрытие своих войск — 594». Появившиеся над полем боя «фоккеры» 51-й и 54-й истребительных эскадр парализовали действия советской авиации, не позволив «пешкам» 3-го бомбардировочного корпуса поддержать контрудар. В оставшееся светлое время 16-я воздушная армия занималась в основном истребительным прикрытием наземных войск, совершив в течение дня — так получается — всего 300 вылетов на тысячу машин. В то же время пилоты «штурк», действуя с не-

виданной интенсивностью, за день совершили по 5—6 боевых вылетов.

По сигналу в атаку пошли танковые бригады 16-го корпуса, 75-я и 6-я гвардейские дивизии. Их поддерживали огнем 4-й артиллерийский корпус, 1541-й и 1441-й самоходные артиллерийские полки.

Противник оказал упорное сопротивление, благо рыть окопы ему было без надобности, и теперь уже: «наша пехота, следовавшая за танками, неся большие потери, стала все чаще залегать и отставать от танков. Ведя огонь с хода, наши танки уничтожали одну огневую точку врага за другой и упорно продвигались вперед. Иногда отдельные танковые подразделения вынуждены были возвращаться к своей пехоте, залегшей под огнем противника. Прикрывая бойцов своей броней, танки помогали им продвинуться вперед».

Насчет уничтожения огневых точек «одну за другой» — ерунда. Ведя огонь с хода, из нестабилизированной пушки попасть в цель невозможно. К примеру, генерал Чистяков, обучая пехоту не бояться движущегося танка, сажал на место стрелка представителя от стрелковой роты, чтобы он лично мог убедиться и товарищам рассказать — ни черта танкист не видит: «Боец ехал, смотрел в смотровую щель, действительно ничего не видно — земля да небо, стрелок и бьет оттуда, как в белый свет». Пальба на полном ходу смысл имела чисто психологический, а кроме того, если танк останавливался, пехота залегала, и ее было уже не поднять.

В шестом часу утра корпус генерала Бондарева, преодолев два километра, вышел на рубеж Первые Поныри — Бобрик. Справа части 81, 148-й и 74-й дивизий, тоже перешедшие в наступление, вели бой за южную окраину Согласного и станцию Малоархангельск.

В это время 107-я танковая бригада, будучи головной и развивая успех на Бутырки, наткнулась на засаду, организованную «тигровым» батальоном. Вкопанные в землю, неуязвимые для «тридцатьчетверок» танки Pz. IV и Pz. VI с дальней дистанции выбили бригаду практически полностью, как в тире, расстреляв 47 танков из 51. Еще 42 машины потеряли в этом бою 109-я и 164-я танковые бригады. Генерал Григорьев приказал «коробочкам» отойти в исходное положение.

Части 17-го гвардейского корпуса стали закрепляться на достигнутом рубеже. На помощь им были брошены 237-й танковый полк, 1-я гвардейская артиллерийская дивизия и 378-й истребительно-противотанковый полк. Подвижные отряды заграждения приступили к установке мин на танкоопасных направлениях.

Парировав контрудар, немецкие войска около 9 часов утра возобновили наступление на Ольховатку. У Моделя еще остались в колоде серьезные карты: в бой вступили 2, 9-я и 18-я танковые дивизии. До 300 танков и большое количество пехоты с линии Бобрик — Бутырки атаковали позиции 17-го гвардейского корпуса. На поддержку корпуса была ориентирована вся артиллерия 13-й армии. Артиллеристы записали на свой счет более 80 уничтоженных танков и самоходных установок, однако немцы рвались вперед. В 13 часов враг ввел в бой из района Александровки 292-ю пехотную дивизию с танками.

Части 17-го корпуса, не выдержав нового удара, оставили занимаемый рубеж и к 17 часам отступили в исходное положение. «Тигры» 505-го батальона взяли Саборовку, 2-я танковая дивизия генерала Люббе (118 танков) повела атаку на Кашару, 9-я танковая Вальтера Шеллера (83 танка) — на Самодуровку.

Именно в этот момент перешел в наступление на Подольянь 19-й танковый корпус. Однако удар «по готовности», нанесенный запоздало, без учета сложившейся обстановки, успеха не имел. Соседи справа к этому времени откатились назад и отражали ожесточенные атаки противника. Корпус Васильева, потеряв безвозвратно 52 машины, откатился в исходное положение и занял оборону на прежнем рубеже.

«Авиация противника, — сообщала в 22 часа оперативная сводка штаба Центрального фронта, — группами 20—30 и 60—100 самолетов непрерывно воздействовала на боевые порядки войск армии». Интересно, с каким чувством читали маршалы мемуары друг друга? Открывает Константин Константинович сочинение С.И. Руденко и узнает про себя много нового:

«Вечером Рокоссовский сказал мне:

— Теперь я смело доложу, что полностью господствуем в воздухе (?!)».

(Изучение мемуаров — интересное занятие, похожее на перекрестный допрос. К примеру, из них совершенно невозможно понять, где находился и чем занимался маршал Жуков. «Вспоминаешь» вместе с Георгием Константиновичем, так он пять дней бдиль обстановку на командном пункте Центрального фронта, вел «в ходе описываемых сражений» переговоры с товарищем Сталиным и лишь 9 июля, убедившись, что у Рокоссовского все в ажуре, а противник «уже не располагает силой», улетел «вводить в дело Брянский фронт». Но вот генерал Руденко попрощался с маршалом 7 июля. А Рокоссовский и вовсе проводил представителя Ставки на Западный фронт через четыре часа после начала сражения:

«Прибыл он к нам вечером накануне битвы, ознакомился с обстановкой... Утром 5 июля в разгар развернувшегося уже сражения он доложил Сталину о том, что командующий фронтом управляет войсками твердо и уверенно, и попросил разрешения убыть в другое место. Получив разрешение, тут же от нас уехал. Был здесь представитель Ставки или не было его — от этого ничего не изменилось. А возможно, даже ухудшилось... Вот так выглядело фактически пребывание Жукова Г.К. на Центральном фронте».)

Несмотря все усилия, 6 июля войска правого крыла Центрального фронта поставленные задачи не выполнили. Встречное сражение еще раз подтвердило, что при наличии у противника новых типов танков и САУ атаковать его в лоб в чистом поле чревато большими убытками. Главным оружием против вражеской бронетехники стали артиллерия и мины. Всю ночь наши саперы восстанавливали перед передним краем инженерные заграждения и начиняли грунт «тихой смертью». Генерал Рокоссовский, усвоив урок и выбросив из головы мысли о контрударах, приказал вкопать танки в землю и упорным сопротивлением истощать врага. Генерал Модель, наращивая силы, стремился сломить сопротивление русских на 24-километровом участке Поньры — Самодуровка.

«Противник стал вводить в бой оперативные резервы, — пишет Манштейн, — которые стояли у него в северо-западной части Курской дуги и перед юго-восточным участком

Орловской дуги. Это было признаком того, что противник намеревался при всех обстоятельствах удержать Курскую дугу, и одновременно того, что в случае успеха операции «Цитадель» можно было окружить действительно крупные силы противника».

Контрудар Рокоссовского цели не достиг, однако «дыхание» немцам сбил, те по-прежнему топтались перед второй полосой обороны. В последующие дни противник значительно сократил фронт активных действий, отказавшись от наступления на Гнилец и Малоархангельск. Основные события развернулись вокруг станции Поныри и на ольховатском направлении.

Поныревский узел перехватывал железную дорогу Орел — Курск, отсюда советские войска имели возможность наносить фланговые удары по группировкам противника, наступавшим как на деревню Ольховатка, так и на Малоархангельск. Поэтому Модель, чтобы обеспечить движение на юг, приложил все усилия, чтобы овладеть этой позицией. Рокоссовский и Пухов понимали значение станции, более того, с самого начала предполагали, что через нее пройдет главная ось немецкого наступления, и три месяца занимались «благоустройством территории». С фронта и с флангов Поныри были прикрыты сплошными минными полями, в том числе управляемыми, и разнообразными заграждениями. Узел сопротивления располагал большим количеством танков (129-я и 51-я танковые бригады, 27-й гвардейский танковый полк) и противотанковой артиллерии (1180-й и 1188-й истребительно-противотанковые артполки). Плотность артиллерийской группировки составляла 87 стволов на километр. В распоряжении оборонявшего район командира 307-й стрелковой дивизии генерал-майора М.А. Еншина находился армейский подвижный отряд заграждения. С немецкой стороны здесь действовали 18-я и 9-я танковые, 292-я и 86-я пехотные дивизии, 654-й дивизион «фердинандов» и дивизион штурмовых танков «брумббер».

С рассветом 7 июля 41-й танковый корпус крупными силами повел атаку на Поныри. В первом эшелоне действовали

тяжелые самоходные установки. Немецкая авиация, действуя малыми группами, непрерывно подходила к фронту и сбрасывала бомбы на позиции советских войск. Те отвечали массированным огнем крупнокалиберной артиллерии и огнем прямой наводкой. Против неуязвимых «сооружений доктора Порше» в действие были введены управляемые фугасы, в бой вступили подвижные отряды заграждения. Часть танков, пытавшихся обойти узел сопротивления, попала в заранее подготовленный «огневой мешок». К полудню после ожесточенного боя немцам удалось овладеть поселком 1-е Мая и железнодорожной станцией Поньры и, оттеснив 1019-й стрелковый полк, вклиниться во вторую полосу обороны 13-й армии.

Командир 307-й дивизии, перегруппировав силы, стянул к Поньрям всю противотанковую артиллерию, к борьбе с бронетехникой изготовились орудия самых крупных калибров, включая 203-мм. После 15.00 немцы, произведя сильную авиационную бомбардировку боевых порядков советских войск, бросили в бой 18-ю танковую дивизию генерала фон Шлибена, 86-ю пехотную, часть сил 292-й и 78-й дивизий. Одновременным ударом с трех направлений они овладели северной частью пристанционного поселка.

В район Поньрей из резерва фронта были направлены части 5-й артиллерийской дивизии, 13-я истребительно-противотанковая, 11-я минометная бригады, 22-я гвардейская бригада реактивной артиллерии. «Можно с уверенностью сказать, — отмечает маршал К.П. Казаков, — что никогда до этого случая стрелковая дивизия не получала подобного усиления».

В 6 утра 8 июля генерал Еншин после мощной артподготовки провел контратаку и «восстановил положение предыдущего дня». (Ровесник века, Михаил Александрович Еншин военного образования не имел никакого. Молодость его прошла в боях с басмачами и другими внутренними и внешними врагами. На должность командира дивизии он, будучи в звании полковника, шагнул летом 1941 года из преподавательского кресла Высшей школы войск НКВД. Проявил себя как волевой, храбрый, требовательный, безжалостный комдив — как раз то, что нужно. Для подчиненных был

страшнее «фердинанда». Из письма товарища Н.А. Булганина товарищу Г.М. Маленкову: «6 февраля с.г. (1944-го. — В.Б.) командир 307-й сд генерал-майор Еншин на своем НП лично расстрелял и.о. начальника артиллерии 1019-го сп капитана Баранкова». Между прочим, тот самый геройский полк, а может, и тот самый капитан, которого немцы не убили в Понырях. Дивно ли, что офицеры рангом ниже сдуру и спьяну и запросто отстреливали красноармейцев. Только тех, кто звезд на погонах имел меньше, за такие развлечения отправляли в штрафбат, а заслуженному генералу-самодуру, имеющему покровителей в уважаемом ведомстве, объявили выговор от имени Военного совета армии. Еншин всю войну командовал разными дивизиями, стал Героем Советского Союза и заслужил редчайший «иконостас» — среди прочего, семь орденов Боевого Красного Знамени, но генерал-лейтенанта ему дали только к пенсии в 1953 году.)

9 июля, сформировав ударную группу из 200 танков и самоходных орудий, немцы в 15.00 вновь ворвались в Поныри, окружив подразделения 307-й стрелковой дивизии в центре поселка. Но в 19.00 снова последовал контрудар, в котором приняли участие 3-й танковый корпус и 4-я гвардейская воздушно-десантная дивизия. В течение четырех дней «линия фронта» перемещалась от северной окраины Понырей к южной и обратно.

11 июля генерал Модель предпринял попытку переломить ситуацию вводом 10-й моторизованной дивизии; генерал Пухов выставил десантников 18-го гвардейского корпуса. К 12 июля немецкое наступление выдохлось. Еще три дня спустя комиссия насчитает вокруг Понырей 21 искалеченный «фердинанд», три «бруммера» и 28 танков, которых противник не смог эвакуировать.

Не менее ожесточенные бои происходили в центре и на левом фланге 13-й армии и ее стыке с 70-й армией, где оборонялись 17-гвардейский стрелковый корпус, 43-й и 53-й гвардейские танковые полки, занявшие позиции в первом эшелоне пехоты, части 16-го и 19-го танкового и 4-го артиллерийского корпусов.

Особую роль в борьбе на этом направлении сыграла 3-я истребительная артиллерийская бригада полковника В.Н. Рукосуева, входившая в состав 2-й истребительной дивизии. Противотанкисты заняли заранее подготовленный и отрекогносцированный рубеж, состоявший из двух противотанковых узлов, в каждом из которых располагалось по три 76-мм и 45-мм артиллерийских, одной 82-мм минометной батарее и батальону бронейщиков. Узел № 2 находился на окраине села Самодуровка, узел № 1 — на высотах, контролирующих перекресток дорог в районе Кутырки. Резерв комбрига — 45-мм артиллерийская и 120-мм минометная батареи, две роты бронейщиков и автоматчиков — располагался южнее Тепло-го. В течение 6—7 июля бригада успешно сдерживала вражеские атаки, подбив 47 танков, в том числе три «тигра».

7 июля до двухсот немецких танков и двух пехотных дивизий продолжили решительное наступление на всем фронте 17-го гвардейского корпуса, нанося главный удар на участке высота 257,0 — Кашара. Бой был жестокий, однако продвижение немецких частей на юг было незначительным. Правофланговые дивизии армии Галанина отразили шестнадцать атак, но удержали рубеж, здесь своевременно были развернуты 1-я артиллерийская дивизия (восемь полков) и 378-й армейский противотанковый полк. На поле боя осталось свыше 40 вражеских машин. Однако снова: «Вражеские бомбардировщики группами по 50—70 машин в течение 30 минут непрерывно сбрасывали бомбы на передний край нашей обороны. Сильным ударам авиации подверглись районы Битюг, Кашара и Теплое». В этот день 16-й и 19-й танковые корпуса потеряли 84 танка.

Там, где немецкие самолеты не летали, безраздельно «господствовал в воздухе» генерал Руденко: «7 июля над полем боя появилось значительно меньше вражеских самолетов, чем прежде. Да и вели себя фашистские летчики достаточно неуверенно. Видимо, противнику не удалось восстановить потери в самолетах и в людях... Начиная с 7 июля в воздухе над Центральным фронтом господствовала наша авиация».

На самом деле положение сложилось критическое. «К исходу третьего дня сражения, — вспоминает маршал Рокос-

совский, — все фронтовые резервы были втянуты в бой, а противник продолжал вводить все новые и новые силы на направлении своего главного удара. Можно было ожидать, что он попытается бросить в бой все, что у него имеется, пойдет даже на ослабление своих частей на второстепенных участках фронта. Чем удержать его?»

О серьезности ситуации пишет и генерал Н.А. Антипенко: «На второй или третий день некоторым лицам из руководства Центрального фронта стало казаться, что противнику удастся прорвать нашу оборону и врезаться острием своего клина прямо в Курск. Были рекомендации: немедленно эвакуировать подальше в тыл все имущество, сосредоточенное на фронтовых складах, особенно на складах. Сомневаясь в правильности этих рекомендаций, я обратился лично к командующему.

Генерал К.К. Рокоссовский сказал:

— Немцам не удалось достичь решительного успеха за первые два дня. Тем не менее это возможно теперь. А если уж произойдет такое несчастье, то мы будем драться в окружении, и я, как командующий фронтом, останусь с окруженными войсками».

Центральный фронт в эти дни ежедневно терял до 5000 бойцов и командиров, половину из них убитыми — пленными никто не брал. Было ясно, что противник еще не исчерпал свои возможности, дать Рокоссовскому какие-либо резервы Ставка не торопилась, да он и не просил. Всё «тянули на себя» Василевский с Ватутиным, у которых «фронт дал трещины». Как обычно бывает в такие напряженные моменты, суётились и трепали нервы представители вышестоящих проверяющих и перепроверяющих инстанций, которые путались под ногами, раздуваясь от полномочий, «допускали излишнее дерганье, отрывали от горячего дела офицеров штаба фронта, в том числе и его начальника, требуя несущественные сведения или выясняя обстоятельства того или иного события в не установленное планом время»: «В самой напряженной обстановке Малинин (начальник штаба фронта) трижды вызывался из Генштаба к проводу для сообщения о занятии противником малозначащей высоты на участке одного из полков 70-й армии. Я бы постеснялся по этому во-

просу вызывать к проводу начальника штаба дивизии, не говоря уже об армии».

Непосредственная опасность с фронта перевешивала угрозу с юга, и Рокоссовский принял решение подпереть оборону двумя сотнями танков Баданова: *

«И я решился на большой риск: послал на главное направление свой последний резерв — 9-й танковый корпус генерала С.И. Баданова, который располагался в районе Курска, прикрывая город с юга. Это было полностью укомплектованное соединение, наша надежда и гордость.

Я сознавал, чем грозит нам этот маневр при неудаче... Но мы послали Ватутину 27-ю армию. Учитывал я и то, что позади войск Воронежского фронта находится Резервный фронт и в критическую минуту Ставка поможет Ватутину. В ночь на 8 июля 9-й танковый корпус был подтянут на главное направление».

Тогда же Рокоссовский с Антипенко приняли еще одно рискованное решение: если войскам фронта все-таки придется драться в окружении, то боеприпасы, горючее, продовольствие необходимо вывозить из-под Курска не на восток, а, наоборот, на запад, «еще ближе к тем войскам, которые могут оказаться отрезанными от баз снабжения, примерно в район Фатежа и западнее его». Что и было исполнено, причем в авральном режиме, как вспоминает Антипенко: «Ценной «тотальной мобилизации» всего транспорта и человеческой энергии... Переброска материальных запасов в сторону Фатежа производилась без соблюдения таких формальностей, как выписка накладных, получение расписок за сданное имущество, взвешивание и перевешивание. Не до того было! Все работники тыла понимали, что дорога каждая секунда, и никто не возражал против «нарушения правил».

Модель 8 июля задействовал 4-ю танковую дивизию генерала фон Саукена (101 танк), которая при поддержке пикирующих бомбардировщиков с 8 часов утра повела атаку в направлении Теплое — Молотычи, 20-я танковая — на Самодуровку. В это же время пехотинцы генерала Гроссмана,

танки 2-й и 9-й танковых дивизий и 505-го тяжелого батальона двинулись на Ольховатку.

Наиболее ожесточенные бои, переходившие в рукопашные схватки, развернулись за высоту 257,0, защищаемую бойцами 75-й гвардейской дивизии и являвшуюся центральным опорным пунктом 17-го гвардейского корпуса (гряды холмов перед Ольховаткой генерал Модель считал ключом, открывающим дорогу на Курск). Высота неоднократно переходила из рук в руки.

«Тигры» Сована поползли в лес противотанковых орудий, в лабиринт противотанковых ловушек, сквозь стены артиллерийского огня, — живописует Карель. — Пехотинцы 2-й танковой дивизии оказались перед чередой траншей. Первая волна захлебнулась. Вторая волна прокатилась вперед на несколько сотен метров и также остановилась. Когда танки майора фон Боксберга пошли третьей волной, их бросок тоже был остановлен заградительным огнем русских. Австрийской 9-й танковой дивизии под командованием генерал-лейтенанта Шеллера удалось не больше. Пехотинцы 20-й танковой дивизии так же яростно сражались под обжигающим солнцем 8 июля около деревни Самодуровка. В течение часа были убиты или ранены все офицеры 5-й роты 112-го мотопехотного полка. Тем не менее пехота ползла по полям, захватывая траншеи и напарываясь на новые. Батальоны таяли, роты становились взводами... Это был беспощадный бой».

К 17 часам немцы овладели высотой 257,0, но дальше продвинуться не смогли.

В районе Теплое — Самодуровка артиллеристы 3-й истребительной бригады, бойцы 70-й гвардейской и 175-й стрелковых дивизий, несмотря на большие потери от непрерывных авиационных налетов, удерживали свои позиции до полудня. Когда противник начал третью атаку на Теплое, три батареи бригады были практически полностью уничтожены. Защищавшая узел № 2 батарея капитана Г.И. Игишева подбила 19 танков и погибла в полном составе. Под гусеницами и градом снарядов полегли 4-я батарея старшего лейтенанта Андреева и 7-я батарея старшего лейтенанта Герасимова. Немецким панцергренадерам удалось занять Кашару, Ку-

тырки, Погорельцы, Самодуровку, к исходу дня было захвачено Теплое. Полковник Рукосуев ввел в бой последний резерв.

В связи с тяжелой обстановкой Военный совет фронта принял решение разрешить командирам частей для отражения танковых атак выводить на прямую наводку гаубичную артиллерию. Совместными усилиями артиллеристов, бронбойщиков и стрелков прорыв удалось локализовать.

В этом бою во второй половине дня приняли участие части 9-го танкового корпуса и переброшенной с левого фланга 70-й армии 140-й стрелковой дивизии. Всеми калибрами их поддерживала 1-я артиллерийская дивизия полковника Г.В. Година.

К вечеру 8 июля в 505-м тяжелом танковом батальоне в строю осталось три «тигра». Правда, прибыла третья рота, доставившая 14 новых машин. Весь следующий день личный состав батальона занимался ремонтными работами, Модель осуществлял перегруппировку, а Рокоссовский с облегчением доложил Верховному Главнокомандующему: «Противник, понеся огромные потери в непрерывных пятидневных боях и не достигнув успеха, 9.7.1943 г. значительно снизил свою активность...»

Однако утром 10 июля при поддержке до трех сотен танков гренадеры 2, 4, 20-й танковых дивизий сумели прорваться между поселками Кутырки и Самодуровка до восточной окраины Молотычи. В атаке участвовали 26 «тигров» и 653-й дивизион майора Штейнваха. На высоте 238,1 почти полностью был уничтожен батальон 140-й стрелковой дивизии. Советское командование бросило в бой 19-й танковый корпус, передав ему 251-й и 40-й танковые полки из резерва фронта. Лишь к вечеру прорыв был закрыт, немецкие войска продвинулись на 1—2 километра. За день боя три бригады корпуса потеряли 44 танка — в них осталось 59 боевых машин, — заявив об уничтожении 96 танков противника.

11 июля в дневнике военных действий штаба ОКВ появилась запись: «9-я армия продвинулась только на 2—3 км из-за упорного сопротивления противника. Так как быстрый успех не был достигнут, речь идет теперь о том, чтобы при минимальных собственных потерях нанести максималь-

ный урон противнику». Танковые атаки противника, постепенно ослабевая, продолжались вплоть до 12 июля, но прогнать советскую оборону немцам так и не удалось.

12 июля на Орловской дуге перешли в наступление войска Западного и Брянского фронтов. Ключе стало не до Курска. В этот же день Рокоссовский поставил своим войскам задачу перейти в контрнаступление. На подготовку отводилось три дня. К 13 июля немецкий натиск в полосе Центрального фронта был отбит, лишь отдельные атаки продолжались в районе Самодуровка и, Теплое. Практически полностью прекратились действия авиации противника — все силы 6-го воздушного флота были брошены на отражение наступления Западного фронта.

За шесть дней 9-я армия Моделя преодолела от 6 до 12 километров и завязла в тактической зоне советской обороны. Немецкие потери составили более 22 тысяч человек. На поле, ограниченном населенными пунктами Самодуровка, Кашара, Кутырки и Теплое, после окончания боев осталось 74 немецких танка. В том числе четыре «тигра» и четыре «фердинанда».

Потери Центрального фронта за этот же период, по официальным данным, составили почти 34 тысячи человек убитыми и ранеными, 651 танк, более 300 самолетов, в том числе 148 штурмовиков. Хотя, согласно статистическому исследованию под редакцией Кривошеева, на 5 июля численность личного состава фронта составляла 738 тысяч солдат и офицеров, а 12 июля — 645,3 тысячи — при неизменном количестве стрелковых и танковых соединений. Разница получается почти в 93 тысячи человек.

«Таким образом, войска Центрального фронта выполнили задачу, — пишет Рокоссовский. — Упорным сопротивлением они истощили врага и сорвали его наступление...

Нам не понадобилось воспользоваться резервами Ставки, справились без них (*этот факт доставлял маршалу особенное удовольствие. — В.Б.*), потому что правильно расставили силы, сосредоточили их на том участке, который для войск фронта представлял наибольшую угрозу. И враг не смог одолеть такую концентрацию сил и средств.

...Воронежский же фронт решал задачу обороны иначе: он рассредоточил свои силы почти равномерно по всей по-

лосе обороны. Именно поэтому, на мой взгляд, враг смог здесь продвинуться на сравнительно большую глубину, и, чтобы остановить его, пришлось втянуть в оборонительное сражение значительные силы из резерва Ставки».

На Воронежском фронте

5 июля в 6 часов утра после мощной артиллерийской подготовки и массированных налетов авиации в полосе Воронежского фронта на двух направлениях перешли в наступление войска группы армий «Юг». В первый момент Чистяков и Ватутин, озабоченные размышлениями о том, куда улетели сто вагонов боеприпасов, даже испытали облегчение: теперь «война все спишет».

Главный удар 4-й танковой армии Германа Гота, в которой насчитывалось 240 тысяч человек, 514 полевых орудий, 177 реактивных минометов, 1166 танков и различных самоходных установок, пришелся по 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова — 79,6 тысячи человек, 892 орудия и 1157 минометов, 91 зенитка, 92 «катюши» и 135 танков. Второй удар — в направлении Корочи — армейская группа «Кемпф» численностью около 100 тысяч человек, 825 орудий и минометов, 216 зениток, 126 реактивных минометов, 419 танков и САУ нанесла в полосе 7-й гвардейской армии генерал-лейтенанта М.С. Шумилова — 76,8 тысячи человек, 856 орудий, 1118 минометов, 47 зенитных пушек, 97 установок реактивной артиллерии, 244 танка. В полосах обороны 38-й и 40-й армий враг активности не проявлял.

В первом эшелоне ударной группировки Гота на двух узких участках вдоль дорог, ведущих на Яковлево, наступали четыре танковые, одна моторизованная и две пехотные дивизии. У генерала Чистякова в первом эшелоне оборонялись 71, 67, 52-я гвардейские и 375-я стрелковая дивизии и приданные им 96-я танковая бригада, 245-й и 230-й отдельные танковые полки (по 39 американских машин, в основном М3 «генерал Ли»), во втором — 90, 51, 89-я гвардейские дивизии,

а также 49-я и 1-я гвардейская танковые бригады из состава армии Катуква.

48-й танковый корпус генерала фон Кнобельсдорфа (3-я и 11-я танковые, мотодивизия «Великая Германия», 167-я пехотная дивизия — около 80 тысяч человек, 527 танков и 147 штурмовых орудий, в том числе 15 «тигров» и 200 «пантер») прорывался на восьмикилометровом участке Коровино — Черкасское в стыке 71-й и 67-й гвардейских дивизий 22-го гвардейского стрелкового корпуса. На острие танкового клина находилось наиболее сильное соединение — дивизия «Великая Германия» генерала Вальтера Хейерляйна, располагавшая 129 танками и 73 штурмовыми и противотанковыми самоходными установками. Помимо собственного танкового полка, дивизия была усилена 10-й «пантерной» бригадой. Слева от нее наступала 3-я танковая дивизия генерала Вестховена (105 танков и САУ), справа — 11-я танковая генерала Микля (126 танков и САУ). Левый фланг корпуса прикрывала 332-я пехотная дивизия 52-го корпуса.

2-й танковый корпус СС (1, 2, 3-я дивизии СС — 73,4 тысячи человек, 390 танков, в том числе 42 «тигра», и 202 самохода) пробивал коридор в районе Задельное — Березов через позиции 52-й гвардейской стрелковой дивизии 23-го гвардейского корпуса.

Удар двух немецких танковых корпусов поддерживали 500 самолетов. Силища!

«В последние дни перед атакой, — отмечает А. Кларк, — немецкие танкисты были охвачены странным чувством — не столько уверенности, сколько фатализма, — если эти силы, это огромное скопление войск и техники, окружавшее их со всех сторон, не смогут сломить русских, тогда ничто больше не сможет им противостоять».

Впереди под прикрытием дымовых завес двигалась мотопехота, усиленная танками. Для прорыва эшелонированной обороны немцы применили новое построение, получившее название «колокол», — механизированный вариант рыцарской «свиньи» (вот вам еще одно подтверждение какого-то из трех законов диалектики). Головными шли непробиваемые и дальнобойные «тигры», за тяжелыми катили легкие

машины и бронетранспортеры, позади широкой дугой следовали средние танки:

«Танковый колокол» был лучшим боевым порядком для борьбы с широким фронтом огня противника. Старший танковый начальник вместе с наблюдателями от всех видов тяжелого оружия следовал в боевых порядках «колокола» непосредственно за головными средними танками. Он должен был поддерживать радиосвязь с авиационным командиром, руководившим действиями истребителей-бомбардировщиков и самолетов других типов, поддерживающих наземные войска. Саперы на бронетранспортерах двигались сразу за головными машинами «колокола» в готовности проделать проходы в минных полях. Наступление в таком боевом порядке обычно приносило успех, если атакующим удавалось осуществлять тесное взаимодействие всех родов войск».

В 1943 году никто не умел осуществлять взаимодействие лучше офицеров Вермахта.

Однако, несмотря на достигнутое на участках прорыва подавляющее, 5—6-кратное превосходство, быстрого успеха не получилось. Первые атаки были встречены шквальным огнем советской пехоты и артиллерии. Продвижение тормозили необъятные минные поля, противотанковые препятствия и пересеченная местность, изобилующая балками, речками и ручьями. Некстати пролившийся ночью ливень превратил отдельные участки в болото. Дивизия «Великая Германия» в этот день потеряла на минах 25 танков, а всего в главной полосе подорвались 67 танков и 2 штурмовых орудия.

«Русские, как никто, — пришел к выводу на личном опыте генерал Меллентин, — умели укреплять свои ПТОРы при помощи минных полей и противотанковых препятствий, а также разбросанных в беспорядке мин в промежутках между ними. Быстрота, с которой русские устанавливали мины, была поразительной... Ни одного минного поля, ни одного противотанкового района не удалось обнаружить до тех пор, пока не подрывался на mine первый танк или не открывало огонь первое русское противотанковое орудие».

При отражении атак применялись минно-огнефугасы, кроме непосредственного воздействия, сильно давившие на

психику личного состава, радиоуправляемые заряды, огнеметы и личный подвижный противотанковый резерв командарма — 27-й батальон собак-истребителей, которым командовал капитан Шишов, — всего 78 четвероногих «камикадзе»: «Эффект применения специально подготовленных собак превзошел все ожидания. 27-й батальон выпустил 17 натренированных собак. 2 были убиты в пути, а 15 достигли цели. 11 вражеских танков (под некоторые танки бросались сразу две-три собаки) подорвали четвероногие друзья минеров».

Прямой наводкой били «катюши».

В районе Бутово «илы» 61-го авиаполка 291-й штурмовой дивизии удачно атаквали вражескую колонну кумулятивными бомбами ПТАБ, во всяком случае, в боевом донесении сообщалось, что после сброса бомб 12 танков противника «немедленно загорелось». (Надо сказать, ПТАБАм были присущи существенные недостатки. Взрыватель бомбы был очень чувствителен и срабатывал при встрече с ветками деревьев, легкими перекрытиями и другими незначительными препятствиями. Это незамедлительно учли немецкие танкисты, располагая свои машины под деревьями, под легкими навесами, а также устанавливая над верхней броней металлические сетки и другие приспособления.)

Генерал Чистяков, определившись с намерениями противника, стянул в район Коровино — Черкасское 285 противотанковых орудий, 53 гаубицы и 818 противотанковых ружей. Здесь же был задействован 1440-й самоходно-артиллерийский полк (8 СУ-76, 12 СУ-122). В контратаку были брошены две роты 245-го танкового полка подполковника М.К. Аكوпова, однако им выпало везение первыми встретиться с «пантерами». Малоподвижные американские «генералы» с клепаными корпусами и двухдюймовой броней не шли ни в какое сравнение с новыми немецкими машинами, которые просто расстреляли противника издали, подбив 12 советских танков.

«Не зная о наших новейших орудиях, — докладывал Гудериану командир 10-й бригады полковник Деккер, — восемь танков «генерал Ли» приблизились к нам примерно на 2200 метров. Всего несколькими удачными попаданиями мы их уничто-

жили — они вспыхнули, подобно бенгальским огням на рождественской елке».

Зато «пантеры» страдали «детской болезнью»: возгорались сами по себе, от паров двигателя. 45 танков Pz. V вышли из строя по техническим причинам, два из них сгорели, так и не вступив в бой. Кроме того, танковые экипажи не имели боевого опыта, а использование виртуальной бригады двойного подчинения грешило многочисленными ошибками:

«Из-за сильной скученности при атаке эффективность огня «пантер» была очень низкой, и противник смог успешно вывести из строя большую часть танков. При этом многие машины подорвались на минах. Саперы не могли успешно обезвреживать минные поля из-за недостатка времени: приказ продолжать наступление был отдан до того, как они закончили разминирование. Атаки велись без учета изменения ситуации в ходе боя. Взаимодействие подразделений было очень слабым, так как многим практически ничего не было известно о планах наступления. Неразбериха началась с первых же минут боя, так как ни цель, ни боевой порядок, ни направление атаки не были четко определены. «Пантеры» постоянно создавали скученное скопление непосредственно перед оборонительными рубежами противника, что приводило к большим неоправданным потерям».

Сколько раз ради лишнего десятка этих танков откладывал Гитлер начало летнего наступления, а на русских «пантеры» особого впечатления не произвели, по сравнению с уже внушившими к себе уважение «тиграми». Но последних было мало. Так, в атаке на Черкасское приняли участие три единицы Pz. VI.

Несмотря на большие потери, максимальные за все время проведения операции, немцы упорно продвигались вперед. Под прикрытием артиллерии и танков саперы проделывали проходы в минных полях и противотанковых рвах. По первому вызову прилетали He-111 и Ju-87 и уничтожали русские огневые точки. Причем «выгружались» вражеские бомбардировщики почти безнаказанно. Генерал Н.К. Попель, наблюдавший, как «лаптежники» обрабатывают позиции частей 6-й гвардейской армии и артполков 1-й танковой, впоследствии писал:

«Полк бьется менее часа, а треть орудий уже выведена из строя. Поредели расчеты. Потери не столько от танков, сколько от авиации. Небо в безраздельной власти немецких пикирующих бомбардировщиков. Они то летают друг за другом по замкнутому кругу, то вытягиваются вереницей. Потом снова вертятся в хороводе, поочередно сбрасывая бомбы. И снизу к ним вздымаются столбы дыма, летят куски лафетов, бревна...»

На обояньском направлении 5 июля было зафиксировано 3160 самолетовылетов авиации противника, советская произвела 1322.

Командование 2-й воздушной армии, имея 400 боеготовых истребителей, расплыло силы, не сумев организовать надежное прикрытие наземных войск. Оценивая работу «ястребков», заместитель начальника штаба ВВС Красной Армии генерал-лейтенант Н.И. Кроленко констатировал, что «в ходе боев имелись случаи, когда наши истребители находились не в тех зонах, где требовала обстановка, не искали противника, действовали пассивно или попросту утюжили воздух». В результате «отдельные группы бомбардировщиков получали возможность безнаказанно бомбить наши наземные войска». Старший офицер Генштаба полковник М.Н. Костин в докладе маршалу Василевскому отмечал, что истребительная авиация 2-й воздушной армии «позволяла бомбардировщикам противника организованно бомбардировать наши боевые порядки войск. Причина заключается в том, что наши истребители выполняли чисто пассивные задачи — прикрытие района расположения наших войск, патрулирование и непосредственное сопровождение штурмовиков, а активных боевых задач истребительная авиация не выполняла».

Штабы наземных соединений не имели прямой связи ни со штабами авиационных дивизий, ни со штабом генерала Красовского и вызывать истребители могли только через штаб фронта. И те прилетали, когда над позициями порхали лишь «бревна и куски лафетов», от артиллерийских полков оставались «одни номера», а противник обрабатывал уже другие цели. Вообще-то, при планировании операции предусматривалась высылка в штабы армий оперативных групп

ВВС со средствами связи. Однако это не было выполнено. Тем более, не имелось авианаводчиков в передовых советских частях, наличие которых для немецких командиров являлось само собой разумеющимся.

«В первые дни наступления противника, — писал генерал Д.И. Турбин, — наша авиация почти не действовала. Особенно истребительная, которая, по докладу частей, вообще не вступала в бой с авиацией противника, поэтому противник, главным образом, добился успеха только потому, что имел большое преимущество в воздухе и на направлении главного удара давил все авиацией».

Вследствие этого большие потери несли советские штурмовики, а пикировщики Пе-2 из состава 1-го бомбардировочного авиакорпуса «мессеры» 3-й и 52-й истребительных эскадр вовсе заставили отсиживаться на аэродромах до конца операции. В среднем за все время боев каждый наш пикировщик совершал по одному вылету в три дня, и даже при такой интенсивности корпус потерял 20% машин. Для сравнения, 2-я и 77-я эскадры Ju-87, совершившие 5 июля 1071 боевой вылет, не потеряли ни одной «штуки», штурмовые части 2-й воздушной армии — в 220 вылетах лишились 27 «ильюшин».

По итогам оборонительного сражения представители Генштаба пришли к закономерному выводу, разительно отличающемуся от баек авиационных генералов о том, как они «господствовали в воздухе» со страшной силой, а фашистские летчики, испытав нашу мощь, «вели себя довольно неуверенно»: *«Истребительная авиация 2-й воздушной армии, имея количественное и качественное превосходство в истребителях перед истребителями противника, вследствие плохого управления, слабой работы штабов и недостаточной организации, не смогла завоевать господство и превосходство в воздухе, полностью отдала инициативу в воздухе в руки авиации противника, не заслужила своей работой любви и уважения наших наземных войск... Пассивность в действиях превращала истребителей в беззащитных куропаток».*

Приданная генералу Чистякову 26-я зенитная дивизия надежно прикрыть войска в полосе протяженностью 64 километра не могла, хотя зенитчики старались, сражаясь одно-

временно и с самолетами, и с танками противника. Майор Альфред Друшель, пилот FW-190А-5, штурмовавший советские позиции со сверхмалых высот, вспоминал: «Они стреляли из всего, что имели, — автоматов, винтовок, пистолетов. Количество железа в воздухе было неопишимо. Я клянусь, что они бросали бы в нас подковы, если бы имели время снять их с лошадей!»

Лишь к 21 часу дивизии фон Кнобельсдорфа овладели опорными пунктами Коровино и Черкасское, взломав первую линию обороны. Штаб 48-го танкового корпуса сообщал:

«Общее впечатление.

Неприятель оборонялся на первой линии крупными силами. Хорошо оборудованные позиции, танковые препятствия и минные поля повышают оборонительную мощь вражеских соединений, которые в среднем заслуживают хорошей оценки».

С этих опорных пунктов, которые танковая армада Гота, согласно графику, должна была «просохать» в 10 часов утра, началось крушение «Цитадели».

Танковым дивизиям СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» и «Дас Рейх» — 398 танков и САУ — удалось преодолеть главную полосу обороны после одиннадцатичасового боя. К 17 часам подразделения 52-й гвардейской стрелковой дивизии полковника И.М. Некрасова оставили Березов и Быковку. Генерал Чистяков, находившийся на правом фланге армии, у Черкасского, натиск противника на позиции Некрасова ошибочно счел вспомогательным и потому с помощью запоздал. Оборона дивизии была рассечена на две части: один полк был отброшен на восток, два других отошли на западный берег Воркслы. На второй линии в бой вступила 51-я гвардейская дивизия второй линии, под командованием генерал-майора Н.Т. Таварткеладзе, поддержанная 28-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой майора Косачева.

Обергруппенфюрер Хауссер немедленно отдал танковым группам приказ с ходу прорвать второй оборонительный рубеж русских на участке Лучки — Яковлево и захватить плацдарм на реке Псёл. Одновременно гренадерский полк 167-й пехотной дивизии, выходя в тыл, начал сматывать со-

ветскую оборону (особенностью которой было отсутствие отсечных позиций) с задачей создать плацдарм на западном берегу Воркслы. В целях расширения участка прорыва в сторону правого фланга командир 2-го корпуса СС ввел в бой дивизию «Мертвая голова», части которой нанесли удар вдоль шоссе Обоянь — Белгород на юг, стремясь выйти в тыл 375-й стрелковой дивизии полковника П.Д. Говоруненко и отбросить ее за реку Липовый Донец. Однако дивизия при поддержке 96-й танковой бригады генерал-майора В.Г. Лебедева, отбив 12 атак «мертвогоголовых», в основном удержала свою полосу обороны и закрепилась на западном берегу реки. Дальнейшие попытки противника развить прорыв в северном направлении также были отбиты.

Из сводки штаба дивизии «Лейбштандарт»:

«Оценка неприятеля. При пехоте небольшой боевой ценности очень сильная и хорошо обученная артиллерия и противотанковая оборона, которые сражаются упорно и ожесточенно».

На корочанском направлении в первом эшелоне наступала мотопехота 3-го танкового корпуса Германа Брейта (6, 7, 19-я танковые, 168-я пехотная дивизии) и соединения армейского корпуса «Раус» (106-я и 320-я пехотные дивизии). «Тигры» 503-го батальона полковника фон Каганека командир корпуса распределил поротно между танковыми дивизиями, точно так же были поделены полки 168-й пехотной дивизии (дивизия имела численность 6000 человек, треть из которых были поляки и чехи).

Армия генерала Шумилова имела в первом эшелоне 81, 78, 12, 36-ю гвардейские стрелковые дивизии и 262-й отдельный танковый полк, во втором — 73, 15-ю гвардейские, 213-ю стрелковую дивизии, 27-ю гвардейскую и 201-ю танковые бригады, 148-й и 167-й танковые полки.

Согласно плану, разработанному штабом группы «Кемпф», танковый корпус Брейта должен был атаковать с трех плацдармов на восточном берегу Северского Донца, которые удерживала 168-я пехотная дивизия генерала Шарля де Бюлье: два плацдарма находились севернее Белгорода, у села Михайловское, третий — в районе Соломино.

На переправах в районе Белгорода у немцев почти сразу

как-то не заладилось. Свайный мост, построенный саперами для 6-й танковой дивизии генерала фон Хюнесдорфа, кстати, с самого начала считавшего «Цитадель» идиотской затеей, еще до рассвета разрушила советская артиллерия. Танкистам пришлось искать другой мост, что заняло у них четыре часа, а в это время мотопехота, форсировавшая реку на резиновых лодках, гибла на минных полях, прикрытых плотным огнем.

19-я танковая дивизия Рудольфа Шмидта (81 танк и 12 самоходок) переправилась без особых происшествий и, выдвинув вперед роту «тигров» (14 машин), повела наступление на село Ближня Игуменка. Дальше начались неприятности, поскольку именно от Белгорода русские ждали немецкой атаки в первую очередь. В отчете дивизии отмечалось:

«Со стороны русских были приняты все меры для отражения нашего удара, который будет нанесен, как они предполагали, из единственно возможного для этого района — предмостного плацдарма через р. Донец у Белгорода... Переправившейся в течение дня роте «тигров» под командованием капитана Хайтмана не удалось прорвать полосу укреплений противника вокруг предмостья Михайловка. Почти все «тигры» были выведены из строя минами».

Девять «тигров» подорвались на минах, еще четыре подбили советские артиллеристы. К исходу дня войска генерала Шмидта, потеснив 78-ю гвардейскую дивизию, расширили плацдарм на 2 километра, потеряв подбитыми и сожженными 32 танка. Командир 503-го тяжелого батальона жаловался начальству «на беспечность и тактически неграмотное применение» своих драгоценных монстров:

«3-й танковый корпус доложил о потере 13 «тигров» из 14 в одной из рот утром 5 июля 1943 года. Девять «тигров» подорвались на минах. Нужно не менее двух-трех дней, чтобы вернуть поврежденные танки в строй».

Причины столь высоких потерь следующие.

С самого начала в нашем распоряжении не было карт с отмеченными на них минными полями, установленными немецкими войсками. Мы располагали лишь двумя взаимоисключающими планами, которые, как выяснилось, оба были неверны. Два «тигра» подорвались на немецких минах сразу же после начала

движения. Еще два «тигра» подорвались немного спустя, также двигаясь по территории, которую считали чистой от мин.

Проход в минных полях был проложен небрежно, поэтому еще три танка потеряли ход, двигаясь по проходу...

Восьмой «тигр» подорвался на mine, установленной противником, несмотря на то что саперы обнаружили это минное поле и давали знаки механику-водителю.

Девятый «тигр» подорвался на mine, когда пытался отразить атаку противника на левом фланге.

Вопреки первоначальному плану, который предусматривал, что «тигры» будут действовать вместе с гранадерами и саперами, «тигры» двигались впереди гранадер и саперов».

6-я и 19-я танковые дивизии застряли в первой линии обороны 81-й гвардейской стрелковой дивизии.

Более удачно действовала 7-я танковая (112 танков и 18 САУ) генерала фон Функа, наносившая удар от Соломино на Разумное. Здесь гранадеры по разведанному броду форсировали Северский Донец, а вслед за ними переправилась танковая рота. Затем, рывком преодолев 3,5 километра и захватив участок железной дороги Белгород — Волчанск вместе с разъездом Разумное, немцы приступили к наводке трех понтонных мостов. Сюда же генерал Брейт велел перебросить боевую группу 11-й танковой дивизии. К исходу дня дивизия Функа, разбив 225-й гвардейский полк, прорвала оборону 78-й гвардейской дивизии и захватила важные высоты между селами Крутой Лог и Разумное. Командиру 81-й гвардейской стрелковой дивизии пришлось перестраивать оборону для отражения атак с юга.

Правый фланг корпуса Брейта обеспечивали 320-я и 106-я пехотные дивизии генерала Рауса. Чтобы компенсировать нехватку полевой артиллерии, для поддержки наступления были использованы три полка зениток, выведенных на прямую наводку. «Мы столкнулись с крупными вражескими силами, — пишет Раус, — которые оказали упорное сопротивление и яростно сражались, опираясь на глубокоэшелонированную оборону и обширные минные поля... В течение утра русская артиллерия, автоматическое оружие и авиация все интенсивнее вмешивались в бой. Тактические резервы передовых соединений, части стрелковых дивизий, отдельные танковые

бригады, расположенные сразу позади линии фронта, нанесли контрудары по нашим вклинениям. Ко второй половине дня эти выпады приняли характер систематических атак. И все-таки после кровопролитного боя главные силы XI корпуса к вечеру дошли до железной дороги, а некоторые подразделения пересекли ее».

Войскам Воронежского фронта на этом направлении пыталась помочь авиация соседей. Штурмовики 17-й воздушной армии, совершив 68 вылетов, доложили об уничтожении двух переправ. Однако при этом только в 290-й штурмовой авиадивизии из 32 самолетов на свою базу не вернулись 16. Печально знаменитая 305-я штурмовая «молодежная» дивизия, укомплектованная необученными экипажами, поставила «рекорд»: в ней среднестатистический Ил-2 погибал, совершив 2,2 боевого вылета. За три дня в 137 вылетах дивизия потеряла две трети состава (61 самолет) и была выведена в тыл на переформирование.

В итоге немцам удалось захватить на восточном берегу плацдарм шириной 10—12 и глубиной 3—6 километров. Генерал Шумилов доложил в штаб фронта, что контратаками гвардейцев противник выбит из Крутого Лога и Разумного, враг «везде отброшен» на западный берег реки Северский Донец.

Таким образом, фельдмаршалу Манштейну, добившемуся за один день боя, прямо скажем, замечательных результатов, не удалось решить задачи дня полностью: «И на участке фронта группы «Юг» первый прорыв вражеской обороны также оказался трудным делом».

Расписание летело к черту. Соединения 48-го танкового корпуса вклинились в оборону 6-й гвардейской армии на глубину 6 километров, танкового корпуса СС — до 12 километров. А ведь предполагалось за сутки прошагать чуть ли не 50 километров и выйти к Обояни. Неудача у Белгорода помешала объединить усилия соединений Гота и Кемпфа, вследствие чего правый фланг танкового корпуса СС оставался открытым.

Гвардия умирала, но не сдавалась, жизнь противотанкового полка измерялась двумя-тремя часами, но об этих часах до сих пор пишут книги. «Славная была битва!» Многие

участники событий по накалу страстей, по «отчаянной решимости победить или умереть» сравнивали ее с Бородино: «Русский пехотинец сражается до последнего вздоха. Экипажи горящих танков продолжают вести огонь, пока в их телах теплится жизнь. Раненые и контуженые хватаются за оружие, лишь только приходят в себя».

И генерал Раус — о том же: «Высшие штабы надеялись, что оборонительный потенциал противника будет ослаблен. Это оказалось заблуждением. Русские отлично подготовились с материальной стороны, а моральный дух ничуть не поколебался. Мы столкнулись с патриотическим подъемом и уверенностью в победе. Попытки склонить вражеских солдат к дезертирству провалились».

Генерал Ватутин по итогам 5 июля составил для Верховного боевое донесение, в котором сообщил об уничтожении, по неполным данным, 505 танков (из них около 20 «тигров»), 183 самолетов и свыше 10 000 гитлеровцев. Все-таки большой фантазер был Николай Федорович, много поднаторевший в писании «правильных» бумаг. Подсчет убитых «фрицев» в советских штабах велся, во-первых, исходя из количества израсходованного боезапаса, во-вторых, потери супостата должны были, как минимум, в два-три раза превышать потери Красной Армии. Лучше всего получалось у политотдельцев: «Один раз выстрели — семь фашистов убей». Шибко образованные артиллерийские начальники вели счет по немудреным формулам вроде: «В своих расчетах, которые впоследствии подтвердились, мы исходили из того, что одно наше орудие, прежде чем погибнуть само, способно уничтожить не менее двух танков». Противотанковых орудий фронт имел 3100 штук, отсюда нетрудно заранее догадаться, какой урон потерпит в донесениях «бронированный зверинец» Вермахта. Правда, для товарища Сталина Ватутин уменьшал цифры вдвое.

По немецким данным, армия Гота в первый день операции потеряла более 2,5 тысячи солдат и офицеров, из них около 400 убитыми. Всего по войскам Манштейна потери составили более 6 тысяч человек, из них убитыми 771. Осколком мины был ранен и эвакуирован в госпиталь командир 332-й пехотной дивизии генерал Шафер. 4-я танковая армия

потеряла 55 танков и 10 штурмовых орудий. Гораздо больше машин получили повреждения, к примеру, в корпусе СС вечером осталось 334 исправных танка («тигров» — 28), но немцы, оставляя поле боя за собой, быстро вводили их в строй.

Определив, что противник наносит главный удар на Обоянь, командующий Воронежским фронтом, так же как и Рокоссовский на Центральном, решил ответить ударом на удар.

Около 16 часов командующий 1-й танковой армией (6, 31-й танковые, 3-й механизированный корпуса — 638 танков), мирно смотревший кино в штабном клубе, был вызван к телефону ВЧ и получил от генерала Ватутина приказ действовать по варианту № 3: выдвинуть два корпуса на второй оборонительный рубеж 6-й гвардейской армии, «танки в обороне закопать и тщательно замаскировать», одновременно быть готовым с рассветом перейти в контрнаступление в общем направлении на Томаровку. Одновременно в районы Тетеревино и Гостищево направлялись 5-й Сталинградский и 2-й Тацинский гвардейские танковые корпуса с задачей «танки окопать», оборонять назначенные районы, ни при каких обстоятельствах не допустить прорыва противника и к рассвету быть в готовности нанести контрудар в направлении Белгорода. Чтобы не допустить развития наступления врага в северо-восточном направлении, из второго эшелона фронта в район боев выдвигались 69-я армия генерал-лейтенанта В.Д. Крючкина (107, 111, 183, 270, 305-я стрелковые дивизии — 67 000 человек, 380 орудий, 851 миномет) и 35-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора В.С. Горячева (92, 93, 94 гвардейские дивизии). Для предотвращения прорыва противника в северо-западном направлении генерал Ватутин усилил оборону 40-й армии, передав ей 192-ю танковую бригаду из 38-й армии.

К полуночи соединения 1-й танковой армии заняли вторую полосу обороны на 30-километровом рубеже от Мелового до Яковлево позади боевых порядков 90-й и 51-й гвардейских стрелковых дивизий. В первом эшелоне развернулись 6-й танковый (200, 22, 112-я танковые, 6-я мотострелковая бригады — 198 танков) и 3-й механизированный (1, 3, 10-я мехбригады, 1-я гвардейская и 49-я танковые бригады —

232 танка) корпуса. Всего в первом эшелоне генерал Катукон имел 432 танка, 158 орудий, 243 миномета, 56 установок М-13. В затылок им выстроился 31-й танковый корпус (237, 242, 100-я танковые бригады — 196 танков, 16 орудий и 13 минометов). В резерве Катукон оставалась 180-я танковая бригада, также изъятая у 38-й армии.

Генерал Ватутин задействовал все свои оперативные резервы.

Однако эпический контрудар тысячи советских танков не состоялся. Маршал бронетанковых войск Катукон сообщает в мемуарах, что наступать с рассветом ему страшно не хотелось:

«К этому времени в 1-й танковой сложилось общее мнение, что наносить танковыми бригадами и корпусами контрудар при сложившейся обстановке просто нецелесообразно.

Ну, хорошо, мы двинемся на немцев... Но что из этого получится? Ведь их танковые силы не только превосходят наши численно, но и по вооружению обладают значительным преимуществом! Этого никак не сбросишь со счета. Вражеские «тигры» могут бить из своих 88-мм орудий по нашим машинам на расстоянии до 2 километров, находясь вне зоны досягаемости огня 76,2-мм пушек наших тридцатьчетверок. Словом, гитлеровцы в силах с дальних рубежей вести с нами успешный огневой бой. Так следует ли давать им в руки такой козырь? Не лучше ли в этих условиях повременить с контрударом, делать по-прежнему ставку на нашу тщательно подготовленную глубокоэшелонированную оборону?

...Пусть гитлеровцы вязнут, гибнут в нашей обороне. А мы тем временем будем перемалывать вражескую технику и живую силу. А когда мы обескровим их части, разобьем фашистский бронированный кулак, тогда и созреет выгодный момент для нанесения могучего контрудара. Но пока такой момент не наступил.

Эти соображения мы доложили командующему фронтом. Ждали ответа, но не получили его и к исходу ночи. А между тем срок выполнения пункта приказа о контрнаступлении наступил, и нам ничего не оставалось, как выдвинуть танки.

Скрепя сердце я дал приказ о нанесении контрудара. И степь, минуту назад казавшаяся безлюдной, пустынной,

наполнилась гулом сотен моторов. Из-за укрытий выползли тридцатьчетверки и, на ходу перестраиваясь в боевой порядок, ринулись на врага...

Уже первые донесения с поля боя под Яковлево показывали, что мы делаем совсем не то, что надо. Как и следовало ожидать, бригады несли серьезные потери. С болью в сердце я видел с НП, как пылают и коптят тридцатьчетверки».

Далее следует история о внезапном телефонном звонке Сталина командарму, взволнованном рассказе Катукова о том, что «видел на поле боя собственными глазами», и немедленно принятом Верховным Главнокомандующим решением: «Вы наносить контрудар не будете. Об этом вам позвонит Ватутин». Ватутин, разумеется, позвонил и сообщил, что контрудар отменяется.

Генерал Катуков действительно имел привычку думать и задавать вопросы: «Что из этого получится?» И это не лучшим образом отражалось на его карьере. Большое начальство не любит вопросов, и, к примеру, маршал Жуков откровенно не любил Михаила Ефимовича. Генерал Катуков действительно был мастером в применении тактики засад и коротких контрударов и, вероятнее всего, действительно возражал против огульного наступления. Смущает лишь одно обстоятельство: новейшие российские исследователи обязательно цитируют драматическую историю Катукова, с комментариями или без оных. После чего с документами в руках неоспоримо доказывают, что «первый бой соединений армии генерала М.Е. Катукова с войсками Кнобельдорфа» состоялся 6 июля у деревни Завидовка ближе к полудню.

Поэтому представляется, что если и возникли разногласия у двух генералов по поводу использования танковой армии, то они разрешились без «копящих тридцатьчетверок». Все произойдет немного позднее. Будут и самоубийственные контратаки, и много будет сделано не того, что надо. Н9 утру 6 июля, судя по всему, никто в 1-й танковой армии никаких «сотен моторов» не заводил, степь не бороздил и противника в глаза не видел. Армия Катукова заняла позиции во второй полосе обороны за позициями 90-й и 67-й гвардейских стрелковых дивизий.

Позади 51-й гвардейской стрелковой дивизии к утру развернулся Сталинградский танковый корпус генерала

А.А. Кравченко (20, 21, 22-я гвардейские танковые бригады, 48-й гвардейский тяжелый танковый полк прорыва — 222 танка). Кроме того, на усиление генерала Таварткеладзе прибыла 14-я истребительно-противотанковая бригада. Из Корочи на левый фланг 6-й гвардейской армии выдвинулся Тацинский танковый корпус полковника А.С. Бурдейного (4, 25, 26-я гвардейские танковые бригады, 47-й танковый полк прорыва — 227 танков). Оба корпуса были подчинены генералу Чистякову.

Генерал Шумилов для ликвидации созданных противником плацдармов на реке Северский Донец задумал провести контрудар силами второго эшелона 7-й гвардейской армии. Для этого были сформированы две ударные группы. Первую подчинили командиру 25-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору Г.Б. Сафиуллину. В ее состав вошли 73-я гвардейская дивизия, 31-я истребительно-противотанковая бригада, 167-й танковый, 1438-й самоходный, 309-й и 97-й гвардейский минометные полки. Вторая группа, которой командовал командир 24-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Н.А. Васильев, включала в себя 213-ю стрелковую дивизию и 27-ю танковую бригаду. Этим соединениям предстояло атаковать в направлении села Маслово Пристань, а подвижной группе корпуса — 201-я танковая бригада (11 танков Мк-2 «Матильда» и 23 Мк-3 «Валентайн»), 1529-й тяжелый самоходный артполк — нанести удар из района Гремучий на Крутой Лог.

Согласно списку дел в ежедневнике генерала Гота, 6 июля 2-й танковый корпус СС должен был, прорвав второй рубеж обороны на участке Яковлево — Лучки, повернуть на прохоровское направление, а 48-й корпус, разгромив армию Катуква, оседлать шоссе Белгород — Курск. После чего генералу Кнобельсдофу предстояло развивать прорыв на Обоянь, а обергруппенфюреру Хауссеру — вступить в сражение с советскими оперативными резервами.

Поскольку 48-й танковый корпус в первый день задержался, оголив тем самым левый фланг ушедшего вперед соседа, то ему пришлось начинать первым. В 9.30 мотодивизия

«Великая Германия», 11-я танковая и 167-я пехотная дивизии двумя группировками по 150 танков в каждой нанесли мощный удар вдоль дороги Бутово — Дуброво по позициям 67-й гвардейской дивизии А.И. Баксова. Через полтора часа на направлении главного удара противник, раздавив 196-й гвардейский полк, расколол боевые порядки дивизии пополам и продвинулся в глубь обороны на 3—4 километра. Остановить немцев не было сил. Полковник Баксов дал приказ отойти на новый рубеж, но и этого сделать не удалось: два стрелковых полка и два артиллерийских дивизиона частями 11-й танковой дивизии были оттеснены к югу от дороги на Дуброво и оказались в мешке. Одновременно 3-я танковая дивизия перешла в наступление на Завидовку с целью захватить плацдарм на северном берегу реки Пены и подготовить переправы. Левее, к Красному Починку, подтягивалась 332-я пехотная дивизия.

Продвигаясь далее на север и северо-восток, 48-й танковый корпус уперся в оборону 1-й танковой армии:

«6 июля русские неожиданно открыли заградительный огонь. Его вела вся их артиллерия, находившаяся в этом районе, в том числе и дальнобойная. Это произошло в тот момент, когда немецкие войска вышли на рубеж, где по башню было вкопано бесчисленное множество вражеских танков, замаскированных и продуманно размещенных на местности».

Танковая дивизия Франца Вестховена в 11 часов ворвалась на окраину Завидовки и вскоре «порадовала» штаб корпуса донесением:

«Танковый клин 3-й тд в Завидовке полностью расстрелян и должен отойти на юг... Разведка 3-й тд докладывает, что участок по обеим сторонам Раково исключительно сильно укреплен. Закопанные КВ и Т-34, а также тяжелая артиллерия мешают продвижению по абсолютно голой местности южнее этого участка. Берега полностью заболочены, такая же долина у реки и у Красного Починка. Вражеские рубежи на Пене, кажется, значительно сильнее укреплены, чем позиции, прорванные вчера. Командир дивизии считает, что подготовиться для наступления дивизии до рассвета не удастся, так как выдвижение 332-й пд идет медленно. Артиллерия еще не сосредото-

чилась... Он считает также, что строительство моста и переправу надо проводить при сильной поддержке армейской артиллерии, иначе дивизия в лощине Завидовки будет разбита вражеским огнем».

Немецкие танки и бронетранспортеры попали под внезапный удар замаскированных в сараях «тридцатьчетверок» 6-го танкового корпуса генерал-майора А.Л. Гетмана, защищавшего 13-километровый рубеж по северному берегу Пены, артиллерии 90-й гвардейской стрелковой дивизии полковника В.Р. Чернова, 159-го гаубичного полка и дивизиона «катюш» 79-го гвардейского минометного полка. А надо отметить, что 3-я танковая дивизия была наиболее слабой по оснащению бронетехникой: в ее составе имелось 89 танков, причем 66 из них были Pz. III и Pz. II, с гораздо более чувствительной к бронебойным снарядам «шкурой». По сообщению генерала Гетмана, в районе Завидовки было подбито 30 танков противника.

Ударные группы «Великой Германии» и 11-й танковой дивизии через сплошные минные поля на широком фронте рвались к Алексеевке, Луханино, Дуброво. Но, смяв к 18 часам боевые порядки 90-й гвардейской стрелковой дивизии, они завязли в обороне 3-го механизированного корпуса генерал-майора С.М. Кривошеина, окопавшегося на линии Шепелевка — Яковлево.

«Масштабы сражения, — вспоминает бронетанковый маршал А.Х. Бабаджанян, командовавший 3-й мехбригадой, — превосходили человеческое воображение. Сотни танков, орудий, самолетов превращались в горы металлического лома. Во мгле — солнце, его диск еле пробивается сквозь тучи дыма и пыли от тысяч одновременно раздающихся разрывов снарядов и бомб. От ударов снарядов о броню адский скрежет, столбы копоти от горящих машин... И ни единого случая, чтобы солдат без приказа сделал хоть шаг назад. Не до исторических ретроспекций, но ловлю себя на мысли, что с восторгом думаю, как изменился наш солдат сорок третьего по сравнению с бойцом сорок первого».

Танкисты Катукова совместно с пехотой Чистякова отбили восемь атак, в которых участвовало от 40 до 120 танков. Особенно жестокие бои развернулись в районе Яковлево, где

оборону занимала 1-я гвардейская танковая бригада В.М. Горелова с частями 51-й гвардейской дивизии.

Левым флангом 1-я танковая армия опиралась на опорный пункт Яковлево, который удерживала 1-я гвардейская танковая бригада полковника В.М. Горелова. 5-й гвардейский танковый корпус, согласно приказу штаба фронта, правым флангом занимал Лучки. Пятикилометровый промежуток между этими двумя населенными пунктами прикрывался стрелковыми и артиллерийскими полками 51-й гвардейской дивизии. Танками он занят не был, локтевой связи соединения Катукова и Кравченко установить не успели.

Именно на этот, самый неукрепленный участок второго армейского рубежа в 11.30 обрушился удар более чем 200 танков дивизий «Лейбштандарт» и «Дас Рейх», поддержанных всей мощью 8-го авиакорпуса генерала Зайдемана. Пикировщики непрерывно действовали впереди танковых клиньев, прокладывая им дорогу, уничтожая инженерные заграждения, артиллерийские позиции, узлы связи и командные пункты. В отчете штаба Воронежского фронта отмечалось:

«Авиация использовалась противником для обеспечения преодоления препятствий в нашей обороне неприятельскими танками. В этой области отмечены действия противника по разрушению наших противотанковых рвов крупными бомбами. Их разрывами разрушались стенки рва, образуя на участках разрыва воронки, которые могли преодолеть танки. Зарегистрированы случаи использования немцами авиации для подрывов наших минных полей».

Дивизия «Мертвая голова» бригадефюрера Присса, прикрывая правый фланг корпуса СС, пыталась расширить прорыв в восточном направлении, атакуя позиции 375-й дивизии полковника Говоруненко.

К 14 часам была прорвана оборона 51-й гвардейской стрелковой дивизии, почти целиком погиб 156-й стрелковый полк. Еще час спустя панцергренадеры полка «Дер Фюрер» захватили Лучки, выбив передовые подразделения 6-й гвардейской мотострелковой бригады, не успевшей, ввиду нехватки автотранспорта, занять назначенные позиции, и продолжили преследование в сторону Калинина. Дивизия «Лейбштандарт», разгромив 154-й гвардейский стрелковый

полк, вышла к южным окраинам Яковлево. Танки полка «Адольф Гитлер» двинулись на север к еще одним Лучкам (северным). В обороне советских войск образовалась брешь, войска двух дивизий были рассеяны, основная тяжесть борьбы с прорвавшимся эсэсовским корпусом легла на бригады Катукова.

Чтобы локализовать продвижение противника в тыл 1-й танковой армии, генерал Катуков отдал распоряжение Кривошеину поддержать одним батальоном 49-й танковой бригады танкистов полковника Горелова. Одновременно командир 31-го танкового корпуса генерал-майор Д.Х. Черненко должен был выдвинуть на кризисный участок 100-ю танковую бригаду полковника Н.И. Иванова. На какое-то время танкисты сумели сковать боевую группу «Лейбштандарта» и задержать ее продвижение в северо-восточном направлении.

Генерал Чистяков, получивший в свое распоряжение два гвардейских танковых корпуса, решил их использовать на полную катушку, а именно: контратаковать. 5-й Сталинградский должен был ударить в лоб эсэсовским дивизиям, отбросить прорвавшиеся части противника на рубеж Яковлево — Лучки и восстановить оборону на второй полосе. 2-й Тацинский корпус получил задачу, переправившись на западный берег Липового Донца, сокрушить противника и перерезать дорогу Белгород — Обоянь.

Опытный танкист генерал Кравченко едва успел развернуть свой корпус, окопать, замаскировать и распахать по лесочкам боевые машины, организовать грамотную оборону, и в нужном месте — дивизия «Дас Рейх» двигалась прямо к его командному пункту, на хутор Калинин, — как прибыл представитель командующего 6-й гвардейской армией полковник Никифоров и, размахивая перед носом пистолетом, стал требовать немедленно идти в атаку. Затем появился не имеющий связи со своими войсками и не знающий, чем себя занять, в дугу пьяный командир 23-го гвардейского корпуса генерал-майор П.П. Вахромеев с намерением арестовать и расстрелять Кравченко, а заодно и заместителя командующего БТ и МВ фронта генерал-майора И.И. Петрова. Пока Вахромеев искал автоматчиков, Петров сбежал на командный

пункт армии, где пытался объяснить генералу Чистякову, что «сейчас не такая обстановка, чтобы двигать корпус в наступление». Беседа двух генералов изложена в донесении Петрова:

«При встрече с генерал-лейтенантом Чистяковым он также начал на меня кричать и был удивлен, что я еще не арестован. Я ему ответил, что я прибыл изложить решение командующего фронтом, и его решение о выдвижении двух корпусов в контратаку просил доложить командующему фронтом».

Командующему фронтом, вторые сутки мечтавшему перехватить у фрицев инициативу и непрерывно размышлявшему, как бы пристроить к делу такую кучу танков, идея Чистякова пришлась по душе. Он ее творчески развил, наказав отбивавшемуся от 48-го танкового корпуса Катуккову ударом навстречу Кравченко силами 31-го танкового корпуса принять участие в «уничтожении прорвавшегося противника».

Приказ есть приказ.

Около 15 часов 22-я гвардейская танковая бригада полковника Н.В. Кошелева (60 танков) без артиллерийской и авиационной поддержки, в чистом поле нанесла встречный удар по боевой группе «Дас Рейх». Эсэсовцы сначала тоже удивились, затем выдвинули вперед тяжелые танки, самоходно-истребители, орудия ПТО и вызвали пикирующие бомбардировщики. На помощь Кошелеву генерал Кравченко послал 21-ю гвардейскую бригаду (56 танков) полковника К.И. Овчаренко и 48-й гвардейский полк прорыва (21 танк Мк-4 «Черчилль»), но вышло еще хуже:

«Противник, встретив организованное сопротивление, в дальнейшем развитии событий в лоб не пошел, а обошел боевые порядки с запада и с востока, вырвавшись на грейдер, что идет от с. Лучки (северные) на ст. Прохоровка, и к исходу дня замкнул кольцо окружения...»

Блокировав-окружив основные силы 5-го гвардейского танкового корпуса в районе урочища Козинка, немцы овладели Калинином (штаб корпуса выскользнул чудом в последний момент, но связь с бригадами утратил) и попытались с ходу захватить станцию Беленихино. Однако здесь были остановлены силами оставшихся вне кольца окружения

20-й гвардейской танковой (60 танков) и 6-й мотострелковой бригад. В докладе на имя командующего фронтом генерал Кравченко писал:

«Ведя ожесточенные бои с крупными танковыми силами противника и не поддержанный действиями соседа справа (части 1 ТА) и слева (части 2 гв. ТА), корпус в течение 6.07.43 г. потерял 110 танков».

«Полк корпуса» Кравченко закрепились на линии железной дороги от Ивановский Выселок на юг.

Часть танков дивизии «Дас Рейх» устремилась к хутору Тетеревино и, преследуя беспорядочно отступавшую пехоту, к 18 часам неожиданно для советского командования вышла непосредственно к тыловому армейскому рубежу, вклинившись в позиции 183-й стрелковой дивизии 69-й армии. Минные поля немцы преодолели шутя, поскольку в воцарившейся неразберихе саперы не успели закрыть проходы после прохождения разрозненных частей 51-й и 52-й гвардейских стрелковых дивизий.

Тацинский танковый корпус, еще с утра отдельными подразделениями вступивший в бой с дивизией СС «Мертвая голова», перешел в контрнаступление в 16.30, имея 166 боеспособных танков. Под непрерывным воздействием немецкой авиации корпус сумел к 20 часам преодолеть 7 километров, овладеть колхозом и перерезать шоссе Белгород — Обоянь. Авиация 2-й воздушной армии в этот день совершила 1078 вылетов. Из них только 309 были совершены по наземным целям, в том числе была проведена вполне успешная штурмовка боевых порядков танковых бригад полковника Бурдейного. Немцы потеряли шесть «штурк», но только один из самолетов был сбит советским истребителем, остальные «приземлили» зенитчики. Дальнейшее продвижение становилось опасным, так как правый фланг Тацинского корпуса из-за окружения Сталинградского корпуса оказался открытым. Поэтому сразу после полуночи командующий фронтом отдал приказ об отходе в исходное положение, на восточный берег реки Липовый Донец. В ходе боев корпус потерял 191 человека и 28 танков.

Три недели спустя Ватутин признает в интимной беседе: «Нам, и прежде всего мне, надо было думать не о контрруда-

рах, а об отражении удара превосходящих танковых сил противника... Но беда в том, что долго отмерять у нас не было времени. События развивались с головокружительной быстротой. Враг ставил под угрозу вторую полосу нашей обороны и мог с ходу прорвать ее». В общем, подумать, даже имея «две головы», учитывая голову Василевского, времени не хватило.

К концу дня второй армейский рубеж обороны был прорван противником на всю глубину, эсэсовские дивизии за восемь часов успешно преодолели около 20 километров, ломая все прогнозы советского командования. Положение осложнялось тем, что между вторым и третьим оборонительными рубежами не существовало заранее подготовленных позиций. Тыловой рубеж 6-й гвардейской армии был отодвинут от второго на 20—30 километров, опирался на реку Псёл и не занимался войсками. Штаб генерала Чистякова толком не знал, где находится значительная часть войск армии. Большинство соединений были либо сильно ослаблены, либо разбиты, со многими не было связи. Как ни уверяет Иван Михайлович, что «настроение у меня на войне было почти всегда приподнятое», генерал Катукوف вспоминает, что никогда не видел Чистякова таким мрачным: «Черт знает что! — говорил он. — По сто-двести танков прут и прут! «Тигры»... «пантеры»... Не успеешь заделать брешь в одном участке — лезут на другом. Нет, такого я еще не видел!»

Можно понять командарма, у которого осталось три боеспособные дивизии — 89-я и 90-я гвардейские и отрезанная от основных сил 375-я стрелковая. Отброшенную на запад 71-ю гвардейскую дивизию Ватутин передал в подчинение 40-й армии. Соединения 5-го гвардейского танкового корпуса, полки 52, 90-й и 67-й гвардейских стрелковых дивизий оказались в окружении и понесли большие потери. Так, в 51-й гвардейской стрелковой дивизии из 8728 человек осталось 3354; почти 5500 человек потеряла 67-я гвардейская дивизия; от 52-й гвардейской в районе сбора удалось собрать 2500 тысячи солдат и офицеров, серьезное ранение получил комдив 52 полковник И.М. Некрасов. Бригады Сталинградского корпуса к утру прорвались из окружения у села Ясная Поляна, но в строю осталось лишь 13 танков 22-й бригады. Общие

безвозвратные потери корпуса составили 128 боевых машин, еще 19 танков пришлось отправить в ремонт.

Отдел по изучению армий Востока докладывал: *«Попытка противника до выяснения масштаба и целей нашей операции сдержать немецкое наступление войсками, развернутыми на позиции, и фронтовыми резервами в основном не удалась. Он преждевременно бросил в бой оперативные резервы... противник, по-видимому, пытается сдержать немецкое наступление на возможно большем расстоянии от Курска и с этой целью бросает в бой все наличные силы».*

На второй день операции командование Воронежского фронта израсходовало все свои резервы, а немец и не думал останавливаться. Нервозность в штабе Ватутина нарастала, не способствуя принятию адекватных решений. Регулярные звонки из Москвы от членов ГКО, Политбюро и прочих высокопоставленных «членов», позволявших себе в разговорах с командующим фронтом «оскорбительные выражения и словесную бесконтрольность», спокойствия не добавляли.

В измотанных подразделениях падала дисциплина, в тылах нарастала неразбериха и паника, увеличивался поток дезертиров и «отставших от своих» бойцов, командиров и даже целых подразделений, направляющихся в противоположную от передовой сторону или отсиживающихся в населенных пунктах. Прибавилось работы у заградительных полков НКВД. Войска на передовой начали испытывать затруднения с обеспечением боеприпасами и продовольствием. Никто не занимался эвакуацией раненых.

«Сражение разгоралось, — вспоминал член Военного совета фронта Н.С. Хрущев. — У нас с Ватутиным стала проявляться тревога: мы все же не ожидали такого нажима... Много неприятно сейчас вспоминать. И обстановка сейчас другая, и время другое... Враг оттеснил нас к третьему рубежу обороны. Три ее полосы, включая последнюю, имели противотанковые рвы, различные земляные и полевые укрепления, огневые позиции для пехоты, артиллерии и танков. И почти все это он за неделю преодолел, пока не уперся в тыловую армейскую полосу обороны».

Но Ватутину, задумавшему новый контрудар, было к кому обратиться за помощью. Вместе с Василевским он стал

подавать тревожные сигналы в Москву. Командующий просил Ставку как можно быстрее усилить Воронежский фронт четырьмя танковыми и двумя авиационными корпусами. Начальник Генерального штаба просьбу поддержал, Сталин уступил, но распорядился контрударами не увлекаться, а «измотать противника на подготовленных рубежах и не допустить прорыва».

В район севернее станции Прохоровка направлялся 10-й танковый корпус генерал-майора В.Г. Буркова из 5-й гвардейской армии Степного округа. Из состава Юго-Западного фронта начал передислокацию 2-й танковый корпус генерал-майора А.Ф. Попова. Воздушная армия Красовского получала дополнительно истребительную авиационную дивизию.

Наконец Сталин принял решение о передаче Воронежскому фронту 27-й армии. Кроме войск генерала Трофименко, занявших оборону в Курском укрепленном районе, на угрожаемое направление выдвигались 5-я гвардейская армия генерала А.С. Жадова и 5-я гвардейская танковая армия генерала П.А. Ротмистрова — несмотря на возражения И.С. Конева против разбазаривания его «хозяйства», не преминувшего отметить зависимость ватутинского полководческого искусства от непрерывного поступления «донорской крови»:

«Конечно, куда проще ввести в сражение свежий корпус или армию, чем своими резервами, маневрами и концентрацией сил и средств своего фронта ликвидировать прорыв. Оценивая события прошлого, следует сказать, что стратегические резервы в виде целого фронта целесообразно было бы вводить в действие полным составом, массированно и на важнейшем направлении театра военных действий, а не по частям».

Танковой армии Ротмистрова, решившего добираться на фронт своим ходом, предстояло за трое суток форсированным маршем преодолеть 350—400 километров от Острогожска до Прохоровки. Движение осуществлялось в том числе и в дневное время. Воздушное прикрытие осуществляла 5-я воздушная армия. Армия Жадова должна была занять рубеж реки Псел к утру 11 июля.

Одновременно Ставка категорически потребовала от Ва-

тутина и Василевского: «Во что бы то ни стало остановить стремительное продвижение противника на рубеже р. Псёл, захватить в свои руки инициативу». Кстати, в довольно толстой книжке мемуаров маршал Василевский практически ничего не рассказал о своем непосредственном участии в Курской битве.

Враг тоже нес потери в живой силе и технике. В мотодивизии «Великая Германия» к исходу 6 июля в строю осталось 73 танка, из них около 40 «пантер» и дюжина штурмовых орудий. Армия Гота в целом в результате боевого воздействия и по причине технических неисправностей лишилась 300 танков. Фронт 2-го корпуса СС с необеспеченными флангами растянулся на 40 километров и подвергался непрерывным ударам со всех сторон. Корпусу Кнобельсдорфа не удалось создать плацдарм на реке Пена. Сильно отставала от графика армейская группа «Кемпф». Она продолжала топтаться на месте, хотя к исходу 6 июля 3-й танковый корпус прорвал первый рубеж обороны восточнее Белгорода. Однако сомкнуть свой левый фланг с правым крылом 4-й танковой армии у Вернера Кемпфа не получилось.

Ближайшей задачей для Гота оставался разгром 1-й танковой армии и выход к Псёлу.

Генерал Ватутин всю ответственность по ликвидации вражеского прорыва возложил на Катукова, который, совершив в течение ночи перегруппировку сил, намеревался выставить на прохоровском направлении в первом эшелоне пять танковых бригад 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов, в которых насчитывалось 256 танков; во втором эшелоне находилось 127 боевых машин 180-й и 192-й танковых бригад. Генералу Черниенко передавались также 29-я отдельная истребительная артиллерийская бригада и 1224-й истребительный артполк — 59 противотанковых стволов.

На рассвете 7 июля части «Великой Германии» и 11-й танковой дивизии атаковали вдоль Обоянского шоссе боевые порядки 1-й и 3-й бригад механизированного корпуса Кривошеина с приданной им 294-й штрафной ротой, стре-

мясь прорваться к Кочетовке и к излучине реки Псёл. Атака танков поддерживалась авиацией, которая группами по 60—80 самолетов через каждые 5—10 минут бомбила расположение советских войск.

«Едва забрезжил рассвет, — вспоминает Катук, — как противник снова предпринял попытку прорваться на Обоянь. Главный удар он наносил по позициям 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов. А.Л. Гетман сообщил, что на его участке противник активности не проявляет. Но зато позвонивший мне С.М. Кривошеин не скрывал тревоги:

— Что-то невероятное, товарищ командующий! Противник сегодня бросил на нашем участке до семисот танков и самоходок. Только против первой и третьей механизированных бригад наступают двести танков.

С такими цифрами нам еще не приходилось иметь дело... Сосредоточив столь огромные силы на узком, 10-километровом участке, немецкое командование рассчитывало, что ему удастся мощным танковым ударом пробить нашу оборону».

В результате неоднократных таранных атак противнику после 11 часов таки удалось пробить оборону у Дуброва. Бригады подполковников А.М. Бабаджаняна и Ф.П. Липатенко не смогли удержать занимаемых позиций и начали отход.

«... мы не смогли остановить неприятеля, — пишет бывший начальник штаба 1-й мехбригады Д.А. Драгунский. — Он по-прежнему рвался к Обояни. Сосредоточив превосходящие силы, создав огромный танковый кулак, гитлеровцы прорвали фронт нашей обороны и начали распространяться в северном и северо-западном направлении. 1-я и 3-я мбр отходили с ожесточенными боями. Тяжелые бои вели также соседи — 1-я гв. тбр нашего корпуса».

Отход советских частей прикрывала 49-я танковая бригада, которая вела бой с преследующими танками противника методом подвижных засад. К тому же один батальон «пантер» понес существенные потери, наскочив на минное поле в районе Сырцева, а Катук взял у Гетмана и перебросил сюда 112-ю танковую бригаду, почетно именованную «Революционная Монголия». Танкисты полковника М.Т. Леонова, развернувшись с марша, атаковали в лоб бригаду «пантер»,

вернее то, что от нее было на ходу, сами потеряли 20 машин, но сковали силы боевой группы «Великая Германия», предотвратив захват села Сырцево и прорыв на север к Верхопенью. 180-я танковая бригада полковника М.З. Киселева вступила в бой с 11-й танковой дивизией в районе Гремучего.

Несколько эпизодов битвы за один хутор глазами очевидца, гренадера мотодивизии «Великая Германия»:

«К вечеру третьего дня непрерывного боя, во время которого нам удалось сомкнуть глаза лишь на полчаса, не более, мы совершенно обезумели: нам казалось, что мы способны на все. Из нашего взвода выбыли чех и фельдфебель, которые либо погибли, либо были ранены и остались среди развалин; в наши ряды влились два гренадера, оторвавшиеся от своих частей...

Мы настолько устали, что поднимались лишь тогда, когда полностью подавляли очередной очаг сопротивления — оставшихся без подкрепления солдат, засевших в каком-нибудь окопе. Иногда из укрытия появлялись солдаты с поднятыми руками: те, кто желал сдаться в плен. И каждый раз повторялась одна и та же трагедия. Краус по приказу лейтенанта пристрелил четверых капитулировавших, судетец — двух, а солдаты из 17-й роты — девяти. Юный Линдберг, который с самого начала наступления пребывал в состоянии панического ужаса (он или рыдал, или хохотал), взял у Крауса пулемет и уложил двух большевиков. Двое убитых были намного старше парня и до последнего момента молили о пощаде. Еще долго мы слышали их крики. Но Линдберг, которого охватил приступ гнева, стрелял, пока крики не затихли.

Помню еще «хлебный дом». Мы его так называли, потому что, перебив всех, кто в нем засел, нашли несколько буханок хлеба и расправились с ними в качестве вознаграждения за ужасы, которые свалились на нашу голову. От страха и усталости мы обезумели. Нервы наши были напряжены до предела. Мы с трудом повиновались приказам и крикам, предупреждающим об опасности, которые сыпались непрерывной чередой. Брать пленных нам было запрещено. Мы знали, что и русские не берут в плен, поэтому, как ни хотелось нам спать, приходилось поддерживать себя в полусонном состоянии, зная, что где-то поблизости бродят большевики.

Или они, или мы — вот почему я и мой друг Гальс кинули в «хлебный дом» гранаты, хотя русские выставили там белый флаг.

Когда наше бесконечное наступление подошло к концу, мы растянулись на дне воронки и долго смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Мы словно онемели. Кители наши были расстегнуты, изорваны в клочья, а от приставшей к ним грязи сливались с цветом земли. В воздухе по-прежнему грохотали взрывы, и ощущался запах гари. Погибло еще четверо наших, а с собой мы несли пять-шесть раненых. В окопе нас собралось человек двадцать. Мы пытались привести в порядок мысли, но невидящий взор блуждал по выгоревшей местности, а в головах было пусто».

Ожесточенные бои продолжались на направлении действий дивизии «Лейбштандарт». Она наносила удар из района Покровка на Большие и Малые Маячки, Грёзное. Выдвигавшиеся на это направление соединения 31-го танкового корпуса и 29-й истребительно-противотанковой бригады опоздали с выходом в назначенные районы, так как мосты через реку Солотинка оказались взорваны саперами. Бригадам пришлось строить переправы из подручного материала, разворачиваться и вступать в бой с ходу. Вечером части генерала Черниенко оставили Большие Маячки.

В результате левый фланг 1-й танковой армии был отброшен на северо-запад, а фронт ее обороны растянут на 45 километров. Для усиления угрожаемого направления из состава 38-й и 40-й армий Катуюкову были переданы 309-я стрелковая дивизия, три истребительно-противотанковые бригады, гаубичный, минометный и танковый полки. Сюда же были перегруппированы части 9-й зенитной дивизии. Несмотря на мощный нажим, эсэсовцы не смогли продвинуться дальше на северо-запад. Дивизиям «Дас Рейх» и «Мертвая голова» удалось сомкнуть фланги и оттеснить советские части на восточный берег Липового Донца. Однако попытки противника выйти к реке Псёл и с ходу форсировать ее были отбиты. На левом берегу реки занимали оборону части 52-й гвардейской стрелковой дивизии, командование которой принял подполковник Г.Г. Пантюхов.

7 июля в журнале боевых действий корпуса СС было от-

мечено: «Главной особенностью дня стала остановка продвижения всех частей, для того чтобы сомкнуть боевые порядки и отразить сильные атаки с обоих флангов».

Генералу Шумилову удалось приостановить продвижение 3-го танкового корпуса группы «Кемпф». 7-я танковая дивизия Функа была скована боями в районе совхоза «Батрацкая дача». 106-я и 320-я пехотные дивизии сдерживали контратаки 7-й гвардейской армии.

Тем временем Ватутин, получив в подарок еще 400 танков, продолжал действовать в духе пожеланий Манштейна и принял решение нанести контрудар по правому флангу 4-й танковой армии. К участию в нем привлекались 2-й и 5-й гвардейские, 2-й и 10-й танковые корпуса — около 600 боеготовых танков против 306 исправных машин корпуса СС, — 89-я гвардейская, 183-я и 375-я стрелковые дивизии, 6-й танковый корпус и другие соединения армии Катукова, а также левофланговые дивизии 40-й армии.

Замысел состоял в том, чтобы одновременным ударом пяти танковых корпусов при поддержке стрелковых соединений окружить и разгромить Гота. При этом 10, 2-й и 5-й гвардейские танковые корпуса должны были ударом с рубежа Васильевка — Беленихино расчленить основную группировку корпуса СС и во взаимодействии с Тацинским корпусом завершить ее уничтожение. Далее предусматривалось развивать наступление в тыл 48-го танкового корпуса навстречу соединениям Чистякова и Катукова.

Вот только времени на подготовку явно не доставало, взаимодействие не было отработано (правду сказать, и не было у наших генералов такой привычки), в воздухе господствовала немецкая авиация, и по организации все очень напоминало судорожные контрудары 1941 года.

К тому же противник не стал ждать, когда его начнут громить. Прикрывшись со стороны выдвигавшихся танковых корпусов, перемещение которых четко отслеживалось авиаразведкой, частью сил и противотанковыми средствами, он с утра 8 июля возобновил наступление в полосе 1-й танковой армии.

Бригады Гетмана и Кривошеина отразили атаки и в ос-

новном удержали занимаемый рубеж. Однако в полосе 31-го танкового корпуса обстановка значительно ухудшилась. Обергруппенфюрер Хауссер нанес удар на север и северо-восток боевыми группами «Лейбштандарт» и «Дас Рейх». Как водится, фашисты нащупали самое слабое место в советской обороне. Подготовленных рубежей в междуречье, как уже упоминалось, не было. Ввиду отсутствия локтевой связи между корпусом генерала Черниенко и армией Крюченкина, до самой реки Псёл здесь не находилось и наших войск. Лишь мотопехотный батальон 237-й танковой бригады успел окопаться «в нитку» на рубеже Грёзное. Подразделения, спешно перебрасываемые с других участков, зачастую не подозревали о существовании друг друга.

Удар дивизии «Лейбштандарт» пришелся по позициям 242-й танковой бригады подполковника В.П. Соколова, окопавшейся западнее Малых Маячков, и 154-го гвардейского стрелкового полка в районе Красной Поляны. На помощь гвардейской пехоте подоспели танкисты 100-й бригады полковника Иванова и отбросили противника. Все складывалось неплохо, пока в 10.30 неожиданно для всех участников не появилась 192-я танковая бригада А.Ф. Каравана, посланная на защиту Красной Поляны. Комбриг-100, приняв американскую технику за вражескую, ударил в тыл бригаде Каравана и сжег три ее танка. Разгоряченная боем, палящая во все стороны кавалькада ввалилась на позиции бригады Соколова, расстреляв попутно два грузовика. Там тоже не растерялись и, развернув противотанковую батарею, подбили три танка Т-34 «сотой» бригады. Обрадованные эсэсовцы навалились с фронта. В целом обстановка напоминала слоеный пирог, атакующие и контратакующие группы танков бороздили пространство в разных направлениях, и непонятно было, кто кому вышел в тыл. К такому маневренному бою войска Вермахта были подготовлены лучше советских; к тому же в затруднительной ситуации они всегда могли вызвать воздушную поддержку.

В итоге части 31-го танкового корпуса были вынуждены отойти к Кочетовке, где находился основной командный пункт 6-й гвардейской армии. Начальник связи корпуса с пе-

репуту оповестил всех радиолюбителей открытым текстом: «У Черниенко фронт прорван, войска бегут неудержимо».

Генерал Чистяков, на которого возлагалось непосредственное руководство контрударом, завидев на дистанции прямой видимости танки непонятной принадлежности, с разрешения штаба фронта эвакуировался на запасной КП и пропал из эфира.

Впрочем, в планах Ватутина это ничего не изменило.

Генерал Кравченко, едва успев собрать свои части и сформировать из них две бригады, в 10.30 бросил Сталинградский танковый корпус — все свои 59 танков — в новую атаку против дивизии Крюгера. Танкисты в 15 часов овладели хутором Калинин, после чего получили удар в правый фланг, подверглись непрерывной многочасовой бомбардировке с воздуха и отошли обратно к линии железной дороги.

«В течение этих дней боев, — доносил Кравченко, — корпус потерял большой процент испытанных в боях командиров, участников разгрома врага под Сталинградом. Погибло два командира полка, тяжело ранено два начальника штаба бригад, тяжело ранен командир 48-го гв. танкового полка прорыва. Убито и ранено 75% командиров батальонов, 70% командиров рот».

За три дня 5-й гвардейский танковый корпус потерял 177 танков; к исходу 8 июля в строю оставалось 39 машин.

Одновременно с корпусом Кравченко по сигналу «три пятерки» перешел в наступление на Лучки 2-й гвардейский танковый корпус, имевший в строю 171 танк и задачу уничтожить дивизию СС «Мертвая голова». 4-я гвардейская танковая бригада полковника А.Г. Бражникова, действуя от станции Тетеревино, попыталась отбить Нечаевку, но немцы шквальным огнем артиллерии и ударами авиации не позволили даже овладеть переправой через Липовый Донец. По наводке «рамы» совершила 53 боевых вылета противотанковая группа Hs-129-B-2, вооруженная 30-мм пушками и доложившая о поражении 105 танков. Батальоны 26-й гвардейской танковой и 4-й гвардейской мотострелковой бригад с частью сил 89-й гвардейской стрелковой дивизии форсировали Липовый Донец в районе села Вислое и повели наступ-

ление в направлении колхоза «Смело к труду». Однако на полдороге были контратакованы «Мертвой головой» и отброшены назад. Бой советских частей поддерживали огнем бронепоезда № 737 и № 746, курсировавшие по железной дороге на восточном берегу Липового Донца. Затем в районе Сажного они подверглись налету 30 немецких пикировщиков и были уничтожены. Вообще действия вражеской авиации в донесениях слились в одну «бесперывную атаку с воздуха».

Кстати, силы 8-го авиакорпуса Люфтваффе к этому времени уменьшились почти вдвое. Ввиду затруднений, возникших у Моделя на северном фланге Курской дуги, генералу Зайдеману пришлось передать группе армий «Центр» семь авиагрупп: «Это перемещение означало сокращение численности истребителей на 40%, на 50% уменьшение штурмовых частей и 30% сокращение численности бомбардировщиков 8-го авиакорпуса».

Штурмовые части Люфтваффе удачно заменили «илы» из авиакорпуса генерала Рязанова: сначала они проутюжили боевые порядки Тацинского корпуса, затем переключились на 3-й механизированный корпус. Генерал Кривошеин в докладе перед командным составом армии отметил особо:

«Взаимодействие танков с авиацией было неудовлетворительно, особенно со штурмовой, которая, несмотря на сигналы опознавания своих войск, несколько раз сбрасывала бомбовые грузы и подвергала штурмовке свои войска. Истребительная авиация действовала самостоятельно, не сочетая свои действия с действиями своих войск». (С немцами такое тоже случалось, но достаточно редко, у них даже повозки несли опознавательные знаки, а радиостанции имелись в каждом взводе, и, что характерно, ими умели пользоваться.)

Впрочем, все рода наземных войск у нас тоже «сочетались» неважно. Особенно в динамике сражения, когда советские части еженощно перебрасывались, переподчинялись и перемешивались между собой, не имея связи, информации об обстановке и конкретных приказов. Чистяков или Катюков нередко узнавали о существовании в составе своей армии какого-нибудь артполка только тогда, когда его представители приезжали на склады за боеприпасами. Объедине-

ния, соединения и отдельные подразделения воевали сами по себе, даже если сидели в одном окопе.

Представитель Генштаба при штабе 6-й гвардейской армии докладывал: *«В боевых порядках армии действовала 1-я ТА, но штабы армий не стремились к получению постоянной, взаимной информации, в результате взаимодействия пехоты и танков было недостаточно. Все карты оперативного отдела штаба армии не имели боевых порядков 1-й танковой армии, поэтому затруднялось обеспечение стыков между соседними соединениями и даже приводило к напрасным жертвам».*

Прибывшие на усиление Воронежского фронта 10-й и 2-й танковые корпуса с переходом в наступление запаздывали, и в 14.20 выведенный из терпения Ватутин подписал циркулярный приказ:

«Категорически требую самых решительных и смелых действий и полного выполнения поставленных задач. Топтание на месте прекратить и стремительно наступать».

Однако в этот день ничего толком не получалось, как говаривал незабвенный фельдмаршал А.В. Суворов: «Как команда подается, так она и исполняется».

Части 10-го танкового корпуса генерала Буркова (178, 183, 186-я танковые, 11-я мотострелковая бригады, 1450-й самоходный артполк — 164 танка и САУ в строю) и 183-й стрелковой дивизии генерал-майора А.С. Костицина в наступление от Васильевки так и не пошли, хотя место для удара было выбрано довольно удачное. Но сначала помешал противник, сам решивший атаковать, затем с тыла по корпусу Буркова и 183-й дивизии ударил 2-й танковый корпус, а после Бурков решил, что в таком бардаке лучше воздержаться от атаки, «чтобы не нести напрасных потерь». То есть попросту проигнорировал все указания штаба фронта. Потери действительно были минимальны — один танк Т-34 и одна СУ-122.

Корпус генерал-майора А.Ф. Попова (26, 169, 99-я танковые, 58-я мотострелковая бригады, 15-й гвардейский танковый полк прорыва) вышел в исходный район, имея в боевом составе 155 танков. Остальные машины вышли из строя в ходе 200-километрового марша. На организацию боя командиров бригад имели менее двух часов, а в 99-й танковой и

вовсе, получив в полдень приказ-задание, узнали, что вот уже два часа они наступают на хутор Тетеревино. Чего танкисты не имели, так это: данных о противнике, положении своих войск, начертании переднего края, минных полях, взаимодействия с пехотой, артиллерией, авиационной поддержки и понятия об организации разведки. Ах да, они еще карт не имели, как замечательно сформулировано в одном из отчетов, «из-за их отсутствия». И не хватало толкового командира корпуса.

В 16.30, не зная местной «географии», перепутав боевые порядки (в 26-й бригаде считали 169-ю бригаду соседом слева, в то время как 99-я бригада в донесениях называет 26-ю соседом справа), наталкиваясь друг на друга, соединения 2-го танкового корпуса двинулись в указанном направлении, уничтожая огнем и гусеницами все, что шевелится.

Из боевого донесения штаба 183-й стрелковой дивизии:

«В 16.00 8.07.43 г. со ст. Прохоровка в направлении отметки 241.6 был услышан с КП 285-го сп шум моторов. Шли танки, которые развернулись в боевой порядок, открыли сильный артиллерийский огонь по нашим боевым порядкам, роте ПТР, пушкам, стоящим на ОП, и по НП.

Продвигаясь в направлении Васильевка, танки своим огнем сожгли несколько домов и подожгли один танк 10-го танкового корпуса (сосед справа, Васильевка). После чего эти же танки обрушили огонь по нашим боевым порядкам 1-й сб 285-го сп и начали давить бойцов своими гусеницами в окопах, особенно в 3-й и 5-й ср. Вследствие чего были нарушены наши боевые порядки в ответственный период наступления на восстановление прежних рубежей...

Танки шли без всякого руководства, не соблюдая боевого порядка и строя. Попытки командования 285-го сп объяснить танкистам положение, последние, не обращая внимания, продолжали огонь по нашим боевым порядкам. Командование полка разослало командиров по идущим танкам с задачей объяснить свои боевые порядки и обстановку — с требованием немедленного прекращения огня.

Командиры танковых рот ответили, что нам поставлена задача наступать в направлении Андреевка — Васильевка и дополнительная задача наступать на Грёзное, продолжали вести огонь по подразделениям 285-го сп и 11-й бригады, которая

стояла в Васильевке. Наступающие танки были из 99-й танковой бригады 2-го танкового корпуса...

По неполным данным, от огня своих танков подразделения полка имеют потери: 25 человек убито, 37 ранено.

Потери личного состава подразделений полка — в основном по 3-й и 5-й ср — главным образом получились по вине 99-й танковой бригады, командование которой не уяснило себе обстановки, не предупредило о предстоящем наступлении меня, командование бригады пошло в наступление по нашим подразделениям 285-го сп. В результате чего расстреляли бойцов и подорвали свои танки на наших минных полях».

Прорвавшись через позиции 285-го стрелкового полка, танки громыхающей «кучей» вышли на «оперативный простор». Хауссер среагировал почти мгновенно: развернул дивизион штурмовых орудий дивизии «Лейбштандарт» и вызвал авиацию. Очень кстати, на хуторе Тетеревино в это время ремонтировался «тигр» унтершарфюрера Штудеггера из 13-й тяжелой роты. Бравый эсэсман вывел свой Pz. VI на окраину и вступил в бой с 26-й танковой бригадой, подбив, согласно представлению на Рыцарский крест, 16 «тридцатьчетверок».

К исходу дня бригады 2-го корпуса «отошли обратно».

26-я танковая бригада потеряла 17 танков, 99-я бригада — 18, в том числе 5 танков на своих минных полях, а 2-й танковый корпус в целом — 42 боевые машины, с учетом тяжелого полка прорыва, который в атаке не участвовал, но четыре «черчилля» утратил в результате авиационной бомбардировки.

Осерчавший Ватутин издал приказ: *«Генерал-майор Попов не принял надлежащих мер к организации встречного боя, не установил связь с командирами пехотных частей, не выяснил положение соседей, хотя имел к этому полную возможность... Имея в своем распоряжении 12 часов до момента корпуса к атаке, генерал-майор Попов не использовал это время для организации боя. Свой приказ на наступление он отдал только 8 июля в 9.30, то есть за час до атаки. В силу этого командирами бригад не была обеспечена боевая разведка, не проводилась рекогносцировка местности, не был установлен передний край на-*

шей обороны, а подразделениям 99-й тбр был определен фронт наступления, фактически занятый нашими войсками...

За такое преступное отношение к организации боя командир 2-го тк генерал-майор Попов заслуживает самого сурового наказания вплоть до предания суду Военного трибунала».

Может, А.Ф. Попов и заслужил трибунал, но — «как хорошо быть генералом!» — отделался выговором.

В контрударе в направлении Красная Поляна 6-я гвардейская армия участвовала частью сил при поддержке 6-го танкового корпуса. Артиллерийская и авиационная подготовка начались в 10 часов. Однако перешедшие в наступление части были остановлены сильными ударами авиации, огнем артиллерии и танков противника. Командующий фронтом приказал закрепиться на достигнутом рубеже. Затем в связи с большими потерями генерал Гетман дал распоряжение частям 6-го танкового корпуса отойти за реку Пена. Причем в ходе лихой «кавалерийской» атаки полностью была выбита 200-я танковая бригада, в которой из 46 танков осталось два.

40-я армия генерала Москаленко демонстрировала наступление в направлении Герцовки.

Таким образом, советский контрудар цели не достиг. Как сказал, подводя итоги, Ватутин: «Мой замысел осуществлен не был. Однако даже небольшое выдвижение корпусов заставило противника приковать часть сил на этом направлении». Это такой стандартный прием в оценке результата: ну, не разбили немцев — так сковали, не сковали — зато измотали.

Действия советских танковых и стрелковых соединений оказались не согласованными по времени и направлениям атак. Не была должным образом организована артиллерийская подготовка и поддержка наступления. Авиация оказалась не в состоянии прикрыть наземные войска от ударов с воздуха, командование фронта — руководить одновременно действиями нескольких крупных объединений. Как отмечал генерал Кравченко:

«В качестве вывода по третьему дню боевых действий корпуса следует отметить:

1. Слабая организация взаимодействия между танковыми соединениями и штабом фронта и действенного контроля за выполнением боевого приказа.

2. Явно недисциплинированные и преступные действия моих соседей. Если было известно, что соседи не будут наступать, жертвуя боевым составом корпуса в интересах общей обстановки фронта, я сумел бы себя обеспечить с флангов и тыла, как требуется при действиях в окружении. Но никто корпусу такой задачи не ставил. Я лично не получил плана действия корпусов. Учитывая, что до этого корпус вел в течение двух дней ожесточенные бои и ослабил себя, выполнить задачу за четыре корпуса он был явно не в состоянии, бросать его один в наступление было явно неверно и преступно.

3. Согласованными совместными действиями всех намеченных сил противник легко мог быть разбит. Об этом говорит первоначальный успех корпуса, продвинувшегося на 2—3 км. Сложная перегруппировка противника, затянувшаяся до 10.00, направления действий, намеченные Вашим боевым приказом, исключительно выгодные и могли бы при одновременном ударе всех корпусов привести к полному разгрому врага...»

Но — не вышло. Правда, контрудар несколько облегчил положение 1-й танковой армии, сорвал замысел врага по ее разгрому; около 17 часов Хауссер отдал приказ «Лейбштандарту» и «Дас Рейх» приостановить атаку в северном направлении. Катуков, возлагавший на действия коллег большие надежды, сообщает: «Действительно, во второй половине дня фашисты предоставили нам небольшую передышку. Как выяснилось, гитлеровцы в это время вынуждены были бросить основные силы против контратакующих войск. Это дало мне возможность перегруппировать части и усилить танкоопасные направления». Но и только. «С нетерпением ждал я известий с флангов. Но уже из первых донесений стало ясно: контрудар наших соединений не достиг поставленных целей. Да это и понятно. Два корпуса из резерва Ставки (2-й и 10-й) имели всего по 50 танков (Катуков уменьшил количество советских танков втрое, и сразу — «все понятно». — В.Б.). Прибыли они в армию без мотострелковых батальо-

нов... Отразив атаки корпусов, немцы в конце дня снова принялись за нас».

По итогам дня Ватутин с Хрущевым подписали боевое донесение, в котором сообщали об огромных потерях противника: «...Сожжено и подбито 1674 танка, уничтожено 396 самолетов, 925 машин с пехотой и грузами, рассеяно (?) и уничтожено до 40 000 солдат и офицеров».

Согласно сводке 2-го танкового корпуса СС, его дивизии за четыре дня уничтожили 204 советских танка, в том числе 121 танк 8 июля: «В ходе боев дивизии корпуса потеряли 17 танков, около 100 танков нуждаются в ремонте. В строю осталось 283 танка и штурмовых орудия». Потери в личном составе — 3065 человек. В корпусе Кнобельсдорфа к вечеру не было ни одного исправного «тигра» и ни одной «пантеры».

Советские потери за 8 июля составили 343 танка и САУ. Всего в период с 5 по 8 июля войска Воронежского фронта потеряли 527 танков, из них безвозвратно — 372, еще 155 машин подлежали восстановлению. Только в стрелковых соединениях 6-й гвардейской армии выбыло из строя 22 тысячи человек.

Генерал Гот оставался уверенным в правильности избранной стратегии, но навевало на размышление одно обстоятельство: несмотря на ежедневные успехи 4-й танковой армии и огромные потери противника, с востока накатывали новые и новые волны русских танков — до горизонта. Они окружали и ежечасно вцеплялись в немецкий клин, как охотничьи лайки в бока медведя. В журнале 48-го танкового корпуса записано: «Вечером авиаразведка сообщает о большом скоплении танков в глубине вражеской обороны перед восточным флангом танкового корпуса СС, перед фронтом танкового корпуса СС и 48-го тк и на западном фланге перед 52-м ак до Дмитриевки».

«Мы говорили так, — вспоминает немецкий танкист, — «Подобьешь сегодня двадцать русских танков, завтра будешь иметь дело с сорока новыми».

(У Ватутина имелась аналогичная проблема: согласно сообщениям частей, у противника давно должны были закончиться не только танки, но даже и велосипеды. Тем не менее каждое утро немцы продолжали энергично наступать,

не ослабляя натиска. Здесь, кроме преувеличенных данных о «намолоченной» вражеской бронетехнике, играли роль еще два фактора. Во-первых, поле боя неизменно оставалось за противником. Во-вторых, не имея возможности пробить крупновскую броню, советские артиллеристы обездвигивали вражескую бронетехнику огнем по ходовой части, а наши мины были примитивны и маломощны. Отсюда противник, осуществляя самый элементарный ремонт, который порой сводился к натягиванию гусениц или замене катков, имел возможность оперативно возвращать боевые машины в строй. По этой причине Военный совет фронта издал специальный приказ, в котором требовал расстреливать бронетехнику врага до приведения ее в полную негодность.)

На корочанском направлении войска 7-й гвардейской армии оказывали упорное сопротивление соединениям 3-го танкового корпуса Брейта. 81-я гвардейская стрелковая дивизия, отрезанная в результате обхода с востока от основных сил армии, продолжала сражаться в окружении в районе Старый Город. В связи с этим дивизия была подчинена 69-й армии генерала Крюченкина. Ожесточенные бои развернулись в полосе 92-й и 94-й гвардейских стрелковых дивизий. Боевая группа 19-й танковой дивизии при поддержке «тигров» к вечеру овладела Мелихово. Но дальнейшее продвижение врага на этом участке было остановлено.

Генерал Гот запланировал, перейдя временно к обороне на правом фланге, покончить наконец с 1-й танковой армией, чтобы обеспечить себе дорогу к Прохоровке, и постарался нарастить «ударность» своего боевого клина. В течение ночи части дивизии «Лейбштандарт» установили соприкосновение с дивизией «Дас Рейх». Дивизия «Мертвая голова», передав участок на Липовом Донце 167-й пехотной дивизии, осуществила перегруппировку и заняла исходную позицию между соединениями Виша и Крюгера. Танковый корпус СС вновь собирался в единый кулак.

Командующий Воронежским фронтом решил усилить истекавшую кровью армию Катукова и приказал командирам 10-го и 5-го гвардейского танковых корпусов, сдав свои

участки, занять оборону позади 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов. В ходе перегруппировки предполагалось пополнить войска Буркова и Кравченко материальной частью и личным составом. Одновременно Ватутин подписал приказ о выводе из состава 38-й армии 204-й стрелковой дивизии и направлении ее в район Обояни.

48-й танковый корпус главный удар по-прежнему наносил двумя дивизиями вдоль шоссе на Обоянь. Оборону на этом направлении от Верховенья до Сухо-Солотино удерживали части 67-й гвардейской стрелковой дивизии, 86-я и 180-я танковые бригады, 203-й тяжелый танковый и 36-й гвардейский минометный полки и то, что осталось от 27-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады; во втором эшелоне находились остатки 3-го механизированного корпуса — 1-я гвардейская и 49-я танковые и 3-я мехбригада (1-я и 10-я механизированные бригады «отошли» к генералу Гетману). Всего имелось 108 исправных танков, половина из них — в еще не участвовавшей в боях 86-й бригаде полковника В.С. Агафонова. От Сухо-Солотино до восточной окраины Кочетовки стояли в засадах бригады 31-го танкового корпуса — 242, 192, 237, 100-я — тоже около сотни боевых машин. На правом фланге 1-й танковой армии рубеж по реке Пене защищали 6-й танковый корпус (200, 22, 112-я танковые, 6-я мотострелковая бригады) и 90-я гвардейская стрелковая дивизия.

Утром 9 июля при интенсивной поддержке штурмовой авиации 11-я танковая дивизия (48 танков и штурмовых орудий) прорвала оборону 67-й гвардейской дивизии и атаковала хутора Покровский, Ильинский. Дивизия «Великая Германия» после жесточайшего боя вышибла советские части из Верховенья, а затем, «добив» танковые бригады-ветераны (в 1-й гвардейской и 49-й осталось 2 и 3 танка соответственно) и смяв боевые порядки 86-й танковой бригады, к обеду овладела селом Новоселовка. С отходом частей Кривошеина под угрозой охвата со стороны Обояньского шоссе оказался правый фланг 31-го танкового корпуса, куда нацелилась дивизия Микля. Генералу Черниенко пришлось перебрасывать сюда дополнительные силы, в то время как по его левому флангу и центру ударил корпус СС.

Боевая группа дивизии «Лейбштандарт», перейдя в наступление в 11.00, уже через полтора часа вышла к Сухо-Солотину. Дивизия «Мертвая голова», имея в строю 81 танк (два «тигра») и 12 штурмовых орудий в составе двух боевых групп, имела задачу отбросить на запад 31-й танковый корпус и захватить плацдарм на реке Псёл. Группа «Баум» захватила Грёзное, хутор Веселый, завязала бой за Кочетовку. Боевая группа «Беккер» выступила на север, в направлении Красный Октябрь.

Ситуация складывалась критическая. У генерала Катуква не осталось никаких резервов, все танковые бригады были скованы боем, за Новоселовкой советских войск практически не было, и блокировать прорыв было нечем. Поворот дивизии «Великая Германия» на запад приводил к отсечению 6-го танкового корпуса, позиции которого с фронта штурмовала танковая дивизия Вестховена.

В 14 часов, закрепившись в Новоселовке, генерал Хернлейн снова двинул «пантеры» вдоль шоссе. Но к этому моменту севернее Новоселовки прямо с колес вступили в бой полки 309-й стрелковой дивизии, прибывшие из армии Москаленко, саперы перекрыли дорогу минами в нескольких местах, генерал Чистяков подбросил несколько групп истребителей танков и три роты огнеметов, от Обояни подоспел 59-й танковый полк (22 танка) с двумя истребительно-противотанковыми артполками. Эти части сковали ударную группу «Великая Германия», хотя обстановка оставалась сложной. В районе Сухо-Солотина 11-я танковая дивизия установила связь с корпусом СС. Корпус Черниенко дрался в полуокружении.

Катуков выскреб последние крохи и уже с полудня запрашивал штаб фронта: куда же подевался обещанный ему 10-й танковый корпус?

А в это время...

Перешеек между рекой Псёл и железнодорожной насыпью от Васильевки до Беленихино удерживал 285-й стрелковый полк 183-й дивизии генерал-майора А.С. Костицина. Его оборону подпирали бригады 10-го танкового корпуса, которые должны были передать участок 2-му танковому корпусу и спешить на помощь Катукову. Однако «смена карау-

ла» задерживалась. Во-первых, бригады корпуса Попова не прибыли вовремя. Во-вторых, начал проявлять активность противник.

В-третьих, «Аннушка уже разлила масло», точнее — начальник штаба 69-й армии полковник С.М. Протас, подавший по всей форме в штаб 2-й воздушной армии заявку с просьбой побомбардировать супостата и «прикрыть боевые порядки армии». И авиационные флотоводцы Красовский и Рязанов расстарались, прикрыли. Это был «звездный час» 1-го штурмового авиакорпуса. С 7 утра в течение двух часов 60 «черных смертей» долбили позиции многострадального 285-го полка майора А.К. Карпова. Затем, обнаружив 99-ю танковую бригаду 2-го танкового корпуса, двигавшуюся в Андреевку занимать новую позицию, штурмовики переключились на нее и отработали исключительно мастерски: *«Сегодня наша авиация бомбила боевые порядки бригады и подразделений на марше до трех раз, в результате бомбежки 75% личного состава 1-й роты убито и ранено, также ранено до 10 человек из экипажей»*. В этот же день «илы» провели штурмовку расположения бригад Тацинского танкового корпуса и штаба генерала Бурдейного, станции Прохоровка — основной базы снабжения 6-й гвардейской армии и отбомбились по железнодорожной станции Кривцово в 80 километрах от линии фронта.

Как говаривал в подобных случаях Верховный: «Это работа на Гитлера».

В общем, на этот раз у генерала Буркова были уважительные причины для опоздания.

Сталинградский танковый корпус не смог в установленное время покинуть занимаемый рубеж, так как совместно с частями 183-й стрелковой дивизии отражал атаки в районе Беленихино.

Главные силы 10-го танкового корпуса появились у Новоселовки к 17 часам, пошли в контратаку и остановили продвижение противника. К исходу дня бригады Гетмана оставили Луханино и Сырцево, с этого момента оборона 6-го танкового и 22-го гвардейского стрелкового корпусов целиком пролегла по правому берегу Пены. На севере советские части оставили село Красный Октябрь и Козловку. Захватив

4-километровый участок южного берега, группа «Беккер» попыталась с ходу форсировать реку, но была отбита плотным огнем всех средств 52-й гвардейской дивизии. Река имела ширину от 25 до 35 метров и глубину 2—2,5 метра, но обрывистый правый (северный) берег и широкая заболоченная пойма делали ее серьезным противотанковым препятствием. Продвижение эсэсовцев вправо вдоль реки было приостановлено 11-й мотострелковой и 99-й танковой бригадами. 31-й танковый корпус всю ночь сражался за Кочетовку, в селе легла костью 100-я танковая бригада полковника Н.М. Иванова.

На корочанском направлении соединения Кемпфа с большим трудом преодолевали сопротивление 69-й армии. Выход на реку Короча был сорван, но еще можно было попытаться создать внешний фронт планируемого окружения советских войск по реке Корень. Манштейн потребовал усилить нажим. Части 19-й танковой дивизии Шмидта обошли с востока район, занимаемый 81-й гвардейской стрелковой дивизией, и захватили Ближнюю Игуменку. Затем противнику удалось прорвать оборону 92-й гвардейской стрелковой дивизии и захватить Дальнюю Игуменку. Генерал Брейт получил задачу: нанести удар на Прохоровку через Ржавец, Выползовку, сминая оборону русских на восточном берегу Северского Донца. Для наращивания удара потребовалось высвободить части 7-й танковой дивизии, передав ее участок пехоте Шарля де Бюлье.

9 июля немцы добились больших успехов, полностью выполнив задачи дня. Продвижение 48-го танкового корпуса на обояньском направлении составило 6—8 километров. 2-й танковый корпус СС создал условия для удара на Прохоровку. Но ведь на пятый день операции они планировали парадировать по улицам Курска. На пять дней солдаты получали шнапс и сухой паек. Время работало на русских. Росли потери. Прорыв двух оборонительных рубежей и вклинение на 25—28 километров обошлись недешево. К исходу 9 июля численность боеготовых танков и штурмовых орудий в группировке Манштейна снизилась до 45% по отношению к составу 1 июля. То есть за пять дней операции было выведено из строя более 800 танков и САУ. В танковых полках корпуса

Кнобельсдорфа осталось лишь 132 танка, в дивизии «Великая Германия» — 28 единиц Pz. III и Pz. IV, 16 «пантер» и 8 «тигров». Корпус СС в боях 8 и 9-го числа потерял 834 человека, в том числе 483 убитыми и пропавшими без вести; вечером 9 июля в строю числилось 245 танков и штурмовых орудий.

Кроме того, советские войска, удержав клин между реками Липовый Донец и Северский Донец, не позволили соединиться 4-й танковой армии и 3-му танковому корпусу группы «Кемпф», соединения которого застряли в районе Мелихово — Хохлово. Для обеспечения своего правого фланга Готу пришлось задействовать, кроме 167-й пехотной дивизии, части СС «Дас Рейх». В довершение всего разведка докладывала о выдвигании от Старого и Нового Оскола новых танковых частей русских — это пылили колонны 18-го танкового корпуса генерал-майора Б.С. Бахарова.

По сути дела, «Цитадель» уже рухнула.

Именно об этом моменте пишет генерал Меллентин: «...больше не оставалось никаких сомнений в том, что наступательный порыв немецких войск иссяк, наступление провалилось».

Хотя Манштейн продолжал излучать оптимизм и получил от Гитлера разрешение задействовать 24-й танковый корпус генерала Неринга (17-я и 23-я танковые, мотодивизия СС «Викинг»), речь теперь могла идти только о том, чтобы устроить противнику хорошее «кровопускание». Главным планом становился задуманный совместно с Готом разгром крупных русских сил в прохоровской ловушке.

Генерал Ватутин выиграл время до подхода стратегических резервов.

К исходу дня 9 июля основные силы 5-й гвардейской танковой армии (29, 18-й танковые, 5-й Зимовнический гвардейский механизированный корпус) сосредоточились в районе станции Прохоровка. Переброска армии прошла успешно, вне воздействия авиации противника — у немцев не имелось сил для бомбардировки столь великолепной, растянувшейся на десятки километров цели, — и, главное, успели почти вовремя. Правда, в пути из 721 танка и САУ по

техническим причинам выбыло из строя 227 боевых машин, или треть бронетехники, из которых к моменту вступления в сражение половина была восстановлена. В 23 часа Ротмистров, получив задачу от командования фронта, приказал 18-му танковому корпусу занять оборону по северному берегу реки Псёл на рубеже Веселый — Полежаев и далее — южные окраины Прелестного, Александровского. Западнее занимал тыловой рубеж 5-й гвардейский мехкорпус генерал-майора Б.С. Скворцова. 29-й танковый корпус составлял второй эшелон армии.

В полночь Ставка ВГК образовала Степной фронт и приказала выдвинуть на белгородско-курское направление 53-ю армию с задачей занять оборону на первом фронтовом рубеже по реке Сейм. 5-я гвардейская и 5-я гвардейская танковая армии перешли в подчинение штаба Воронежского фронта.

После прорыва противником второй полосы 6-й гвардейской армии две ее дивизии и 96-я танковая бригада, а также 81-я гвардейская стрелковая дивизия 7-й гвардейской армии оказались в полосе 69-й армии.

В целях упорядочения системы управления Ватутин приказал включить в состав армии Крюченкина все, что оказалось восточнее немецкого клина от Васильевки до Мясоедово — 92, 93, 94, 89, 81-ю гвардейские, 183, 305, 107, 375-ю стрелковые дивизии, 96-ю танковую бригаду, 148-й танковый полк, 30-ю истребительную, 27-ю пушечную артбригады — около 78 тысяч человек, 104 танка, 700 орудий, 1367 минометов. Одновременно 111-я и 270-я стрелковые дивизии были подчинены генералу Шумилову. Генерал Крюченкин получил триединую задачу: «обратить особое внимание на прикрытие прохоровского направления», на обеспечение своего левого фланга обратить внимание особое и, между делом, уничтожить в районе Мелихово 3-й танковый корпус Брейта. В полосе обороны 69-й армии находились также 2-й и 2-й гвардейский танковые корпуса, имевшие в строю 257 танков. Непосредственно прохоровское направление прикрывали 183-я стрелковая дивизия, 99-я (35 танков), 169-я (19 танков), 26-я (27 танков) танковые бригады. В общем, сложные получил командарм задачи, особенно учитывая его «профпригодность».

В.Д. Крюченкин (1894—1976) выбился в полководцы по совокупности заслуг и благодаря принадлежности к буденновскому клану. В царской армии он был унтером, в Гражданскую войну командовал кавалерийским эскадроном в Первой Конной. В 1923 году окончил Киевскую кавалерийскую школу, а затем регулярно — различные курсы усовершенствования, в том числе при Академии имени Фрунзе. Из аттестации: *«Оперативно-тактический кругозор ограничен, в тактической обстановке разбирается очень медленно, решения принимает недостаточно продуманные. Современную технику знает слабо и зачастую использует ее неправильно. Технологию штабной службы знает посредственно. Хорошо знает разведку, тыл знает слабо. Самостоятельно составить тактическое задание и план проведения занятий с командным составом не может... Программу курсов отработал с большим трудом и проблемами. Благодаря своему слабому развитию нуждается в дополнительной подготовке».*

Отечественную войну Василий Дмитриевич встретил на должности командира кавалерийской дивизии, в ноябре 1941 года был назначен командиром 5-го кавалерийского корпуса, который вывел в гвардейские. В начале июля 1942 года генерал Крюченкин принял от генерала Рябышева 28-ю армию и командовал 27 дней. В ходе операции «Блау» армия была разбита и расформирована. Ее штаб возглавил 4-ю танковую армию Сталинградского фронта, немедленно брошенную на разгром Паулюса. Через три дня боев в большой излучине Дона армия стала именоваться «четырёхтанковой», вскоре была преобразована в общевойсковую с другим командармом, а Крюченкина отправили получать «дополнительную подготовку» на ускоренных курсах Академии Генерального штаба. После чего в марте 1943 года доверили 69-ю армию. Будучи человеком отменной храбрости и решительности, получившим на поле боя восемнадцать ранений, не считая контузий, генерал не обладал необходимым кругозором, не умел прогнозировать события, был склонен к шапкозакидательству. Честно сказать, он был попросту малограмотен и с трудом читал карту.

Генерал Крюченкин, зная, что противник собрал значительные танковые силы на обоих флангах его армии, тем не

менее считал, что главный удар он по-прежнему наносит на Корочу. Потому неспроста Ватутин в переговорах выражал «сильнейшие опасения за Крюченкина» и особенно за положение на его правом фланге.

На правом берегу реки Псёл заняли оборону части 52-й гвардейской дивизии 6-й гвардейской армии. Ключевой позицией здесь являлась высота 226.6, на скатах которой окопалась 11-я мотострелковая бригада 10-го танкового корпуса. В дивизии числилось 3486 человек. Правда, и.о. комдива полковнику Пантюхову временно подчинили прибывшую досрочно 12-ю отдельную минометную бригаду, а это — 130 «труб» калибра 120 мм, сразу нацеленных на районы, где немцы пытались наладить переправы.

И все еще живы были армии Катукова и Чистякова.

Гот, в соответствии с намеченным планом, решил 10 июля «сосредоточиться» на своих флангах: добить катуковцев и захватить станцию Прохоровка с прилегающими высотами, создав тем самым выгодные условия для достойной встречи надвигавшихся русских резервов. Дивизия СС «Мертвая голова» была нацелена на преодоление поймы реки Псёл. С захватом плацдарма на северном берегу она получала свободу маневра: как для удара в восточном направлении — во фланг резервам противника, так и в западном — для свертывания русской обороны в целях содействия 48-му танковому корпусу при ее форсировании. Одновременно, чтобы высвободить дивизии Кнобельсдорфа для совместных действий с корпусом СС, планировался разгром 6-го танкового корпуса Гетмана на западе. Обеспечение левого фланга ударной группировки возлагалось на 332-ю и 255-ю пехотные дивизии 52-го армейского корпуса, правого — на 167-ю пехотную дивизию.

С утра 10 июля боевые группы дивизии Присса неоднократно пытались форсировать Псёл, и каждый раз дело заканчивалось докладом о том, что «наши части не находятся еще на той стороне реки». На остальных участках немцы не предпринимали масштабных действий.

В 14 часов на участке между рекой Псёл и железнодорожной насыпью корпус СС начал прорыв к Прохоровке. Боевая группа дивизии «Мертвая голова» атаковала Васильевку и

Андреевку, «Лейбштандарт» — опорный пункт в совхозе «Комсомолец». Батальоны 285-го гвардейского полка при поддержке дивизионов 623-го артполка натиск отразили. Низкая облачность не позволила немцам до обеда использовать авиацию, но, как только погода улучшилась, штурмовые эскадрильи 8-го авиакорпуса заработали с неизменной эффективностью. Тем более что никто им не мешал. Сразу после бомбежки позиции полка Карпова были вновь атакованы мотопехотой, которую поддерживали дивизион штурмовых орудий и рота «тигров».

«Танки врага утюжили окопы, — вспоминал капитан И.М. Бондаренко. — Над ними стоял сплошной дым и пыль, оттуда вырывались языки пламени от взрывов. Чтобы выдержать такое, нужны были стальные нервы, негибкая воля и стойкость. К основному командно-наблюдательному пункту полка, находившемуся во второй траншее, прорвались три танка противника. Один из них развернулся на месте и раздавил блиндаж-укрытие КНП, но тут же получил снаряд в гусеницу. Не успевшие выскочить из блиндажа погибли. Два других танка продолжали утюжить траншею, пока их наконец не подбила дивизионная артиллерия. Им удалось засыпать много солдат и командиров на дне окопов».

К 15 часам противник овладел «Комсомольцем» и, преодолев насыпь железной дороги, хутором Ивановский Выселок. От 285-го полка в строю осталось 898 человек. Дальнейшее продвижение «Лейбштандарта» было остановлено саперами, подкладывавшими мины прямо под гусеницы, и перекрестным огнем артиллерии и бригад 2-го танкового корпуса.

Весь день продолжались ожесточенные бои в излучине Псе́ла. К 19 часам grenадеры боевой группы «Беккер» форсировали реку и захватили участок шириною 800 метров, пытаясь продвинуться к высоте 226.6. Группа «Баум» преодолела реку у хутора Ключи и развивала наступление в северном направлении на хутор Веселый. Несмотря на контратаки бойцов 52-й гвардейской дивизии, к ночи немцам удалось прочно закрепиться на плацдарме у Ключей и на южных скатах высоты. Положение обороняющихся ухудшилось.

Чрезвычайно сложной оставалась обстановка на фронте 6-й гвардейской и 1-й танковой армий. Воспользовавшись

слабо прикрытым промежутком между корпусами Гетмана и Кривошеина, танковые полки «Великой Германии» и 3-й танковой дивизии к 18 часам пробились в западном направлении к окраинам Новенького, охватив фланг 6-го танкового корпуса и 90-й гвардейской стрелковой дивизии. Изолированные одна от другой группы танков и мотострелков 200-й и 112-й танковых бригад продолжали вести бой. Лишь с наступлением темноты им удалось сосредоточиться в районе Березовки. 6-й танковый корпус понес тяжелые потери. К исходу 10 июля в его составе оставалось на ходу 35 танков и десятков противотанковых орудий. Мотопехота 11-й танковой дивизии из района Новоселки вела безрезультатные атаки на позиции, занимаемые частями 10-го танкового корпуса.

Планы немецкого командования на 11 июля не претерпели особых изменений.

Ватутин же целиком сосредоточился на организации контрудара.

В ночь на 11 июля Военный совет Воронежского фронта, уверовав в собственные сводки, доложил в Ставку, что в шестидневных боях на обояньском направлении противник понес неимоверные потери и резервов больше не имеет. Нарастивание сил на прохоровском направлении он производит за счет ослабления своих флангов. И потому, согласовав вопрос с Верховным Главнокомандующим и начальником Генерального штаба, командующий фронтом принял решение утром 12 июля нанести контрудар войсками шести армий. Основная роль, естественно, отводилась 5-й гвардейской танковой. Генерал Ротмистров был вызван в штаб фронта, где доложил о готовности своих «орлов» бить в честном бою «тигры» и «пантеры» во все уязвимые места, с использованием более высокой маневренности танков Т-34.

«Образно говоря, идти в рукопашную схватку, брать их на абордаж, — сказал командующий фронтом и снова вернулся к разговору о предстоящем контрударе, в котором должны были принять участие также 1-я танковая, 6, 7 и 5-я гвардейская общевойсковые армии». Могучий танковый удар намечалось нанести с рубежа Васильевка — совхоз «Комсомолец» — Беленихино.

На тыловом рубеже начали разворачиваться соединения 5-й гвардейской армии (13, 66, 97, 95, 42-я гвардейская стрелковые, 6-я и 9-я гвардейские воздушно-десантные дивизии). Согласно приказу командующего фронтом, к утру 11 июля 33-й гвардейский стрелковый корпус занимал оборону по реке Псёл на участке Обоянь — Ольховатка, 33-й гвардейский корпус — на рубеже Семеновка — Веселый — южная окраина Прохоровки. В излучину Псёла «сажалась» 95-я гвардейская стрелковая дивизия полковника А.Н. Ляхова. Прохоровский перешеек от Прелестного до хутора Ямки, позади бригад 2-го танкового корпуса, должна была перекрыть 9-я десантная дивизия (9000 человек, 76 орудий, 170 минометов). С этих рубежей уходили в тыл для перегруппировки и подготовки к наступлению соединения армии Ротмистрова.

Остальным войскам Ватутин поставил одну предельно «простую» задачу: «Продержаться одни сутки во что бы то ни стало». Соответственные тактические указания были спущены из штабов на передовую. Так, 99-я танковая бригада получила от комкора А.Ф. Попова радиограмму с ценнейшим указанием: «Умереть, но не пропустить врага».

Перемещения крупных масс войск сразу привели к потере управления. Причем генералы считали излишним согласовывать свои действия друг с другом. Одни части в указанный срок покидали окопы и уходили в тыл, другие не успевали окопы занять. Вновь прибывшие командиры не знали обстановки, получали сверху противоречивые указания, не успели и не сумели наладить систему огня и взаимодействие с соседями и вообще готовились наступать. Минные поля не выставляли, а саперов использовали в качестве подносчиков боеприпасов. Боевые порядки строились без учета рельефа местности, средства противотанковой обороны распределялись равномерно по всему фронту. 3-й артиллерийский дивизион десантной дивизии вообще развернул стволы в сторону железной дороги, получив от какого-то теоретика задачу готовиться к отражению вражеских бронепоездов. Комдив-9 полковник А.М. Сазонов за всеми хлопотами как-то не подумал о том, чтобы доставить на передовую боеприпасы. На позициях «битые» подразделения хаотично сменя-

лись «небитыми», порой вовсе не имевшими боевого опыта. Короче говоря, войск под Прохоровкой имелось с избытком, а вот организованной обороны не было.

«Надо признать, — сокрушается генерал Жадов и честно признает, — мы не предполагали, что события на фронте будут развиваться столь стремительно и что нам не удастся заблаговременно занять оборону на рубеже Обоянь — Прохоровка».

В 6 утра 11 июля боевая группа «Лейбштандарт» повела наступление на Прохоровку вдоль железной дороги, с лёгкостью преодолев первый рубеж обороны, который должен был занять, если бы немцы немного подождали, батальон 58-й мотострелковой бригады. Танковые атаки чередовались с воздушными бомбардировками и обработкой советских позиций тяжёлыми гаубицами, штурмовыми орудиями и шестиствольными минометами. В полдень 2-й гренадерский полк СС оберштурмбаннфюрера Красса вклинился в расположение 9-й воздушно-десантной дивизии. К 15 часам эсэсовцы, разогнав дрогнувшую 26-ю танковую бригаду и продвинувшись в глубь тылового рубежа почти на 8 километров, захватили Петровку и ключевой опорный пункт на пути к Прохоровке — совхоз «Октябрьский». Десантники (подбирая патроны на поле боя и матеря родное начальство) яростно контратаковали, совхоз переходил из рук в руки несколько раз, но остался за противником. 99-я танковая и часть 58-й мотострелковой бригады оказались отрезаны в Васильевке и Михайловке.

В течение всего дня кровопролитные бои кипели в районе совхоза «Сталинское отделение» и хутора Сторожевое, где дивизия «Дас Рейх» атаками обеспечивала правый фланг «Лейбштандарта», а оборону держали 169-я танковая бригада и бойцы 183-й стрелковой дивизии.

Одновременно с дивизией бригадефюрера Виша перешел в наступление вдоль Псёла полк «Эйке» дивизии «Мертвая голова», который к 17 часам рассек оборону 99-й танковой бригады подполковника Л.И. Малого и вытеснил ее из Васильевки в Андреевку. Полку «Туле», находившемуся на плацдарме, не сопутствовал успех, но зато немецкие саперы

сумели навести через реку два понтонных моста для переброски бронетехники.

Наконец, после 17 часов, пробив третий армейский рубеж, боевая группа «Лейбштандарт» вышла на юго-западные окраины Прохоровки. По распоряжению военного коменданта на станции были взорваны водокачка и выездные пути. Это было уже слишком: один полк СС собирался разогнать гвардейскую армию. Генерал Жадов лично занялся ликвидацией прорыва, сконцентрировав вокруг немецкого клина все имевшиеся поблизости силы. Контратакой противник был оттеснен от станции, но в его руках остались «Октябрьский», высота 252.2 и хутор Ямки. В разгромном приказе, посвященном «позорному для гвардейской армии событию», командарм указывал:

«Основными причинами отмеченного позорного случая явились:

1) невыполнение моих указаний командиром 9-й гв. вдд полковником тов. Сазоновым о порядке выдвижения дивизии на рубеж, а главное — в части немедленной организации тщательно продуманной противотанковой обороны, управления и связи,

2) отсутствие со стороны командира 33-го гв. ск генерал-майора Попова и командира 9-й гв. вдд полковника Сазонова конкретного руководства и контроля и проверки отдаваемых распоряжений,

3) недостаточное умение вовремя ответить на действия противника хорошо продуманным маневром».

Таким образом, корпус Хауссера взял под контроль возвышенности юго-западнее Прохоровки, лишив танковую армию Ратмистрова удобного рубежа развертывания.

И это еще не все.

11 июля в излучине Пены была разгромлена войсковая группа генерала Гетмана. К этому времени она имела в своем составе около 8000 активных штыков, 77 танков, 47 минометов, 26 противотанковых орудий и 18 152-мм гаубиц. В преддверии глобального контрудара, который должен был в корне переломить ситуацию в пользу Красной Армии, усилить группу никто не собирался. Ей даже боеприпасов не подвезли. Всего-то делов — день простоять, да ночь продержаться.

Дивизия «Великая Германия» (87 танков и 26 штурмовых орудий) в 5 утра нанесла удар на юго-запад и через час прорвала оборону 22-й танковой (12 танков в остатке) и 1-й мотострелковой бригад. Вслед за этим 3-я танковая дивизия (32 танка и 2 штурмовых орудия) перешла в наступление вдоль западного берега Пены с севера на юг и вышла на левый фланг 10-й мотострелковой бригады полковника И.Я. Яковлева. К 10 часам гренадеры Вестховена ворвались в Березовку и проникли в тыл 90-й гвардейской стрелковой дивизии. С юга ударила 332-я пехотная дивизия. Советская оборона рухнула. В этих условиях генерал Гетман отдал приказ о «плановом отходе» на новый рубеж, но не поставил об этом в известность командиров 90-й дивизии и 10-й мотострелковой бригады, предоставив пехтуре прикрывать отход «родного» танкового корпуса. Брошенные части организовали круговую оборону и героически дрались в районе Березовки до наступления сумерек. Комдив Чернов самостоятельно принял решение на отход, но до большинства батальонов оно не дошло ввиду отсутствия связи. Из кольца смогли выйти около 1800 бойцов 90-й гвардейской стрелковой дивизии. По немецким данным, было взято в плен 4800 солдат и офицеров: «Эти успехи были достигнуты в ожесточенной борьбе с противником, который на отдельных участках фронта частично избегал взятия в плен путем самоуничтожения».

Отход на запад правого фланга 1-й танковой армии снизил угрозу левому флангу 4-й танковой армии и позволил фон Кнобельсдорфу начать перегруппировку основных сил 48-го танкового корпуса для наступления на Обоянь.

Заметно продвинулись в этот день и войска генерала Кемпфа. В ночь на 11 июля командующий 69-й армией вывел части 81-й гвардейской и 375-й стрелковых дивизий из «мешка» севернее Белгорода, который образовался в результате продвижения противника. Успешному продвижению немецкого танкового корпуса здесь способствовало отсутствие отсечных рубежей. Соединения армии вынуждены были спешно перестраивать оборону и отражать танковые атаки на неподготовленной местности. При этом генерал Крюченкин вместо сосредоточения сил на опасных направлениях прежде всего заботился о создании сплошного фронта, вытя-

гивая свои соединения в одну нитку. На рассвете танковый корпус Брейта из района Мелихово — Дальняя Игуменка повел наступление одновременно в двух направлениях.

6-я танковая дивизия с 503-м батальоном «тигров» прорвала оборону 305-й стрелковой дивизии севернее Шляхового. Части 35-го гвардейского стрелкового корпуса, не выдержав атак противника, начали отход в северном и северо-восточном направлении. Немцы захватили Шляхетное и Ольховатку. В то же время 19-я танковая дивизия, продвигаясь вдоль левого берега Северского Донца, нанесла поражение 89-й гвардейской стрелковой дивизии и к исходу дня овладела Хохлово и Кисслево.

С наступлением темноты немецкие танки вышли в район Верхний Ольшанец, отдельные группы стали продвигаться на Ново-Осколочное и Казачье. Советские части под непрерывающимися ударами с воздуха отходили на новые рубежи, отступление местами сильно смахивало на паническое бегство. Генерал Крюченкин докладывал в штаб фронта: *«К вечеру со всех соединений неслись вопли о непрерывной бомбежке боевых порядков. Просьба с утра прикрыть».*

Ватутин немедленно доложил о сложившейся ситуации в Москву. Ставка решила подстраховаться и нацелить против армейской группы «Кемпф» ряд соединений Степного фронта. После полуночи Сталин подписал директиву для генерала Конева: концентрическими ударами 47-й армии, 3-го и 1-го гвардейского механизированных корпусов «уничтожить группировку противника,двигающуюся в направлении Корочи и далее к р. Оскол».

Войска Воронежского фронта готовились к «величайшему танковому сражению Второй мировой войны».

«Величайшее танковое сражение»

Задуманный Василевским и Ватутиным, одобренный Сталиным фронтовой контрудар должен был привести к расчленению, окружению и уничтожению вклинившейся группировки противника, а в случае успеха — перерасти в общее контрнаступление.

Главный удар с рубежа Васильевка — совхоз «Комсомолец» — Беленихино на Грёзное, Яковлево наносили дивизии 5-й гвардейской и 5-я гвардейская танковая армия, имевшая в строю 826 боевых машин и 44,6 тысячи человек личного состава. Кроме того, в подчинение Ротмистрова были переданы 2-й и 2-й гвардейский танковые корпуса. Вместе с приданными соединениями и частями усиления армия имела 931 танк и 54 САУ, в том числе: Т-34—581, Т-70 — 314, Мк-4 «Черчилль» — 31, орудий — 409, минометов — 495, установка БМ-13—39. Из этого количества в районе восточнее Прохоровки находились 808 исправных танков и 43 самоходные установки СУ-76 и СУ-122. В армии Жадова в семи стрелковых и 29-й зенитной дивизиях насчитывалось более 62 тысяч человек, 644 орудия и 1100 минометов.

С рубежа Меловое — Новенькое в направлении на Сырцево — Яковлево переходили в наступление 5-й гвардейский и 10-й танковые и 22-й гвардейский стрелковый корпуса. Встреча двух танковых армий намечалась в районе Яковлево к исходу первого дня операции.

От Калиновки на Красную Дубраву ударяли соединения 23-го стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии.

49-й стрелковый корпус 7-й гвардейской армии готовился наступать в направлении Крутой Лог — Разумное.

Таким образом, конкретно перед Ротмистровым была поставлена незатейливая задача: лобовым ударом бронированного «лома» массой почти в тысячу танков расплющить корпус СС и размазать его по курской земле от Прохоровки и на 30 километров вдаль. Порвать тевтонов «на британский флаг».

Для решения этой задачи в первый эшелон армии выводились 18-й, 29-й и 2-й Тацинский танковые корпуса — 558 танков и САУ. Их должны были поддержать пять стрелковых дивизий 5-й гвардейской и 69-й армий, а также 6-я гвардейская мотострелковая бригада Сталинградского корпуса и 11-я мотострелковая бригада 10-го танкового корпуса. Одновременно в излучине Псёла к контрудару должны были подключиться основные силы армии Жадова. После преодоления тактической полосы противника в дело вступал второй эшелон — 5-й гвардейский механизированный и 2-й

танковый корпуса — 217 танков. Правда, легкие и довольно многочисленные «семидесятки» (около 40% машин) мало годились для равного боя с немецкой бронетехникой (тем более что для них не было кумулятивных и подкалиберных снарядов) или преодоления противотанковой обороны, но, согласно подписанным приказам, танковые бригады сосредоточивались для вхождения в подготовленный прорыв и развития успеха — на бумаге все соответствовало приказу № 325.

Вечером 11 июля корпус СС имел в строю 236 танков и 58 штурмовых орудий.

По условиям местности единственным приемлемым участком для ввода в сражение крупных танковых сил был признан коридор между рекой Псёл и хутором Сторожевое, где на 6-километровом фронте плечом к плечу первыми должны были атаковать дивизию «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» корпуса генералов Б.С. Бахарова и И.Ф. Кириченко. Что и требовалось доказать — Манштейн догадывался об этом еще в мае. Планомерная подготовка 5-й гвардейской танковой армии к разгрому противника была сорвана этим самым противником, захватившим исходные рубежи атаки. Пришлось спешно перестраиваться.

«В связи с изменившейся обстановкой, — пишет Ротмистров, — мы ночью уточняли задачи корпусам, оставив оперативное построение прежним, перенесли рубеж развертывания главных сил непосредственно западнее Прохоровки. Для подготовки к действиям оставалось 10—12 часов, из которых половина темного времени. Эта обстановка привела к тому, что командиры корпусов принимали решения и ставили задачи бригадам по карте. Приказы на наступление были доставлены бригадам и отдельным полкам к 24 часам 11 июля».

То, что опорный пункт в совхозе «Октябрьский» захвачен немцами, Василевского и Ротмистрова нимало не смущало. Этот узел сопротивления предполагалось отбить атакой пехоты или просто раздавить «стальным катком», что при плотности 60 танков на километр фронта представлялось не слишком сложной задачей.

С целью обеспечения ввода танковой армии штабом фронта была сформирована группа артиллерии дальнего действия, насчитывавшая 66 орудий калибра 122-203 мм. На

направлении главного удара с учетом артиллерии АДД насчитывалось 190 орудий калибра 76 мм и выше. Для поддержки дивизий 5-й гвардейской армии в излучине реки было задействовано 145 орудий. Плотность артиллерии на обоих направлениях составила менее 30 стволов. Кроме того, все гвардейские минометные части были сведены в оперативную группу ГМЧ, также разделенную на две армейские группы. От ударов с воздуха две гвардейские армии прикрыли двенадцать полков 29, 6-й и 26-й зенитных дивизий и корпусные зенитно-артиллерийские полки, всего — 240 орудий.

К участию в контрударе, который был назначен на 10 часов утра, привлекались все наличные силы 2-й воздушной армии, в которой насчитывалось 880 боевых самолетов: 266 истребителей, 140 бомбардировщиков и 96 штурмовиков (к 11 июля армия в основном от атак истребителей лишилась 107 штурмовиков; две эскадры «штурк» за этот же период потеряли 14 машин). А также 350 машин 17-й воздушной армии и соединения АДД. Авиаторы заблаговременно выслали в штабы 1-й и 5-й танковых армий своих представителей — заместителя командующего и заместителя начальника штаба 2-й воздушной армии. Впрочем, радость по этому поводу длилась недолго: представители собственных средств связи не имели и фактически лишь обозначали присутствие. Вся их роль свелась к докладам генералу Красовскому об обстановке. В корпуса авиационных представителей «не поступало».

Соединения армии Ротмистрова вышли на исходные позиции к полуночи. Главная роль отводилась 29-му танковому корпусу генерал-майора И.Ф. Кириченко (25, 31, 32-я танковые бригады, 1446-й самоходный артполк — 229 танков и САУ). Его основные силы должны были нанести лобовой удар двумя бригадами на участке железнодорожная насыпь — совхоз «Октябрьский». 25-я танковая бригада полковника А.К. Володина имела задачу атаковать из района Ямки на Ивановский Выселок, в стык дивизий «Лейбштандарт» и «Дас Рейх». Между двумя бронетанковыми кулаками вдоль насыпи наступала 53-я мотострелковая бригада с приданным ей корпусным минометным полком. Справа от Кириченко, между «Октябрьским» и рекой, готовился «войти в прорыв» 18-й танковый корпус (110, 170, 181-я танковые

бригады, 36-й гвардейский полк прорыва — 183 боевые машины). По-прежнему было непонятно, где и как развернуть эту армаду.

В довесок ко всем неприятностям минувшего дня штабу Воронежского фронта стало известно, что противник прорвался в полосе 69-й армии и силами, насчитывающими до 250 танков, продолжает продвигаться в северном направлении. В 4 утра Ватутин сообщил Ротмистрову, что противник овладел селом Ржавец и мостом через Северский Донец. В связи с этим командующий фронтом приказал выдвинуть к Ржавцу резерв танковой армии и две механизированные бригады с 1447-м самоходно-артиллерийским полком. Сводный отряд возглавил заместитель командарма генерал-майор К.Г. Труфанов. В район Шахово направлялась 26-я гвардейская танковая бригада Тацинского корпуса. 69-й армии была передана также 10-я истребительно-противотанковая артиллерийская бригада, которая первоначально предназначалась для усиления 18-го и 29-го танковых корпусов. Прорвав второй оборонительный рубеж в полосе 69-й армии и выйдя на расстояние 18 километров южнее Прохоровки, армейская группа «Кемпф» создала предпосылки для распыления сил 5-й гвардейской танковой армии, вынужденной для ликвидации угрозы с юга отдать 161 танк и 11 САУ, два артполка и две противотанковые батареи — пятую часть своих сил. В резерве у Ротмистрова остались лишь две бригады Зимовнического корпуса общей численностью 92 танка.

Ватутин всерьез задумался об отмене контрудара (и это было бы самое правильное решение), но, представив реакцию Сталина и посоветовавшись с Василевским, перенес начало операции на 8.00.

После чего генерал Чистяков пытается уверить: «Интересно, что мы знали все о перегруппировке гитлеровских войск, а вот передвижение 5-й общевойсковой и 5-й танковой гвардейских армий противник не заметил. Так была поставлена у нас маскировка!» Ротмистров также сообщает, что немцы так и не узнали о его появлении под Прохоровкой.

Действительно интересно, особенно если учесть, что советские танковые корпуса «катались» то к передовой, то обратно в тыл.

Выдвижение армии Ротмистрова тактическая разведка корпуса СС засекала еще 9 июля. Немецкая разведывательная авиация непрерывно вела фотосъемку района боевых действий и прилегающих окрестностей. Не успел 18-й танковый корпус занять назначенный оборонительный рубеж, как тут же подвергся бомбежке. «Маскировку» противник не разглядел, а вот танки заметил. В отчете штаба корпуса сообщалось:

«Район сосредоточения корпуса представлял собой открытую местность, пересеченную глубокими оврагами, не имеющую колонных путей. Отсутствовали леса и сады в населенных пунктах, что сильно демаскировало расположение частей корпуса в чистом поле, из-за этого расположение частей в течение 10 и 11 июля подвергалось авианалетам противника».

Немцы вели активную радиотехническую разведку, подслушивали телефонные переговоры и знали, что восточнее Прохоровки находятся 2—3 свежих танковых корпуса. Разведгруппы ходили в советский тыл, как к себе домой.

«Не секрет, — пишет Валерий Замулин, — что вражеская разведка работала в тактической полосе Воронежского фронта очень активно и дерзко. Ее группы производили налеты на отдельные автомашины в нашем тылу, вели глубокую разведку обороны, захватывали даже старших офицеров корпусного звена вместе с документами. Согласно ряду источников, в войсках правого крыла 2-го тк СС действовало спецподразделение, в которое входили военнослужащие, хорошо владевшие русским языком. Возможно (и еще как возможно. — В.Б.), это были бывшие бойцы и офицеры Красной Армии, перешедшие на сторону врага. Они носили советскую форму».

Кроме пленных, были еще перебежчики. По немецким данным, с 9 по 11 июля только на участке 2-го танкового корпуса СС на их сторону перешел 161 человек.

В ночь на 12 июля подразделения 1-го гренадерского полка СС провели разведку боем в районе Сторожевое и установили наличие 25-й танковой бригады 29-го корпуса. С рассветом немецкая авиация снова бомбила бригады 18-го танкового корпуса уже в новом месте сосредоточения, а чуть спустя

самолеты-разведчики ракетами и фиолетовыми дымами начали обозначать выдвигавшиеся советские «панцеры».

А вот что мог знать о противнике генерал Ватутин, если подчиненные штабы не могли вразумительно доложить о местонахождении собственных войск? Если о прорыве эсэсовцев к Прохоровке командующему фронтом сообщил пять часов спустя маршал Василевский? Если 9-я воздушно-десантная дивизия ведет бой в полосе 69-й армии, а начальник штаба армии не подозревает, что такая дивизия есть и связи с Жадовым не имеет?

«Разведслужба в войсках Воронежского фронта, в том числе и штаба фронта, была налажена, мягко говоря, отвратительно... Отмечу лишь, что главными ее недостатками являлись: низкая профессиональная подготовка офицеров, плохо налаженная аналитическая служба, а руководство отделов и управлений было склонно преувеличивать силы противника. Читая сводки, подписанные заместителем начальника штаба фронта по разведке генерал-майором Виноградовым, нельзя не отметить, что разведчики часто обнаруживали целые соединения противника там, где их в помине не было... В ряде случаев как к комплектованию личным составом и материально-техническими средствами разведподразделений, так и к подбору, подготовке, обучению и сбережению офицеров-разведчиков относились откровенно наплевательски».

Талант Ватутина в том и заключался, что, несмотря на отвратительную работу разведслужбы, на откровенную дезинформацию, поставляемую Виноградовым и его коллегами, командующий, основываясь на собственных расчетах и интуиции, умел с достаточно высокой степенью вероятности предвидеть намерения противника, прогнозировать его дальнейшие шаги. А вот что касалось состава неприятельских сил и их перемещений — тут приходилось гадать на кофейной гуще. К примеру, фронтовая разведка фиксировала в составе 4-й танковой армии три свежие дивизии и «обнаружила» на передовой мотодивизию СС «Викинг». Генерал Крюченкин докладывал, что прибыла и вступила в сражение «новая 330-я дивизия численностью 250 танков». Самым ценным вражеским «языком» за всю оборонительную операцию был захва-

ченный в бою — никакой заслуги разведки в этом нет — командир танковой роты. «В то же время немцы воровали наших комбатов и командиров корпусного звена из землянок и автомашин в собственном тылу».

Мало того, Ватутин был сам себе штаб. По указанию Верховного всех помощников пришлось разогнать по войскам, где они играли роль контролеров и толкачей.

«Верховный Главнокомандующий придавал большое значение руководству непосредственно на местах, — вспоминает бывший начальник штаба фронта С.П. Иванов. — 6 июля, разговаривая с Ватутиным по прямому проводу, И.В. Сталин приказал остаться на КП одному командующему, остальным распределили обязанности следующим образом: маршалу А.М. Василевскому встречать резервы — 5-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии — и вводить их в сражение, Н.С. Хрущеву ехать на обояньское направление к генералу И.М. Чистякову, мне — на корочанское в 69-ю армию к генералу В.Д. Крюченкину, а генералу И.Р. Апанасенко — на стык с Юго-Западным фронтом к генералу М.С. Шумилову».

Вновь прибывшие командармы Ротмистров и Жадов и вовсе имели о противнике самое смутное представление.

«Армия вводилась в бой, — вспоминает Жадов, — а мы слабо знали обстановку, которая была на этом участке крайне сложной и напряженной. Информация штаба фронта в армии о действиях противника и о своих войсках от фронтального командования была нерегулярной».

«Не имея полных данных о группировке противостоящего противника и его намерениях, 12 июля войска Воронежского фронта начали контрудар», — пишет Ротмистров.

«Противник крупными силами продолжает стремиться овладеть г. Обоянь. Перед фронтом корпуса отдельные танковые группы атаками теснят наши части», — ориентировал комбригов генерал Бахаров.

На самом деле предстояла фронтальная атака в том пункте, где враг был наиболее силен.

Знал Хауссер что-либо конкретно об уготовляемом русскими контрударе или не знал — не суть важно. Он к нему оказался готов. Дивизия «Лейбштандарт» встала в «предна-

меренную оборону», а соседи получили задачу обеспечить ее фланги.

На танкоопасное направление, в промежуток между «Октябрьским» и высотой 252.2, бригадфюрер Виш выдвинул противотанковые и зенитные орудия. Гренадеры 2-го полка Красса обосновались в советских окопах и частично успели заминировать подходы со стороны Прохоровки. Ближе к переднему краю были подтянуты дивизионная артиллерия и минометные части усиления. Позади позиции пролегал противотанковый ров, за которым разместился танковый полк (60 танков) и 105-мм и 150-мм самоходные установки «Хуммель», «Веспе», «Грилле» (около 30). На левом фланге сосредоточилась 13-я тяжелая рота. Десяток исправных штурмовых орудий StuG был придан правофланговому 1-му гренадерскому полку и расставлен в засадах у совхоза «Сталинское отделение», восточнее железнодорожного полотна. Кроме того, дивизию поддерживал 55-й полк шестиствольных минометов.

Слева, собираясь перейти в наступление на Прохоровку через излучину Псе́ла, дивизия «Мертвая голова» всю ночь перебрасывала на правый берег бронетехнику. Справа, в районе Тетеревино, сосредоточились подразделения танкового полка дивизии «Дас Рейх», основные силы которой были развернуты против 2-го гвардейского танкового корпуса.

Таким образом, под Прохоровкой эсэсовцы обстоятельно готовились к отражению танковой атаки. Хотя зачин легендарному сражению дали спешенные десантники Сазонова и гвардейцы Ляхова, с рассвета пытавшиеся в течение трех часов без артиллерии и танков отбить «Октябрьский». Немцы только хмыкнули, поправили прицелы, сверились с ориентирами и, словно на стрельбище, скосили кинжальным огнем два стрелковых батальона.

В 8 часов утра залпом реактивных минометов началась артиллерийская подготовка. Она продолжалась 30 минут и имела свои нюансы. Во-первых, совхоз «Октябрьский» остался в руках противника, но коррективы в планы вносить не стали, не нашлось времени. Поэтому АДД занималась не обработкой переднего края и подавлением огневых точек противника, а лупила по немецким тылам в 5—7 километрах запад-

нее; корпусным же артполкам тяжелая артиллерия не полагалась по штату. Во-вторых, было мало снарядов. В-третьих, их израсходовали без всякого толка.

«...следует отметить, — отмечал Ротмистров, правда, сильно потом, — что артиллерийская разведка из-за недостатка времени почти не проводилась, артиллерия выдвигалась совместно с танковыми и мотострелковыми бригадами корпусов. Это привело к тому, что в боевых порядках войск к началу контрудара не было артиллерийских наблюдательных пунктов».

Штаб артиллерии 5-й гвардейской танковой армии тоже «отметил»:

«...5. Началу артиллерийского наступления разведка противника не предшествовала, полностью установить наличие огневых средств противника не представлялось возможным, разведывательных данных от авиации не поступало и связи с ней не было...

6. Связи со штабами арт. частей, ранее находившихся на этом участке, также не было. Мешало этому и то, что в распоряжении командующего артиллерией армии и корпусов средств артразведки и средств связи не имелось.

7. ...Началу артиллерийского наступления 12.07.43 г. предшествовала короткая артобработка, в которой участвовала артиллерия усиления, а также и артиллерия корпусов. Артиллерия усиления руководилась штабом артиллерии Воронежского фронта, работала по сути на 5-ю гв. ТА, но связи со штабом армии и штабом артиллерии не имела.

Схема огня и таблица артнаступления была составлена без учета разведки, поэтому эффективность огня была низкой. Недостаток светлого времени не обеспечил выбор надлежащих НП, в силу этого прицельный огонь по обнаруженным целям в процессе самого наступления даваться не мог.

...Стрельба велась по площадям, усилий артиллерийских средств в одном направлении было недостаточно, стрельбы было много, но стреляли разрозненно друг от друга».

Куда стреляли? В кого попали?

В отчете 29-го танкового корпуса записано: «Атака началась без артобработки занимаемого противником рубежа и без прикрытия с воздуха... 32-й тбр. Не имея точных данных об ог-

невых средствах пр-ка, бригада двумя эшелонами атаковала пр-ка в направлении...» То есть танкисты вообще не заметили, что артиллерийская подготовка имела место быть и хоть что-нибудь подавила.

В 8.30, после заключительного залпа «катюш», по сигналу «Сталь» взрели сотни двигателей...

Между Псёлом и совхозом «Октябрьский» перешел в наступление 18-й танковый корпус, построенный в три эшелона: в первом двигались 181-я (44 танка) и 170-я (39 танков) бригады, которые поддерживал 36-й гвардейский полк прорыва (19 «черчиллей»); во втором — 32-я мотострелковая бригада; в третьем — 110-я танковая (38 машин) бригада. Левее, на линии «Октябрьский» — Ямки, вдоль железной дороги атаковал 29-й танковый корпус. Направляющей была 32-я танковая бригада (63 танка) полковника А.А. Линева, оснащенная исключительно «тридцатьчетверками». За ней уступом вправо следовала 31-я танковая бригада (67 танков) полковника С.Ф. Моисеева. 25-я танковая (69 танков) полковника Н.К. Володина, усиленная двумя батареями 1446-го самоходного полка, и 53-я мотострелковая бригады выдвигались восточнее железной дороги.

Началось.

Всю оставшуюся жизнь Ротмистров старательно ваял миф о «величайшем танковом сражении Отечественной войны», о ратном поле под Прохоровкой, где в «сквозной атаке» сошлись полторы тысячи бронированных машин:

«Смотрю в бинокль и вижу, как справа и слева выходят из укрытий и, набирая скорость, устремляются вперед наши славные «тридцатьчетверки». И тут же обнаруживаю массу танков противника. Оказалось, что немцы и мы одновременно перешли в наступление. Я удивился, насколько близко друг к другу скапливались наши и вражеские танки. Навстречу двигались две громадные танковые лавины. Поднявшееся на востоке солнце слепило глаза немецким танкистам и ярко освещало нашим контуры фашистских танков.

Через несколько минут танки первого эшелона наших 29-го и 18-го танковых корпусов, стреляя на ходу, лобовым ударом врезались в боевые порядки немецко-фашистских войск, стремительной сквозной атакой буквально пронзив

боевой порядок противника. Гитлеровцы, очевидно, не ожидали встретить такую большую массу наших боевых машин и такую решительную их атаку. Управление в передовых частях и подразделениях врага было явно нарушено. Его «тигры» и «пантеры», лишенные в ближнем бою своего огневого преимущества, теперь успешно поражались советскими танками Т-34 и даже Т-70 с коротких дистанций. Поле сражения клубилось дымом и пылью, земля содрогалась от мощных взрывов. Танки наскакивали друг на друга и, сцепившись, уже не могли разойтись, бились насмерть, пока один из них не вспыхивал факелом или не останавливался с перебитыми гусеницами... Это было первое за время войны крупное встречное танковое сражение: танки дрались с танками. В связи с тем, что боевые порядки перемешались, артиллерия обеих сторон огонь прекратила. По той же причине не бомбила поле боя ни наша, ни вражеская авиация, хотя в воздухе продолжались яростные схватки и вой сбитых, объятых пламенем самолетов смешивался с грохотом танковой битвы на земле... Тридцатьчетверки, маневрируя, изворачиваясь, расстреливали «тигров» и «пантер», но и сами, попадая под прямые выстрелы тяжелых вражеских танков и самоходных орудий, замирали, горели, гибли».

Картина впечатляющая. Истине в ней соответствуют только две короткие фразы: «Смотрю в бинокль...» и «...клубилось дымом». Даже с солнцем, которое в середине июля отчего-то поднимается и «слепит глаза» в 9 утра, маршал напутал; к тому же очевидцы утверждают, что погода была пасмурной, временами дождливой, затрудняя действия авиации.

У Виша в наличии было 60 танков, в том числе 47 «четверок» и 4 (четыре) исправных «тигра», и бригадфюрер был не настолько глуп, чтобы бросать их в «сквозную атаку». Меньшая часть 1-го танкового полка СС была выдвинута на гребень и скаты высоты 252.2, основная — так и осталась за противотанковым рвом, грамотно используя свое «огневое преимущество» на дальней дистанции. Разница в подходе: немецкие командиры предпочитали истреблять противника на расстоянии, советские же, не обладая должным умением и возможностями, стремились навязать ближний бой, когда

сводилось к минимуму преимущество врага в организации взаимодействия пехоты и танков с авиацией и артиллерией.

Так что до «абордажа» дело не дошло, а вместо ввода танковой армии в прорыв получилось преодоление подготовленной по всем правилам обороны в самых невыгодных для наступающей стороны условиях. Местность перед Прохоровкой изрезана оврагами и балками, неудобна для применения танков; именно поэтому в немецкой атаке на станцию танковый полк СС «Адольф Гитлер» участия не принимал. Из-за того что совхоз «Октябрьский» остался в руках противника, на исходном рубеже с трудом смогли поместиться лишь направляющие бригады корпусов. Остальные соединения находились восточнее и севернее Прохоровки, в нескольких километрах от передовой, что неизбежно увеличивало временные интервалы между вводом в бой разных эшелонов.

Знаменитая атака выглядела следующим образом: танковые роты длинными колоннами от Петровки и Прохоровки вытягивались к передовой, проходили через окопы своих войск и минные поля, на глазах и под огнем противника разворачивались в боевой порядок и, набирая скорость, поэшелонно бросались в атаку. Волна шла за волной, по 40—50 машин. С интервалом от 30 до 60 минут. На фронте шириной менее двух километров.

Сложно было преподнести Манштейну с Готом лучший подарок. Разве только сразу застрелиться.

Первыми, паля на ходу, к позициям 2-го гренадерского полка СС приблизились 181-я и 32-я танковые бригады, сопровождаемые тремя батареями самоходных установок. Следом поднялась пехота 42-й гвардейской стрелковой и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизий.

Подпустив первую волну на расстояние прямого выстрела, немецкая артиллерия из опорных пунктов в совхозе «Октябрьский» и на высоте 252.2 открыла убийственно точный огонь из всех стволов, в считанные минуты уничтожив два десятка машин первой линии. Боевое построение бригад нарушилось, рухнуло всякое управление, экипажи самостоятельно маневрировали на поле боя, стремясь использовать складки местности, чтобы выйти из-под огня.

«Имеют место, — пришел к выводу командующий бронетанковыми силами Воронежского фронта, — случаи излишних потерь танков и живой силы, исключительно благодаря неумению командиров организовать маневр и обход противотанковой обороны. Вместо разумного маневра и обхода огневых точек — танки с места ведут огонь, причем несут неоправданные потери от огня ПТО». Первую линию немцы расстреляли, как в тире.

В эфире стояли крик, вой и мат, кто-то пытался подавать команды, кто-то открытым текстом поминал Гитлера, Ротмистрова и всех их родственников. На КП командарма «доносились злые и ядреные выражения, не публикуемые ни в русских, ни в немецких словарях» (*немцы тоже крыли матом?*). Первые эшелоны танковых корпусов уже горели, а 170-я и 31-я бригады только выдвигались к переднему краю. Советскому командованию, заранее списавшему головные бригады в неизбежный процент потерь, казалось, что стоит надавить еще немного, и немецкий фронт рухнет.

После ввода вторых эшелонов количество боевых машин на направлении главного удара удвоилось. Вражеские наводчики не успевали ловить в перекрестье цели, и советские танки ворвались на гребень высоты 252.2 и в совхоз. В единоборство вступили гренадеры СС.

«Русские начали атаку утром, — вспоминает унтерштурмфюрер Гюрс. — Они были вокруг нас, над нами, среди нас. Завязался рукопашный бой, мы выпрыгивали из наших одиночных окопов, поджигали магниевыми кумулятивными гранатами танки противника, взбирались на наши бронетранспортеры и стреляли в любой танк и солдата, которого мы заметили. Это был ад! В 11.00 инициатива боя снова была в наших руках. Наши танки нам здорово помогали. Только одна моя рота уничтожила 15 русских танков».

В воздухе господствовала немецкая авиация. Советские танковые батальоны действовали сами по себе, не имея никакой поддержки и артиллерийского сопровождения: *«Общих сигналов взаимодействия и связи танковых частей с дивизионной артиллерией, как правило, не было. Поддержка артиллерией танковых частей заканчивалась лишь на артподготовке. Вы-*

зовы артиллерийского огня удовлетворялись медленно и после того как танки уже несли потери».

Четыре танковые бригады, три батареи самоходных установок, два стрелковых полка и батальон мотострелковой бригады накатывались на опорный пункт в районе совхоза «Октябрьский» и вновь откатывались, оставляя пылающие машины и горы трупов.

На этом насквозь простреливаемом поле, вспоминают участники боя, тесно было «даже пулям»:

«Боевые порядки войск перемешались, точно определить линию фронта не было возможности. Обстановка менялась ежечасно, даже ежеминутно. Бригады то наступали, то останавливались, то пятились назад...

Страшные удары бронебойных и подкалиберных снарядов потрясали, пробивали и прожигали броню, выламывали огромные куски ее, оставляя зияющие провалы в броне, калечили и уничтожали людей.

Горели танки. От взрывов срывались и отлетали в сторону на 15—20 м пятитонные башни. Иногда срывались верхние броневые листы башни, высоко взмывая ввысь. Хлопая люками, они кувыркались в воздухе и падали, наводя страх и ужас на уцелевших танкистов. Нередко от сильных взрывов разваливался весь танк, в момент превращаясь в груды металла. Большинство танков стояли неподвижно, скорбно опустив пушки, или горели. Жадные языки пламени лизали раскаленную броню, поднимая вверх клубы черного дыма. Вместе с ними горели танкисты, не сумевшие выбраться из танка. Их нечеловеческие вопли и мольбы о помощи потрясали и мутили разум. Счастливики, выбравшиеся из горящих танков, катались по земле, пытаясь сбить пламя с комбинезонов. Многих из них настигала вражеская пуля или осколок снаряда, отнимая их надежду на жизнь».

Еще: «Стоял такой грохот, что перепонки давило, кровь текла из ушей. Сплошной рев моторов, лязганье металла, грохот, взрывы снарядов, дикий скрежет разрываемого железа... От выстрелов в упор сворачивало башни, лопалась броня, взрывались танки. От выстрелов в бензобаки танки мгновенно вспыхивали. Открывались люки, и танковые экипажи пытались выбраться наружу. Я видел молодого лейте-

нанта, наполовину сгоревшего, повисшего на броне... Мы потеряли ощущение времени, не чувствовали ни жажды, ни зноя, ни даже ударов в тесной кабине танка. Одна мысль, одно стремление — пока жив, бей врага».

И еще: «Основным горючим для дизельных двигателей наших танков той войны был газойль. Он значительно менее летуч, чем бензин, и на одежде держится долго. Когда на одежду попадает огонь, она мгновенно загорается, а вероятность попадания огня в бою на одежду очень высока. На Т-34 были 3 столитровых бака с горючим по правому борту и плюс столитровый бак с моторным маслом по левому борту, и, когда бронебойный снаряд прошивает борт, внутрь танка выплескивается газойль или масло, и масса искр попадает на одежду, и все это вспыхивает. Не дай бог живущим сейчас когда-нибудь видеть израненного, корчащегося, заживо сгорающего человека или испытать это самому... Трудно вообразить, что после этого всего можно остаться в живых и не свихнуться. Видимо, только русский человек способен выдержать это».

За два часа в корпусе Кириченко вышло из строя более 60% бронетехники. При такой интенсивности боя ускоренными темпами был расстрелян весь боекомплект, а второго в корпусах не было. Экипажи уцелевших танков бежали по полю, собирая снаряды!

Тупое смертоубийство чисто в советском духе — с массовым героизмом и колоссальными потерями — продолжалось пять часов, поскольку до обходного маневра Ротмистров с Василевским так и не додумались. Местность перед совхозом превратилась в кладбище танков, и немецких машин на нем практически не было. В 13.30 эсэсовцы были наконец выбиты из неоднократно переходившего из рук в руки «Октябрьского» и отошли в юго-западном направлении, за противотанковый ров. Победителей «поздравила» группа «илов», высыпавшая на свои танки кумулятивные бомбы и обстрелявшая их из пушек. Иногда такое бывает, однако в отчете генерал Кириченко отметил отдельно: «...часто штурмовая авиация бомбила свои боевые порядки, даже второй эшелон и штабы».

К «разумному маневру» оказался способен лишь командир 1-го батальона 32-й танковой бригады майор С.П. Ива-

нов, который, следуя во втором эшелоне и наблюдая впереди пылающие машины, решил обойти высоту 252.2. Большую часть своих танков комбат направил на левый фланг, прорвался через железнодорожную дорогу и, уклонившись от огня ПТО, рванул вдоль насыпи вперед. Через час, вклинившись в оборону «Лейбштандарта» на стыке 2-го и 1-го полков СС на 5 километров, танкисты Иванова и последовавший за ним батальон 53-й мотострелковой бригады выбили противника из совхоза «Комсомолец». Здесь был взят в плен первый вражеский солдат; от него и узнали, что 29-й танковый корпус воюет с дивизией СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер». Однако переломить общую ситуацию, имея 15 «тридцатьчетверок», комбат не мог. Несколько часов танкисты и мотострелки держали круговую оборону, но помощь так и не подоспела. Погибли практически все. Майор Иванов сгорел в танке.

Не имела успеха и атака 25-й танковой бригады. Соединение полковника Володиной, сопровождаемое двумя батареями самоходных установок 1446-го полка, имело задачу через хутор Сторожевое прорваться в Ивановский Выселок и Тетеревино, попутно «уничтожить противника в этих районах» и быть готовым «действовать в направлении Белгорода». Двигаясь по открытой местности, бригада достигла восточного урочища Сторожевого и совхоза «Сталинское отделение». И на подходе нарвалась на стоявшие в засаде штурмовые орудия. Остатки бригады были сведены в батальон под командованием капитана Чекранова, который после полудня вновь был брошен в атаку и у хутора Ивановский Выселок был дострелян танками дивизии «Дас Рейх». Потери 25-й бригады составили 55 танков, 8 самоходок и 320 человек личного состава.

К 15 часам все бригады 29-го танкового корпуса оказались разбиты и утратили боеспособность. С этого момента штурм позиций 1-го и 2-го полков СС продолжила пехота.

Южнее в 11 часов перешел в наступление 2-й гвардейский танковый корпус. После ухода 26-й гвардейской бригады в корпусе оставалось 97 танков. Ему предстояло в шестикилометровой полосе Ясная Поляна — Калинин — Собачевский разгромить дивизию «Дас Рейх» и, замыкая кольцо

окружения, к вечеру выйти в район Яковлева. Теоретически вместе с танкистами Бурдейного должна была наступать пехота 183-й стрелковой дивизии и мотострелковая бригада Сталинградского корпуса. Также предполагалось участие в деле артиллерии и авиации. На усиление корпус получил 16-й гвардейский полк реактивных минометов. Группенфюрер Крюгер имел 68 вполне исправных танков (правда, «тигр» всего один), 27 штурмовых орудий, полноценный артполк в 60 стволов и дивизион противотанковых самоходок «Мардер».

После короткого артиллерийского налета 6-я гвардейская, 4-я гвардейская танковые, 4-я мотострелковая бригады атаковали каждая «свой» хутор. Каждая бригада была встречена хорошо организованным огнем артиллерии и ударами авиации противника. Ни одна не добилась успеха. Танкисты, «не имея хорошей поддержки пехоты и артиллерии, отошли обратно». После чего в 13.00, уже нетрудно догадаться, на приступ двинулись стрелковые полки без танков, согласно собственному плану.

2-й танковый корпус, прикрывая промежуток между 29-м и 2-м гвардейским корпусами, поддерживал их огнем с места и ждал сигнала. Он должен был принять участие в «добывании» врага.

Более-менее удачно действовали соединения 18-го танкового корпуса, наступавшие вдоль реки. 181-я танковая бригада подполковника В.А. Пузырева и 36-й гвардейский полк прорыва отбросили разведывательный батальон дивизии «Лейбштандарт» и к полудню вышли к окраинам Андреевки. Однако здесь они были встречены боевой группой 6-го полка СС дивизии «Мертвая голова». Общими усилиями танкистов, мотострелков и бойцов 42-й гвардейской стрелковой дивизии Андреевка была очищена от эсэсовцев. После чего 181-я и 170-я танковые бригады ударили на юг, в левый фланг дивизии «Лейбштандарт». Танковый полк и 32-я мотострелковая бригада двинулись к Васильевке, нацеливаясь на немецкие переправы. Их удар должна была усилить 110-я танковая бригада подполковника И.М. Колесникова.

Бригадефюрер Виш своевременно заметил угрозу на своем левом фланге и успел сманеврировать средствами, вы-

ставив на пути танковых бригад заслон из противотанковых пушек и четырех «тигров» 13-й тяжелой роты. Советская атака была отбита, уцелевшие танкисты отступили к Андреевке. В бою погиб командир 170-й бригады подполковник В.Д. Тарасов.

А вот 110-ю танковую бригаду пришлось развернуть фронтом на север, поскольку обнаружилось, что по тылам 18-го танкового корпуса с противоположного берега ведет огонь немецкая артиллерия и «танки типа «тигр». Причем стреляли они оттуда, где с утра находилась 5-я гвардейская армия!

Дело в том, что контрудар армии Жадова тоже имел нюансы. План в штабе разработали великолепный. Согласно ему враг громился в ритме вальса, на раз-два-три.

1. Сначала танковые корпуса Ротмистрова совместно с 42-й гвардейской стрелковой и 9-й гвардейской воздушно-десантной дивизиями, стремительно продвигаясь вдоль Псёла, захватывают вражеские переправы в селах Богодухово и Красный Октябрь и отсекают переправившиеся части дивизии СС «Мертвая голова» от основных сил. Им навстречу наносит удар 97-я гвардейская стрелковая дивизия. 32-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора А.И. Родимцева двумя дивизиями наступает через Кочетовку на юг.

2. В это время правофланговые дивизии 33-го гвардейского корпуса ликвидируют плацдарм на северном берегу и форсируют Псёл. Захваченный эсэсовцами «пяточок» был невелик по размерам, простреливался насквозь, силы противника здесь оценивались как незначительные. Поскольку танков для поддержки пехоты Жадову не дали, немцев планировалось просто раздавить натиском живой красноармейской массы. В «мероприятии» должны были принять участие 52, 95-я гвардейские стрелковые и 6-я гвардейская воздушно-десантная дивизии — всего 21 тысяча человек, 220 орудий, 360 минометов.

3. Уничтожив противника в излучине реки, 5-я армия выходит в район Грёзное — Тетеревино — совхоз «Комсомолец», создает внешнее кольцо окружения и устремляется на юг.

Однако и здесь враг спутал все карты.

1. Бригадфюрер Присс на всякий случай позаботился об усилении своего правого фланга, выдвинув в район Ва-

сильевки, в полосу 6-го полка СС «Теодор Эйке», дивизион штурмовых орудий (21 единица StuG) и истребители танков. Эти силы имели задачу не допустить русских к переправам и не допустили. Стремительного прорыва у Ротмистрова не получилось. Вообще не получилось никакого прорыва.

2. В дивизии «Мертвая голова» имелся в строю 101 танк, в том числе 10 «тигров». Что важно, основные силы 3-го танкового полка СС к утру 12 июля уже находились на северном берегу. Несмотря на ночные бомбардировки советской авиации и регулярные артиллерийские налеты, немцам удалось организовать переброску бронетехники и тяжелого вооружения.

3. У Гота и Хауссера был собственный план, который заключался в прорыве через высоту 226.6 на северо-восток к Карташевке, выравнивании фронта с дивизией «Лейбштандарт» и овладении Прохоровкой совместными усилиями эсэсовской «триады».

К назначенному штабом фронта сроку ни одна из дивизий 5-й гвардейской армии в излучине не успела подготовиться к наступлению. Полки 92-й гвардейской стрелковой дивизии только с рассветом, подвергаясь бомбежке и обстрелам, начали выдвижение на исходные позиции, а их командиры не знали боевой задачи. На передовой по-прежнему находились 11-я мотострелковая бригада и избитая 52-я гвардейская дивизия, в которой осталось чуть более трех тысяч человек. С 8.30 советская сторона, атакуя с разных направлений отдельными батальонами без артиллерийской и авиационной поддержки, пыталась сбросить эсэсовцев с плацдарма. Если каким-либо частям удавалось сквозь ураганный огонь и горы трупов приблизиться к окопам, немцы выкатывали вперед танки и разгоняли наступавших. Когда танки уходили, советская пехота густыми цепями снова поднималась в атаку, и все повторялось заново.

Когда около 10 часов Приссу стало ясно, что дивизия «Лейбштандарт» выдержала удар танкового тарана Ротмистрова, а все боевые подразделения 3-го танкового (порядка 80—85 танков) и 5-го гренадерского полков закончили переправу, дивизия «Мертвая голова» двумя боевыми группами приступила к прорыву. В районе Веселого немцы были отби-

ты подразделениями 151-го и 290-го гвардейских полков. Однако в северо-восточном направлении после полуторачасового боя немецкие танки, расчленив 11-ю мотострелковую бригаду на несколько частей, вышли на гребень высоты 226.6 и, сбив и рассеяв 155-й гвардейский стрелковый полк, устремились к хутору Полежаев.

Генерал Жадов приказал комдиву-95 полковнику А.Н. Ляхову огнем и контратаками 284-го гвардейского полка по левому флангу боевой группы дивизии «Мертвая голова» остановить ее продвижение. Сосредоточить по этому участку огонь всей дивизионной артиллерии. 6-я воздушно-десантная дивизия полковника М.Н. Смирнова должна была спешно перейти к обороне восточнее дороги на рубеже Нижняя Ольшанка — Остренький. Положение усугублялось тем, что тыловая армейская полоса в значительной степени существовала лишь на бумаге, здесь не была создана система инженерных заграждений и минных полей. В артполках ощущался дефицит боеприпасов, с одной стороны, потому что мало привезли, с другой — по причине бестолкового расходования.

«Командиры соединений и их командующие артиллерией самоустранились от командования боем и руководством огнем при отражении атак танков противника. В большинстве случаев по атакующим танкам противника открывают беспорядочный огонь и не управляют им, всеми орудиями, кто только видит, не считаясь с дистанцией», — отмечено в журнале боевых действий 5-й гвардейской армии.

Основной контингент 95-й гвардейской дивизии составляли необученные и необстрелянные уроженцы республик Средней Азии, помнится, в Красной Армии их называли «марокканскими стрелками». Советская пехота уже понесла значительные потери и была деморализована бессмысленными штыковыми атаками против танков в чистом поле. В самом деле, как можно воевать:

«Дивизия ко времени выхода в район обороны имела 1—1,5 боекомплекта боеприпасов, из которых было израсходовано до одного боекомплекта. Несмотря на просьбы о помощи в предоставлении транспорта для вывоза боеприпасов из армейских складов, от вышестоящих начальников никакой помощи не бы-

ло оказано. Имеющиеся автомашины — 10 штук, 11.07.43 г. были отправлены в армейские склады за боеприпасами. Последние, в 22.00 12.07.43 г., ничего не привезли».

Наполеон в подобной ситуации разрешал французским гарнизонам сдаваться в плен!

Не принесло существенных результатов и наступление соединений 32-го гвардейского стрелкового корпуса, действовавших на правом фланге 5-й гвардейской армии также без поддержки танков. Находившийся за ним 31-й танковый корпус 1-й танковой армии в контрударе не участвовал. Части 13-й и 66-й гвардейских дивизий, отражая контратаки танков и мотопехоты противника, сумели продвинуться лишь на 1—2 километра. Но они хотя бы сковали своими действиями части 11-й танковой дивизии Микля, не позволив их использовать для содействия дивизии «Мертвая голова».

Битва приобретала размах природного катаклизма.

«Грохот орудий с утра и до вечера не затихал ни на минуту, — вспоминает бывший минометчик М.Г. Абдулин. — От густой копоти и мы, и пехота были похожи на кочегаров, непрерывно кидающих в топку уголь, в бешеном темпе, в дыму горящих танков, взрывов снарядов, стрельбы из всех видов оружия.... Каждый, обливаясь потом, в своем окопе и на своем метровом участке методично делал свою работу, как в гигантском цехе, уже забыв о страхе, отдавшись на волю случая: убьет или не убьет. В такой рубке все равно не уберешься, и руки делали нужное почти автоматически...

О напряженности боев можно судить по тому, например, что над передним краем проливался дождь из искусственно образующихся туч. Свинцовые тучи на небе показывали линию фронта. А в это же время в тылу ни у немцев, ни у нас ни облачка. Нигде потом я не наблюдал подобного явления в природе».

После 15 часов Ротмистров и Василевский с удивлением обнаружили, что не 5-я танковая армия окружает корпус СС, а совсем наоборот — Хауссер создает реальные «клещи», охватывающие соединения двух гвардейских армий.

Справа, за Псёлом, дивизия «Мертвая голова» рассекла оборону 33-го гвардейского стрелкового корпуса в излучине, вклинилась в тыловую армейскую полосу на 5 километров и

уже пыталась форсировать реку в обратном направлении — через мост в Полежаеве во фланг 18-му танковому корпусу. Противник медленно, но уверенно расширял плацдарм. 52-я гвардейская дивизия практически прекратила свое существование, боевые порядки дивизии Ляхова были рассеяны на отдельные части. Лишь ценой больших усилий, выведя всю ствольную и реактивную артиллерию на прямую наводку, удалось остановить немецкие танки. Вечером, опасаясь нового прорыва, командующий фронтом приказал перебросить в район севернее Полежаева 24-ю танковую и 10-механизированную гвардейские бригады из состава Зимовнического корпуса, лишив тем самым генерала Ротмистрова последних резервов.

Слева дивизия «Дас Рейх» ударила в стык 2-го и 2-го гвардейского танковых корпусов. Полк СС «Дойчланд» вклинился на 3 километра и поставил под угрозу правое крыло Тацинского корпуса. Немцы, оттеснив 169-ю танковую бригаду (в ней осталось 11 танков, сведенных в один батальон), заняли Сторожевое и Виноградовку, нацелились на Правороть. Около 17 часов из корпуса доложили в штаб армии: *«Соседа справа не чувствую... Авиация противника непрерывно бомбит боевые порядки корпуса. Прошу прикрыть с воздуха»*. Заявка была принята; вслед за Люфтваффе по 4-й мотострелковой бригаде «отработали» свои штурмовики и бомбардировщики. В итоге, продвинувшись всего на 2—3 километра, танковый корпус генерала Бурдейного вынужден был отступить на исходный рубеж. Потери составили 533 человека убитыми и ранеными, 54 сгоревших и подбитых танка.

В центре, на направлении главного удара, соединения 5-й гвардейской танковой армии были вынуждены перейти к обороне, а боевые группы дивизии «Лейбштандарт» контратаками стали теснить советские части обратно к совхозу «Октябрьский». Более того, эсэсовцы на какое-то время вновь заняли и его, и высоту 252.2!

«Одно за другим, — пишет Ротмистров, — начали поступать донесения командиров корпусов о мощных контратаках свежих (?) танковых частей врага. В условиях, когда гитлеровцы добились явного превосходства в танках, наступать было нецелесообразно. Оценив обстановку, я с разрешения

представителя Ставки А.М. Василевского приказал всем корпусам закрепиться на достигнутых рубежах». Это примерно 1,5—2 километра от рубежа, с которого армия двинулась утром в атаку.

На этом закончилось «величайшее в истории Отечественной войны танковое сражение».

В нем за один день армия Ротмистрова потеряла 3560 солдат и офицеров, в том числе убитыми и пропавшими без вести 1505 человек. Особенно сильно пострадал 29-й танковый корпус — 1991 человек, 153 танка и 17 САУ. Корпус генерала Бахарова потерял 84 танка, 2-й танковый корпус — 22. В целом 5-я гвардейская танковая армия потеряла за один день 340 танков (сгорело 194) и 17 самоходных установок, из них 185 машин записала на свой счет дивизия «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», 61 — «Мертвая голова». 5-я гвардейская армия Жадова, по неполным данным, потеряла убитыми и ранеными 3456 человек.

«Большие потери, — доносил начальник политотдела 31-й танковой бригады, в которой к ночи числилось в строю три танка, — особенно в материальной части, и недостаточно активное продвижение нашей бригады объясняются сильным воздействием авиации противника при отсутствии поддержки наступления нашей авиацией, сильным артиллерийским и минометным огнем противника, при очень слабой нашей артподготовке в момент наступления. Долгое нахождение на исходной позиции танков и личного состава (8 часов) позволило перестроить противнику свою оборону для отражения атаки... Танки несли большие потери от авиации и артиллерийского огня противника... Прикрытие наступавших танков с воздуха отсутствовало до 13.00».

Наибольшего успеха 12 июля добился неистребимый Катуков, хотя от него как раз особых достижений не ждали. Между прочим, после шести дней непрерывных боев у Михаила Ефимовича числилось в строю 262 танка.

В соответствии с программой-максимум, изложенной в директиве командующего фронтом, 1-я танковая армия должна была частью сил не допустить прорыва противника в

северном направлении, правофланговыми соединениями нанести удар в юго-восточном направлении, овладеть Яковлево, Покровкой и совместно с 6-й гвардейской и 5-й танковой армиями окружить зарвавшегося врага. Как вспоминает Катуков, на словах Ватутин попросил «сковать немецкие войска, лишить их возможности свободно маневрировать резервами», а если при этом еще «продвинетесь на километр-другой — и хорошо».

В ночь на 12 июля 5-й гвардейский танковый корпус (30 танков) сосредоточился в районе 2-й Новоселовки. 10-й танковый корпус (126 танков) занял исходное положение на западной окраине Новенького с задачей наступать в направлении Березовка — Сырцево. Станкистами по плану переходили в наступление 219-я и 184-я стрелковые дивизии, изъятые у генерала Москаленко и переданные генералу Чистякову. Правда, ввиду сложностей переподчинения и регулярной потери связи, никто в штабе 6-й гвардейской армии не знал, где эти дивизии находятся; их старательно искали разосланные в разные стороны офицеры. Дивизии нашлись и получили боевые приказы, когда уже развиднелось, и на исходные рубежи вышли к обеду. Развертывание обеспечивали части 6-го танкового корпуса. 3-й механизированный и 31-й танковый корпуса совместно с 204-й (позаимствована в 38-й армии) полковника А.И. Бакасова и 309-й (из состава 40-й армии) полковника Д.Ф. Дремова стрелковыми дивизиями оставались на своих рубежах с задачей не допустить прорыва противника на север, а в случае наметившегося успеха — нарастить удар. В их использовании тоже имелись свои проблемы: и Катуков, и Чистяков считали эти дивизии «своими», слали им категорические приказы и требовали докладов. Мудрые полковники рапортовали обоим командармам об исполнении, но резких движений не делали, ожидая внятных указаний.

Два танковых корпуса пошли в атаку около 10 часов. Сталинградский силами 1-й и 22-й гвардейских бригад сломил сопротивление пехотного батальона 332-й дивизии, овладел после полудня хутором Чапаев, вышел к Раково и на подступах к деревне был остановлен сильным артиллерийским огнем и ударами авиации противника. Потери корпуса соста-

вили 15 танков, причем почти половина из них была подбита самолетами. К этому времени подоспели основные силы 184-й стрелковой дивизии и вместе с танкистами вновь атаковали Раково.

Части 71-й гвардейской стрелковой дивизии полковника И.П. Сивакова, находившейся в оперативном подчинении командарма-40, продвинулись на 2—3 километра южнее реки Пена, заняли Михайловку, атаковали Завидовку и Красный Починок.

После 15 часов 10-й танковый корпус сбил части 3-й танковой дивизии, имевшей в строю 23 танка, и завязал бой за Березовку, 186-я танковая бригада полковника А.В. Овсянникова прорвалась к западным окраинам Верхопенья. Следом с марша перешла в наступление 219-я стрелковая дивизия. Вспомогательный удар из района Круглик — Калиновка по левому флангу дивизии «Великая Германия» и ее стыку с 11-й танковой дивизией нанесли 204-я стрелковая дивизия и танковая группа 3-го мехкорпуса (60 танков).

Фон Кнобельсдорф был занят перегруппировкой, концентрируя силы на северном направлении для продолжения наступления вдоль Обояньского шоссе, а удары в слабо прикрытый левый бок заставляли нервничать и отвлекали силы накрытие собственных коммуникаций. Генерал Вестхофф вынужден был развернуть 3-ю танковую дивизию фронтом на запад. Наконец, в 16.00 командир 48-го танкового корпуса вынужден был отказаться от наступления, приняв решение «навести порядок в тылу, прежде чем продвигаться на север». Мотодивизия «Великая Германия», имевшая 103 танка (в том числе 8 «тигров» и 25 «пантер») и 26 штурмовых орудий, получила приказ повернуть свою танковую бригаду в юго-западном направлении, генерал Микль — перейти к обороне. Немцы, повернувшись лицом к противнику, начали действовать по четко отработанной схеме: огонь тяжелой артиллерии, вызов авиации, танковые контратаки.

По итогам дня Катукоев никого не разгромил (почти везде продвижение советских войск составило 1—2 километра, а 71-я гвардейская дивизия ввиду полного израсходования боезапаса была отброшена немцами в исходное положение), но программу-минимум выполнил: и прорыва своей оборо-

ны не допустил, и потери понес «допустимые» — 1720 человек убитыми и ранеными. Более того, непрерывные фланговые атаки заставили противника вернуть на обояньское направление часть артиллерии и других средств, которые уже направлялись на Прохоровку, сорвали задуманную Готом перегруппировку дивизии «Великая Германия».

На южном направлении явственно вырисовывались еще одни «клещи», грозившие окружением пяти дивизиям 48-го стрелкового корпуса 69-й армии. К рассвету 12 июля советские войска в районе прорыва заняли следующие рубежи: 305-я стрелковая дивизия полковника А.Ф. Васильева с 96-й танковой бригадой (12 «тридцатьчетверок») окопалась на линии Выползовка — Александровка — 1-й Ново-Александровский Выселок; остатки 92-й гвардейской дивизии полковника В.Ф. Трунина закрепились в районе Александровки; 81-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора И.К. Морозова вышла на рубеж Рындинка — Щелоково — Стрельников. Вдоль правого берега Северского Донца, повернувшись фронтом на восток, оборонялись войска 48-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майора З.З. Рогозного. Против них действовали три танковые и одна пехотная дивизия 3-го танкового корпуса противника. От танкового кулака генерала Брейта к этому времени осталась треть — примерно 120 боевых машин, в том числе 23 «тигра» в 503-м тяжелом батальоне и 19 штурмовых орудий.

Утром боевая группа 6-й танковой дивизии фон Хюнесдорфа, форсировав реку, захватила Рындинку и приступила к расширению плацдарма. В 11 часов немцы ворвались в село Выползовка и продолжали теснить войска левого крыла 48-го гвардейского стрелкового корпуса на восток, к Авдеевке. Одновременно 7-я танковая дивизия (39 танков) перешла в наступление против правого крыла 35-го гвардейского корпуса в направлении Александровки.

19-я танковая дивизия (14 танков) пыталась навести переправу в районе Щелоково, однако была отбита частями 81-й гвардейской стрелковой дивизии. На помощь генералу Мо-

розову прибыла 26-я танковая бригада Тацинского корпуса (44 танка) под командованием полковника С.К. Нестерова, занявшая район Шахово и получившая задачу поддержать пехоту и не допустить противника на правый берег Донца.

После 14 часов в распоряжение генерала Крюченкина прибыли 11-я и 12-я гвардейские механизированные бригады и 1147-й самоходный артполк, выделенные из состава 5-й гвардейской танковой армии. Все подвижные силы, имевшие в своем составе 157 танков и самоходных установок, 15 броневых автомобилей и 28 противотанковых орудий, номинально были объединены в сводный отряд под командованием генерала Труфанова. На самом деле никакого отряда не существовало. Его подразделения были разбросаны на 50-километровом фронте, никак не взаимодействовали, своего штаба Труфанов не имел, а приказы комбригам отдавали все, кто носил генеральские погоны: Крюченкин, Иванов, Ротмистров, Бурдейный, их заместители, командиры дивизий.

Не командовал, пожалуй, только потерявший управление войсками генерал Рогозный. Немудрено, штаб 48-го корпуса за полсутки шесть раз менял дислокацию, и каждый раз его нещадно бомбили как вражеские, так и свои самолеты. При этом одни дивизии у корпуса забирали, другие ему подчиняли, а устойчивой связи не имелось даже со штабом армии.

Бригада Нестерова и бойцы Морозова весь день срывали попытки генерала Шмидта организовать форсирование реки. Однако с наступлением темноты немцы, проведя отвлекающую атаку, смогли навести переправу в районе Щелоково и приступили к переброске тяжелой техники на правый берег.

11-я механизированная бригада полковника В.Н. Грищенко (32 танка), дважды накрытая своими штурмовиками, решительно контратаковала, в 19 часов освободила Рындино, но сбросить противника с плацдарма не смогла. 12-я мехбригада (35 танков) полковника Г.Я. Борисенко вместе с самоходчиками, без поддержки пехоты, штурмовала Выпозовку, но под плотным огнем вынуждена была перейти к обороне в двух километрах севернее села.

Около 17 часов от Александровки через позиции 92-й гвардейской дивизии, из которой удалось собрать один свод-

ный полк, двинулись в атаку танки 53-го гвардейского отдельного полка майора Н.А. Курносова. Танкисты, традиционно отправленные неизвестно куда взмахом начальственной руки в горизонт, имели самое смутное понятие о том, где они находятся и с кем воюют. Первым делом они напали на 96-ю танковую бригаду генерал-майора В.Г. Лебедева, затем открыли огонь по бойцам генерала Трунина. Одновременно недобитые остатки 92-й дивизии проутюжили советские штурмовики. Бой продолжался час. После чего, получив эмпирическим путем первые сведения об обстановке, танковый полк двинулся дальше, встретился с немецкими танками и, немного постреляв, получил команду повернуть обратно. Вслед за танкистами, бросив позиции, двинули в тыл уцелевшие пехотинцы. В это время на их пути с ходу развернулись батареи противотанковой артиллерии и, перекрывая нормативы, изготовились к стрельбе «по танкам и пехоте противника»... К счастью, поблизости оказался офицер Генерального штаба подполковник Соколов, пресекавший дальнейшее избиение своих своими. В конце концов, после повторной, столь же бездумно подготовленной атаки в сторону села Казачье, напоровшись на «тигры» и потеряв 11 танков, полк Курносова встал в оборону на окраинах Александровки.

Прорыв 3-го танкового корпуса был локализован на какое-то время, у генерала Брейта не получилось прорваться к Прохоровке, однако ему удалось отвлечь на себя значительные силы, закрепиться на плацдармах, и в составе корпуса еще имелась сотня танков и штурмовых орудий. Сохранялась угроза окружения 48-го гвардейского стрелкового корпуса, зажатого между двумя Донцами и сражавшегося на два фронта. Никаких резервов у Ватутина не осталось, но и выводить войска из почти готового «мешка» командующему фронтом не хотелось — уж больно место удобное для перехода в контрнаступление.

Облегчить положение Крюченкина должна была 7-я гвардейская армия генерала Шумилова. Ее 49-й стрелковый корпус (73-я гвардейская, 11-я и 270-я стрелковые дивизии, 201-я танковая бригада) получил задачу с утра 12 июля перейти в наступление в направлении Крутой Лог — Разумное и выйти в тыл группировке противника, действовавшей се-

веро-восточнее Белгорода. Советские соединения продвинулись на 2—3 километра, встретили ожесточенное сопротивление противника и закрепились на достигнутых рубежах.

Таким образом, контрудар Воронежского фронта закончился катастрофическим провалом, из которого творцы «грандиозного танкового побоища» почти сразу принялись ковать величайшую победу советского оружия.

Василевский, лично отвечавший за ввод танковой армии, приводит в мемуарах свое донесение Верховному: «Согласно вашим личным указаниям, с вечера 9.7.1943 г. непрерывно нахожусь в войсках Ротмистрова и Жадова на прохоровском и южном направлении... По наблюдениям за ходом происходящих боев и по показаниям пленных делаю вывод, что противник, несмотря на огромные потери как в людских силах, так и особенно в танках и авиации, все же не отказывается от мысли прорваться на Обоянь и далее на Курск, добиваясь этого какой угодно ценой. **Вчера сам лично наблюдал к юго-западу от Прохоровки танковый бой наших 18-го и 29-го танковых корпусов с более чем двумястами танков противника в контратаке.** Одновременно в сражении приняли участие сотни орудий и все имеющиеся у нас РСы. В результате все поле боя в течение часа было усеяно горящими немецкими и нашими танками».

Десять дней спустя в реляции на имя Сталина о результатах оборонительной операции генерал Ватутин привычно сочинял о наличии у Манштейна 4000 танков и самоходных орудий, о том, что вверенные ему войска намолотили 135 тысяч фрицев, подбили и сожгли не менее 2500, а то 3000 танков, уничтожили 1050 орудий и минометов и сбили 917 вражеских самолетов (правда, список трофеев, в котором скрупулезно учтены 3 радиостанции, 7 повозок и 9 велосипедов, не впечатляет):

«Танковая армия Ротмистрова с приданными ей 2-м и 2-м гв. ТК непосредственно юго-западнее Прохоровки на узком участке фронта сразу вступила во встречное сражение с танковым корпусом СС и 17-й тд противника, которые двинулись на-

встречу Ротмистрову. В результате на небольшом поле произошло ожесточенное массовое танковое сражение.

Противник потерпел здесь поражение, но и Ротмистров понес потери и почти не продвинулся вперед... В результате этих боев группировка противника окончательно была обескровлена и разгромлена».

Естественно, Ротмистров не стал оспаривать мнение старших товарищей: «В результате удара, нанесенного 5-й гвардейской танковой армией во взаимодействии с другими войсками, главная вражеская группировка, наступавшая на Прохоровку, была разгромлена. 12 июля стало днем кризиса немецкого наступления. Фашистское командование было вынуждено отказаться от наступления и перейти к обороне». Такая «нескромность» покорила многих, и Г.К. Жуков, отдавая дань справедливости войскам Катукова и Чистякова, измотавших и обескровивших противника, не преминул отметить, что «5-я танковая армия имела дело уже с крайне ослабленной группировкой войск, потерявшей веру в возможность успешной борьбы с советскими войсками». Что, впрочем, не бросало тени на утвержденную Партией версию: в величайшем встречном танковом сражении под Прохоровкой советские войска наголову разгромили бронетанковые полчища врага.

Правда, это будет позже, когда Манштейн приступит к ретираде. А в первый момент товарища Сталина такие «достижения» просто ошарашили, он всерьез размышлял на тему, кого из своих полководцев следует отдать под трибунал? Фронт, кроме двух танковых корпусов, получил две полнокровные армии — 120 тысяч человек и свыше 800 танков — и с трудом отбилсЯ от трех немецких дивизий. О разгроме вражеской группировки и захвате инициативы не было и речи; противник не только удержал занимаемую территорию, но местами продвинулся вперед. Ватутин с Василевским просили еще два свежих танковых и один штурмовой авиационный корпус, чтобы «срочно создать еще большее превосходство сил, так как имеющихся, как показал опыт боев, для решительного окружения и разгрома противника недостаточно». Сколько ни дай — все им мало!

В двух гвардейских армиях выбыло из строя более 7 ты-

сяч бойцов и командиров. Еще 1700 человек потеряли войска Катукова и Чистякова. Более 400 единиц бронетехники были «израсходованы» за один день, причем 5-я гвардейская танковая армия лишилась 53% танков и САУ, принявших участие в контрударе — два полноценных корпуса. В 29-м танковом корпусе в строю остался 51 танк, в 18-м — 33 танка; из них 49 единиц — Т-70. Значительный процент подбитых боевых машин остался на территории, контролируемой противником, и он всю ночь методично их взрывал.

«Противник все свои подбитые танки эвакуирует, — жаловался Ротмистров маршалу Жукову, — а наши танкисты этой возможности зачастую бывают лишены, в результате чего мы много теряем на этом в сроках восстановления танков. Одновременно, в тех случаях, когда поле танковых боев на некоторый период остается за противником, наши ремонтники взамен своих подбитых танков находят бесформенные груды металла, так как в этом году противник, оставляя поле боя, все наши подбитые танки взрывает». О том же докладывал Сталину Хрушев, сообщая, что «поле боя осталось за противником — почти все поврежденные советские танки были немцами подорваны или сожжены, тогда как немецкая техника эвакуирована».

Перечитаем приказ № 325 и в очередной раз убедимся, что советские генералы исполняли его с точностью до наоборот.

Потери группы армий «Юг», отмечает современный российский историк, «в этот день не были значительными». К примеру, корпус СС в течение 12 июля потерял 842 человека, дивизия «Лейбштандарт» — 279 человек, в том числе 48 убитыми — это уже «тяжелые потери». По приблизительным оценкам, в трех дивизиях СС вышли из строя 154 боевые машины. Но если перед сражением корпус Хауссера имел в своем составе 294 танка и штурмовых орудия, то к утру 13 июля в строю насчитывалось 251 единица бронетехники. Да и убыль остальных 43 машин еще не означает, что они были потеряны безвозвратно. «По нашему мнению, — вычислил Лев Лопуховский, — безвозвратные потери трех дивизий 2-го тк СС 12 июля составили примерно 15 танков и 2—3 противотанковых САУ... Расчеты показывают, что 5-я гв. танко-

вая армия 12 июля в бою под Прохоровкой потеряла примерно в 2,5 раза больше танков и самоходных (штурмовых) орудий, чем противник. **Безвозвратные потери сторон в бронетехнике в этот день соотносятся примерно как 6:1 не в нашу пользу».**

Танковое побоище действительно имело место. И по его результатам фельдмаршал Манштейн имел все основания выразить солдатам и офицерам корпуса СС «благодарность и восторг их выдающимися успехами и образцовым поведением в бою».

А маршал Сталин подумывал о том, чтобы расстрелять Ротмистрова. Но, ежели по справедливости, при чем тут командарм, когда он выполнял волю командующего фронтом, а рядом стоял и «координировал» начальник Генерального штаба Красной Армии, освящавший действие своим авторитетом?

Вместо новых танков Верховный прислал на Воронежский фронт маршала Жукова, а Василевского отправил «наблюдать» за Юго-Западным и Южным фронтами. Чуть позже появилась комиссия под руководством Маленкова, и что она накопила — тайна сия велика есть даже 60 лет спустя, но основной вывод известен: лихая атака 5-й гвардейской танковой армии была признана «образцом неудачно проведенной операции».

Оценка противника: «Наступление было предпринято с захватывающей дух храбростью, но абсолютно необдуманно. Армия на этом этапе находилась еще в стратегической обороне. Тем более кажется странным, что ввод ее в сражение, который должен был остановить немецкое наступление, происходил в стиле прорыва. При этом участок прорыва намечался против острия немецкого танкового клина и осуществлялся фронтальным ударом на открытой местности».

Заместитель Верховного Главнокомандующего, выслушав Василевского и Ватутина, приказал действовать в том же духе: «Ознакомившись с обстановкой, действиями противника и своих войск, мы пришли к выводу еще энергичнее продолжать начатый контрудар с тем, чтобы на плечах отходящего противника захватить ранее занимавшиеся им рубежи в районе Белгорода».

Манштейн своим войскам — придерживаться ранее утвержденного плана, а генералу Нерингу — сосредоточить дивизии 24-го танкового корпуса (181 танк и штурмовое орудие) в районе Белгорода. По данным Манштейна: «К 13 июля противник потерял на фронте «Цитадель» 24 000 пленными, 1800 танков, 267 орудий и 1800 противотанковых орудий. Сражение достигло своей наивысшей точки! Скоро должно было решиться — победа или поражение... У нас еще был 24-й тк с 17-й тд и дивизией «Викинг», которые мы могли бы бросить в бой как наш козырь».

Таким образом, обе стороны своих намерений не изменили.

13 июля советские войска через не могу пытались «еще энергичнее продолжать контрудар», а немецкие — замкнуть кольцо вокруг русской группировки у Прохоровки.

Армия Жадова по-прежнему имела главной задачей сбросить с плацдарма дивизию «Мертвая голова». В 11 часов, дождавшись боеприпасов, перешла в атаку 95-я гвардейская стрелковая дивизия, усиленная минометным полком, поддержанная танками 24-й гвардейской танковой бригады и 1147-м самоходным артполком. После часового боя гвардейцы выбили эсэсовцев с высоты 226.6, но дальнейшее продвижение их в излучине было остановлено огнем и контратаками противника. Еще через два часа, выбив 32 советских танка, боевая группа дивизии Приса вернула высоту, а затем прорвалась к дороге Прохоровка — Карташевка. К вечеру немцев оттеснили от дороги и вернулись к высоте 226.6, которую наша пехота, уже без танков, штурмовала еще четыре дня — это «искупали вину» 108-я и 109-я штрафные роты.

32-й гвардейский стрелковый корпус Родимцева двинулся было в наступление против 11-й танковой дивизии, но, не пройдя и 300 метров, залег и отказался от затеи. Воевавший в составе 66-й гвардейской дивизии Абдуллин вспоминает, что местность кругом была настолько выстлана трупами, что «солдаты из маршевых рот, не видавшие еще войны близко, были поражены страхом от прояснившейся на рассвете картины вчерашнего сражения... Командиры рот и взводов были встревожены упадком морального духа вновь прибывших

солдат». Смею думать, что убитые были в основном в советской форме. Иначе маршевые пополнения специально водили бы мимо убитых «фрицев», как это делал генерал Горбатов, руководствуясь девизом А.В. Суворова: «Труп врага хорошо пахнет».

В прохоровской горловине Ротмистров, изображая активность, добивал 32-ю мотострелковую бригаду. Ей поручили свершить то, на чем сломала зубы танковая армия, — сбить с позиций 2-й гренадерский полк СС и «выровнять линию фронта». Выравнивали до 17 часов, положили 457 человек.

На левом фланге Ротмистрова 2-й танковый корпус (44 танка) без пехоты и артиллерийского обеспечения безуспешно воевал с дивизией «Дас Рейх» за хутор Сторожевое.

Войска Катукова и Чистякова атаками с разных направлений продолжали сковывать и «растаскивать» соединения 48-го танкового корпуса в излучине Пены. В пяти корпусах 1-й танковой армии в строю имелось еще 267 танков и 1450-й самоходный артполк. Кроме того, за последние дни из соседних 40-й и 38-й армий сюда были переброшены четыре стрелковые дивизии. Генерал фон Кнобельсдорф за это время не получил ничего, кроме обещаний. Немецкие войска были измотаны до предела:

«Русские мощными силами пехоты быстро наступают на оборонительную позицию 11-й танковой дивизии. Люди сильно измотаны, и при слабых в настоящий момент позициях они не смогут помешать просачиванию русских в урочища.

...личный состав, прежде всего водители и радисты, которые в течение 10 дней непрерывно находились в бою, были очень измотаны физически. Потери, понесенные сегодня, отчасти объяснялись тем, что водители и радисты спали во время боя».

В полосе 69-й армии продолжали кипеть кровопролитные бои вокруг немецких плацдармов на Северском Донце, у населенных пунктов Ржавец, Выползовка, Авдеевка. В кутерье атак и контратак на этот раз серьезно лопухнулись эксперты Люфтваффе. Группа «хейнкелей» отбомбилась по боевым порядкам 19-й и 6-й танковых дивизий. Среди прочих смертельное ранение получил генерал Хюнесдорф.

Это был последний день операции «Цитадель».

Гитлер уже понял, что быстрого оглушительного успеха с захватом стратегической инициативы на Восточном фронте не получилось. «То, что планировалось как «стремительный бросок», — отмечает Раус, — выродилось в «медленное подползание».

А тут еще произошли всякие события.

10 июля 1943 года на Сицилии высадились войска союзников. Следующим шагом могла быть высадка англо-американских армий на Балканах или в Южной Италии. Спротивление итальянцев было минимальным, их генштаб был убежден, что ответственность за поражение лежит на ничего не понимающих в стратегии немцах, они же и должны расхлебывать кашу. Генерал Амброзио представил меморандум, в котором довел до сведения дуче, что, с точки зрения командования, Италия не в состоянии продолжать войну и самым правильным выходом в складывающейся ситуации будет капитуляция: «...высшим политическим властям следовало бы подумать о том, не лучше ли будет избавить страну от дальнейшего ужаса и разрушения и закончить борьбу сейчас, учитывая, что окончательные ее результаты через год или два окажутся еще худшими».

Правда, пока германское командование это не сильно беспокоило, высадка союзников в Италии не считалась слишком большой угрозой. Но 12 июля началось общее наступление Западного и Брянского фронтов против Орловского выступа. Немецкая разведка докладывала о грядущем ударе в полюбившемся фюреру Донбассе. В район юго-восточнее Курска подходили все новые русские резервы — разворачивались армии Степного фронта. Стало ясно, что даже «подползти» к заветной цели они не дадут. Гитлер осознал: время блицкригов закончилось, и на совещании в ставке, состоявшемся 13 июля, объявил командующим группами армий «Центр» и «Юг» о прекращении операции «Цитадель».

Фельдмаршал Клюге был полностью согласен, заявив, что «армия Моделя не может продвигаться дальше», группа «Центр» вынуждена отобрать у нее все подвижные части и вообще 9-ю армию «необходимо вернуть на исходные позиции». Единственным возражающим оказался Манштейн,

попытавшийся внушить присутствующим, что русские сильно потрепаны, использовали почти все свои оперативные резервы и «победа уже близка». Но Гитлер не проникся энтузиазмом и, опасаясь за Донбасс, запретил вводить в сражение 24-й танковый корпус, лишив фельдмаршала последнего козыря.

«Вот застучали барабаны...»

Правда, басурмане отступать не торопились.

Отказавшись от наступления на Курск, командование группы армий «Юг» сосредоточило усилия на решении частной задачи — окружить и уничтожить соединения 69-й армии, оборонявшиеся в выступе между реками Северский и Липовый Донец, занять удобные для обороны позиции, обеспечив переброску сил с Восточного фронта на Средиземноморский театр, и «при возможно меньших собственных потерях нанести наибольший ущерб противнику». Сразу надо сказать, им это удалось.

Для достижения цели были сформированы две ударные группировки: северная — в районе Прохоровки и южная — на участке Ржавец — Щелоково. Параллельно из излучины Псёла в резерв выводился танковый полк дивизии «Мертвая голова», эвакуировалась поврежденная боевая техника.

Командование Воронежского фронта интуитивно догадывалось о злостных намерениях противника в отношении войск 69-й армии, но отследить его перемещения и сосчитать силы не имело никакой возможности. Поэтому предпринимаемые «по факту» меры почти всегда запаздывали. Если верить «героям невидимого фронта», то враг кругом и в неимоверном количестве. Так, начальник оперативного отдела полковник Ф.М. Белозеров в ориентировке указывал:

«По данным разведки и опросу пленных установлено, что на южном участке действуют 19-я и 7-я тд противника и вновь подошедшая сюда 6-я тд, всего 400—600 танков».

Поколения советских историков будут строчить монографии, основываясь на опусе полковника, но Ватутину-то нужно было писать боевые приказы. Впрочем, помочь вой-

скам он ничем не мог, повторно просить у Сталина еще один танковый корпус не решался, оставалось стоять насмерть и ждать, когда враг окончательно выдохнется.

В действительности армейская группа «Кемпф» имела в наличии около 90 исправных боевых машин.

В клине между речья от Беленихино до Выползовки держали оборону пять советских дивизий 48-го корпуса: 183-я, 375-я стрелковые, 93, 81, 89-я гвардейские дивизии. Горловину «мешка» на севере удерживали три бригады 2-го гвардейского Тацинского танкового корпуса (41 танк), на юге — сводный отряд 5-й гвардейской танковой армии под командованием генерала Труфанова (72 танка).

С рассветом 14 июля соединения 2-го корпуса СС и 3-го танкового корпуса повели наступление навстречу друг другу. Их разделяло всего 12 километров.

Позиции Тацинского корпуса и 183-й стрелковой дивизии были атакованы сразу с трех направлений. Танковый полк «Дойчланд» наносил удар от Ивановского Выселка на Виноградовку, гренадерский полк «Фюрер» — от Ясной Поляны и Калинина на Беленихино, части 167-й пехотной дивизии — на Лески и Ивановку. В дивизии «Дас Рейх» в строю находились 83 танка и 24 штурмовых орудия. Наступление противника застало корпус Бурдейного в момент затянувшейся перегруппировки сил. 4-я гвардейская танковая бригада должна была сдать свой участок — 3,5 километра железнодорожного полотна перед Беленихино — 4-й гвардейской мотострелковой бригаде, выйти на юго-западные окраины Виноградовки, где занять оборону вместе с 1500-м истребительным артполком, сменив на позиции 25-ю гвардейскую танковую бригаду. Последняя выводилась в резерв командира корпуса. В итоге мотострелки полковника В.Л. Савченко ушли из Виноградовки, а танкисты до нее так и не добрались. На подходе к селу 4-я гвардейская танковая бригада была внезапно атакована танковой группой дивизии «Дас Рейх» и, потеряв 9 машин, начала отступать в Мало-Яблоново. После полудня, преодолев обширные минные поля и ожесточенное сопротивление мотострелковой бригады, немцы заняли Беленихино, к вечеру — Ивановку и Лески. Наступление дивизи-

зии Крюгера сопровождалось интенсивной непрерывной бомбежкой расположения советских войск:

«В 18.00 14.07.43 г. авиация противника возобновила масштабированные налеты. Все новые и новые силы группами до 50 бомбардировщиков бомбят боевые порядки, артиллерийские позиции частей корпуса. Корректировочная авиация, производя разведку, немедленно сообщает бомбардировочной авиации и наземной артиллерии о результатах разведки, после чего боевые порядки, огневые точки подвергаются артминналетам и бомбежке противника».

К этому времени три бригады полковника Бурдейного потеряли почти всю артиллерию и бронетехнику. Им на помощь генерал Ротмистров выдвинул свой последний резерв — 10-ю механизированную бригаду. Дивизия «Дас Рейх» вечером располагала 90 танками, 25 штурмовыми орудиями и 12 самоходками «Мардер». Собственно, прорыв уже состоялся. В целях быстрейшего охвата советских соединений в междуречье и создания внешнего фронта окружения Хауссер принял решение ввести в дело танковую группу дивизии «Лейбштандарт».

Навстречу корпусу СС с юго-востока из последних сил наступали 7-я (40 танков) и 19-я танковые дивизии (28 танков) и батальоны 168-й пехотной дивизии. В целях обеспечения правого фланга 3-го танкового корпуса «вновь подошедшая» 6-я дивизия продолжала атаки на северо-восток в направлениях Ржавец — Авдеевка — Александровка — всеми своими 14 танками и 6 «тиграми» 503-го тяжелого батальона. К полуночи боевая группа генерала Шмидта овладела селом Шахово.

Окружение корпуса генерала Рогозного стало вопросом нескольких часов. Дивизии необходимо было срочно вывести из «мешка». Однако Ватутин продолжал ставить войскам задачи с формулировками любой ценой «организовать удар», «овладеть», «удержать» и «не допустить». В ночь на 15 июля генерал Рогозный самостоятельно принял решение о выходе из окружения. Под прикрытием арьергардов и покровом темноты соединения 48-го стрелкового корпуса, около 25 тысяч человек, выскользнули из практически готового «кольца» — боевые группы корпуса СС и 3-го танкового

корпуса соединились около 6 часов утра. Оставление советскими войсками междуречья позволило им избежать неминуемого разгрома, уплотнить оборону 69-й армии, а всю вину за невыполнение невыполнимого приказа возложить на генерала Рогозного. Противник, сумевший наконец объединить усилия танковой армии Гота и группы Кемпфа и создать условия для последующего планомерного отхода, тоже оказался не внакладе.

С утра 15 июля части «Дас Рейх», 7-й и 19-й танковых дивизий перешли к совместным действиям, захватили еще пару сел на пути к Прохоровке, но затем были остановлены соединениями 5-го гвардейского мехкорпуса и всех смешавшихся в этом районе соединений. К исходу дня положение в полосе 69-й армии полностью стабилизировалось. 16 июля Ватутин отдал приказ о прекращении контрудара и переходе к упорной обороне: «Самым тщательным образом организовать систему огня, и в первую очередь противотанкового, эшелонируя артиллерию в глубину... создать минные поля... Боевые порядки войск зарыть в землю, создать достаточное количество инженерных препятствий на всю глубину обороны».

Как видно, Николай Федорович отнюдь не чувствовал себя победителем.

Директивой Ставки 7-я гвардейская и 69-я армия передавались Степному фронту.

Так совпало, что именно в этот день немцы остановили наступление и ограничились силовой разведкой. В ночь на 17 июля они начали отвод с переднего края бронетанковых частей и тыловых подразделений в направлении Белгорода и Томаровки. Утром под прикрытием сильных арьергардов началось отступление главных сил группы армий «Юг». «Разгромленного» противника никто не преследовал. Не было здоровья. Наоборот, 17 июля Ватутин приказал вывести во второй эшелон соединения 5-й гвардейской танковой армии, остальным командармам — продолжать совершенствоваться в полевой фортификации. Лишь с обнаружением явных признаков подготовки немцев к отходу последовал приказ выделить от каждой дивизии по стрелковому батальону

для проведения разведки боем, чтобы определить истинные намерения противника.

Манштейну для удобства отступления на подготовленные рубежи мечталось предварительно потрепать еще и 40-ю армию на своем левом фланге, но, во-первых, из ОКВ поступил приказ о срочном выводе из боя 2-го танкового корпуса СС и подготовке его к переброске в Италию; во-вторых, началось давно ожидаемое фельдмаршалом советское наступление в Донбассе.

В соответствии с замыслом Донбасской операции, войска Юго-Западного фронта под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского с плацдарма на реке Северский Донец в районе Изюма смежными флангами 1-й и 8-й гвардейских армий наносили глубокий охватывающий удар в направлении Барвенково — Красноармейское. Подвижные соединения фронта — 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса — имели задачу войти в прорыв и ударом в направлении Сталино во взаимодействии с войсками Южного фронта окружить донбасскую группировку противника. В резерве на направлении главного удара находилась сформированная в третий раз 12-я армия генерал-майора А.И. Данилова. 3-я гвардейская армия генерал-майора Г.И. Хетагурова с плацдарма в районе Привольное должна была наступать на Артёмовск, раскалывая немецкую оборону на две части. Каждая гвардейская армия имела в своем составе три корпуса, или девять стрелковых дивизий. Каждой армии придавались по одной артиллерийской дивизии прорыва и по 2—3 танковых или самоходных полка. Операцию обеспечивала 17-я воздушная армия, которой командовал генерал-лейтенант В.А. Судец.

В полосе Юго-Западного фронта по реке Северский Донец оборонялись 9 пехотных дивизий 1-й танковой армии генерала фон Макензена. Противник подготовил хорошо организованную оборону, которая проходила по крутому правому берегу реки и состояла из двух полос с траншеями полного профиля, блиндажами, дзотами и броневыми колпаками. Часть огневых точек располагалась под подбитыми в

зимних боях танками. Главная полоса имела глубину 6—8 километров и прикрывалась минными полями. Высоты и населенные пункты немцы, с присущей им обстоятельностью, превратили в узлы сопротивления, которые опоясывались кольцом сплошных траншей.

Командующий Южным фронтом генерал-полковник Ф.И. Толбухин решал сразу две задачи. На правом крыле фронта 51-я и 5-я ударная армии должны были прорваться к Сталино и встретиться с войсками Малиновского. Левое крыло — 28-я и 44-я армии — нанести удар через Успенскую с поворотом на юг, охватить с севера основные силы таганрогской группировки противника и освободить город Таганрог. После прорыва обороны противника на реке Миус намечалось ввести в сражение второй эшелон фронта — 2-ю гвардейскую армию генерал-лейтенанта Я.Г. Крейзера, которая должна была развивать успех в юго-западном направлении, выйти к Мариуполю и отрезать противнику пути отхода на запад. Господство в воздухе завоевывала 8-я воздушная армия генерал-лейтенанта Т.Т. Хрюкина.

Перед войсками Южного фронта рубеж по реке Миус удерживали 11 дивизий реанимированной по приказу Гитлера 6-й армии «мстителей» под командованием генерала Холлидта. На переднем крае и в глубине было построено много железобетонных и деревоземляных сооружений. Подступы к переднему краю прикрывались несколькими рядами проволочных заграждений и минными полями. В глубине также были созданы оборонительные рубежи, проходившие по рекам.

На втором этапе предполагалось единым фронтом выйти на Днепр.

Общая численность советских войск к началу операции превышала 600 тысяч человек.

На непосредственную подготовку было отведено десять дней. За пять дней до начала противник знал о готовящемся наступлении, направлениях главных ударов, вскрыл советские группировки.

17 июля после мощной полуторачасовой артиллерийской подготовки и ударов авиации почти полмиллиона бой-

цов и командиров пошли в атаку на вражеские позиции, да так и завязли в главной полосе обороны.

В течение первого дня 1-я и 8-я гвардейские армии форсировали Северский Донец, захватили новые плацдармы на западном берегу и вклинились в оборону противника на стыке 40-го танкового и 30-го армейских корпусов на 5 километров. На второй день в бой по частям стали вводиться подвижные войска — 23-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса, но все попытки завершить прорыв тактической обороны были безуспешны. 1-я гвардейская армия генерал-полковника В.И. Кузнецова создала плацдарм на участке Большая Гаржевка — Семёновка по фронту 12 километров и в глубину 2—2,5 километра и перешла к обороне. 8-я гвардейская армия генерал-лейтенанта В.И. Чуйкова, овладев в первые дни двумя «пяточками», в ходе упорных боев объединила их в один плацдарм, имевший 25 километров по фронту и 2—5 километров в глубину. Затем подоспели дивизии 24-го танкового корпуса генерала Неринга, и наступление Юго-Западного фронта окончательно захлебнулось. На вспомогательном направлении топтались на месте соединения 3-й гвардейской армии. С самого начала в воздухе господствовала немецкая авиация, непрерывно бомбившая переправы и войска.

Дивизиям Южного фронта на направлении главного удара удалось лишь вклиниться в оборону противника на 5—6 километров и захватить небольшой плацдарм в районе Степановка — Мариновка.

Еще одна попытка освобождения Донбасса провалилась.

«Первое наступление армии после сталинградских боев, — переживал В.И. Чуйков. — Ни одна из поставленных задач не решена. Конечно, ставить задачи легче, чем вести бой, да еще к тому же с сильным и опытным противником. Было над чем задуматься... Дорого обошлись врагу контратаки. Но мы тоже понесли тяжелые потери. Много полегло тех, кто выдержал даже и сталинградский ад. Силы и средства 8-й гвардейской армии были на исходе...»

В сводках Советского информбюро сражение подавалось как бои местного значения и «усиленные поиски разведчиков».

Маршал Василевский предпочел умолчать о том, как он координировал эту операцию.

Советские историки привычно сделали вид, что никакого стратегического наступления не было, а имели место две ограниченные «самостоятельные фронтовые операции вне рамок стратегических операций». И хотя советские ударные группировки не смогли продвинуться дальше второй немецкой траншеи, «цель в значительной мере была достигнута». К примеру, Южный фронт «сковал крупную группировку противника в Донбассе и не позволил германскому командованию снять отсюда войска и перебросить их под Курск, где решалась судьба всей летне-осенней кампании». И Юго-Западный фронт тоже «сковал резервы противника» и чего-то не допустил, тем самым помогая Ватутину.

Казалось бы, нетрудно предотвратить то, чего противник не собирался делать. Ан нет, народу за две недели уложили почти столько же, сколько потерял Воронежский фронт на Курской дуге — 100 тысяч человек.

Эсэсовскому корпусу пришлось задержаться на Украине. Только «Лейбштандарт», сдав танки и тяжелое вооружение, отправился в Италию. Дивизии «Дас Рейх» и «Мертвая голова» были переброшены в Донбасс. 30 июля совместно с 3-й танковой и 16-й моторизованной дивизиями они нанесли мощный контрудар по плацдармам, созданным войсками Южного фронта, и в три дня восстановили оборону по линии реки Миус. Манштейн сообщает о 18 000 пленных и 700 уничтоженных танках.

При этом генерал Ватутин никого сковать не смог. «Мы без проблем вышли из боя... — вспоминает генерал Раус. — Стрелковые дивизии Красной Армии, которые недавно понесли тяжелые потери, не понимали, почему немцы добровольно отступают, и подозревали какую-то хитрость. Эти подозрения имели под собой основания, так как до сих пор многие отступления немцев завершались внезапными атаками, приводившими к разгрому преследовавших их советских частей».

Войска Воронежского и Степного фронтов основными силами перешли к преследованию «разгромленного» противника лишь 20 июля. Фантазировать и проводить перегруппировку войск — ну, например, сосредоточить что-либо серьезное на флангах и ударить под основание немецкого клина — не стали. Все свелось к лобовым атакам и вытеснению противника с одного промежуточного рубежа на другой с темпом продвижения 3—5 километров в сутки. Используя тактику подвижной обороны, Гот рассчитывал нанести русским максимальные потери и выиграть время для эвакуации бронетехники, а советские генералы во всем шли ему навстречу. Неприятель широко использовал на отходе опыт эвакуации Ржевского выступа.

«Главной задачей батальона стало разминирование... — вспоминает полковник А.Б. Немчинский о буднях 207-го отдельного батальона инженерных заграждений. — Много хлопот доставили нам новые металлические Тми-43, деревянные противотанковые «хольцминен» и старые опасные знакомые — противопехотные «шпрингминен»... В это время и вспыхнула эпидемия минобоязни. Особенно поразила она зону, оставленную нашими войсками и вновь освобожденную к 23 июля. В этой зоне, помимо сохранившихся наших минновзрывных заграждений, было установлено и большое количество мин противника. Начались подрывы.

Особенно морально подавляли войска мины-сюрпризы, которые мы обнаруживали почти в каждом освобожденном населенном пункте.

Сюрпризы были главным образом натяжного действия. Обычно это выглядело так. Лежит, допустим, немецкий автомат, авторучка или какая-нибудь другая приманка. Тоненьким тросиком она соединена с чекой взрывателя, вставленного в заряд ВВ. Все сюрпризы были, как правило, хорошо замаскированы, и обнаружить их мог только опытный глаз минера, да и то не всегда... Случаи подрыва на сюрпризах так обострили минобоязнь, что солдаты и офицеры предпочитали не дотрагиваться до самых безобидных предметов без помощи длинной веревки и крюка...

Командование срочно издало приказы, запрещающие

располагаться в населенных пунктах и обязывающие проводить тщательную проверку местности на наличие мин».

Не меньше хлопот доставляли густо посеянные отечественные мины марки ЯМ-6. Прimitивные по устройству, собираемые в полукустарных мастерских, представлявшие собой деревянные ящики, начиненные брикетами взрывчатки, они были опасны при установке, а еще больше — при снятии. Эту работу наши саперы называли «игрой в ящик».

К исходу 23 июля советские войска, продвигавшиеся вдоль шоссе Обоянь — Белгород, были остановлены в 5—7 километрах от переднего края бывшей главной полосы обороны. 7-я гвардейская армия восстановила свой прежний рубеж по реке Северский Донец. Официально завершилась Курская оборонительная операция, итоги которой подвел приказ Сталина:

«Вчера, 23 июля, окончательно ликвидировано июльское немецкое наступление из района Орла и севернее Белгорода в сторону Курска... За время боев с 5 по 23 июля уничтожено более 70 тысяч солдат и офицеров противника, подбито и уничтожено 2900 танков, самоходных установок — 196, полевых орудий — 844, самолетов — 1932, автомашин — свыше 5000». Верховный с удовлетворением отмечал, что окончательно «разоблачена легенда о том, что немцы летом в наступлении всегда одерживают успехи, а советские войска будто бы находятся в отступлении».

С этого момента потери резко выросли, поскольку немцы полностью завершили отступной маневр, а дивизии Воронежского и Степного фронтов по настоянию Сталина приступили к ежедневному штурму хорошо оборудованных в инженерном отношении позиций противника. Атаки продолжались до конца июля. За этот период армия Жадова в борьбе «за отдельные пункты местности» потеряла 7814 солдат и офицеров — треть общих потерь за июль. Войска Конева с 20 по 31 июля потеряли более 34 тысяч человек убитыми и ранеными.

Потеряв в ходе «преследования разгромленного противника» свыше 50 тысяч человек, оба фронта начали подготовку к Белгородско-Харьковской наступательной операции.

Итоги.

Понятно, что немецкие войска ни в коей мере не были разгромлены. Группа армий «Юг», подтвердив высокий оперативно-тактический и профессиональный класс, понесла значительно меньшие потери, чем сидевшие в мощнейшей обороне войска Воронежского фронта. По Манштейну, потери двух его армий составили 20 720 человек, в том числе 3300 убитыми, по данным современных российских историков — порядка 44 тысяч человек за весь июль. 2-й танковый корпус СС за период с 5 по 19 июля потерял убитыми 1447 человек, среди них 52 офицера, 6198 раненых, 138 человек пропало без вести. Безвозвратная убыль бронетехники, по немецким данным, составила 190 боевых машин, согласно самым оптимистическим подсчетам российских исследователей — 320 танков и штурмовых орудий, в том числе 56 «пантер» и 13 «тигров»; 8-й авиакорпус лишился 280 самолетов.

Потери Воронежского фронта — 140 тысяч человек, из них 55 тысяч убитыми и пропавшими без вести, около 1300 танков и самоходок, 3500 орудий и минометов, 571 самолет; Степной фронт — 21 тысяча человек. Еще 25,5 тысячи выбыло с 24 по 31 июля. То есть наступавшая сторона потеряла вчетверо меньше солдат, чем сторона, три месяца строившая эшелонированную оборону.

Общие потери трех советских фронтов в рамках Курской оборонительной операции составили 195 тысяч человек, около 2000 танков и САУ, 960 боевых самолетов. Потери групп армий «Центр» и «Юг» в живой силе оцениваются примерно в 70 тысяч человек.

Тем не менее недостижение поставленной цели — есть поражение. Вермахт, вложивший в удар всю свою мощь, проиграл Курскую битву. Надорвался. Красная Армия выстояла. «А выстояв — победили», — точно формулирует Катуков.

«Все, что сухопутные войска смогли сконцентрировать для увеличения своей наступательной силы, — подтверждает Гудериан, — было использовано при этом наступлении, о котором сам Гитлер правильно сказал в Мюнхене, что оно не имеет права провалиться, так как даже отход на исходные по-

зиции представлял бы собой поражение... В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение».

Если экономически СССР выиграл войну с Германией уже в 1942 году, то Сталинград и Курск стали зримыми символами неизбежного военного поражения Третьего рейха.

В синодике Манштейна добавилась еще одна «утраченная победа» — операция «Цитадель»: «Она была последней попыткой сохранить нашу инициативу на востоке. С ее неудачей, равнозначной провалу, инициатива перешла к советской стороне. Поэтому операция «Цитадель» является решающим, поворотным пунктом войны на Восточном фронте...»

Еще кипели бои на Курской дуге, когда с опозданием на два месяца началось летнее наступление Красной Армии.

ОПЕРАЦИЯ «КУТУЗОВ»

Цель операции состояла в том, чтобы ударами по сходящимся направлениям на Орел войск Западного, Брянского и Центрального фронтов расчлнить орловскую группировку противника и разгромить ее по частям. Для этого создавались четыре ударные группировки: одна на левом крыле Западного, две в полосе Брянского, одна на правом крыле Центрального фронтов. Реализация плана «Кутузов», по замыслу советского командования, должна была создать условия для «последующего овладения Белоруссией, а затем вторжения в Восточную Пруссию и Восточную Польшу».

Войска Западного фронта (10-я, 11-я гвардейская, 50-я армии) под командованием генерал-полковника В.Д. Соколовского наносили удар на своем левом крыле, в полосе 11-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И.Х. Баграмяна. На первом этапе планировалось встречными ударами 11-й гвардейской из района Козельска и 61-й армии Брянского фронта из района северо-восточнее Болхова при поддержке 1-й воздушной армии — 1322 исправных самолета — окружить болховскую группировку противника, прикрывавшую с севера главные силы немцев на Орловском плацдарме, а затем

развернуть наступление в южном направлении, на Хотынец. Вспомогательный удар в юго-западном направлении на Зикеево наносила 50-я армия генерал-лейтенанта И.В. Болдина.

Брянский фронт (3, 61, 63-я армии), которым командовал генерал-полковник М.М. Попов, главный удар наносил левым крылом из района Новосиля на Орел смежными флангами 3-й армии генерал-лейтенанта А.В. Горбатова и 63-й армии генерал-лейтенанта В.Я. Колпакчи. Их поддерживала 15-я воздушная армия генерал-лейтенанта Н.Ф. Науменко, имевшая 995 боевых самолетов. Постучаться в городские ворота командармы планировали на четвертый день операции.

Армиям Центрального фронта предстояло отбросить немецкие войска, вклинившиеся в глубь советской обороны на северном фесе Курского выступа, и охватить неприятельскую группировку в районе Орла с юга и юго-запада, а затем совместно с войсками Западного и Брянского фронтов разгромить ее.

Предполагалось, что одновременный прорыв вражеской обороны на четырех направлениях приведет к распылению сил противника и создаст благоприятные условия для разгрома их по частям.

Всего из состава трех фронтов к участию в операции привлекались 82 стрелковые дивизии, 8 танковых корпусов, 4 стрелковые и 14 танковых бригад — около 1,3 миллиона человек, более 23 тысяч орудий и минометов, 2893 танка и САУ, свыше 3000 самолетов. Кроме того, для поддержки наземных войск было выделено до 300 самолетов АДД.

Для развития успеха и окончательного разгрома противника предназначались 11-я общевойсковая, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус.

Орловский выступ занимали войска группы армий «Центр» — 2-я танковая и 9-я полевая армии — до 40 дивизий, из них 8 танковых и 2 моторизованные. В них насчитывалось до 600 тысяч человек, более 7000 орудий и минометов, около 1200 танков и самоходных орудий. Для поддержки

действий наземных войск могло быть привлечено свыше 1000 боевых самолетов. Противник, удерживая район Орла почти два года, создал здесь глубоко эшелонированную «преднамеренную» оборону с развитой системой полевых укреплений, инженерных и минных заграждений. Особое внимание было уделено оборудованию главной полосы, состоявшей из опорных пунктов и узлов сопротивления, соединенных между собой хорошо развитой системой траншей и ходов сообщения. В глубине обороны находились промежуточные и тыловые полосы, а также отсечные позиции, построенные главным образом вдоль рек.

11-я гвардейская армия Баграмяна сама по себе была маленьким «фронтом». В ее состав входили 12 стрелковых дивизий, 1-й и 5-й танковые корпуса, 10, 29, 43-я гвардейские, 213-я танковые бригады, отдельные танковые и самоходные полки, 8-й артиллерийский корпус прорыва, 14-я артиллерийская, 14-я и 38-я зенитные дивизии и много еще чего, например, 10 штурмовых инженерно-саперных бригад — всего более 170 тысяч человек.

В ходе подготовки операции, к которой приступили в мае 1943 года, была достигнута плотность артиллерии 200—260 стволов, не считая «катюш», и 13 танков сопровождения пехоты на 1 километр фронта. Как с гордостью вспоминает генерал К.П. Казаков: «Ударная армия Западного фронта — 11-я гвардейская отлично подготовила к наступлению свою артиллерию... Докладывая маршалу артиллерии Н.Н. Воронову о плане артиллерийского наступления, генерал Семенов в заключение заметил: «У нас каждый артиллерийский полк будут поддерживать четыре-пять артиллерийских полков. Год назад я мог такое увидеть разве что в фантастическом сне». В армии были подготовлены 404 штурмовые группы, на которые ложилась основная тяжесть взлома вражеской обороны; против 18 немецких пехотных батальонов выстроились в три эшелона 108 советских, на 14-километровом участке прорыва соотношение сил было более благоприятным для советской стороны — 99 батальонов против 9, 2589 артиллерийских и минометных стволов против 434.

Еще 7 стрелковых дивизий и танковая бригада — почти 63 тысячи человек — имелись в обеспечивавшей правый фланг 50-й армии генерал-лейтенанта С.И. Болдина.

Все это великолепие должно было одним ударом протаранить позиции 211-й и 293-й пехотных дивизий противника. Так оно и было поначалу.

11 июля, в соответствии с приказом Сталина, передовые батальоны провели силовую разведку. С рассветом 12 июля началась артиллерийская подготовка. Она длилась 2 часа 45 минут, «передний край неприятельской обороны был буквально поднят в воздух». При этом часть 120-мм минометов использовалась для ликвидации минных полей. Успешно отработали бомбардировочная и штурмовая авиация.

В 6 часов вслед за огненным валом двинулись пехота и танки сопровождения. Уже через полтора часа передний край вражеской обороны был прорван, в бой пошли танковые бригады. Советские потери были минимальными. К 15 часам войска 11-й гвардейской армии, заняв ряд опорных пунктов и форсировав речку Фомина, преодолели главную полосу сопротивления. Во второй половине дня сопротивление противника стало нарастать, местами он переходил в контратаки, все активнее действовала немецкая авиация. Чтобы ускорить темп продвижения, Баграмян в полосе 8-го гвардейского стрелкового корпуса ввел в прорыв 5-й танковый корпус (70, 24, 41-я танковые, 5-я мотострелковая бригады) генерал-майора М.Г. Сахно. К 20 часам танкисты достигли северных окраин опорных пунктов Ульяново и Речица. Таким образом, в первый день наступления армия вклинилась на глубину 10—12 километров и вплотную подошла к тыловому оборонительному рубежу. Немцы подтягивали к месту прорыва части 5-й танковой и 25-й моторизованной дивизий. 13 июля бои приняли ожесточенный характер, немецкие гарнизоны сражались отчаянно, до последнего человека, и Баграмян нарастил усилия вводом 1-го танкового корпуса генерал-майора В.В. Буткова.

В ходе двухдневных боев войска 11-й гвардейской армии прорвали оборону противника на всю тактическую глубину на фронте в 23 километра и вклинились в его расположение

на 12—25 километров. 50-я армия, имевшая задачу уничтожить 134-ю пехотную дивизию, топталась на месте.

Успехи Брянского фронта были скромнее.

61-я армия (12, 76, 77-я гвардейские, 97, 110, 336, 356, 415-я стрелковые дивизии, 63-я танковая бригада) генерал-лейтенанта П.А. Белова за два дня наступления, ожесточенно сражаясь за каждый населенный пункт и каждую высоту, сумела вклиниться на глубину 5—8 километров. Не дожидаясь, пока пехота завершит прорыв, Белов решил ввести в бой 20-й танковый корпус, который должен был нанести удар между Кривцово и Корнилово и перерезать шоссе Болхов — Орел. Войска 3-й и 63-й армий, имевшие тринадцатикратное превосходство над противником в артиллерии, даже с использованием 1-го гвардейского танкового корпуса, сумели углубиться в немецкую оборону на 14—15 километров. Прорвать оборону на всю глубину не удалось.

Германское командование, убедившись, что у русских относительно Орловского выступа имеются самые серьезные намерения, начало переброску сил с других участков фронта, прежде всего с Курской дуги. Перед фронтом Баграмяна появились 18-я и 20-я танковые дивизии. 14 июля войска двух немецких армий были объединены под единым командованием генерала Моделя.

15 июля в наступление, без перегруппировки, из неудобной «позы», перешли армии Центрального фронта (60, 65, 48, 13, 70-я и 2-я танковая — 645 тысяч человек, 10,5 тысячи орудий и минометов, 1400 танков и САУ). Главный удар наносился в северо-западном направлении, на Кромы. Значительно ослабленные в тяжелых оборонительных боях, войска продвигались медленно.

С 15 по 18 июля Рокоссовский оттеснил немецкие войска на позиции, которые они занимали до начала Курской битвы, и «полностью восстановил свое прежнее положение».

«Центральный фронт, — указывает маршал Жуков, — свое контрнаступление начал там, где закончился его контрудар, и двигался широким фронтом в лоб основной группировке противника. Главный удар Центрального фронта нужно было сместить несколько западнее в обход Кром».

Соединения 11-й гвардейской армии Западного фронта форсировали реку Вытебеть и, отразив контрудары 18-й и 20-й танковых, 25-й моторизованной дивизий противника, продолжали углубляться в прорыв. 18 июля командарм ввел в дело 25-й танковый корпус генерала Ф.Г. Аникушкина. К вечеру 19 июля армия, обойдя Болхов с запада, продвинулась в юго-восточном и южном направлениях на 70 километров. И нависла над основными коммуникациями противника, соединявшими Орел и Брянск. 61-я армия находилась в 5—12 километрах от Болхова, приближаясь к нему с севера и востока. Однако, ввиду неудачных действий 50-й армии, Баграмяну пришлось растягивать свои силы по фронту. Протяженность полосы наступления 11-й гвардейской армии достигла почти 150 километров. Все ее резервы втянулись в бои, между соединениями начали появляться разрывы. В 5-м танковом корпусе к этому времени осталось 10 боевых машин. По мере продвижения в глубь вражеской обороны оголялся правый фланг армии.

Напряженные бои продолжали вести войска Брянского фронта, который должен был правым крылом громить немцев под Болховом, а левым — брать Орел. Под Болховом 61-я армия уже не атаковала, а «успешно отражала яростные контратаки немцев» — 12-й танковой дивизии (наши историки утверждают, что в ней имелось 83 танка, а командир 35-го армейского корпуса клянется, что только 20). Крайне трудно протекало наступление 3-й и 63-й армий. Здесь к 16 июля советские войска вклинились в оборону противника на глубину от 17 до 22 километров и застряли у промежуточного оборонительного рубежа на реке Олешня: «Здесь сидели войска так называемой мценской группировки противника, составлявшей как бы клин между главными силами Западного и Брянского фронтов. Этот клин серьезно осложнял межфронтное взаимодействие. Особенно трудно приходилось Брянскому фронту, который являлся своего рода связующим звеном в системе трех фронтов... Силы раздваивались и постепенно иссякали. Создалась угроза нарушения плана разгрома противника под Орлом. Чтобы преодолеть кризисное положение, Брянскому фронту нужна была помощь». Сидели, понимаешь, немцы в окопах и осложняли нашим

полководцам взаимодействие. Поэтому за неделю боев войска Брянского фронта едва выполнили задачу первого дня.

Существенно замедляла ход советского наступления вражеская штурмовая авиация, фактически выбомбившая танковые соединения. Сначала пикировщики остановили продвижение 1-го гвардейского и 20-го танковых корпусов Брянского фронта, причем нанесли им такие потери, что корпуса пришлось вывести на переформирование. Генерал А.В. Горбатов, получивший в краткосрочное «пользование» 1-й гвардейский Донской танковый корпус, вспоминает: «14 июля корпус переправился через реку у деревни Измайлово и сосредоточился в районе Евтехово. Но здесь он задержался дольше, чем было нужно, и из-за этого подвергся ожесточенной бомбардировке с воздуха, понес большие потери... 1-й танковый корпус, четыре дня приводивший себя в порядок, был вновь введен в прорыв, снова подвергся бомбардировке и отошел на восточный берег реки. Лишь 19 июля его отдельные танки опередили 186-ю пехотную дивизию и овладели селом Олешня. Вот и весь успех, которого добился корпус... После этого он был выведен в резерв фронта».

Затем «боевое соединение» Эрнста Купфера — три эскадры пикирующих бомбардировщиков — переключилось на 1-й и 25-й танковые корпуса Западного фронта. В результате генерал Модель признал, что «впервые в истории войн наступающая танковая группировка была уничтожена только силами авиации, без какой-либо поддержки наземных войск». Маршал Воронов сообщал: «Опыт боев показывает, что никакие «тигры» и «фердинанды» наземным войскам не страшны, сильное моральное воздействие на наши войска оказывает авиация противника, очень часто она снижает темп нашего продвижения». Досталось и советской артиллерии. Командир группы «штук» из StG1 майор Фридрих Ланг рассказывал: «В нескольких километрах юго-восточнее Карачева мы атаковали позиции советских реактивных установок. Успешность наших атак подтверждалась данными радиоперехвата. После нашей первой атаки их командир просил по радию, чтобы прислали истребители, так как боялся, что все его установки будут уничтожены. После нашей по-

следней атаки он снова вышел в эфир и передал своему командованию, что помощь ему уже больше не нужна, так как все его установки уничтожены».

Советские истребители в это время с достоинством барражировали где-то в сторонке. Так, 16 июля «юнкерсы» целый день безнаказанно бомбили 1-й танковый корпус, в то время как выделенные для его прикрытия истребители несли патрульную службу над станцией Хотынец, к которой корпус должен был выйти к назначенному штабами сроку. Танкисты, оставшиеся без поддержки, «задержались в пути», и станцию взяли только через три недели. «Соколы», без толку спалившие дефицитный, поставляемый из Америки бензин, засчитали себе по боевому вылету. По мнению Воронова, в Орловской операции «мы должны были иметь для трех фронтов до 1000 самолетов-истребителей». Артиллерийский маршал был просто не в курсе того, что у трех фронтов к началу операции истребителей имелась 1141 штука, причем «только исправных»; у Люфтваффе на всем советско-германском фронте — около 500. Успехи противника в воздухе объясняются, прежде всего, бездарностью использования многочисленной советской авиации и высоким летным и тактическим мастерством немецких пилотов.

14 июля 1943 года начальник Центрального штаба партизанского движения П.К. Пономаренко подписал приказ «О партизанской рельсовой войне». Цель операции заключалась в том, чтобы «массовым и одновременным подрывом рельсов дезорганизовать работу железнодорожного транспорта, чем нарушить снабжение войск противника, эвакуацию и таким образом оказать помощь Советской Армии в завершении разгрома противника в Курской битве». Партизанам ставилась задача «массовым повсеместным уничтожением рельсов... сорвать все замыслы врага, поставить его в катастрофическое положение». В приказе говорилось: «Уничтожение производить на основных магистралях, запасных, подъездных, вспомогательных деповских путях, уничтожать запасные рельсы, исключая для противника возможность перешивания и маневрирования рельсами».

Согласно спущенному в леса плану, предусматривалось уничтожить свыше 200 тысяч рельсов в тыловых районах групп армий «Центр» и «Север».

Первыми «рельсовую войну» в ночь на 22 июля начали орловские партизаны. Остальные партизанские силы подключились в ночь на 3 августа.

Матерый диверсант И .Г. Старинов относился к этой затее весьма скептически, а указание подрывать рельсы на запасных и второстепенных ветках прямо называл дурацким.

Ущерб от подрыва рельсов был невелик и быстро устранялся. Гораздо более эффективным являлось уничтожение паровозов, мостов, крушение поездов. Кроме того, на оккупированной территории более половины участков железных дорог немцами совершенно не эксплуатировались, а значит, не охранялись. Вот их-то в первую очередь партизаны и уничтожали, выполняя и перевыполняя установленные ЦШПД «разнарядки» и бодро рапортуя об успехах. Складывалась анекдотическая ситуация, когда на одних и тех же ветках партизаны взрывали и снимали рельсы одновременно с немцами, которые занимались тем же самым — забирали рельсы на переплавку или в запас для основных магистралей. Естественно, в донесениях для Москвы успехи «народных мстителей» преувеличивались десятикратно. Поэтому, по сведениям ЦШПД, белорусские, смоленские и орловские партизаны за шесть недель подорвали в тылу группы армий «Центр» более 160 тысяч рельсов, а по данным противника, только 20,5 тысячи.

«Эта операция привела к удивительным последствиям, — пишет полковник В. И. Боярский. — Например, в июне (когда еще не было «рельсовой войны» и немцы готовились к наступлению под Курском) группа «Центр» получила 1822 поезда. В июле белорусские партизаны произвели 743 крушения поездов. Тем не менее оккупанты доставили войскам 2282 эшелона. В августе, переключившись на подрыв рельсов, белорусские партизаны смогли устроить только 467 крушений поездов. Благодаря этому противник доставил в этом месяце войскам данной группы войск 2159 поездов, то есть на 337 эшелонов больше, чем в июне (!), и всего лишь на 123 эшелона меньше, чем в июле.

Таким образом, ценой огромного напряжения сил и расхода значительного количества взрывчатки партизаны добились того, что пропускная способность железных дорог противника снизилась по сравнению с июлем менее чем на 6 процентов, а по отношению к июню даже возросла на 18 процентов.

Характерно, что все участвующие в этой операции партизаны отнеслись к ней с большим энтузиазмом. Вероятно, они смогли бы полностью выполнить план подрыва рельсов, если бы получили нужное для этого количество взрывчатки. Но реально «рельсовая война» вела не к увеличению, а к значительному снижению потерь противника в столь нужных ему паровозах и грузах».

В связи с назревавшей угрозой провала операции «Кутузов» Сталин согласился «помочь» и разрешил досрочно ввести в сражение стратегические резервы. Еще 12 июля Ставка усилила войска левого крыла Западного фронта 11-й армией генерал-лейтенанта И.И. Федюнинского (4, 96, 135, 197, 260, 273, 323, 369-я стрелковые дивизии), а 18 июля — 4-й танковой армией генерал-лейтенанта В.М. Баданова (11-й и 30-й танковые, 6-й гвардейский механизированный корпус) и 2-м гвардейским кавалерийским корпусом генерал-майора В.В. Крюкова (3-я и 4-я гвардейские кавалерийские дивизии). В состав Брянского фронта вошла 3-я гвардейская танковая армия (12-й и 15-я танковые, 2-й механизированный корпус, 91-я отдельная танковая бригада).

Незапланированный ввод стратегических резервов был сопряжен с большими трудностями. Они, резервы, находились на большом удалении от линии фронта, размокшие под проливными дождями дороги задержали их выдвижение. Кроме того, генерал Соколовский, хоть и выслужился в маршалах, на посту командующего фронтом был человеком случайным, представлявшим из себя законченный тип бюрократа в погонах. Как следствие, в организации использования выделенных резервов имелся ряд чудных моментов.

Так, не закончившей комплектования 11-й армии пришлось сначала совершить 160-километровый переход. При этом командарм, который должен был вести ее в бой, никогда в глаза не видел ни своих войск, ни своего штаба, ни своих комдивов. Формированием армии три месяца занимался генерал-лейтенант А.И. Лопатин, после чего был снят, а на армию назначили заместителя командующего Брянским фронтом. Поэтому 12 июля из Калуги войска в поход проводил Лопатин, а шесть суток спустя в Козельске встречал генерал Федюнинский. Прибыть к назначенному времени в район сосредоточения дивизии не успевали.

«Следовательно, — беспокоился Федюнинский, — если придерживаться старого плана, то армия будет вводиться в бой по частям. Кроме того, у нас ощущалась нехватка боеприпасов для стрелкового оружия и артиллерии. Однако мне было сказано, что задачу нужно решать даже в том случае, если придется ввести в бой первоначально только одну дивизию. По мнению командования, на участке Лешево — Кцынь оборона противника была слабой. После этого мне не оставалось ничего, кроме как поспешить с выездом туда. На рубеже Лешево — Кцынь находились пока соединения одного из корпусов 11-й гвардейской армии. С обстановкой меня ознакомил начальник штаба корпуса. Он удивился, что командование фронта считает, будто оборона здесь слабая.

— Мы две недели топчемся на месте и никак не можем продвинуться вперед, — сказал он. — Противник укрепился основательно, хорошо организовал систему огня, часть танков использует в качестве неподвижных огневых точек. Не понимаю, почему вас неправильно информировали».

20 июля 11-я армия двумя прибывшими дивизиями без остановки промаршировала в бой на стыке 50-й и 11-й гвардейской армий с задачей наступать в направлении Хвостовичей: «Отсутствие тщательной подготовки сразу же сказалось. Пехота была утомлена длительным маршем по размытым дождями дорогам. Для рекогносцировки и уточнения вопросов взаимодействия командиры имели слишком мало времени. Сведения о противнике были скудными и неточными. Артиллерия и тылы отстали. Бой принял затяжной характер». Собственно говоря, 135-ю и 369-ю дивизии послали в шты-

ковую атаку, поскольку боеприпасов имелось ровно столько, сколько бойцы притащили из Калуги на себе. К тому же «среди личного состава армии насчитывалось много узбеков, казахов, киргизов, туркмен и таджиков. Некоторые из них вначале плохо понимали по-русски, и это затрудняло управление ими в бою, а также воспитательную работу. Но командиры и политработники не спасовали перед трудностью». Как они не пасовали, — известно — толпой на пулеметы: «За Родину! За Сталина!» Что касается «некоторых», плохо понимавших по-русски, то и полвека спустя это означало: на десять новобранцев один переводчик. Как может воевать армия, в которой подчиненные и начальники говорят на разных языках?

А вот примерно так:

«Однажды, летом 1943 года, мы сидели среди густых ветвей высокой ели на деревянном помосте, укрепленном у макушки дерева. На стволе были прибиты планки, заменявшие лестницу, по которой мы карабкались наверх. Это был наблюдательный пункт артиллерийского полка, километрах в полутора от передовой, с которого открывалась широкая панорама окрестностей местности. Синее небо расстилалось над нами. Светило солнышко. Сосна слегка покачивалась, ветви ее скрипели и распространяли аромат смолы.

У стереотрубы стоял наш командир — статный, красивый молодой полковник. Свежевыбритый, румяный, пахнувший одеколоном, в отглаженной гимнастерке. Он ведь спал в удобной крытой машине с печкой, а не в норе. В волосах у него не было земли, и вши не ели его. И на завтрак он имел не баланду, а хорошо поджаренную картошку с американской тушенкой. И был он образованный артиллерист, окончил академию, знал свое дело. В 1943 году таких было очень мало, так как большинство расстреляли в 1939—1940 годах, остальные погибли в 41-м, а на командных постах осталась всякая шваль, случайно всплывшая на поверхность.

Полковник внимательно смотрел в стереотрубу, потирал чистой ладонью свой крепкий, загорелый затылок и громко, непрестанно, упоенно ругался матом: «Что делают, гады! Ах! Что делают, сволочи!» Что они делали, было видно и без стереотрубы. Километрах в двух перед нами, за ручейком, вид-

нелся большой холм, на котором когда-то была деревня. Немцы превратили ее в узел сопротивления. Закопали дома в землю, поставили бетонные колпаки, выкопали целый лабиринт траншей и опутали их лабиринтами колючей проволоки. Уже третий день пехота штурмовала деревню. Сперва пошла одна дивизия — 6000 человек. Через два часа осталось из них 2000. На другой день оставшиеся в живых и новая дивизия повторили атаку с тем же успехом. Сегодня ввели в дело третью дивизию, и пехота опять «залегла». Густая россыпь трупов была хорошо видна нам на склоне холма.

«Что делают, б...!» — твердил полковник, а на холме бушевал огонь. Огромные языки пламени, клубы дыма, лес разрывов покрывал немецкие позиции. Били наша артиллерия, катюши, минометы, но немецкие пулеметы оставались целы и косили наступавшие полки. «Что делают, гады! Надо же обойти с флангов! Надо же не лезть на пулеметы, зачем гробить людей!» — все стонал полковник. Но «гады» имели твердый приказ и выполняли его. Знакомая картина! Не так ли командуют из кабинетов, где сеять кукурузу, а где овес? В результате ни овса, ни кукурузы и вообще жрать нечего...

Хозяин из Москвы, ткнув пальцем в карту, велит наступать. Генералы гонят полки и дивизии, а начальники на месте не имеют права проявить инициативу. Приказ «Вперед!» — и пошли выполнять безответные солдаты. Пошли на пулеметы. Обход с фланга? Не приказано, выполняйте, что велят. Да и думать и рассуждать разучились. Озабочены больше тем, чтобы удержаться на своем месте да угодить начальству. Потери значения не имеют. Угробили одних, пригонят других. Иногда солдаты погибали, не успев познакомиться перед боем. Людей много. А людей этих хватают в тылу, на полях, на заводах, одевают в шинели, дают винтовку и — «Вперед!». И растерянные, испуганные, деморализованные, они гибнут как мухи. И привыкли мы к этому. Солдаты — умирать, начальство — гробить...

Однажды я случайно слышал разговор комиссара и командира стрелкового батальона, находившегося в бою. В этом разговоре выражалась суть происходящего: «Еще денька два повоюем, добьем оставшихся и поедем в тыл на переформировку. Вот-то погуляем!»

Так армию Федюнинского и расходовали, «поэшелонно», по мере прибытия, и не имело никакого значения, понимают бойцы «уставной язык» или нет. За неделю боев армия преодолела 12 километров, заняла три деревни, была остановлена и почти две недели приходила в себя: «Основным результатом ввода дивизий Федюнинского явилось сокращение фронта 11-й гвардейской армии и освобождение части ее сил для наступления на Болхов, Карачев и Хотынец». На этих направлениях армия Баграмяна вела ожесточенные бои с 20 по 25 июля, но продвижения практически не имела. Противник, собрав все имевшиеся резервы и перебросив от Белгорода моторизованную дивизию «Великая Германия», постоянно контратаковал, удерживая Болховский плацдарм и прикрывая свои коммуникации.

26 июля к операции подключилась 4-я танковая армия — «Полтысячи новых могучих машин, только что сошедших с конвейера. Казалось, двинь эту махину — и она все сметет на своем пути». Если быть точным, «могучих машин» имелось 735 единиц. Первоначально армии Баданова ставилась задача войти в прорыв в полосе 11-й гвардейской армии и развить удар в юго-западном направлении в тыл орловской группировке противника. К исходу первого дня она должна была продвинуться на 60 километров. Однако, вместо ввода в прорыв с выходом на оперативный простор, ей пришлось без подготовки и увязки взаимодействия, действуя почти параллельно линии фронта, прогрызать укрепленные рубежи на подступах к Болхову: «Противник превратил город, пригороды и окружающие его населенные пункты в мощный оборонительный район. Река Нугрь, прикрывавшая Болхов с востока и юга, являлась серьезным препятствием для наступающих. С высот, расположенных в районе Болхова, противник мог наблюдать и простреливать все подступы к городу. Овраги с крутыми берегами, а также созданные немцами прочные оборонительные сооружения и сплошные полосы инженерных заграждений еще более усиливали немецкую оборону и затрудняли действия наших войск». И хотя ключ ко всей диспозиции хранился в Карачеве, генерал Соколовский решил сначала освободить Болхов.

Дискуссию по этому поводу описывает И.Х. Баграмян: «Не лучше ли ввести армию на хотынецком направлении: там и условия для действий танков лучше, да и само это направление становится решающим. Но генерал В.Д. Соколовский стоял на своем: танки пойдут на Болхов. Тогда я попросил дать мне несколько дней, чтобы подготовить ввод танковой армии в полосе действий 8-го гвардейского корпуса. В.М. Баданов стал горячо доказывать, что танковая армия и сама сумеет прорвать оборону и разгромить противника. Поскольку его мнение соответствовало замыслу командующего фронтом, было решено вводить танковую армию на болховском направлении с ходу».

В полдень, обгоняя гвардейскую пехоту генерала П.Ф. Малышева, в атаку устремились бригады 11-го танкового и 6-го гвардейского механизированного корпусов. Первый из них нанес удар на Красниково, Знаменское, второй — на Боровое, Сурьянино. Оба корпуса «натолкнулись на мощную противотанковую оборону и несли серьезные потери в боевых машинах, главным образом, от огня закопанных и замаскированных вражеских танков и самоходок. В тот день, несмотря на всю энергию генерала В.М. Баданова, танкисты продвинулись незначительно». Точнее, километра на три. 27 июля Баданов ввел в бой 30-й Уральский добровольческий танковый корпус генерала Г.С. Родина и прорвал первую из четырех позиций глубоко эшелонированной обороны. В силу специфического использования танков в качестве подвижной артиллерии и «бронешилетов» для пехоты, и в дальнейшем, несмотря на всю энергию, среднесуточный темп наступления 4-й танковой армии не превышал 3,5 километра, а потери составляли 55 машин в день (за десять дней армия потеряет 558 танков, из них безвозвратно 250). Снова Баграмян: «Когда я прилетел в Минино, Георгий Константинович сразу начал расспрашивать меня о причинах не совсем удачных действий танковой армии генерала В.М. Баданова. Я коротко рассказал, как танки вводились в бой. Маршал недовольно поморщился:

— Да, решение могло бы быть лучше».

С севера и востока болховские укрепления шестые сутки штурмовали дивизии Белова.

Одновременно и с большим запозданием была усилена советская ударная группировка на карачевском направлении. По решению командующего Западным фронтом здесь была сформирована оперативная группа под командованием генерала Крюкова, объединившая войска 2-го гвардейского кавкорпуса, 16-го гвардейского стрелкового и 1-го танкового корпусов. Группа должна была прорвать оборону противника на участке Палькевичи — Обельна, захватить Карачев, перерезать коммуникации орловской группировки и в дальнейшем, стремительно наступая на запад, овладеть брянским железнодорожным узлом. Пока собирались и готовились, немцы 25 июля нанесли контрудар в районе Алехино — облюбованного Крюковым рубежа для атаки. Снова лютовала вражеская авиация. Советская пехота и танки были скованы боями и местами отеснены назад. Несмотря на это, генерал Крюков решил прорываться самостоятельно. Кавалеристы бросились в наступление 27 июля, не дожидаясь подхода танковых полков и артиллерии, продвинулись на 15 километров, но до Карачева не доскакали:

«Назначение командующим столь крупной и разнородной группировкой войск командира кавалерийского корпуса оказалось, к сожалению, неудачным. Лихой кавалерист, генерал Крюков был слишком привержен своему роду войск. Он по-прежнему действовал как командир кавкорпуса, рассчитывая преимущественно на своих конников, хотя в современной войне одной кавалерией успеха не добиться. Единого войскового организма не получилось: стрелковые, танковые и кавалерийские части фактически действовали сами по себе».

Орел и Болхов вполне могли стать для Красной Армии еще одним Ржевом и Вязьмой. Но только не после Курской дуги, на которой Вермахт израсходовал самые боеспособные и наиболее моторизованные войска.

«Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя, — печалится Гудериан. — Их своевременное восстановление для ведения оборонитель-

ных действий на Восточном фронте, а также организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику». В орловскую мясорубку Сталин бросил почти 4500 танков, имел такую возможность.

Красная Армия располагала мощными оперативными резервами и имела возможность почти без пауз наносить новые и новые удары на всем протяжении советско-германского фронта.

Вечером 25 июля Гитлер получил свежие новости из Рима: в результате переворота был свергнут фашистский режим, армия и карабинеры заняли все ключевые пункты в столице. Муссолини арестовали прямо на ступеньках королевского дворца и вывезли в неизвестном направлении. Новое правительство маршала Бадольо формально заверило Германию в своей готовности продолжать совместную борьбу, но фюрер не поверил ни на грош и был совершенно прав. Итальянские эмиссары вели тайные переговоры с противником о заключении мира, военные стягивали дивизии к столице для защиты от немцев. Для удержания Балкан, островов Эгейского моря, Южной Франции, наконец, оккупации самой Италии требовались надежные немецкие дивизии. Взять их Гитлер, израсходовавший все резервы в «могучем ударе», мог только на Восточном фронте.

На совещании, состоявшемся 26 июля, он объявил фельдмаршалу фон Клюге о своем решении как можно быстрее очистить Орловский выступ с целью сокращения линии фронта. Отвод было приказано осуществить на рубеж, пролежавший восточнее Брянска, так называемую «линию Хагена». На проведение операции Клюге запросил три-четыре недели: требовалось вывезти тыловые учреждения, склады, госпитали, массу техники, угнать скот, выгрести или уничтожить урожай, разрушить коммуникации и оставить после себя «выжженную землю». На первом этапе предполагалось немедленно эвакуировать Болхов, а на правом фланге в шестидневный срок отвести войска 9-й армии за Оку. Первооче-

редной задачей 4-й танковой армии оставалось удержание в своих руках железной дороги Орел — Брянск.

Вечером того же дня немецкие войска начали отход из Болхова. Город был освобожден частями Красной Армии 29 июля.

С 30 июля правофланговые части Западного фронта — 11-я общевойсковая, 11-я гвардейская, 4-я танковая армии, 2-й гвардейский кавалерийский корпус — были переданы в состав Брянского фронта.

Использование переданной Брянскому фронту 3-й гвардейской танковой армии тоже изобиловало не самыми лучшими решениями. Заново сформированная армия имела в своем составе около 37 тысяч человек, 699 танков (в том числе 475 «тридцатьчетверок»), 32 самоходные установки, более 700 орудий и минометов. Первоначально генералу Рыбалко была поставлена задача после прорыва 3-й и 63-й армиями обороны противника по западному берегу реки Олешня решительно развивать наступление в обход Орла с севера и запада и перерезать железную дорогу и шоссе Орел — Мценск. Удар следовало нанести с рубежа Арсеньев — Александровка. Для обеспечения ввода армии в прорыв решено было привлечь 15-ю и 20-ю артиллерийские дивизии. За сутки до назначенного срока распоряжением командующего фронтом задача была изменена. Теперь танковая армия должна была наступать на Становой Колодезь, имея ближайшей задачей перехватить железную дорогу Орел — Курск, и далее на Кромы, в тыл немецким войскам, сдерживающим Рокоссовского. То есть Орел предстояло обойти с юга. За первый день операции планировалось пройти до 50 километров. В полосе предстоящего наступления добротнo окопались, прикрывшись минными полями, немецкие 36-я моторизованная, 8-я танковая и 262-я пехотная дивизии.

В 8 часов утра 19 июля войска 3-й и 63-й армий перешли в наступление. Вместо солидной артподготовки пехоту подбодрили десятиминутным огневым налетом, что дало соответствующий результат. За два часа боя войска смогли про-

двинуться лишь на глубину 1,5—2 километра. Почти сразу пришлось использовать проверенное средство — танковый таран. В бой пошли следовавшие в первом эшелоне 12-й и 15-й танковые корпуса. Практически самостоятельно они прорвали оборону противника на реке Олешня и проложили путь пехоте. В течение всего дня войска армии подвергались контратакам, массированным огневым ударам и налетам авиации противника. К исходу дня удалось продвинуться на 8—10 километров. Потери соответствовали использованной «методике»: в 15-м танковом корпусе, рванувшемся с утра на юго-восток, осталось на ходу 32 «тридцатьчетверки» из 129 и 42 танка Т-70 из 68.

В ночь на 20 июля штаб Брянского фронта получил директиву Ставки, потребовавшей в первую очередь перерезать дорогу Мценск — Орел и совместно с армией Горбатова уничтожить мценскую группировку противника, которая по-прежнему «сидела» на своих позициях и «осложняла взаимодействие». Соответственно генерал Попов отдал приказ о повороте 3-й гвардейской танковой армии на 180 градусов, на северо-запад. Командарм отдал войскам команду «Кругом!», на острие танкового клина оказался 2-й механизированный корпус (164 танка). В течение 20 июля армия, наступая в северо-западном направлении, преодолевая ожесточенное сопротивление, пробивалась к вышеуказанному шоссе. В полдень немцы начали отвод войск из Мценска. К вечеру части бригады 2-го мехкорпуса оседлали шоссе Мценск — Орел, а к рассвету передовой отряд 52-й мотострелковой бригады форсировал Оку в районе Новой Слободки. В ночь на 21 июля штаб Брянского фронта поставил перед Рыбалко новую, вернее, прежнюю задачу: «сделать резкий разворот в юго-западном направлении» и наступать на Становой Колодезь и далее «иметь в виду» Кромы. Командарм снова дал команду «Кругом!». На этот раз в наступление в указанном направлении двинулись 12-й танковый корпус генерала М.И. Зиньковича и 91-я отдельная танковая бригада полковника И.И. Якубовского. К вечеру 21 июля они вышли к реке Оптушка и вступили в бои за овладение переправами. Два других корпуса осуществляли перегруппировку, отбивали контратаки противника и ждали, когда под-

тянутся стрелковые части 3-й армии, чтобы принять занятые танкистами рубежи. Лишь 23 июля оборонительная позиция немцев на реке Оптушка была окончательно прорвана, танки продвинулись еще на 12—14 километров и уперлись в новый оборонительный рубеж, оборудованный и укрепляемый немцами по западному берегу реки Оптуха. Малоуспешные бои за этот рубеж совместно с дивизиями генерала Колпакчи армия вела 25 и 26 июля. В этот период приказом наркома обороны 12-й, 15-й танковые, 2-й механизированный корпуса были преобразованы соответственно в 6-й и 7-й гвардейские танковые и 7-й гвардейский механизированный.

Поздним вечером 26 июля последовала директива Ставки о передаче 3-й гвардейской танковой армии в состав Центрального фронта. Войска Горбатова и Колпакчи, оставшиеся без «тарана», прекратили наступление и закрепились на достигнутом рубеже.

Наступление войск правого крыла Центрального фронта проходило мучительно медленно. «Нам буквально приходилось прогрызать одну позицию за другой, — вспоминает К.К. Рокоссовский. — Противник применял подвижную оборону: пока одни его части оборонялись, другие занимали рубеж в 5—8 километрах. Враг то и дело бросал в контратаки танковые войска, а их у него оставалось еще достаточно. Широко применял он маневр силами и средствами по внутренним линиям своей обороны». Константину Константиновичу вообще не нравилась вся операция в целом, не было в ней «выдумки»: «Таким образом, весь замысел сводился к раздроблению орловской группировки на части, но рассредоточивал и наши войска. Мне кажется, что было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск (один с севера, второй с юга). Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой... Происходило выталкивание противника из Орловского выступа, а не его разгром. Становилось досад-

но, что со стороны Ставки были проявлены торопливость и осторожность. Все говорило против них. Действовать необходимо было продуманнее и решительнее, т.е., повторяю, нанести два удара под основание Орловского выступа. Для этого требовалось только начать операцию несколько позже».

По оценке А. Кларка: «Этот план был типичен для всех крупных операций русских на Востоке (кроме одного блестящего исключения — Сталинграда); он был лишен изобретательности и диктовался исключительно количественной мощью сил и ограниченными способностями подчиненных командиров. Разбив немцев в лобовом столкновении техники под Курском, русские планировали три отдельных второстепенных наступления, целью которых было удержать рассеянными немецкие резервы, кроме обычной неясно определенной цели, даваемой «на всякий случай», захватить любой участок при выявлении слабого места».

С некоторых пор, учитывая высокую алертность немецкой военной машины, ее способность к быстрым и точным контрманеврам, Ставка и Сталин опасались планировать глубокие прорывы и обходные маневры. Предпочтение было отдано сокрушающим лобовым ударам: собрать «кулак» побольше — и чтоб вдребезги, еще лучше — несколько «рассекающих» ударов. Правда, пока и за счет колоссального преимущества в артиллерии этот прием получался только в положении «на месте», когда тысячами стволов оборона противника перепахивалась и просеивалась на глубину до шести километров, после чего пехота шла в атаку в полный рост, собирая впавших в невменяемость пленных и трофеи. Как только войска двигались вперед, управление ими нарушалось, артиллерия и тылы отставали, наступление затухало. Если пушкарям удавалось догнать ушедшие вперед дивизии, выяснялось, что у них нет снарядов. Такую ситуацию описывает Н.Н. Воронов, курировавший Брянский фронт:

«С недоумением я заметил, что на огневых позициях нашей артиллерии, перемещавшейся перекатами за наступающей пехотой и танками, лежит значительное количество боеприпасов, оставленных без охраны и транспортных средств. Намеренно объехал весь район бывших артиллерийских по-

зиций. Повсюду была такая же картина. Когда я поздно вечером вернулся на командный пункт, на меня стремительно налетел член Военного совета фронта Л.З. Мехлис. Он возбужденно говорил о недостатке боеприпасов, что артиллерия осталась без снарядов. Я предложил навести порядок с доставкой боеприпасов, оставленных на старых огневых позициях».

Маршал Жуков, «анализируя причины медленного развития событий», пришел к выводу: «...основная ошибка крылась в том, что Ставка несколько поторопилась с переходом к контрнаступательным действиям и не создала более сильную группировку в составе левого крыла Западного фронта, которую в ходе сражения нужно было срочно подкрепить. Войскам Брянского фронта пришлось преодолевать глубокоэшелонированную оборону лобовым ударом.

Думаю, было бы лучше, если бы армия П.С. Рыбалко вводилась в сражение не на Брянском фронте, а вместе с армией И.Х. Баграмяна. С вводом в сражение 11-й армии генерала И.И. Федюнинского, а также 4-й танковой армии генерала В.М. Баданова Ставка несколько запоздала.

К сожалению, этого не было сделано. Помешала торопливость. Тогда все мы считали, что надо скорее бить противника, пока он еще не осел крепко в обороне. Но это было ошибочное рассуждение и решение. Все это, вместе взятое, явилось следствием недооценки оборонительных возможностей противника *(потому и резервы «запоздали», что их собирались использовать для «овладения Белоруссией», а Орел должны были взять на четвертый день и без их участия. — В.Б.)*.

Когда мы с А.И. Антоновым и А.М. Василевским докладывали Верховному о возможности окружить в районе Орла группировку противника, для чего надо было значительно усилить левое крыло Западного фронта, И.В. Сталин сказал:

— Наша задача скорее изгнать немцев с нашей территории, а окружать их мы будем потом, когда они станут послабее...»

Верховный хотел видеть зримый результат, который можно предъявить советскому народу и всему миру, — освобожденные территории. К способностям «полководцев сталинской школы» он относился скептически, так же как к донесе-

ниями о тысячах сожженных немецких танков и миллионах перебитых «фашистов». Характерна директива, переданная примерно в это же время генералу Ватутину, с требованием «не увлекаться охватами». Сталин предпочитал задачи ставить простые, понятные и доступные по исполнению. Правда, требовавшие колоссальных расходов живой силы и материальных средств.

27 июля в состав Центрального фронта вошла танковая армия Рыбалко. Генерал Рокоссовский приказал командарму сосредоточить свои корпуса в районе Аленовка — Куракино, в полосе 48-й армии, с тем чтобы с утра 28 июля перейти в наступление в северо-западном направлении, продвигаться на 40 километров, с ходу форсировать Оку и вечером доложить об исполнении. К этому моменту 3-я танковая потеряла 324 танка и 8823 человека. В строю оставались 243 танка Т-34, 114 танков Т-70, 27 самоходок СУ-122, 448 орудий и минометов. Далее история повторилась. Генерал Романенко не смог обеспечить прорыв подготовленной обороны 383-й и 292-й пехотных дивизий на реке Малая Рыбница и поддержать наступление танковых соединений. В ходе трехдневных боев удалось захватить три села на левом берегу реки, потеряв при этом 169 танков. После чего командующий фронтом, «в связи с неуспешными наступательными действиями 3-й гвардейской танковой армии», решил вывести ее из боя.

31 июля генерал Модель начал поэтапный отвод 9-й и 2-й танковой армий из Орловского выступа. Первым отступление противника обнаружил генерал Горбатов, имевший плацдарм на западном берегу Оки. 1 августа он бросил в преследование основные силы 3-й армии (186, 235, 269, 283, 308, 342, 380-я стрелковые дивизии). К полудню следующего дня, продвинувшись на 12—14 километров на юг и юго-запад, дивизии были остановлены противником севернее Орла на рубеже реки Немолодь. С востока, вдоль железной дороги на город наступала 380-я стрелковая дивизия. С юга приближалась 63-я армия (5, 41, 129, 250, 287, 348, 397-я стрелковые дивизии). К исходу 3 августа Орел был ох-

вачен полукольцом войск левого крыла Брянского фронта. Немцы в это время, прикрывшись арьергардами, покидали город. Саперы взрывали здания и промышленные предприятия, производили минирование и помогали советским партизанам добиться исключительно высоких показателей в проведении «рельсовой кампании»:

«Другое запомнившееся впечатление об Орле — это состояние железной дороги. Я никогда не видел картины столь полного разрушения... Здесь, в районе Орла, немцы использовали специальную машину, которая, продвигаясь, уничтожала и рельсы и шпалы. Чтобы восстановить железные дороги в этих недавно освобожденных районах, необходимо было фактически строить их заново».

В ночь на 4 августа 5, 12-я и 380-я стрелковые дивизии ворвались в восточную часть Орла, в течение дня очистили ее от противника, вышли к Оке и приступили к форсированию. 5 августа в городе подняли красные флаги.

6 августа Ставка поставила Брянскому фронту задачу сосредоточить усилия на овладении Хотынцем и Карачевом — «разгромленный» противник продолжал цепко удерживать коммуникации.

Соединениям правого крыла Центрального фронта должны были нанести удар в общем направлении на Шаблыкино, обойти Орел с запада и отрезать противнику пути отхода. Предыдущие трое суток танковые армии взламывали оборону противника на реке Крома, бороздя заливные луга и оперируя на фактически танконедоступной местности. Стремительно преследовать, как велел командующий фронтом, не получалось, танковые корпуса вновь использовались для прорывов, а не для развития успеха. Рокоссовский не скрывал своего раздражения и обвинял танкистов в медлительности и нерешительности. 6 августа он издал приказ, в котором, в частности, говорилось:

«Противник отходит в западном направлении и, цепляясь за случайные, неподготовленные рубежи, стремится задержать наступление наших войск и этим обеспечить планомерный отход орловской группировки.

3-я гв. ТА и 2-я ТА, вопреки благоприятно сложившейся для нас обстановке и вопреки моему приказу, в течение трех суток

топтались на месте и своих задач не выполнили. Это явилось следствием того, что командиры танковых частей и соединений проявляют нерешительность, не умеют заставить своих подчиненных выполнить задачи и исключительно плохо управляют боем своих частей, соединений и армий...

Командующим 3-й гв. ТА и 2-й ТА категорически потребовать от всего офицерского состава точного и безусловного выполнения задач... Командиров частей и соединений, не выполняющих задач, привлекать к суровой ответственности вплоть до предания суду военного трибунала».

3-я гвардейская армия в полосе 13-й армии в очередной раз была брошена на неподавленную оборону противника, насыщенную противотанковой артиллерией, усиленную остатками 12-й и 14-й танковых дивизий, и упорно продвигалась от деревни к деревне, от высотки к высотке, неся огромные потери. Трое суток гвардейские корпуса бились за Ивановский, Мелихово и Сосково под аплодисменты соединений Пухова. Так, при штурме Мелихова: «Была подана заявка командиру 19-го артполка 13-й армии, поддерживающего наступление танков в этом направлении, на подавление противника в этих районах. После длительных переговоров последний выпустил всего 20 снарядов и считал свою задачу выполненной». В боях за Сосково 6-й гвардейский танковый корпус в один день потерял 60 танков, артполки 13-й армии оказывали минимальное содействие, ссылаясь на отсутствие боеприпасов. В районе Ивановского 7-й гвардейский танковый корпус, наступая по минным полям, потерял почти все машины.

10 августа армия была выведена из боя для перегруппировки и новой атаки, но 2 дня спустя Ставка забрала ее в резерв. Маршал Рокоссовский лукавит, когда вспоминает о Рыбалко и действиях его армии: «Командиром он был хорошим, боевым и решительным. Но ни он, ни его подчиненные еще не успели оправиться после трудных боев на Брянском фронте. Именно поэтому, несмотря на все усилия, танкистам не удалось преодолеть сопротивление противника. Чтобы избежать неоправданных потерь, я обратился в Ставку с просьбой вывести танковую армию Рыбалко в резерв».

В состав Центрального фронта 3-я гвардейская танковая армия вошла, имея в строю 384 танка и САУ, затем получила пополнение и еще 102 «тридцатьчетверки». Так что, после генерала Попова, «вторую половину» армии «добил» Рокоссовский. Настолько успешно, что даже в Генштабе возмутились и издали директиву специально для командующего Центральным фронтом: «О недостатках в использовании 3-й гвардейской танковой армии в наступлении»:

«По данным Генштаба, танковая группа 3-й гв. ТА в количестве 110 танков 10.8. в боях за выс. 264.6 потеряла 100 танков, т.е. по существу была уничтожена пр-ком.

Этот из ряда вон выходящий случай произошел в условиях общего отхода противника и отсутствия у него заранее подготовленной обороны. При этом наша танковая группа была уничтожена противником, проникнув всего на 2—3 км в его глубину, т.е. ей могла бы быть оказана всяческая помощь.

Гибель такого большого количества наших танков в течение нескольких часов свидетельствует не только о полном отсутствии взаимодействия между 3-й гв. ТА и 13-й А, но и о бездействии указанных командармов, бросивших танки на произвол судьбы без всякой поддержки».

Среднестатистически в Орловской операции сгорало 68 танков ежедневно, и это никого не беспокоило. Однако сотню танков, погибшую за один день у безымянной высоты, в Москве сочли «перебором». Может быть, дело все-таки в излишней «решительности» Рокоссовского, не подкрепленной необходимыми организационными мероприятиями? Возможно, и его поразила зараза «ненужной поспешности»?

Провоевав 23 дня, армия генерала Рыбалко потеряла убитыми и ранеными 16 552 человека (7729 — в составе Центрального фронта, из них 3534 человека составили потери «нерешительного» командно-начальствующего состава). За этот период вышло из строя около 1500 боевых машин, безвозвратно было утрачено 350 танков и 5 самоходно-артиллерийских установок. Армии, которой неоднократно меняли задачи, разворачивая ее в разные стороны, будто какой-нибудь велосипед, «намотавшей на спидометре» 500 километров и по результатам сложения векторов продвинувшейся на

95 километров, ни разу так и не удалось прорваться в глубину расположения противника и выйти на его коммуникации.

Более 300 танков потеряла 2-я танковая армия, имевшая к концу Орловской операции 36 машин.

Таким оказался «первый опыт применения танковых армий новой организации в наступлении».

«Все три танковые армии в Орловской операции вводились не для развития успеха, а фактически для прорыва подготовленной обороны... Опыт данной операции показал, что без надежного огневого поражения противника такое использование танковых армий приводило к большим потерям, в связи с чем войска фронта лишались мощного средства развития успеха». Танкисты сделали собственные выводы: «...боевой порядок армии следует строить в расчете на самостоятельный прорыв, а в лучшем случае на завершение прорыва».

9 августа 11-я гвардейская и 4-я танковая армии развернули бои на подступах к Хотынцу. К концу дня они охватили город с трех сторон и перерезали дороги, связывающие Хотынец с Брянском. Утром 10 августа город был освобожден. 65-я армия Центрального фронта 12 августа освободила Дмитровск-Орловский. 15 августа под натиском 11-й армии немцы оставили Карачев.

К 18 августа советские войска подошли к заранее подготовленному противником рубежу обороны «Хаген». Отходившие немецкие соединения, сократив линию фронта, уплотнили свои боевые порядки и оказывали сильное сопротивление.

Положение группировки противника западнее Орла крайне осложнилось после того, как перешли в наступление войска Западного, а затем Калининского фронтов. Теперь над орловской группировкой нависла еще угроза с севера. Командованию Вермахта пришлось снять 13 дивизий с брянского направления и перебросить их на смоленско-рославльское.

За 37 дней напряженных боев с участием трех танковых армий советские войска продвинулись менее чем на 150 км, в среднем по 4 км в сутки. Несмотря на ввод колоссальных ре-

зервов, противнику удалось уйти из мешка и занять ранее подготовленные оборонительные позиции».

Фронтальный способ ведения операции сказался на размерах потерь.

С 12 июля по 17 августа потери советских войск составили 430 тысяч убитыми и ранеными — против 89 тысяч у противника, 2586 танков и САУ — вот где было настоящее танковое побоище, 1014 самолетов.

«ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ»

Вслед за отражением наступления Манштейна на южном фланге Курской дуги логично должен был последовать ответный «сокрушительный удар» Красной Армии с целью разгрома в самый короткий срок белгородско-харьковской группировки противника. «Вопрос о том, как добиться этой цели, волновал весь Генеральный штаб», — вспоминает генерал армии Штеменко.

Варианты имелись разные, но принципиальных подходов было всего два. Штаб Воронежского фронта предложил классический план операции на окружение противника двумя встречными ударами под основание Харьковского выступа, предусматривавший сосредоточение мощных группировок в районах Краснополя и Чугуева.

Однако к концу июля основные силы Воронежского и Степного фронтов «естественным» ходом событий были стянуты в район Белгорода. Для реализации плана в духе Сталинграда требовалась значительная перегруппировка сил, а значит, время. Сталин, поверивший, что под Курском немецкие войска если не разгромлены, то, по меньшей мере, понесли потери, сравнимые с потерями советских войск, требовал как можно скорее перейти к наступательным действиям, чтобы не дать противнику оправиться от поражения, подтянуть резервы и прочно осесть на оборонительных рубежах. Поэтому и при подготовке операции «Полководец Румянцев» предпочтение было отдано «торопливому варианту». И здесь войска двух фронтов должны были наносить «рассекающие удары» из положения, которое сложилось в

ходе оборонительных боев. Противника мыслилось не окружать, а дробить его фронт на изолированные части, бить и гнать, не задерживаясь, за Днепр.

Как поясняет генерал армии Штеменко: «Опыт показал, что, по соображениям времени, сложности маневра и другим условиям, далеко не каждую группировку противника выгодно окружать. За окружение немецко-фашистских войск, оборонявшихся в районе Белгорода и Харькова, первым, пожалуй, высказался командующий Воронежским фронтом. Сторонники такой же точки зрения нашлись, конечно, и в Генеральном штабе. Но в целом Генштаб придерживался иного взгляда. Доводов против окружения в данном случае было много. Прежде всего, следовало считаться с силами противника: они были очень велики... Основные неприятельские силы располагались севернее Харькова и в случае необходимости могли опереться на этот обширный город как своеобразную крепость. Короче говоря, окружение и последующая ликвидация белгородско-харьковской группировки немцев надолго приковали бы к себе большое количество наших войск, отвлекли их от наступления на Днепр и тем самым облегчили бы неприятелю возможность создания новой сильной обороны по правому берегу Днепра... Времени же нельзя было терять ни минуты, пока враг не привел себя в порядок, пока у него не прошло состояние шока после провала «Цитадели»...

Целью действий являлся разгром противника в районе Белгорода и Харькова, после чего перед советскими войсками открывался путь к Днепру, появлялась возможность захватить там переправы и воспрепятствовать отходу противника из Донбасса на запад. В совокупности все это сулило нам большие оперативные выгоды».

Генералу Москаленко также казалась заманчивой мысль основной удар Воронежского фронта нанести в полосе правого фланговой 40-й армии в общем направлении на Ахтырку, Полтаву:

«По моему мнению, это позволило бы нам охватить с запада всю белгородско-харьковскую группировку противника и во взаимодействии с войсками Степного и Юго-Западного фронтов окружить и уничтожить ее, т.е. повторить Сталин-

град в еще более крупном масштабе... Однако предложение перенести несколько западнее направление главного удара не было принято. Внимательно выслушав меня, Г.К. Жуков ответил так:

— Сейчас у фронта не хватит сил для предлагаемого вами глубокого охвата и окружения противника. Поэтому Верховный Главнокомандующий приказал бить врага по голове, т.е. по его главным силам. А где они? Как известно, под Белгородом. Там и ударим».

Согласно утверждённому плану главный «расчленяющий» удар «по голове» было решено нанести смежными флангами Воронежского и Степного фронтов — 6-я и 5-я гвардейские, 1-я танковая, 5-я гвардейская танковая, 53-я общевойсковая армии — из района Яковлево — Гостищево в общем направлении на Золочев, Богодухов — в обход Харькова с запада. Остальные армии должны были «сматывать» немецкую оборону в западном и южном направлениях соответственно. Так, 40-я и 27-я армии Воронежского фронта нацеливались на Ахтырку и Боромлю с задачей обеспечить главные силы с запада и не допустить к Харькову немецкие резервы. Перед частями 69-й и 7-й гвардейской армий на первом этапе стояла задача окружения и ликвидации немецкой группировки в районе Белгорода. 57-я армия Юго-Западного фронта наступала юго-восточнее Харькова, отрезая противнику пути отхода на юг.

К началу наступления в составе Воронежского (4, 5, 6-я гвардейские, 27, 38, 40, 47-я общевойсковые, 5-я гвардейская и 1-я танковые, 2-я воздушная армии) и Степного (7-я гвардейская, 53, 69-я общевойсковые, 5-я воздушная армии) фронтов насчитывалось 50 стрелковых дивизий, 11 танковых и механизированных корпусов, 5 отдельных танковых бригад — 1,14 миллиона человек, свыше 13 тысяч орудий и минометов, почти 900 установок реактивной артиллерии, 2400 танков и самоходок, 1311 самолетов.

Окончательный вариант плана был утвержден 22 июля 1943 года. На подготовку операции отводилось десять дней. Преследуя войска группы армий «Юг», войска Воронежского фронта окончательно выдохлись, и Жукову с Василевским стоило большого труда убедить Сталина не слишком спе-

шить и начать операцию «Румянцев» только тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена.

Фронты приводили себя в порядок, получали технику и маршевые пополнения, накапливали запасы.

В состав Воронежского фронта с Брянского были перегруппированы 13, 16-я и 17-я артиллерийские дивизии прорыва и 3-я гвардейская минометная дивизия. На правом крыле, с целью ввести противника в заблуждение, штаб 38-й армии с 26 июля имитировал сосредоточение крупной группировки советских войск: здесь курсировали порожние поезда, было изготовлено около тысячи макетов танков (восемь «тридцатьчетверок» шумели по ночам и «следили» на дорогах) и артиллерийских орудий, развернуты ложная радиосеть, командные пункты и аэродром, проводились рекогносцировки и готовились квартиры для крупных штабов.

Позади 40-й армии заканчивала сосредоточение 27-я армия (147, 241, 163, 166, 155, 71-я стрелковые, 17-я артиллерийская, 23-я зенитная дивизии, 4-й гвардейский и 10-й танковые корпуса) генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко, ранее «охранявшая» Курск.

В полосе главного удара плотность артиллерийского насыщения была доведена до 230 стволов на километр фронта. Советские войска здесь превосходили противника в живой силе в 10 (Воронежский фронт) — 18 (Степной фронт) раз, в артиллерии — в 6—10 раз, по танкам — в 7 раз.

1 августа командующие поставили конкретные задачи армиям.

Советским войскам противостояли знакомые противники — 2-я полевая, 4-я танковая армии и оперативная группа «Кемпф», насчитывавшая 18 дивизий, в том числе 4 танковые — до 300 тысяч человек, около 3000 орудий и минометов, до 600 исправных танков и штурмовых орудий. Вражеская группировка, оборонявшаяся на этом направлении, действительно была ослаблена, так как командование Вермахта было вынуждено изъять из ее состава наиболее боеспособные подвижные соединения. «Штопать дыры» на других участках фронта убыли три дивизии 2-го танкового корпуса СС, мотодивизия «Великая Германия» вместе с 51-м «пантерным» батальоном, 3-я танковая дивизия.

Перед Воронежским фронтом оборонялись 75, 68, 323, 57, 255, 332-я пехотные дивизии. В оперативном резерве находились 7, 11, 19-я танковые дивизии.

Перед Степным фронтом окопались 167, 168, 198, 106, 320, 282, 39, 161-я пехотные дивизии. В районе Редиловки располагалась 6-я танковая дивизия. Половина из них в составе 11-го армейского корпуса (корпус «Раус») принимала участие в операции «Цитадель» и понесла в июле большие потери. Численность личного состава сократилась до 40—50% от штатной.

Немецкие войска опирались на хорошо развитую, эшелонированную, заблаговременно подготовленную оборону, со всеми положенными «по штату» инженерными сооружениями и препятствиями. Ее тактическая зона, состоявшая из двух полос, достигала глубины 15—18 километров. В оперативной зоне были подготовлены промежуточные оборонительные рубежи, а населенные пункты превращены в мощные узлы сопротивления с круговой обороной. Особенно сильно были укреплены Харьков, Белгород, Сумы, Ахтырка, Лебедин, Богодухов, Чугуев. На подступах к Харькову было оборудовано пять последовательно оборудованных полос. Помимо этого, город опоясывали два кольцевых обвода, а сам он был подготовлен к ведению уличных боев. Всего на белгородско-харьковском направлении имелось семь оборонительных рубежей, достигавших глубины до 90 километров, ряд отсечных позиций и многочисленные водные преграды.

Неизменно во всех советских исследованиях сообщается, что в ходе сражения противник «подбросил на этот участок фронта еще 5 танковых, одну моторизованную и 4 пехотные дивизии». Неизменно не упоминается, что Ставка, в свою очередь, подбросила три общевойсковые армии (19 дивизий), танковый и механизированный корпуса.

Для Манштейна опять наступали интересные времена. Правое крыло группы армий «Юг» императивом фюрера было приковано к Донбассу, «удержание которого с оперативной точки зрения было ошибкой», левое — следовало удерживать любой ценой ради избежания полного разгрома. При этом у Манштейна забирали лучшие дивизии, в то время как

17-я армия сидела на абсолютно бесперспективном Кубанском плацдарме, а силы русских восстанавливались с удивительной быстротой и их намерения были очевидны. Надежды на ослабление Красной Армии после, прямо скажем, сильного кровопускания не оправдались: «Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также в развертывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы выростали две новые».

Манштейн, даже по признанию гордеца Г.К. Жукова, был «одним из способнейших и волевых полководцев немецко-фашистских войск», но все же — не Геракл.

Контрнаступление на белгородско-харьковском направлении началось 3 августа в 8 часов утра после мощной трехчасовой артиллерийской и авиационной подготовки. Как сообщает маршал Конев: «Это создает такой удар, что, по свидетельству пленных, немало уцелевших немецких солдат лишились рассудка». В боевом донесении командующего Степным фронтом отмечалось: «Противник оставил на поле боя большое количество трупов...»

Советская пехота и танки прорыва, следуя за огневым валом, ворвались в первые траншеи. На участке прорыва Воронежского фронта 5-я гвардейская армия (66, 97, 13, 6, 95, 9, 42-я гвардейские стрелковые, 13-я артиллерийская, 8-я гвардейская минометная, 29-я зенитно-артиллерийская дивизии) к 13 часам на шестикилометровом участке продвинулась на глубину 3—5 километров. Темп наступления стрелковых соединений, достигших третьей позиции, замедлился, и Ватутин немедленно ввел в сражение подвижную группу — 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии (более 1000 танков), передовые бригады которых завершили прорыв тактической зоны обороны и начали развивать успех в оперативной глубине. Справа успешно продвигалась 6-я гвардейская армия (67, 71, 90, 51, 52-я гвардейские, 309-я стрелковая, 9-я зенитная дивизии, 5-й гвардейский Сталинградский танковый корпус). Слева преодолевала главную оборонительную по-

лосу 53-я армия (28-я гвардейская, 252, 116, 233, 299, 214, 84-я стрелковые дивизии) и 48-й стрелковый корпус 69-й армии; для них оборону прорывал 1-й механизированный корпус.

«В памяти моей запечатлелось грандиозное движение советских танков, вошедших в прорыв, — пишет Катукон. — Мы шли по правой стороне пятикилометрового коридора двумя корпусными колоннами. Слева таким же порядком двигалась 5-я гвардейская армия. Нас прикрывала с воздуха эскадрилья «яков». Между колоннами сохранялась зрительная связь. За всю войну еще никто из нас не видел такого скопления советских танков на столь узком участке фронта».

Бронированный таран проломил оборону 332, 57-й и 167-й пехотных дивизий на стыке 4-й танковой армии и группы «Кемпф». К исходу дня армия Катукон, углубившись на 12 километров, перерезала шоссе на дороге Томаровка — Белгород, а 5-я гвардейская танковая армия продвинулась на 26 километров и вышла к Бессоновке; 1-й мехкорпус прорвался на 15 километров. Стрелковые дивизии прошагали за танками 8—12 километров. Немецкое командование ввело в бой основную часть своих оперативных резервов.

4 августа ожесточенные бои продолжались по всей полосе наступления. Главные группировки, обтекая Томаровский и Белгородский узлы сопротивления, развивали удар в южном и юго-западном направлениях и за день прошли до 20 километров, точнее прошла армия Катукон, а чуть левее армию Ротмистрова «затормозила» 6-я танковая дивизия, имевшая в строю около 40 танков. Войска 53-й и 69-й армий прорвали второй и третий оборонительные рубежи, прикрывавшие Белгород с севера. 7-я гвардейская армия (15, 73, 78, 81, 72, 36-я гвардейские, 111, 213-я стрелковые дивизии) Шумилова ликвидировала Михайловский плацдарм на восточном берегу Северского Донца и форсировала реку сразу на нескольких участках. Тем не менее Ватутин ожидал большего. Темп наступления выбивался из графика. Огромная масса советских танков была неуправляема, примитивно пыталась давить опорные пункты лобовыми атаками и несла большие потери, в полном соответствии с военной наукой:

«Ранний ввод танковых армий в сражение приводил иногда к потере до 30—40% танков только за время тактического прорыва, что снижало их боевые возможности при его развитии в оперативный и выполнении основных задач операции».

По итогам дня командующий Воронежским фронтом издал приказ, в котором отмечал все те же, ставшие хроническими «крупные недочеты и ошибки»:

1. Недопустим большой отрыв штабов 5-й гв. ТА от ее войск и штаба 1-й ТА, что приводило к незнанию командирами и штабами обстановки.

2. В 6-й гв. армии преобладали лобовые атаки и крайне мало применялся маневр для выхода в тыл противнику для его окружения и уничтожения. Этот крупный недочет допускался не только командирами стрелковых соединений, но даже командирами 5-го гв. ТК и 6-го ТК, которые настойчиво стремились атаковать Томаровку в лоб, вместо того чтобы смело обойти узел обороны противника в Томаровке.

3. Отсутствовала настойчивость и стремительность наступления и движения вперед под различными, совершенно необоснованными предложениями... Особенно это относится к 5-й гв. ТА, командование которой и командование корпусов этих армий совершенно не выполнили поставленной им задачи и ложно доносили о занятии ими пунктов Орловка и Бессоновка, которые к исходу дня удерживал противник».

Ватутин потребовал от танковых командармов «прекратить топтание на месте, наладить управление войсками, приблизить к войскам штабы корпусов и, перейдя в решительное наступление, во что бы то ни стало выполнить боевую задачу». 5-й гвардейский танковый корпус генерала А.Г. Кравченко по указанию Жукова был подчинен Катукову.

Маништейн начал переброску из Донбасса к Харькову 3-го танкового корпуса и 2-го корпуса СС, с намерением организовать удары по флангам советского клина.

С утра 5 августа к наступлению присоединились 27-я армия с двумя танковыми корпусами и ударная группировка 40-й армии (237, 206, 100-я стрелковые дивизии, 2-й танковый корпус) генерал-лейтенанта К.С. Москаленко. Прорвав на 26-километровом участке оборону 57-й пехотной дивизи-

зии, они в течение дня продвинулись на несколько километров. Пехота Чистякова и Жадова с помощью танкистов Катюкова окружили и сутки спустя овладели Томаровкой. Танковые корпуса продвинулись на юго-запад еще на 15 километров.

Соединения 69-й армии (89, 93, 94-я гвардейские, 305, 375, 183, 107-я стрелковые дивизии) устремились к Белгороду и вышли на его северную окраину. 7-я гвардейская армия создала угрозу вражескому гарнизону с востока. Части 1-го механизированного корпуса, наступая западнее города, перерезали железную и шоссеиную дороги Белгород — Харьков. Вокруг города немцами был создан мощный оборонительный обвод с разветвленной сетью долговременных оборонительных сооружений. Кварталы были приспособлены для ведения уличных боев. Приказ фюрера требовал защищать Белгород при любых обстоятельствах. Однако удержать город было уже невозможно. Генерал Раус вспоминает:

«Я решил, несмотря на приказ Гитлера, начать отход к Харькову, ведя сдерживающие бои на промежуточных позициях, а потом постараться удержать этот город. Поэтому 11-й корпус (106, 168, 198, 320-я пехотные дивизии. — В.Б.) развернулся фронтом на север и защитил свой левый фланг от отхода. Правый фланг продолжал опираться на реку Донец... Единственными силами, которые мы имели под рукой, оказались остатки 167-й пехотной дивизии, которая во время прорыва русских была отрезана от 4-й танковой армии (около 500 измученных солдат без артиллерии и тяжелого оружия), и слабая 6-я танковая дивизия. В ней осталось только 10 танков, но солдаты сохранили свой высокий боевой дух. Так как обе дивизии были отрезаны от своего штаба, я немедленно взял их под свое командование и использовал для создания оборонительной линии на реке Лопань (кроме того, по восточному берегу реки были развернуты тыловые части и батареи 88-мм зенитных пушек. — В.Б.). Ночью 5/6 августа я отдал приказ 168-й пехотной дивизии, которая находилась на левом фланге и отбивала атаки с севера на Белгород, повернуть на 180 градусов. Мы оставили город после тяжелых уличных боев и заняли новую оборонительную линию на высотах непосредственно к югу от Белгорода. В результате наши дивизии соединились с частями, прикрывавшими тыл.

Я также усилил 168-ю пехотную дивизию ротой Pz. VI «тигров» и ротой штурмовых орудий StuG III, всего в них насчитывалось 25 боевых машин».

Собственно говоря, здесь перечислены все немецкие силы, противостоявшие между реками Лопань и Северский Донец войскам 53, 69-й и 7-й гвардейской армий Степного фронта, в состав которых входили 22 стрелковые дивизии, механизированный корпус, 3 отдельные танковые бригады, 5 отдельных танковых полков прорыва, 46 артиллерийских и 8 минометных полков, не считая реактивной артиллерии.

К вечеру 5 августа советские войска очистили город от немецких войск.

«Крепко фашистам дали, раз они Белгород сдали».

По случаю освобождения Белгорода и Орла в столице впервые прогремел победный артиллерийский салют. С этого времени московские салюты стали традицией. А вот парады на Красной площади, после великолепной пропагандистской акции 7 ноября 1941 года, товарищ Сталин до конца войны не практиковал.

Общая ширина фронта прорыва достигла 90 километров, подвижные соединения Воронежского фронта на направлении главного удара вклинились в глубину вражеской обороны до 40 километров. Немецкое командование приступило к обратной передислокации из-под Орла дивизии «Великая Германия». Передовые части танковых дивизий СС «Дас Рейх» и «Мертвая голова» прибыли в район Харькова.

Упорные бои разгорелись на флангах прорыва. Противник сосредоточил усилия против 40-й и 27-й армий, а также против 5-й гвардейской и 5-й гвардейской танковой армий. Однако все попытки остановить наступление советских войск оказались тщетными. 1-я танковая армия и передовые части 6-й гвардейской армии за пять дней продвинулись более чем на 100 километров и к исходу 7 августа овладели важными опорными пунктами — Богодуховом, где размещался штаб 4-й танковой армии, и Борисовкой. Последнюю до конца пытались удержать части 332-й пехотной, 11-й и 19-й танковых дивизий, в бою погиб генерал Густав Шмидт. В Борисовке находились ремонтные мастерские.

После операции «Цитадель» в группе армий «Юг» к нача-

лу августа стояли в ремонте 421 танк и 74 штурмовых орудия. Когда советские войска перешли в наступление, немцам пришлось взорвать или бросить около сотни единиц неисправной бронетехники. Об этом упоминает в мемуарах Манштейн: «Потери наших дивизий достигли очень тревожных размеров... Вследствие быстрого продвижения противника мы потеряли также большое количество танков, находившихся в ремонтных мастерских за линией фронта». В частности, в Борисовке были взорваны 35 «пантер». Маршал Катков рассказывает, что в Томаровке «захватили сорок пять исправных, готовых к бою «тигров». Они, как видно, только-только вышли из ремонта». В типах немецких танков до старости не разобрался ни один из советских полководцев, но что-то, видимо, захватили.

С выходом к Богодухову была перерезана одна из основных коммуникаций харьковской группировки противника — железная дорога Харьков — Сумы.

Соединения 27-й армии в этот же день освободили город Грайворон.

Большим упорством и ожесточенностью отличались бои в полосе наступления «пятых» армий. Но и здесь успех сопутствовал советским войскам. Корпуса Ротмистрова, настойчиво пробиваясь между реками Уда и Лопань, за пять дней прошли до 80 километров и к исходу 7 августа овладели Казачьей Лопанью и Золочевом, прорвав тыловой оборонительный рубеж.

Между 4-й танковой армией и оперативной группой «Кемпф» образовалась 55-километровая брешь.

Битва разделилась на два отдельных сражения.

Войска Воронежского фронта 8—11 августа продолжали наступление, стремясь перерезать основные пути, идущие из Харькова, и расширить прорыв в западном направлении.

Главной целью Степного фронта стало освобождение Харькова и разгром армейской группы «Кемпф». Для решения этой задачи Ставка 8 августа передала генералу Коневу 57-ю армию Юго-Западного фронта, а 9 августа — 5-ю гвардейскую танковую армию.

В штаб группы армий «Юг» 8 августа для выяснения обстановки прибыл генерал Цейтшлер. В беседе Манштейн

снова поднял вопрос о подкреплениях: либо ОКХ подкинёт 20 дивизий, либо необходимо немедленно сдать Донбасс. А пока приходилось обходиться тем, что было в наличии. К 10 августа южнее Богодухова развернулась танковая дивизия СС «Мертвая голова», в район Старый Мерчик прибыли дивизия СС «Дас Рейх» и «Викинг». Причем зафиксированное разведкой передвижение и сосредоточение немецких войск генерал Ватутин принимал за эвакуацию харьковской группировки в Полтаву. Второй ударный кулак Манштейн собирал в районе Ахтырки. В него должны были войти мотодивизия «Великая Германия», 7-я и 9-я танковые, 10-я моторизованная дивизии. Советские войска традиционно наступали «в направлениях», мало что зная о противнике, и потому, как пишет Штеменко: «Командование Воронежского фронта недооценило нависающей угрозы, даже, правильнее сказать, проглядело ее». Неприятель регулярно этим пользовался.

10 августа Ватутин получил указание Сталина: *«Изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных путей сообщений в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую и тем самым ускорить освобождение Харькова. Для этой цели 1-й танковой армии Катукова перерезать основные пути в районе Ковяги — Валки, а 5-й гвардейской танковой армии Ротмистрова, обойдя Харьков с юго-запада, перерезать пути в районе Мерефы».*

Армия Катукова (260 танков в остатке) немедленно повернула строго на юг и с боями форсировала речку Мерчик. Утром 11 августа ее передовые бригады ворвались в Высокополье и на станцию Ковяги, перерезав железную дорогу Харьков — Полтава. На правом крыле Воронежского фронта 40-я армия и 10-й танковый корпус овладели Баромлей и станцией Тростянец. 27-я армия и 4-й танковый корпус достигли Ахтырки. Южнее Белгорода 53, 69-я и 7-я гвардейская армии Степного фронта, преодолевая ожесточенное сопротивление, вплотную подошли к внешнему харьковскому оборонительному обводу, а 57-я армия генерала Н.А. Гагена, форсировав Северский Донец, овладела Чугуевом с востока и вышла на подступы к городу с юго-востока.

Во второй половине дня 11 августа танковые дивизии

СС «Мертвая голова» и «Дас Рейх» нанесли контрудар с востока и запада по соединениям 1-й танковой армии, отрезали 6-ю мотострелковую и 1-ю гвардейскую танковые бригады от главных сил, а затем отбросили советские части от железной дороги к реке Мерчик. Катуков, чтобы восстановить связь с передовыми частями армии, оборонявшимися в районе Высокополье — Ковяги, решил с утра частью сил 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов разгромить обнаглевшего врага, а 31-й танковый корпус должен был надежно прикрыть левый фланг армии на рубеже Александровка — Сухины.

12 августа катуковцы при поддержке 22-го гвардейского корпуса 6-й гвардейской армии перешли в наступление, однако на помощь мотострелкам к станции Высокополье удалось просочиться только 200-й танковой бригаде; 1-я гвардейская танковая бригада вынуждена была оставить Ковяги. В это же время корпус СС тремя дивизиями нанес удар от Старого Мерчика на Богодухов, потеснив соединения 31-го танкового корпуса и 5-й гвардейской армии. К счастью, за боевыми порядками армий Катукова и Жадова еще находилась танковая армия Ротмистрова. Ее 18-й и 29-й танковые корпуса вступили в бой, и совместными усилиями противник был остановлен.

Причем Ротмистров, ввязавшись в драку, оказался в пикантной ситуации: генерал Ватутин, которому командарм официально уже не подчинялся, требовал повернуть вправо и вместе с Катуковым разгромить вклинившегося врага, а Конев приказывал не мешкая заворачивать влево и полным ходом двигаться к Харькову. Только личное вмешательство Жукова, задержавшего 5-ю гвардейскую танковую армию на богодуховском направлении, избавило Павла Алексеевича от шизофрении.

К этому времени советские танковые соединения значительно поистратили свою мощь. В 5-й гвардейской танковой армии, имевшей поначалу 543 бронеединицы, в строю осталось 160 танков и САУ. Относительно 1-й танковой, сообщает Катуков, «пять танковых бригад, оборонявшихся на рубеже Александровка — Сухины — Крысино, имели всего 40 танков, причем половина из них легкие»; в совокупности

в армии находилось 134 боевые машины. Так ведь и эсэсовские дивизии, второй месяц не выходявшие из боев, были далеко не первой свежести и тем не менее умудрились остановить наступление четырех советских армий! Чтобы как-то объяснить этот феномен, наши историки насчитали в них 400 танков.

Южнее Богодухова развернулись исключительно ожесточенные бои. Немцы продолжали упорно продвигаться вперед, отодвигая советские части. Командующий фронтом приказал сосредоточить на богодуховском направлении всю артиллерию усиления, разгромить прорвавшегося противника, во что бы то ни стало удержать «железку» на Полтаву. Однако еще двое суток «1-я танковая армия и правый фланг 5-й гвардейской армии совместно с частями 5-й гвардейской танковой армии отбивали вражеские атаки». Относительного успеха добилась лишь 6-я гвардейская армия, продвинувшаяся к 14 августа на 10—12 километров и достигшая Шелестова. Но уже на следующий день Хауссер, произведя перегруппировку, двумя дивизиями нанес сильный удар в левый фланг войскам Чистякова, вышел им в тыл и заставил поспешно отступить на исходные позиции. 16 августа немецкие войска продолжали атаки в полосе 6-й гвардейской и 1-й танковой армий. Не дождавшись подмоги, остатки 6-й мотострелковой и 200-й танковой бригад оставили Высокополье и прорвались на север.

К 17 августа противник прекратил активные действия на этом направлении, но ему удалось остановить советские армии, отбросить их на 20 километров к северу и сохранить за собой железную дорогу. В одном из последних боев погиб командир 31-го танкового корпуса генерал Д.Х. Черниенко. 27-я армия Трофименко с 4-м и 5-м гвардейским танковыми корпусами была остановлена на рубеже реки Ворскла.

К этому времени Ставка подкрепила Воронежский фронт еще двумя армиями. Слева от войск Москаленко на «линию огня» вышла 47-я армия (23, 218, 337, 29, 30, 38-я стрелковые дивизии) генерал-лейтенанта П.П. Корзуна. Ватутин поставил правофланговым армиям — 38, 40, 47-й — задачу перейти в наступление в западном и юго-западном направлениях, выйти к реке Псел. При этом войска генерала

Корзуна, поворачивая на юг, должны были во взаимодействии с 27-й армией окружить и уничтожить ахтырскую группировку противника. С этой целью 47-й армии придавались 10-й танковый и 3-й гвардейский механизированный корпуса. В районе Ямное — Яблочное, позади войск Трофименко, сосредоточилась 4-я гвардейская армия (5, 7, 8-я гвардейские воздушно-десантные, 68, 69, 80-я гвардейские стрелковые дивизии), которой командовал бывший маршал, разжалованный в генерал-майоры и дослужившийся до генерал-лейтенанта Г.И. Кулик.

Наступление началось в 7 часов утра 17 августа. Три советские армии прорвали оборону противника и продвинулись на 12—15 километров. На следующий день 38-я армия и правофланговые дивизии 40-й армии вышли к Псёлу.

В этот момент, после сильной артиллерийской подготовки и массированных налетов бомбардировочной авиации, немецкая механизированная группа из четырех дивизий нанесла мощный контрудар от Ахтырки на Богодухов, намереваясь отрезать и разгромить выдвинувшиеся вперед войска Воронежского фронта. 18 августа они сумели пробить в полосе 27-й армии коридор на глубину до 24 километров. Одновременно из района южнее Ахтырки в направлении на Колонтаев и Любовку атаковала дивизия СС «Мертвая голова». С выходом 48-го корпуса фон Кнобельсдорфа в район Каплуновки возникла угроза окружения 71-й и 241-й стрелковых дивизий, 4-го и 5-го гвардейского танковых корпусов. Ватутин, получив нагоняй от Сталина, приказал командующим 27-й, 6-й гвардейской, 4-й гвардейской и 1-й танковой армиями разгромить прорвавшуюся группировку противника и восстановить положение в районе Ахтырки. Однако противник упорно не желал уничтожаться. Другое дело, что севернее 40-я армия и 2-й танковый корпус, продолжая движение на запад, 19 августа ворвались в Лебедин. Войска 47-й армии захватили опорный пункт Тростянец и продвинулись до Тимофеевки, глубоко нависая над тылами ахтырской группировки противника.

Оставив попытки прорваться к Богодухову, немцы решили ликвидировать выступ в районе Котельвы и 20 августа ударил на юг, от Пархомовки на Краснокутск. Навстречу от

Константиновки наступала дивизия «Мертвая голова». В то время как Кнобельсдорф окружал два советских танковых корпуса, Ватутин пытался окружить Кнобельсдорфа: армия Москаленко правофланговыми соединениями захватила Веприк к западу от Ахтырки и нацелилась на Гадяч и Зеньков.

В ночь на 22 августа Сталин продиктовал для Ватутина телеграмму следующего содержания:

«События последних дней показали, что Вы не учли опыта прошлого и продолжаете повторять старые ошибки как при планировании, так и в проведении операций.»

Стремление к наступлению всюду и к овладению возможно большей территорией без закрепления успеха и прочного обеспечения флангов ударных группировок является наступлением огульного характера.

Такое наступление приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл нашим далеко продвинувшимся вперед и не обеспеченным с флангов группировкам и бить их по частям....

В результате действий противника наши войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской группировки врага.

Я еще раз вынужден указать Вам на недопустимые ошибки, неоднократно повторяемые Вами при проведении операций, и требую, чтобы задача ликвидации ахтырской группировки противника, как наиболее важная задача, была выполнена в ближайшие дни...

Прошу не разбрасываться, не увлекаться задачей охвата Харьковского плацдарма со стороны Полтавы, а сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче...»

Далее версии расходятся.

Официальная выглядит так: «В результате успешного осуществления завершающего этапа наступательной операции правого крыла Воронежского фронта, происходившего с 21 по 24 августа, наши войска разгромили ахтырскую группировку немцев».

Согласно мемуарам генерала Чистякова: «Когда мы уже считали, что противник остановлен и можно продолжать наступление, мне сообщили о переходе в мое подчинение 4-го

гвардейского танкового корпуса генерала П.П. Полубоярова и 71-й стрелковой дивизии 27-й армии, которые окружены противником. На меня возлагалась обязанность вывести их из окружения... Быстро мы установили связь с окруженными войсками и с малыми потерями вывели их из окружения».

А в дневнике ОКХ 24 августа появилась запись: «В районе южнее Ахтырки были уничтожены остатки окруженной группировки противника. При этом захвачены 299 танков и 188 орудий, а также 1800 пленных».

К 25 августа части 40-й армии вышли в излучину реки Псёл к городу Гадяч и в район Лютеньков — Зеньков. 26 и 27 августа контрударами противника они были отброшены назад. Войска 4-й гвардейской армии вышли на реку Ворсклу и вновь овладели опорным пунктом Котельва.

На какое-то время генералу Готу удалось остановить советские войска на пути к Полтаве.

Степной фронт с 11 по 23 августа всеми своими силами, от рубежа к рубежу, теряя ежедневно до 5000 человек, рвался к Харькову.

5-я гвардейская танковая армия имела задачу охватить Харьков с юго-запада, занять Люботин и Коротич, перехватить железную дорогу на Полтаву. 53-я армия и 1-й механизированный корпус генерала М.Д. Соломатина обходили город с запада. 69-я армия наступала с севера. 7-я гвардейская должна была выйти к северо-восточной и восточной, а 57-я армия, — к южной окраине.

Харьков с севера оборонял понесший большие потери 11-й корпус Рауса (106, 168, 198, 320, 167-я пехотные, 6-я танковая дивизии, 905-й дивизион штурмовых орудий) при 600 орудиях и минометах, с востока — 42-й армейский корпус генерала Франца Маттенклотта (39, 161, 282-я пехотные дивизии, 506-й тяжелый дивизион истребителей танков). Левый фланг Рауса прикрывала 3-я танковая дивизия Вестховена. Город был превращен в натуральную крепость:

«Оборона противника, по данным разведки и показаниям пленных, представляла собой систему дзотов с перекрытием в два-три наката и частично железобетонных сооруже-

ний. Широко применялся косоприцельный и фланкирующий огонь, все узлы сопротивления имели огневую связь, огневые точки были соединены ходами сообщения, передний край усилен инженерными сооружениями, проволочными и противотанковыми заграждениями, минными полями.

Все каменные строения на окраинах города были превращены в своеобразные долговременные огневые точки, нижние этажи домов использованы в качестве огневых позиций для артиллерии, верхние занимали автоматчики, пулеметчики и гранатометчики.

Въезды в город и улицы на окраинах были заминированы и перекрыты баррикадами. Внутренние кварталы города также были подготовлены к обороне с системой противотанкового огня».

В последний момент подспела танковая дивизия СС «Дас Рейх».

Как обычно, имелся строжайший приказ Гитлера при всех обстоятельствах удержать Харьков. Манштейн окончательно убедился, что с фюрером они обитают в разных мирах.

Непосредственный штурм внешнего оборонительного обвода, проходившего в 8—14 километрах от Харькова, начался 19 августа. К 22 августа, после ожесточенного боя с дивизией «Дас Рейх», танковая армия Ротмистрова захватила Коротич. Войска генерала Гагена с востока вышли к Константиновке. В распоряжении противника остались только железная и шоссейные дороги, идущие из Харькова на Мерефу.

Бесперспективность дальнейшей борьбы за город, опасность окружения группы Кемпфа для Манштейна были очевидны, «командование группы не собиралось в бою за Харьков жертвовать армией». В это время армии Юго-Западного и Южного фронтов — свыше миллиона человек — уже ломались в Донбасс. 22 августа во второй половине дня советская наземная и воздушная разведка обнаружила начало отхода неприятеля из Харькова. Генерал Конев дал приказ о ночном штурме.

К полудню 23 августа Харьков был полностью освобожден от захватчиков. Немецкая группировка, по утверждению Рауса, «без всяких проблем» отступила на юго-запад, за реки Мерефа и Мжа. Манштейн тоже был уверен, что армейская

группа «эвакуировала Харьков без потерь», затем ее переименовали в 8-ю армию, которую возглавил генерал Велер (Вернера Кемпфа назначили ответственным за сдачу Харькова и сняли с должности).

На страницах советской лубочной истории, списанной с боевых донесений, предстает картина полного разгрома: «Большая часть немецкой группировки, оборонявшей город, была уничтожена. Остатки ее, преследуемые нашими танками и авиацией, в панике бежали на юго-запад. Была брошена масса боевой техники. Харьковская группировка немцев перестала существовать. В ходе боев за Харьков большая ее часть была истреблена. Чтобы представить себе потери, достаточно сказать, что только 69-я армия в период боев под Харьковом уничтожила 22 000 немецких солдат и офицеров, 249 орудий, 900 пулеметов, 78 танков, 340 автомашин». И это только один Крюченкин «намолотил»!

Как водится, истина лежит где-то рядом, но все же — ближе к Манштейну.

Маршал Ротмистров был тем самым «танкистом», который «преследовал в панике бегущих немцев», ему этот момент хорошо запомнился:

«В тот же день, обеспечивая отвод своих войск, гитлеровцы превосходящими силами обрушились на 5-ю гвардейскую танковую армию, занимавшую Коротич, и овладели его южной окраиной. Завязались тяжелые, кровопролитные бои, которые продолжались до конца августа...

Бились насмерть танкисты, пехотинцы, артиллеристы, саперы и даже медики, отражая яростные контратаки врага. Только 26 августа один 18-й танковый корпус отбил 11 мощных контратак. В этот день пал смертью храбрых герой сражения под Прохоровкой, командир 32-й танковой бригады полковник А.А. Линев. Гитлеровцы подбрасывали подкрепления, а у нас в армии осталось всего 50 танков».

Генерал Раус тоже отметил особенности боевого применения советских танковых армий: «Меня поразило то, что противник имел очень слабую пехоту и артиллерию, что его авиация не участвовала в боях все время операции. Если танковые подразделения не имеют надежной поддержки, никакой их тактический успех не удастся развить».

И еще о «превосходящих силах», обрушившихся на Рот-

мистрова: в конце августа в дивизии «Дас Рейх» числилось 22 исправных танка, в 3-й танковой — 30, в 6-й танковой дивизии — 6 танков.

Вечером 23 августа 1943 года Москва салютовала войскам Степного фронта по первому разряду — двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий. В приказе Верховного Главнокомандующего отмечалось: «Таким образом, вторая столица Украины — наш родной Харьков освобожден от гнета немецко-фашистских мерзавцев». С этого момента взошла над горизонтом маршальская звезда Конева. Сталин долго к нему приглядывался, не сразу поверил в его полководческие таланты и дважды снимал генерала с должности командующего Западным фронтом.

Наступление на белгородско-харьковском направлении, согласно официальной летописи, завершилось. Советские войска продвинулись в южном и юго-западном направлениях на 140 километров и расширили фронт наступления до 300 километров. Операция, продолжавшаяся три недели, стала одним из самых жестоких сражений Отечественной войны, рекордным по интенсивности потерь Красной Армии — свыше 12 тысяч бойцов и командиров, 89 танков и самоходно-артиллерийских установок ежедневно. Уже на третий день наступления Жуков просил «товарища Иванова» дать Степному фронту 35 тысяч пополнения и 200 танков «для доукомплектования танковых частей».

Общие потери Воронежского и Степного фронтов убитыми и ранеными составили 255,5 тысячи человек. Из 2700 введенных в сражение танков и САУ безвозвратно убыли 1864 единицы (потери соединений группы «Юг» за период с 4 июля — от начала Курской битвы — по 23 августа оцениваются в 670 танков и штурмовых орудий). Гудериан, поштучно оплакивавший каждую загубленную «пантеру» или «тигра», от зависти слег в постель с дизентерией (кстати, амеба, обосновавшаяся в генеральском кишечнике, была «русская»).

Часть 3

ВПЕРЕД — НА ЗАПАД!

Освобождением Харькова закончилась Курская битва.

Потери Красной Армии за 50 дней боев на Огненной дуге были колоссальны — почти 900 тысяч человек убитыми и ранеными, более 6000 танков, 5200 орудий и минометов, 1636 боевых самолетов. После окончания операций «Кутузов» и «Румянцев» в резерв Ставки для восстановления были выведены управления четырех общевойсковых и пяти танковых армий, тринадцати танковых корпусов и 27 стрелковых дивизий. Несмотря на территориальные успехи, нигде не удалось окружить и уничтожить крупные группировки немецких войск.

Потери Германии на всех фронтах в июле—августе составили около 500 тысяч человек, чуть более 1000 танков и штурмовых орудий. Но Вермахт уже не мог восполнить потери, мобилизационные возможности рейха достигли своего предела.

В ходе Курской битвы выявилось огромное преимущество советской стороны в количестве оружия и резервов, «командование наше бездарно, но сказывается упорство, техника и мужество народа, подхлестываемое жестокостью».

Еще гремели бои за Харьков, а Красная Армия рванулась к Днепру. Восемь фронтов, насчитывавшие в своих рядах 4,5 миллиона солдат и офицеров, вместе и порознь, поочередно, одновременно и «перекрывая по времени друг друга», прямолинейно и без изысков долбили немецкую оборону «рассекающими ударами» на линии протяженностью 2000 километров. Оскудевший людьми и техникой Вермахт был уже не в состоянии удерживать свои позиции.

Маршал Жуков пишет:

«Из доклада А.И. Антонова я понял, что Верховный настоятельно требует немедленно развивать наступление, чтобы не дать противнику организовать оборону на подступах к Днепру. Я разделял эту установку, но не был согласен с формой наших наступательных операций, при которых фронты от Великих Лук до Черного моря развевывались и наносили лобовые удары. Была ведь возможность (после некоторых перегруппировок) провести операции на отсечение и окружение значительных группировок противника, чем облегчалось бы дальнейшее ведение войны. В частности, я имел в виду южную группировку противника в Донбассе, которую можно было бы отсечь одним ударом из района Харьков — Изюм в общем направлении на Днепропетровск и Запорожье.

А.И. Антонов сказал, что лично он разделяет это мнение, но Верховный требует скорее отбросить противника с нашей территории фронтальными ударами. Перед отлетом А.И. Антонова в Москву я просил его еще раз изложить мои соображения Верховному...

Через несколько дней мне позвонил И.В. Сталин и сказал, что он дал указание направить Н.Ф. Ватутину и И.С. Коневу танки и пополнение. Затем он заметил, что не разделяет точку зрения об ударе войск Юго-Западного фронта из района Изюма на Запорожье, поскольку на это потребуется значительное время.

Я не стал спорить, так как знал, что Верховный пока вообще по ряду обстоятельств не очень уверен в целесообразности более решительного применения операций на окружение противника».

Константину Симонову маршал рассказывал: «Со времени Сталинграда Сталин придерживался своего собственного подхода к проблемам окружения и уничтожения немецких войск. Ход Сталинградской операции запал ему в память, и он неоднократно возвращается к ее опыту».

Сталинградская наступательная операция, разыгранная на краю пропасти, была рискованной, в ней были красота и искусство. Но, в принципе, Сталин рисковать не любил. В новых условиях Верховный предпочитал простые решения с гарантированным результатом.

Центральный, Воронежский, Степной, Юго-Западный и Южный фронты имели задачу разгромить главные силы врага на южном крыле, освободить Левобережную Украину и Донбасс, выйти к Днепру, форсировать его и захватить плацдармы на правом берегу реки. Калининский, Западный и Брянский фронты должны были разгромить группу армий «Центр». Северо-Кавказскому фронту предстояло изгнать противника с Таманского полуострова и ворваться в Крым.

Советские войска неудержимой лавиной двинулись «в верном направлении».

«Время от времени, — пишет генерал Мюллер-Гиллербранд, — в результате наших успешных контрударов наступление русских войск терпело неудачу, однако в целом паузы в наступлении советских войск возникали в действительности не столько потому, что нам удалось стабилизировать свой фронт обороны, а, прежде всего, благодаря недостаткам системы снабжения советских войск».

Общее движение к Днепру началось на западном направлении в полосе обороны группы армий «Центр». Перед Калининским и Западным фронтами была поставлена задача освободить Смоленскую область и войти в Белоруссию. Главный удар наносил Западный фронт генерала Соколовского (10-я гвардейская, 33, 49, 10, 21, 68-я армии — 58 стрелковых дивизий, 2 стрелковые и 10 танковых бригад, механизированный и кавалерийский корпуса), который должен был разбить противника в районах Ельни и Спас-Демянска, а затем продвигаться на Рославль и Смоленск. Калининский фронт генерала Еременко (26 стрелковых дивизий, 10 стрелковых и 4 танковые бригады) своим левым флангом обязан был помочь соседу, наступая на Смоленск с северо-востока через Духовщину. Замысел операции, получившей кодовое наименование «Суворов», был прост, незатейлив и ясен противнику.

В составе двух фронтов насчитывалось 1,25 миллиона человек, 20 640 орудий и минометов, 1436 танков и САУ, 1100 самолетов. Противостоящая им группировка насчитывала 850 тысяч человек, 8800 орудий и минометов, до 500 танков и САУ, менее 700 самолетов.

Армии Соколовского перешли в наступление 7 августа и сразу завязли в главной полосе обороны. В первый же день опе-

рации пришлось вводить в бой оперативные резервы — 68-ю армию генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева. Но лишь на четвертые сутки в полосе 10-й армии удалось продвинуться на глубину до 10 километров. Для развития успеха ей придали 5-й механизированный корпус. Это позволило провести охват Спас-Демянского участка, и 13 августа противник очистил его. Но превратить тактический прорыв в оперативный не удалось: немецкие «пикировщики» наносили большой урон механизированному корпусу.

13 августа в наступление перешел Калининский фронт. Главный удар наносили 43-я и 39-я армии. За шесть дней боев им удалось вклиниться лишь на 3—5 километров, после чего был сделан правильный вывод, что фронтальными атаками серьезного успеха не добиться. К тому же немецкое командование начало переброску дивизий из Орловского выступа.

20 августа Ставка вынуждена была отдать приказ приостановить операцию и произвести перегруппировку сил. Генерал Соколовский получил дополнительно 2-й гвардейский танковый, 3-й гвардейский кавалерийский корпуса и две стрелковые дивизии. Только после этого, 28 августа, войска смогли возобновить наступление. Теперь главный удар наносился у Ельни. За две недели армии Западного фронта, продвинувшись на 35—40 километров, освободили Ельню и Дорогобуж, правым крылом форсировали Днепр и, «встретив организованное сопротивление врага на новом рубеже», приступили к новой перегруппировке. Калининский фронт «продвинулся на отдельных участках до десяти километров».

Артиллерийский генерал М. Н. Хлебников:

«Думаю, что эти неудачи были результатом прежде всего поспешности, стремления решить задачу без учета всех факторов, на нее влияющих. Каждый раз мы начинали наступление, не успев сосредоточить войска. Поэтому, даже прорвав первую оборонительную полосу, останавливались перед второй — на развитие успеха не было сил. Так случалось дважды в августе, так случилось и в начале сентября.

Поспешность, с которой предпринимались эти попытки наступать без должной подготовки, сказывались, разумеется, и на действиях артиллерии фронта. Несмотря на имевшиеся в нашем распоряжении значительные силы, мы ни разу не смогли

как следует сгруппировать артиллерию, произвести разведку глубинных целей и в соответствии с этим спланировать артиллерийское наступление».

О том же — о неумении и нежелании организовать боевые действия «как следует», о неистребимой тяге к халяве, о виртуозном искусстве наступать на одни и те же грабли — рассуждает и пехотный генерал А.П. Белобородов, командовавший 2-м гвардейским стрелковым корпусом:

«Та или иная неудача обычно обуславливается совокупностью различных причин, иногда очень специфических. Однако при ближайшем рассмотрении главные причины, как правило, оказываются типичными для неудачных боевых действий вообще. Это, например, поспешность при подготовке к наступлению, попытка выиграть время за счет сокращения необходимой и очень трудоемкой подготовительной работы. Давно известно, что такой метод, мягко говоря, не спутник успеха. И все-таки эти ошибки повторяются.

Выше уже говорилось, что наше августовское наступление на Духовщину готовилось в очень сжатые сроки. Это создавало большие трудности для войск, особенно для артиллерии. Ее полки, дивизионы и батареи продолжали выдвигаться на огневые позиции вплоть до последних часов перед атакой. Поэтому произвести необходимую разведку целей по всей глубине обороны противника артиллеристы не смогли — для этого у них просто не хватило времени. Отсюда и низкая эффективность артподготовки.

Когда прорыв не удался, войска 39-й армии предприняли ряд повторных наступлений. Однако каждый раз нам давали для подготовки считанные дни, в результате чего артиллерия опять и опять не справлялась с поставленными задачами. Очевидно также, что мы имели недостаточно артиллерии, а также артснарядов.

Среди других факторов, сыгравших отрицательную роль в августовском наступлении, отмечу еще один, на мой взгляд, чрезвычайно важный. Поспешность в подготовке наступления, естественно, повлекла за собой и спешные переброски крупных сил пехоты и артиллерии. Правила оперативной маскировки были нарушены, противник не только обнаружил перегруппировку войск 39-й армии, но и заранее, с помощью всех видов

разведки, в том числе авиационной, довольно точно определил направление нашего главного удара. Это мы почувствовали в первые же часы боя, это подтвердили и пленные...

Старая и верная пословица, гласящая, что «не всегда прямой путь — самый короткий», очень часто имеет прямое отношение к планированию наступательных операций».

13 августа, в то время, когда Воронежский и Степной фронты развивали наступление на Харьков, началась вторая Донбасская операция Юго-Западного и Южного фронтов. По замыслу она была идентична первой.

Войска Юго-Западного фронта (1, 3, 8-я гвардейские, 6, 12, 46-я полевые, 17-я воздушная армии — 41 стрелковая дивизия, 2 стрелковые и 4 танковые бригады, кавалерийский, механизированный, танковый корпуса) генерала Малиновского имели задачу нанести главный удар с плацдарма на реке Северский Донец в магистральном направлении на Барвенково, Павлоград, Запорожье. Войскам Южного фронта (2-я гвардейская, 5-я ударная, 28, 44, 51-я общевойсковые, 8-я воздушная армии — 30 стрелковых дивизий, 1 стрелковая и 4 танковые бригады, 2 механизированных и 1 кавалерийский корпуса) предстояла очередная попытка прорыва обороны противника на реке Миус.

В составе двух фронтов насчитывалось более миллиона человек, около 21 тысячи орудий и минометов (без реактивной артиллерии и 50-мм минометов), 1257 танков и самоходно-артиллерийских установок, около 1400 самолетов. С немецкой стороны в Донбассе действовали 1-я танковая и 6-я полевая армии. Они имели около 540 тысяч личного состава, 5400 орудий и минометов, 400 танков и штурмовых орудий.

Первыми начали войска правого крыла Юго-Западного фронта — 1-я гвардейская армия, а 16 августа из района Изюма — главной ударной группировки — 6-я и 12-я армии. Успеха не было нигде. 18 августа подключился Южный фронт генерала Толбухина. Прорыв обороны на Миусе осуществляли 5-я ударная армия генерала В.Д. Цветаева и 2-я гвардейская армия генерала Г.Ф. Захарова. После мощной артиллерийской и авиационной подготовки «с участием» 5000 стволов 5-я ударная в первый день продвинулась на 10 километров. Затем были введены 4-й гвардейский механизированный и 4-й

гвардейский кавалерийский корпуса, углубившие прорыв до 20 километров.

Степной фронт (69, 53, 7-я гвардейская, 57-я общевойсковые, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии — 30 стрелковых дивизий, 5 танковых бригад, 2 механизированных и 2 танковых корпуса) сразу после освобождения Харькова получил задачу продолжать наступление всеми силами в общем направлении на Красноград. Воронежский фронт (4, 5, 6-я гвардейские, 38, 40, 47, 27, 52-я общевойсковые, 1-я танковая, 2-я воздушная армии — 42 стрелковые, 5 воздушно-десантных дивизий, 7 танковых и 2 механизированных корпуса) нацеливался на Полтаву, Кременчуг. Им по-прежнему «мешали» 4-я танковая и 8-я армии. Маршал Жуков, координировавший действия двух фронтов, отмечает: «Для тщательной подготовки наступления к Днепру у нас не было возможностей. В войсках чувствовалась большая усталость от непрерывных сражений. Ощущались некоторые перебои в материально-техническом обеспечении. Но все мы, от солдата до маршала, горели желанием скорее выбросить врага с нашей земли...» До конца августа войска Конева и Ватутина продвинулись всего на 30 километров.

26 августа после десятидневной подготовки в общем направлении на Нежин — Киев нанесли удар войска Центрального фронта генерала Рокоссовского (13, 48, 70, 65, 60-я общевойсковые, 2-я танковая, 16-я воздушная армии — 35 стрелковых и 3 воздушно-десантные дивизии, 3 стрелковые и 3 танковые бригады, 3 танковых и 1 механизированный корпуса). Наступавшие на главном направлении армия Батова и танковая армия Богданова были усилены 4-м артиллерийским корпусом прорыва. Им противостояли четыре пехотные дивизии 2-й полевой армии. «Начиная наступление, — вспоминает Рокоссовский, — мы учитывали все трудности, но, откровенно говоря, упорство противника превзошло все наши ожидания. Несмотря на ураганный огонь нашей артиллерии и непрерывные удары с воздуха, гитлеровцы не только не покидали позиций, но и предпринимали яростные контратаки... Гитлеровцы сражались отчаянно, не считаясь с потерями». Продвижение советских войск было медленным; после упорных боев 2-я танковая и

65-я армии, вклинившись на 25 километров, к вечеру 27 августа освободили город Севск. Попытки развить здесь успех не дали результата: «Поскольку мы наносили удар на сравнительно узком фронте, противник имел возможность быстро усиливать свои войска на этом направлении за счет ослабления других участков, короче говоря, делал то же, что и мы в оборонительном сражении на Курской дуге».

Зато на вспомогательном направлении дивизии 60-й армии Черняховского с 9-м танковым корпусом неожиданно быстро прорвали вражескую оборону (здесь у немцев, стянувших все силы в район Севска, участок шириной 60 километров удерживали два полка) и к концу августа продвинулись на 60 километров. Рокоссовский решил перенести усилия на свое левое крыло, куда перебрасывались 13-я общевойсковая и 2-я танковая армии.

В связи с осложнением положения немецких войск на южном крыле Восточного фронта 27 августа в Винницу прибыл Гитлер. На состоявшемся совещании Манштейн доложил, что его войска сражаются на пределе возможностей, и снова указал фюреру на необходимость определиться с выбором: либо значительно укрепить группу армий «Юг», либо отдать Донбасс. Гитлер пообещал перебросить дивизии со спокойных участков из состава групп армий «Центр» и «Север». Однако спокойных участков не было нигде. Фельдмаршал фон Клюге заявил, что он не может отдать ни одного солдата.

Тем временем «Советы не считались с желанием Гитлера подождать с принятием решения. Они продолжали наступать».

Войска Южного фронта расчленили группировку противника на две части, а затем повернули на юг и 30 августа овладели Таганрогом. Сутки спустя Гитлер, поставленный перед фактом, разрешил командованию группы армий «Юг» начать отход 6-й армии и правого фланга 1-й танковой армии на подготовленную тыловую позицию, «если того настоятельно требует обстановка и нет никакой другой возможности». Были отданы распоряжения об уничтожении важных объектов в Донбассе.

2 сентября войска Малиновского освободили Лиси-

чанск, войска Ватутина — Сумы. Войска Конева овладели железнодорожным узлом Люботин и вели бои за Мерэфу. Освобождение Люботина открывало дорогу на Полтаву. Войска Рокоссовского 6 сентября заняли Конотоп. Медленно, но верно продвигались войска Толбухина, усиленные 11-м и 20-м танковыми корпусами.

6 сентября Ставка определила фронтам новые разграничительные линии, изменив направления их наступательных действий. Воронежский фронт нацеливался на Киев, из резерва ему передавалась 3-я гвардейская танковая армия. Центральный фронт, получив из резерва 61-ю армию и три кавалерийские дивизии, должен был, к великому огорчению Рокоссовского и Черняховского, сосредоточиться на черниговском направлении. Генералу Коневу предстояло наступать на Полтаву и Кременчуг. Ставка усилила Степной фронт 37-й армией и передала в его состав 5-ю ударную армию Воронежского фронта и 46-ю армию Юго-Западного фронта.

7 сентября на 9-ю немецкую армию всеми силами навалился Брянский фронт генерала М.М. Попова (50, 3, 11, 63, 11-я гвардейская, 15-я воздушная армии), имевший конечной целью Гомель. Командующему дали возможность продумать и подготовить операцию. Сначала он атаковал противника на своем левом фланге, затем в центре и, наконец, нанес главный удар правым крылом.

Генерал армии М.М. Попов писал: «Изучая и оценивая обстановку, мы убедились, что подготовленная в труднопроходимых лесах оборона противника совершенно исключает возможность добиться успеха путем лобовых атак... Все эти обстоятельства требовали от нас решения стоящих перед фронтом задач на флангах Брянской группировки противника или на одном из них. Фланговый удар позволял лишить противника сильных сторон его обороны, уже налаженной по лесам и рекам, и вывести основные силы фронта в тыл противника».

В результате на главном направлении 50-я армия Болдина вклинилась на глубину 70 километров и захватила плацдармы на западном берегу Десны. При этом интенсивность людских потерь у Попова, применившего маневр вместо ло-

бовых атак, была в два-три раза ниже, чем у коллег-полководцев.

Чуть южнее широким фронтом выходили к Десне войска Рокоссовского.

Разрыв на стыке групп армий «Центр» и «Юг» увеличился, вынуждая Германа Гота заворачивать левый фланг 4-й танковой армии фронтом на север, растягивая оборонительную линию. Становилось все более очевидным, что группа армий «Юг» не сможет удержать Донбасс.

В связи с этим Гитлер принял решение оставить Кубанский плацдарм и эвакуировать 17-ю армию через Керченский пролив в Крым. 8 сентября он в последний раз побывал на Украине. На совещании в Запорожье Манштейн доложил: «Противнику удалось пробить брешь на северном фланге 6-й армии шириной 45 км, где сражаются только остатки двух наших дивизий. Контратаки небольшими имеющимися у нас силами не могли закрыть эту брешь. Хотим мы или не хотим, но мы будем вынуждены отойти за Днепр, особенно принимая во внимание возможные последствия чрезвычайно напряженной обстановки на северном фланге нашей группы армий».

Фюрер вынужден был согласиться с неизбежностью дальнейшего отхода, но потребовал остановить наступление русских на более коротком фронте «перед Днепром на линии, проходящей через Полтаву». На прощанье он пообещал выделить группе «Юг» танковый корпус, но почти сразу забыл об этом. Едва самолет фюрера приземлился в Растенбурге, пришли известия о новом «подлом свинстве» итальянцев: мировые радиостанции передали заявление маршала Бадольо о капитуляции Италии, после чего сам маршал, правительство и король предусмотрительно бежали из Рима.

Вечером 8 сентября Манштейн отдал приказ 6-й и 1-й танковым армиям «перейти к подвижной обороне, которую армии должны организовать так, чтобы обеспечить стойкость войск и выиграть как можно больше времени для осуществления отхода».

Темп наступления советских войск в Донбассе нарастал. 10 сентября соединения Южного фронта совместно с десантом, высаженным с кораблей Азовской флотилии, освободи-

ли Мариуполь. В тот же день войска Юго-Западного фронта выбили немцев из Барвенкова. Войска правого крыла Воронежского фронта прорвали оборону противника юго-восточнее города Ромны. Войска Центрального фронта продвинулись в юго-западном направлении более чем на 200 километров и освободили 15 сентября город Нежин. После перегруппировки возобновилось наступление Калининского и Западного фронтов.

В этот день последовал приказ германского командования об общем отступлении войск группы армий «Юг» с Левобережной Украины и из Донбасса.

В двадцатых числах сентября Красная Армия вышла к Днепру на протяжении 700 километров, от Лоева до Запорожья, и в некоторых местах форсировала его. Чтобы «еще выше поднять морально-политический дух войск» в деле преодоления крупных водных преград, Ставка приказала за форсирование Десны представить начальствующий состав к награждению орденами Суворова, а за форсирование Днепра каждому бойцу каждой роты, первым ступившему на западный берег, было обещано звание Героя Советского Союза. Так появилось сразу 2500 «днепровских героев» (в 1941—1942 годах этого звания были удостоены 519 человек).

Захват целого ряда плацдармов на правом берегу позволил начать борьбу за Киев, затянувшуюся на полтора месяца и закончившуюся 6 ноября освобождением столицы Украины.

Клюге и Модель, Манштейн и Гот безуспешно пытались бороться с «гидрой»:

«Там, где мы имели сколько-нибудь достаточные силы, мы предоставляли противнику фронтально атаковать нас и наносили ему большие потери. В других случаях мы пытались путем своевременного отхода на отдельных участках помешать ему наступлением превосходящими силами выбить нас с занимаемых позиций. Неоднократно нам удавалось, сосредоточивая танковые соединения, останавливать прорвавшегося противника, а когда это было возможно — использовать допущенные им ошибки, — например, когда он осмеливался после прорыва уходить слишком далеко вперед, — для нанесения контрударов».

Немецкие генералы еще не раз подловят советских полководцев на ошибках. Но уже ничто не остановит Красную Армию

в движении на Запад. Против «сталинской стратегии» было бессильно любое искусство.

Цена значения не имела. Путь к Днепру был оплачен сполна кровью почти двух миллионов командиров и бойцов. Советская система могла побеждать только количеством.

Каждые сутки на протяжении всей войны Красная Армия теряла в среднем 20 869 человек, из них безвозвратно — 8000. На летне-осеннюю кампанию 1943 года приходится пик среднесуточных потерь — 27 300 человек ежедневно. В ней было потеряно 17% личного состава — каждый шестой. В ходе этой кампании окончательно определился перелом в войне. Или, как образно выразился Вождь, был сломан «хребет фашистского зверя».

И всем стало ясно, по ком звонит колокол — по гитлеровской Германии.

«С приближением зимы 1943 года, — пишет А. Кларк, — германскую армию стало охватывать чувство угрюмого отчаяния, давящая уверенность, что война проиграна, но не было видно ее конца. Они все еще находились в глубине России. В отличие от зимы 1944/45 года, когда они будут охвачены героическим безумием, защищая свою родину Германию, сейчас они медленно отступали по безотрадной и враждебной местности, все время страдая от численного превосходства противника, постоянно нуждаясь в горючем и боеприпасах, непрестанно пересиливая себя и нещадно эксплуатируя технику за пределами допустимого. И всех угнетали мрачные воспоминания о том, что такое середина зимы.

...моральный дух Вермахта сверху донизу начал претерпевать постоянное изменение. Его храбрость и дисциплина не ослабли. Но надежда была подкошена, и человечность — там, где еще оставались ее следы, — угасла».

Гитлеру оставалось уповать лишь на истощение русских, фантастическое чудо-оружие и неизбежное, как он считал, столкновение Запада с Востоком.

Однако и Сталин, уже задумываясь об «освободительной миссии» и послевоенных границах, прекрасно понимал, на-

сколько важно было вместе с Англией и Америкой приступить к подготовке планов мирного урегулирования.

И предпринимал шаги, чтобы укрепить отношения с союзниками, а также изменить международный «имидж» советского режима. Например, 22 мая 1943 года было объявлено о роспуске Коминтерна. В интервью корреспонденту агентства Рейтер Сталин заявил, что этот шаг является «правильным и своевременным», он «разоблачает ложь гитлеровцев о том, что Москва якобы намерена вмешиваться в жизнь других государств и «большевизировать» их».

8 сентября в Москве состоялся Собор епископов, на котором 19 иерархов избрали Патриарха Московского и Всея Руси, а 11 октября впервые за все годы Советской власти двенадцати священнослужителям были вручены правительственные награды — медали «За оборону Ленинграда».

В конце ноября на Тегеранской конференции состоялась первая встреча лидеров трех держав антигитлеровской коалиции. На первом же заседании Сталин сделал сенсационное заявление о том, что сразу после поражения Германии Советский Союз «присоединится к своим друзьям» в деле разгрома Японии (Английский Объединенный комитет по планированию разработал четыре варианта войны с японцами, но даже по самым оптимистичным подсчетам получалось, что высадка на острова может быть осуществлена не ранее осени 1946 года). В качестве ответной любезности «друзья» постановили считать главной операцией 1944 года высадку англо-американских войск в Северной Франции и обещали осуществить «Оверлод» не позднее мая.

В новогоднюю ночь 1944 года по радио вместо привычного «Интернационала» впервые был исполнен новый Гимн СССР — положенные на музыку Александрова стихи Г.Г. Эль-Регистана, С.В. Михалкова и И.В. Сталина.

Впереди были «десять сталинских ударов», изгнание врага за пределы СССР, высадка союзников в Европе, штурм Берлина, встреча на Эльбе, окончательный разгром фашизма.

Список использованной литературы

- Антипенко Н.А.* На главном направлении. Минск: Беларусь, 1982.
- Ачкасов В.И., Павлович Н.Б.* Советское военно-морское искусство в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1973.
- Бабаждамян А.* Дороги Победы. М.: Молодая гвардия, 1972.
- Барятинский М.* Немецкие танки в бою. М.: Яуза-ЭКМО, 2007.
- Барятинский М.* Советские танки в бою от Т-26 до ИС-2. М.: Яуза-ЭКМО, 2007.
- Барятинский М.* «Тигры» в бою. М.: Яуза-ЭКМО, 2007.
- Батов П.И.* В походах и боях. М.: Воениздат, 1962.
- Бернаж Ж.* Харьков, январь — март 1943. Контрудар танкового корпуса СС. М.: Эксмо, 2007.
- Бивер Э.* Сталинград. Смоленск: Русич, 1999.
- Битва под Курском. От обороны к наступлению. М.: АСТ, 2006.
- Боярский В.И.* Партизаны и армия. История утерянных возможностей. М.: АСТ, 2001.
- Брежнев Л.И.* Малая земля. М.: Издательство политической литературы, 1979.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. Минск: Беларусь, 1984.
- Воробьев Ф.Д., Кравцов В.М.* Великая Отечественная война Советского Союза 1941—1945 гг. М.: Воениздат, 1961.
- Воронов В.В.* На службе военной. М.: Воениздат, 1963.
- Восемнадцатая в сражениях за Родину. Боевой путь 18-й армии. М.: Воениздат, 1982.
- Вторая мировая война. Взгляд из Германии. М.: Яуза-ЭКМО, 2005.
- Галицкий И.П.* Дорогу открывали саперы. М.: Воениздат, 1983.
- Гетман А.Л.* Танки идут на Берлин. М.: Воениздат, 1982.
- Говард М.* Большая стратегия. Август 1942 — сентябрь 1943. М.: Воениздат, 1980.
- Гречко А.А.* Годы войны 1941—1943. М.: Воениздат, 1976.
- Гречко С.Н.* Решения принимались на земле. М.: Воениздат, 1984.

- Гудерян Г.* Воспоминания солдата. Смоленск: Русич, 1999.
- Верт А.* Россия в войне. М.: Эксмо, 2003.
- Давтян С.М.* Пятая воздушная. Военно-исторический очерк боевого пути 5-й воздушной армии в годы Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1990.
- Доценко В.Д., Г.М. Гетманец Г.М.* Флот в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. М.: ЭКСМО, 2005.
- Драгунский Д.А.* Годы в броне. М.: Воениздат, 1983.
- Еременко А.И.* Сталинград. М.: Воениздат, 1961.
- Еременко А.И.* Годы возмездия 1943—1945. М.: Финансы и статистика, 1985.
- Замулин В.Н.* Засекреченная Курская битва. Неизвестные документы свидетельствуют. М.: Яуза-ЭКСМО, 2007.
- Замулин В.Н.* Курский излом. Решающая битва Отечественной войны. М.: Яуза-ЭКСМО, 2007.
- Замулин В.Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. М.: АСТ, 2005.
- Иванов С.П.* Штаб армейский, штаб фронтовой. М.: Воениздат, 1990.
- Ивановский Е.Ф.* Атаку начинали танкисты. М.: Воениздат, 1984.
- Иосиф Виссарионович Сталин.* Краткая биография. М.: Госполитиздат, 1950.
- История Второй мировой войны 1939—1945.* Том шестой. Коренной перелом в войне. М.: Воениздат, 1976.
- История Второй мировой войны 1939—1945.* Том седьмой. Завершение коренного перелома в войне. М.: Воениздат, 1976.
- Казakov К.П.* Огневой вал наступления. М.: Воениздат, 1986.
- Казakov М.И.* Над картой былых сражений. М.: Воениздат, 1971.
- Карель П.* Восточный фронт. М.: Изографус, 2003.
- Катуков М.Е.* На острие главного удара. М.: Высшая школа, 1985.
- Кларк А.* План «Барбаросса». Крушение Третьего рейха 1941—1945. М.: Центрполиграф, 2002.
- Конев И.С.* Записки командующего фронтом 1943—1945. М.: Воениздат, 1989.
- Лелюшенко Д.Д.* Москва — Сталинград — Берлин — Прага. Записки командарма. М.: Наука, 1987.
- Лопуховский Л.* Прохоровка без грифа секретности. М.: Яуза-ЭКСМО, 2005.
- Мальцев Е.Е.* В годы испытаний. М.: Воениздат, 1979.
- Мальгин К.А.* В центре боевого порядка. М.: Воениздат, 1982.
- Манштейн Э.* Утерянные победы. Смоленск: Русич, 1999.
- Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939—1945 гг. Боевое применение танков во Второй мировой войне. М.: Воениздат, 1957.

- Мировая война 1939—1945. М.: АСТ, 2000.
- Митчем С., Мюллер Д.* Командиры Третьего рейха. Смоленск: Русич, 1997.
- Москаленко К.С.* На Юго-Западном направлении 1941—1943. Воспоминания командарма. М.: Наука, 1973.
- Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг. М.: Изографус, 2002.
- Надысев Г.С.* На службе штабной. М.: Воениздат, 1976.
- Немчинский А.Б.* Осторожно, мины. М.: Воениздат, 1973.
- Оружие Победы. М.: Машиностроение, 1987.
- «Пантера». История создания и применения. М.: Восточный фронт, 1995.
- Победители 1941—1945. Полководцы и военачальники. М.: Экзамен, 2005.
- Пословицы и поговорки Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1962.
- Покрышкин А.* Познать себя в бою. М.: Центрполиграф, 2006.
- Провалов К.И.* В огне передовых линий. М.: Воениздат, 1981.
- Радиевский А.И.* Танковый удар. М.: Воениздат, 1977.
- Развитие тактики Советской Армии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.) М.: Воениздат, 1958.
- Раус Э.* Танковые сражения на Восточном фронте. М.: АСТ, 2005.
- Рокоссовский К.К.* Солдатский долг. М.: Воениздат, 1984.
- Рослый И.П.* Последний привал — в Берлине. М.: Воениздат, 1983.
- Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
- Ротмистров П.А.* Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984.
- Руденко С.И.* Крылья Победы. М.: Патриот, 2004.
- Салтыков Н.Д.* Докладываю в Генеральный штаб. М.: Воениздат, 1983.
- Самчук И.А., Скачко П.Г., Бабилов Ю.Н., Гнедой И.Л.* От Волги до Эльбы и Праги (краткий очерк о боевом пути 5-й гвардейской армии). М.: Воениздат, 1970.
- Свирич М.* Броневой щит Сталина. История советского танка 1937—1943. М.: Яуза, 2006.
- Смирнов А.* Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М.: АСТ, 2006.
- Соколов Б.В.* Разведка. Тайны Второй мировой войны. М.: АСТ, 2003.
- Советские воздушно-десантные. М.: Воениздат, 1980.
- СССР в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. (Краткая хроника.) М.: Воениздат, 1964.
- Сталинградская эпопея. М.: Звонница-МГ, 2000.

- Тимохович И.В.* В небе войны 1941—1945. М.: Воениздат, 1986.
- Тюленев И.А.* Через три войны. М.: Воениздат, 1972.
- Филатов Г.С.* Восточный поход Муссолини. М.: Международные отношения, 1968.
- Хаунт В.* Сражения группы армий «Юг». М.: Яуза, 2006.
- Хетагуров Г.И.* Исполнение долга. М.: Воениздат, 1977.
- Чистяков И.М.* Служим Отчизне. М.: Воениздат, 1975.
- Чуйков В.И.* От Сталинграда до Берлина. М.: Воениздат, 1985.
- Шапталов Б.* Испытание войной. М.: АСТ, 2002.
- Шарков А.В.* Архипелаг ГУВПИ на территории Беларуси 1944—1951 гг. Минск: Тесей, 2003.
- Шейн Д.* Танки ведет Рыбалко. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М.: Яуза, 2007.
- Ширikorad А.* Бог войны Третьего рейха. М.: АСТ, 2003.
- Шмелев И.П.* Бронетанковая техника Германии. М.: АСТ, 2003.
- Штеменко С.М.* Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1985.
- Шунков В.Н.* Солдаты разрушения. Организация, подготовка, вооружение, униформа Ваффен СС. Минск: Харвест, 2001.
- Эрман Дж.* Большая стратегия. Август 1943 — сентябрь 1944. М.: Воениздат, 1958.
- Якубовский И.И.* Земля в огне. М.: Воениздат, 1975.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Часть 1. НАИБОЛЕЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ ЭТАП	9
ДАЕШЬ РОСТОВ!	12
НА КАВКАЗЕ	42
СТАЛИНГРАДСКОЕ КОЛЬЦО	68
НА ВЕРХНЕМ ДОНУ	86
ПОД ЖЕСТКИМИ ЗВЕЗДАМИ	113
ВРЕМЯ РЕШЕНИЙ	124
Завершение операции «Кольцо»	126
Завершение операции «Дон»	131
Малая земля	136
«СКАЧОК» И «ЗВЕЗДА»	149
ПАДЕНИЕ «ЗВЕЗДЫ» И ОБРАТНЫЙ «СКАЧОК»	176
«ИЗЛИШНИЕ» ОПЕРАЦИИ	204
Снова «Кольцо»	204
«Полярная звезда»	214
«Желания превалировали над возможностями...»	225
Кубанский плацдарм	249
Часть 2. ХРЕБЕТ ФАШИСТСКОГО ЗВЕРЯ	255
ПЛАН «ЦИТАДЕЛЬ»	255
«...НАСТУПЛЕНИЕ НЕЦЕЛЕСООБРАЗНО»	278
«ИДЕМ НА ПРИСТУП — ЗА КУРСКИЙ ВЫСТУП!»	309
На Центральном фронте	323
На Воронежском фронте	344
«Величайшее танковое сражение»	399
«Вот застучали барабаны...»	435
ОПЕРАЦИЯ «КУТУЗОВ»	446
«ПОЛКОВОДЕЦ РУМЯНЦЕВ»	473
Часть 3. ВПЕРЕД — НА ЗАПАД!	493
Список использованной литературы	506

Владимир Бешанов
ГОД 1943 — «ПЕРЕЛОМНЫЙ»

Издано в авторской редакции
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Т. Жарикова*
Корректор *И. Федорова*

ООО «Издательство «Яуза».
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15.
Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5.
Тел.: (495)745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 18.04.2008.
Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бум. тип. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 7000 экз. Заказ № 9324.

Отпечатано по технологии СtP
в ОАО «Печатный двор» им. А.М. Горького
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15